

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Расширенная Вселенная

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Чужак в стране чужой

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

•
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

•
Кот, который ходил сквозь стены

•
Двойная звезда. Звездный десант

•
Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1

•
Не убоюсь зла

•
Расширенная Вселенная

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Расширенная Вселенная

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
EXPANDED UNIVERSE
Copyright © 1980 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского А. Волнова, С. В. Голд, И. Гуровой,
А. Дмитриева, Д. Кальницкой, В. Ковалевского и Н. Штуцер,
Г. Корчагина, М. Левина, Ф. Мендельсона,
А. Петрушиной, С. Трофимова

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

© А. Волнов, перевод, 1994
© С. В. Голд, перевод, 2020
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994
© А. Дмитриев, перевод, 1991
© Д. С. Кальницкая, перевод, 2020
© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер
(наследники), перевод, 1994
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2019
© М. Б. Левин, перевод, 1994
© Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 1965
© А. А. Петрушина, перевод, 2020
© С. П. Трофимов, перевод, 1994
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15852-8

Уильяму Таргу

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ВНИМАНИЕ! Трезвый подход к рекламе обязан предупредить читателя, что книга основана на сборнике «Миры Роберта Э. Хайнлайна», опубликованном в 1966 году. Но эта книга примерно в три раза толще, чем та. В ней есть рассказы, которые никогда прежде в книжном виде не публиковались, научно-популярные статьи, которых вы нигде, кроме как здесь, не прочитаете, новые варианты моих прогнозов на будущее (тридцать лет как-никак прошло!), начиная с 1950 года (а также пятнадцатилетнее обновление, опубликованное в «Мирах Р. Э. Х.»), с теми же путанными объяснениями, почему я угадал на этот раз, а также (барабанная дробь!) не один, а целых *два* сценария на 2000-й год: первый — для тех, кто любит хеппи-эндовские, со счастьем, концовки, а другой — для тех, кто, не дрогнув, способен выслушать жутчайшие новости — пока в них рассказывают о людях посторонних и не очень важных для вас.

И уж в этих-то сценариях я себя никак не сдерживал, потому что с вероятностью 99,92% (по формуле, которую недавно вывел) к 2000 году не станет либо меня, либо всей этой так называемой цивилизации. Так что вряд ли придется мне кому-либо объяснять свои промахи и ошибки.

Только не думайте, что не станет меня одного. Мой прапрапрадедушка Лоуренс Хайнлайн умер преждевременно, в возрасте девяноста семи лет. Зимним утром он вышел сдуру из своей хижины без ружья и увидел на льду посередине пруда оленя. То, что не было ружья, не оста-

новило моего прапрапрадеда: ну как же так, чтобы от него сбежал мешок с мясом. Он ступил на лед и завалил оленя, вполне успешно.

Но, одолев оленя, мой предок поскользнулся на льду, упал, и кончик оленьего рога проник между его ребрами и вошел в сердце.

Естественно, этот случай преподавал ему хороший урок — и, безусловно, научил кой-чему и меня. На сегодняшний день я трижды проанализировал свои шансы и продолжаю жить, хотя официальный прогноз требовал от меня другого, гораздо более серьезного решения. Поэтому я предпочитаю быть осторожным и не собираюсь откинуть ноги в расцвете лет, как мой недоумок-предок. Я не стану валить оленей, переходить улицу на красный свет, совать руки в места, облюбованные ядовитыми пауками, и — особенно! — покидать безоружным свое жилище.

Пожалуй, самое приятное в нашей жизни — это знать, что у тебя нет врагов. И самый простой способ познать приятное — их, врагов, пережить. Для этого не нужно что-то предпринимать, время все за нас сделает.

В этом мирном крестовом походе я оказался на удивление успешным; большинство подлецов мертвы... а трое выживших плохи очень. График мой указывает на то, что к концу 1984 года у меня врагов в мире не останется вообще.

Конечно, моим врагом может назначить себя любой (все мои враги — самовыдвиженцы), но я бы удивился, если бы такое маловероятное событие сильно повлияло на график. Похоже, тут замешано какое-то безымянное экстрасенсорное воздействие; статистика показывает, что ненавидеть меня вредно для чьего бы то ни было здоровья.

Сам я не имею к этому никакого отношения. Персонаж может находиться на расстоянии более тысячи миль, а я делаю все возможное, чтобы следовать совету сержанта Догберри¹; тем не менее это происходит: мой герой

¹ *Сержант Догберри* — персонаж пьесы У. Шекспира «Много шума из ничего». В акте 3 сцена 3 он говорит: «А чем меньше с такими людьми связываться, тем лучше для вашего достоинства» (перевод Т. Шепкиной-Куперник). — *Примеч. С. В. Голд.*

начинает терять вес, страдать от бессонницы и ночных кошмаров, головных болей, проблем с желудком и через некоторое время начинает слышать голоса.

Конечные стадии сильно различаются. В любом случае они неприятны, и я не должен говорить о таких вещах, потому как мне поручено написать слова, которые убедят вас купить эту книгу, несмотря на то что она почти на треть совпадает с той, которую вы, возможно, уже читали.

За исключением предисловия, все вещи в этой книге расположены в том порядке, в каком они были написаны, почти каждая с комментарием — почему и по какой причине они были сочинены (деньги, как правило, ну и... ну, в общем, деньги), — и в комментариях я рассказываю о том, что написал или сделал между этой вещью и следующей.

Разница между написанным сорок, примерно, лет. Но это не мои мемуары за прошедшие четыре десятилетия. Писательский бизнес не то занятие, что оставляет за собой забавные воспоминания (да-да, я имею в виду тебя, тебя, тебя и особенно *тебя*). Писатель проводит свое рабочее время в одиночном заключении: не отвечает на телефонные звонки, не принимает посетителей, сидит в окружении скучных справочников и кучи бумаг. Кульминация его рабочего дня наступает, когда он, затаив дыхание, с волнением ждет прихода почтальона (обычно сразу вслед за этим происходит стремительный спад).

Как же рассказать обо всем этом? Ответ: написать о том, что делал этот бумагомарака в тот момент, когда он или *не писал*, или просто выдумывал, или то и другое одновременно. Да, обычно и то и другое одновременно.

Я мог бы оставить неплохие воспоминания о делах, которыми я занимался, когда не был связан с литературой. Но я не стану этого делать, потому что: а) надеюсь, что все это благополучно забудется. И — б): все, что не забыто, подпадает под действие закона о сроках давности.

И еще: я надеюсь, эта моя книга вам придется по сердцу. Выдумка в ней видна явно, правда — вроде бы как

правдива (насколько я мог себе это позволить), а зияющие по тексту пробелы я заполнил разными пустяками, чередующимися между понятиями «назидательность» и «бредовость».

Каждый экземпляр гарантированно (в противном случае вам вернут его стоимость — *удвоенную!*) напечатан на *реальной* бумаге и содержит достаточное количество страниц, чтобы заполнить пробел между обложками.

Р. Э. Х., 1980 г.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало 1939 года я встретил полностью на мели после провальной политической кампании (я пришел вторым, с очень хорошим результатом, но в политике не дают призов за вторые места или за артистизм). Я был высококвалифицированным специалистом по артиллерии, боеприпасам и управлению огнем на военных судах — умения, на которые не было спроса на берегу; бумажка за подписью министра ВМФ сообщала, что в море я бесполезный балласт; «полный пожизненный инвалид» — так они написали. А на руках у меня была неподъемная ипотека.

Примерно в это время в «Thrilling Wonder Stories» запустили рекламу, в которой говорилось что-то вроде того:

**КОНКУРС! ГИГАНТСКИЕ ПРИЗЫ —
писателям-непрофессионалам!!!!!!**

Первое место \$50 — Пятьдесят! Долларов! — \$50!

В 1939 году продуктами на пятьдесят долларов можно было заполнить три универсала¹. Сегодня я могу принести продуктов на пятьдесят долларов из магазина без посторонней помощи, — возможно, я стал сильнее. В общем, я написал рассказ «Линия жизни». Мне на это потребовалось четыре дня — я медленно печатаю на машинке. Но я не стал посылать его в «Thrilling Wonder»; я отправил его в «Astounding», сообразив, что они-то вряд ли завалены рассказами любителей-непрофессионалов. «Astounding» купил рассказ... за 70 долларов. То есть заплатил на 20 долларов больше, чем пресловутый Гранпри, — и, как нетрудно догадаться, с тех пор я больше не искал себе честной работы.

¹ Универсал — легковой автомобиль с кузовом. — *Примеч. С. В. Голд.*

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали — по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его безучастное, слегка надменное лицо было спокойно. Председатель повернулся к докладчику, в его голосе слышались едва сдерживаемые гнев и раздражение.

— Доктор Пинеро, — сказал он, выделив голосом первое слово, — я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о достоинстве, присущем людям науки, и позволить себе прерывать докладчика — независимо от того, насколько... — он сделал паузу и пожевал губами, — насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы счесть откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

— Мне хотелось бы, чтобы программа сегодняшнего заседания завершилась на достойной ноте и в соответствии с регламентом. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же время я вынужден вас попросить воздержаться от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

— Но как же я смогу донести до вас новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? — Пинеро театрально воздел свои пухлые белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

— Джентльмены! Прошу вас! — и обратился к Пинеро: — Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

— Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

— Верно. — Председатель снова пожевал губами. — Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся — все той же раздражающей улыбкой:

— Вот как? Мне следовало бы догадаться... Старина Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не будет покупать у Бидуэлла его прекрасные полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, поэтому Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро демонстративно повернулся к залу спиной. Ропот в зале все нарастал, в нем слышались угрожающие ноты. Председатель тщетно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

— Господин председатель!

Председатель решил не упускать шанса и прокричал:

— Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван Рейнсмитту!

Волнение в зале утихло.

Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид непременного участника заседаний дамских благотворительных обществ.

— Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца

имеет право на последнее слово, перед тем как суд огласит приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае, — он отвесил доктору Пинеро легкий поклон, — если нам неизвестен университет, присвоивший ему ученую степень¹. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно — чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует узнать их. — Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая. — Если манеры досточтимого доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять тот круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и спонсор попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван Рейнсмйтт сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию интеллектуального лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна?..

Когда аплодисменты стихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

— Вы продолжите, доктор Пинеро?

— Зачем?

Председатель пожал плечами:

— Вы для этого и пришли.

¹ На Западе правом присвоить ученую степень обладает любой университет, поэтому одна и та же степень может оказаться почетной, будь она присуждена престижным учебным заведением, и не вызвать ни малейшего уважения, если ее присудил малоизвестный университет.

Пинеро оживился:

— Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно — приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный взглянуть в лицо голым фактам и не покраснеть? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку — примет ли он истину? А вы все — примете? Тем не менее, если я не стану продолжать, вы припишете победу себе. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие человечки, изобличили меня, Пинеро, как мошенника и шарлатана. Это меня не устраивает. Я буду говорить.

Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда черный верблюд преклонит колени у ваших дверей¹. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

Он замолк, скрестив руки на груди. Несколько мгновений в зале царила тишина, потом начал нарастать беспокойный гул.

— Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? — спросил наконец председатель.

— А что еще говорить?

— Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

— Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, друг мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это, — он похлопал себя по груди, — для самого себя.

¹ В исламской традиции черный верблюд соответствует христианскому ангелу смерти, он увозит души умерших. Но в Коране о нем не упоминается, так как он порождение народных верований.

— Но как мы узнаем, что у вас есть что-то, кроме ваших нелепых претензий?

— Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает — прекрасно, вы примете его и объявите об этом всему миру. Если же нет — я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий сутулый человек. Председатель дал ему слово, и тот заявил:

— Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Пинеро ответил, не дожидаясь разрешения председателя:

— Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? У меня есть предложение: позвольте мне обследовать всех присутствующих в этом зале, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти. — Он свирепо оглядел аудиторию. — Вы согласны?

Следующим поднялся толстый мужчина. Он заговорил ровным, размеренным голосом:

— Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Как врач, я с сожалением отмечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдающегося докладчика или нет.

Его тут же поддержал другой оратор:

— Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти шаманские трюки? Я убежден, что субъект, именующий себя *доктором* Пинеро, хочет использовать нас, чтобы

придать вес своим заявлениям. Участвуя в этом фарсе, мы играем ему на руку. Не знаю, что он задумал, но мы ему нужны для рекламы его аферы. И потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту нашей повестки.

Предложение было встречено одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!» — он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

— Варвары! Дегенераты! Бестолочи! Ваша порода мешала признанию всех великих открытий с начала времен! Из-за вашей компании невежд Галилей переворачивается в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, называет себя врачом. «Знахарь» — было бы точнее! А тот лысый коротышка — да-да, вы! — вы называете себя философом и несете чушь о времени и жизни в чистых категориях. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! — Он плюнул на пол. — И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, бальзамирующих идеи своих энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот момент его взяли с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв в заседании.

Газетчики перехватили Пинеро у служебного выхода, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В докторе не было и следа воинственности, которую он демонстрировал минуту назад. Репортеры окружили его:

- Как насчет интервью, док?
- Ваши взгляды на современное образование?
- Ну и всыпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?
- Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

— По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все задымили его сигарами. Пинеро одарил гостей лучезарной улыбкой:

— Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон?

Управившись с напитками, он приступил к делу:

— Итак, ребята, что вас интересует?

— Выкладываете начистоту, док, есть у вас что-то или нет?

— Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

— Вот и расскажите, как оно работает. Та чушь, которую вы втирали профессорам, с нами не пройдет.

— Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я все выложу первому встречному?

— Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

— Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?

— Охотно! Это уже деловой разговор.

Пинеро проводил их в соседнюю комнату и махнул рукой:

— Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно — даже о назначении установок.

— На каком принципе эта штукавина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

— Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это трюизм. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слышали, вероятно, что время — это четвертое измерение. Не важно, верите вы в это или нет. Об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить себе это, попытайтесь ощутить эмоционально. — Он подошел к одному из репортеров. — Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шесть футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. За вами тянется во времени остальная часть пространственно-временного объекта, заканчиваясь примерно в тысяча девятьсот шестнадцатом году. А то, что мы видим сейчас, — поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и размерами соответствующий текущему моменту. На одном конце объекта — младенец, пахнувший кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом конце, возможно где-то в восьмидесятых, — старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы: один его конец во чреве матери, а другой — в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение кажется нам одним обособленным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянувшегося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность вида в целом, ибо одни розовые черви ответвляются от других; в этом смысле вид похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И наблюдая перед собой лишь поперечные сечения лозы, мы пребываем в заблуждении, считая ростки отдельными личностями.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, мрачноватый парень с упрямой физиономией, поинтересовался:

— Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

— Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое. Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике. Вы, возможно, слышали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашими розовыми червяками. Подключая определенным образом свои приборы к находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря — когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно — вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

— Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о виде как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать дату рождения, потому что связь с видом при рождении не прерывается. Ваш электрический проводник проходит через мать и ведет к самым ранним предкам человека.

Пинеро расцвел:

— Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолотатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, правильно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию

жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

— Ну а теперь покажите, как это делается!

— С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

— Ага! — сказал один из репортеров. — Он поймал тебя на слове, Люк. Соглашайся или заткнись.

— Я в игре. Что мне делать?

— Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

— И что теперь?

— Снимите верхнюю одежду и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

— К чему вся эта болтовня?

— Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводника, дорогой мой Люк. А теперь — не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Током вас не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился к аппарату. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он опустил над собой защитный козырек. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро из своего укрытия объявил:

— У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

— Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

— Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

— Проверьте меня, док!

— Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

— И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под козырек, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

— Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажете нам и это?

— Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка:

— Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро щелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольно потирая руки:

— Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

— Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?¹

— Да, как насчет этого? — поддержал Люк. — Каков результат?

Пинеро сморщился, словно от боли:

— Джентльмены, вы меня удивляете! Я не раздаю эту информацию бесплатно. И никогда не сообщаю ее никому, кроме клиента, который у меня консультируется.

— Я не против, док. Давайте скажите им!

— Мне очень жаль, но я действительно должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

¹ Выражение обязано своим происхождением телеграфу; тремя иксами или римской цифрой «тридцать» телеграфисты обозначали окончание сообщения. Газетчики, подхватившие у них эту привычку, стали ставить значок в конце статьи, откуда пошли три разделяющие абзацы звездочки. Позже стало эвфемизмом понятия «смерть».

Люк затоптал окурки:

— Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, знал возраст каждого репортера в городе, чтобы приготовиться к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

— Вы женаты, друг мой?

— Нет.

— Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Или близкие родственники?

— Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

— Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

«УЧЕНОЕ СОБРАНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ СКАНДАЛОМ»

«УЧЕНЫЙ-ЗУБРИЛКА РАЗДАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЯ»

«КОМПОСТЕР СМЕРТИ НА ВАШИХ ТАБЕЛЬНЫХ ЧАСАХ»

«ЖУРНАЛИСТ УМИРАЕТ, КАК ДОКТОР ПРОПИСАЛ»

«„МОШЕННИЧЕСТВО“, — УТВЕРЖДАЕТ УЧЕНЫЙ СОВЕТ»

«...Через двадцать минут после необыкновенного предсказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к офису „Дейли геральд“, где он работал, был сбит с ног упавшей вывеской и скончался.

Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее, но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помощи своего так называемого хроновитаметра. Начальник полиции Рой...»

Вас беспокоит БУДУЩЕЕ???

Не тратьте деньги на гадалок — обращайтесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту. С помощью непогрешимых методов науки он поможет Вам спланировать Ваше будущее.

Никакого мошенничества.

Никаких «посланий духов».

Наши предсказания обеспечены обязательством на \$10 000.

Проспекты высылаются по требованию.

ПЕСКИ ВРЕМЕН, инкорпорейтед.

Мажестик-билдинг, № 700

(на правах рекламы)

Официальное уведомление

Выражаю свое почтение всем, к кому относится ниже следующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской конторы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп», подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на сохранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями.

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро и/или «Пески времен, инкорпорейтед», фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину, в зависимости от того, какое событие произойдет раньше.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инструкциями в Первый независимый национальный банк этого города.

Подписано и заверено:
Джон Кэбот Уинтроп III

Подписано и заверено в моем присутствии
во 2-й день апреля 1951 года.

Альберт М. Свенсон,
нотариус графства и штата.

Мои полномочия действительны до 17 июня 1951 года.

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели! Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Никоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и пока еще никто не потребовал от него залоговую сумму, которую он обещал выплатить любому, кто поймает его на ошибке. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что у него есть личный канал связи с офисом старухи с ко-

сой. Что до меня, то это одна из тех новостей, которые я не хочу узнавать до того, как все произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

— Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к нашим баранам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именует обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оставить риторику и объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничка, и продолжил:

— С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

— Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

— Формально — да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных¹ и финансовых учреждений, а значит, их акционерами и держателями полисов является большинство наших граждан. Кроме того, мы считаем, что защищаем интересы всего населения — неорганизованного, безмолвствующего и не защищенного иным образом.

— Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я, — сухо заметил судья. — Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя вашего

¹ То есть основанных на доверии. К фидуциарным обществам относятся общества взаимного кредита, взаимного страхования, товарищества на доверии и др.

официального клиента. Но продолжайте: каковы ваши доводы?

Пожилой барристер¹ безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

— Ваша честь, мы утверждаем, что существуют две независимые причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин по отдельности было бы достаточно. Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он — обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он гораздо умнее обычной цыганки, предсказывающей судьбу по руке, астролога или медиума и потому более опасен. Он обманывает, ссылаясь на современные научные методы, чтобы придать убедительность своему волхвованию. Мы пригласили в суд ведущих представителей Академии наук, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний.

Во-вторых, даже если притязания этого человека справедливы — допустим ради дискуссии такое абсурдное предположение, — мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке, — мы утверждаем, что его деятельность противозаконна, противоречит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьезный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места:

— Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

— Что именно?

¹ *Барристер* — адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах (уголовном, гражданском, морском и т. д.).

— Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

— Ваша честь, — прервал его Уимс, — это абсолютно противоречит правилам.

— Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. По-моему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.

— Благодарю, ваша честь. Прежде всего, рассмотрев последнее утверждение мистера Уимса, я готов признать, что публиковал те высказывания, о которых он говорил...

— Минуточку, доктор. Вы решили сами выступать в качестве своего адвоката? Вы уверены, что способны защитить свои интересы?

— Я готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья смогут легко доказать лишь то, что я и сам готов признать.

— Отлично. Можете продолжать.

— Я признаю, что многие аннулировали страховые полисы вследствие моей деятельности, но мои оппоненты не смогут доказать, что понесли в результате какие-либо убытки или потерпели ущерб. Я признаю, что «Смешанному страхованию жизни» в результате моей деятельности причинен ущерб, но ведь это естественное следствие моего открытия, которое сделало полисы столь же устаревшими, как лук и стрелы. Если на таком основании можно налагать запрет, то я создам фабрику керосиновых ламп, а потом обращусь в суд с просьбой наложить запрет на деятельность компаний «Эдисон» и «Дженерал электрик» и отказать им в праве производить лампы накаливания.

Я признаю, что занимаюсь предсказанием смертей, но отрицаю, что практикую магию черного, белого или радужного цвета. Если предвидение при помощи точных научных методов является противозаконным, то служащие «Смешанного» занимаются противозаконным бизнесом многие годы, поскольку заранее рассчитывают точный процент тех, кто умрет в течение года из любой дан-

ной большой группы населения. Я предсказываю смерть в розницу, «Смешанное» предрекает ее оптом. Если их действия законны, как могут быть незаконными мои?

Согласен, многое зависит от того, могу ли я в действительности делать то, на что претендую. Так называемые эксперты из Академии наук будут свидетельствовать, что нет. Но они ничего не знают о моем методе и потому не в состоянии дать обоснованное заключение о его сути...

— Минуточку, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией доктора Пинеро и его методами?

Мистер Уимс выглядел обеспокоенным. Побарабанив пальцами по столу, он сказал:

— Позволит ли мне суд несколько минут посоветоваться с клиентами?

— Разумеется.

Мистер Уимс торопливо пошептался со своей командой, потом повернулся к судье:

— У нас есть предложение, ваша честь. Если доктор Пинеро объяснит сейчас теорию и практику своего так называемого метода, эти выдающиеся ученые смогут изложить суду свое мнение о степени обоснованности его претензий.

Судья обратил к Пинеро вопрошающий взгляд.

— Добровольно я на это не пойду, — ответил Пинеро. — Справедлива моя теория или нет, но, попав в руки мошенников и невежд, она может стать опасной. — Он сделал жест в сторону группы профессоров, сидящих в первом ряду, помолчал и зло усмехнулся. — И они сами это прекрасно знают. Кроме того, нет никакой нужды понимать процесс, чтобы убедиться в его результативности. Разве есть нужда постигать сокровенное таинство биологического воспроизводства, чтобы прийти к выводу, что курица несет яйца? Разве я обязан переучивать всю эту компанию людей, самозванно назначивших себя хранителями мудрости, избавлять их от врожденных суеверий, чтобы доказать, что мои предсказания верны? В науке существуют лишь два метода формирования мнения:

эмпирический и схоластический. Человек может либо судить по результатам эксперимента, либо слепо поверить авторитету. Для научно ориентированного ума экспериментальное доказательство является самым главным, теория для него — лишь удобное средство для описания явления. Когда теория перестает соответствовать фактам, ее отправляют на свалку. Для академического ума авторитет абсолютен, и на свалку отправляются факты, если они перестают соответствовать теории, выдвинутой авторитетом.

Именно такова точка зрения академических умов, как устрицы к раковинам, приросших к отжившим теориям, — всегда препятствовать развитию знания. Я готов экспериментально доказать действенность моего метода; как Галилей на суде, я утверждаю: «И все-таки она вертится!»

Однажды я уже предлагал этим самозванным экспертам провести такой эксперимент, но они отказались. Я вновь возвращаюсь к своему предложению: позвольте мне измерить продолжительность жизни членов Академии наук. Пусть они сформируют комитет для рассмотрения результатов. Я запечатаю свои данные в два комплекта конвертов: в одном комплекте на каждом конверте будет написано имя академика, а внутри — дата его смерти. На других конвертах я помещу даты, а внутрь вложу имена. Пусть комитет положит конверты в сейф и затем собирается время от времени, чтобы вскрыть надлежащие конверты. В такой большой группе людей, если верить актуариям¹ «Смешанного», каждые одну-две недели кто-нибудь да умирает. Таким образом они быстро накопят данные, чтобы установить, лжет Пинеро или нет.

Он замолчал и выпятил впалую грудь настолько, что она почти сравнялась с его круглым брюшком. Он свирепо взглянул на вспотевших от волнения ученых мужей:

— Ну так как же?

¹ *Актуарий* — специалист по технике страхования, занимающийся расчетами страховых взносов, премий и т. д.

Судья поднял брови и посмотрел в глаза мистеру Уимсу:

— Вы принимаете?

— Ваша честь, я считаю предложение совершенно неуместным...

Судья оборвал его:

— Предупреждаю, что вынесу постановление не в вашу пользу, если вы не примете этого предложения или сами не предложите столь же разумного способа установления истины.

Уимс открыл было рот, потом передумал, взглянул на свидетелей-академиков и повернулся к судье:

— Мы принимаем, ваша честь.

— Прекрасно. О деталях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, никто не вправе препятствовать доктору Пинеро заниматься своим бизнесом. Решение по иску о постоянном запрете откладывается с последующим возвратом к делу после сбора необходимых данных. Прежде чем покончить с этим делом, я хотел бы прокомментировать теорию, на которой вы, мистер Уимс, косвенно основывали свое заявление об ущербе, причиненном вашему клиенту. В умах определенных общественных групп в этой стране утвердилось представление, что, если человек или корпорация в течение ряда лет каким-либо образом зарабатывают на гражданах, правительство и суды обязаны гарантировать им этот заработок в будущем, даже при изменении обстоятельств и вопреки общественным интересам. Эта странная доктрина не подкрепляется ни юридическими установками, ни законом. Ни человек, ни корпорация не имеют никакого права обращаться в суд с просьбой ради их частной выгоды остановить или повернуть вспять ход истории. Это все.

Бидуэлл недовольно проворчал:

— Уимс, если вы не придумаете ничего лучшего, «Смешанному» придется подыскать себе нового юрисконсульта. Вот уже десять недель, как вы проиграли дело,

этот сморчок гребет деньги лопатой, а все страховые компании в стране на грани краха. Хосткинс, как у нас обстоит с потерями?

— Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Дело с каждым днем идет все хуже. На этой неделе мы выплатили по тринадцати большим полисам; все они были выписаны после того, как Пинеро возобновил свои сеансы.

В разговор включился маленький худощавый человек:

— Я думаю, Бидуэлл, мы в «Объединенном» не должны принимать никаких новых заявок от клиентов, пока не убедимся в том, что они не консультировались у Пинеро. Разве мы не можем подождать, пока эти ученые разоблачат его?

Бидуэлл фыркнул:

— Ты, чертов оптимист! Они не разоблачат его, Олдрич, неужели ты не можешь взглянуть в лицо фактам? У этого маленького пузыря что-то есть, хоть я и не понимаю что. Нам предстоит борьба до конца. Если мы будем ждать, мы обречены. — Он швырнул сигару в пепельницу и свирепо откусил кончик новой. — Убирайтесь отсюда, вы все! Я займусь этим сам. И ты тоже, Олдрич. «Объединенное» может ждать, но «Смешанное» ждать не будет.

Уимс нерешительно прочистил горло:

— Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем предпринять какое-нибудь серьезное изменение в политике?

Бидуэлл хмыкнул. Участники совещания потянулись к двери. Когда все вышли и дверь за ними закрылась, Бидуэлл нажал клавишу селектора:

— Ладно, пошли его ко мне.

Дверь открылась; худощавый юркий человечек на мгновение задержался на пороге. Прежде чем войти, он быстро obeжал кабинет взглядом маленьких темных глаз, потом торопливым мягким шагом подошел к Бидуэллу и обратился к нему бесцветным монотонным голосом. Лицо его оставалось бесстрастным, за исключением подвижных звериных глазок.

- Вы хотели поговорить со мной?
- Да.
- О чем?
- Садись, потолкуем.

Пинеро встретил юную чету у дверей кабинета:

— Входите, дорогие мои, входите. Присаживайтесь, будьте как дома. А теперь скажите мне, что вы хотите услышать от Пинеро? Несомненно, столь молодые люди не должны особенно задумываться о последней переключке?

На открытом лице юноши отразилось легкое замешательство.

— Ну, видите ли, доктор Пинеро, меня зовут Эд Хартли, а это моя жена Бетти. Мы ждем — то есть Бетти ждет — ребенка, и... ну...

Пинеро ласково улыбнулся:

— Понимаю. Вы хотите узнать, как долго будете жить, чтобы возможно лучше обеспечить будущее своего ребенка. Очень разумно. Вы хотите провериться оба или только молодой человек?

— Мы оба хотим, — ответила девушка.

Пинеро улыбнулся ей своей сияющей улыбкой:

— Безусловно. Я с вами согласен. Правда, ваш случай представляет определенные технические сложности, но некоторую информацию я могу дать уже сейчас, а потом, после рождения ребенка, проверю еще раз. А теперь, дорогие мои, пройдите в лабораторию, и мы приступим.

Он позвонил, чтобы принесли амбулаторные карты, потом провел посетителей в лабораторию.

— Сначала миссис Хартли. Пожалуйста, будьте добры, снимите обувь и верхнюю одежду там, за ширмой. И не забывайте, что я старый человек, а вы пришли на консультацию, как к врачу.

Он повернулся к аппарату и слегка подрегулировал его. Эд кивнул жене, та скользнула за ширму и через мгновение появилась вновь, одетая в два шелковых лоскута.

Пинеро взглянул на нее, отметив про себя свежесть и трогательную стыдливость юности.

— Сюда, моя дорогая. Сначала придется вас взвесить. Вот так. Теперь встаньте на стенд. Этот электрод возьмите в рот. Нет, Эд, не надо прикасаться к ней, пока она включена в цепь. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под козырек машины, и ее циферблаты ожили. Почти тут же он появился вновь, лицо его выражало озабоченность.

— Эд, вы прикасались к ней?

— Нет, доктор.

Пинеро снова исчез и на этот раз пропадал там немного дольше. Потом, предложив Бетти сойти с помоста и одеться, повернулся к ее мужу:

— Приготовьтесь, Эд.

— Ну что там у Бетти, доктор?

— Небольшое осложнение. Но сперва я хочу проверить вас.

На этот раз он вынырнул из-под накидки с еще более озабоченным видом. Когда Эд поинтересовался о причине беспокойства, Пинеро, пожав плечами, изобразил улыбку:

— Дело не в вас, мой мальчик. Очевидно, какая-то механическая неисправность. Так что сегодня я не могу вам ничего сказать. Мне нужно внимательно осмотреть аппарат. Не могли бы вы зайти завтра?

— Думаю, смогу. Мне очень жаль, что ваша машина испортилась. Надеюсь, это не очень серьезно.

— Ну конечно, я уверен. Не согласитесь ли вернуться в кабинет и немножко пообщаться со мной?

— Спасибо, доктор, вы очень любезны.

— Но, Эд, ведь я должна встретиться с Элен...

Пинеро призвал на помощь все свое обаяние:

— Может быть, вы подарите мне несколько минут, моя дорогая юная леди? Я уже стар и обожаю общение с молодежью. А бывать в компаниях молодых приходится очень редко... Пожалуйста...

И, подхватив Бетти под руку, он увлек их в кабинет. Потом приказал подать лимонад и печенье, предложил им сигареты, а сам закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд все еще зачарованно внимал рассказу доктора о его юношеских приключениях на Огненной Земле, тогда как Бетти все больше нервничала и откровенно стремилась уйти. Когда доктор сделал паузу, чтобы раскурить потухшую сигару, она встала:

— Доктор, нам действительно пора уходить. Мы сможем дослушать вас завтра.

— Завтра? Но завтра на это не будет времени.

— У вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша уже пять раз звонила.

— Что вам стоит уделить мне еще несколько минут?

— Сегодня никак не могу, доктор. У меня назначена встреча. Меня ждут.

— И вас невозможно переубедить?

— Боюсь, что невозможно. Идем, Эд.

Когда дверь за ними закрылась, доктор встал у окна и стал смотреть на город внизу. Вскоре он увидел две крохотные фигурки, вышедшие из здания, в котором размещалась его контора. Он смотрел, как они поспешно подошли к углу, подождали, пока загорится зеленый сигнал, и начали переходить улицу. Они были уже на половине пути, когда раздался вой сирены. Фигурки нерешительно остановились, подались было назад, снова остановились и обернулись. В следующее мгновение их сбила машина. Когда она наконец остановилась, то, что осталось позади, уже мало походило на человеческие фигуры, напоминая скорее беспорядочную грудку тряпья.

Через минуту доктор отвернулся от окна. Потом он поднял телефонную трубку и сказал секретарше:

— Отмените все приемы до конца дня... Нет... Ни одного... Меня это не волнует, отмените их.

Потом он опустил в кресло. Его сигара погасла. И еще долго после наступления темноты он продолжал сидеть, держа в зубах незажженную сигару.

Пинеро расположился за столом и созерцал сервированный перед ним изысканный обед. Сегодня он выбирал блюда особенно тщательно и специально вернулся домой пораньше, чтобы без спешки насладиться ими.

Чуть позже он позволил нескольким каплям «Альпийской фиалки» оросить язык и тоненькой струйкой скользнуть в горло. От густого ароматного ликера во рту потеплело, и Пинеро вспомнил запах маленького горного цветка, подарившего имя напитку. Он вздохнул. Блюда были самые лучшие, утонченные, и они оправдывали этот экзотический ликер. Его размышления были прерваны шумом у входной двери. Протестующий голос его пожилой служанки прервал мужской. Потом звуки переместились в холл, и двери столовой распахнулись.

— *Madonna! Non si puo entrare!*¹ Хозяин обедает!

— Пустяки, Анджела. У меня найдется время побеседовать с этими джентльменами. Можете идти.

Пинеро повернулся к стоящему впереди человеку с угрюмым лицом:

— У вас ко мне дело, не так ли?

— Не сомневайтесь. Порядочные люди уже по горло сыты вашей чертовой чепухой!

— И что же?

Прежде чем посетитель ответил, из-за его спины вышел маленький, аккуратно одетый субъект.

— Мы можем начать. — Председатель комитета вставил ключ в замочную скважину и открыл ящик. — Венцель, помогите мне вынуть сегодняшние конверты.

Служитель коснулся его руки:

— Доктор Берд, вас к телефону.

— Прекрасно. Принесите аппарат сюда.

Когда телефон был доставлен, председатель поднес трубку к уху:

— Алло... Да. Говорите... Что?.. Нет, мы ничего не слышали... Разрушили машину, вы говорите?.. Мертв!

¹ Пресвятая Дева! Вам сюда нельзя! (*ит.*) — *Примеч. С. В. Голд.*

Как?.. Нет! Нет, никакого заявления. Ничего вообще... Позвоните мне позже...

Он швырнул трубку на аппарат и оттолкнул его от себя.

— Что случилось?

— Кто мертв?

Берд поднял руку:

— Тише, джентльмены, прошу вас! Несколько минут тому назад в своем доме убит Пинеро.

— Убит?

— Но это не все. Одновременно какие-то вандалы ворвались в его контору и уничтожили аппарат.

Повисла тишина. Члены комитета молча переглядывались. Казалось, никто не мог решиться первым нарушить молчание.

Наконец один из них сказал:

— Достаньте его.

— Что?

— Конверт Пинеро. Он тоже там. Я видел.

Берд нашел конверт, медленно вскрыл и, развернув лежавший в конверте листок, пробежал его глазами.

— Ну? Что там?

— Час тринадцать минут пополудни — сегодня.

Они приняли новость в молчании.

Напряженное спокойствие было нарушено одним из членов комитета, сидевшим напротив Берда: он потянулся к ящику. Берд перехватил его руку:

— Что вы хотите сделать?

— Мое предсказание... Оно там... Все мы там.

— Да-да, мы все здесь. Давайте разберем их.

Берд возложил руки на ящик. Не произнося ни слова, он смотрел на человека, сидящего напротив. Берд облизнул губы. Уголок его рта дергался, пальцы дрожали. Но он по-прежнему хранил молчание. Человек напротив обмяк и откинулся на спинку кресла:

— Конечно, вы правы...

— Дайте вон ту корзину для бумаг. — Голос Берда был хриплым, напряженным, но твердым.

Взяв ее, он высыпал мусор прямо на ковер и поставил корзину перед собой на стол. Затем Берд разорвал полдюжины конвертов, поджег их спичкой и уронил в корзину. Потом он принялся методично рвать конверты и пригоршнями бросать обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз потекли слезы. Кто-то встал и распахнул окно. Когда все было кончено, Берд оттолкнул корзину, взглянул туда, где она стояла, и сказал:

— Боюсь, я испортил столешницу.

УСПЕШНАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для любого спичрайтера самое ценное слово по-английски — это короткое, малопривлекательное, односложное англосаксонское слово «нет!!!». Знаете, в чем заключается одна из особенностей отношения публики к профессии писателя? Никому не придет в голову, что таксист будет возить людей бесплатно, на рынке начнут раздавать продукты, а продавец фуфла станет выдавать это свое фуфло задаром, и при этом все, ничуть не смутившись, могут запросто просить у профи-писателя результаты его труда в подарок.

Такая наглость особенно характерна для любителей научной фантастики, в острой форме она встречается среди организованных фэнов, но в самой своей наихудшей форме распространена среди тех, кто выпускает фэнзины.

Следующая история появилась на свет вскоре после того, как я продал свой первый рассказ, — и возникла в результате того, что я еще не научился говорить «нет!».

Все, кто считает, что протокол неважен,
никогда не имели дела с кошками¹.

Л. Лонг

— Как ты смеешь такое предлагать!

Главный придворный врач упорно стоял на своем.

— Я бы не осмелился, сир, если бы вашей жизни не грозила опасность. Кроме доктора Ланса, в отечестве нет

¹ Афоризм не входит ни в одну из книг о Лазарусе Лонге, герое многих сочинений Р. Хайнлайна. — *Примеч. С. В. Голд.*

другого хирурга, который мог бы сделать пересадку гипофиза.

— А я говорю, оперировать будешь ты!

Медик покачал головой:

— Тогда вы умрете, вождь. Моего искусства недостаточно.

Вождь стремительно закружил по комнате. Казалось, он вот-вот даст выход одному из тех истерических взрывов гнева, которых так боялись даже его приближенные. И вдруг он сдался.

— Приведите его сюда! — приказал он.

Доктор Ланс предстал перед вождем с присущим ему достоинством — достоинством и выдержкой, которую не смогли поколебать три года, проведенные «под защитой государства». Бледность и истощение выдавали в нем узника концентрационного лагеря; впрочем, люди его расы уже привыкли к притеснениям.

— Я понял, — произнес он. — Да, я понял... Я могу сделать эту операцию. Каковы условия оплаты?

— Условия оплаты? — Вождь был потрясен. — Ты еще смеешь говорить об условиях, грязная свинья? Тебе дается возможность хотя бы частично искупить грехи своей расы!

Хирург поднял брови:

— Думаете, я не понимаю, что, будь у вас другой вариант, вы бы никогда не послали за мной? Но вам понадобилась именно моя помощь.

— Делай то, что тебе говорят! Тебе и таким, как ты, повезло, что вы вообще живы.

— Все равно работать бесплатно я не буду.

— А я сказал — тебе еще повезло, что ты жив... — В голосе прозвучала неприкрытая угроза.

Ланс молча развел руки в стороны.

— К тому же мне говорили, что у тебя есть семья...

Хирург облизнул пересохшие губы. Его Эмма... они могут сделать с ней что угодно... И маленькая Роза... Нет, он должен быть мужественным — таким, каким хотела

бы его видеть Эмма. И он будет играть по самым высоким ставкам... ради них, и только ради них.

— Мертвым им не будет хуже, чем теперь, — твердо ответил он.

Прошло немало времени, прежде чем вождь убедился, что Ланса ему не сломить. Не стоило даже пытаться — хирург впитал мужество вместе с молоком матери.

— Какова твоя цена?

— Разрешение на выезд для меня и моей семьи.

— Скатертью дорога!

— Компенсация за имущество...

— Да подавись ты!

— ...выплаченная золотом до операции!

Вождь по привычке хотел возразить, но сдержался. Этот наглый кретин может думать все что угодно! Вразумить его можно будет и после операции.

— А теперь последнее... операция будет проводиться в больнице за рубежом.

— Но это нелепо!

— Я настаиваю!

— Так ты не доверишь мне?

Ланс, не отвечая, смотрел ему прямо в глаза. Вождь ударил доктора — ударил сильно, по губам. Хирург даже не шевельнулся, чтобы избежать удара; он принял его, не дрогнув лицом...

— И вы действительно согласились на это, Сэмюел?

Молодой человек без страха взглянул на доктора Ланса и ответил:

— Да, согласился.

— Я не могу гарантировать, что вы оправитесь после операции. Гипофиз вождя поврежден, и ваше молодое тело может не справиться... Вы должны учесть такую возможность.

— Я все понимаю... но тогда я выйду из концлагеря!

— Да. Все верно. Если вы выживете, вас освободят. Я сам буду заботиться о вас, пока вы не будете готовы к путешествию.

Сэмюел улыбнулся:

— Да это же просто удовольствие — болеть в стране, где нет концлагерей!

— Тогда все в порядке. Давайте начинать.

Они вернулись к группе людей, которые нетерпеливо, но молча ждали их в другом конце помещения. Те мрачно отсчитывали сумму, на которую претендовал прославленный хирург, — все, до последней монетки. Вождь, пока это продолжалось, решил, что людям его веры не нужны деньги. Ланс сложил половину золотых монет в широкий пояс и обмотал им талию. Вторую половину спрятала у себя на дородном теле его супруга.

Через час и двадцать минут Ланс положил на стол последний инструмент, кивнул хирургам-ассистентам и стянул операционные перчатки. Бросив последний взгляд на двух пациентов, он покинул помещение. Скрытые бинтами, оба под стерильными покрывалами, они были неотличимы друг от друга, и неосведомленный человек ни за что бы не разобрал, кто из них диктатор, а кто заключенный. Хотя, если вдуматься, благодаря обмену крошечных желез в жертве сейчас была частица диктатора, а в диктаторе — частица жертвы.

Доктор Ланс вернулся в больницу в тот же день к вечеру, после того как устроил жену и дочь в отеле первого класса. Это было, наверное, лишним, учитывая неопределенность его перспектив в качестве беженца, но они так давно уже не жили по-человечески *там* — доктор в мыслях не называл свою страну «родиной», — что это было вполне оправданно.

В приемной он спросил о втором своем пациенте.

— Его здесь нет, — с недоумением ответил дежурный.

— Нет?

— Конечно нет. Парня увезли домой вместе с его превосходительством — обратно в вашу страну.

Ланс ничего не сказал. Сэмюела нагло надули, но помочь бедняге доктор ничем не мог. Он возблагодарил сво-

его бога за то, что перед операцией предусмотрительно оградил себя и семью от вероломства диктатора. Хирург простился с дежурным и ушел.

К вождю возвращалось сознание. В уме все путалось, но он уже вспоминал события, которые предшествовали усыплению. Операция! Значит, она уже прошла! И он жив! Вождь никогда бы не признался в том, как страшил его исход операции. Но он выжил... он жив!

Он начал нащупывать шнурок колокольчика. Не найдя его, он заставил себя открыть глаза и осмотреться. Что происходит, черт бы их побрал! Как они посмели поместить своего вождя в такую конуру? Он с отвращением разглядывал грязно-белый потолок и голый деревянный пол. А кровать! Да это же просто раскладушка!

Он крикнул. Кто-то вошел — человек в форме рядового из корпуса его личной охраны. Прежде чем отправить солдата под арест, он начал обстоятельно прочищать ему мозги. Но вождя внезапно прервали:

— А ну заткнись, мерзкая свинья!

Вождь онемел от изумления. Потом завизжал как резаный:

— Встань смирно, когда обращаешься к своему вождю! Отдать честь!

Солдат сначала удивился, потом заржал:

— Может, так? — Он шагнул к раскладушке, встал по стойке смирно и вытянул правую руку в воинском приветствии. В руке была резиновая дубинка. — Хайль, мой вождь! — проревел солдат и резко опустил руку вниз. Удар дубинкой пришелся вождю по скуле.

Привлеченный шумом, в комнате появился второй солдат. Первый все еще смеялся над своей шуткой.

— Что за дела, Джон? Знаешь, я бы не стал обходиться так грубо с этой обезьяной: он все еще значится в больничном списке.

Солдат равнодушно осмотрел окровавленное лицо вождя.

— С ним? Ты что? Не в курсе? — Он что-то прошептал товарищу на ухо.

Второй оскалился в ухмылке:

— Ах вот оно что! Значит, они не хотят, чтобы он поправился? Жаль, я не знал, а то бы уже с утра с ним позабавился... Давай позовем Толстяка, — предложил второй. — Он такой выдумщик по части забав!

— Хорошая идея. — Солдат подошел к двери и крикнул: — Эй, Толстяк!

Вождя они трогать не стали, оставили это дело Толстяку.

ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Линия жизни», «Неудачник», «„Да будет свет!“», «Ино-здесь», «Крысолов», «„Если это будет продолжаться...“», «Реквием», «Дороги должны катиться», «Ковентри», «Взрыв всегда возможен» — одиннадцать месяцев, с середины марта 1939 года до середины февраля 1940 года, я писал каждый день... и это положило конец моей кабале: «Взрыв всегда возможен» погасил остатки этой кошмарной ипотеки — на восемь лет раньше срока.

«Взрыв» — первая из моих историй, опубликованных в твердом переплете, в антологии Гроффа Конклинса «Лучшая научная фантастика», 1946 год. Тем временем случилась Вторая мировая война, Хиросима, «Доклад Смита» — так что я тщательно вычитал свою рукопись 1940 года, исправив некоторые цифры, о которых поначалу я только догадывался.

На этой неделе я сравнил две версии, 1940 и 1946 годов, слово за словом — между ними нет никакой разницы... зато теперь, после тридцати трех лет экстремального развития этой сферы, я нахожу в версии 46-го года больше ошибок, чем я заметил в версии 40-го года, когда проверял ее в 46-м.

Я не намерен вновь переписывать эту историю, чтобы она соответствовала новым данным. Такое обновление не спасет плохой рассказ, и оно совершенно не нужно для хорошего. Все НФ-рассказы Г. Дж. Уэллса безнадежно устарели... и они остаются самыми лучшими, самыми захватывающими фантастическими рассказами, какие только можно найти в литературе. В моей повести «За этим горизонтом» (1941) утверждается,

¹ По-английски в названии «Blowups happen» скрывается игра слов: «blowup» означает не только «взрыв», но и «психологический срыв». — *Примеч. С. В. Голд.*

что у homo sapiens имеется сорок восемь хромосом — «факт», который «все знали» в 1941 году. Теперь «все знают», что «правильное» число — сорок шесть. Я не стану этого менять.

Последующая версия «Взрыв всегда возможен» в точности, слово в слово, соответствует тому варианту, что был написан в феврале 1940 года.

— Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом, который был частью тяжелой свинцовой брони, скрывавшей его тело, но в голосе явно слышалось нервное раздражение.

— Какого черта, док? — Гаечный ключ он по-прежнему сжимал в руке.

Они смотрели друг на друга, как два фехтовальщика в масках, ожидающих, когда противник откроется. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

— Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из-за щита, который отделял пультовую от урановой бомбы к ним приблизилась третья бронированная фигура:

— В чем дело, док?

— Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначается вы.

— Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, и он никак не прокомментировал ситуацию. Инженер-атомщик, которого подменил Эриксон, перевел взгляд с одного на другого, затем аккуратно положил гаечный ключ на место:

— Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери, его свинцовые башмаки громыхали по плиткам пола.

Доктору Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Возможно, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире — атомным реактором. Но если он и ошибся, то ошибка — в нужную сторону, ибо в этом деле промахи *не должны быть возможны*, потому что любой промах может привести к атомному взрыву двух с половиной тонн урана.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в сорок миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества, о двухстах миллионах авиационных бомб, самых больших из когда-либо использовавшихся. Но это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв такой бомбы — его пригласили для психологического тестирования армейских пилотов. Бомба оставила после себя воронку таких размеров, что в ней можно было спрятать многоквартирный жилой дом. Но он не мог себе представить взрыва тысячи таких бомб, а тем более сотни миллионов — его мозг пасовал.

Вероятно, инженеры-атомщики способны это вообразить. Возможно, с их выдающимися математическими способностями и более ясным пониманием процессов, происходящих в камере деления — бомбе, — они видят как наяву тот непостижимый ужас, что спрятался за щитом. И если это так, нет ничего удивительного в том, что они постоянно срываются...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя, который он настраивал:

— Что случилось, док?

— Ничего. Мне жаль, что пришлось устранить Харпера.

Силард чувствовал на себе пронизательный взгляд невозмутимого скандинава.

— А вы, часом, сами не того, док? Иногда мозгоправы вроде вас тоже срываются...

— Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

— Я тоже, — сумрачно ответил Эриксон и вернулся к своей работе.

Жерло ускорителя пряталось за щитом, скрывающим бомбу, там из него извергался поток разогнанных до немыслимых скоростей субатомных «пуль» и падал на бериллиевую мишень, расположенную внутри снаряда. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий — в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы — как правило, нестабильные изотопы — в результате радиоактивного деления распадались на десятки других элементов, порождая прогрессирующую цепную реакцию.

Но эти вторичные цепные реакции были не столь важны, а вот первичное деление, когда раскалывались атомы урана, высвобождая связывавшую их энергию, чудовищную и невообразимую, двести миллионов электронвольт, — оно было самым важным — и самым опасным.

Когда изотоп урана-235 распадался под воздействием бомбардировки нейтронами из внешнего источника, само его расщепление выделяло новые нейтроны, которые в свою очередь попадали в другие ядра атомов урана и вызывали их расщепление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуправляемое мгновение, за долю микросекунды, перерасти в атомный взрыв, перед которым извержение Кракатау показалось бы детской хло-

пушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил бы все известное человечеству, что представить его было невозможно, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя осознать.

Но для работы атомной станции необходима была самоподдерживающаяся цепная реакция деления *почти на грани атомного взрыва*. Чтобы расщепить первое урановое ядро, бомбардируя его нейтронами из бериллиевой мишени, требовалось энергии больше, чем высвобождала смерть атома при первичном делении. Для того чтобы выходная мощность системы превышала потребляемую мощность в полезной пропорции, необходимо было, чтобы каждый атом, расщепленный нейтроном из бериллиевой мишени, в свою очередь вызывал расщепление еще нескольких.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно имела тенденцию к затуханию. Она не должна усиливаться, иначе вся масса урана взорвется — за столь малый промежуток времени, что его невозможно измерить никаким способом.

Да и некому будет измерять.

Дежурные инженеры-атомщики, работавшие с бомбой, контролировали эту реакцию с помощью «триггеров» — слово, под которым подразумевались линейный резонансный ускоритель, бериллиевая мишень, контрольные приборы, распределительные щиты и источники питания. Иначе говоря, инженеры могли варьировать интенсивность бомбардировки бериллиевой мишени, чтобы увеличить или уменьшить выходную мощность установки. Приборы показывали, что внутренняя реакция затухает — или, точнее, что *затухала* мгновение назад. Люди не могли знать, что на самом деле происходит внутри бомбы *сейчас*, потому что скорость элементарных частиц слишком велика, а временные интервалы слишком малы. Инженеры походили на птиц, летающих хвостами вперед: они видели, откуда прилетели, но не ведали, куда летят.

И тем не менее инженер, и только он один, должен был обеспечивать высокую производительность бомбы и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не достигла критического уровня и не переросла в массовый взрыв.

Эта задача была за гранью возможного. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог использовать в работе все навыки и знания, полученные благодаря самому современному техническому образованию, он мог снизить риск до теоретического минимума, но слепые законы вероятности, которые, по видимому, господствуют на субатомном уровне реальности, могли в любой момент вытащить из рукава туза и свести на нет всю его игру.

И каждый инженер-атомщик это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни других людей — возможно, жизни всех на этой планете. Никто не знал, какие последствия будут у такого взрыва. Наиболее консервативно настроенные ученые считали, что взрыв реактора не только уничтожит станцию со всем ее персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный участок родтауна Лос-Анджелес—Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, благодаря которой было выдано разрешение на строительство станции, основывалась на математических выкладках, доказывавших, что в начале реакции масса урана сама дезинтегрируется на молекулярном уровне, — таким образом процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет ее к взрыву.

Однако инженеры-атомщики в большинстве своем официальной теории не признавали. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как те того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не были подтверждены экспериментом.

Но, даже придерживаясь официальной версии, каждый атомщик, заступая на дежурство, взваливал на себя ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни множества других людей, — сколько их было на самом деле, лучше не думать. Ни один пилот, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь других людей, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомщики должны были обладать не только интеллектом и технической подготовкой, но также иметь соответствующий характер и чувство социальной ответственности. Для этой работы отбирались люди чуткие, которые могли до конца осознать важность доверенного им дела, — другие здесь негодились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для того, чтобы такие чуткие люди могли нести его неопределенно долгое время.

Они вынуждены были работать в состоянии перманентной психологической неустойчивости. Их профессиональным заболеванием было безумие.

Доктор Каммингс наконец появился, застегивая на ходу пряжки защитной брони, непроницаемой для радиации.

— Что случилось? — спросил он Силарда.

— Пришлось отстранить Харпера.

— Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт и так на меня зыркнул...

— Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс хмыкнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в броне, спросил:

— Кого мне сегодня опекать?

— Эриксона.

— Ну что ж, неплохо. Квадратные головы не сходят с ума, а, Гас?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело» — и снова погрузился в свои вычисления.

— Похоже, психологи не пользуются здесь особой популярностью? — проговорил Каммингс, снова обращаясь к Силарду. — Ну ладно. Смена принята, сэр.

— Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор, ведущий вдоль резервуаров с водой, которые окружали реакторный зал. Оказавшись за пределами этого внешнего щита в раздевалке, он снял свои громоздкие доспехи, бросил их в нишу и поспешил к лифту. Кабина лифта остановилась глубоко внизу — на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, закрыл герметическую дверцу, пристегнулся и откинулся на сиденье, приготовившись к ускорению.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета начальника станции, в двадцати милях от реактора.

Собственно, промышленный реактор был выстроен в котловине, среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором, — административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное — располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «Х»¹ когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай диссоциативной фуги, но бедняга ничего не мог с собой поделать — он был слишком

¹ В оригинале на немецком и, вопреки правописанию, с маленькой буквы: «*der tag*». — *Примеч. С. В. Голд.*

озабочен своим состоянием, чтобы оставаться на дежурстве. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был переквалифицирован для административной службы.

Штейнке проводил Силарда в личный кабинет начальника станции. Харпер был уже там и ответил на его приветствие с ледяной вежливостью. Начальник станции, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение истощало его силы.

— Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

— А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

— Значит?

— Он, может быть, вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

— Совершенно верно.

Начальник станции бросил обеспокоенный взгляд на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

— Может быть, вы все-таки объясните, что произошло?

Силард тяжело вздохнул:

— Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя реакторного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, — это противоречило его прежней модели поведения.

Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный исключительно для клапанов водяных щитов,

и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из реакторного зала.

— Шеф! — воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: — Если бы этот знахарь мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился, чтобы проверить показания приборов!

Начальник станции вопросительно посмотрел на Силарда.

— Возможно, это правда, — упрямо произнес психолог. — Будем считать, что это чистая правда, но это не отменяет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки непредсказуемы, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Начальник станции Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

— Кэл, ты славный парень, и, поверь мне, я знаю, каково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно — тебе придется пройти все психометрические тесты и подчиниться решению врачей, каким бы оно ни было.

Он выжидательно замолчал, но Харпер хранил бесстрастное молчание.

— Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск на пару дней? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти тесты или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрительно кивнул. Но Харпера это предложение нисколько не смягчило.

— Нет, шеф! — отрезал он. — Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слежке! Кто-то все время стоит у тебя за спиной и ждет, когда ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь мозго-

прав, сам наполовину съехавший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого от нас хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но смирение ему не очень-то шло.

— Ну и распрекрасно! Можете не вызывать санитаров, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, не смотря ни на что. И я рад, что работал у вас, — прибавил он. — Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом — боль пряталась только в глазах.

— Подожди, Кэл, — сказал он. — Мы еще не кончили. Забудь об отпуске. Я перевожу тебя в лабораторию изотопов. Как-никак ты исследователь, и никто тебя от этой работы не освобождал. Если я поставил тебя на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов.

Что касается психологического контроля, — продолжал он, — то мне он так же неприятен, как и тебе. Ты, наверное, не слышал, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за вами, дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

— Однако такой контроль необходим... Помнишь Мэннинга? Хотя нет, он был здесь до тебя. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Мэннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало.

Я с радостью доверил ему нашу бомбу, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в реакторном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Мне стоило бы догадаться, что это очень скверный признак, но я не догадывался, и здесь не было психолога, чтобы мне подсказать.

А однажды ночью технику пришлось его вырубить. Он застал его в тот момент, когда Мэннинг демонтировал блокираторы на главном рубильнике. Бедняга Мэннинг

так от этого и не оправился — у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того, как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе: в каждой смене два квалифицированных инженера и один психолог-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

— Может быть, оно и так, шеф, — задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным. — Но тем не менее это черт знает что такое.

— И это еще мягко сказано. — Кинг встал и протянул Харперу руку. — Кэл, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно: я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психологу:

— Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

— Не знаю, — признался Силард, потирая щеку. — Черт возьми, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Наши психологи, кстати, тоже не очень-то хорошо себя чувствуют. Мы тоже нервничаем рядом с Большой бомбой... даже хуже — потому что ничего в этом не понимаем. И нас напрягает, что инженеры нас ненавидят и презирают. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

— Но ведь должен быть *какой-то* выход! — сказал он твердо.

Силард покачал головой:

— Это выше моих сил, начальник. Как психолог я не вижу выхода.

— Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый лучший?

— То есть?

— Ну, кто в вашей области является специалистом номер один?

— Трудно сказать. Естественно, никакого лучшего в мире психолога не существует — мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психолог-универсал, разбирающийся в редких нетравматических и ситуативных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

— Продолжайте.

— Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Это тот человек, который связал теорию оптимального тонуса с техникой релаксации, которую Коржибский разработал эмпирическим путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Коржибского, и это единственное, чем он по-настоящему гордится.

— В самом деле? Но ведь тогда он, должно быть, уже староват — Коржибский умер... Кстати, когда он умер?

— Я хочу сказать, что вы должны знать его работы в области символики — теория абстракций, исчисление высказываний и тому подобного — благодаря их применению в инженерной и математической физике.

— Ах, *этот* Ленц — да, конечно, я о нем слышал. Но я никогда не думал, что он психолог.

— Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения пандемических неврозов, свирепствовавших в Безумные годы¹, а он тогда сделал больше, чем многие, больше, чем любой человек, переживший это время.

— Где он теперь?

— Наверное, в Чикаго, в институте.

— Доставьте его сюда.

— То есть как это?

¹ См. диаграмму «История будущего»: 1940—1970 гг. в книге Р. Э. Хайнлайна «Зеленые холмы Земли. История будущего. Кн. 1» (СПб., 2019). — Примеч. С. В. Голд.

— Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажете Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустил в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри приятную теплоту, наполнявшую его лишь тогда, когда он принимал решение и начинал действовать. На его лице больше не было выражения усталости.

Зато Силард был в смятении.

— Но послушайте, шеф, — попробовал он возразить. — Доктора Ленца нельзя просто вызвать, как младшего клерка. Ведь это... Это же... это *Ленц*.

— Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. Он прилетит. Если понадобится нажать на него, подключите Вашингтон. Пусть ему позвонят из Белого дома. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело! — И Кинг вышел из офиса.

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он не стал ужинать на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадайз.

Парадайз, штат Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом — избавляли персонал станции от непомерных зарплат. В этом достойном занятии с ними охотно сотрудничали и сами работники станции, потому что в каждую получку им выдавали вдвое, а то и в десять раз больше, чем они когда-либо получали в других местах, и при этом никто из них не был уверен, что проживет достаточно долго, чтобы стоило откладывать деньги на старость. К тому же компания создала в Манхэтгенском банке пенсионный фонд для своих иждивенцев — так что можно было не скупиться.

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадайзе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадайз «самым большим маленьким городом в мире». На что фанаты Рено отвечали, что в городе, расположенном так близко к реактору, больше пахнет могильным холодом и загробной жизнью, чем райскими кущами, а потому более подходящим названием ему будут Адские Врата, а не Парадайз — райские.

Эриксон, не теряя времени, начал обход значных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадайза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы коллеги, что найдет его во втором или третьем по счету.

Он не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лэнси «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лэнси был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а его официантки были полностью одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца и спросил:

— А ну, сколько?

— Три, — отозвался Харпер. — Садись, Гас.

— Правильно, — одобрил Эриксон, уместя свое длинное тело в низком кресле. — Ты в порядке... пока. Что стряслось?

— Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Думаю, Лэнс начал его разводить. Я спекся. Полностью и окончательно.

— Нет, Лэнс этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уползешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдать? Мне казалось, ты решил наконец высказаться и разделить их под орех.

— Я так и сделал, — проворчал Харпер, — но, черт возьми, Гас, шеф прав! Если специалист по мозгам говорит, что ты рехнулся, он *должен* его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

— Да, может быть, шеф и прав, но наши дорогие психологи от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай поймаем одного и проверим, чувствуют ли они боль. Я буду держать, а ты — вышибать ему мозги...

— Брось, Гас! Выпей лучше.

— Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини — скоро ужин.

— Я тоже возьму мартини.

— Вот и хорошо. — Эриксон поднял свою белокурую голову и взревел: — Израфель!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю:

— Миста'Эриксон? Слушаю, са'ар.

— Иззи, два мартини. Мне — с итальянским вермутом. — Он повернулся к Харперу. — А что ты будешь делать теперь?

— Лаборатория изотопов.

— Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть парочка идей.

Харпер посмотрел на него слегка удивленно:

— Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, сынок, ионосфера — это наш потолок, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, можно смонтировать бомбу на корабле и придумать какую-нибудь штуковину, чтобы преобразовывать ее излучение в механический импульс. Но что это даст? Одна бомба, один корабль — и двадцать лет горной выработки в Литл-Америке¹, чтобы собрать достаточно смолы для одной бомбы. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

¹ *Литл-Америка*. — По-видимому, имеется в виду район в Антарктиде, где находится база США. Или безлюдный район в Вайоминге. Или одноименное поселение в Иллинойсе. В любом случае Хайнлайн не стал бы называть реальные места добычи урановой смолки.

Эриксон не сдавался:

— Думаю, ты не учел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли — любой рейсовый стратоплан «Антиподов» можно было бы отправить на Луну... *если бы* у них было подходящее горючее. Но его нет.

А почему его нет? Потому что мы подвели ракетчиков, вот почему. Потому что они до сих пор зависят от молекулярной энергии, энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Это не их вина — старина Д. Д. Гарриман поручил «Рокетс консолидейтед» выкупить первый лот акций «Антарктик пичбленд» и сам лично взял большую долю, ожидая, что мы произведем что-то пригодное для использования в качестве концентрированного ракетного топлива. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

— Ты не совсем прав, — возразил Харпер. — Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиацию и атомный распад. Но первая — слишком медленна: энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в ракетном корабле. А вторым типом энергии мы можем манипулировать только в больших массах урана. Так что выхода нет.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке:

— Прошу вас, все готово!

— Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? — спросил Харпер.

— Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три

раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израфель. Он бросал кости картинным жестом, с поворотом запястья. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

— Иззи, а это те же самые кости? — спросил он.

— Мистер Харпер! — Лицо негра приняло обиженное выражение.

— Ну ладно, забудь, — вздохнул Харпер. — Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что ты хотел сказать, Гас?

— Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз нечто весьма соблазнительное в вечернем платье, которое словно стекало с пышной фигуры. Девушка была молода, лет девятнадцать-двадцать, не больше. Мягко перелившись в кресло, она промурлыкала:

— Скучаете, мальчики?

— Спасибо за внимание, но мы не скушаем, — терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: — Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло:

— Этот? Он бесполезен. Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем ни словечком не перемолвился. Если хотите знать, он уже тронулся.

— В самом деле? — равнодушно проговорил Эриксон, доставая пятидолларовую бумажку. — Вот, купи себе выпивку. Может быть, мы позовем тебя позднее.

— Спасибо, мальчики! — Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. — Просто спросите Эдит.

— Ханнинган и в самом деле плох, — согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. — И последнее время

он жутко нелюдим. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

— Не беспокойся, — ответил Эриксон. — Здесь уже есть соглядатай. Видишь?

Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Тот сидел в дальнем углу бара и, чтобы не бросаться в глаза, вертел в руках высокий бокал. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером с Эриксоном.

— Да, ты прав, — пробормотал Харпер. — И он следит за нами тоже. О дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

— Пойдем отсюда, — предложил он. — Закусим где-нибудь в другом месте.

— Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лэнси.

— Вы уходите так рано, джентльмены? — спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему останется только закрыть бар. — Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить. — Он широко улыбнулся.

— Нет, Лэнс, сегодня никаких морепродуктов! — объяснил ему Харпер. — Скажите мне лучше другое: какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что бомба рано или поздно отправит вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови:

— Бояться бомбы? Да ведь она мой лучший друг!

— Делает вам деньги, не так ли?

— О, об этом я даже не думаю. — Де Лэнси доверительно наклонился к ним. — Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро заработать немного денег для семьи, пока рак желудка не прикончит меня. Но у врачей появились новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой бомбе, они излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь бомбы, мы с ней хорошие друзья.

— А что, если она взорвется?

— Господь Бог призовет меня, когда я ему понадобится, — ответил он и быстро перекрестился.

Выйдя из бара, Эриксон тихо сказал Харперу:

— Ты слышал? Вот тебе и ответ. Если бы все инженеры могли бы так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

— Не думаю, — проворчал он. — Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность несколько разочаровала начальника станции: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем с черными пронизывающими глазами и в рединготе. Но перед ним предстал невысокий, крепко сложенный, почти толстый мужчина, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие, пороссячьи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже скошенный обезьяний подбородок был гладким и розовым. Одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. И без того немаленький рот Ленца, из которого неизменно торчал длинный мундштук, был постоянно растянут в широкой улыбке, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. Он явно получал удовольствие от своей работы.

Кинг обнаружил, что с ним удивительно легко общаться.

По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса. Начальник станции рассказал о первых атомных электростанциях, созданных после того, как Отто Хан в 1938 году открыл деление атомов урана, что проложило путь к атомной энергии. Но это была еще очень узкая тропинка: для того чтобы сделать процесс деления контролируемым и самоподдерживающимся, для того чтобы коммерчески

использовать его результаты, требовалась огромная масса урана, намного большая, чем имелось в то время во всем цивилизованном мире.

Но пятнадцать лет спустя в древней скале, лежащей в основании Литл-Америки, были открыты огромные отложения урановой смолки. И это препятствие было устранено.

Месторождения были похожи на те, что ранее разрабатывались на арктическом севере Канады, у Большого Медвежьего озера, но они были настолько богаче, что стала очевидной возможность накопить достаточное количество урана для строительства атомной электростанции.

Спрос на коммерчески пригодную дешевую электроэнергию всегда превышал предложение. Даже панели солнечной энергии Дугласа—Мартин, которые использовались для движущихся дорог родтаунов того времени и для множества других промышленных целей, не могли удовлетворить постоянно растущий спрос. Они спасли страну от надвигающегося энергетического кризиса, когда уменьшился приток нефти и угля, но их предельная мощность, равная приблизительно одной лошадиной силе на квадратный ярд освещенной солнцем поверхности, жестко ограничила максимум энергии, которую можно было получить из этого источника, в любой точке на карте, где бы она ни находилась.

Атомная энергия была не просто нужна — она была незаменима.

Но теоретическая атомная физика предсказала, что масса урана, достаточно большая, чтобы поддерживать свой собственный распад, могла поддержать его чересчур хорошо — мгновенно взорваться с такой силой, что, возможно, разрушит все творения рук человека на земном шаре и, предположительно, заодно уничтожит и само человечество. Никто не осмеливался создать бомбу, хотя уран был в наличии.

— Выход из тупика подсказала дестриевская механика бесконечно малых величин, — продолжал Кинг. — Его уравнения доказывали, что, если бы такой атомный

взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из образовавшихся фрагментов тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло.

Для массы, которую мы используем в нашей бомбе, уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Конечно, и этого более чем достаточно для катастрофы: примерно сто сорок тысяч тонн тротила — такой взрыв опустошит половину штата. Однако я совсем не уверен, что дело этим и ограничится.

— Зачем же вы согласились здесь работать? — спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе.

— Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете — *не мог*. Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность у физика выпадает один раз в жизни.

Ленц кивнул:

— И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если это вас убьет. А что касается этого Дестри, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

Кинг удивленно вскинул голову, но вовремя вспомнил, что перед ним человек, который довел до совершенства и дал математическое обоснование операционному исчислению.

— В том-то и беда! — согласился Кинг. — Его работа блистательна, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, — признался он с горечью.

Он рассказал психологу о трудностях работы, с которыми они столкнулись, и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

— Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь щиты. Поэтому мы усилили экраны и индивидуальную защиту, но это не помогло. Один юноша, который явился к нам уже после установки новых экранов, однажды вечером за ужином вдруг сошел с ума: он кричал, что свинная отбивная сейчас взорвется. Я боюсь думать, что было бы, если бы он сорвался во время дежурства!

Система постоянного психологического контроля на много снизила опасность, которая могла возникнуть из-за срыва у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: на самом деле количество невротиков после этого даже увеличилось.

— Вот так обстоят дела, доктор Ленц, — закончил он. — И с каждым днем они идут все хуже. И это начинает выбивать меня из колеи. Напряжение начинает сказываться и на мне: у меня постоянная бессонница и я уже не уверен, что могу полагаться на собственное суждение, — у меня начались проблемы с анализом ситуации и принятием решений. Как вы думаете, вы можете нам чем-то помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

— Не так быстро! — предупредил он. — Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет реальных данных. Мне надо немного осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это реально? Тогда, возможно, через несколько дней мы начнем понимать ситуацию.

Кингу оставалось только согласиться.

— И очень хорошо, что ваши парни не знают, кто я такой. Пусть думают, что я ваш старый друг, физик, приехал по приглашению, хорошо?

— Да, конечно. Я позабочусь, чтобы такой слух прошел. Что же касается... — И тут Кинг вспомнил о том, что беспокоило его с того самого момента, когда Силард назвал имя Ленца. — Могу я задать вам личный вопрос?

Смеющиеся глаза Ленца остались невозмутимы.

— Да, пожалуйста.

— Меня, признаться, удивило, как вы смогли достичь вашего положения в двух таких разных областях, как психология и математика. А теперь, держу пари, вы с легкостью будете изображать здесь физика. У меня это просто в голове не укладывается.

Улыбка Ленца стала чуть шире, но в ней не было ни снисходительности, ни превосходства.

— Это одна и та же область, симвология. У вас узкая специализация, поэтому сей факт мог ускользнуть от вашего внимания.

— Я по-прежнему что-то не улавливаю.

— Нет? Человек живет в мире идей. Любое явление настолько сложно, что он не может постичь его целиком. Он абстрагирует определенные характеристики данного явления в форме идеи, а затем представляет эту идею в форме символа, будь то слово или математический знак. Человеческие реакции — это практически полностью реакции именно на символы и лишь в незначительной степени — реакции на явления. На самом деле, — продолжал он, вынув мундштук изо рта, — можно легко продемонстрировать, что человеческий мозг мыслит исключительно символами.

Когда мы мыслим, мы позволяем одним символам оперировать другими в определенных условиях, заданных правилами логики или математики. Если выбранные символы структурно схожи с явлениями, которые они обозначают, и если операции с этими символами структурно и своей последовательностью схожи с тем, как происходят явления в реальном мире, значит мы мыслим здраво. А если наша логика-математика или наши словесные символы были выбраны плохо, мы мыслим безумно.

В математической физике вы стараетесь, чтобы ваши символы соответствовали физическим явлениям. В психологии я делаю то же самое, за исключением того, что меня больше волнует человек, который мыслит, а не явления, о которых он размышляет. Но это одна и та же область, и всегда ею была.

— Так мы ничего не добьемся, Гас.

Харпер отложил логарифмическую линейку и нахмурился.

— Похоже на то, Кэл, — неохотно согласился Эрикссон. — Но черт возьми, должен же быть какой-то путь к решению этой проблемы! Что нам нужно? Концентрированная и управляемая энергия ракетного горючего. Что мы имеем? Энергию атомного распада в бомбе, в большом количестве. Должен отыскаться способ, как удержать эту энергию и использовать по мере надобности. И ответ надо искать где-то в одной из серий радиоактивных изотопов. *Я уверен!*

Он сердито оглядел лабораторию, словно надеялся увидеть ответ написанным на одной из обшитых свинцовыми листами стен.

— Только не вешай носа! — сказал Харпер. — Ты убедил меня, что ответ должен быть. Давай подумаем, как его найти. Прежде всего — три серии естественных изотопов уже проверены, так?

— Так... Во всяком случае, мы исходили из того, что в этом направлении все уже проверено-перепроверено.

— Прекрасно. Остается предположить, что наши предшественники испробовали все, что зафиксировано в их записях, — иначе ни во что нельзя верить и надо все проверять самим, начиная с Архимеда и до наших дней. Может быть, так оно и следовало бы сделать, но с такой задачей не справился бы даже Мафусаил. Значит, что нам остается?

— Искусственные изотопы.

— Совершенно верно. Давай составим список изотопов, которые уже получены, и тех, которые возможно

получить. Назовем это нашей группой или нашим полем исследования, если ты за точные определения. С каждым элементом этой группы и с каждой из их комбинаций можно произвести определенное количество опытов. Запишем и это.

Эриксон записал, пользуясь непонятными символами операционного исчисления. Харпер одобрительно кивнул:

— Хорошо, теперь расшифруй.

Эриксон несколько минут вглядывался в свои построения, потом спросил:

— Кэл, ты хоть представляешь, сколько величин получится при расшифровке?

— Не очень. Несколько сот, а может быть, и тысяч.

— Бери выше. Речь идет о десятках тысяч, и это без учета еще не созданных изотопов. С таким количеством опытов ты не справишься и за сто лет.

Эриксон угрюмо отбросил карандаш. Харпер посмотрел на него насмешливо, но доброжелательно.

— Гас, — мягко спросил он, — работа тебе тоже осточертела?

— С чего ты взял?

— Ты еще никогда ни от чего так легко не отказывался. Разумеется, мы с тобой никогда не закончим эту работу, но даже в самом худшем случае мы избавим от множества ненужных опытов кого-то другого. Вспомни Эдисона — шестьдесят лет бесконечных опытов по двадцать часов в день, а ведь он так и не нашел того, что искал! Но если он мог это выдержать, я думаю, мы тоже сможем.

Эриксон слегка воспрял духом.

— Наверное, сможем, — согласился он. — Может быть, даже нам удастся придумать какую-то методику, чтобы ставить несколько опытов одновременно.

Харпер хлопнул его по плечу:

— Узнаю старого бойца! А кроме того, нам ведь совсем не обязательно проверять все комбинации, чтобы отыскать подходящее горючее. Насколько я понимаю, на наш вопрос должно быть десять, а может быть, и сто пра-

вильных ответов. И мы можем натолкнуться на любой из них хоть сегодня. Во всяком случае, если ты будешь мне помогать в свободное от работы время, я не выйду из игры, пока не поймаю черта за хвост!

За несколько дней Ленц облазил весь завод и административные службы и успел примелькаться. Все привыкли к нему и охотно отвечали на вопросы. На него смотрели как на безобидного чудака, которого приходится терпеть, потому что он друг начальника станции. Ленц сунул свой нос даже в турбинный зал реактора, производивший энергию на продажу, и выслушал подробнейшие объяснения того, как энергия реактора превращается в электричество посредством ртути, пара и турбогенератора. Одного этого было достаточно, чтобы отвести от него последние подозрения, потому что местные психологи никогда не обращали внимания на прошедших огонь и воду техников отдела преобразования энергии. В этом не было нужды: даже явная психическая неуравновешенность этих людей ничем не угрожала бомбе, да они и не испытывали убийственного гнета социальной ответственности. Здесь шла обычная работа, просто место тут было опасное, но к такому люди привыкли еще в каменном веке.

В свое время Ленц добрался и до лаборатории изотопов Кальвина Харпера. Он позвонил, подождал. Дверь открыл сам Харпер в защитном шлеме с откинутым забралом, — казалось, он напялил на себя какой-то дурацкий колпак.

— В чем дело? — спросил Харпер. — О, это вы, доктор Ленц. Вы хотели меня видеть?

— Собственно, и да и нет, — ответил старик. — Я просто осматривал экспериментальные корпуса, и мне захотелось узнать, что вы здесь делаете. Но может быть, я помешаю?

— Нисколько, заходите. Гас!

Эриксон вышел из-за щита, где он возился с силовыми кабелями лабораторного триггера, — здесь его роль играл модифицированный циклотрон, а не резонансный ускоритель.

— Привет! — сказал он.

— Гас, это доктор Ленц. Познакомьтесь — Гас Эрик-сон.

— Мы уже знакомы, — отозвался Эриксон, стаскивая перчатку, чтобы поздороваться: он раза два выпивал с Ленцем в городе и считал его «милейшим стариком». — Вы попали в антракт, но подождите немного, и мы покажем вам очередной номер. Хотя смотреть, по совести, нечего.

Пока Эриксон готовил опыт, Харпер водил Ленца по лаборатории и объяснял смысл их исследований с такой гордостью, с какой счастливый папаша показывает своих близнецов. Психолог слушал его краем уха, время от времени вставляя подходящие замечания, но главным образом приглядывался к молодому ученому, пытаясь обнаружить признаки неуравновешенности, о которых говорилось в его деле.

— Видите ли, — объяснял Харпер, не замечая пристального интереса Ленца к собственной персоне, — мы испытываем радиоактивные изотопы, чтобы вызвать такой же их распад, как в бомбе, но только в минимальных, почти микроскопических масштабах. Если это нам удастся, можно будет использовать нашу бомбу для производства безопасного удобного атомного горючего для ракет.

Он объяснил последовательность экспериментов.

— Понимаю, — вежливо сказал Ленц. — Какой элемент вы изучаете сейчас?

Харпер объяснил.

— Но дело не в элементе, а в его изотопах, — поправил его Харпер. — Мы уже испытали изотоп-два, и результат отрицательный. По программе следующим идет изотоп-пять. Вот этот.

Харпер взял свинцовую капсулу и продемонстрировал этикетку. Ленц увидел, что она и в самом деле помечена цифрой «пять». Потом ученый быстро прошел за щит, ограждающий мишень циклотрона. Эриксон оставил камеру открытой, и Ленц видел, как Харпер, предварительно опустив забрало шлема, раскрыл капсулу и манипулировал с помощью длинных щипцов. Через минуту он завинтил камеру и опустил заслонку.

— Гас, как там у тебя?! — крикнул он. — Можно начинать?

— Пожалуй, начнем, — проворчал Эриксон.

Он выбрался из хаоса аппаратуры, и они зашли за толстый металлический щит, который заслонял их от устанювки.

— Мне тоже надеть защитный костюм? — спросил Ленц.

— Незачем, — успокоил его Эриксон. — Мы носим эти латы потому, что крутимся возле этих штуковин каждый день. А вы... Просто не высовывайтесь из-за щита, и все будет в порядке. Он из свинца, укрепленного восьмидюймовой панелью из закаленной брони.

Эриксон посмотрел на Харпера — тот утвердительно кивнул и впился взглядом в приборы. Ленц увидел, что Эриксон нажал кнопку в верхней части приборной доски, потом услышал шелканье многочисленных реле там, по ту сторону щита. На мгновение все стихло.

Пол затрясся у него под ногами в судорожных конвульсиях — ощущение было такое, словно вас с невероятной быстротой лупят палками по пяткам. Давление на уши парализовало слуховой нерв, прежде чем он смог воспринять немыслимый звук. Воздушная волна обрушилась на каждый квадратный дюйм его тела как один сокрушающий удар. И когда Ленц пришел наконец в себя, его била неудержимая дрожь — первый раз в жизни он почувствовал, что стареет.

Харпер сидел на полу. Из носа у него текла кровь. Эриксон уже поднялся — у него была порезана щека. Он прикоснулся к ране и с тупым удивлением уставился на свои окровавленные пальцы.

— Вы ранены? — бессмысленно спросил Ленц. — Что случи...

— Гас! — заорал Харпер. — Мы сделали это! Изотоп-пять сработал!

Эриксон посмотрел на него с еще большим удивлением.

— Пять? — недоуменно переспросил он. — При чем здесь пять? Это был изотоп-два. Я заложил его сам.

— Ты *заложил*? Это я заложил образец. И это был изотоп-пять, говорю тебе!

Все еще оглушенные взрывом, они стояли друг против друга, и, судя по выражению их лиц, каждый считал другого упрямым тупицей.

— Постойте, друзья мои, — осторожно вмешался Ленц. — Возможно, вы оба правы. Гас, вы заложили в камеру изотоп-два?

— Ну конечно! Я был недоволен последним прогоном и решил его повторить.

Ленц кивнул.

— Значит, это моя вина, джентльмены, — с сожалением признал Ленц. — Я пришел, отвлек вас, и вы оба зарядили камеру. Во всяком случае, я знаю, что Харпер это сделал, потому что сам видел, как он закладывал изотоп-пять. Прошу меня извинить.

Лицо Харпера осветилось, и он в восторге хлопнул старика по плечу.

— Не извиняйтесь! — воскликнул он, хохоча. — Можете приходить в нашу лабораторию и вот так отвлекать нас сколько угодно! Ты согласен, Гас? Вот мы и нашли ответ. Доктор Ленц подсказал его.

— Но ведь вы не знаете, какой изотоп взорвался, — заметил психолог.

— А, пустяки! — отрезал Харпер. — Может быть, взорвались оба, одновременно. Но теперь мы это *узнаем*. Орешек дал трещину, и теперь мы расколем его!

И он со счастливым видом оглядел разгромленную лабораторию.

Несмотря на беспокойство Кинга, Ленц не спешил высказывать свое мнение о сложившейся ситуации. Поэтому, когда он вдруг сам явился в кабинет начальника станции и заявил, что готов представить свой отчет, Кинг был приятно удивлен и испытал истинное облегчение.

— Ну что ж, я очень рад, — сказал он. — Садитесь, доктор. Хотите сигару? Итак, что вы решили?

Но Ленц предпочел сигаре свои неизменные сигареты. Он явно не спешил.

— Прежде всего, насколько важна продукция вашего реактора? — спросил он.

Кинг мгновенно понял, куда он клонит.

— Если вы думаете о том, чтобы остановить реактор на длительное время, то из этого ничего не выйдет.

— Почему? Если полученные мной сведения верны, вы вырабатываете не более тринадцати процентов всей энергии, потребляемой страной.

— Да, правильно, но вы, наверное, не учли, что это значит в общем энергетическом балансе. В основном он складывается из бытовой энергии, которую домовладельцы получают от солнечных панелей, установленных на их крышах. Второй основной кусок — мощности, потребляемые движущимися дорогами, — это тоже солнечная энергия. А наша энергия, которую мы вырабатываем прямо или косвенно, предназначена для самых важных отраслей тяжелой индустрии: стальной, химической, станкостроительной, машиностроительной, обрабатывающей. Лишить их тока — все равно что вырезать у человека сердце.

— Но ведь пищевая промышленность от вас, по существу, не зависит! — настаивал Ленц.

— Нет. Сельское хозяйство в основном не энергоемкое производство... Хотя мы поставляем определенный процент энергии обрабатывающим предприятиям. Я вас понимаю и готов признать, что производство, а также транспорт, то есть распределение пищевых продуктов, могут обойтись без нас. Но подумайте, доктор, что будет, если мы лишим страну атомной энергии. Всеобщая паника, какой мы еще не видели! Ведь это же краеугольный камень всей нашей индустрии!

— В нашей стране и раньше бывали всеобщие паники, но мы справились даже с нефтяным кризисом, когда нефть начала иссякать.

— Да, справились, потому что на смену нефти пришла солнечная и атомная энергии. Вы не представляете, что это будет, доктор. Это почище войны. В нашей системе все взаимосвязано. Если вы остановите тяжелую промышленность, все остальное полетит кувырком.

— И тем не менее вам лучше заглушить бомбу.

Кинг невольно взглянул на застекленное реле в стене кабинета. Он, как и каждый дежурный инженер, мог бы заглушить бомбу. Уран в ней находился в расплавленном состоянии при температуре выше двух тысяч четырехсот градусов по Цельсию, и, чтобы остановить реактор, достаточно было разлить уран по небольшим контейнерам. Масса урана в каждом таком контейнере была недостаточна для поддержания цепной реакции.

— Нет, я не могу этого сделать, — сказал Кинг. — Вернее, могу, но реактор недолго будет стоять. Совет директоров просто пришлет другого человека, который меня заменит.

— Да, вы правы.

Некоторое время Ленц молча обдумывал положение, потом сказал:

— Прошу вас, закажите мне билет, я хочу вернуться в Чикаго.

— Вы нас покидаете?

— Да.

Ленц вынул изо рта мундштук, и лицо его, впервые утратив благодушное выражение олимпийского божества, стало серьезным, почти трагичным.

— Если нельзя остановить реактор, мне здесь нечего делать. Иного решения проблемы я не вижу, да его и не может быть! Я должен объяснить вам все до конца, — продолжал он. — Вы имеете здесь дело с постоянным повтором ситуационного невроза. Грубо говоря, симптомы проявляются в виде тревожного состояния или какой-нибудь формы истерии. Частичная амнезия у вашего секретаря Штейнке — хороший пример последнего. Штейнке можно вылечить шоковой терапией, но это вряд ли будет гуманно, поскольку сейчас он избавлен от постоянного напряжения, которого он не смог бы вынести.

Другой молодой человек, Харпер, из-за которого вы послали за мной, — пример синдрома тревожного состояния. Как только причина беспокойства была устранена из его окружения, к нему моментально вернулось здра-

вомыслие. Но вот его друг Эриксон — за ним нужен глаз да глаз...

Но главное — это причина всех подобных неврозов, и мы говорим о том, как их устранить, а не о том, в какой форме они выражаются. Говоря простым языком, ситуационный психоневроз сводится к следующему: если вы ставите человека в ситуацию, которая тревожит его больше, чем он способен выдержать, то рано или поздно он срывается тем или иным образом. А здесь обстоятельства именно таковы. Вы набираете интеллигентных, чутких молодых людей, втолковываете им, что малейшая их ошибка или даже случайное, неподвластное их контролю изменение в реакторе приведет к гибели бог знает скольких тысяч человек, и после этого хотите, чтобы они не сходили с ума! Это нелепо... Это просто невозможно!

— Должен же быть какой-то выход! Должен! — Кинг вскочил и забегал по кабинету.

Ленц с горечью отметил про себя, что сам начальник станции стоит на грани того самого нервного состояния, о котором они говорили.

— Нет, — сказал он медленно. — Выхода нет. Позвольте, я продолжу. Вы не можете доверить управление бомбой менее чувствительным, менее ответственным людям. С тем же успехом можно передать управление безмозглому идиоту. А ситуационные неврозы лечатся только двумя способами.

В первом случае, когда невроз возникает из-за неправильной оценки ситуации, нужна семантическая коррективировка. Достаточно помочь больному правильно оценить обстоятельства. Все его страхи исчезают, потому что для них никогда и не было реальных оснований. Пациент просто их вообразил.

Во втором случае больной правильно судит об окружающем и справедливо оценивает ситуацию как угрожающую. Его страх вполне нормален и обоснован, но он не может преодолевать его до бесконечности — и это сводит его с ума. В этом случае единственное лечение — изменение обстановки. Я пробыл у вас достаточно долго, чтобы

убедиться: здесь дело обстоит именно так. Вы, инженеры, правильно оцениваете страшную опасность вашей Большой бомбы, и это сознание неизбежно сведет всех с ума. Единственный выход — заглушить бомбу и больше ее не запускать.

Кинг продолжал метаться по кабинету, словно стены были клеткой, в которой он был заперт со своей неразрешимой дилеммой.

— Неужели *ничего* нельзя сделать?! — воскликнул он, на мгновение остановившись.

— Вылечить — нельзя. Облегчить болезнь, пожалуй, возможно.

— Каким образом?

— Ситуационные психозы возникают из-за недостатка адреналина. Когда человек испытывает нервное напряжение, его надпочечники, чтобы ему помочь, усиленно выделяют адреналин. Но если напряжение слишком велико, надпочечники не справляются со своей задачей, и человек заболевает. Это и происходит здесь. Адреналиновая терапия может предотвратить психическое расстройство, но, скорее всего, быстро приведет к физическому. С точки зрения общественной безопасности второе, конечно, предпочтительнее, но... тогда у вас скоро не останется физиков!

И еще одна идея. Отбор нового персонала из числа людей религиозных увеличит их срок службы.

Кинг был откровенно шокирован этой идеей.

— Я не улавливаю хода вашей мысли, — признался он.

— Пациент перекладывает большую часть своего беспокойства на своего духовника, который сам лично не сталкивается с подобной ситуацией и потому может ее вынести. Однако это паллиатив. Я уверен, что и в этом случае наступление безумия неизбежно. Но у исповеди много других плюсов, — задумчиво проговорил он. — Она удовлетворяет базовую потребность человека. Я думаю, именно поэтому ранние психоаналитики были так успешны, несмотря на ограниченность их представле-

ний. — Он помолчал некоторое время, затем добавил: — Итак, если вы будете любезны и закажете мне стратегический план...

— И больше вы ничего не можете посоветовать?

— Нет. Пусть ваши психологи займутся профилактикой. Они у вас люди способные.

Кинг нажал кнопку и коротко приказал что-то Штейнке. Повернувшись снова к Ленцу, он спросил:

— Вы побудете здесь, пока не подадут машину?

Ленц догадался, что Кингу этого хочется, и согласился.

Внезапно раздался металлический щелчок, и на стол Кинга упал цилиндрок пневматической почты. Вытащив из него белый листок картона, визитную карточку, начальник станции с удивлением прочитал ее и протянул Ленцу:

— Не могу понять, зачем я ему понадобился. Вы, наверное, не хотите, чтобы он вас здесь видел?

Ленц прочел по карточке:

ТОМАС Р. ХАРРИНГТОН доктор математики, капитан ВМС США, директор Морской обсерватории

— Нет, почему же? — возразил он. — Мы с ним знакомы, и я буду очень рад его видеть...

Харрингтон был явно чем-то озабочен. Он вздохнул с облегчением, когда Штейнке, пропустив его в кабинет, исчез в соседней комнате, и сразу же заговорил, обращаясь к Ленцу, который сидел ближе к двери:

— Вы мистер Кинг? Постойте, да это же Ленц! Что вы здесь делаете?

— Я здесь по приглашению, — ответил Ленц совершенно правдиво, здороваясь с Харрингтоном за руку. — Знакомьтесь: начальник станции Кинг, капитан Харрингтон.

— Как поживаете, капитан? Рад вас видеть.

— Для меня большая честь познакомиться, сэр...
— Садитесь, прошу вас.
— Благодарю. — Харрингтон сел, положив на угол стола свой портфель. — Вы, конечно, хотите знать, зачем я к вам явился вот так, без приглашения?..

— Я счастлив познакомиться.

В действительности все эти церемонии были уже слишком для натянутых нервов Кинга.

— Вы очень любезны, но... Кстати, нельзя ли сделать так, чтобы ваш секретарь, который меня впустил, забыл мое имя? Я понимаю, что это кажется вам странным, но...

— Совсем нет, я ему скажу!

Кинг был заинтригован и решил не отказывать своему выдающемуся коллеге в таком пустяке. Он вызвал Штейнке к видеофону и отдал соответствующее приказание.

Ленц встал, показывая, что уже давно собирается уйти. Уловив взгляд Харрингтона, он пояснил:

— Я полагаю, вы хотите поговорить наедине?

Кинг перевел взгляд с Харрингтона на Ленца и обратно на Харрингтона. Секунду астроном колебался, затем решительно заявил:

— Я лично ничего не имею против. Решайте сами, доктор Кинг! Честно говоря, я буду только рад, если Ленц останется.

— Я не знаю, что вы хотите мне сообщить, — заметил Кинг, — но доктор Ленц здесь тоже по конфиденциальному поручению.

— Очень хорошо! В таком случае все в порядке. Перейду прямо к делу. Доктор Кинг, вы знакомы с механикой Дестри бесконечно малых величин?

— Разумеется.

Ленц подмигнул Кингу, но тот предпочел этого не заметить.

— Да-да, конечно. Вы помните шестую теорему и переход от тринадцатого уравнения к четырнадцатому?

— Кажется, помню, но я сейчас взгляну.

Кинг встал и направился к шкафу, но Харрингтон остановил его нетерпеливым жестом:

— Не беспокойтесь! У меня все есть.

Он открыл ключом портфель и извлек потрепанный блокнот с выпадающими листками:

— Вот! А вы, доктор Ленц, знакомы с этими построениями?

Ленц кивнул:

— Я как-то их проглядывал.

— Прекрасно. Итак, я полагаю, что вы со мной согласитесь, что ключ к решению всей проблемы именно здесь, в переходе от тринадцатого уравнения к четырнадцатому. Этот переход кажется вполне обоснованным и справедлив в определенных условиях. Но что, если мы расширим его значение и проследим всю цепь логического построения для всех возможных состояний материи?

Он перевернул страницу и показал те же два уравнения, разбитые на девять промежуточных. Ткнув пальцем в среднюю группу математических символов, Харрингтон спросил, тревожно заглядывая собеседникам в глаза:

— Видите? Вы понимаете, что это значит?

Кинг помолчал, шевеля губами, потом ответил:

— Да... думаю, я понял. Странно... Я никогда не рассматривал их в таком аспекте... хотя я учил эти уравнения, пока они мне во сне не стали сниться. — Он повернулся к Ленцу. — Вы согласны, доктор?

Ленц медленно кивнул:

— Думаю, да... Да, я в этом уверен.

Харрингтон должен был бы обрадоваться, но он только тяжело вздохнул.

— Я надеялся, что хотя бы вы найдете ошибку, — раздраженно сказал он, — но, боюсь, теперь надеяться не на что. Доктор Дестри сделал допущение, действительное для молекулярной физики, однако у нас нет ни малейшей уверенности, что оно применимо к физике атомов. Я полагаю, вы сознаете, что это значит для вас, доктор Кинг...

Голос Кинга превратился в хриплый шепот.

— Да, сознаю, — сказал он. — Да... Это значит, что, если наша Большая бомба взорвется, она взорвется мгновенно и целиком, а не так, как предполагал Дестри... Господи, помилуй весь наш род людской!

Капитан Харрингтон откашлялся, прервав наступившее молчание.

— Знаете, — сказал он, — я бы не приехал, если бы дело было только в неверной методике расчетов...

— А у вас есть и другие доказательства? — спросил Кинг.

— И да и нет. Возможно, вы думаете, джентльмены, обсерватория ВМС имеет дело только с эфемеридами и таблицами приливов. Отчасти вы правы, но, когда финансирование позволяет, у нас находится время и для исследований. Меня всегда интересовали теории, связанные с Луной.

Я имею в виду не лунную баллистику, а куда более интересную проблему ее происхождения и истории. Проблеме, над которой бился в юности Дарвин, а также мой выдающийся предшественник, капитан Ти Джи Джи Си. Я думаю, это очевидно, что любая теория происхождения Луны и ее истории должна учитывать особенности ландшафта нашего спутника, особенно ее горы и кратеры, которые заметно выделяются на ее поверхности.

Он сделал паузу, и Кинг тут же вмешался:

— Позвольте, капитан. Возможно, я глуп или что-то упустил, но есть ли связь между тем, что мы обсуждаем, и лунной теорией?

— Пару минут терпения, доктор Кинг, — извинился Харрингтон. — Эта связь существует — по крайней мере, я *боюсь*, что она существует, — но я бы предпочел излагать свои аргументы в логической последовательности, прежде чем делать какие-либо выводы.

Ответом ему было заинтересованное молчание, и он продолжал:

— Мы привыкли называть круглые полости Луны кратерами, хотя знаем, что они не являются вулканиче-

скими кратерами. Даже на первый взгляд они не следуют ни одному из правил, которым подчиняются земные вулканы, — ни с точки зрения формы, ни с точки зрения распространенности. Более того, когда Раттер в тысяча девятьсот пятьдесят втором году опубликовал свою монографию о динамике вулканологии, он достаточно убедительно доказал, что лунные кратеры не могут быть созданы явлениями, которые мы называем вулканической деятельностью.

Это оставляло место для теории бомбардировки как наиболее простой гипотезы. На первый взгляд она вполне удовлетворительна, и достаточно потратить пару минут, бросая камешки в лужу грязи, чтобы убедить себя в том, что лунные кратеры могли образоваться в результате падения метеоритов.

Но остаются некоторые проблемы. Если Луна испытала столько ударов, то почему от них была избавлена Земля? Вряд ли стоит упоминать, что земная атмосфера не способна защитить поверхность от массивных тел, таких, которые могли образовать кратеры Эндимион или Платон. И если они падали после того, как Луна стала мертвым миром, а Земля была еще достаточно молода, чтобы изменить свое лицо и стереть следы бомбардировок, то почему метеориты практически не падали на территории больших сухих бассейнов, которые мы называем лунными морями?

Я не буду дальше развивать эту мысль, вы найдете информацию и ее математическую интерпретацию здесь, в моих заметках. Есть еще одно серьезное возражение против теории метеоритной бомбардировки — огромные радиальные полосы, которые простираются от Тихо¹ по большей части лунной поверхности. Они делают наш спутник похожим на хрустальный шар, по которому ударили молотком. Направление удара извне кажется довольно очевидным, но на самом деле все не так просто. Удар-

¹ *Тихо* — один из наиболее ярких и хорошо заметных кратеров на Луне; назван в честь великого датского астронома Тихо Браге (1546–1601).

ная масса, наш гипотетический метеорит, должна быть меньше, чем диаметр кратера Тихо, но при этом иметь такие массу и скорость, которые способны расколоть всю планету.

Судите сами: мы либо должны принять гипотезу о столкновении с фрагментом ядра карликовой звезды, либо предполагать такие скорости, каких мы никогда не наблюдали в Солнечной системе. Оба объяснения допустимые, но несколько надуманные. — Он повернулся к Кингу. — Доктор, вы можете чем-то еще объяснить парадокс Тихо?

Начальник станции с силой сжал подлокотники своего кресла, затем внимательно осмотрел ладони. Он отыскал в карманах носовой платок и тщательно вытер руки.

— Продолжайте, — сказал он бесцветным голосом.

— Очень хорошо... — Харрингтон извлек из своего портфеля большую фотографию Луны — прекрасный портрет, сделанный в полнолуние. — Я хотел бы, чтобы вы представили Луну такой, какой она могла быть когда-то в прошлом. Представьте: темные области, которые мы называем морями, и есть настоящие океаны. У нее имеется атмосфера, возможно состоящая из газа, более тяжелого, чем кислород и азот, но достаточно активного газа, который способен поддерживать мыслящие формы жизни...

Потому что это обитаемая планета, населенная разумными существами, способными открыть атомную энергию и использовать ее!

Он ткнул пальцем в фотографию, туда, где в Южном полушарии виднелся светло-серый круг Тихо с его невероятными лучами, раскинувшимися во всех направлениях на тысячи миль и рельефно вспыхивающими на поверхности.

— Вот здесь... в центре Тихо, находился их главный реактор.

Он переместил палец в сторону экватора и немного к востоку — к точке, где сливались три большие темные области, Море Облаков, Море Дождей и Океан Бурь, —

и задержал его на двух ярких пятнах, также окруженных лучами, но более короткими, менее отчетливыми и волнистыми.

— А здесь, в Копернике и Кеплере, на островах, посреди большого океана, были вторичные станции.

Он выдержал паузу и добавил задумчиво:

— Возможно, они знали об опасности, которая им грозила, но им так была нужна энергия, что они соглашались рисковать самым существованием своей расы. А может, они не знали о разрушительной способности своих машинок, или их математики убедили, что такого просто не может случиться.

И мы никогда этого не узнаем... никто никогда не узнает. Потому что эти машинки взорвались и убили их... и всю их планету.

Взрыв сорвал с планеты газовую оболочку и вышвырнул ее в открытый космос. Или он запустил цепную реакцию в их атмосфере. Еще он поднял в небо большие участки планетарной коры. Некоторые из них улетели навсегда, но те обломки, которые не достигли скорости убегания, со временем упали обратно и оставили на поверхности большие круглые кратеры.

Океаны смягчили удары, только самые массивные осколки образовали кратеры на их дне. Возможно, какая-то жизнь еще оставалась в глубинах океана. Но она тоже была обречена: вода, не защищенная атмосферным давлением, не могла оставаться жидкой и неизбежно испарилась в космическое пространство. Кровь ее жизни иссякла, и планета умерла — она покончила с собой!

Он поднял глаза, встретил серьезный взгляд двух своих безмолвных слушателей и смущенно улыбнулся:

— Джентльмены, это лишь теория, я понимаю... только теория, грезы, кошмар... Но я не спал столько ночей, что мне просто *необходимо* было рассказать вам об этом и узнать, видите ли вы то же, что вижу я. Что касается механики процесса, это все тут, в моих заметках. Вы можете проверить расчеты — и я готов Бога молить, чтобы вы нашли в них хоть какую-то ошибку! Но боюсь, что

это единственная лунная теория, которая учитывает все известные факты и объясняет их все.

Он замолчал, и тогда заговорил Ленц:

— Допустим, капитан, мы проверим ваши расчеты и они окажутся непогрешимыми, — что дальше?

Харрингтон развел руками:

— Я для того сюда и приехал, чтобы спросить вас: что дальше?

Хотя вопрос задал Ленц, Харрингтон, отвечая, смотрел только на Кинга. Тот почувствовал его взгляд и поднял голову. Их взгляды встретились. Потом Кинг снова опустил голову.

— Дальше ничего, — угрюмо сказал он. — Ничего сделать нельзя.

Харрингтон уставился на него с нескрываемым изумлением.

— Но послушайте! — взорвался он наконец. — Разве вы не понимаете? Ваш реактор *необходимо* демонтировать, и немедленно!

— Полегче, капитан. — Невозмутимый голос Ленца был словно холодный душ. — И не надо злиться на бедного Кинга — все это волнует его больше, чем вас. Поймите его правильно. Речь идет не о физической проблеме, а о политической и экономической. Скажем так: остановив реактор, Кинг уподобился бы крестьянину, который бросил свой виноградник на склоне Везувия и лишил свою семью средств к существованию, потому что когда-нибудь сможет произойти извержение вулкана. Эта бомба не принадлежит Кингу, он всего лишь служащий. Если он заглушит ее против воли его законных владельцев, они просто вышвырнут его за порог и наймут другого, более покладистого. Нет, нам необходимо убедить хозяев.

— Президент мог бы их заставить, — высказал предположение Харрингтон. — Я могу обратиться к президенту...

— Разумеется, можете, по инстанции, через свой департамент. Возможно, вы его даже убедите. Но что он делает?

— Как — что? Всё! Ведь он же *президент*!

— Подождите минуту. Вот вы, например, директор обсерватории ВМС. Представьте, что вы взяли кувалду и пошли разбивать главный телескоп. Далеко вы уйдете?

— Да пожалуй, нет, — согласился Харрингтон. — Мы с нашего малютки глаз не спускаем. Охрана...

— Так и президент не может действовать произвольно, — продолжал Ленц. — Он не абсолютный монарх. Если он закроет эту станцию без надлежащей правовой процедуры, федеральные судьи его в бараний рог согнут. Допускаю, тут еще мог бы повлиять Конгресс. Но что вы скажете о приятной перспективе читать нашим конгрессменам курс по механике элементарных частиц?

Эту перспективу Харрингтон сразу же отверг, однако не сдался.

— Есть другой путь! — сказал он. — Конгресс зависит от общественного мнения. Нам нужно только убедить народ, что реактор представляет собой смертельную угрозу для всего человечества. А это можно сделать и не прибегая к высшей математике.

— Да, конечно, — согласился Ленц. — Вы можете выйти с этим в эфир и напугать всех до полусмерти. Вы можете вызвать такую панику, какой еще не видела даже эта полусумасшедшая страна. Ну уж нет, спасибо! Лично я предпочел бы, чтобы люди продолжали жить, не ведая об угрозе внезапной гибели, чем провоцировать массовый психоз, который разрушит созданную нами культуру. Безумные годы мы уже видели, и одного раза вполне достаточно.

— Хорошо, но что в таком случае предлагаете *вы*?

Ленц немного подумал, прежде чем ответить:

— Я вижу только одно решение, и оно почти безнадёжно, однако давайте попробуем вколотить в головы совета директоров компании хоть крупицу здравого смысла.

Кинг, который, несмотря на усталость, внимательно следил за разговором, спросил:

— А как вы это сделаете?

— Не знаю, — признался Ленц. — Мне надо подумать. Но это мне кажется самым верным путем. Если

у нас ничего не выйдет, можно вернуться к варианту Харрингтона — к широкой кампании в печати. Мне не хочется смотреть, как мир совершает самоубийство, только чтобы оправдать мои прогнозы.

Харрингтон взглянул на часы довольно необычной формы и присвистнул:

— Боже правый, я забыл о времени! Официально я сейчас должен быть в обсерватории Флагстаффа.

Кинг невольно заметил время, которое показывали часы Харрингтона.

— Сейчас не может быть так поздно! — возразил Кинг.

Харрингтон удивленно посмотрел на него, потом рассмеялся:

— Конечно, здесь сейчас на два часа меньше! Мы находимся в поясе «плюс семь», а часы показывают время в поясе «плюс пять» — они радиосинхронизированы с городскими часами в Вашингтоне.

— Вы сказали «радиосинхронизированы»?

— Да. Остроумно, не правда ли? — Харрингтон показал свои часы. — Я называю их «телехронометром». Это племянник придумал специально для меня. Голова парень! Он далеко пойдет. Конечно, — лицо его омрачилось, словно эта маленькая интерлюдия только подчеркнула весь ужас нависшей над ним угрозы, — конечно, если мы протянем так долго!

На столе Кинга мигнул световой сигнал, на экране возникло лицо Штейнке. Кинг выслушал его и сказал:

— Машина ждет вас, доктор Ленц.

— Пусть ею воспользуется капитан Харрингтон.

— Значит, вы не улетаете в Чикаго?

— Нет. Ситуация изменилась. Если вы не возражаете, я еще попытаюсь кое-что сделать.

В следующую пятницу, когда Штейнке ввел Ленца в кабинет Кинга, тот встретил гостя чуть ли не с распростертыми объятиями:

— Когда вы прилетели, доктор? Я и не ждал вас раньше чем через час-два.

— Только что прибыл. Взял такси, чтобы не ждать рейсовый.

— Что-нибудь получилось?

— Ничего. Они повторили то же, что говорили вам: «Независимые эксперты утверждают, что расчеты Дестри безупречны, а потому компания не видит причин потакать истерикам отдельных сотрудников».

Кинг забарабанил по столу, уставившись в пространство. Потом он круто повернулся к Ленцу и сказал:

— А вы не считаете, что председатель может быть прав?

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, мы все трое — вы, я и Харрингтон — попросту заработались и свихнулись?

— Исключено.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я нашел других независимых экспертов, которые не работают на компанию, и дал им проверить расчеты Харрингтона. Все сходится.

Ленц не стал упоминать о том, что устроил эту проверку отчасти потому, что не был до конца уверен в психической стабильности начальника станции.

Кинг быстро сел за стол, протянул руку и нажал кнопку.

— Сделаем еще одну попытку, — объяснил он. — Посмотрим, удастся мне напугать этого болвана Диксона или нет. Штейнке! Соедините меня с мистером Диксоном.

— Слушаюсь, сэр.

Минуты через две экран видеофона ожил, и на нем возникла физиономия председателя совета директоров Диксона. Он был не у себя, а в зале заседаний энергетической компании в Джерси-Сити.

— Да! — сказал Диксон. — Что у вас?

Голос его был одновременно ворчлив и добродушен.

— Мистер Диксон, — начал Кинг. — Я потревожил вас, чтобы объяснить вам всю серьезность действий компании. Моя репутация ученого позволяет мне утверждать, что Харрингтон полностью доказал...

— Ах вы об этом? Мистер Кинг, я думал, вы поняли, что этот вопрос закрыт.

— Но, мистер Диксон...

— Я вас умоляю! Как вы думаете, если бы существовала какая-то реальная угроза, я бы стал колебаться? Знаете ли, у меня самого есть дети и внуки...

— Именно потому...

— Именно потому мы стараемся вести дела компании так, чтобы избегать ненужного риска и приносить пользу обществу. Но у нас, кроме того, есть и ответственность. У нас есть сотни тысяч мелких акционеров, которые ждут от нас возврата своих инвестиций. Вы не можете ждать, что мы лишим компанию миллиарда долларов лишь на том основании, что вы занялись астрологией! Лунная теория, ну надо же! — Он презрительно фыркнул.

— Я приму это к сведению, господин председатель! — процедил Кинг ледяным тоном.

— Бросьте, мистер Кинг, не обижайтесь. Кстати, хорошо, что вы позвонили. Только что закончилось специальное заседание совета. Мы решили дать вам возможность выйти в отставку — разумеется, с сохранением полного оклада.

— Я не подавал в отставку!

— Знаю, мистер Кинг! Однако совет решил, что вы...

— Понимаю. Прощайте!

— Мистер Кинг...

— Я сказал: прощайте!

Кинг выключил экран и повернулся к Ленцу.

— «С сохранением полного оклада»! — повторил он. — Я могу теперь жить безбедно до конца моих дней и наслаждаться жизнью, как осужденный в камере смертников!

— Точь-в-точь, — согласился Ленц. — Ну что ж, мы испробовали этот путь. Полагаю, теперь можно позвонить Харрингтону. Пусть попробует чего-нибудь добиться через печать и наших политиканов.

— Да, пусть попробует, — повторил Кинг с отсутствующим видом. — Теперь вы возвращаетесь в Чикаго?

— Нет, — пробормотал Ленц. — Нет. Я, пожалуй, полечу рейсовым в Лос-Анджелес, а там сяду на вечернюю ракету «Антиподов».

Кинг посмотрел на него с удивлением, но промолчал.

— Я сделал здесь все, что мог, — ответил Ленц на его невысказанный вопрос. — Возможно, на другой стороне Земли есть шанс выжить. Знаете, я предпочитаю быть живым пастухом в Австралии, чем мертвым психологом в Чикаго.

Кинг яростно закивал головой:

— Это подсказывает здравый смысл. Не знаю, что мешает мне заморозить реактор прямо сейчас и улететь с вами.

— Нет, мой друг, это не здравый смысл. Здравый смысл заставляет людей совершать глупости, чего я как раз делать *не* собираюсь. Почему бы вам и в самом деле не заглушить реактор и не отправиться со мной? Это поможет Харрингтону напугать их до полусмерти.

— Ох, не искушайте меня!

Лицо Штейнке возникло на экране.

— Шеф, здесь Харпер и Эриксон.

— Я занят.

— Они срочно хотят вас видеть.

— О господи! Ладно,пусти их, — проговорил Кинг устало. — Теперь уже все равно.

Они не вошли, а влетели. Харпер — первым и сразу заговорил, сообразив, что начальник не в духе и действительно занят:

— Шеф, мы нашли, мы своего добились! И все расчеты сходятся до десятого знака!

— Что вы нашли? Чего добились? Говорите толком.

Харпер только усмехнулся. Это был час его триумфа, и он хотел насладиться им сполна.

— Шеф, помните, несколько недель назад я просил дополнительных ассигнований, не объяснив, зачем они мне нужны?

— Да, конечно. Переходи к сути.

— Сначала вы заупрямились, но потом согласились, помните? Так вот, за это мы вам принесли подарок — вот

он, перевязанный розовой ленточкой. Это величайшее достижение в атомной физике с тех пор, как Хан расщепил ядро. Это — атомное горючее, шеф, атомное горючее, безопасное, компактное, управляемое! Подходящее для ракет, для электростанций — для всего, что душа пожелает!

Впервые за время разговора Кинг проявил осторожный интерес:

— Вы имеете в виду источник энергии, для которого не нужна наша бомба?

— О нет, этого я не говорил. Наша бомба нужна для производства горючего, но потом вы можете использовать это горючее где угодно и как угодно, извлекая из него до девяноста двух процентов энергии. Но если хотите, можете и уменьшить отдачу.

Дикая надежда, что, может быть, это и есть выход из безвыходного тупика, рухнула. Кинг сник.

— Продолжайте, — сказал он. — Рассказывайте все.

— Так вот, все дело в искусственных радиоактивных изотопах. Как раз перед тем, как мы попросили дополнительные ассигнования на исследования, Эриксон и я... Доктор Ленц тоже приложил свою руку, — добавил он, благодарно кивнув психологу. — Мы обнаружили два взаимно антагонистичных изотопа. То есть, когда их соединяешь, они сразу выделяют всю заложенную в них энергию — взрываются ко всем чертям! Но самое главное в том, что мы брали ничтожные крохи — реакция протекает при самой незначительной массе.

— Не понимаю, — угрюмо сказал Кинг, — как это может...

— И мы не понимаем — но это работает. Мы молчали, пока точно в этом не убедились. Но потом мы начали пробовать и нашли еще дюжину других видов топлива. Возможно, если попотеть, мы сможем скомбинировать горючее для любых целей. Вот здесь все изложено. Это ваш экземпляр, взгляните!

И он протянул Кингу кипу машинописных листов. Кинг погрузился в них. Ленц, попросив взглядом разре-

шения у Эриксона, который радостно кивнул: «Ну конечно!» — тоже начал читать. По мере того как Кинг просматривал страницу за страницей, чувство руководителя, загнанного в тупик, постепенно оставляло его. Он становился тем, кем был на самом деле, — ученым. Его охватывал чистый и сдержанный азарт беспристрастного искателя истины. Эмоции, бушевавшие где-то в таламусе, омывали мозг строго дозируемыми импульсами, поддерживая холодное пламя корковой активности. Сейчас он был совершенно здоров, и разум его был яснее, чем у большинства людей в самые ясные моменты их жизни.

Долгое время он лишь изредка одобрительно хмыкал, шелестел страницами и молча покачивал головой. Но вот Кинг дочитал до конца.

— Вот это да! — сказал он. — Вы это сделали, мальчишки! Это здорово! Я вами горжусь!

Эриксон густо покраснел и сглотнул слюну; маленький взъерошенный Харпер встрепенулся, как жесткошерстый фокстерьер, которого похвалил хозяин.

— Спасибо, шеф! Для нас ваши слова дороже Нобелевской премии.

— Думаю, вы ее получите. Однако, — гордый блеск в его глазах угас, — с этим я вам помочь уже не смогу.

— Но почему, шеф? — недоуменно спросил Харпер.

— Потому что мне предложили уйти в отставку. Мой преемник вскоре прибудет, а это слишком большое дело, чтобы начинать его перед самой сменой руководства.

— *Вы* — и в *отставку*? Какого дьявола!

— Причина та же, по какой я отстранил тебя от дежурства. Во всяком случае, на ней настаивает совет директоров.

— Но это же чепуха! Со мной вы были правы: я *действительно* чуть не сорвался. Но вы совсем другое — мы все вам верим!

— Спасибо, Кэл, но дело обстоит именно так, и тут уже ничего не изменишь. — Он повернулся к Ленцу. — Вам не кажется, что этот завершающий иронический штрих окончательно превращает всю мою деятельность

в фарс? Это великое открытие, оно гораздо значительнее, чем мы сейчас думаем, и теперь я вынужден все пропустить.

В голосе Кинга звучала горечь.

— Ах так? — вспыхнул Харпер. — Ну ладно же, тогда я знаю, что делать! — Он перегнулся через стол и схватил рукопись. — Либо вы остаетесь начальником станции, либо компания может идти ко всем чертям — нашего открытия ей не видать вовек!

Эриксон воинственно поддержал его.

— Минутку! — На сцену выступил Ленц. — Доктор Харпер, вы уже разработали способ производства ракетного горючего?

— Да, можно сказать так. Оно у нас в руках.

— И это космическое горючее?

Все поняли, что Ленц имел в виду — горючее, способное вырвать ракету из объятий земного тяготения.

— Разумеется! — ответил Харпер. — Можно взять любую рейсовую ракету у «Клиппера», переделать ее немного и отправлять экскурсии на Луну.

— Превосходно! Вы позволите? — Ленц попросил у Кинга листок бумаги и принялся быстро писать. Заинтригованные, все смотрели на него с нетерпением. Он писал бегло, лишь изредка задумываясь, и через пару минут протянул листок Кингу. — Решите-ка эту задачку!

Кинг изучил листок. Ленц обозначил символами множество социальных, психологических, физических, экономических факторов, объединил их в структурные отношения, используя методы символьного исчисления. Кинг понимал параматематические операции, обозначенные символами, но управлялся с ними не так ловко, как с символами и операциями математической физики. Он вчитывался в эти уравнения, неосознанно проговаривая их про себя, беззвучно шевеля губами.

Потом он забрал у Ленца карандаш и продолжил уравнение. Потребовалось еще несколько строк, заполненных формулами, прежде чем удалось сократить или интегрировать символы в определенный конечный ответ.

Он смотрел на этот ответ и постепенно удивление на его лице сменялось пониманием и восторгом.

— Эриксон! Харпер! — воскликнул он. — Мы возьмем ваше новое горючее, построим большую ракету, установим на ней нашу бомбу и запустим ее на постоянную орбиту подальше от Земли! И пусть она там вырабатывает атомное топливо, безопасное для людей. Тогда взрыв Большой бомбы будет угрожать лишь дежурным операторам!

Оваций не последовало: такую сложную идею нужно было переварить. Наконец Харпер обрел дар речи:

— А как насчет вашей отставки? Шеф, мы все равно с этим не согласимся.

— Не беспокойся, — утешил его Кинг, указывая на листок с формулами. — В этих уравнениях есть ты, я, Эриксон, Ленц, совет директоров. Здесь все предусмотрено.

— Да, здесь предусмотрено все, — согласился Ленц. — Все, кроме времени.

— Что?

— Вот, смотрите: необходимое время фигурирует в вашем уравнении как неопределенная неизвестная.

— Да... да, конечно. Это риск, на который нам придется пойти. Давайте, парни, за работу!

Председатель совета директоров Диксон призвал собравшихся к порядку.

— Это особое совещание, сегодня мы обойдемся без отчетов и протокола, — объявил он. — Как вы знаете из повестки, мы предоставили уходящему в отставку начальнику станции три часа для его выступления.

— Господин председатель!

— Да, мистер Торнтон?

— Я считал, что мы закрыли этот вопрос?

— Вы не ошиблись, мистер Торнтон. Однако, учитывая долголетнюю безупречную службу мистера Кинга, мы решили удовлетворить его просьбу и сочтем за честь его выслушать. Мистер Кинг, слово предоставляется вам!

Кинг встал, коротко сказал: «За меня будет говорить доктор Ленц» — и снова сел.

Ленцу пришлось подождать, пока в зале утихнет гул. Было ясно, что совет директоров недоволен присутствием постороннего.

Ленц начал с того, что Большая бомба представляет собой грозную опасность, пока находится на Земле, и сжато повторил свои основные доказательства. После этого он сразу выдвинул альтернативное предложение: поместить ее в ракетоплан и вывести его на стационарную орбиту, достаточно удаленную от Земли — скажем, на пятнадцать тысяч миль. Реактор будет работать в космосе, производя безопасное горючее для земных атомных электростанций.

В связи с этим он сообщил об открытии Харпера—Эриксона, подчеркнув его коммерческое значение. Он постарался изложить все это как можно убедительнее, пустив в ход все свое обаяние, чтобы завоевать доверие присутствующих. Тут он сделал паузу и стал ждать, пока они спустят пар.

Они не заставили себя ждать. Послышались возгласы: «Чепуха! Бред! Бездоказательно! Это ничего не изменит!» Ясно было, что все были рады узнать о новом горючем, но должного впечатления оно не произвело. Лет через двадцать, когда этот проект будет досконально изучен и коммерческая выгода его будет доказана, они, может быть, и решат запустить на орбиту еще один большой реактор. А пока — время терпит.

Ленц терпеливо и вежливо опроверг все их возражения. Он рассказал об участившихся случаях профессиональных психоневрозов среди инженеров и подчеркнул огромную опасность, которой подвергаются все, находящиеся вблизи Большой бомбы, даже с точки зрения официальной теории Дестри. Он напомнил им о немыслимо высоких затратах на страхование и миллионных суммах, идущих на «подмазку» политиков.

Потом он резко сменил тон и обрушился открыто и яростно.

— Джентльмены! — сказал он. — Мы считаем, что это вопрос жизни и смерти, нашей жизни, и жизни наших семей, и всей жизни на этой планете. И если вы не пойдете на компромисс, мы будем драться, не считаясь ни с чем и не соблюдая никаких правил, как борется за свою жизнь загнанный в угол зверь.

После этого Ленц перешел в наступление. Первый его ход был предельно прост. Он изложил подготовленный им план пропагандистской кампании национального масштаба, какие постоянно проводят крупные рекламные фирмы. План был разработан до последних мелочей. Тут было все: телевидение, плакаты с антирекламой, инспирированные статьи в газетах и журналах, фальшивые «гражданские комитеты», а самое главное — активное распространение слухов и бомбардировка Конгресса «письмами избирателей». Любой бизнесмен по собственному опыту знал, как это работает. Целью кампании было внушить обывателям страх перед реактором в Аризоне, но страх должен был вызвать не панику, а ярость, направленную на совет директоров, и вылиться в требование к правительству немедленно отправить Большую бомбу в космическое пространство.

— Это шантаж! Мы заткнем вам рот!

— Вряд ли, — вежливо возразил Ленц. — Вы можете только закрыть нам доступ в некоторые газеты. Вам не удастся нас изолировать. Вы даже не сможете лишить нас эфира — спросите Федеральную комиссию по связи.

Это была чистая правда. Харрингтон нажал на нужные политические рычаги и хорошо подготовил почву. Президент был на их стороне.

Страсти разгорались, и Диксон вынужден был призвать совет к порядку.

— Доктор Ленц, — сказал он, с трудом сдерживая собственную ярость, — вы хотите выставить нас эдакими бездушными мерзавцами, думающими только о собственной выгоде и готовыми ради нее пожертвовать жизнями других людей. Но вы знаете, это не так: нас с вами разделяет только разница во мнениях о том, какой курс более правильный.

— Я не говорил, что считаю вас такими, — серьезно сказал Ленц. — Я лишь хочу, чтобы вы поняли: я *смогу* убедить публику, что вы злонамеренные преступники. Что же касается «разницы во мнениях»... ни один из вас не является специалистом по атомной физике. У вас нет права иметь мнение по данному вопросу.

На самом деле, — продолжал он жестко, — мне неясно только одно: успеет ли Конгресс провести национализацию и лишить вас права собственности, прежде чем разъяренная публика разнесет на куски вашу драгоценную станцию!

И прежде, чем они успели сформулировать достаточно продуманный ответ, прежде, чем их яростное негодование стихло и перешло в упорное сопротивление, Ленц предложил им свой гамбит. Он ознакомил их со вторым планом пропагандистской кампании, совершенно иного характера.

Ее целью была не дискредитация совета директоров, а его прославление. Методы были те же самые: выступления и тонко построенные статьи, полные глубокого человеческого интереса к деятельности компании, которая на сей раз будет представлена как мощное предприятие, управляемое бескорыстными патриотами и мудрыми представителями делового мира, пекущимися о благе страны. В нужный момент будет обнародовано открытие Харпера—Эриксона, но не как случайный результат личной инициативы двух молодых инженеров, а как плод многолетних систематических изысканий, проводившихся в соответствии с неизменной политикой совета директоров, — человеколюбивой политикой, обусловленной твердой решимостью раз и навсегда устранить угрозу взрыва, пусть даже в малонаселенной аризонской пустыне.

И никаких упоминаний о нависшей над планетой опасности глобальной катастрофы.

Ленц обрабатывал их со всех сторон. Он искупал их в признательности, которую они получают от благодарного человечества. Он предлагал им принести благородную

жертву и, незаметно передергивая карты, внушал им, что они настоящие герои. Он беззастенчиво играл на самых глубинных обезьяньих инстинктах, на жажде получать одобрение от своих собратьев — не важно, заслуженно или нет.

И с каждой минутой он выигрывал драгоценное время. Он перебирал одно за другим самые веские возражения, убеждал одного за другим самых твердолобых. Он успокаивал и умирал, он играл на их личных слабостях. Любящим и потому мнительным отцам семейств он еще раз, не жалея красок, обрисовал страдания, смерть и разрушения, которые могли бы последовать из-за их слепой веры в бездоказательные и весьма рискованные допущения дестриевской теории. И сразу же вслед за этим он в самом радужном свете набросал картину счастливого мира, освобожденного от страха и полностью обеспеченного безопасной энергией, картину золотого века, который они создадут своей ничтожной уступкой.

Это сработало. Они сдались не сразу, но все-таки создали комитет для изучения возможности запуска большого реактора в космос. Ленц умело подсказывал имена, и Диксон утверждал их — вовсе не потому, что был с ними согласен, а потому, что был застигнут врасплох и не мог с ходу найти причины для отвода, которые не обидят отвергнутых кандидатов.

О предполагавшейся отставке Кинга никто даже не заговаривал. Ленц был уверен, что никто о ней и не вспомнит.

Это сработало, но дел впереди было невпроворот. Первые дни после победы Кинг воспрянул, надеясь, что вскоре он будет избавлен от изматывающей тревоги за судьбы мира. Постоянные хлопоты из-за множества новых административных обязанностей лишь придавали ему сил. Харпер и Эриксон были откомандированы в распоряжение Центра Годдарда. Там они вместе с ракетчиками должны были проектировать камеры сгорания, сопла, систему хранения и подачи топлива и тому подобное. Со-

вместно с коммерческой службой нужно было составить график работы бомбы, который позволит максимально использовать ее для производства атомного топлива, и необходимо было разработать гигантскую камеру сгорания для атомного топлива, которая заменит Большую бомбу на то время, пока на местах не построят множество мелких установок, способных взять на себя коммерческую нагрузку. Он был очень занят.

Когда первые хлопоты закончились и началась обычная каждодневная рутина, у Кинга начался эмоциональный откат. К тому времени ему ничего не оставалось, кроме как присматривать за реактором и ждать, пока инженеры из Центра Годдарда не справятся со всеми проблемами и не построят подходящий для реактора космический корабль.

А между тем Центр Годдарда столкнулся с трудностями, преодолел их — лишь затем, чтобы столкнуться с новыми. В Центре никогда не работали с такими высокими скоростями реакции. Им пришлось провести множество испытаний, чтобы найти оптимальную конструкцию сопла, дающую максимальную эффективность. Когда с этим было покончено и успех, казалось, был уже достигнут, внезапно во время наземных испытаний сгорели двигатели. Из-за этого инцидента все работы встали на несколько недель.

Вернувшись на станцию, Кинг ничем не мог заниматься — он мог только ждать и грызть от нетерпения ногти. Он даже не мог сбежать в Центр Годдарда, чтобы наблюдать за ходом разработки ракеты, потому что над ним довлело иное, куда более сильное, чем скука и нетерпение, чувство. Оно заставляло его сидеть возле реактора и пристально следить, чтобы он — не дай бог! — не взорвался в последнюю минуту.

Кинг начал постоянно крутиться в реакторном зале, но вскоре ему пришлось прекратить визиты: его нервозность передавалась дежурным инженерам, двое из них сорвались в один и тот же день, причем один из них — во время дежурства.

Он вынужден был признать: с того момента, как начался период бдительного ожидания, у его инженеров пошел серьезный рост числа неврозов. Вначале руководство пыталось сохранить в секрете основные моменты плана, но где-то произошла утечка — возможно, через одного из членов комиссии. Теперь Кинг и сам видел: попытка сохранить все в тайне была ошибкой — Ленц предупреждал их не делать этого, но не был услышан. А теперь даже инженеры, которые непосредственно не участвовали в проекте, начали что-то подозревать.

В конце концов Кинг рассказал инженерам все, взяв с них слово не разглашать секрет. Это действовало неделю или чуть больше, пока длился подъем, подобный тому, какой прежде испытал он сам. Потом наступила реакция, и психологи-наблюдатели начали снимать инженеров с дежурств одного за другим почти каждый день. Кроме того, они все чаще сообщали о психологической неустойчивости своих коллег. И Кинг с горьким юмором констатировал, что, если это будет продолжаться, у него скоро кончатся психологи. Теперь инженеры стояли четырехчасовые вахты каждые шестнадцать часов. Кинг знал, что, если снимут хотя бы еще одного, ему самому придется встать на его место. И если честно, он бы этому только обрадовался.

Тем временем страшная тайна каким-то образом просачивалась наружу: ее уже знали кое-кто из обслуживающего персонала и несколько местных жителей. Это следовало остановить: если информация распространится еще дальше, паника может захлестнуть всю страну. Но как, черт возьми, он мог это остановить? Никак.

Кинг долго ворочался в постели, взбивая подушку, старался уснуть, но ничего не получалось. Голова трещала, глаза болели от усталости, мозг работал бессмысленно и безостановочно, как испорченная пластинка, повреждающая одно и то же.

О господи! Это было невыносимо. Кинг подумал, не сходит ли он с ума, если только уже не сошел. Все было хуже, во много раз хуже, чем прежняя каждодневная ру-

тина, когда он просто осознавал опасность и старался как можно быстрее выкинуть ее из головы. Бомба была ни при чем, она работала как прежде — но сам Кинг ощущал себя солдатом в окопе, когда лишь пять минут отделяют от перемирия, то было ожидание актера перед занавесом, бег наперегонки со временем, когда все уже сделано и больше ничто не может помочь.

Кинг сел на постели, включил лампу и посмотрел на часы. Половина четвертого. Совсем скверно. Он встал, пошел в ванную, смешал в стакане виски с водой, один к одному, высыпал в него снотворное и залпом проглотил. Потом вернулся в постель и вскоре задремал.

Он бежал, как ему казалось, по длинному коридору. В конце его было спасение — он знал это, но был так измучен, что боялся не добежать. Опасность настигала, и он попытался заставить свои измученные, налитые свинцом ноги бежать еще быстрее. Но то, что его преследовало, тоже прибавило ходу. И вот оно почти коснулось... Сердце пропустило удар, потом забилось как бешеное, и Кинг понял, что вопит во все горло, визжит в запредельном ужасе.

Но он должен был добежать до конца коридора, он знал, что от этого зависит не только его жизнь, но нечто большее. Он должен добежать, должен, *должен...*

Затем его настиг звук — и он понял, что опоздал, и беспредельное, горькое отчаяние поражения охватило его. Он проиграл: бомба взорвалась.

Звук был сигналом будильника: семь часов утра. Пижама Кинга была мокрой от пота, и сердце стучало как молот. Каждый его нерв дрожал от напряжения. Чтобы прийти в себя, ему требовалось нечто большее, чем просто холодный душ.

Он пришел в офис — уборщики еще не закончили свою работу, — сел за стол и два часа просидел, ничего не делая, пока не появился Ленц. Психолог появился в тот момент, когда Кинг раздраженно вытряхивал таблетки из коробочки, найденной в одном из ящиков стола.

— Минутку... не спешите, старина, — медленно проговорил Ленц. — Что это у вас? — Он обошел стол и осторожно завладел коробочкой.

— Всего лишь успокоительное.

Ленц внимательно прочел надпись на коробке:

— Сколько вы уже приняли сегодня?

— Только две таблетки.

— Вам не нужны барбитураты, вам нужна прогулка на свежем воздухе. Пойдемте со мной.

— Ой, кто бы говорил — вы сами-то почему курите незажженную сигарету?

— Я? В самом деле. Значит, прогулка нам обоим не помешает. Пойдемте!

Харпер появился минут через десять после их ухода. Штейнке в приемной не было. Инженер и сопровождавший его крепкий молодой парень уверенно подошли к дверям в кабинет Кинга. Харпер постучал. Дверь открылась, на пороге стоял Штейнке. Инженер обогнул его и проследовал внутрь.

— Приветствую, мистер Кинг! — начал было Харпер, но остановился, видя, что кабинет пуст. — Где шеф? — спросил он.

— Вышел, — отозвался Штейнке. — Он сейчас вернется.

— Я подожду. Да, Штейнке, это Грин — познакомьтесь!

Покончив с рукопожатиями, Штейнке спросил Харпера:

— Кэл, ты почему вернулся?

— Ну... Ладно, наверное, тебе можно сказать...

Его прервал внезапно вспыхнувший экран коммуникатора. Экран заполнило чье-то размытое лицо, — очевидно, человек стоял слишком близко и был не в фокусе.

— Мистер Кинг! — прокричал исполненный ужаса голос. — Бомба...

Какая-то тень пронеслась наискосок через весь экран, послышался глухой удар, и лицо исчезло. Сразу стал виден реакторный зал. На плитах пола неподвижно ле-

жала бесформенная фигура. Другая фигура промчалась мимо приемного объектива и исчезла.

Харпер очнулся первым.

— Это Силард! — закричал он. — Силард в реакторном зале! Штейнке, скорей! — И он бросился к двери.

Штейнке смертельно побледнел, но уже через мгновение нагнал Харпера. Грин, которого никто не приглашал, следовал за ними по пятам ровным тренированным шагом.

На станции подземки им пришлось подождать, пока из туннеля не выскочила свободная капсула. Потом все трое попытались втиснуться в кабину, рассчитанную на двух пассажиров. Капсула не отходила, и они потеряли еще несколько секунд, пока Грин не пересел в следующую капсулу.

Четырехминутное путешествие с наивысшим ускорением тянулось как вечность. Харпер уже подумал, что капсула неисправна, когда раздался знакомый щелчок и вспыхнул свет, — они были под зданием реактора. При выходе они застряли в узкой дверце, пытаясь выскочить одновременно.

Лифта внизу не оказалось, и они не стали его ждать. Это было ошибкой. Во времени они ничего не выиграли и добрались до этажа, где находился реакторный зал, совершенно запыхавшись. Несмотря на это, они еще прибавили скорости, промчались по зигзагообразному проходу во внешней защите и влетели в реакторный зал.

Безжизненная фигура по-прежнему лежала на полу, другая, тоже неподвижная, растянулась рядом. Шлема на ней не было.

Третий человек стоял, склонившись над триггером. Когда они вошли, он поднял голову и бросился на них. Харпер и Штейнке вцепились в него, и все трое покатились по полу. Их было двое на одного, но они только мешали друг другу, а тяжелая броня защищала их противника от ударов. И он отбивался с нечеловеческой яростью одержимого.

Харпер вдруг ощутил слепящую, острую боль — его правая рука повисла как тряпка. Бронированный безумец

отшвырнул их обоих. В это мгновение чей-то голос рявкнул за их спиной:

— Ни с места!

Харпер увидел вспышку и услышал глухой треск, прозвучавший неестественно громко в замкнутом пространстве.

Бронированная фигура упала на колени, качнулась назад, потом вперед и тяжело рухнула лицом вниз. В дверях стоял Грин, служебный пистолет подрагивал в его руке.

Харпер встал и подошел к триггеру. Он попытался уменьшить мощность энергетического потока, но правая его рука повисла плетью, а левая плохо слушалась.

— Штейнке! — крикнул он. — Иди сюда! Займись этим.

Штейнке подбежал к нему, взглянул на приборы и лихорадочно принялся за дело.

За этим и застал их Кинг, когда ворвался в реакторный зал минут десять спустя.

— Харпер! — крикнул он, пока его быстрые глаза обшаривали помещение, оценивая ситуацию. — Что здесь случилось?

Харпер коротко объяснил. Кинг кивнул:

— Я видел финал боя из своего кабинета... Штейнке!!! — До него, похоже, наконец-то дошло, кто работает на триггере. — Он не может работать с приборами! — закричал Кинг и бросился к пульту.

Штейнке повернулся к нему навстречу.

— Шеф! — ликовал он. — Шеф, *я вспомнил все, всю мою математику!*

Измученный, Кинг остановился. Затем растерянно кивнул и спросил у Харпера:

— А как ты здесь оказался?

— Я? Чтобы сообщить вам, шеф: у нас все готово!

— Что — всё?

— Мы закончили работу. Эриксон завершает установку оборудования для реактора на большом корабле, а я прилетел на рейсовой ракете, которая будет доставлять атомное горючее на Землю. От Годдарда до станции —

всего за четыре минуты. Вот мой штурман. — И он указал на Грина, из-за широкой спины которого выглядывал подоспевший Ленц.

— Одну минуту! — сказал Кинг. — Ты говоришь, у нас все готово для установки бомбы на корабле-спутнике? Ты в этом *уверен*?

— А как же! Большой корабль уже летал на нашем горючем, и летал куда дольше и быстрее, чем ему понадобится, чтобы выйти на свою орбиту. И я был там, в космосе! Шеф, у нас состояние готовности номер один.

Кинг посмотрел на аварийный выключатель, установленный под стеклом в верхней части приборной панели.

— Горючего у нас достаточно, — проговорил он негромко, как будто разговаривал сам с собой, — горючего хватит не на одну неделю.

Он быстро шагнул вперед, разбил кулаком стекло и рванул рычаг на себя.

Пол дрогнул, и стена завибрировала, когда две с половиной тонны расплавленного металла, более тяжелого, чем золото, устремились вниз по отводящим каналам, ударили в распределительные заслонки, разбились на сотни ручейков и потекли в свинцовые контейнеры, чтобы застыть там безобидными и безопасными брусками, пока их не соберут все вместе в космосе, далеко от Земли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В декабре 1979 года миновало ровно сорок лет с тех пор, как я начал работу над рассказом «Взрыв всегда возможен» (декабрь 39-го): у меня были некоторые сомнения по поводу переиздания этой вещи из-за нынешних глупых страхов перед силой деления, недавно обострившихся из-за безвредного выхлопа на Три-Майл-Айленде¹. Когда я писал рассказ, на этой планете не было даже одного грамма очищенного U-235, и ни-

¹ Авария на атомной станции Три-Майл-Айленд, близ Гаррисберга, штат Пенсильвания, случившаяся 28 марта 1979 г. Произошло расплавление активной зоны энергоблока № 2, разрушение его корпуса и утечка радиации.

кто не знал в деталях, насколько он опасен. В частности, никто не знал ни массы, ни формы, ни скорости соединения частей, необходимых для того, чтобы «взрывы случились». Но теперь, на основе многолетнего опыта и бесконечных испытаний, мы знаем, что «тонны», упомянутые в этой истории, никогда бы не удалось собрать — никакого взрыва; в лучшем случае плавление, расплавление ядра — вот худшее, что может произойти на электростанции. Заставить U-235 взорваться очень сложно, это требует совсем другой конструкции реактора. Да, радиация опасна, НО...

РАДИАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Полмили от реактора Три-Майл	
во время выброса	83 миллирема
На территории электростанции	1100 миллиремов
Во время катетеризации сердца	
для ангиограммы	45 000 миллиремов
— это то, что я перенес 18 месяцев назад.	
Я чувствую себя хорошо.	

Р. Э. Х.

НИКУДЫШНОЕ РЕШЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я всегда планировал уйти из писательского бизнеса, как только погашу свою ипотеку. У меня никогда не было никаких литературных амбиций, никакой профессиональной подготовки, никакого интереса к этой сфере деятельности — я попал в нее случайно и застрял в ней, чтобы погасить долг. Я всегда был твердо настроен на то, что брошу это дурацкое занятие, как только разберусь со счетами.

На собрании «Литературного общества Маньяна» — аморфной дезорганизации, которая декларировала свою цель как «позволить молодым писателям рассказывать друг другу свои истории, чтобы они выкинули их из головы и тем самым избавились от необходимости их записывать», — на собрании этой благородной группы я объявил о своем решении бросить писать, как только мои счета будут оплачены, — это должно было случиться в 1940 году, через несколько недель, если моя чушь все еще будет продаваться.

Уильям Э. П. Уайт («Энтони Бучер») кисло посмотрел на меня:

— Ты знаком с каким-нибудь писателем в отставке?

— Откуда? Все писатели, которых я когда-либо встречал, находятся в этой комнате.

— Не важно. Ты видел бывших школьных учителей на пенсии, бывших морских офицеров, бывших полицейских, бывших фермеров. Как ты думаешь, почему ты не встречал ни одного бывшего писателя?

— К чему ты клонишь?

— Роберт, не бывает отставных писателей. Есть писатели, которые перестали продаваться... но они не перестали писать.

Я недооценил замечания Билла, — возможно, то, что он сказал, применимо к писателям вообще... но я на самом деле не

был писателем; я был просто парнем, который нуждался в деньгах, и случайно обнаружил, что написание палпа предлагает простой способ урвать немного, не прибегая к воровству или честной работе. («Честная работа» — эвфемизм, за которым скрывается скудно оплачиваемая физическая нагрузка, выполняемая стоя или на коленях, часто в плохую погоду или в других неприятных обстоятельствах, обычно с участием лопаты, кирки, мотыги, конвейера, трактора и малосимпатичных контролеров. Она никогда меня не привлекала. Сидение за пишущей машинкой в хорошо отапливаемой комнате без начальства за спиной нельзя назвать «честной работой»).

«Взрыв всегда возможен» был продан, и я устроил вечеринку по случаю закрытия ипотеки. Но я не бросил писать сразу (24 февраля 1940 года), потому что, хотя я скинул с плеч своего «Морского старика» (эту клятую ипотеку), оставались еще кое-какие вещи. Мне нужна была новая машина; дом нуждался в покраске и некотором ремонте; я хотел поехать в Нью-Йорк; и мне не помешало бы иметь лишнюю пару сотен в банке в качестве подушки — и у меня в папках лежала дюжина с лишним странных историй, разработанных и готовых вылиться на бумагу.

Так что я написал «Магию, инкорпорейтед» и на полученный гонорар отправился на восток, а во время поездки написал «Они» и «Шестую колонну». Последняя была единственной моей вещью, на которую в какой-то заметной степени повлиял Джон В. Кэмпбелл-младший. У него в архиве лежала непроданная история, которую он написал несколько лет назад. ДВК не показывал мне свою рукопись, он просто пересказал сюжетную линию и заявил, что, если я напишу эту вещь, он ее купит.

Ему нужен был сериал, мне нужен был автомобиль. Я взял этот чек¹.

«Шестая колонна» заставила меня попотеть. Мне пришлось ее переделать, чтобы убрать расистские аспекты оригинальной сюжетной линии. И мне показалось неубедительным

¹ В оригинале *brass check* — медный чек, т. е. взятка, деньги, выделенные на подкуп продажных журналистов. Медный чек, или жетон, покупали на входе клиенты борделей, а затем расплачивались им с подружкой. Бывший партийный руководитель Хайнлайна Синклер Льюис запустил это выражение в обиход, написав одноименную книгу, где обличал коррупцию и продажность средств массовой информации. — *Примеч. С. В. Голд.*

псевдонаучное обоснование трех спектров Кэмпбелла — поэтому пришлось постараться, чтобы это звучало более-менее реалистично.

В итоге у меня все получилось. Чек за сериал, плюс тридцать пять центов наличными, оплатил мою новую машину... а книжные издания продолжают продаваться, продаваться, продаваться, они принесли уже в сорок раз больше, чем мне заплатили за сериал. Так что это был финансовый успех... но я не считаю его успехом литературным.

Вернувшись на восток, я рассказал Кэмпбеллу о своих планах бросить писать. Он этому не обрадовался, ведь я был его крупнейшим поставщиком рукописей. В конце концов я сказал: «Джон, я не собираюсь больше сочинять рассказы в сжатые сроки. Но у меня есть еще несколько вещей, которые я мог бы написать. Время от времени я буду присылать вам рассказ-другой, пока не настанет день, когда вы один из них отклоните. В тот момент все закончится. Теперь, когда я знаю вас лично, ваш отказ будет для меня слишком травмирующим».

Поэтому я вернулся в Калифорнию и продал ему «Скрюченный домишко», «Логику империи», «Вселенную», «Никудышное решение», «Детей Мафусаила», «По собственным следам», «Здравый смысл», «Аквариум с золотыми рыбками», «Там, за гранью», «Уолдо» и «Неприятную профессию Джонатана Хога» — и это продолжалось почти до самой Второй мировой войны.

Кэмпбелл отклонил одну из вышеперечисленных вещей (не буду говорить, какую именно), и я тут же вышел в отставку — установил новую ирригационную систему, построил в саду террасу, вновь серьезно занялся фотографией и т. д. Это продолжалось около месяца, а потом я обнаружил, что начинаю неважно себя чувствовать: плохой аппетит, потеря веса, бессонница, нервозность, рассеянность — очень похоже на ранние симптомы легочного туберкулеза. Я даже подумал: «Черт возьми, у меня что, намечается третий приступ?»

Кэмпбелл написал мне письмо, в котором спрашивал, почему от меня давно ничего не слышно, — я напомнил ему о разговоре, состоявшемся несколько месяцев назад: он отверг один из моих рассказов, что означало мою отставку с должности, которую я, кстати, никогда и не планировал занимать на постоянной основе.

В новом письме он попросил дать ему возможность еще раз взглянуть на рассказ, который он отклонил. Я отправил ему рукопись, и он сразу же ее возвратил с рекомендациями: тут убрать запятую, там ускорить действие первой половины страницы, здесь удалить прилагательные — пустяковые изменения, которые внесла бы и Кэти Таррант¹, если ее попросить.

Я сел за пишущую машинку, чтобы внести предложенные изменения... и вдруг понял, что чувствую себя *хорошо* — впервые за несколько недель.

Билл «Тони Бучер» Уайт был совершенно прав. Если вы сели на эту иглу, никакое лечение вам уже не поможет, только могила. Я могу оставить пишущую машинку в покое на несколько недель, даже месяцев, отправившись на море. Я могу держаться от нее подальше любое количество времени, если полностью погружусь в какое-нибудь другое стоящее занятие, требующее полной отдачи, такое как строительство, политическая кампания или (черт бы ее побрал!) реабилитация после болезни.

Но если я просто буду валять дурака два или три дня, эта зависимость просыпается и больше не дает мне покоя. И мои нервы могут привести в порядок только пара тысяч слов. По мере того как я становился старше, приступы все обострялись; сейчас мне требуется уже 300 000 слов и более, чтобы вновь испытать это чувство теплого насыщения. При этом я еще не страдаю зависимостью в наиболее опасной форме; у меня есть самые достоверные сведения, что двое моих коллег за сорок с лишним лет не пропустили без работы ни одного дня.

Лучшее, что можно сказать о «Никудышном решении», — это то, что решение все еще никудышное и сегодня опасность велика как никогда. Очень слабо утешает то, что я предсказал это сорок лет назад; быть Кассандрой в реальной жизни — совсем не весело.

В 1903 году братья Райт совершили полет на «Китти Хок».

В декабре 1938 года в Берлине доктор Хан произвел расщепление атома урана.

¹ *Кэти Таррант* — легендарный секретарь Джона Кэмпбелла-младшего.

В апреле 1943 года доктор Эстель Карст, работая на Федеральное управление национальной безопасности, усовершенствовала технологию процесса Карст—Обри для получения искусственных радиоактивных веществ.

И это должно было полностью изменить американскую внешнюю политику.

Должно было изменить. *Должно*. Но ведь дьявольски трудно загнать зов трубы обратно в трубу. Ящик Пандоры — тоже штучка, работающая лишь в одном направлении. Свинью можно превратить в сосиски, а сосиски в свинью — черта с два! Разбитые яйца остаются разбитыми. «Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, не может Шалтая-Болтая собрать».

Мне-то такие дела хорошо известны — я сам из этой королевской рати.

По правилам игры вроде бы я не слишком подходил к этой роли. Когда грянула Вторая мировая война, я не был профессиональным военным, и, когда Конгресс принял закон о мобилизации, я уже занимал относительно высокое положение — во всяком случае, достаточно высокое, чтобы продержаться вне армии ровно столько, сколько нужно, чтобы спокойно помереть от старости.

Мало кому из моих ровесников удалось умереть от старости!

Но я был свежеиспеченным секретарем только что избранного конгрессмена, а перед тем руководил его избирательной кампанией, что привело к потере предыдущего места работы. По профессии-то я школьный учитель экономики и социологии, но школьным советам не нравится, когда преподаватели общественных наук занимаются общественными проблемами, поэтому мой контракт так и не был возобновлен. Ну я и ухватился за шанс перебраться в Вашингтон.

Фамилия моего конгрессмена была Маннинг. Ну да, тот самый Маннинг, полковник Клайд К. Маннинг, полковник армии США в отставке, он же мистер комиссар Маннинг. Чего вы, возможно, о нем не знаете, так это то-

го, что он был одним из лучших военных экспертов по химическому оружию, до тех пор пока из-за слабого сердца его не списали в тираж. Я, можно сказать, подобрал его там с помощью группы своих политических единомышленников, чтобы выставить его против одного мелкого жулика из администрации нашего округа. Нам был нужен сильный либеральный кандидат, и Маннинг казался чуть ли не специально созданным для этой роли. Целый год он пробыл членом Большого жюри¹, в результате чего у него прорезался политический зуб мудрости и он стал активно заниматься общественной деятельностью.

Положение отставного армейского офицера здорово помогает привлечь на свою сторону голоса консервативных и состоятельных избирателей, но в то же время послужной список Маннинга выглядел внушительно и для тех, кто стоял по другую сторону баррикады. Меня проблема охоты за голосами не так уж заботила; мне нравился сам Маннинг, нравилось, что, будучи либералом, он в то же время обладал решительностью, которая обычно либералам несвойственна. Большинство либералов верят, что хотя вода всегда бежит вниз по склону, но, по милости Божьей, никогда не иссякает.

А Маннинг был не таков. Он умел видеть логическую необходимость и действовать соответственно, какой бы неприятной эта необходимость ни была.

Мы сидели в офисе Маннинга, расположенном в здании палаты представителей, и, пользуясь небольшой передышкой после бурного первого заседания Конгресса семьдесят восьмого созыва, пытались разобраться в горé накопившейся корреспонденции, когда вдруг раздался звонок из военного ведомства. Маннинг сам взял трубку.

Мне поневоле пришлось подслушивать — я ведь как-никак был его секретарем.

¹ *Большое жюри* — расширенная коллегия присяжных, которая решает вопрос о предании подозреваемого суду.

— Да, — сказал он, — это я. Хорошо, соединяйте. О... приветствую вас, генерал... Отлично, спасибо... Вы сами? — Затем последовало долгое молчание. Наконец Маннинг заговорил снова: — Но это же невозможно, генерал, у меня уже есть работа... Что?.. Да, а кто же будет работать в комитете и представлять мой округ?.. Думаю, так... — Он взглянул на наручные часы. — Приеду немедленно.

Он повесил трубку, взглянул на меня и буркнул:

— Бери шляпу, Джон. Мы едем в военное министерство.

— Вот как? — отозвался я, собираясь как можно быстрее.

— Да, — ответил он, сопровождая слова встревоженным взглядом. — Начальник штаба считает, что я должен вернуться на службу. — Он резво зашагал вперед, тогда как я умышленно тащился сзади, чтобы заставить Маннинга снизить темп и не перегрузить свое больное сердце. — Конечно, это невозможно.

Мы поймали такси прямо на стоянке перед нашим зданием и помчались на беседу к военным.

Разумеется, невозможное оказалось *возможным*, и Маннинг быстро согласился, когда начальник штаба объяснил ему, в чем дело. Маннинга обязательно нужно было убедить, ибо никто на всем земном шаре, включая самого президента, не может приказать конгрессмену покинуть свой пост, даже если выяснится, что он случайно состоит на военной службе.

Начальник штаба предвидел предстоящие политические затруднения и был настолько предусмотрителен, что уже откопал конгрессмена, принадлежавшего к оппозиционной партии, который должен был одновременно с Маннингом лишиться права голоса на все время существования чрезвычайного положения. Этим другим конгрессменом был почтенный Джозеф Т. Брайам, тоже офицер запаса, то ли сам желавший вернуться в армию, то ли соглашавшийся на сделанное ему предложение; я так и не узнал, как обстояло дело в действительности. По-

скольку он принадлежал к оппозиционной партии, его голос в палате представителей всегда противостоял бы голосу Маннинга, так что ни одна из сторон ничего не потеряла в результате соглашения.

Был разговор о том, чтобы оставить меня в Вашингтоне заниматься политическим аспектом дел, связанных с постом конгрессмена, но Маннинг решил иначе, посчитав, что с этим справится его второй секретарь, и объявил, что я должен последовать за ним в качестве адъютанта. Начальник штаба заупрямился было, но положение Маннинга позволяло ему стоять на своем, и начальник штаба сдался.

Если начальникам штабов приспичит, они могут заставить дела крутиться очень быстро. Еще до того, как мы покинули здание министерства, меня привели к присяге в качестве «временного» офицера; а задолго до конца дня я уже стоял в банке, выписывая чек за мешковатую униформу, принятую в армии, а заодно и за парадную — с дивным блестящим поясом, которая мне так и не понадобилась.

Уже на следующий день мы выехали в Мэриленд, и Маннинг вступил в должность начальника Федеральной научно-исследовательской атомной лаборатории, которая была зашифрована как Специальный оборонный проект № 347 военного министерства. Я мало что понимал в физике, а все познания в современной атомной физике почерпнул из воскресных приложений. Позже я кое-чего поднабрался (полагаю, что перепутав все на свете) в процессе каждодневного общения с учеными самых высоких весовых категорий, работавшими в нашей лаборатории.

Полковник Маннинг в свое время окончил военную аспирантуру при Массачусетском технологическом и получил магистерскую степень за блестящую диссертацию по анализу математических теорий атомных структур. Вот почему армейское руководство и назначило его сейчас на эту должность. Впрочем, все это было давно, и за про-

шедшее время физика успела проделать немалый путь; он признался мне, что ему приходится грызть гранит науки до посинения, чтобы дойти хотя бы до той точки, откуда он начнет понимать, о чем пишут его высоколобые подопечные в своих отчетах.

Думаю, он все же преувеличивал степень своего невежества; уверен, что во всех Соединенных Штатах не было никого, кто мог бы заменить полковника на этой должности. Тут требовался человек, способный направлять исследования и руководить работами в высшей степени таинственной и малоизученной области, главное, мог оценивать эти проблемы с точки зрения насущных нужд и интересов армии. Предоставленные сами себе физики купались бы в интеллектуальной роскоши, обеспечиваемой безграничными денежными ассигнованиями, и достигли бы огромных успехов в развитии человеческих знаний, но вряд ли создали бы что-то важное с армейской точки зрения, и даже сама возможность военного применения уже сделанных открытий осталась бы незамеченной еще много лет.

Чтобы охотиться на уток, безусловно, нужна умная собака, но чтобы она не тратила времени, гоняясь за кроликами, помимо собаки нужен охотник. И этот охотник должен знать почти столько же, сколько собака.

Нет-нет, никаких уничижительных намеков на ученых — я ничего такого не имел в виду!

У нас собрались все гении в этой области, каких только могли предоставить Соединенные Штаты, парни из Чикаго, Колумбии, Корнелла, Калтеха, Беркли, из всех радиационных лабораторий страны, а также пара мальчиков с оксфордским прононсом, одолженных нам англичанами. И у них было все, что мог придумать изобретательный ум и что можно было сделать за деньги. Там был пятисоттонный циклотрон, который первоначально предназначался для Калифорнийского университета и который моментально устарел по сравнению с новой машинкой, которую эти умники придумали, потребовали и получили. Утром нас обеспечивала Канада, все, что мы

запрашивали, а это были тонны коварного материала. Их везли с озера Большой Медведицы близь Юкона. Технология фракционного осаждения для отделения изотопа урана-235 от обычного изотопа-238 уже была разработана той же командой из Чикаго, что ранее разработала более дорогую технологию с использованием масс-спектрографа.

Кто-то в правительстве Соединенных Штатов довольно быстро осознал огромные возможности урана-235 и еще летом 1940 года собрал всех специалистов-атомщиков страны и взял подписку о неразглашении. Атомная энергия, если она когда-либо будет освоена, должна была стать государственной монополией, по крайней мере до окончания войны. Она могла воплотиться во взрывчатом веществе такой невероятной мощности, что ее невозможно себе представить, и она же могла стать источником не менее невероятной силы. В любом случае, когда Гитлер говорил о секретном оружии и выкрикивал грубые оскорбления в адрес демократий, правительство планировало держать любые новые открытия как можно дальше от чужих глаз.

Гитлер первым начал работы по делению урана, но потерял свое преимущество из-за отсутствия мер предосторожности. Доктор Хан, первый человек, расщепивший атом урана, был немцем. Но одна из его лаборанток уехала из Германии, чтобы избежать погромов. Она приехала в эту страну и рассказала нам об этом.

Там, в лаборатории в Мэриленде, мы искали методы использования урана-235 в контролируемом взрыве. У нас была идея однотонной бомбы, которая способна была решить задачу массированного воздушного налета, сравнив с землей единственным взрывом большой промышленный центр. Доктор Ридпат из «Континентал-тех» заявил, что он способен создать такую бомбу, но не может гарантировать, что она не взорвется, как только будет заряжена, а что касается силы взрыва — ну, он сам не поверил своим собственным вычислениям, в полученном числе было слишком много цифр.

Проблема, как ни странно, заключалась в том, чтобы создать взрывчатое вещество, которое было бы достаточно слабым, чтобы взрывать только один округ зараз, и было бы достаточно стабильно, чтобы делать это только тогда, когда ему прикажут. Если бы одновременно мы могли разработать по-настоящему практичное ракетное топливо, способное нести боевую ракету со скоростью в тысячу миль в час и больше, тогда мы смогли бы любого заставить сказать: «Дяденька, прости салагу» — дяде Сэму.

Мы возились с этой проблемой весь остаток 1943 года и значительную часть 1944-го. Война в Европе и неприятности в Азии продолжались. После того как Италия капитулировала, Англия сумела высвободить достаточное число судов из своего Средиземноморского флота, чтобы ослабить блокаду Британских островов. Теперь мы могли регулярно отправлять им помощь в виде самолетов и кое-какие устаревшие эсминцы. Благодаря этому Англия все еще как-то держалась, зарываясь в землю и все больше и больше уводя с поверхности свои основные оборонные отрасли. Россия, как обычно, склонялась то в одну, то в другую сторону, очевидно придерживаясь политики не дать ни одной из воюющих сторон получить преимущество, которое позволит довести войну до победного конца. Кое-кто начал рассуждать о возможности «перманентной» войны.

Я убивал время в административном офисе, пытаюсь хоть немного улучшить свое умение печатать на пишущей машинке (большую часть докладных Маннинга мне приходилось печатать самому), когда в комнате возник ординарец и доложил о приходе доктора Карст. Я включил внутреннюю связь.

— Пришла доктор Карст, шеф. Вы примете ее?

— Да, — ответил он из своего кабинета.

Я приказал ординарцу впустить посетительницу.

Эстель Карст была совершенно необыкновенная старуха и, я полагаю, первая женщина в инженерных войсках, добившаяся высокого звания. Она имела степень

доктора медицины, а также доктора наук и очень напоминала учительницу, которая была у меня в четвертом классе. Думаю, именно поэтому я инстинктивно вскакивал всякий раз, как она входила в приемную, — боялся, что она поглядит на меня и презрительно шмыгнет носом. Разумеется, причиной был не ее чин — мы тут с чинами не очень считались.

На ней был рабочий комбинезон и длинный, как у продавца, фартук; поверх всего этого она набросила накидку с капюшоном, чтобы укрыться от снега.

— Доброе утро, мэм, — сказал я и провел ее в кабинет Маннинга.

Полковник приветствовал ее с той вежливостью, которая сделала его столь популярным в женских клубах, и усадил в кресло, предложив сигарету.

— Рад видеть вас, майор, — сказал он ей, — а я как раз собирался на днях заскочить в вашу лавочку.

Я знал, куда он метит; тематика доктора Карст имела медико-физический уклон; он же хотел заставить ее изменить направление исследований на что-то более перспективное с военной точки зрения.

— Не смейте называть меня майором! — ответила она недовольно.

— Извините, доктор...

— Я пришла по делу, и мне надо поскорее вернуться обратно. Полагаю, вы тоже занятой человек. Полковник Маннинг, мне нужна помощь.

— Я тут как раз для этого.

— Ладно. В своих исследованиях я столкнулась с рядом трудностей. Думаю, что один из сотрудников отдела доктора Ридпата мог бы помочь мне, но доктор Ридпат, видимо, не слишком расположен к сотрудничеству со мной.

— Вот как? Что ж, вряд ли я смогу действовать через голову начальника отдела, но все же расскажите мне, в чем дело; может быть, нам удастся решить этот вопрос. Кто вам нужен?

— Мне нужен доктор Обри.

— Специалист в области спектрографии. Хммм... Я могу понять доктора Ридпата и склонен с ним согласиться. В конце концов, исследуемая проблема сверхмощных взрывчатых веществ — приоритетная тема в нашей конторе.

Она вспыхнула, и мне показалось, что сейчас она прикажет ему по меньшей мере остаться в классе после уроков.

— Полковник Маннинг, вы понимаете, какую роль играют искусственные радиоактивные вещества в современной медицине?

— Что ж, полагаю, мне это известно. Тем не менее, доктор, наша главная миссия — это совершенствование оружия, которое может гарантировать безопасность нашей страны в случае войны.

Она фыркнула и кинулась в бой:

— Оружие — чушь собачья! А что, в армии нет медицинской службы, что ли? Разве не важнее знать, как вылечить человека, нежели разорвать его в клочья? Полковник Маннинг, вы не тот человек, который должен возглавлять наш проект! Вы... вы... поджигатель войны, вот кто вы такой!

Я чувствовал, что мои уши пылают, но Маннинг даже не шелохнулся. Он мог доставить ей кучу неприятностей, мог отправить под домашний арест, может быть, даже отдать под трибунал, но наш Маннинг не таков! Помнится, он как-то сказал мне, что каждый раз, когда подчиненного отправляют под трибунал, это означает, что некто из старших офицеров опять лопухнулся и не справился со своими обязанностями.

— Мне очень жаль, что вы так считаете, доктор, — сказал он мягко, — и я согласен, что мои технические знания не столь обширны, как хотелось бы. И поверьте, я был бы рад, если б нам пришлось заниматься исключительно проблемами лечения. Кроме того, в любом случае я еще не отказал вам в вашей просьбе. Давайте пройдем в вашу лабораторию и посмотрим, какие такие у вас проблемы. Весьма вероятно, мы найдем возможность изыскать решение, которое удовлетворит всех заинтересованных.

Полковник уже встал и начал натягивать свою шинель. Губы доктора Карст чуть дрогнули, и она ответила:

— Отлично. Я сожалею о своих словах.

— Пустяки, — улыбнулся он, — такие уж у нас нервные времена пошли. Ты пойдешь с нами, Джон.

Я поспешил за ними, задержавшись в приемной лишь для того, чтоб взять свою шинель и сунуть в карман блокнот для заметок.

И всю дорогу, пока мы пробирались чуть ли не восьмую часть мили до лаборатории доктора Карст сквозь рыхлые снежные заносы, они мило болтали о садоводстве!

Маннинг ответил на оклик часового небрежным жестом руки, и мы вошли в лабораторный корпус. Он спокойно двинулся к дверям, ведущим вглубь лаборатории, но Карст его остановила:

— Сначала броня, полковник!

Нам не сразу удалось подобрать бахилы такого размера, которые подошли бы к сапогам Маннинга, настоявшего на своем праве носить их, несмотря на недавние изменения в форме; он уже хотел было нарушить правила защиты ног, но Карст даже не пожелала слушать его возражения. Она вызвала парочку лаборантов, и те соорудили что-то вроде неуклюжих мокасинов из какой-то ткани со свинцовым покрытием.

Шлемы отличались от тех, что использовались в лаборатории взрывчатых веществ; они были оснащены дыхательными фильтрами.

— Зачем это? — спросил Маннинг.

— Для борьбы с радиоактивной пылью, — ответила доктор Карст. — Они тут совершенно необходимы.

Мы прошли через обшитый свинцовыми плитами «предбанник» и оказались перед дверью в лабораторию, которую Карст открыла, набрав цифровую комбинацию на замке. Я зажмурился от неожиданно яркого освещения и обнаружил, что воздух лаборатории наполнен мириадами крошечных сверкающих пылинок.

— Хммм... Ну и *пылища* тут у вас, — поддержал мое впечатление Маннинг. — Неужели нельзя с ней бороться?

Его голос звучал глухо из-за противопылевого фильтра.

— Последняя стадия процесса должна происходить на воздухе, — объяснила Карст. — Большая часть пыли захватывается вытяжным шкафом. Мы могли бы избавиться от нее совсем, но для этого нам потребуется новое и очень дорогое оборудование.

— Ну, с этим все будет в порядке. У нас неограниченный бюджет, как вам известно. Ведь эти маски очень мешают вам в работе?

— Разумеется, — согласилась Карст. — То оборудование, о котором я говорю, позволило бы нам работать без брони. Это было бы в высшей степени удобно.

Тут я внезапно понял, сколько неудобств приходится сносить здешним ученым. Я довольно рослый и сильный человек, и то надетые здесь «доспехи» показались мне слишком тяжелыми для постоянной носки. Эстель же — эта очень маленькая женщина — безропотно работала день за днем, возможно по четырнадцать часов, в одежде, которая была ничуть не удобнее, чем водолазный скафандр. И не жаловалась.

Нет, далеко не все герои попадают на первые страницы газет. Эти эксперты по радиации не только подвергались опасности заболеть раком или получить страшные радиационные ожоги, но мужчины имели перспективу, что их наследственная плазма подвергнется разрушению и что жены наградят их чем-то ужасным вместо наследников — например, детьми без подбородков или с длинными волосатыми ушами. И тем не менее ученые продолжали работать и, казалось, не испытывали раздражения, кроме случаев, когда что-то мешало их непосредственной работе.

Доктор Карст, конечно, уже переступила тот возрастной порог, за которым перестают волноваться за будущее потомство, но принципиально это ничего не меняло.

Я слонялся по лаборатории, разглядывая непонятные приборы, с помощью которых она добывала свои результаты; меня всегда завораживала моя неспособность обнаружить хотя бы что-то знакомое по прежним впечат-

лениям о физических лабораториях, — впечатлениям, сохранившимся со студенческих лет, а потому я был очень осторожен и опасался даже дотрагиваться до приборов. Карст начала объяснять Маннингу, над чем она работает и почему, но я знал, что для меня прислушиваться к технической стороне дела — пустая трата времени. Если Маннингу потребуется что-то записать, он мне продиктует. Мое внимание привлек странный, похожий на ящик прибор, стоявший в углу комнаты. На боковой панели у него было приспособление, напоминавшее загрузочную воронку; оттуда неслись звуки, похожие на гул вентилятора на фоне льющейся из крана воды. Это меня заинтериговало.

Я вернулся обратно к доктору Карст и услышал ее слова:

— Проблема сводится вот к чему, полковник: я получаю в итоге более радиоактивный материал, чем нужно, но существует сильный разброс в периодах полураспада проб, в остальном, казалось бы, одинаковых. Это дает мне основания считать, что я получаю смесь различных изотопов, но доказать мне свою догадку нечем. И если говорить честно, то моих знаний в этой части проблемы маловато, чтобы предложить существенные изменения в методике работы. Для этого мне нужна помощь доктора Обри.

Полагаю, она сказала именно это, но я не могу быть уверен, ведь я не физик. Насчет «периода полураспада» я все же понял. Все радиоактивные материалы продолжают оставаться радиоактивными до тех пор, пока не превратятся в нечто иное, и этот процесс теоретически может длиться вечность. Но с практической точки зрения их периоды, или «жизни», измеряются временем, требующимся на то, чтобы начальная радиация снизилась наполовину. Такое время называется «полураспадом», и каждый радиоактивный изотоп данного элемента имеет свой характерный период полураспада.

Кто-то из наших ученых — не помню, кто именно, — говорил мне, что любой вид материи может рассматри-

ваться в некоторой степени как радиоактивное вещество; разница лишь в длительности периода полураспада и интенсивности излучения.

— Я поговорю с доктором Ридпатом, — ответил ей Маннинг, — и посмотрю, что тут можно сделать. А вы пока разрабатывайте план переоборудования лаборатории с указанием, что для этого необходимо.

— Благодарю вас, полковник.

Я видел, что Маннинг уже собрался уходить, так как задача умиротворения доктора Карст была выполнена; однако меня все еще занимал тот большой ящик и издаваемые им странные звуки.

— Не могу ли я узнать, что это такое, доктор?

— Ах это... Кондиционер.

— Какой-то он странный. Я таких никогда не видел.

— Он предназначен не для кондиционирования воздуха в помещении. Он просто удаляет радиоактивную пыль, прежде чем воздух поступит наружу. Мы вымываем пыль из зараженной атмосферы.

— А куда уходит вода?

— В канализацию. А в конечном счете в залив, я думаю.

Я попытался шелкнуть пальцами, что было, однако, невозможно из-за освинцованных рукавиц.

— Вот в чем причина, полковник!

— Причина чего?

— Причина тех обвинений, которые сыплются на нас из Бюро рыболовства. Ядовитая пыль попадает в Чесапикский залив и убивает рыбу.

Маннинг повернулся к доктору Карст:

— Вы полагаете, такое возможно, доктор?

Сквозь щиток ее шлема я видел, как брови доктора сошлись у переносицы.

— Я об этом не думала, — призналась она. — Мне придется сделать кое-какие расчеты, касающиеся возможного уровня концентрации, прежде чем я смогу дать определенный ответ. Но такое возможно; да, возможно, —

добавила она с тревогой в голосе, — но ведь можно отвести стоки в специальный колодец.

— Хммм... да. — Маннинг несколько минут стоял молча, внимательно изучая кондиционер. Наконец он произнес: — А что, эта «пыль» очень ядовита?

— Она летальна, полковник.

И снова наступило долгое молчание. Я понял, что полковник пришел к каким-то выводам, так как он решительно произнес:

— Я собираюсь принять меры, чтобы вы получили помощь доктора Обри. Доктор...

— О, отлично!

— ...Но взамен я прошу вашей помощи. Я очень заинтересован в успехе ваших исследований, однако хочу, чтобы их масштабы были увеличены. Я прошу вас установить как максимальные, так и минимальные периоды полураспада и интенсивности. Я прошу отказаться от сугубо утилитарного подхода и приняться за всеобъемлющие исследования по тем направлениям, которые мы с вами определим во всех деталях немного позже. — Она начала было что-то возражать, но полковник перебил ее: — По-настоящему глубокая программа исследования окажется в перспективе более важной для решения вашей первоначальной задачи. А я буду считать своей обязанностью обеспечить вам любую материальную базу для претворения такой программы в жизнь. Думаю, нам удастся получить весьма широкий спектр интереснейших результатов.

Полковник немедленно удалился, не дав доктору Карст возможности возразить ему. Всю дорогу к нашему зданию он казался нерасположенным к разговору, так что я тоже молчал. Думаю, что именно в это время у него возникли первые контуры той смелой и жестокой стратегии, которая будет выработана позже, но я уверен, что даже сам Маннинг тогда еще не мог предугадать, к каким неизбежным последствиям приведут нас несколько дохлых рыб. Иначе он никогда не отдал бы приказ об изменении направления исследований.

Нет, в это я, пожалуй, не верю. Он, безусловно, пошел бы вперед, зная, что если не он, то это все равно делает кто-то другой. Он принял бы на себя ответственность, с горечью сознавая, какая тяжесть ложится на его плечи.

1944 год, казалось, завершался без особо ярких событий. Карст получила свое новейшее оборудование и столько дополнительных средств, что ее отдел стал самым крупным во всей лаборатории. Исследования в области взрывчатых веществ были приостановлены после совещания Маннинга и Ридпата; я застал только самый его конец — мысль сводилась к тому, что в данный момент нет никакой вероятности использовать взрывную силу урана-235. Как источник энергии — да, конечно, но в отдаленном будущем, когда у нас появится возможность решить исключительно хитрую проблему управления ядерной реакцией. И даже тогда, похоже, это будет не источник для приведения в действие двигателей ракет или автомобилей, а скорее основа для строительства мощных электростанций, по меньшей мере столь же крупных, как Болдер-Дам.

После этого совещания Ридпат стал кем-то вроде руководителя в отделе доктора Карст, а оборудование, ранее предназначенное для изучения взрывчатых веществ, было частично заменено и приспособлено для исследования смертельно опасных искусственных радиоактивных элементов. Маннинг содействовал разделению труда между обоими руководителями, и Карст занялась преимущественно своей прежней проблемой, то есть разработкой методов получения искусственных радиоактивных веществ с заранее заданными параметрами. Думаю, она была только рада сконцентрироваться на одной, конкретной проблеме. До сих пор не знаю, сочли ли нужным Мэннинг и Ридпат обсудить с ней то, что они собирались сделать.

Фактически я тогда сам был слишком занят, чтобы думать об этом. Подходило время выборов в Конгресс,

и я был загружен обеспечением Маннингу большинства голосов избирателей, чтобы он мог вернуться к политической жизни, когда минует нынешняя экстремальная ситуация. Его это не очень интересовало, но он согласился, чтобы его имя было внесено в списки на переизбрание. Я старался издали выработать методы руководства избирательной кампанией и ругался последними словами из-за того, что не могу быть на месте, чтобы разрешать кучу мелких проблем по мере их возникновения.

Я ограничился наилучшим паллиативом, установив отдельную линию связи, позволявшую председателю избирательного комитета связываться со мной в любое время. Не думаю, что этим я нарушал закон Хэтча, но все же, конечно, немного перегнул палку. Хотя в конце концов все обошлось: Маннинга в этом году снова избрали в Конгресс наряду с другими депутатами от военного сообщества. Была сделана попытка замарать его честь сплетней, что он якобы получает два жалованья за одну работу, но мы парировали это обвинение, выпустив памфлет под названием «Стыдитесь!», который разъяснил, что Маннинг получает *одно* жалованье за *две* разные работы. В таких случаях действует федеральный закон, и народу следует знать об этом.

Как раз перед Рождеством Маннинг впервые поделился со мной тем, насколько беспокоят его кое-какие возможные последствия технологии Карст—Обри. Он вызвал меня в кабинет по какому-то вопросу, не относящемуся к этому делу, а потом почему-то медлил отпустить. Я видел, что ему надо выговориться.

— Каким количеством «пыли» *К—О* мы располагаем? — спросил он неожиданно.

— Что-то вроде десяти тысяч единиц, — ответил я. — Если надо, я через полминуты дам вам точную справку.

«Единица» — количество, достаточное для уничтожения тысячи человек при нормальной плотности расселения. Маннинг, конечно, знал все цифры не хуже меня, и я понимал, что он просто тянет резину.

Мы почти незаметно перешли от исследований к производству, что было исключительно инициативой самого Маннинга и сделано под его руководством. Маннинг ни разу не докладывал об этом в министерство, хотя я не исключаю, что устно он поставил в известность начальника штаба.

— Не стоит, — ответил он на мое предложение, а затем добавил: — Ты видел этих лошадей?

— Да, — ответил я коротко.

Говорить на эту тему настроения не было. Я люблю лошадей. Мы реквизировали шесть совершенно разбитых старых кляч, предназначавшихся для живодерни, и использовали их в качестве подопытных животных. Теперь мы знали, на что способна эта «пыль». После гибели лошадей любая часть их тела вызвала потемнение фотографических пластинок, а ткань, взятая с верхушек легких и бронхов, светилась сама по себе.

Маннинг минуту или две постоял у окна, глядя на унылый мэрилендский зимний пейзаж, прежде чем ответить мне:

— Джон, как бы я хотел, чтоб радиоактивность не была открыта! Понимаешь ли ты, что это за дьявольская штукавина?

— Ну что ж, — сказал я, — это оружие вроде отравляющих газов... только, пожалуй, более эффективное.

— Черта с два! — выкрикнул он, и на мгновение показалось, что он злится на меня лично. — Это все равно что сравнивать шестнадцатидюймовую пушку с луком и стрелами. Мы впервые в мире получили оружие, против которого нет защиты, абсолютно никакой. Это сама смерть, доставленная наложенным платежом. Ты видел доклад Ридпата? — продолжал он.

Я не видел. Ридпат подавал свои доклады лично Маннингу в единственном экземпляре.

— Так вот, — сказал он, — с тех самых пор, как мы стали производить эту дрянь, я бросил всех относительно свободных талантливых ученых на проблему защиты от радиоактивной пыли. Ридпат говорит, и я с ним согла-

сен, что если она будет применена, то решительно никакие средства борьбы с ней не помогут.

— Ну а как насчет брони, — спросил я, — и защитной одежды?

— Конечно-конечно, — ответил он раздраженно. — Они срабатывают, но только в том случае, если ты никогда не будешь их снимать, чтобы поесть, или попить, или еще по какой-нибудь надобности, до тех пор, пока радиоактивность не исчезнет сама по себе или ты не уберешься из зараженной зоны подальше. Все эти штуки годятся только для работы в лабораторных условиях. А я говорю о войне.

Я задумался.

— Все равно не вижу причин для беспокойства, полковник. Если эта «пыль» так эффективна, как вы говорите, значит вы добились того, к чему стремились с самого начала, получили оружие, которое обеспечит Соединенным Штатам защиту от любой агрессии.

Маннинг резко повернулся ко мне:

— Джон, бывают минуты, когда мне кажется, что ты абсолютный болван.

Я не стал отвечать. Я знал Маннинга и знал, что иногда на его настроение не следует обращать внимание. Тот факт, что он позволил мне стать свидетелем своих истинных чувств, следовало рассматривать как наивысший комплимент, когда-либо мной полученный.

— Посмотри на дело с другой точки зрения, — продолжал он уже более спокойно. — Эта «пыль» не просто оружие, гарантирующее Соединенным Штатам безопасность, она все равно что заряженный пистолет, приставленный к виску каждого мужчины, женщины и ребенка в мире!

— Ну, — сказал я, — и что же? Это наш секрет, и, значит, командуем парадом мы. Соединенные Штаты могут остановить и эту войну, и любую другую. Мы можем объявить *Rex Americana*¹ и обеспечить его соблюдение.

¹ Американский мир, американская эра (лат.).

— Хм... твоими устами да мед бы пить. Только такое открытие недолго сможет оставаться единоличным секретом. На это никак нельзя рассчитывать. Не важно, какие меры безопасности мы примем, «пыль» сама по себе является подсказкой, а далее лишь вопрос времени, когда именно и какая именно держава начнет производить ее промышленным путем. Работу мозга остановить нельзя, Джон; повторное открытие методики производства «пыли» логически неизбежно, как только люди узнают, что именно им следует искать. Уран — элемент широко известный, его залежи имеются во многих частях земного шара, не забывай об этом!

Дело обстоит так: как только наша тайна перестанет быть тайной — а это случится, как только мы пустим «пыль» в ход, — весь мир уподобится комнате, битком набитой мужиками, каждый из которых вооружен пистолетом сорок пятого калибра. Бежать из этой комнаты некуда, и жизнь каждого зависит исключительно от доброй воли остальных. Все готовы к нападению, и ни у кого нет от него защиты. Теперь понимаешь, что я имею в виду?

Я пораскинул мозгами, но уяснил, видимо, далеко не все сложности складывающейся ситуации. Мне казалось, что единственный выход заключается в том, что мы насильно установим мир, а также присвоим себе контроль над источниками снабжения ураном. Во мне глубоко сидело свойственное всем американцам убеждение, что наша страна никогда не воспользуется своим могуществом просто ради агрессии как таковой. Позже я вспомнил о войне с Мексикой, об испано-американской войне, а также о кое-каких наших авантюрах в Центральной Америке — и моя уверенность изрядно поколебалась...

Двумя неделями позже, сразу же после инаугурации, Маннинг приказал мне соединить его с начальником штаба. Я слышал только конец разговора.

— Нет, генерал, не могу, — говорил Маннинг, — я не стану обсуждать этот вопрос ни с вами, ни с министром.

Это проблема, которую должен будет решать сам главнокомандующий. Если он не согласится, то необходимо, чтобы никто и никогда не узнал о ней. Это мое глубочайшее убеждение... Что такое?.. Я взялся за эту работу только при условии, что у меня будут развязаны руки, так что вам придется дать мне определенную свободу действий и в данном случае... Пожалуйста, не пытайтесь разыгрывать передо мной роль важной персоны, я вас знал еще курсантом военного училища... Хорошо-хорошо, извините!.. Если военный министр не пожелает внять голосу разума, скажите ему, что я завтра же пересяду обратно в свое кресло в палате представителей... и получу нужную мне привилегию из рук лидера парламентского большинства... Ладно. Пока.

Вашингтон снова перезвонил примерно час спустя. Теперь это был военный министр. На этот раз Маннинг преимущественно слушал и помалкивал. Только в конце разговора он сказал:

— Все, что мне нужно, — это тридцатиминутный разговор с глазу на глаз с президентом. Если разговора не получится, значит не будет и никакого ущерба. Если же мне удастся уговорить его, тогда вы будете ознакомлены со всеми деталями... нет, сэр, я не хочу, чтобы вы снимали с себя ответственность. Я хочу принести пользу... Прекрасно! Благодарю вас, господин министр.

В конце дня позвонили из Белого дома и назначили время аудиенции.

На следующий день мы отправились в столицу; добираться пришлось под омерзительным ледяным дождем, который грозил перейти в мокрый снег. Скверная погода превратила обычные для Вашингтона пробки в километровые заторы, и мы чуть не опоздали. Я слышал, как Маннинг бормотал себе под нос ругательства, пока мы ползли по Род-Айленд-авеню. Тем не менее за две минуты до назначенного нам времени мы выбрались из машины у дверей западного крыла Белого дома. Маннинга ввели

в Овальный кабинет почти сразу же, а я остался в одиночестве, стараясь не нервничать и постепенно привыкать к своей новой штатской одежде. После стольких месяцев в униформе у меня от этого костюма все чесалось в самых неожиданных местах.

Прошло тридцать минут.

Секретарь президента, ведающий приемом, вошел в кабинет и тут же выскочил оттуда как пробка. Он спешно шмыгнул во внешнюю приемную, и я услышал его голос: «...Очень сожалею, сенатор, но...» Потом он вернулся, сделал на какой-то бумаге пометку карандашом и передал ее посыльному.

Прошло два часа.

Наконец Маннинг появился в дверях, и секретарь слегка приободрился. Однако полковник, не переступая порога, обратился ко мне:

— Входи, Джон. Президент хочет поглядеть на тебя.

Я чуть не свалился, вылезая из кресла.

Маннинг произнес:

— Мистер президент, это капитан Дефриз.

Президент кивнул, я поклонился, не в силах вымолвить ни слова. Он стоял на прикаминном коврике, его красивое лицо было обращено к нам; он здорово смахивал на свой собственный портрет, хотя мне показалось странным, что президент Соединенных Штатов настолько невелик ростом.

Раньше мне его видеть не приходилось, хотя, конечно, я кое-что знал о его послужном списке за те два года, когда он был сенатором, а еще раньше — мэром.

Президент сказал:

— Садитесь, Дефриз. Если хотите, курите. — А потом обратился к Маннингу: — Вы считаете, он справится?

— Думаю, придется рискнуть. Другого выбора у нас нет.

— Вы за него ручаетесь?

— Он возглавлял мою избирательную кампанию.

— Понятно.

Некоторое время президент молчал, и, слава богу, я — тоже, хотя чуть не лопался от желания знать, до чего они тут договорились. Наконец президент снова заговорил:

— Полковник Маннинг, я намереваюсь следовать предложенной вами процедуре с теми изменениями, которые мы уже обговорили. Но завтра я приеду к вам, чтобы увидеть собственными глазами, способна ли эта «пыль» производить то действие, которое вы мне обрисовали. Вы сможете подготовить демонстрацию?

— Да, мистер президент.

— Хорошо, рассчитываем на капитана Дефриза, если я не придумаю лучшего варианта.

На мгновение мне показалось, что они хотят превратить меня в подопытную морскую свинку, но президент поглядел на меня и продолжал:

— Капитан, я намерен послать вас в Англию в качестве своего личного представителя.

Я подавился слюной:

— Согласен, мистер президент.

Вот и все слова, что я произнес за время своего визита к президенту Соединенных Штатов.

После визита Маннингу пришлось поделиться со мной всеми своими задумками. Я намерен изложить их как можно точнее, даже рискуя показаться скучным и банальным и повторить вещи, которые являются общеизвестными.

Мы владели оружием, которое нельзя было отразить. Любой тип «пыли» $K-O$, разбросанный над какой-то территорией, означал, что она станет необитаемой на время, зависящее от длительности периода полураспада данного типа радиации.

Пауза. Точка.

После того как территория «опылена», помочь ей ничем нельзя, пока радиоактивность не упадет до уровня, безопасного для здоровья. «Пыль» нельзя вымести: она вездесуща. Нет никакого способа противостоять ей — сжечь или обработать химическими реагентами; в результате

радиоактивный изотоп никуда не исчезал, он оставался там же, таким же радиоактивным и по-прежнему смертельным. Однажды попав на почву, он становился причиной того, что данный участок земли будет *непригоден для любых форм жизни* в течение заранее определенного времени.

Пользоваться этим оружием бесконечно просто, не требуется никаких сложных бомб, не надо бить по «важным военным объектам». Доставьте «пыль» на высоту с помощью любого летательного аппарата, выберите позицию где-то поблизости от того района, который вы хотите стерилизовать, и сбрасывайте свой груз. Те, кто находится на зараженной территории, уже мертвецы — через час, через день, через неделю, через месяц, в зависимости от дозы облучения, но они *умрут*.

Маннинг сказал мне, что однажды ночью он вполне серьезно размышлял о разработке рекомендации, согласно которой любой человек, включая его самого, знакомый с технологией Карст—Обри, должен быть уничтожен в интересах мировой цивилизации. Правда, на следующий день он понял, что это сушая чушь: без сомнения, такая простая технология будет обязательно открыта повторно кем-нибудь еще.

Более того, не было смысла выжидать и воздерживаться от применения этого жуткого порошка, ибо кто-то другой непременно улучшит процесс его изготовления и пустит в ход. Единственный шанс не допустить превращения нашего мира в колоссальный морг заключается в том, чтобы мы использовали свое могущество первыми, стали хозяевами положения и удерживали ситуацию в своих руках.

Формально мы в войне не участвовали, хотя по уши погрязли в ней, бросив свою силу на чашу весов в поддержку демократии еще в 1940 году. Маннинг предложил президенту вручить часть запаса «пыли» Великобритании на выработанных нами условиях и помочь ей таким образом форсировать наступление мира. Однако мирные условия будут определены Соединенными Штатами, так

как свой секрет производства «пыли» мы не собирались передавать Великобритании.

Ну а потом... Рах Americana...

У Соединенных Штатов было достаточно сил, чтобы хочешь не хочешь установить его. Нам пришлось взять на себя эту роль и навязать миру мир, действуя безжалостно и решительно, чтобы мир не был захвачен какой-нибудь другой державой. Допустить существование союзников по владению этим оружием было нельзя. Фактор времени приобретал решающее значение.

Меня выбрали в качестве человека, который будет на месте согласовывать отдельные частности с Великобританией, ибо Маннинг настоял, а президент с ним согласился, что все люди, знакомые с технической стороной процесса Карст—Обри, должны оставаться в лабораторной резервации, так сказать, на положении временно задержанных, а фактически — узников. В их число входил и сам Маннинг. Мне можно было ехать, так как я не обладал знанием тайны, — потребовались бы многие годы учебы, чтобы я смог усвоить хотя бы основные принципы открытия; следовательно, я не мог выдать того, чего сам не знал, даже под воздействием, скажем, наркотиков. Мы намеревались держать свой секрет под замком столько времени, сколько нужно, чтобы Рах стабилизировался; мы не то чтобы не доверяли своим английским двоюродным братьям, но не забывали, что они британцы и их лояльность принадлежит в первую очередь Британской империи, так что ни к чему было подвергать их соблазну.

Меня выбрали еще и потому, что я, хотя не понимал науки, понимал политическую подоплеку, а еще потому, что Маннинг мне доверял. Не знаю почему, но президент тоже чувствовал ко мне доверие; возможно, потому, что сама по себе моя задача была не так уж сложна.

Мы взлетели с нового аэродрома в окрестностях Балтимора холодным сырым вечером, весьма подходившим к моему настроению. У меня тоскливо ныл желудок, текло из носа, а в нагрудном кармане были спрятаны бума-

ги, подтверждающие мой статус специального представителя президента Соединенных Штатов. Это был удивительный документ, не имевший прецедента в прошлом; он не просто давал мне дипломатический иммунитет — он делал мою особу почти такой же священной, как персона самого президента.

Чтобы подзаправиться горючим, мы ненадолго сели в Новой Шотландии, агенты ФБР покинули самолет, мы снова взлетели, и канадские истребители дальнего действия присоседились к нашему самолету. Вся «пыль», которую мы передавали Англии, находилась в моей машине; если бы представителя президента сбили, вместе с ним на дно океана отправилась бы и «пыль».

Нет нужды рассказывать вам о перелете. Меня укачало, я чувствовал себя дико несчастным, несмотря на отличное поведение нашей машины и ее новых шести моторов. Наверняка точно так же себя ощущал бы палач, направляющийся к месту казни; я готов был молиться Богу, чтобы Он снова сделал меня мальчишкой, у которого нет никаких забот, кроме страха перед выступлением в дискуссионном кружке или соревнованиями по легкой атлетике.

Когда мы подлетали к Шотландии, я понял, что вокруг нас разыгралось небольшое сражение, но ничего не увидел, так как иллюминаторы салона были плотно зашторены. Наш пилот-капитан игнорировал бой и посадил свою машину на совершенно темный аэродром, пользуясь, я полагаю, лучом радара, хотя точно мне это неизвестно, да и, откровенно говоря, в тот момент меня это не очень-то интересовало. Если бы мне сказали, что мы сейчас разобьемся, я бы только вяло кивнул головой. Затем огни снаружи зажглись, и я увидел, что мы находимся в подземном ангаре.

Из самолета я не вышел. Явился командующий, чтобы пригласить меня в свой дом в качестве гостя. Я решительно покачал головой.

— Я останусь тут, — сказал я. — Таков приказ. Вам надлежит рассматривать эту машину как часть территории Соединенных Штатов.

Кажется, он был раздражен, но пошел на компромисс — распорядился накрыть ужин здесь, на борту.

На следующий день ситуация стала по-настоящему неловкой. Я получил распоряжение явиться на королевскую аудиенцию. Однако у меня были свои инструкции, и я их твердо придерживался. Я должен был в буквальном смысле сидеть на своем грузе «пыли» до тех пор, пока президент не скажет мне, как с ней поступить. Позднее в тот же день меня посетил некий член парламента — никто вслух не признался, что это был премьер-министр. Вместе с ним явился какой-то мистер Виндзор. Говорил преимущественно «член парламента», а я лишь отвечал на его вопросы. Другой гость по большей части молчал, а если и говорил, то медленно и с каким-то усилием. Однако о нем у меня сложилось очень благоприятное впечатление. Он показался мне человеком, несущим почти неподъемное для него бремя, но делающего это с гордым мужеством.

А потом начался самый томительный и, казалось, бесконечно долгий период моей жизни. Фактически он продолжался всего лишь немногим больше недели, но каждая ее минута походила на те невероятно насыщенные переживаниями мгновения, которые предшествуют неизбежной автомобильной катастрофе. Президент тянул время, стараясь избежать необходимости применить «пыль». Он провел две телевизионные встречи с новым фюрером. Президент свободно говорил по-немецки, что, казалось, должно было помочь делу. Он трижды обращался ко всем воюющим нациям, хотя сомнительно, чтобы на континенте его слышало много народу, учитывая те полицейские правила, которые там действовали в это время.

Для посла рейха организовали специальный показ результатов применения «пыли». Его прокатили на самолете над безлюдной полосой западной прерии, чтобы он убедился, что сделало единственное опыление со стадом бычков. Это должно было произвести на него впечатление, и, полагаю, так оно и случилось — *никто* не мог бы

остаться равнодушным после подобного зрелища; впрочем, какой доклад он отправил своему лидеру, мы так никогда и не узнали.

За этот период ожидания Британские острова неоднократно подвергались налетам вражеских бомбардировщиков, столь же мощным, как и в течение всей войны. Я находился в безопасности, но о бомбежках слышал и мог убедиться в том, как воздействовали они на моральный дух офицеров, с которыми мне приходилось иметь дело. Нет, бомбардировки их не пугали, — напротив, они пробуждали в них ледяную ярость. Налеты нацеливались вовсе не исключительно на заводы и доки, скорее они носили характер безжалостного уничтожения всего, что попадет под руку, даже мелких сельских поселков.

— Я не понимаю, чего вы, парни, волыните, — жаловался мне командир авиационного «крыла», — эти фрицы нуждаются только в одном: в солидной дозе своего излюбленного Schrecklichkeit¹ — урока, использующего все достижения их собственной арийской культуры!

Я покачал головой:

— Мы обязаны руководствоваться собственными правилами игры.

К этой теме командир больше не возвращался, но я хорошо понимал его истинные чувства и чувства его офицеров. У них был традиционный тост, такой же священный, как и тост за здоровье короля: «Помни о Ковентри».

Наш президент потребовал, чтобы во время переговоров королевские ВВС не совершали вылетов на бомбежку, но английские бомбардировщики все равно были завалены работой — континент ночь за ночью буквально заливался дождем листовок, написанных нашими собственными агитаторами и пропагандистами. Листовки, сброшенные во время первых рейдов, призывали граждан рейха положить конец бессмысленной бойне и обещали, что мирные условия не будут для них унижительны. Второй ливень пропагандистских материалов содержал

¹ Устрашение (нем.).

фотографии погибшего стада бычков. Третий же был недвусмысленным предупреждением о необходимости немедленно покинуть города и держаться от них подальше.

По выражению Маннинга, мы трижды крикнули: «Стой!» — прежде чем выстрелить. Не думаю, чтобы наш президент считал, будто это сработает, но мы были морально обязаны сделать все от нас зависящее.

Англичане дали мне телевизионную установку типа Симондса—Ярли, исключавшую возможность подслушивания, в которой, для того чтобы передача вообще произошла, приемник сам «запускает» передатчик. Такое приспособление впервые в истории обеспечивало полную секретность сугубо важных дипломатических переговоров и было чрезвычайно полезно в кризисных ситуациях. Я привез с собой собственного техника из группы специалистов ФБР, который должен был обеспечить бесперебойную работу триггера и шифратора.

Как-то днем он позвал меня:

— Вашингтон вызывает!

Я устало вылез из самолета и спустился к кабинке, установленной в ангаре, гадая — не есть ли это очередная ложная тревога. На экране оказался сам президент. Губы у него были блее мела.

— Приступайте к выполнению полученных вами инструкций, мистер Дефриз.

— Слушаюсь, мистер президент.

Все детали процедуры были разработаны заранее, и, как только я получил от командующего расписку и плату за «пыль», мои обязанности окончились. Однако по нашему настоянию англичане пригласили военных наблюдателей от каждой независимой страны и от некоторых временных правительств оккупированных немцами стран. Посол Соединенных Штатов по предложению Маннинга сделал одним из этих наблюдателей меня.

Наша боевая группа состояла из тринадцати бомбардировщиков. Один такой бомбардировщик вполне мог нести весь необходимый груз «пыли», но его разделили на

части, чтобы гарантированно доставить к цели большую его часть. Я привез «пыли» на сорок процентов больше, чем, по подсчетам Ридпата, требовалось для осуществления нашей нынешней миссии, и моя последняя обязанность состояла в том, чтобы удостовериться, что каждый контейнер с «пылью» попал на борт самолетов нашего авиаотряда. До сведения каждого наблюдателя была заранее доведена информация о том, как ничтожно мал вес пыли, которая будет задействована в данной операции.

Мы вылетели, как только стемнело, поднялись на высоту двадцать пять тысяч футов, дозаправились в воздухе и поднялись еще выше. Наш эскорт уже ждал нас, он дозаправился полчаса назад. Соединение разбилось на тринадцать групп и сквозь разреженную атмосферу устремилось в сердце Европы. Бомбардировщики, на которых мы летели, были, насколько возможно, «раздеты», чтобы обеспечить максимум высоты и быстроты полета.

С других английских аэродромов, чуть раньше нас, в воздух поднялись еще несколько авиационных звеньев, чтобы отвлечь от нас внимание противника. Их цели были разбросаны по всей Германии; смысл этих действий заключался в том, чтобы создать в небе рейха переполох и позволить нашим самолетам, выполняющим настоящую миссию, избежать обнаружения высоко в стратосфере.

Тринадцать бомбардировщиков, несущих груз «пыли», подлетели к Берлину с разных направлений, намереваясь пройти над городом по радиусам, подобно тому как сходятся спицы в колесе. Ночь была ясной, что отвечало нашим целям, а низкая луна еще более облегчала действия авиации.

Берлин — город, который нетрудно обнаружить, поскольку по площади он превосходит любой другой современный город и расположен на обширной аллювиальной равнине. Я увидел реку Шпрее, как только мы подлетели к ней, увидел и Хафель. Город был затемнен, но городская тьма сильно отличается от темноты сельской местности. Над городом во многих местах уже повисли на парашютах осветительные ракеты, показывая, что королев-

ские ВВС поработали здесь до нас; зенитная артиллерия внизу тоже помогала определить нашу цель.

Ниже нас кипело воздушное сражение, но оно, насколько я мог судить, не поднималось выше уровня пятнадцати тысяч футов, то есть высоты, на которой шли мы.

Пилот доложил капитану:

— Мы у цели.

Парень, следивший за показаниями альтиметра, уверенно установил нужную высоту на циферблатах детонаторов, встроенных в контейнеры. Все они были снабжены небольшими зарядами черного пороха, достаточно мощными, чтобы взорвать оболочку контейнера и выпустить в воздух «пыль», когда детонаторы получают соответствующую команду от плавкого предохранителя, настроенного на определенный момент времени. Такой метод доставки был более эффективен, чем другие. Сама «пыль» дала бы тот же эффект, даже если б ее просто вытряхнули из бумажного пакета, но она не распределилась бы так равномерно по площади города.

Капитан склонился над штурманской консолью, он слегка нахмурился.

— Первый готов! — откликнулся бомбардир.

— Пуск!

— Второй готов!

Капитан взглянул на свои часы:

— Пуск!

— Третий готов.

— Пуск!

Когда последний из десяти небольших контейнеров был сброшен с самолета, мы легли на курс домой.

Никакой подготовки к моему возвращению на родину сделано не было; об этом просто никто не подумал. А ведь именно этого я сейчас желал больше всего на свете. Не то чтобы я себя плохо чувствовал; вернее сказать, я вообще ничего не ощущал. Я был похож на человека, который собрал в кулак все свое мужество и ждал, что ему сделают очень опасную операцию; теперь операция позади, а он

из-за перенесенного шока все еще не может вымолвить ни слова, хотя его мозг уже начал работать. И я хотел одного — домой.

Английский командующий отнесся к этому с пониманием; он немедленно подготовил и снабдил командой мой самолет и дал мне эскорт для перелета через внебереговую зону боев. Весьма дорогостоящий способ отправки единственного пассажира, но кому до этого дело? Мы только что пожертвовали несколькими миллионами жизней в отчаянной попытке положить конец войне, так стоит ли говорить о деньгах? Даже командующий отдавал нужные распоряжения в состоянии некоторой растерянности.

Я принял двойную дозу нембутала и проснулся уже в Канаде. Пока обслуживали корабль, я попробовал получить хоть какую-нибудь информацию, но ее было на удивление мало. Правительство рейха выпустило лишь один официальный информационный бюллетень сразу после нашего рейда. Глумясь над разрекламированным «секретным оружием» британцев, бюллетень сообщал, что главная воздушная атака была нацелена на Берлин и еще на несколько крупных городов Германии, но самолеты были отогнаны и нанесенный ими ущерб ничтожен. Очередной «Лорд Гав-Гав»¹ начал произносить одну из своих исполненных сарказма речей, но так и не смог ее завершить. Диктор заявил, что у «Лорда» сердечный приступ, и запустил пластинку с какой-то патриотической музыкой. Вещание вырубилось на середине песни «Хорст Вессель». Наступила мертвая тишина.

В аэропорту Балтимора мне удалось получить армейский автомобиль и водителя, и мы развили совсем неплохую скорость на магистрали в Аннаполисе. Даже чуть не проскочили поворот к лаборатории.

Маннинг был у себя в кабинете. Он поглядел на меня, когда я вошел, сказал каким-то бесцветным голо-

¹ *Лорд Гав-Гав* — кличка, которую во время войны дали англичане обозревателям, выступавшим по немецкому радио с передачами на английском языке.

сом: «Привет, Джон» — и снова опустил глаза к исчерканному чернилами блокноту. Потом опять принялся рассеянно выводить какие-то бессмысленные закорючки.

Я внимательно оглядел его и впервые понял, что шеф — старик. У него было серое оплывшее лицо. Глубокие морщины по обеим сторонам рта создавали на лице отчетливый треугольник. Одежда висела на нем как на вешалке.

Я подошел и положил руку на его плечо:

— Не переживайте, шеф. Это не ваша вина. Мы предупреждали их до хрипоты.

Он снова взглянул на меня:

— Эстель Карст покончила с собой сегодня утром.

Это мог бы предвидеть любой из нас, но никому не пришлось в голову. Почему-то ее смерть поразила меня сильнее, чем гибель бесчисленных незнакомых мне людей в Берлине.

— Как она умерла?

— От «пыли». Вошла в упаковочную и сняла броню.

Я представил себе ее с высоко поднятой головой и сверкающими глазами и с тем надменно сжатым ртом, который вытягивался в прямую линию, если люди делали нечто, ею не одобряемое. Маленькая старая женщина, у которой дело всей жизни обернулось против нее самой.

— Как жаль, — с трудом выговорил Маннинг, — что мне так и не удалось объяснить ей, почему мы *должны* были так поступить.

Мы похоронили ее в свинцовом гробу, а потом Маннинг и я отправились в Вашингтон.

Во время пребывания в Вашингтоне нам показали киноленты, запечатлевшие гибель Берлина. Вы их не видели; они так и не стали достоянием публики, но зато оказались весьма полезными для того, чтобы убедить все страны, что мир — совсем неплохая идея. Я видел их, когда они демонстрировались Конгрессу, — получил разрешение, поскольку был помощником Маннинга.

Съемки велись двумя пилотами королевских ВВС, которым удалось перехитрить Luftwaffe¹ и прорваться к Берлину. Первые кадры показывали какие-то главные улицы на следующее утро после нашего рейда. Там, на этих снятых с помощью телеобъектива снимках, было видно не так уж много деталей — просто деловые, кишасшие людьми улицы, но если вглядеться повнимательнее, то можно заметить неожиданно большое число автомобильных аварий.

На второй день появились попытки эвакуировать город. Центральные кварталы Берлина были практически пусты, если не считать трупов и разбитых автомобилей, но улицы, ведущие к окраинам, были забиты людьми — преимущественно пешеходами, так как трамваи не ходили. Несчастные жители бежали куда глаза глядят, не зная, что смерть уже гнездится в их собственных телах. Самолет спикировал вниз, и фотограф с помощью телеобъектива в течение нескольких секунд показал лицо молодой женщины. Она смотрела в объектив горестным взглядом, который невозможно забыть, а потом споткнулась и рухнула на землю.

Надо думать, ее затоптали. Очень надеюсь, что это так: у одной из тех шести лошадей были точно такие же глаза, когда радиация начала сжигать ее внутренности.

Последняя лента показывала Берлин и дороги в его окрестностях спустя неделю после рейда. Город был мертв; в нем не было ни мужчин, ни женщин, ни детей, не было ни кошек, ни собак, ни голубей. Повсюду валялись трупы, но им не грозила опасность быть оскверненными крысами. Крыс тоже не было.

На дорогах в окрестностях Берлина царило безмолвие. На их обочинах, в кюветах, даже на самом полотне (только в меньшей степени), подобно кучкам золы, выкинутой из паровозных топок, валялись груды тел, бывших когда-то жителями столицы рейха. Рассказывать дальше, думаю, нет смысла.

¹ Здесь: воздушная оборона (нем.).

Что касается меня, то если у меня и была когда-то душа, я потерял ее в том кинозале, а новой уж так и не удалось приобрести.

Те два пилота, что вели съемку, вскоре тоже умерли — соматическое кумулятивное отравление, «пыль» в воздухе над Берлином. Если бы были приняты нужные меры предосторожности, этих смертей могло бы и не быть, но тогда еще сами англичане не были убеждены в необходимости соблюдения наших строгих правил безопасности.

Рейху потребовалась всего одна неделя, чтобы рухнуть. Возможно, дело затянулось бы и на больший срок, да новый фюрер отправился в Берлин на следующий же день после нашего рейда, чтобы доказать, что хвастовство англичан совершенно ни на чем не основано. Нет нужды перечислять все временные правительства Германии, которые сменяли друг друга в течение следующих нескольких месяцев. Единственное, что имело для нас значение, — это так называемая «реставрированная монархия», она воспользовалась в качестве символа кузеном бывшего кайзера и запросила мира.

Вот тогда-то и начались наши неприятности.

Когда премьер-министр Великобритании объявил условия своего тайного соглашения с нашим президентом, его заявление в парламенте было встречено молчанием, которое тут же перешло в вопли: «Позор!», «Позор!», «В отставку!». Полагаю, это было неизбежно; палата общин отражала дух народа, беспощадно терзаемого вот уже четыре года. Члены парламента посчитали необходимым навязать противнику такой мир, перед которым сам Версальский договор выглядел бы райским блаженством.

Вотум недоверия не оставил премьер-министру выбора. Спустя восемь часов король произнес тронную речь, нарушавшую все конституционные прецеденты, ибо она была написана не премьер-министром. В момент величайшего кризиса за все время его правления глас короля прозвучал ясно и без всякой аффектации; он сумел вну-

шить свою идею стране, и было создано коалиционное национальное правительство.

Не берусь утверждать, посмели бы мы опылить Лондон, чтобы навязать ему наши условия, или не посмели; Маннинг полагает, что мы пошли бы на это. Мне кажется, решение зависело бы от характера президента Соединенных Штатов, но достоверно мы этого никогда не узнаем, поскольку принимать решения не пришлось.

Перед Соединенными Штатами и в особенности перед их президентом стояли две неотложные проблемы. Во-первых, нам надлежало немедленно укрепить свое положение, используя временное преимущество, вытекавшее из обладания невероятно грозным оружием, для того чтобы подобное же оружие не смогло быть обращено против нас самих. Во-вторых, следовало разработать такие меры стабилизации американской внешней политики, которые позволили бы ей успешно справиться с задачей управления тем колоссальным могуществом, которое внезапно свалилось на нас.

Безусловно, вторая задача была особенно серьезной и сложной. Если мы хотели установить относительно прочный мир, скажем, лет на сто или около того, используя монополию на столь грозное оружие, что никто даже помыслить не мог, чтобы напасть на нас, то было необходимо, чтобы политика, которую мы станем проводить, была бы куда более долговременной, чем жизнь сменяющих друг друга администраций. Но об этом позже...

Первой проблемой надлежало заняться немедленно — тут фактор времени играл решающую роль. Дело в том, что главная опасность проистекала из поразительной простоты самого оружия. Оно не требовало ничего, кроме летательных аппаратов для его доставки к цели и, разумеется, самой «пыли», которую быстро и легко мог получить любой, овладевший секретом процесса Карст—Обри и имевший доступ хотя бы к небольшому запасу урановой руды.

А сам процесс Карст—Обри был прост, и какой-нибудь независимый исследователь мог открыть его в любой мо-

мент. Маннинг доложил президенту, что, по мнению Ридпата, разделяемому самим Маннингом, любая радиационная лаборатория могла разработать сходную технологию за шесть недель, если она воспользуется теми выводами, которые можно сделать на основе берлинских событий; а затем еще за шесть недель такая лаборатория сумела бы произвести достаточно «пыли», чтобы вызвать самые страшные последствия.

Итак, девяносто дней! Девяносто дней, и *это при условии*, что работа начнется с нуля, что у них нет разработок, прошедших хотя бы половину пути, ведущего к достижению поставленной цели. Если да, тогда меньше девяноста дней, может быть даже завтра...

К этому времени Маннинг неофициально уже стал членом кабинета. «Пылевой министр» — так его назвал президент в одну из своих редких минут хорошего настроения. Что касается меня, то что ж... Я тоже присутствовал на заседаниях кабинета. Поскольку я был единственным непрофессионалом и к тому же свидетелем всего спектакля от начала до конца, то президент хотел, чтобы я всегда был под рукой...

Человек я простой и лишь благодаря стечению совершенно невероятных обстоятельств вдруг оказался засунутым в совет правителей. Однако вскоре выяснилось, что правители тоже обыкновенные люди и нередко столь же малокомпетентные, как и я.

А вот Маннинг был человеком необыкновенным. Обычный здравый смысл в нем поднимался до уровня гениальности. О да, я знаю, что сейчас принято взваливать всю вину на него и обзывать его всяческими словами — от «предателя» до «бешеной собаки». Но я и теперь считаю, что он был мудр и благожелателен. И наплевать мне на то, сколько этих историков, крепких задним умом, не согласны со мной.

— Я предлагаю, — сказал Маннинг, — начать с запрещения всем самолетам на земном шаре подниматься в воздух.

Министр торговли высоко поднял брови.

— Не начинаете ли вы. — сказал он, — давать волю своей фантазии, полковник Маннинг?

— Ни в коем случае, — резко возразил Маннинг, — я исхожу из реальных предпосылок. Ключом к решению нашей проблемы является самолет. Без самолета «пыль» — неэффективное оружие. Единственная возможность, которую я вижу, чтобы выиграть время, необходимое для решения проблемы в целом, — это посадить на землю все летательные аппараты и запретить ими пользоваться. Абсолютно все самолеты, то есть, конечно, кроме тех, которые находятся на вооружении армии Соединенных Штатов. После этого мы сможем заняться полным всемирным разоружением и выработкой надежных методов контроля.

— Но послушайте, — возопил министр, — уж не хотите ли вы предложить запретить функционирование коммерческих авиалиний? Это же важнейшая отрасль мировой экономики! Это принесет немыслимые неприятности!

— Быть убитым — еще больший идиотизм, — упрямо гнул свое Маннинг. — И я действительно предлагаю эту меру. Все самолеты. *Все!*

До сих пор президент внимательно слушал, но в дискуссию не вступал. Теперь же он вмешался:

— А как же те самолеты, от которых зависит сама жизнь некоторых групп населения? Как, к примеру, на счет авиалиний на Аляске?

— Если подобные обстоятельства существуют, самолеты должны быть переданы в эксплуатацию американским военным летчикам и американским военным же экипажам. Без всяких исключений.

Министр торговли выглядел совершенно ошеломленным.

— Могу ли я из этого ответа сделать вывод, что вы намерены распространить подобный запрет не только на другие страны, но и на *Соединенные Штаты*?

— Естественно.

— Но это же невозможно! Это противоречит конституции! Это нарушает гражданские права!

— Когда человека убивают, его гражданские права тоже нарушаются, — продолжал гнуть свое Маннинг.

— С этим у вас ничего не получится! Любой федеральный суд в нашей стране через пять минут отменит этот запрет!

— Мне кажется, — медленно начал Маннинг, — что Энди Джефферсон создал нам неплохой прецедент на сей счет, когда велел Джону Маршаллу проваливать. — Он не торопясь обвел глазами лица сидевших за столом, лица, выражение которых варьировалось от нерешительности до явной враждебности. — Проблема необычайно остра, джентльмены, и, пожалуй, нам лучше обсудить ее со всей откровенностью. Перед нами выбор — стать ли нам мучениками, внешне сохранив порядок, конституционность и соблюдение буквы закона, или же сделать то, что должно быть сделано, и остаться в живых, а уже после утрясти правовые аспекты.

Маннинг замолчал и спокойно ожидал, что же будет дальше.

Перчатку поднял министр труда:

— Не думаю, что полковник хоть в чем-то исходит из реального положения вещей. Мне кажется, что я тоже вижу эту проблему, и, должен признаться, она представляется мне в высшей степени серьезной. «Пыль» ни под каким видом не должна больше применяться. Если б я узнал о ее существовании хоть немножко раньше, она никогда бы не была использована в Берлине. И я согласен, что какая-то форма международного контроля должна быть обязательно разработана. Однако я полностью расхожусь с полковником в вопросе о методах. То, что он предлагает, есть военная диктатура, силой навязанная всему миру. Признайтесь, полковник! Разве не это вы предлагаете?

Маннинг не дрогнул:

— Именно это я и предлагаю.

— Ну, спасибо! Вот теперь все стало ясным! Я, например, не считаю демократические порядки и конституционные процедуры столь маловажными, что способен отбросить их прочь в любой момент, который сочту для

этого подходящим. Для меня демократия — это больше чем целесообразность, для меня это вопрос веры. Либо она спасет меня, либо я вместе с ней пойду на дно.

— И что же вы предлагаете? — спросил президент.

— Чтобы мы рассматривали данную ситуацию как предпосылку создания мирового демократического сообщества! Давайте используем наше нынешнее доминирующее положение и бросим клич всем народам Земли, чтоб они прислали своих представителей на конференцию по выработке Всемирной конституции.

— Лига Наций, — услышал я чье-то бормотание.

— Нет, — откликнулся министр на эту реплику, — нет, вовсе не Лига Наций. Прежняя Лига была беспомощной, ибо не имела ни опыта, ни сил. У нее не было рычагов, чтобы обеспечить выполнение своих решений, это был просто дискуссионный клуб, дешевка. Тут все будет иначе, ведь мы *передадим «пыль» в руки нового сообщества!*

На несколько минут воцарилось безмолвие. Просто можно было видеть, как они прокручивают эту мысль в своих умах, то сомневаясь, то в чем-то одобряя, заинтригованные, но еще не убежденные.

— Я хотел бы ответить на это, — нарушил молчание Маннинг.

— Валяйте, — разрешил президент.

— Обязательно. Я собираюсь изложить все самым доходчивым языком — и, надеюсь, министр Ларнер окажет мне честь и поверит, что мной руководит только искренняя и глубокая заинтересованность в деле, а не желание одержать победу в эффектном словесном турнире.

Я считаю, что всемирная демократия была бы расчудесной штукой, и прошу вас верить мне, когда я говорю, что с радостью отдал бы свою жизнь ради достижения такой цели. А еще я думаю, как было бы прекрасно, если бы лев улегся подремать рядом с ягненком. Только я почти уверен, что единственным восставшим ото сна был бы лев. Если мы хотим попытаться создать мировой демократический порядок, то, боюсь, в этом случае нам уготована роль ягненка.

Существует множество прекрасных и добрых людей, которые сейчас по своим взглядам являются интернационалистами. Из каждых десяти таких — девять слегка чокнутые, а десятый — просто олух. Если мы создадим мировую демократию, то на какой электорат она будет опираться? Давайте проанализируем факты: четыреста миллионов китайцев, у которых такое же представление о процедуре выборов и о гражданской ответственности, как у блохи; триста миллионов индийцев, обладающих в данной области ничуть не большим образовательным уровнем; один бог знает, сколько миллионов в Евразийском Союзе, верящих опять же бог знает во что; весь африканский континент, который вряд ли можно назвать даже полумодернизированным; восемьдесят миллионов японцев, твердо убежденных в своем божественном праве на руководство миром; наши латиноамериканские друзья, которые то ли будут с нами, то ли ополчатся против нас, которые понимают Билль о правах совершенно иначе, чем мы; четверть миллиарда человек, принадлежащих к дюжине европейских наций, сердца которых наполняет черная ненависть и жажда мести.

Нет, ничего хорошего не выйдет. Нелепо даже говорить о мировой демократии в течение многих и многих лет, ожидающих нас впереди. Если вы откроете тайну радиоактивной «пыли» такой компании, вы вручите миру оружие для самоубийства.

Ларнер ответил ему с ходу:

— Я мог бы опровергнуть многое из сказанного вами, но не стану этого делать. Если говорить прямо, то я вижу, в чем тут дело. Ваша беда, полковник Маннинг, в том, что вы профессиональный военный и не верите в народ. Солдаты могут приносить пользу в определенных ситуациях, но все равно худшие из них — тупые солдафоны, а лучшие — всего лишь патерналисты...

Все прочее было выдержано примерно в том же духе.

Маннинг спокойно ждал, когда придет его черед отвечать.

— Может быть, я и есть то самое, о чем вы говорили, но вы ничего не возразили по существу моей аргумента-

ции. *Что вы собираетесь сделать с сотнями миллионов людей, у которых нет ни демократических традиций, ни любви к демократии?* Да, возможно, моя концепция демократии отличается от вашей, но я твердо знаю вот что: здесь, на Западе, есть пара сотен тысяч избирателей, пославших меня в Конгресс; и я *не* намерен стоять в стороне и спокойно смотреть, как прокладывается курс, который неизбежно приведет к их гибели или к полному краху.

Вот наше вероятное будущее, которое мне видится в случае, если будет реализовано расщепление атомного ядра и начнет развиваться производство смертельно опасных радиоактивных искусственных веществ. Какая-то страна в скором времени создаст у себя запасы радиоактивной «пыли». Она нанесет нам удар первой, чтобы вывести из игры и развязать себе руки. Вначале одновременно будут уничтожены Нью-Йорк и Вашингтон, а затем, пока мы политически и экономически дезорганизованы, все наши промышленные зоны. Но в этих городах не будет нашей армии; у нас сохранится воздушный флот и запас «пыли», спрятанный где-то там, куда не достанет первый удар. Наши ребята отважно и с полным правом начнут уничтожать города напавшей на нас страны. Это будет продолжаться, пока оба государства не ослабнут настолько, что уже не смогут поддерживать тот высокий уровень индустриального развития, который нужен, чтобы строить самолеты и производить «пыль». В результате начнется голод и эпидемии опаснейших болезней. Детали можете дорисовать сами.

А потом в игру вступят другие страны. Конечно, это будет самоубийственная глупость, но, чтобы вступить в драку, больших мозгов не надо. Для этого нужны всего-навсего крохотная группа, рвущаяся к власти, несколько самолетов и запас «пыли». *Это тот порочный круг, который невозможно разорвать, пока вся планета не опустится ниже того уровня развития экономики, который нужен, чтобы поддерживать технологию, необходимую для своего дальнейшего функционирования.* По моим расчетам, такая точка может быть достигнута к тому времени, когда три

четверти населения Земли уже вымрут от «пыли», болезней и голода, а культура упадет до уровня деревенско-земледельческой.

Так где же окажется ваша конституция и ваш Билль о правах, если вы дадите такому свершиться?

Я передаю все это в весьма сокращенном виде, но смысл был именно таков. Считаю безнадежной попытку запоминать каждое слово в этих спорах, длившихся несколько дней.

Следующим за Маннингом принялся дискутировать министр военно-морского флота:

— А вам не кажется, что вы несколько склонны к истерике, полковник? В конце концов, наш мир повидал немало видов вооружения, которые должны были сделать войну настолько невообразимо ужасной, что о ней невозможно будет помыслить. Отравляющие газы, танки, самолеты, даже, если не ошибаюсь, огнестрельное оружие...

Маннинг криво усмехнулся:

— Вы это тонко подметили, господин министр. «И когда волк *действительно* пришел, мальчик напрасно звал на помощь». Могу представить себе торговую палату Помпеи, противопоставляющую столь же логичные аргументы какому-нибудь древнему вулканологу, столь робкому, что он испытывал недоверие даже к Везувию. Попробую доказать оправданность моих опасений. «Пыль» отличается от более ранних видов оружия как своей смертоносностью, так и легкостью применения, но особенно тем, что нам не удалось разработать никаких средств защиты от нее. По ряду веских технических причин я сомневаюсь, что это будет когда-либо сделано; во всяком случае, в нашем столетии это в высшей степени маловероятно.

— Но почему?

— Потому что радиации невозможно противодействовать, если вы не установите между собой и ею свинцовую преграду; к тому же эта преграда должна быть *воздухонепроницаемой*. Люди смогут выжить только в герметически закрытых подземных городах, но в этих условиях

наша специфическая американская культура вряд ли имеет шанс сохраниться.

— Полковник Маннинг, — вступил в разговор государственный секретарь, — мне кажется, вы проглядели весьма очевидную альтернативу.

— Вот как?

— Да. Надо удержать «пыль» в тайне, продолжать идти своим путем и предоставить остальному миру заботиться о своих делах. Это единственная программа, которая опирается на наши национальные традиции.

Государственный секретарь был настоящим джентльменом старой школы, отнюдь не глупым, но новые мысли он усваивал с некоторым трудом.

— Мистер секретарь, — почтительно возразил Маннинг, — мне тоже хотелось бы занять позицию невмешательства в чужие дела. Да, я очень хотел бы этого. Но, по твердому убеждению всех экспертов, нам не удастся удержать контроль над этой тайной иначе как применяя жесткие меры. Немцы и раньше чуть ли не наступали нам на пятки в области атомной физики; только по счастливой случайности нам удалось стать первыми. И я прошу вас подумать о Германии, о той Германии, какой она станет год спустя — обладательницей солидного запаса «пыли».

Секретарь ничего не ответил, но я видел, как его губы беззвучно произнесли слово «Берлин».

И все началось по новой. Президент умышленно предоставил Маннингу честь нести на своих плечах основную тяжесть дискуссии, сохраняя весь запас своей спокойной доброжелательности для умиротворения особо ожесточенных противников. Он решил не передавать дело на обсуждение Конгресса, так как самолеты-опылители окажутся над нашими головами задолго до того, как все сенаторы успеют высказать свои соображения по данной проблеме. То, что он собирался сделать, возможно и не вполне соответствовало конституции, но если ему не удалось бы осуществить это, то в скором времени от самой конституции не осталось бы и следа. Тем более что имелись прецеденты: отмена рабства в южных штатах, доктрина Монро, «Луизианская покупка», отмена «habeas cor-

pus»¹ во время Гражданской войны, соглашение о соотношении морских флотов.

22 февраля президент ввел на всей территории страны чрезвычайное положение и отправил «Декларацию мира» главам всех суверенных государств. Если очистить ее от всякой дипломатической шелухи, то она гласила: *Соединенные Штаты обладают возможностью нанести сокрушительное поражение любой державе или любому союзу держав в кратчайшие сроки. В соответствии с этим мы объявляем войну вне закона и призываем все страны полностью разоружиться.* Попросту говоря: «Бросай оружие, ребята! Мы держим вас на мушке».

В приложении формулировалась следующая процедура: все самолеты, способные пересечь Атлантику, должны быть в недельный срок перегнаны на аэродром, точнее, на огромный степной участок, выделенный к западу от Форт-Райли в Канзасе. Для машин меньшего радиуса действия в качестве сборных пунктов отводилась территория вблизи Шанхая и в Уэльсе. Меморандум в отношении прочего военного оборудования должен появиться позже. Уран и его руды даже не были упомянуты; это оставлялось «на потом».

И никаких послаблений. Отказ от разоружения будет расцениваться как акт войны против Соединенных Штатов.

В сенате не случилось ни единого апоплексического удара. Почему — понять не могу.

Серьезно беспокоиться следовало лишь о трех державах: Англия, Япония и Евразийский Союз. Англия была предупреждена заранее; как-никак мы вытащили ее из войны, которую она уже проигрывала, так что она, а вернее люди, стоявшие у власти, великолепно знали, что мы можем сделать с ними и что наверняка сделаем в случае необходимости.

Другое дело — Япония. Японцы не видели Берлина и даже абсолютно не верили в то, что там действительно

¹ Закон о неприкосновенности личности (1679 г.).

что-то произошло. Кроме того, они так долго убеждали друг друга в своей непобедимости, что в конце концов сами полностью уверовали в нее. Слишком крутой и быстрый нажим на японцев не мог дать ожидаемых результатов, так как они скорее умрут, нежели согласятся потерять лицо. Поэтому переговоры с ними велись в исключительно вежливых тонах, но наш флот уже находился на полпути от Перл-Харбора к Кобе, снабженный таким количеством «пыли», чтобы можно было полностью «стерилизовать» шесть самых больших городов страны еще до конца переговоров. А знаете, что сработало лучше всего? Это не попало в газеты, но результат дал текст из листовок, которые мы намеревались распространить перед применением «пыли».

Император был рад провозгласить наступление Нового Мирового Порядка. По официальной версии, запущенной только для внутреннего употребления, это был результат тесного сотрудничества двух великих дружественных держав, причем инициатива принадлежала самой Японии.

Что касается Евразийского Союза, то он был настоящей загадкой. После неожиданной смерти Сталина в 1941 году¹ ни одна из стран Запада не знала хорошенько, что же там происходит. Наши собственные дипломатические отношения с ним почти атрофировались, благодаря тому что нам не удалось заменить там своих дипломатов, отозванных почти четыре года назад. Всем, конечно, было известно, что стоявшая у власти новая клика именовала себя Пятым интернационалом, но что это означало, никто толком не знал, если исключить отказ от привычки всюду вывешивать портреты Ленина и Сталина.

Однако Союз согласился на наши условия и предложил сотрудничество по всем линиям, их руководство подчеркивало, что Союз никогда не принадлежал к числу агрессоров и благодаря этому не принимал участия в последней мировой схватке. И будет закономерно, что две

¹ Рассказ написан до 1941 г., и тогда именно так сработала фантазия автора.

оставшиеся великие державы используют свое могущество для обеспечения прочного мира.

Я был в восторге; дело в том, что Евразийский Союз меня всегда очень беспокоил.

Союз спешно обеспечил доставку части своих малых самолетов на сборный пункт вблизи Шанхая. Доклады о количестве и качестве этих машин, видимо, должны были показать, что Союз не без причины не участвовал в войне: самолеты были преимущественно германского производства и в очень плохом состоянии — эти модели Германия сняла с производства еще в самом начале войны.

Маннинг отправился на Запад, чтобы проверить некоторые детали, касавшиеся задачи по выведению из строя самых больших трансокеанских самолетов, сконцентрированных возле Форт-Райли. Мы планировали опрыскать их нефтью, а потом опылить с небольшой высоты, как это делается при обработке полей гербицидами, причем «пыль» должна иметь малую концентрацию и полураспад, равный году. После этого о самолетах можно надолго забыть и на досуге заняться другими делами.

Однако тут были свои трудности. Нельзя было допустить, чтобы «пыль» проникла в Канзас-Сити, Линкольн, Уичито, то есть в любой из ближних больших городов. Население маленьких городишек вокруг следовало временно эвакуировать. На всех направлениях нужно было создать опытные станции, которые вели бы тщательное наблюдение за поведением «пыли». Маннинг считал себя персонально ответственным за то, чтобы не допустить ни единого случая облучения среди здешнего населения.

Мы облетели сборочный пункт для самолетов, прежде чем сесть в Форт-Райли. Я увидел три больших аэродромных поля, на которых в спешке велись работы по выравниванию почвы. Посадочные полосы в ярком солнечном свете казались белыми — бетон, затвердевший за двадцать четыре часа, еще не успел загрязниться. Вокруг каждого аэродрома находились десятки парковочных стоянок, где земляные работы велись менее тщательно. На некоторых из них еще продолжали трудиться тракторы и бульдозе-

ры. На самых восточных аэродромах уже разместились германские и английские самолеты, стоявшие тесно, крылом к крылу, как стоят только самолеты на взлетных палубах авианосцев, за исключением нескольких машин, которые все еще буксировались на место; крохотные тракторы выглядели с высоты мурашами, которые тащат листочки размером намного больше их самих.

Из Евразийского Союза прибыли только три «летающие крепости». Представители Союза испросили небольшую отсрочку, для того чтобы успеть доставить на свои аэродромы нужное количество высокооктанового топлива. Они заявили, что запасы топлива, способного обеспечить безопасность длительного перелета через Арктику, у них ограничены. Проверить справедливость их утверждений мы не могли, а потому согласились на отсрочку, пока не будет подвезено горючее из Англии.

Мы уже готовились к отлету, Маннинг был вполне удовлетворен мерами обеспечения безопасности, но тут пришла депеша, сообщавшая, что еще до наступления вечера к месту парковки ожидается прибытие «крыла» евразийских бомбардировщиков. Маннинг захотел дожидаться их прилета, и нам пришлось провести здесь еще около четырех часов. Когда наконец сообщили, что наши истребители встретили евразийские бомбардировщики на канадской границе, Маннинг почему-то вдруг заметно занервничал и заявил, что намерен наблюдать за их посадкой с воздуха. Мы взлетели, набрали высоту и стали ждать.

В «крыле» бомбардировщиков было девять, они шли эшелонированной колонной и были так огромны, что наши крохотные истребители рядом с ними казались почти невидимками. Бомбардировщики сделали круг над аэродромом, и я подивился их гордому достоинству, когда пилот Маннинга — лейтенант Рафферти — вдруг воскликнул:

— Какого черта! Они, кажется, собираются садиться по ветру!

До меня еще ничего не дошло, но Маннинг крикнул второму пилоту:

— Соедини меня с аэродромом!

Тот повозился со своей аппаратурой и объявил:

— Аэродром на линии, сэр.

— Общая тревога! Надеть броню!

Мы, естественно, не слышали сирен, но я видел, как белые плюмажи появились из большого парового свистка на крыше административного здания — три длинных, а потом три коротких. И мне показалось, что почти в то же мгновение выплыло первое облако из евразийского бомбардировщика.

Вместо того чтобы приземлиться, бомбардировщики прошли на небольшой высоте над сборным пунктом, забитым машинами со всего земного шара. Каждый эшелон выбрал одну из трех групп стоянок, расположенных вокруг аэродромов, и струи тяжелого коричневого дыма пролились из брюха евразийских кораблей. Я видел, как крохотная фигурка соскочила с трактора и опрометью помчалась к ближайшему зданию. Затем дымовая пелена укрыла все поле.

— Есть ли еще контакт с аэродромом? — спросил Маннинг.

— Да, сэр.

— Переключитесь на главного инженера по безопасности. Быстро!

Второй пилот включил усилитель, чтобы Маннинг мог разговаривать напрямую.

— Сондерс? Говорит Маннинг. Что у вас происходит?

— «Пыль» радиоактивная, сэр. Интенсивность семь целых четыре десятых.

Они полностью воспроизвели технологию Карст—Обри!

Маннинг отключился и отдал распоряжение аэродромному отделу связи немедленно соединить его с начальником штаба. Последовало истерзавшее нас долгое ожидание, так как сначала нужно было получить Канзас-Сити, а там уговаривать какую-то местную шишку на ровном месте, чтобы она дала распоряжение на время реквизировать междугородную линию, находившуюся в частном коммерческом пользовании. Но все же нам удалось пробиться, и Маннинг доложил обстановку.

Я слышал, как он говорил:

— Вполне вероятно, что другие авиасоединения уже сейчас на подходе к нашей границе... Нью-Йорк и, конечно, Вашингтон... возможно, еще Детройт и Чикаго... остается только гадать...

Начальник штаба резко закончил разговор без всяких комментариев. Я знал, что американские военно-воздушные силы, уже несколько недель находившиеся в режиме боевой тревоги, через несколько секунд получают приказ и поднимутся в воздух, чтобы встретить и сбить агрессоров, если можно, еще до того, как те подлетят к намеченным городам.

Я снова оглядел поле боя. Стройный порядок вражеских эшелонов нарушился. Один из евразийских бомбардировщиков был сбит и рухнул на землю в полумиле от аэродрома. Пока я смотрел, один из наших маленьких пикирующих бомбардировщиков с жутким визгом ринулся на евразийского гиганта и обрушил на него свои бомбы. Они, видно, попали куда надо, но американский летчик позволил себе подойти к цели слишком близко, не успев отвернуть машину в сторону и погиб даже раньше своей жертвы.

Нет смысла повторять газетную болтовню насчет «Четырехдневной войны». Важно то, что мы могли ее просто проиграть, если бы не совершенно уникальное сочетание удачи, предусмотрительности и хорошего управления. Очевидно, физики-ядерщики Евразийского Союза продвинулись в своих разработках почти столь же далеко, как и группа Ридпата, а берлинская катастрофа дала им ключ к тому, что надо было делать дальше. Но мы принудили их спешить, заставили предпринять действия еще до того, как они успели подготовиться как следует, — заставили своей «Декларацией мира», которая установила очень жесткие сроки окончательного разоружения.

Если бы президент потерял время на борьбу с Конгрессом, прежде чем обнародовать свою «Декларацию», Соединенные Штаты просто перестали бы существовать.

Заслуга Маннинга в этом деле никогда не была публично признана, но мне совершенно ясно, что он предвидел возможность чего-то вроде «Четырехдневной войны» и приготовился к ней, разработав с дюжину разных хитрых ходов. Я не имею в виду военные приготовления, об этом позаботились армия и флот. Но то, что Конгресс именно в это время оказался распущенным на каникулы, отнюдь не было случайностью. Я в какой-то степени сам причастен к торговле голосами и компромиссным сделкам, которые содействовали этому, так что знаю, о чем говорю.

И я спрашиваю вас: неужели полковник стал бы проделывать все эти хитроумные маневры, имевшие целью удалить Конгресс из Вашингтона на то время, покуда городу, по его мнению, угрожала опасность атаки, если бы Маннинг действительно обладал диктаторскими амбициями?

Разумеется, именно президент стоял за этим распоряжением о десятидневных каникулах, которые получили почти все чиновники Вашингтона, и, надо думать, он же лично принял решение о своей поездке по южным штатам в те же самые дни, но, несомненно, именно Маннинг вложил ему в голову идею о необходимости подобных мер. Невозможно представить, чтобы президент покинул столицу только для того, чтоб избежать опасности, угрожавшей ему лично.

И еще эта история с паникой из-за чумы. Не знаю, как и когда Маннинг начал действовать в данном направлении, — в моих записных книжках об этом нет ни слова, но я просто не могу поверить, что абсолютно ни на чем не основанные слухи насчет эпидемии бубонной чумы могли заставить Нью-Йорк опустеть как раз ко времени налета евразийских бомбардировщиков.

Хотя даже в этом случае мы потеряли более восьмисот тысяч жизней только в одном Манхэттене.

Конечно, вину за потерянные жизни возложили на правительство, и газеты были беспощадны в своей критике его неспособности предвидеть будущее и провести организованно эвакуацию населения вообще всех крупных городов.

Но почему, если Маннинг предвидел неприятности, он не потребовал эвакуации?

Что ж, насколько я понимаю, это случилось вот по какой причине.

Большие города нельзя эвакуировать, просто приводя рациональные аргументы. Масштабы эвакуации лондонского населения были, как известно, весьма невелики, а мы сами потерпели неудачу в попытке вызвать массовый исход берлинцев. Жители Нью-Йорка знали об опасности воздушных налетов еще с 1940 года и с тех пор успели свыкнуться с этой мыслью.

Однако страх перед мифической эпидемией чумы вызвал самый массовый исход населения, который когда-либо видели огромные города.

И не забывайте о том, что мы сами сделали с Владивостоком, Иркутском и Москвой, а ведь там тоже жили люди, которые ни в чем не виноваты. Война — гнуснейшая штука.

Я уже говорил, что какую-то роль в нашей судьбе сыграла и удача. Навигационная ошибка привела к тому, что один из наших самолетов опылил не Москву, а Рязань, но эта ошибка вывела из строя лабораторию и завод, которые были единственными производителями боевых радиоактивных веществ в Евразийском Союзе. А предположим, что все случилось бы наоборот, что один из евразийских самолетов, атаковавших Вашингтон, округ Колумбия, по ошибке «захватил» бы лабораторию Ридпата, находившуюся в сорока пяти милях от столицы — уже в пределах штата Мэриленд?

Конгресс собрался вновь уже во временной столице — Сент-Луисе, и Миротворческая американская экспедиция принялась вырывать клыки у Евразийского Союза. Это не была военная оккупация в обычном смысле слова; у нее были две главные цели: обнаружить и опылить все самолеты, все авиационные заводы и аэродромы и отыскать и опылить все радиационные лаборатории, источники получения урана, жилы карнитита и урановой смолки. Никаких попыток изменить состав правительства или вмешаться в его работу не предпринималось.

Мы прибегли к «пыли» с двухлетним периодом полураспада, что дало нам передышку, достаточную для того, чтобы успеть укрепить свое положение. Информаторам было предложено весьма щедрое вознаграждение, этот прием хорошо сработал не только в Евразийском Союзе, но и в подавляющем большинстве других регионов мира.

«Соглядатай» — прибор для вынюхиваний радиации, основанный на принципе электроскопии и существенно модернизированный инженерами Ридпата, сильно упростил поиск урана и урановых руд. Сеть «соглядатаев», правильно расположенная на подозрительной территории, могла обнаружить любое существенное количество урана так же легко, как пеленгатор обнаруживает радиопередатчик.

Однако, несмотря на отменную работу генерала Булфинча и Миротворческой экспедиции в целом, именно ошибочная бомбежка Рязани помогла завершить указанные выше работы в самые сжатые сроки.

Если кого-то интересуют детали миротворческой деятельности, осуществленной в 1945–1946 годах, ему следует обратиться к «Материалам Американского фонда социальных исследований», где опубликована статья, озаглавленная «Результаты проведения американской миротворческой политики с февраля 1945 года». На практике решение проблемы полицейского контроля над вооружениями во всем мире поставило Соединенные Штаты перед еще более важной задачей — усовершенствованием политики, способной навсегда исключить переход смертоносного оружия в ненужные руки.

Эту задачу так же легко сформулировать, как задачу о квадратуре круга, и почти так же невозможно решить. И Маннинг, и президент верили, что Соединенные Штаты должны в какой-то мере сохранять власть в своих руках, пока не будет создан какой-то постоянный орган, которому можно будет передать эти функции. Вся трудность, конечно, заключалась в том, что внешняя политика находится одновременно под контролем президента и Конгресса. На наше счастье, в то время мы имели и хорошего президента, и адекватный ему Конгресс, но ведь

не было никакой гарантии, что такое положение сохранится и в будущем. В свое время у нас бывали и никуда не годные президенты, и рвущиеся к власти конгрессмены. О да — были! Почитайте хотя бы историю Мексиканской войны.

Мы стояли на пороге того, чтобы вручить будущим правительствам Соединенных Штатов силу, которая способна превратить весь земной шар в империю, в *нашу* империю. И по трезвой оценке президента, наша весьма специфическая и обожаемая демократическая культура никак не могла бы устоять перед подобным соблазном. Империализм равно разлагает и угнетателей, и угнетаемых.

Президент был полон решимости использовать нашу внезапно обретенную силу лишь для самого необходимого условия поддержания мира во всем мире — для запрета войны, и ни для чего более. Она не должна была применяться ни для защиты американских инвестиций за рубежом, ни для навязывания выгодных торговых соглашений — словом, ни для чего, кроме простой отмены массовых убийств.

Социология не наука. Возможно, когда-нибудь она и станет наукой, если, например, точная физика породит доскональное знание коллоидной химии, а это, в свою очередь, даст полное понимание биологии, а там уж и дефинитивной психологии. Когда это произойдет, мы, может быть, и начнем разбираться в социологии и политике. Возможно, так оно и случится, но уж никак не раньше пятитысячного года нашей эры, если допустить, что человеческая раса не совершит самоубийства задолго до этого.

А пока нам нужно опираться только на здравый смысл, эмпирически установленные законы да еще на интуитивное понимание вероятности. Маннинг и президент действовали практически наугад.

Договоры с Великобританией, Германией и Евразийским Союзом, согласно которым мы брали на себя ответственность за поддержание мира во всем мире и в то же время гарантировали договаривающимся сторонам

защиту от нашего злоупотребления властью, были спешно заключены в период расцвета дружелюбия и доверия, наступивший сразу же после окончания «Четырехдневной войны». Мы следовали прецедентам типа соглашений о Панамском канале, Суэцком канале и о предоставлении независимости Филиппинам.

Под всем этим скрывалась главная цель — заставить будущие правительства Соединенных Штатов неукоснительно проводить доброжелательную политику по отношению к другим странам.

Для обеспечения действия указанных договоров был принят закон о создании Комитета мировой безопасности, после чего полковник Маннинг стал комиссаром Маннингом. Члены созданного Комитета назначались на пожизненный срок. Целью закона было создание органа, единого, несменяемого и свободного от всякого внешнего давления, подобно Верховному суду Соединенных Штатов. Поскольку договоры предполагали наличие взаимного доверия, Комитет формировался не обязательно из одних американских граждан, и клятва, которую давали его члены, требовала от них, чтобы они заботились *о поддержании мира во всем мире.*

Провести эту статью через Конгресс было нелегко! Ведь прежде клятвы такого рода приносились лишь в верности Конституции Соединенных Штатов.

И тем не менее Комитет был создан. Он взял на себя заботу об авиационном парке земного шара, провозгласил свой контроль над радиоактивными материалами, естественными и искусственными, и принялся осуществлять весьма непростую задачу по организации Патрульной службы охраны мира.

Маннингу патруль виделся как международные полицейские силы, как своего рода полицейская аристократия, которой, благодаря тщательному отбору и идеологической обработке, можно будет доверить безграничную власть над жизнью любого человека от мала до велика, проживающего на нашей планете. Ибо власть патруля *должна* была стать неограниченной; необходимость спас-

ти мир от возможности, что страшное и непобедимое оружие вырвется из-под контроля, аксиоматично требовала, чтобы гаранты безопасности были облечены такой властью, которая, по определению, может считаться почти Божественной. Ведь не будет *никого*, кто мог бы контролировать или направлять действия этих самодостаточных хранителей. Их личностные характеристики и поголовная слежка друг за другом — вот все, что будет стоять преградой между человеческой расой и ее полным уничтожением.

Впервые в истории высшая политическая сила должна была действовать без внешних механизмов сдерживания и противовесов. Маннинг попытался усовершенствовать эту власть, но его не покидало щемящее подсознательное чувство того, что сделать это не под силу человеческой природе.

Состав Комитета пополнялся очень медленно, имена будущих его членов сообщались сенату лишь после долгого обсуждения каждой кандидатуры Маннингом и президентом. Директор Красного Креста, маленький никому не известный профессор истории из Швейцарии и доктор Игорь Римский, который независимо от ученых лаборатории Карст—Обри разработал технологию получения «пыли», а потом, уже после опыления Москвы, обнаруженный американской полицейской службой в тюремной камере, — вот эти трое были единственными иностранцами в его составе. Остальные имена вам хорошо известны.

Ридпат и его сотрудники, естественно, превратились в группу технических советников Комитета; из армейских и флотских летчиков набрали первых патрульных. Далеко не все из наличного летного состава годились для этой цели; их данные подвергались тщательному изучению, их привычки и круг знакомых скрупулезно проверялись, их умственная деятельность, их эмоциональный настрой были протестированы с применением самых современных методов психологических исследований, хотя эти методы сами по себе были не так уж надежны. Окончательное решение о зачислении в патруль зависело от

двух личных собеседований: одного — с Маннингом, другого — с президентом.

Маннинг сказал мне, что он доверяет президентскому впечатлению о характере будущих патрульных больше, чем ассоциативным и прочим проверочным тестам, изобретенным психологами. У него чутье как у гончей, говорил он, за свои сорок лет работы в сфере практической политики он встречал больше жуликов, чем мы с тобой, вместе взятые, увидим за всю жизнь, и каждый из них пытался ему что-то всучить. Да он их на ошупь в темноте опознает.

План на дальнюю перспективу включал также открытие училищ для подготовки кадетов-патрульных, училищ, куда принимались бы юноши любой расы, любого цвета кожи или национальности, которые после окончания учебы направлялись бы охранять мир в любой стране, *кроме своей собственной*. В родную страну патрульные не могли вернуться вплоть до окончания срока службы. Из таких вот людей и предполагалось создать подразделение искусственно лишенных родины янычар, ответственных лишь перед Комитетом и всем человечеством и спаянных воедино тщательно культивируемым представлением о чести мундира.

Такая идея могла сработать. Если бы Маннингу дали еще двадцать лет жизни и деятельности без помех, его оригинальный план можно было бы осуществить.

Кандидатура на пост вице-президента на предстоящих выборах получила одобрение в результате политического компромисса. Этот кандидат был убежденным изоляционистом, который с самого начала выступал против Комитета мировой безопасности, но выбирать приходилось между ним и расколом в рядах партии, да еще в год, когда оппозиция особенно набрала силу. Президента избирали снова, но число его сторонников в Конгрессе явно поубавилось; только его право вето дважды спасло от отмены Закон о мире. Вице-президент не делал ничего, чтобы помочь президенту, хотя на публике еще никогда не выступал в роли мятежника.

Маннинг пересмотрел свои планы с целью закончить разработку детальной программы уже к концу 1952 года, поскольку было очень трудно предвидеть, каков будет характер будущей администрации.

Мы оба были перегружены работой, и я постепенно начал осознавать, что мое здоровье ушло безвозвратно. Причину долго искать не пришлось: фотопленка, приложенная к моей коже, темнела уже через двадцать минут. Я страдал от кумулятивного отравления маленькими дозами радиации. Оформившихся раковых опухолей, которые поддавались бы операции, не было, но отмечалась систематическая деградация функций всех органов и тканей. Методов лечения не было, и была работа, которая ждать не могла. Свое состояние я связывал преимущественно с той неделей, которую провел, сидя на контейнерах, сброшенных потом на Берлин.

17 февраля 1951 года я пропустил срочное телевизионное сообщение о крушении самолета, в котором погиб президент, — в это время я валялся больным дома. Маннинг теперь требовал, чтобы я каждый день после обеда отдыхал, хотя от дежурства меня не освобождали. Поэтому я впервые услышал о несчастье от своей секретарши, только когда вернулся в офис, и тут же бросился в кабинет Маннинга.

В этой нашей встрече было нечто нереальное. Мне показалось, что мы каким-то образом сместились во времени к тому дню, когда я только что вернулся из Англии, ко дню, когда умерла доктор Карст. Маннинг поднял взгляд.

— Здравствуй, Джон, — сказал он.

И как тогда, я положил ему руку на плечо:

— Не принимайте так близко к сердцу, шеф.

Вот все, что мне удалось из себя выжать.

Через сорок восемь часов пришло распоряжение только что приведенного к присяге президента о вызове Маннинга в Белый дом на доклад. Я сам принес ему этот вызов — официальную депешу, которую мне пришлось расшифровать. Маннинг прочел ее с каменным лицом.

— Вы поедете, шеф? — спросил я.

— Что? Ну разумеется.

Я отправился в свой кабинет, чтобы взять пальто, перчатки и портфель.

Маннинг взглянул на меня, когда я вошел.

— Зря старался, Джон, — сказал он. — Ты не поедешь.

Думаю, у меня был такой упрямый вид, что ему пришлось добавить:

— Ты не поедешь, потому что у тебя здесь будет работа. Подожди минуту.

Он подошел к сейфу, покрутил диски, открыл дверцу и достал оттуда запечатанный конверт, который бросил на стол между нами:

— Тут мои распоряжения для тебя. Принимайся за дело.

Пока я открывал конверт, он вышел. Я прочел приказ и принялся за дело. Времени было в обрез.

Новый президент принял Маннинга, стоя в окружении нескольких телохранителей и приближенных. Маннинг узнал сенатора, который возглавлял общественное движение, имевшее целью использовать патруль для возвращения земель, экспроприированных в Южной Америке и Родезии; тут же был председатель комиссии по авиации, с которым Маннинг имел несколько абсолютно неудовлетворительных встреч по вопросу о выработке *modus operandi*¹ для восстановления коммерческих рейсов.

— Я вижу, вы точны, — произнес президент. — Это хорошо.

Маннинг поклонился.

— Мы можем сразу же перейти к делу, — продолжал глава исполнительной власти. — У нас произойдут некоторые изменения в политике администрации. Я хочу получить ваше заявление об отставке.

— К сожалению, вынужден отказаться, сэр.

¹ Способ действия (лат.).

— Ладно, разберемся. А пока, полковник Маннинг, вы освобождаетесь от своих обязанностей.

— Мистер комиссар Маннинг, с вашего разрешения.

Новый президент пожал плечами:

— Хотите так, хотите этак, нам все равно. В любом случае вы освобождаетесь.

— К сожалению, мне опять придется вам возразить. Мое назначение пожизненное.

— Довольно, — последовал ответ. — Это Соединенные Штаты Америки. Здесь не может существовать более высокого органа власти. Вы арестованы.

Я почти вижу, как Маннинг долго и пристально смотрит ему в лицо, а затем спокойно отвечает:

— Физически вы, конечно, можете меня арестовать, я согласен, но советую все же подождать хотя бы несколько минут. — Он подошел к окну. — Поглядите-ка на небо.

Шесть бомбардировщиков Комитета мировой безопасности кружили над Капитолием.

— Ни один из этих пилотов не является американцем, — неспешно пояснил Маннинг. — Если вы арестуете меня, никто в этой комнате не доживет до конца сегодняшнего дня.

Позже произошло несколько инцидентов вроде той неприятной истории в Форт-Беннинге три дня спустя и мятежа в «крыле» патруля, расквартированного в Лисабоне, после чего последовали массовые увольнения; однако если говорить о практических результатах, то они сводятся к свершившемуся *coup d'état*¹.

Маннинг стал неоспоримым военным диктатором земного шара.

Может или не может человек, столь ненавидимый всеми, как Маннинг, воплотить в жизнь идеальную идею того патруля, который виделся ему в мечтах, может ли он сделать эту организацию самовосстанавливающейся и сверхнадежной — я не знаю, а из-за недели, проведенной в подземном английском ангаре, у меня уже не будет

¹ Государственный переворот (*фр.*).

времени, чтобы получить ответ на этот вопрос. Сердечное заболевание Маннинга делает будущее еще более непредсказуемым — он может и протянуть еще лет двадцать, а может откинуть копыта уже завтра, и нет никого, кто мог бы занять его место. Все это я пишу для того, чтобы чем-то заполнить то короткое время, которое у меня осталось, а отчасти чтобы показать: у каждой истории есть две стороны, даже у той, которая касается владычества над миром.

Нет, ни один из возможных вариантов будущего меня не устраивает. Если есть хоть какая-то правда в болтовне насчет «жизни после смерти», то я очень хотел бы встретиться с тем парнем, что впервые изобрел лук и стрелы; я б с удовольствием разобрал его на части голыми руками. Что же касается меня самого, то я не могу ощущать себя счастливым в мире, где любой человек или любая группа людей могут присвоить себе право миловать или казнить вас, меня, наших соседей, каждого человека, каждое животное, каждое живое существо. Мне не по душе каждый, кто держит в руках такую власть.

И самому Маннингу он тоже не по душе.

КОНЕЦ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

После Второй мировой я снова взялся за перо по двум причинам: во-первых, чтобы разъяснить массовой аудитории суть атомного оружия, а во-вторых, чтобы вырваться за рамки НФ-палп-журналов с их ограничениями и низкими расценками и проникнуть по максимуму в другие сферы — в глянце-вые журналы, книги, кино, беллетристику, специализированную и документальную прозу.

Вторую задачу я выполнил и перевыполнил, зато в первой, основной, я уперся лбом в стену.

Если в августе 1945 года вы ходили пешком под стол, мне вряд ли удастся передать широчайший спектр эмоций, которые люди испытывали по отношению к А-бомбе, и полнейшее непонимание ее природы, наблюдавшееся у 99,9% населения США, *включая военное руководство, правительство — и редакторов!*

(В 1979 году широкая общественность знает о ядерном оружии не больше, чем в 1945-м. Однако неведение неведению рознь. В 1945-м оно произрастало из самодовольства; в 1976-м появились Поллианны¹, Любители-Прятать-Голову-В-Песок и Воинственные Патриоты, уверенные, что мы способны «выиграть» ядерную войну; отдельная группа — большинство? — и вовсе считает Третью мировую мелочью по сравнению с инфляцией, топливным кризисом, принудительным развозом детей на школьных автобусах. Дальше продолжите сами. Невежество 1945 года было простительным: извещение о ядерном оружии стало как гром среди ясного неба и совершенно не укладывалось в голову. Но невежеству 1979 года

¹ *Поллианна* — героиня одноименного романа Э. Портер (1913), жизнерадостная девочка, находящая во всем повод для оптимизма.

нет оправданий, объясняется оно исключительно тупостью и ленью — особо тяжкими преступлениями, за которые полагается смертная казнь.)

В попытке обрисовать эпоху после Хиросимы я написал девять статей — самых тяжелых и трудоемких за всю свою карьеру. Я никогда не тратил столько усилий, чтобы досконально изучить вопрос и сделать пугающий, жуткий рассказ интересным и легко читающимся. Статьи я предложил коммерческим изданиям — не ради денег, просто единственная пропаганда, которая способна хоть как-то повлиять на людей, требует красивой упаковки: редакторы платят за нее в надежде привлечь и развлечь состоятельную публику.

Мою пропаганду красиво упаковать не удалось.

Помешала тяжелая артиллерия.

Генерал Гровс, руководитель Манхэттенского проекта (кодовое название программы по разработке атомной бомбы), заверил, что на создание новой А-бомбы уйдет от двадцати лет до бесконечности. (Советский Союз справился за четыре года.)

По заверениям главнокомандующего ВМС США, «единственный» способ доставить бомбу к цели за океаном — это отвезти ее на корабле.

По заверениям высокопоставленного генерала армейских ВВС, «блокбастеры», или фугасные бомбы, по мощности и эффективности не уступают атомным, но обходятся во много раз дешевле.

По заверениям директора НАКА (вскоре переименованного в НАСА), межконтинентальные ракеты так и останутся чем-то из области научной фантастики (см. выпуск «Научного вестника» от 25 мая 1946 года).

Ad pauseum¹ — старые моряки мечтают о деревянных кораблях, а старые солдаты о коннице.

Но статьи я продолжал сочинять — до тех пор, пока СССР не отверг предложение Соединенных Штатов о контроле над атомным оружием и запрете его использования с помощью договора об «открытом небе» и взаимных наземных инспекций. Иными словами, все страны мира жертвуют ООН частичку своего суверенитета и тем самым делают войны с использованием оружия массового поражения невозможными (а войны меньшего масштаба — ненужными).

¹ До тошноты, до отвращения (*лат.*).

Однако Советский Союз выступил категорически против проверок. Тогда я забросил статьи, где пытался обуздать бомбу с помощью международной полиции.

Как бы мне хотелось сказать, что тридцать три года «мира» (то есть не было сброшено ни одной Эй-, Эйч-, Си-, Эн- или Икс-бомбы¹) сулят безмятежное будущее, что опасаться нам нечего и человечеству хватит ума не совершать самоубийство. Но сказать придется другое. К сожалению, нынешняя ситуация куда более опасна и менее стабильна, чем в 1946 году.

Предлагаю вашему вниманию три короткие разноплановые статьи, где я (безуспешно) стучу в барабан, призывая к миру во всем мире.

Думаете, я был настолько наивен и верил, будто смогу таким образом изменить ход истории? Ну, не совсем. Но черт возьми, попробовать стоило!

Если молиться достаточно усердно, вода побежит в гору. Насколько усердно нужно молиться? Настолько, чтобы вода побежала в гору, что за вопрос!

Л. Лонг

Здесь лежит прах Соединенных Штатов Америки, зачатых в свободе и умерших в рабстве. Годы жизни: 1776—1986. Смерть смиростивилась над ними и забрала к себе, не дав испытать до дна горькую чашу старческого слабоумия.

Покойтесь с миром!

Нет-нет, не возражайте. Не будем обманываться. Следующая война сотрет нашу страну с лица земли, а Третья мировая уже не за горами. Мы не сделали почти ничего, чтобы предотвратить ее, и еще меньше — чтобы подготовиться к ней. В свое время ООН получила шанс раз и на-

¹ А-, Н-, С-, N- — соответственно атомная, водородная, кобальтовая и нейтронная бомбы.

всегда закрыть вопрос о Третьей мировой. Теперь только радикальные меры помогут ООН сладить с кошмарным накоплением ядерного и ракетного потенциала. Какие именно? Во-первых, лишить права вето «Большую пятерку», а во-вторых, передать всемирной организации исключительное право на владение ядерным оружием.

Готовы ли мы, простые граждане, принести необходимые жертвы ради создания мирового правительства?

Оглянитесь вокруг. Большинство ваших друзей и соседей уверены, что обладание бомбой защитит нас от потенциальных атак. Вся страна с облегчением умывает руки. Пусть внешней политикой занимаются Уильям Рэндольф Херст¹, «Денвер пост» и «Чикаго трибьюн». Мы снимаем с себя ответственность за этот мир и радостно переключаемся на новые стиральные машины и автомобили.

При таком отношении нас с неизбежностью ждет Третья мировая война, Двухминутная война, Атомная война, Война полного уничтожения. Ученые неустанно повторяют: «секрет» атомной бомбы в мешке не утаишь, все упирается в элементарное ноу-хау, разработать которое сможет любая промышленно развитая страна.

Прогноз очевиден: в ближайшие несколько лет любая, даже самая скромная и слабая промышленно развитая страна сумеет создать средство, способное уничтожить Соединенные Штаты внезапно, в ходе одной-единственной атаки. Как стать мощной державой в ядерную эпоху? Нужны научные знания, способные инженеры и запасы урановой руды — всё. При таком раскладе претензии «Большой пятерки» на право вето в международных делах кажутся по меньшей мере смешными. Сегодня есть только «Большая единица», США, поскольку мы единственные — пока! — владеем атомной бомбой. Завтра — через пять-десять лет — в список войдет любая из множества стран, которые соответствуют двум критериям.

¹ Уильям Рэндольф Херст — американский медиамагнат, создатель «желтой прессы», сделавший сенсационность основой редакционной политики.

У Бельгии и Канады — величайшие в мире запасы урана. Страны маленькие, но ученых и инженеров там в избытке. Потенциал у них выше, чем у любого представителя так называемой «Большой пятерки», включая Россию и США. Вопрос: будут ли они вечно стоять в стороне, пока «Пятерка» решает судьбу человечества? Развитие атомного оружия и ракетостроения сделает то же самое, что сделал револьвер, когда появился в качестве аргумента в споре двух людей: он уравнил между собой больших и маленьких. В один прекрасный день, устав от нашего присутствия, какая-нибудь маленькая нация устроит нам двадцатиминутную ракетно-ядерную бомбардировку и примет нашу капитуляцию.

У нас есть все основания бояться этой атаки. Мы пережили один Перл-Харбор и точно *знаем*, что это может повториться. Наше нынешнее поведение рождает страх и недоверие в сердцах жителей всей планеты. Не важно, насколько миролюбивыми и благородными мы себя считаем: скоро нас возненавидят многие — по двум причинам. Во-первых, у нас есть бомба — с ней мы, так сказать, держим на прицеле весь земной шар. Разумеется, никто не собирается спускать курок! Но согласитесь, это не повод воспылать к нам любовью.

Второй наш смертный грех — богатство, когда все остальные бедны. Никакие объяснения тут не помогут, они все видят, как мы купаемся в роскоши, пока большая часть населения земного шара голодает. Голодные не могут рассуждать логически. Мы сами загнали себя в такую ситуацию, когда приходится ожидать нападения от кого угодно — от любого, кто первым обзаведется ядерным оружием и ракетами дальнего действия.

В свете всего вышеперечисленного, профессионалы, отвечающие за оборону этой страны, — генералы, адмиралы, члены комитетов по военным и морским делам обеих палат Конгресса — напрягают мозги в лихорадочных, но искренних попытках убедить основную массу населения следовать определенным курсом, который — по мне-

нию авторитетного меньшинства — поможет уберечь страну от грядущей катастрофы.

Однако все их предложения отличаются трагическим однообразием. За редким исключением, нам советуют готовиться к *прошедшей* войне. Вот что нам советуют — судите сами:

призыв в мирное время для создания резерва;
приоритет авианосцев над линкорами;
децентрализация городов;
гонка вооружений для сохранения превосходства в атомном оружии;
соглашения о «запрещении» атомного оружия;
консолидация армии и флота;
ежегодные закупки боевых самолетов на суммы, которые обеспечат новые разработки;
активная армейская и внешняя разведка;
передислокация авиационной промышленности вглубь страны;
перенос военной промышленности под землю.

Замечу, это *прогрессивные* предложения. (Кое-кто по-прежнему считает главной силой пехоту и линкоры!) Генерал Арнолд, напротив, считает, что в следующей войне *космические корабли* будут маневрировать за пределами атмосферы и обстреливать города высокоскоростными ядерными ракетами. Нужно следить за Баком Роджерсом¹, настаивает бравый генерал. Интересно, кто не прав — он или его консервативные коллеги?

Обязательная военная подготовка? Во Франции она была, перед обеими войнами. Результат — Виши.

Авианосцы против линкоров. Ребята, авианосцы всю историю использовали в последней войне, еще до Хиросимы. Им не выстоять против космических кораблей. Если

¹ *Бак Роджерс* — персонаж комиксов (с 1929 г.), попадающий в далекое будущее и участвующий в войнах на территории Америки против поработивших ее захватчиков.

строить, то галеоны: они дешевле, симпатичнее, а толку от них столько же.

Децентрализация крупных городов. Хорошо, давайте порассуждаем. Определенная логика в этом есть, но только если идти до конца. Нельзя ограничиться полумерами, да еще стоимостью в двести пятьдесят миллиардов долларов — именно такую сумму озвучил архитектор Самнер Сполдинг, самый ярый сторонник идеи расселения.

Разрабатывать более мощное и современное атомное оружие для Соединенных Штатов. На первый взгляд мысль здравая и убедительная. У нас есть заводы и специалисты; будем впереди планеты всей. По словам доктора Роберта Уилсона, уже на подходе новые бомбы, в тысячи раз мощнее той, что обрушилась на Хиросиму. Тедди Рузвельт советовал: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку».

Заманчивая доктрина. Однако добряк Тедди скончался задолго до Хиросимы; его звездным часом стала битва за гору Сан-Хуан. Если враг ударит первым, сотня допотопных атомных бомб разнесет всю Америку. Новые супербомбы нас не спасут — если мы не нападём первыми, без объявления войны. Если двух человек запереть в подвале и дать одному крупнокалиберный пулемет, а второму — пороховой пистолет XVIII века, победит тот, кто выстрелит первым, а не тот, у кого оружие мощнее. В этом и заключается суть атомного оружия, пора бы уже зарубить себе на носу.

Запретить атомное оружие? Прелестно! Помните Пакт Бриана—Келлога? Тогда «запретили» войну.

Консолидация родов войск. Предложение само по себе разумное, но катастрофически бесполезное, поскольку в атомную эпоху все прежнее военное искусство безнадежно устарело. А оружие, которым хвастались до Хиросимы, сейчас сгодится максимум для оккупационной военной полиции. Новым начальником штаба должен стать Бак Роджерс. В противном случае мы позволим себе самую бессмысленную и затратную роскошь — вторую по мощи военную машину.

Закупка боевых самолетов в количестве, достаточном для финансирования новых разработок. Помнится, в восьмидесятые годы XIX столетия мы закупаем линкоры, имеющие парусное вооружение, — с тем же псевдоуспехом. Самолеты устарели окончательно — медленные, неуклюжие, бесполезные. Баллистические ракеты «Фау-2» развивают скорость 3 600 миль в час. Простая арифметика: развалюха, которую братья Райт испытывали в Китти-Хок, соотносится с бомбардировщиком «В-29» в той же степени, в какой «Фау-2» соотносится с ракетными кораблями грядущей войны. Решите уравнение, представив летящий на вас ракетный корабль. А после этого перестаньте тратить деньги налогоплательщиков на самолеты.

Эффективная разведка. Отлично! Но проблемы это не решит. Перед Второй мировой британская разведка работала весьма эффективно. Стол Чемберлена был завален докладами, свидетельствовавшими о бессмысленности подписания Мюнхенского соглашения. Это подтверждали высокопоставленные офицеры Генерального штаба Германии. Но мистер Чемберлен докладов не читал.

Разведсводки полезны только для умных.

Передислоцировать авиационную промышленность вглубь страны. Гениально — если готовиться ко Второй мировой. Давайте переместим промышленность, ненужную для Третьей мировой войны, вглубь страны, где она будет в безопасности от оружия Второй мировой. И кстати, раз уж речь зашла, давайте вокруг каждого завода возведем частокол, чтобы обороняться от индейцев. А пока мы с этим возимся, наши потенциальные враги успеют довести до ума ракеты дальнего действия.

Спрятать под землей основные военные предприятия: конвейерные линии туда еще поместятся, а вот доменные печи и прочее — вряд ли. Главное, проводить земляные работы в режиме строжайшей секретности, — чего доброго, враг пронюхает и сбросит на нас атомную бомбу. Начнется землетрясение и заживо похоронит всех копателей. И непременно проследите, чтобы никто не заложил

бомбу поменьше, замаскированную под автомат с конфетами, судок с обедом или огнетушитель. Атомная эпоха — раздолье для диверсантов; поэтому подземные выработки могут стать колоссальной смертельной ловушкой.

Никто, ни один нормальный человек на земле не хочет этой войны. Однако мы готовимся к ней, и, согласно последнему соцопросу Гэллапа, большинство верит, что она начнется. Дипломаты, премьер-министры, президенты, комитеты по иностранным делам и госдепартаменты в прошлом уже наломали дров; судя по всему, сейчас их тянет сделать то же самое. Барабан бьет ближе, чем хотелось бы.

Мы, скромные обыватели, мечтаем о сильной международной организации, способной принудить к миру, запретить ядерное и любое другое оружие и в целом внедрить такую систему управления, при которой добропорядочный гражданин сможет растить детей, выгуливать пса и курить трубку, не опасаясь внезапной смерти. Однако власть имущие по-прежнему норовят наломать дров, предлагая, как всегда, полумеры.

(Если вы стремитесь остановить этот процесс, напишите конгрессмену Джерри Вурхису, сенатору Фулбрайту, или сенатору Боллу, или Бирдсли Рамлу, или Харольду Стассену. Да хоть самому президенту!)

Если самое страшное все же случится и начнется война, сумеем ли мы ее выиграть? Для начала попробуем разобраться, какая именно война нам предстоит. Откройте двадцать седьмую страницу «Лайф» за 19 ноября 1945 года. Заголовок «Тридцатичестичасовая война: генерал Арнолд в своем отчете намекает на катастрофу в случае крупномасштабного военного конфликта». На первой картинке изображен Вашингтон, разрушенный ударом ракет с атомным зарядом. Далее по тексту аналогичная судьба постигает еще тринадцать американских городов, вражеские воздушно-десантные войска предпринимают попытку занять территорию, США наносят ответный удар ракетами из подземных установок и в конечном итоге

одерживают победу — ценой тринадцати городов и по меньшей мере десяти миллионов жизней американцев.

Пугающая перспектива — и это еще весьма оптимистичный расклад. Где гарантия, что враг поскромничает и уничтожит лишь тринадцать городов? Или попытается оккупировать нас, не дожидаясь полной капитуляции? Где гарантия, что мы успеем нанести ответный удар?

Нельзя недооценивать врага, считать его дураком или мямлей. Если он решит поступить с нами, как мы поступили с Японией, то будет бомбить нас до полной капитуляции и только после этого начнет высадку на территории. Если их диверсанты оправдывают свои кровавые деньги, то наши ракетные установки разнесет в клочья спрятанная бомба, непосредственно перед атакой.

Кроме того, у войны с применением ракет с атомным зарядом есть один неприятный нюанс — она чревата коварной анонимностью. Мы можем *предполагать*, кто нанес удар, — и ошибиться в своих выводах.

Прямо сейчас *любой* с ходу назовет как минимум три страны, не питающие особой любви ни к нам, ни к СССР. Представляете, какую славную шутку можно сыграть! Надо лишь выждать, пока отношения между двумя сверхдержавами накалятся до предела, и запустить несколько атомных ракет с корабля в Северной Атлантике или из секретной пусковой установки, спрятанной среди льдов на севере Гренландии, — половину на нас, половину на Россию, так, чтобы атака, очевидно, исходила от противника, — а затем спокойно наблюдать, как мы уничтожаем друг друга!

Отличная шутка! До смерти обхохочешься.

И не думайте, что ее нельзя сыграть с нами и с Россией.

Какие меры *можно* предпринять?

Для начала Конгресс должен снять розовые очки и здраво оценить ситуацию. «Лайф» верно подметил: в грядущей войне Вашингтон падет первым. Он сейчас стал главной мишенью, поскольку это центр нервной систе-

мы страны — обладательницы бомбы. Случись война, Вашингтон будет разрушен. Вашему конгрессмену досталась самая опасная профессия в мире. У вас есть шанс уцелеть в Третьей мировой, у него — нет. Главное — достучаться до него и заставить понять: еще не поздно опомниться и взять верный курс.

Конгрессмен должен работать на благо мирового порядка и мира во всем мире. Но хотеть не вредно. Устав от нашей неопределенности, другие страны могут отказаться следовать за нами, особенно те, которые близки к созданию ядерного оружия. Вероятно, нам придется проделывать этот путь в одиночку. Будет ли шанс спастись при таком раскладе?

Возможно, но очень дорогой ценой.

Можно попробовать создать оружие в стиле Бака Роджерса, способное отразить удар атомных ракет. По мощи и потенциалу новое вооружение должно превосходить самые смелые прогнозы, действовать со стопроцентной эффективностью (иначе против атомных бомб нельзя!) и двигаться намного быстрее пуль и зенитных ракет. В теории наука может изобрести сокрушительные лучи, развивающие скорость света, перед которыми бессильны даже ракеты. Но на практике ученые ничего не обещают.

В краткосрочной перспективе нам потребуются лучшие зенитные установки. Неплохую защиту обеспечит автоматизированный комплекс из самонаводящихся ракет, радаров и компьютеров, если он будет достаточно протяженным. Однако потребуется еще много исследований, испытаний и разработок, прежде чем подобный план осуществится. Более того, комплекс не гарантирует стопроцентной эффективности, зато он совершенно точно повлечет за собой баснословные расходы и массу проблем, поскольку его внедрение поставит крест на гражданской авиации. Если по умолчанию пропускать гражданские самолеты, кто-нибудь непременно подсунет нам троянский лайнер с бомбами на борту.

Издержек и головной боли от таких мер будет в разы больше, чем от всей подготовки ко Второй мировой, но

без них никуда. Если мы не захотим оплачивать такие счета, то хотя бы сэкономим на огнеметах, танках и линкорах.

Можно основательно подготовиться к атаке. Например, до смерти запугать другие страны и отбить у них всякую охоту лезть на рожон. Если в ближайшее время не появится мирового государства и глобальной полиции, Соединенным Штатам понадобятся сверхскоростные ракеты с максимальной дальностью, сверхмощные атомные заряды и другие грязные штуки, какими изобилуют комиксы и фантастика. Мы первыми должны построить космические корабли. Первыми высадиться на Луну и захватить ее, чтобы запретить другим странам использовать ее в качестве военной базы против нас, и самим создать там военную базу, чтобы использовать ее против своих врагов. Мы должны насадить повсюду ракетные установки, способные по нажатию кнопки уничтожить любую точку на земном шаре. И нужно раструбить о них на весь мир: пусть знают, что мы пустим их в ход, едва запахнет жареным. Мы должны быть готовы объявить странам-изгоям, что над этими кнопками днем и ночью дежурные и что нападение на Вашингтон приведет к тому, что эти кнопки будут нажаты.

Места дислокации и особенности наших вооружений нужно хранить в строжайшем секрете — абсолютно невыполнимое условие при демократии в мирное время. Почему — разберем позже.

Децентрализации не избежать точно. Правда, обойдется она куда дороже, чем в жалкие двести пятьдесят миллионов...

(Но позвольте! Зачем расселять города, если у нас будет супер-пупер-экран для защиты от лучей смерти, как в комиксах про Бака Роджерса?)

Во-первых, защитного экрана у нас *нет*, и не факт, что он будет, сколько денег ни вложи. Это лишь одна из туманных перспектив, о которых в наше время говорят физики. Возможно, его не удастся создать никому и никогда — точно не знаем.

Рассредоточиться придется капитально, не оставив врагу ни единой крупной мишени. Скромная цифра в четверть триллиона, озвученная мистером Самнером Сполдингом, зиждется на святой уверенности, будто Лос-Анджелес — идеальный пример грамотно рассредоточенного города атомного века. Оптимизм господина архитектора поистине умиляет. Очевидно, он взял историю с Хиросимой за шаблон для будущих атак. Напомню: Хиросиму уничтожили *одной* бомбой. А если враг не покусится и сбросит на «город ангелов» сразу десяток?

Бомба, разрушившая Хиросиму, — самый щадящий вариант из всех возможных. Удостоит ли враг Америку столь трепетного отношения?

В радиусе двадцати миль от мэрии Лос-Анджелеса сосредоточена половина населения необъятной Калифорнии. Бомба, сброшенная на мэрию, не только уничтожит огромное количество людей, проживающих в центре, но и выжжет дотла всю территорию («ВНИМАНИЕ! Курение в автомобилях и на улице запрещено — штраф пятьсот долларов и полгода тюремного заключения») от обсерватории Маунт-Вилсон до моря. Взрыв разрушит железнодорожный терминал, расположенный в пяти кварталах от мэрии, и нанесет непоправимый урон системе водоснабжения, берущей начало в Аризоне.

Если это и есть расселение, то я, пожалуй, останусь на Манхэттене.

Лос-Анджелес — современное чудо, крупный город посреди пустыни, существование которого поддерживает сложный и уязвимый комплекс технических средств. Жители трех первых колоний, основанных в тех краях испанцами, умерли от голода — все до единого. Если хрупкая структура города станет жертвой единственной бомбы, буквально на следующий день уцелевшее население превратится в оголодавшую, обезумевшую от жажды толпу, готовую убивать и пожирать себе подобных.

Нет, если мы всерьез намерены защитить себя, нельзя брать Лос-Анджелес за образец децентрализации, несмотря на шуточки о его обширной городской черте. Населе-

ние Лос-Анджелеса необходимо рассредоточить в промежулке от Орегона до Мексики: в пустыне Мохаве, долине Импириал, Калифорнийской долине, среди Береговых хребтов и Высокой Сьерры.

В других местах дальше действуем по той же схеме. Денвер рассредоточится вплоть до Ларами и Боулдера, Колорадо-Спрингс займет участок от Пайкс-Пика до Крипл-Крика. Канзас-Сити и Де-Мойн встретятся на границе Айовы и Миссури, а Джоплин протянется до Канзас-Сити и далее до Озарка. Манхэттен — это вообще больная тема: все крупные города восточного побережья от Бостона до Балтимора должны опустеть, а их население — рассеяться, как листья.

Города исчезнут, останутся только деревни. Если мы надеемся спастись за счет децентрализации, нужно рассредоточиться так, чтобы нас не смогли уничтожить одним метким ударом — чтобы расправиться с нами стало слишком сложно и чересчур накладно.

Да, задача невероятно трудная и дорогостоящая. Сумма, озвученная мистером Сполдингом, не покроет даже расходов на новые дома, хотя дома — это мелочь. Нам придется заново отстроить инфраструктуру, более чем наполовину: магазины, склады, фабрики, железную дорогу, магистрали, электростанции, заводы, гаражи, телефонные линии, трубопроводы, акведуки, элеваторы и университеты. Наша цель — разобрать Соединенные Штаты по кирпичику и собрать по новому плану, в соответствии с новым предназначением. Деньги тут роли не играют, этот результат невозможно купить, все предстоит *делать* самим, собственными руками, кровью и потом. Для этого необходимо работать по шестьдесят часов в неделю, отказаться от торговли предметами роскоши и несколько лет подряд довольствоваться минимальным уровнем жизни. Впоследствии уровень жизни останется низким, ибо новые Соединенные Штаты будут заточены на оборону, а не на массовое производство, эффективный маркетинг и глобальную торговлю. За сельский образ жизни мы заплатим сокращением потребления. Хуже того, основной

объем этого и без того урезанного производства пойдет на создание и поддержание механизмов атомной войны, с помощью которых можно дать отпор агрессору — одной децентрализацией от вторжения не спастись.

Если перспектива выглядит чересчур мрачно, прекратим болтать о расселении. Реальных вариантов всего три. Первый — создать по-настоящему суверенное сверхгосударство, управляющее миром; второй — основательно подготовиться к Третьей мировой, смирившись с необходимостью масштабного и массового расселения; и наконец, третий — сидеть на попе ровно, погрязнув в излишествах, и ждать, пока нас не уничтожит очередной Гитлер!

У расселения есть и другие неизбежные последствия, на порядок страшнее экономических. Если нам придется в одиночку противостоять врагу, готовьтесь проститься со свободой действий, которой мы в избытке наслаждались в мирное время. Мы должны пожертвовать собой ради создания социалистического и авторитарного полицейского государства, где свобода слова, свобода в выборе занятия и свобода передвижения подчинены военным нуждам, как их понимает правящая верхушка.

Не нравится расклад? Понимаю, сам не в восторге. Но согласитесь, это лучше, чем распасться на атомы или стать обедом для каннибала-соседа. Вот вам картина маслом: звонок в дверь. Мистер Джозеф Народ, примерный гражданин, открывает и видит на пороге соседа.

— Привет, Джек! Ты что это на ночь глядя?

— Для тебя новости, Джо. Вышел указ о переселении. Кстати, меня назначили чрезвычайным уполномоченным.

— Не знал, но все равно рад за тебя. Садись, рассказывай. Насчет переселения: что там со списками, мы ведь остаемся, верно?

— Прости, засиживаться не могу. Мне сегодня нужно обойти еще двадцать три дома. Сожалею, но ты в списке переселенцев. Завтра отправляетесь на запад. Встречаетесь в полдень на углу Девятой и Челси.

— Чушь какая!

— Извини, но ничего не поделаешь. Приказ.

— Как бы не так! Я рассчитывал остаться в городе или в крайнем случае перебраться в загородный дом.

Уполномоченный пожимает плечами.

— Не ты один. Но твоя профессия не попала в перечень ценных, а кандидатов выбирали как раз по этому принципу. Ладно, мне пора, время поджимает. Вот инструкции: разрешается брать по сто пятьдесят фунтов багажа на человека, и запасись провизией на три дня. Поедешь на своей машине — уже проще, — начальник колонны посадит к тебе еще двоих пассажиров, помимо вас с супругой.

Джо сует руки в карманы и упрямо сжимает челюсти:

— Я сказал, нет.

— Не артачься. Да, обидно ехать в первом эшелоне, но ведь все к тому шло. Газеты давно предупреждали. Президент зачитал свое послание еще полгода назад.

— Сказал — не поеду. Тут наверняка ошибка. Буквально на прошлой неделе я разговаривал с членом городского совета, и он обещал, что нас не тронут. Он...

— Он всем обещал, Джо. Это *федеральный* указ.

— Сам архангел Гавриил мне не указ. Не поеду, и точка. Попробую выбить судебное предписание.

— Не выбьешь, Джо. Город официально объявлен военной зоной, а бунтарями займется лично начальник полиции. Между нами, тот еще зверюга. Так или иначе, в городе тебе оставаться нельзя. Выгнать тебя я не вправе, но хочу предупредить: завтра к вам явится бригада и демонстрирует водопровод.

— В дом они не попадут.

— Возможно. Но только спецотряды заранее проведут рейд по зачистке.

— Я буду стрелять!

— Не советую. Туда набирают в основном бывших морпехов.

Мистер Народ колеблется. Виданное ли дело, морпехи!

— Слушай, Джек, — бормочет он чуть погодя, — допустим, я соглашусь, только пусть увеличат лимит багажа, и пассажиров не возьму, у меня документов выше крыши.

— Про документы забудь. Тебя назначили подмастерьем плотника. Вас поселят во временных бараках.

— Джозеф! Почему у нас дверь нараспашку? Кто там? — раздается голос миссис Народ.

Пока супруг сообщает ей новость, уполномоченный спешит улизнуть. В одиннадцать утра Джо, бледный как смерть после бессонной ночи, садится в машину и бьет по газам. На пассажирском кресле дремлет жена, обессиленная от слез и тройной дозы фенотарбита.

Вот вам расселение во всей красе. Если не верите, спросите у соседей-японцев¹. Силы охраны правопорядка сгоняли крестьян с холмов Везувия. Останки Помпеи и Геркуланума — прямое доказательство этому. Задайтесь вопросом: готовы ли вы по указке правительства отправиться в глушь и безропотно сменить профессию? Если нет, но при этом вы не работаете на износ ради предотвращения Третьей мировой, значит к вам еще не пришло осознание ужасной реальности атомного века.

А реальность ядерной эпохи сурова. В отсутствие единого «мирового государства» надо выбирать из двух зол: либо жить в вечном состоянии глобальной войны, даже в «мирное» время, употребляя все усилия на защиту и нападение, либо смириться с судьбой, отдаться на милость Господа и ждать, когда смерть обрушится на нас с небес. Время, отведенное на создание «мирового государства», стремительно убывает; возможно, оно закончится на момент публикации статьи. И помните, медиамагнат, чьи издания так ярко выступают против «внешних конфликтов», особенно с Россией, и призывают уповать на атомный секрет Полишинеля, — этот магнат живет на огромном

¹ Имеется в виду интернирование в 1942 г. японцев и американцев японского происхождения в концентрационные лагеря. — *Примеч. С. В. Голд.*

обособленном самообеспеченном ранчо: иными словами, он заранее переселился. Его не коснется ни полуночный стук в дверь, ни распоряжение срочно сорваться с места. Тем не менее он ежедневно диктует Конгрессу, как тому следует поступать с нами и ради нас.

Взгляните в лицо фактам! Отправляйтесь в публичную библиотеку и прочтите торжественные доклады разработчиков атомной бомбы. Не обольщайтесь фальшивой безмятежностью тех, кто так и не понял: прежний мир умер. В прошлом Госдепартамент с завидной регулярностью втягивал нас в войны, а военное ведомство с завидной регулярностью оказывалось не готово к войне. Победить удавалось лишь ценой многих жизней и стараниями обычных людей.

Сейчас грядет новая война, которая не простит подобных ошибок.

Если умирать, то умирать достойно, с высоко поднятой головой, ясным осознанием угрозы и в полной боевой готовности — но никак не жирными, наивными дураками, слепо верящими, что военные и дипломаты держат ситуацию под контролем.

«Время на исходе!»¹

¹ Скорее всего, отсылка к строчке «Enjoy Yourself, It's Later than You Think!» («Радуйся, пока можешь, время почти вышло!») из популярного шлягера Карла Сигмана и Герба Мэдждисона 1949 г. «Enjoy Yourself». — *Примеч. С. В. Голд.*

ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ КАК УЦЕЛЕТЬ В АТОМНУЮ ЭПОХУ

Не подумываете приобрести страховку?

Погодите минутку — сядьте! Мы не собираемся навязывать вам полис.

Ладно, перефразирую: как ваше славное давление, в норме? Рефлексы не подводят? Мышцы в тонусе? Или приходится брать такси, чтобы проехать шесть кварталов?

А кролика поймать сумеете? Старинный рецепт гласит: «Сначала поймайте кролика...» Допустим, вам кровь из носа нужно отловить длинноухого. Потом развести костер без помощи спичек и приготовить тушку. В какой физической кондиции вы будете, когда соседний гастром разнесет на атомы?

Когда комиссия сената спросила доктора Джулиуса Роберта Оппенгеймера, способна ли одна-единственная атака уничтожить сорок миллионов жителей США, тот ответил: «К сожалению, да».

Моя статья — не о том, как спасти демократию от атомной бомбы. Статья о *вас* и о том, как не стать одной из тех сорока миллионов жертв первой атаки Третьей мировой. О том, как — если случится самое страшное — уцелеть в грядущей бойне, пережить ее последствия и начать все с чистого листа.

Из прессы вы знаете: разразись Третья мировая, на Америку как гром среди ясного неба посыплются атомные бомбы. Так предполагает генерал Маршалл в итоговом отчете, об этом предупреждает генерал Арнолд, а генерал Спаатс, описав такое нападение, отмечает, что от-

разить его практически невозможно. Военным вторят многочисленные ученые — особенно ребята, собиравшие А-бомбу.

Газеты трубят о волнениях на мировой арене: неспокойно на Балканах, в Индии, Палестине, Иране, Аргентине, Испании, Китае, Ост-Индии... Список можно продолжать до бесконечности, а ООН пока не придумала, как задушить в зародыше проблемы, ведущие к вооруженным конфликтам.

Как все обернется, покажет только время. Вдруг мы создадим прочное Мировое государство, способное контролировать атомную бомбу. Думаете, войны не будет? Тогда не смею вас задерживать. Но если вы допускаете, что очередной Гитлер или Тодзио¹, вооружившись атомной бомбой, решит попытать удачи, тогда наострите уши: давайте поговорим о том, как обезопасить нас и наших детей. Представим самое страшное: война грянула, сорок миллионов погибли на месте, крупные города разрушены, промышленность уничтожена, а уцелевшие предприятия не функционируют. Предположим, правительство и средства коммуникации стерты с лица земли, а горстка выживших — да-да, речь именно о вас! — брошена на произвол судьбы и готова разделить участь Даниэля Буна².

Помните: никакого правительства. США превратились в пережиток прошлого. Отныне вы сами по себе — ни друзей, ни советчиков, ни полицейского, готового прийти на помощь. Вдобавок со всех сторон вас окружают безжалостные двуногие хищники, пострашнее гризли, с которыми сражался Бун.

Об исчезновении правительства стоит рассказать подробнее. Возможно, этого не случится, но если новому Гитлеру хватит мозгов написать «Майн Кампф» или хотя бы прочесть его в качестве учебного пособия, он приложит все усилия, чтобы уничтожить и деморализовать нас

¹ Хидэки Тодзио (Тодзе) (1884—1948) — министр армии и премьер-министр Японии в 1941—1944 гг. В 1946 г. признан Международным трибуналом военным преступником высшей категории. — *Примеч. С. В. Голд.*

² Даниэль Бун (1734—1820) — американский первопроходец, основатель множества новых поселений.

путем разгрома правительства, — и поверьте, его старания увенчаются успехом. Если он захочет добиться политического краха жертвы, то в первую очередь разгромит Вашингтон, округ Колумбия, во вторую — сорок восемь столиц штатов, а в третью — коммуникационные центры вроде Канзас-Сити. Это все равно что отрубить человеку голову. Какой от него прок без головы?

Вот грядущий кошмар: мы лишимся правительства, указаний из Вашингтона, «бесед у камелька»¹ и дружеской поддержки. На помощь вашего конгрессмена надеяться нечего, ибо он — бедняга! — уже обречен. У вас есть шанс выжить, у него — нет. От мистера конгрессмена останется только пригоршня радиоактивной пыли. Как обладателю опасной профессии, ему не нужно учиться свежеть кролика.

А вам *нужно* — при наличии мозгов вы сможете уцелеть.

Теперь от теории к практике. Существует лишь один способ не погибнуть от атомной бомбы. Секрет прост — держитесь от нее подальше!

Способы выживания в атомном веке делятся на две категории: стратегические и тактические. Стратегические сводятся к тому, как не оказаться в непосредственной близости от бомбы. Тактические подразумевают жизнь среди разрушенных городов и беззакония.

Сначала стратегия: чтобы жить долго и счастливо, достаточно переехать в Гондурас или другую страну третьего мира, обосноваться там и спать спокойно. Неразвитые страны едва ли подвергнутся бомбардировке; если вспыхнет война, они перейдут в экономическую и политическую зависимость от победителя, причем без кровопролития, ибо сопротивляться бессмысленно.

Возможно, столь радикальный вариант вам не по карману — по крайней мере, на первый взгляд. (По карману или нет — вопрос спорный, зависит от того, как вы оце-

¹ «Беседы у камелька» — полуофициальное название радиообращений президента Франклина Рузвельта.

ниваете масштаб угрозы. Довоенные беженцы из нацистской Германии тоже не могли «позволить» себе эмиграцию, однако последующие события с лихвой окупили их расходы. Есть древняя китайская поговорка: «Вступая на долгий жизненный путь, мудрец готовится неоднократно расстаться с поклажей». Сегодня эта пословица актуальна как никогда.)

Впрочем, существуют и менее радикальные способы. Стратегия вполне допускает переезд куда-нибудь на ферму или в деревушку, желательно милях в пятидесяти от ближайшего города, железнодорожной развязки, электростанции, автозавода и прочих военных объектов. Если вас и разбомбят, то по чистой случайности: к примеру, ракета собьется с курса или произойдет нечто настолько же непредсказуемое. Словом, фермеры могут спать спокойно, остальным лучше подсутиться.

Секундочку! — джентльмен в последнем ряду хочет задать вопрос. Громче, пожалуйста. Вы спрашиваете: «Разве правительство не планирует расселить города, чтобы обезопасить население?»

Не знаю — а что, такие планы есть? Мне лишь встречалась цифра в двести пятьдесят миллиардов. Помимо нерешенного вопроса о том, возможно ли провести полномасштабное расселение, остается вопрос: согласится ли Конгресс выделить четверть триллиона долларов в мирное время на какие-либо цели. Впрочем, это сугубо политический вопрос, выходящий за рамки нашей дискуссии. Нас должно волновать другое: как в одиночку, имея только две руки, мозг и способность планировать наперед, уберечь себя во время и после вероятной новой войны.

Если обстоятельства вынуждают вас жить в крупном городе или иной потенциально опасной зоне, стратегическое планирование потребует изрядной кропотливости, бдительности и сноровки. В первую очередь обзаведитесь убежищем — заброшенной фермой, купленной по дешевке, или хижинкой на муниципальной земле. Окончательный выбор зависит от того, в какой части страны вы живете и сколько денег готовы вложить. Главное, удостоверьтесь, что поблизости есть рыба, дичь или, на ху-

дой конец, плодоносящие деревья. Расстояние выбирайте, смотря по объему топливного бака. Если объем невелик, встройте второй бак или постоянно возите в багажнике топливо про запас. Обязательно положите в автомобиль аварийный комплект, но это уже вопрос тактики.

Тем, кто уже выбрал и укомплектовал убежище, но предпочел оставаться в опасной зоне, необходимо держать ухо остро и во все глаза следить за пертурбациями на мировой арене. *Когда ракеты запустят, бежать будет слишком поздно.* Поэтому придется работать на опережение. Задача не из легких (вот почему в идеале стоит заранее перебраться в деревню), но шанс справиться есть — нужно лишь не впадать в чрезмерный оптимизм и, когда на горизонте сгустятся тучи, преодолеть естественное нежелание порвать с привычным укладом: работой, домом, друзьями, клубами, церковью. Несмотря на катастрофу в Перл-Харборе, многие, включая рядовых граждан, предвидели войну с Японией. Если ваше чутье развито до предела и вы успеете унести ноги, смело оставайтесь в зоне Х.

Предположим, вы и впрямь невероятно сообразительны, дальновидны и легки на подъем; предположим, вам вместе с семьей удалось благополучно избежать бомбардировки и перебраться за город, подальше от остаточной радиации. Местность вокруг кишмя кишит переселенцами из разных уголков страны, они голодны и растеряны, а некоторые вооружены и не стесняются нормами цивилизованного общества. Вражеские войска начали или вот-вот начнут оккупацию и могут в любой день свалиться как снег на голову.

Как в таких условиях прокормить и защитить себя и семью?

Тактические рекомендации по выживанию после катастрофы делятся на три основные категории. Во-первых, позаботьтесь о здоровье телесном: вступите в Ассоциацию молодых христиан, избавьтесь от пивного живота, укрепите выносливость и дыхательные пути, сделайте прививки от тифа и холеры, заблаговременно удалите аппендицит и по максимуму подлатайте зубы. Если вы

носите очки, прикупите несколько пар на черный день, когда поблизости не будет ни единого офтальмолога. Во-вторых, запаситесь различными материалами и инструментом, какие нельзя добыть во внезапно нагрянувшем искусственном каменном веке, — согласитесь, кирка и увеличительное стекло полезнее двух дипломов о высшем образовании или бриллиантового браслета. В-третьих, овладейте базовыми навыками первопроходца: пригодится не только умение поймать и приготовить кролика, но и знание того, где и когда сажать картофель и как отличить съедобные грибы от поганок, не испробовав их предварительно на детях; нелишним будет постичь искусство бесшумной ходьбы.

Безусловно, все вышеперечисленное очень важно, но куда важнее выработать у себя моральный настрой, философию выживания, которая позволить преодолевать трудности, опасности, холод и голод, не теряя присутствия духа и чувства юмора. Если вы заранее опустили руки, если при виде сожженной вандалами хижины вас охватывает целая буря эмоций, но только не желание отстроить ее с нуля, не утруждайте себя. Отправляйтесь прямиком в опасную зону и ожидайте конца. Не требуется особого мужества или умения, чтобы принять смерть, быструю, как удар молнии. У вас не будет долгой прогулки, которую проделывают молодые бычки от загона до бойни.

Если же в ваших жилах еще течет кровь предков, вы не сдадитесь. «Труссы остались дома, а слабаки умерли по дороге». Эта философия пересекла континент и укоренилась в сердце каждого иммигранта, покинувшего Европу. В ваших жилах течет славная кровь, *камрады!*

Даже если бы нас не ограничивали тесные рамки статьи, составить исчерпывающий перечень необходимых мер было бы невозможно. Многое зависит от характера выбранной вами местности, от имеющейся у вас возможности планировать и готовиться, от количества, возраста и половой принадлежности ваших подопечных, если таковые имеются; добавьте к списку имеющиеся знания, навыки и физическую форму, а также ваше нынешнее расположение относительно военных объектов. Повторю,

объять все нельзя, но можно определить ключевые принципы и средства подготовки.

Для начала позаимствуйте у сына «Руководство для бойскаутов». Это практичная книга, из тех, что вам понадобятся. Если заимствовать нечего, поскольку ваш отпрыск не примкнул к бойскаутам, немедленно запишите его туда — и заставьте учиться. Пусть зарабатывает значки за спортивное ориентирование, кулинарное мастерство, стрельбу из лука, плотническое дело. Если придется готовить кролика, *кто-то* должен уметь развести костер без спичек. Бойскаутов наставляют профи, пусть сын учится у них, а потом научит вас.

Сумеете повалить дерево? Обтесать камень? Знаете, где рыть выгребную яму? Колодец? Сможете удалить зуб в полевых условиях? А метко и экономно стрелять из винтовки? Сумеете определить туляремию (мы снова возвращаемся к этому вездесущему кролику) в процессе его свежевания? Вам знакомы основы земледелия? Сумеете построить бревенчатый, кирпичный или каменный домик, имея под рукой лишь самые примитивные инструменты? Причем построить так, чтобы новое жилище было в меру комфортным и не боялось ни непогоды, ни хищников?

Невозможно овладеть всеми насущными навыками за оставшиеся несколько лет, но получить базовые знания экстерном можно.

Сколько нам отпущено?

Мы можем только гадать. Сколько времени другие страны затратят на создание атомной бомбы? Неизвестно — ее разработчики говорят о «двух-пяти годах». Доктор Вэнивар Буш называет срок от «пяти до пятнадцати лет»; другой, не менее авторитетный источник настаивает на «пяти—десяти». Атомный генерал Лесли Гровс ограничивается туманным «долго».

Возьмем за отправную точку минимальный разумный срок в пять лет. Конечно, даже если недружественная нам нация успеет раньше, война наверняка начнется не сразу — и не факт, что начнется вообще. Неизвестно, что случится через пять лет, поэтому лучше подстраховаться — и ориентироваться на 1950 год. Четырех-пяти лет не хва-

тит, чтобы превратить узкопрофильного рафинированного горожанина в универсального, закаленного пионера. Но уверяю, процесс вам понравится. Во-первых, это увлекательно; во-вторых, вы получите огромное удовлетворение, когда научитесь самостоятельно делать многие вещи.

Шаг номер раз — обзаведитесь «Руководством для бойскаутов». Ознакомьтесь с перечнем значков за заслуги. Подумайте, какие навыки нужно приобрести в первую очередь, какие у вас уже есть, а какие срочно пора подтянуть. Постепенно руководство приведет вас к другим книгам. «Маленькие дикари» Эрнеста Сетона-Томпсона — просто кладезь полезных идей.

Мало-помалу выяснится, что существует уйма пособий по отраслям, освоить которые у вас просто нет времени; книги, где в случае необходимости можно отыскать ценную информацию (главное — приобрести такую литературу заранее и не забыть спрятать ее в своем загородном убежище). Есть руководства по сооружению каминов, с точными параметрами рефлектора, дымохода, перемычки, полки и прочего. Помнить такие детали не обязательно, но возможность освежить память спасет вас от перспективы провести зиму в задымленной хижине. По-моему, нет ничего хуже, чем задохнуться от дыма, страшнее только щелкать зубами от холода.

Есть масса красочных брошюр с изображениями съедобных грибов и их ядовитых собратьев. Можно прекрасно и без особых усилий прожить, питаясь одними грибами, — благо растут они повсюду и в изобилии.

Еще вам потребуется медицинский справочник, выбранный с подачи мудрого и изобретательного врача. Лучше изначально объяснить ему цель покупки. Нелишним будет обзавестись пособием по оказанию первой помощи и акушерству. По мере их изучения вы успеете закупить лекарства, инструменты и припасы на черный день. Все это благополучно осядет в вашем подвале, а набор поменьше, именуемый «аварийным», перекочует в автомобиль.

Из чего будет состоять аварийный набор? Решать только вам; все равно ничьих советов вы неслушаете. Когда пробьет назначенный час, вы поймете, что в таких

делах доверять можно только самому себе. Пусть источником вдохновения послужат наборы, которыми снабжали наших летчиков в последнюю войну. Их содержимое разнилось в зависимости от климата и задания: от пеммикана¹ до хинина, от рыболовных крючков до географических карт.

С оснащением хижины сложнее. Для начала раздобудьте каталоги универмага «Сирс энд Робак» или «Монтгомери Уорд» и методично пройдитесь по каждому пункту, спрашивая себя: «Мне точно это надо?» Полученный список рассмотрите, всякий раз задавая себе вопрос: «Смогу я сам смастерить это или нечто похожее?» Изношенные ботинки легко заменить мокасинами, хотя обувью нужно запастись в первую очередь. Однако вам явно не под силу смастерить топор — конечно, если вы не супермен. А топор вам понадобится.

Еще вам понадобятся лекарства, и советую не скупиться.

В глубинке довольно сложно добыть соль.

Очень трудно не соблазниться и не забить кладовую консервами. Стоят недорого, ассортимент широчайший, хватает надолго. С умом потраченные пара сотен долларов помогут расширить рацион вашей семьи до уровня «роскошный» и поддерживать его несколько лет. На заре нового средневековья они уберегут вас от голода и каннибализма, запятнавшего отряд Доннера², и вдобавок облегчат неизбежные муки сахарного голодания, которое вы ощутите в новых первобытных условиях. Но держать консервы — очень большой риск. Если кто-то прознает о них, вас возненавидят, как буржуев. Помните, правительство исчезнет — и никто вас не защитит. Хранить консервы в открытую — значит обречь себя на верную смерть. Тот, кто не верит, будто человек не способен убить за банку консервированных томатов, никогда не голодал по-настоящему.

¹ *Пеммикан* — блюдо североамериканских индейцев, аналог тушенки.

² *Отряд Доннера* — группа американских переселенцев, часть которой погибла от голода в горах Сьерра-Невады зимой 1846/47 г. Считается, что в ходе этой зимовки члены отряда практиковали каннибализм.

Запаслись консервами? Ешьте их за наглухо закрытыми ставнями, а пустые жестянки закапывайте. Остерегайтесь искушения приспособить их под тару — не нужно лишний раз испытывать судьбу.

Да, не забудьте о консервном ноже — о двух ножах.

У вас, конечно же, будет винтовка, мощная, с телескопическим прицелом, но вам не придется ее часто использовать. Патроны заменить практически нечем. Список ваших целей будет исчерпываться оленями и людьми... олени — когда вам нужно будет мясо; люди — когда невозможно будет убежать и прятаться.

И тут мы подходим к самому интересному. До сих пор мы ничего не говорили о враге. И все же он незримо присутствовал в этой истории с самого начала. Именно он создал атомные бомбы, вынудил вас жить в глуши, проводить кустарные ампутации и принимать роды. Встречи с врагом при тщательном планировании можно избежать довольно долго, все-таки страна у нас огромная. Там, где скрываетесь вы, всегда было малоллюдно; едва ли оккупационные войска сумеют за год-два прочесать все долины, каньоны и ущелья нашей необъятной родины. Да, с помощью атомной бомбы враг за какие-то двадцать минут способен захватить Америку, даже уничтожить ее как государство. Но, ступив на нашу территорию, оккупационные войска затеряются среди бескрайнего континента. Пройдет немало лет, прежде чем вас найдут.

Вот он, ваш шанс, не упустите. Отважные французы, непримиримые ирландцы, бессмертные поляки, даже наши апачи наглядно доказали: свободного человека нельзя покорить, его можно только убить.

Так что после решения насущных проблем отправляйтесь в подполье!

Вам понадобится винтовка. Понадобятся ножи, динамит и взрыватели. Учитесь делать гранаты. Учитесь преследовать врага в темноте, превратите его триумф в провал, заставьте убраться восвояси. Поверьте, все это вполне осуществимо, вполне! Когда начнется *оккупация*, захватчик лишится временного преимущества, приобретенного после внезапной ядерной атаки: едва его войска рассе-

ются среди нас, *он больше не сможет использовать атомную бомбу.*

Настанет ваше время! Время соседских погребов, горных укрытий, ночных диверсий. Да, и время мучеников за свободу: мужчины и женщины будут умирать в страшных мучениях, но с их крепко сжатых губ не сорвется ни слова.

Удастся ли нам отвоевать свободу? Сказать трудно. История иногда выкидывает странные штуки. Как ни парадоксально, даже своей свободой мы обязаны конфликту Англии и Франции. Разногласия в высшем вражеском руководстве, самонадеянный, пылкий юнец, мечтающий свергнуть диктатора, — все это может дать нам шанс на спасение, если мы будем готовы.

К счастью, есть способы. Есть книги, где рассказывается о людях, совершивших нечто подобное. Например, «Новые способы ведения войны» Тома Уинтрингема — буквально пошаговая инструкция, как заставить врага пожалеть о своей победе. (Издается в военной серии «Пингвина», цена — двадцать пять центов.) Вы можете научиться и стать смертельным оружием, даже если у вас белый билет или вам за пятьдесят.

Если вы все спланируете, вы можете уцелеть. При должной подготовке и организации вы не только уцелеете в грядущей катастрофе, но и сыграете важную роль в борьбе за возвращение наших свобод. Как говорил Джордж Вашингтон, цитируя Писание, мы сражаемся за то, чтобы наступило время, когда «каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею и никто не будет устрашать их»¹.

Ради этого стоит приложить усилия.

Нельзя шантажировать того, кто не поддается шантажу.

Л. Лонг

¹ Мих. 4: 4. — *Примеч. С. В. Голд.*

МАННА НЕБЕСНАЯ

Поскольку есть все основания ожидать, что благодаря счастливому союзу ядерной физики и ракетостроения в ближайшие годы на нас обрушится атомный дождь, непременно должен объявиться какой-нибудь экзальтированный философ, который будет учить нас, как счастливо жить среди руин многоквартирных, одноэтажных и загородных домов.

Все не так плохо, приятель! Зачем унывать, сидя на корточках у пещеры, пытаясь одной рукой зажарить кролика, а другой вычесать вшей, когда кругом столько поводов для радости? Нужно смотреть в будущее с оптимизмом, а не сокрушаться о беззаботных временах такси, таблоидов и гриль-баров.

У так называемого цивилизованного общества есть масса недостатков — мгновенный курс хиросимотерапии исправит их быстро и без труда. Например, соседка сверху с квадратным мячом для боулинга. Впредь она не станет упражняться с ним прямо над вашей кроватью в три часа утра. Разве это не утешение?

Больше никаких мыльных опер. Никаких шестиминуток, где старая добрая мама стойко выдерживает удары судьбы с восьмиминутными перерывами на навязчивую, прилипчивую рекламу всякого хлама, который вам даром не сдался и без которого жизнь станет только лучше. Впредь никаких томительных ожиданий следующей серии «в это же время на нашем канале», где нам расскажут, как красавица и эталонная тупица Мэми Джукс по-

ступила со своим безымянным младенцем. Мэми канет в Лету вместе с литературной проституткой, давшей ей жизнь.

Больше никаких будильников. Слышите? *Никаких будильников!* Впредь можно не бояться опоздать, выбиться из графика или сорвать важные сроки. Не нужно глотать кофе впопыхах из страха пропустить автобус в 8:19. Не нужно торопливо обедать, поглядывая на часы. Паратройка плутониевых пилюль с неба положат конец бессмысленной беготне за автобусом, чтобы успеть на работу, чтобы заработать денег, чтобы купить еду, чтобы набраться сил, чтобы бежать за автобусом. Тяжелое бремя минут сменится неторопливым приливом вечности.

Но главное, вы избавитесь от проклятия пробуждения по звонку, когда настойчивое пиканье вырывает вас из блаженных объятий сна и заставляет вставать на подкашивающиеся ноги, хотя каждая клеточка отчаянно сопротивляется. В постатомный каменный век нарушить ваш сон сможет лишь горный лев, волк, человек или иное плотоядное, но не это механическое чудовище.

Уэстбрук Пеглер не обрушит потоки желчи на очередной объект своей ненависти, а Лолли Парсон не будет донимать своим девичьим энтузиазмом. (Если эти двое не вызывают у вас антипатии, подставьте имена своих нелюбимчиков-журналистов; после ядерной терапии ни один из них вас более не побеспокоит.)

Отзвуки вселенских бед впредь никогда не коснутся ваших ушей. СМИ больше не будут трубить о разводах, убийствах и беспорядках в Китае. Каждому останутся его собственные заботы.

Прощай, Джон Л. Льюис¹.

Прощайте, юрисдикционные забастовки².

Прощайте, клубы «Долой Рузвельта!».

¹ Джон Л. Льюис (1880–1969) — лидер Американского объединенного профсоюза горнорабочих, идейный вдохновитель массовых забастовок.

² Юрисдикционная забастовка возникает в результате спора между двумя профсоюзами по поводу того, члены какого из них должны выполнять тот или иной вид работы.

И клубы «Заодно долой Элеонору!».

Прощай, Петрильо¹.

Прощайте, чертовы придурки, сигналившие на светофоре до того, как переключится свет. Дам любые деньги, чтобы избавиться от вас прямо сейчас.

Прощай, Джералд Смит...² Прощайте и те, кто считает, что гонения и притеснения их, любимых, — единственная проблема, заслуживающая внимания мирового сообщества.

Прощай, лицемерие. Впредь можно не покупать алую гвоздику в день рождения мамы, и белую — в день ее смерти. Пятьдесят на пятьдесят, что вы потеряете ее из виду во время катастрофы и никогда не узнаете, жива она или нет.

Прощайте «мальчишники» городского самоуправления, когда мерзкие молокососы декламируют возвышенные пуританские речи усталым прохожим, пока новоизбранный судья вежливо улыбается в объективы камер.

Прощайте, недели под лозунгами «Больше цитрусовых», «Больше шоколада», «Больше комиксов», выдуманными рекламными отделами компаний.

В продолжение темы лицемерия: давайте порадуемся исчезновению дебютанток с пресс-агентами, краху светского общества и полному забвению приемов в честь выхода в свет. Кошунственно было возобновлять традицию первых балов в США сейчас, когда Европа голодает. Парочка атомных бомб послужила бы эффективным фумигатором против этой глупости.

Прощайте, соблазнительные самки, возведенные благодаря искусственной шумихе в ранг кинозвезд задолго до своего появления на экране. Возможно, в нашей приторной культуре это наименьшее из зол, но, когда атом-

¹ *Джеймс Петрильо* (1892–1984) — президент Американской федерации музыкантов. В 1942 г. наложил вето на любые записи, аргументируя это тем, что выступления оркестров на радиостанциях сменяются записями. Получил прозвище «Гитлер от музыки».

² *Джералд Смит* (1898–1976) — американский политический деятель крайне правых взглядов, пропагандировавший расизм и антисемитизм.

ные бомбы положат ему конец, несчастная Сара Бернар перестанет вертеться в гробу.

Прощайте, зажравшиеся, обленившиеся, ненасытные тиранши. Специально не говорю «тещи» — вдруг ваша окажется хорошим человеком. В противном случае можете смело пустить ее на шашлык.

Согласитесь, ничто не мешает американкам стать полноценными и полноправными членами общества: многие наши соотечественницы — подтверждение тому. Однако наше общество прогнило настолько, что даже самая никчемная особь женского пола способна наделать в нем немало шума — но только не после сокрушительной урагановой атаки! Настанет день, когда вымрут все паразитки, начиная от слащавых идиоток с иллюстраций Хелен Хокинсон и заканчивая динозаврами, превратившими священное таинство близости в дубинку для устрашения, шантажа и доминирования над мужским полом.

Самцов-паразитов постигнет та же участь. Да, приятель, если тебе повезет увернуться от атомных ракет, когда они заглянут в гости, ты увидишь, как сильно изменилось и оздоровилось наше общество.

Помни и о других незначительных плюсах, иначе велика вероятность впасть в губительную ностальгию по славной, фантастической, неопишуемой, в чем-то великолепной и очень хрупкой культуре высоких технологий. Мы разом избавимся от массы неприятных вещей. От вони подземки, к примеру. От кашляющего в затылок соседа в театре. От нахалов, оскорбляющих официанток. От дамочек, которые норовят влезть без очереди. От любопытных варвар, вечно спрашивающих, сколько вы заплатили. От проповедников с елейным голосом и калькулятором вместо сердца. От миллионерш, жертвующих бешеные деньги на приют для бездомных гуппи. От придурков, нечаянно набравших не тот (ваш) номер посреди ночи и громко возмущающихся, что попали не по адресу. От спортсменов, врубающих радио на полную громкость, чтобы болеть у себя в саду за «Доджерсов», — а заодно и от самих «Доджерсов». От тех, кто выгуливает собак без

поводков. От тех, кто сплевывает на тротуар. От тех, кто подвергает цензуре пьесы и уродует книги. От исков за нарушение обязательств. От хамов, которые пялятся на инвалидов.

Ослепительная вспышка, столб радиоактивной пыли — и все это сгинет.

Но не спешите радоваться. Выжить среди разрушенных городов, после краха правительства будет, мягко говоря, непросто — уцелевшие жители Центральной Европы это подтвердят. Несмотря на избавление от многих неудобств, рыскать по лесу в поисках еды — весьма сомнительное удовольствие. Поэтому я заранее прибую любого, кто скажет: «Какая разница, упадет на нас атомная бомба или нет, — в конечном итоге все мы умрем».

Пристрелю на месте со словами: «Ты сам напросился, дружок».

Разве неизбежная смерть — повод добровольно позволить этой ухмыляющейся макаке, не обремененной мыслями о завтрашнем дне, тащить меня навстречу катастрофе?

Поскольку таких макак большинство, шансы предотвратить катастрофу в национальном масштабе невелики. Как вариант, кто-нибудь создаст содружество по выживанию в условиях Третьей мировой под названием «Лига по сохранению человечества», «Люди Судного дня» или что-нибудь в этом духе. Введут строгую систему отбора: в содружество попадут лишь выживальщики со здоровыми зубами и чистым дыханием, натасканные в полезных профессиях или знаниях, с достаточно высоким ай-кью и подтвержденной плодовитостью. Учредят пару-тройку колоний вдали от крупных городов и прочих военных объектов.

Как знать, вдруг сработает.

Возможно, я сам займусь этим на досуге, если какой-нибудь ангел ссудит меня деньгами для рекламной кампании. Надеюсь, я автоматически получу членство — иначе меня просто забракуют из-за несоответствия нормам (я трезво оцениваю свою квалификацию).

Мои предки попали в Америку тоже против всяких правил. Подсустились заранее и явились на континент до того, как ужесточили визовый режим. Надеюсь, и у меня получится.

Но я точно не хочу обрекать себя на смерть только потому, что какой-то тупой олень считает, что атомный взрыв — это очень быстро и совсем не больно. Даже будь оно так, все равно не хочу. Тем более это неправда. Мгновенная смерть постигнет тех, кто находится в самом эпицентре взрыва; остальные будут умирать долго и мучительно, успев осознать все недостатки тупости в атомный век, прежде чем их плоть ослабеет и дух покинет ее. Нет, спасибо, предпочитаю отсидеться в сельской местности.

Конечно, если вы настолько *фанат* пружинных матрасов, чистой воды и регулярного питания, что не способны расстаться с ними даже ради бесчисленных преимуществ выживания в сельской глубинке, а с другой стороны — недостаточно преданы им, чтобы попытаться предотвратить грядущую катастрофу, тогда слушайте внимательно. Выход есть, и притом совсем необязательно создавать лиги или культивировать философский взгляд на вещи.

Если вам действительно дороги блага нашей придурковатой псевдоцивилизации, тогда, по словам специалистов по новым методам ведения войны, остается одно — ратовать за формирование высшего мирового органа, способного предотвратить атомную войну.

Прямо сейчас бегите со всех ног в ближайшее отделение «Вестерн юнион» и отбейте телеграмму своему конгрессмену: пусть перестает валять дурака и начинает в поте лица трудиться над созданием честно-благородного мирового союза — только без фокусов вроде вето «Большой пятерки» и национальных вооружений... и пусть поторопится, часики тикают. Надо успеть, пока Вашингтон не превратился в пригоршню радиоактивной пыли и сам он, бедолага, не рассыпался в прах!

ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С ЗЕРКАЛАМИ

Криминальная история, рассказанная Эдисоном Хиллом

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то время как мои попытки стать Спасителем Мира проваливались одна за другой, я потихоньку начинал достигать своей второй цели: выхода за рамки научной фантастики и освоению новых направлений. «Что вытворяют с зеркалами» был моим первым опытом в криминальном жаре, и из него я узнал три вещи: а) криминальную литературу довольно легко писать и легко продавать; б) Рэймонд Чандлер или Рекс Стаут могут не беспокоиться по моему поводу, поскольку жанр меня не слишком заинтересовал; в) «Криминал не окупается... в должной степени» (девиз Ассоциации детективных писателей Америки¹).

Вас может позабавить, что эта история выглядела тогда (в 1945 году) слишком рискованной; редактор журнала хорошенько отмыл ее перед публикацией. Здесь вы прочтете оригинальную, «грязную» версию; попытайтесь найти в ней хоть что-нибудь, что могло бы добавить румянца на щеки вашей незамужней тетушки.

Описанное в рассказе волшебное зеркало можно было увидеть в конце 1945 года (насколько я помню) в баре на углу Голливуд и Гауэр-Галч; все остальное в нем — выдумка.

Все, что вам достается бесплатно, стоит куда дороже — но вы узнаете об этом уже после.

Бернардо де ла Пас²

¹ *MWA (Mystery Writers of America)* — организация, объединяющая писателей мистики и детективов, основана в 1945 г. Энтони Бучером и другими авторами. Ежегодно вручает премию «Эдгар» и др. В девизе Ассоциации есть игра слов: первую его часть можно прочесть и как «Преступление себя не оправдывает», и как «За детективы не платят».

² *Бернардо де ла Пас* — один из руководителей восстания на Луне и первый президент Конгресса Свободной Луны (см.: Р. Э. Хайнлайн. Луна — суровая госпожа). — *Примеч. С. В. Голд.*

Я пришел сюда, чтобы посмотреть на голых красоток. Пришел, как и все остальные посетители. Это распространенная слабость.

Взгромоздившись на табурет в конце стойки бара в «Джек Джой Джойнт», я подозвал самого Джека, оборвав его болтовню с двумя завсегдатаями.

— Налей на троих, — сказал я. — Нет, на четверых, и хлопни одну со мной. Что новенького, Джек? Я слышал, ты тут устроил для публики кабинку с порнухой?

— Привет, Эд. Запомни, парень, у меня не порнуха, а настоящее искусство.

— Какая разница?

— Если девки ведут себя спокойно — это искусство, а вот если начинают извиваться и крутить задом — тогда закон против. Такие правила. На, посмотри.

Он дал мне программу. Я прочел:

ДЖОЙ-КЛУБ
представляет
«МАГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО»

Прекрасные модели в серии развлекательных
и художественных живых картин

22:00 «Афродита» — Эстель

23:00 «Жертвоприношение Солнцу» — Эстель и Хейзел

24:00 «Верховная жрица» — Хейзел

01:00 «Жертва на алтаре» — Эстель

02:00 «Поклонение Пану» — Эстель и Хейзел

(Посетителям рекомендуется воздерживаться от свиста, топая ногami и прочих нарушений художественной чистоты показа)

Последнее замечание было излишним. Заведение Джека Джоя славилось строгими правилами. На другой стороне программки я увидел новый перечень цен, из которого узнал, что стаканчик в моей руке обойдется мне вдвое дороже, чем я предполагал. Тем не менее зал был битком набит народом — простаками вроде меня.

Я хотел было по-дружески сказать Джеку, что обещаю зажмуриться во время шоу, если он возьмет за выпивку по старой цене, но тут из-за стойки раздался два резких

звонка — два пронзительных сигнала, похожие на морзянку.

— Одиннадцатичасовой показ, — объяснил Джек и, присев за стойку, начал там копать.

Заглянув вниз, я заметил под стойкой какую-то штуковину. Ее украшало столько электрических приспособлений, что их хватило бы на веселенькую рождественскую елку для бойскаутов: переключатели, кнопки, ручки реостатов, проигрыватель для пластинок и ручной микрофон. Я нагнулся, чтобы рассмотреть получше. У меня слабость к таким вещам — должно быть, от моего старика. Он ведь дал мне имя Томас Алва Эдисон Хилл в надежде, что я пойду по стопам его идола. Но я, наверное, здорово разочаровал его: мне так и не удалось придумать атомную бомбу, хотя иногда я пытаюсь починить свою пишущую машинку.

Джек щелкнул переключателем и взял микрофон. Его голос загремел из колонок музыкального автомата.

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»!

Проигрыватель заиграл «Гимн солнцу» из «Золотого петушка», и Джой медленно повернул ручку реостата. Освещение в зале погасло, а «Магическое зеркало» медленно осветилось. «Зеркалом» служила стеклянная перегородка шириной около десяти футов и высотой около восьми. Она отделяла от зала небольшую сцену на балконе. Когда в баре горел свет и огни на сцене были погашены, стекло оставалось непроницаемым и выглядело как зеркало. Когда же свет в зале гас, а на сцене — включался, сквозь стекло начинала медленно проступать картина.

В баре осталась гореть только лампа под стойкой у Джека. Она освещала его фигуру и приборы. Яркий свет лампы слепил мне глаза; я прикрылся от света рукой и уставился на сцену.

А там было на что посмотреть.

Представьте: две девушки — блондинка и брюнетка. Алтарь, или стол, на котором как символ сладострастия раскинулась блондинка. Брюнетка застыла у алтаря, схватив блондинку за волосы и занеся другой рукой причуд-

ливый кинжал. Задник сцены переливался золотым и темно-синим цветом, изображая яркие солнечные лучи на псевдоегипетский или ацтекский манер, но никто не смотрел на задник — все взоры ласкали девушек.

На брюнетке был высокий головной убор, серебряные сандалии и набедренная повязка из стеклянных побрякушек. И больше ничего! Никакого намека на бюстгальтер. Блондинка была голой как устрица. Ее колено на авансцене приподнялось ровно настолько, чтобы заткнуть рот скулящим блюстителям нравов.

Я не смотрел на голую блондинку; мой взгляд тянулся к ней — брюнетке.

И хотя сыграли свою роль две милые торчащие грудки, длина грациозных ног, форма бедер, боков и прочего, тем не менее меня потрясло какое-то общее впечатление. Она была просто до боли хороша. Кто-то рядом воскликнул:

— Обалдеть можно! Я тащусь!

Я хотел уже шикнуть на него, как вдруг понял, что это мой собственный голос.

Тут свет на сцене погас, и я вспомнил, что надо дышать.

Я выложил безбожную плату за мою выпивку недрогнувшей рукой. Джек интимно сообщил:

— Между показами они развлекают посетителей в зале.

Когда девушки появились на лестнице, ведущей с балкона в зал, он жестом подозвал их и представил меня:

— Хейзел Дори, Эстель д'Арки — знакомьтесь, это Эдди Хилл.

Хейзел, брюнетка, спросила: «Как поживаешь?» — а блондинка фыркнула: «О-о, я встречалась с этим призраком раньше. Как дела? По-прежнему гремишь цепями?»

— У меня все замечательно, — ответил я, пропуская мимо ушей ее подковырки.

Да, я знал ее — не как Эстеллу д'Арки, а как Одри Джонсон. Когда я строчил автобиографию начальника полиции, она работала стенографисткой в мэрии. И она

никогда мне не нравилась: слишком уж любила находить больные места и ковыряться в них.

Я не стыжусь своей профессии. Ни для кого не секрет, что я литнегр и работаю на других авторов. Хотя вы можете найти мое имя на титульном листе «Сорока лет полицейского», прямо *под именем* начальника полиции, — пусть маленькими буквами, но оно там: «в сотрудничестве с Эдисоном Хиллом».

— Как тебе понравилось шоу? — спросила Хейзел, когда я заказал круговую.

— Мне понравилась ты, — ответил я по возможности тише, как бы по секрету. — Не могу дождаться следующего номера, чтобы разглядеть тебя получше.

— Тогда ты увидишь кое-что еще, — пообещала она и сменила тему. У меня сложилось впечатление, что брюнетка гордится своей фигурой и с удовольствием принимает комплименты, но в то же время не совсем еще загрубела, выставляя тело напоказ для публики.

Эстель склонилась через стойку к Джеку.

— Джекки-малыш, — сказала она тоном нежного упрека, — ты опять держал подсветку слишком долго. При моей позе это не страшно, но бедная старушка Хейзел к тому моменту, когда ты прикрутил фитиль, уже дрожала, как лист на ветру.

Джек ткнул пальцем в сторону песочных часов для варки яиц:

— Они рассчитаны на три минуты, и именно столько времени вы работали.

— Не думаю, что было больше трех минут, — подхватила Хейзел. — Я совсем не устала.

— Ты вся тряслась, моя милая. Я же видела. Тебе не стоит утомляться — от этого появляются морщины. В любом случае, — добавила Эстель, — за временем теперь буду следить я. — И она сунула песочные часы в свою сумочку. — Тебе нас больше не надуть.

— А я говорю, три минуты, — настаивал Джек.

— Не важно, — заявила она. — Или с этого момента мы следим за временем, или мамочка закроет маленького Джекки в темный чулан.

Джек хотел ей что-то ответить, но, передумав, отошел в другой конец стойки бара. Эстель пожала плечами, заглотнула остатки спиртного и ушла. Я видел, как она еще поговорила с Джеком, а потом присоединилась к клиентам за одним из столиков.

Хейзел тоже посмотрела ей вслед и пробормотала:

— Надавала бы я этой потаскушке по трусам... если б она их носила.

— А что, ее обвинение — туфта?

— Не совсем. Возможно. Джек твой приятель...

— Нет, мы просто знакомы.

— Знаешь... бывали у меня мерзкие боссы... но он настоящий подонок. Вряд ли он затягивает время, чтобы помучить нас, — мне бы и в голову не пришло его проверять, — но некоторые позы очень трудно держать три минуты. Например, Афродиту у Эстель. Ты видел?

— Нет.

— Она балансирует одной ногой на шаре, а другая нога приподнята и заменяет собой фиговый листочек, потому что она там без одежды. Джек установил аварийный выключатель, чтобы прикрыть ее, если она сорвется, но все равно это дикое напряжение.

— Лучше скажи: чтобы самому прикрыться от полиции.

— И от нее тоже. Джек хочет, чтобы мы работали так круто, как только можно, чтобы не замела полиция нравов.

— Не понимаю, зачем ты пошла работать в этот притон. Ты могла бы получить роль в фильме.

Она печально рассмеялась:

— Эдди, ты когда-нибудь пробовал получить роль? Я-то пыталась.

— И все-таки... впрочем, ладно. А что вы с Эстель не поделили? Ты сердишься, когда говоришь о ней.

— Она... хотя не важно. Наверное, у Эстель были добрые намерения.

— Ты хочешь сказать — когда она затащила тебя сюда?

— Не только.

— А что еще?

— Да ничего... слушай, как ты думаешь, мне действительно нужен крем от морщин?

Я рассматривал ее очень близко и старательно, пока она слегка не покраснела, а затем заверил, что абсолютно не нужен.

— Благодарю, — произнесла она. — А Эстель явно считает, что нужен. Недавно она посоветовала, чтобы я позаботилась о своей внешности, и надарила мне кучу косметики. Я поблагодарила Эстель за подарки — с ее стороны это, наверное, проявление дружелюбия... тем не менее меня покорила такая забота.

Я кивнул и постарался сменить тему. Мне не хотелось говорить об Эстель; я хотел говорить о самой Хейзел... и о себе. Я сказал, что знаю одного агента (моего собственного), который может ей помочь. Услышав, что есть шанс получить роль, она заинтересовалась по-настоящему — если не мной, то по крайней мере тем, что я ей говорил.

Случайно взглянув на часы за стойкой бара, она ахнула:

— Чуть не опоздала на свое выступление. Пора идти. Пока!

Было без пяти двенадцать. Мне удалось пересест с конца стойки поближе к середине, прямо напротив пульта управления «Магическим зеркалом». Я не хотел, чтобы яркий свет за стойкой Джека мешал мне смотреть на Хейзел.

Почти в полночь из подсобки выбежал Джек и, оттолкнув своего помощника, занял место возле пульта.

— Как раз вовремя. Она звонила? — спросил он меня.

— Нет, не звонила.

— Ну и хорошо.

Он убрал со стойки грязные стаканы, сменил пластинку на проигрывателе — в общем, суетился понемногу, как обычно. Я не отрываясь смотрел на «Зеркало».

Раздалось два звонка, резких и громких. Джек почему-то не объявлял выступление. Я оглянулся и увидел,

что он, сжав микрофон в руке, испуганно таращится на дверь.

В зал вошли двое полицейских, Ханнеган и Фейнштейн. Наверное, Джек испугался, что залетел под облаву, но это было глупо. Да только патрульные полицейские не таскаются по облавам. Я понял, зачем они сюда пришли, еще до того, как Ханнеган слепил Джеку улыбочку и махнул рукой, показывая, что все нормально, — они просто влезли бесплатно поглазеть на девочек под предлогом наблюдения за моралью публики.

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало», — раздался из колонок голос Джека. Кто-то влез на табурет рядом со мной и просунул ладонь мне под локоть. Я обернулся. Рядом сидела Хейзел.

— Тебе же надо быть не здесь, а там, наверху, — пробормотал я как дурак.

— Ладно, успокойся. Так Эстель сказала... я объясню после представления.

На балконе стало постепенно светлеть, из колонок зазвучал «Грустный вальс». И снова на сцене был алтарь. Эстель распласталась на нем, как и прежде. Когда стало совсем светло, я заметил у нее возле груди красное пятно и торчащую рукоять кинжала. Хейзел успела рассказать мне о каждом акте; это была так называемая «Жертва на алтаре», которую по программе полагалось показывать в час ночи, а не в двенадцать.

Я опечалился, не увидев Хейзел в работе, но, надо признать, сцену поставили удачно — настоящий драматизм с тошнотворным привкусом, душераздирающее сочетание садизма и сексуальности. Красная жидкость, которую я посчитал за кетчуп, стекала вниз по голому боку Эстель, а рукоятка театрального кинжала торчала так, словно клинок действительно вонзили в тело, — публике это очень понравилось. Сцена была естественным продолжением «Жертвоприношения Солнцу».

Хейзел завизжала прямо мне в ухо.

Ее первый крик оказался сольным. Но потом, через секунду или две, завопили все женщины в зале — сопра-

но, альт, немного тенора, но в основном визгливое сопрано. Сквозь шум и крики прогремел мощный бас Ханнегана:

— Всем оставаться на местах! Эй, кто-нибудь, включите свет!

Я схватил Хейзел за плечи и встряхнул ее:

— В чем дело? Что случилось?

Она ошеломленно тыкала рукой в направлении балкона и монотонно причитала:

— Она мертва... она мертва... она мертва!

Хейзел сползла с табурета и метнулась в подсобку. Я последовал за ней. Свет в зале резко вспыхнул, огни на балконе продолжали гореть.

Мы проскочили первый, второй и третий пролеты лестницы, пробежали через маленькую костюмерную и ворвались на сцену. Я почти догнал Хейзел, Фейнштейн наступал мне на пятки.

Мы застыли, сгрудившись в дверях и шурясь от яркого света. Признаюсь, зрелище открылось нам безотрадное. Она действительно была мертва. Кинжал, который следовало прижать рукой к груди, предварительно обмазав кетчупом для создания иллюзии... этот причудливый клинок, это гибкое стальное лезвие оказалось на три дюйма ближе к ее грудной кости, чем полагалось по сценарию. Его вонзили прямо в сердце.

На полу у алтаря, на расстоянии вытянутой руки от Эстель, скрытые от глаз публики, стояли песочные часы для варки яиц. И когда я взглянул на них, упали последние песчинки.

Хейзел потеряла сознание, я подхватил ее (сдобная девочка!) и уложил на кушетку.

— Эдди, — сказал Фейнштейн, — звони в участок. Передай Ханнегану, чтобы никого не выпускал. А я останусь здесь.

Я дозвонился до участка, но Ханнеган обошелся без наших советов. Он усадил народ по местам и втирал им очки. Джек по-прежнему стоял за стойкой, оцепенев от изумления; яркий свет от пульта придавал ему вид мертвеца.

В пятнадцать минут первого ночи появился Спейд Джонс, лейтенант из отдела по расследованию убийств, и началась обычная рутина. Лейтенант хорошо знал меня и даже помогал в работе над книгой, которую я писал для его шефа; наверное, поэтому он тут же вцепился в меня в поисках хоть какого-то объяснения. В полпервого он был уже почти уверен в том, что никто из посетителей не мог совершить преступления.

— Эдди, мальчик мой, я, конечно, не утверждаю, что никто из них *не* убивал ее, — это мог сделать любой: выбрать нужный момент, рвануть наверх, схватить нож и воткнуть его девчонке в ребра. Но маловероятно, чтобы у кого-то из посетителей была возможность так точно выбрать время и способ убийства.

— Любой — но не обязательно из посетителей, — уточнил я.

— То есть?

— Прямо перед лестницей расположен пожарный выход.

— Ты думаешь, я этого не заметил? — Он отвернулся и приказал Ханнегану отпустить всех, кто мог предъявить документы с местным адресом. Остальных он велел отвезти в управление, чтобы ночные дежурные могли опросить их как свидетелей. Возможно, кого-то из них придется задержать для дальнейшего расследования, но в любом случае — чтобы здесь он их больше не видел!

На балконе деловито суетились фотографии и эксперты, снимавшие отпечатки пальцев. Появился помощник судмедэксперта, за ним хлынули репортеры. Через несколько минут после того, как заведение очистили от зевак и посторонних, по лестнице спустилась Хейзел и присоединилась ко мне. Никто из нас ничего не сказал, но я похлопал ее по спине. А когда чуть позже вниз снесли накрытые носилки с завернутым в одеяло телом, я обхватил ее рукой, и она уткнулась лицом в мое плечо.

Спейд допрашивал всех поодиночке. Джек ничего не сказал. «Я не такой умный, чтобы говорить без адвоката» — вот и все, что удалось из него вытянуть. Я подумал про себя, что Джек не прав: лучше было бы ему погово-

рить с лейтенантом сейчас, чем потом потеть под яркими лампами. Тем более что мои показания снимут с хозяина клуба все подозрения, пусть даже лейтенант и узнает о ссоре Джека и Эстель перед выступлением. Спейд никогда не стал бы подтасовывать факты. Он был честным полицейским — с копами это бывает. Я и сам встречал честных полицейских. Даже двух, по-моему.

Лейтенант выслушал меня, взял показания у Хейзел и снова обратился ко мне:

— Эдди, мальчик мой, помоги мне докопаться до сути. Как я понимаю, в двенадцатичасовом показе должна была выступать эта девушка — Хейзел.

— Да, верно.

Он повертел в руках одну из программ Джой-клуба:

— Хейзел говорит, что без пяти двенадцать она пошла наверх подготовиться к шоу.

— Совершенно точно.

— Да. И она была с тобой, так? Она сказала, что поднялась наверх, потом пришла Эстель и заявила, что хозяин велел поменять местами два представления.

— Я об этом не знал.

— Естественно. Хейзел сказала, что немного поартачилась, но уступила и спустилась вниз, где и составила тебе компанию. Верно?

— Верно.

— Хмм... Тогда твое замечание по поводу пожарного выхода может иметь смысл. Хейзел рассказывала мне о дружке Эстель. Он дует в трубу на танцуйках через дорогу. И этот парень мог прошмыгнуть сюда, чтобы приколоть подругу. Делов-то на пару минут. Ведь трубачи, сам знаешь, подудят и отдохнут — а то и губу протереть недолго.

— Но откуда он узнал, когда прийти? Выступать-то должна была Хейзел.

— М-да... Что ж, может, он был в курсе. Похоже, что Эстель назначила свидание — вот чем объясняется изменение программы, и это же предполагает мужчину. Потому-то ее приятель и знал, когда прийти. Один из моих парней проверяет эту версию. Теперь о том, как шли вы-

ступления... Покажешь мне, что тут к чему? Ханнеган пытался, но добился лишь того, что его долбануло током.

— Могу попробовать, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Тут нет ничего особенно сложного. Так, говоришь, Хейзел утверждает, что Джек разрешил Эстель поменять программу? А ты спрашивал его — почему?

— Это единственный вопрос, на который он согласился ответить. Настаивает, что не знал о замене выступлений. Говорит, что ожидал увидеть в «Зеркале» малышку Хейзел.

Пульт управления только казался сложным. Я объяснил Джонсу назначение реостата и рассказал, что Джек одним поворотом ручки не только плавно уменьшает накал ламп в зале, но и усиливает освещение сцены. Позади реостата я обнаружил дополнительный обходной переключатель, который был рассчитан на нынешние условия — когда свет горел и в зале, и на сцене. Мы нашли также аварийный выключатель освещения балкона и пару кнопок для подключения микрофона и проигрывателя к колонкам музыкального автомата. Рядом находился звонок — небольшой черный ящик с двумя штырьками, от которых тянулись провода наверх, к сигнальной кнопке. Нажимая на нее, девушки сообщали Джеку о своей готовности. В центре стойки, прямо под крышкой, крепилась стопятидесятиваттная лампа, подключенная к электрической сети отдельно от реостата. Кроме шнура этой лампы, все остальные провода исчезали в стальной изоляционной трубе под стойкой бара. И именно эта лампа слепила мне глаза во время одиннадцатичасового представления. Она казалась слишком яркой, — на мой взгляд, сгодились бы лампа и послабее. Наверное, Джеку нравился яркий свет.

Я объяснил Спейду устройство пульта и дал ему пощелкать кнопками. Потом я перевел реостат в положение «Зал» и отключил обходной переключатель. Зал продолжал сиять огнями, «Магическое зеркало» погасло.

— Итак, оставалось пять минут до полуночи. Хейзел помахала мне ручкой и пошла наверх. Я пересел на другой табурет, как раз напротив того места, где сейчас стою.

В полночь появился Джек и спросил, был ли сигнал. Я сказал, что не слышал. Он немножко покрутился, убрал стаканы и так далее. Потом раздалось два звонка. Джек взял микрофон, но на несколько секунд задержал показ: он заметил Ханнегана и Фейнштейна. Ханнеган дал зеленый свет, и Джек объявил начало.

Я поднял микрофон и произнес в него:

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»!

Положив микрофон на пульт, я нажал клавишу проигрывателя. Там стояла та же пластинка, и из колонок зазвучал «Грустный вальс». Хейзел сидела за несколькими столиками от стойки, положив голову на скрещенные руки. Услышав музыку, она резко подняла голову и пристально уставилась на меня. Возможно, воссоздание событий действовало ей на желудок: выглядела она как больной цыпленок.

Я медленно вывернул ручку реостата из положения «Зал» в положение «Сцена». В помещении потемнело, а на балконе стало светло.

— Вот и все, что было, — сказал я. — Хейзел сидела рядом со мной, когда Джек объявлял шоу. А когда на сцене включился свет, она закричала.

Спейд поскреб подбородок:

— Значит, когда сверху дали сигнал, Джек стоял прямо перед тобой?

— Точно.

— Ты дал мне повод подозревать его, рассказав о ссоре с Этель. Но ты дал ему и алиби.

— Все верно. Либо Этель сама дала сигнал и, прыгнув на алтарь, прирезала себя, либо ее убили, и убийца нажал на кнопку, чтобы сбить нас со следа. Пока мы пилились на «Зеркало», ему удалось смыться. Но в любом случае Джек Джой был у меня на виду.

— Да, это хорошее алиби, — признал лейтенант. — Если только ты с ним не в сговоре, — добавил он с надеждой.

— Попробуй это доказать, — ответил я, улыбаясь. — Не валяй дурака, никакого сговора нет. И вообще, я его считаю порядочным дерьмом.

— Эдди, мальчик мой, все мы более или менее дерьмо, если на то пошло. Пойдем осмотримся наверху.

Я шелкнул обходным переключателем, осветив балкон и зал, и последовал за ним наверх. Отыскав там сигнальную кнопку, я показал ее Спейду. Изоляционная труба, проходившая через пол балкона, кончалась в распределительной коробке на стене, откуда разбегались провода освещения. Кнопка располагалась на коробке. Мне стало интересно, почему она не на алтаре, но потом мы обнаружили, что алтарь можно передвигать по сцене. Надо полагать, девушки нажимали на кнопку и быстренько принимали свои позы. Спейд задумчиво надавил на кнопку, затем вытер о штаны палец, испачканный порошком для дактилоскопирования.

— Я ничего не слышу, — сказал он.

— И не услышишь. Сцена почти звуконепроницаема.

Он уже осмотрел песочные часы, но только теперь я рассказал ему о том, что видел, как падали последние песчинки. Спейд сжал губы:

— Ты уверен?

— Можешь считать это галлюцинацией. Но я думаю, что видел. Могу подтвердить под присягой.

Спейд сел на алтарь, отодвинулся подальше от кровавого пятна и после долгого молчания сурово произнес:

— Эдди, мальчик мой...

— Да?

— Ты не только дал алиби Джеку Джею, ты, черт тебя дери, сделал почти невозможным, чтобы это смог сделать кто-то другой.

— Я знаю. Могло это быть самоубийством?

— Могло. Все могло быть. С точки зрения техники — но не психологии. Стала бы она ставить часы, если бы решила покончить с собой? И еще одна деталь: посмотри-ка на эту кровь. Попробуй ее на вкус.

— Что?

— Да не прыгай. Хотя бы понюхай ее.

Я понюхал — очень осторожно. Потом понюхал еще раз. Два запаха — помидоры и кровь. Кровь и томатный

кетчуп. Мне показалось, что я обнаружил разницу и по виду пятен.

— Ты понимаешь, сынок? Если у нее из дырки на груди хлещет кровь, зачем тогда кетчуп? Не будь песочных часов и кетчупа, я бы первым кричал об идеальном самоубийстве в стиле театральных истеричек. Но теперь так не скажешь. Это убийство, Эдди.

В проеме двери показался Фейнштейн:

— Лейтенант...

— Что у тебя?

— Этот музыкантишка... у них с Эстель действительно было назначено свидание.

— Ага!

— Но он чист. Его банда была в полночь за работой, и они как раз исполняли номер, где он тянул сольную партию.

— Черт! Пошел отсюда.

— Это еще не все. Я позвонил помощнику судмедэксперта, как вы велели. Мотив убийства, о котором вы говорили, не годится: она не только не ждала ребенка, ее вообще еще никто не поимел. *Virgo intacta*¹, — добавил он на довольно сносной латыни.

— Фейнштейн, сегодня ты щеголяешь учеными словечками, а завтра потребуешь себе звание сержанта? — невинным тоном спросил Спейд. — Вали отсюда.

— Хорошо, лейтенант.

Признаюсь, меня удивили эти новости. Эстель оказалась настоящей мастерицей крутить динамо. Видно, умела завлекать мужиков, не прибегая к самому проверенному способу.

Спейд немного подумал и сказал:

— Значит, когда тут светло, там темно; а когда там светлеет, тут темнеет.

— Да. Обычно так и бывает. Хотя сейчас свет и там и тут, потому что я использовал обходной переключатель.

— Я как раз о том, как бывает обычно. Светло, темно; темно, светло. Эдди, мальчик мой...

¹ Девственница (*лат.*).

— Да?

— Ты, похоже, положил глаз на эту Хейзел?

— Ну вроде того, — согласился я.

— Тогда присматривай за ней. Убийца был здесь всего несколько секунд — это подтверждают песочные часы и звонок. Он не входил в круг лиц, которые знали об изменении программы, поскольку дружок-трубач, как выяснилось, вне подозрений. И на сцене было темно. Эдди, он убил не ту девчонку! А значит, возможно новое убийство.

— Хейзел, — прошептал я медленно.

— Да, Хейзел.

Спейд Джонс отправил нас всех по домам: меня, Хейзел, двух официантов, помощника бармена и Джека Джоя. Я думал, он задержит Джека в отместку за его молчание, но лейтенант лишь попросил его не высовываться из своей гостиницы и предупредил, что в противном случае Джой наткнется на симпатичного полицейского, который тут же отправит его в симпатичную камеру. Прощаясь со мной, Спейд подмигнул и приложил к губам палец.

Но я не стал держать язык за зубами. Хейзел охотно позволила проводить ее домой. Увидев, что она живет одна в небольшой квартирке, а в здании нет даже привратника, я решил, что ей надо кое-что объяснить и предложить свои услуги в качестве ночного сторожа.

Она пошла на кухню, чтобы налить мне выпить.

— Один стаканчик, Эд, и ты пойдешь домой, — крикнула она. — Ты очень милый, я обязательно встречу с тобой и поблагодарю за заботу, но сейчас девочка пойдет в постельку. Я устала.

— Я остаюсь на всю ночь, — твердо заявил я. Она вышла с бокалом в руке и бросила на меня сердитый и в то же время немного озадаченный взгляд.

— Эд, — сказала она, — а не слишком ли быстро? Я не думала, что ты такой нахал.

— Успокойся, красotka, — ответил я. — Спать вместе не обязательно. Я только присмотрю за тобой. Кто-то хочет тебя убить.

Она уронила бокал.

Я помог ей прибраться и объяснил ситуацию.

— Кто-то прирезал девушку в темной комнате, — закончил я свой рассказ. — И этот кто-то думал, что убил тебя. Сейчас он уже понял свою ошибку и попытается ее исправить. Нам нужно выяснить только одно: *кто хочет тебя убить?*

Она села и начала трепать концы носового платка:

— Никто не хочет меня убивать, Эдди. Эстель получила свое.

— Ничего подобного.

— Но никакой ошибки не было. *Я знаю.*

— Что ты знаешь?

— Я... Нет, это невозможно. Если хочешь, оставайся на всю ночь. Можешь спать на той кушетке.

Она встала, выдвинула из стены кровать, потом пошла в душ, закрыла дверь и немножко поплескалась там.

— Этот душ такой тесный, в нем ни одеться, ни раздеться, — спокойно заявила она, входя в комнату. — И в любом случае я привыкла спать голышом. Если хочешь, раздевайся, я не испугаюсь.

— Спасибо. Я сниму только пиджак, галстук и обувь.

— Как знаешь. — Ее голос звучал приглушенно, поскольку в этот момент она стягивала через голову платье.

На ней были трусики, которые, по ее словам, никогда не носила Эстель, — простой белый трикотаж, чистенький и аккуратный. Она не носила бюстгальтер, да и не нуждалась в нем. Представление о ее фигуре, полученное мною в «Магическом зеркале», вполне подтверждалось. Это было самое восхитительное зрелище, которое я когда-либо в жизни видел. В одежде на улице Хейзел показалась бы просто красивой и хорошо сложенной женщиной, но без одежды... многие войны начинались и по меньшему поводу.

Я начал сомневаться в том, что смогу остаться на кушетке. Наверное, это было как-то заметно, потому что она фыркнула:

— Сотри слюну с подбородка!

И перешагнула через трусики.

— Прошу прощения, — пробормотал я и начал развешивать шнурки.

Хейзел выключила свет, подошла к большому окну и раздвинула шторы. Окно было закрыто, но при выключенном свете улица просматривалась прекрасно.

— Отойди от окна, — сказал я. — Ты слишком хорошая мишень.

— Что? Ах да, конечно.

Она отступила на несколько шагов, все так же задумчиво глядя в окно. А я задумчиво разглядывал ее. Напротив, через улицу, сияла огромная неоновая вывеска, цветные полосы света врывались в комнату и покрывали Хейзел с головы до ног радужным текучим сиянием. Она походила на волшебную грезу.

Но через секунду я уже не думал о том, как она выглядит; мне вспомнилась другая комната, где лежала убитая девушка и огни ночного клуба светили сквозь стеклянную стену, как и эти всполохи неоновой рекламы.

Мысли быстро выстраивались в цепочку, причиняя мне почти физическую боль. Я разложил их по второму разу и получил все тот же ответ. Мне он очень не понравился. И я был рад, чертовски рад, что Хейзел разделась догола и ей негде спрятать нож, пистолет или какое-то другое оружие.

— Хейзел, — тихо позвал я.

Она повернулась ко мне:

— Да, Эдди?

— Мне пришла в голову новая идея... Зачем кому-то убивать тебя?

— Ты уже спрашивал. Нет никакого повода.

— Я так и знал. Ты права — никакого повода. Тогда давай поставим вопрос иначе... *Зачем ты хотела убить Эстель?*

Мне показалось, что она сейчас снова хлопнется в обморок, но меня это не волновало. Я хотел шокировать Хейзел. Ее сногшибательная красота была для меня в тот миг всего лишь западней, сбивавшей со следа. Мне не хотелось подозревать Хейзел, поэтому я до сих пор даже

не думал о том, что из всех очевидцев только она имела возможность совершить преступление, только она знала о перемене программы и, наконец, только у нее был хоть какой-то мотив. Ясно как день, что она ненавидела Эстель. Хейзел скрывала свою ненависть, но не слишком умело.

А самое главное — на маленькой сцене не было темно! Конечно, она *казалась* темной — снаружи, из зала. Через стекло ничего не видно, если вы стоите на освещенной стороне, но свет тем не менее проходит сквозь стекло. Неоновая вывеска на улице освещала комнату Хейзел, заливая нас сказочным светом; яркие лампы в баре Джека освещали маленькую сцену даже тогда, когда огни лампы были погашены.

И она знала это. Она знала, потому что бывала там много раз, репетируя позы для любителей клубнички. С самого начала она знала, что не было никакой ошибки в темноте: там хватало света! Чтобы перепутать иссиня-черную гриву Хейзел с пергидрольной копной Эстель, нужна была абсолютная тьма.

Она знала... но почему тогда не сказала? Хейзел позволила мне остаться на ночь, хотя я ей даром не нужен. Она рискует репутацией и еще кое-чем, и все потому, что я выдвинул теорию о не-той-жертве-в-темноте. Хейзел знала, что это чушь собачья; почему она промолчала?

— Эдди, ты ненормальный, что ли? — Ее голос дрожал от испуга.

— Нет, теперь я стал нормальным. Я могу рассказать тебе, как ты это сделала, моя красотулька. Вы были там обе, ты сама говорила, помнишь? Эстель приняла свою позу и попросила тебя нажать на звонок. Ты нажала... но сначала схватила нож и воткнула ей между ребер. Потом ты вытерла рукоятку, осмотрелась, нажала кнопку звонка и удрала. Через десять секунд ты уже взяла меня под ручку. Я — твое алиби!

Это должна была сделать ты, — продолжал я, — потому что ни у кого другого не хватило бы духу совершить убийство на виду у всей публики, — представь себе эти

сотни глаз за тонким стеклом. На балконе было светло: свет проникал из зала. Но это тебя не тревожило, потому что ты не раз разгуливала нагишом перед этим стеклом, зная, что тебя не видно, пока в зале горит свет! Никто другой на такое бы не решился!

Она смотрела на меня так, словно не верила своим ушам. Ее подбородок начал подрагивать. Она опустилась на корточки и зарыдала. Я даже удивился: настоящие слезы, ручьем... Наверное, они должны были меня растрогать, но не растрогали. Мне не нравятся убийцы.

Я встал около нее:

— Зачем ты ее убила? *Зачем?!*

— Пошел вон!

— Вот еще! Я хочу посмотреть, как из тебя сделают жаркое, мой грудастый ангелочек.

К телефону пришлось пятиться задом. Я не спускал с нее глаз, не рискуя повернуться к девушке спиной, какой бы голой она ни была.

Хейзел метнулась вперед, но не ко мне, а к двери. Не знаю, как далеко она надеялась убежать нагишом.

Я сбил ее с ног и подмял под себя. Там было что подмять, ничего не скажешь! Она кусалась и царапалась, но я применил захват и выкрутил ей руку:

— Веди себя хорошо, милая, или я сломаю тебе руку.

Она притихла, и тут до меня дошло, что подо мной не просто тело, а очень женственное тело. Я постарался проигнорировать этот факт.

— Отпусти меня, Эдди, — попросила она дрожащим голосом, — или я крикну, что меня насилуют. Ты потом от копов не отобьешься.

— Полный вперед, моя пышечка, — ответил я. — Именно копов я и хочу здесь увидеть — и чем быстрее, тем лучше.

— Эдди. Эдди, ну послушай меня... я не убивала ее. *Но я знаю, кто это сделал.*

— Да? И кто же?

— Я знаю... Знаю... Хотя он вроде и *не мог* этого сделать. Вот почему я ничего не сказала копам.

— Скажи это мне.

Она отозвалась не сразу, мне пришлось усилить захват.

— Говори!

— О господи! Это был Джек.

— Джек? Чепуха! Я его видел.

— Знаю. И все-таки это сделал он. Не знаю как... но он убийца.

Я задумался, по-прежнему сжимая ее руку. Она заглянула мне в глаза:

— Эд?

— Ну?

— Если бы я нажала кнопку звонка, на ней бы остался отпечаток моего пальца?

— Наверняка.

— Так почему бы тебе не выяснить?

Это меня озадачило. Я по-прежнему не сомневался в своей правоте, но Хейзел, похоже, искренне хотела, чтобы я узнал ответ.

— Вставай, — буркнул я. — Сначала на колени, потом на ноги. И не пытайся освободить руку. Никаких фокусов — иначе получишь в живот.

Она смирилась. Я провел ее к телефону и набрал номер. Через телефонную станцию полиции мне удалось соединиться со Спейдом Джонсом.

— Эй, Спейд? Это Эдди... Эдди Хилл. Слушай, на кнопке звонка были отпечатки?

— А я все гадал, когда ты наконец спросишь об этом. Конечно были.

— Чьи?

— Трупа.

— Эстель?

— А кого же еще? Ее отпечатки остались и на песочных часах. На рукоятке кинжала ничего — ее вытерли. По всей комнате отпечатки обеих красоток, хотя есть и несколько чужих... но, возможно, старые.

— Ага... да... ну хорошо, спасибо.

— Не за что. Звони мне, сынок, если вдруг осенит блестящая идея.

Я повесил трубку и повернулся к Хейзел. Не помню точно, но, кажется, я отпустил ее, когда Спейд сказал про отпечатки Эстель. Хейзел стояла рядом, растирая руку и очень странно посматривая на меня.

— Ладно, — сказал я, — можешь тоже вывернуть мне руку или врезать куда захочешь. Я ошибся. Прости... Я стараюсь заслужить твое прощение.

Она хотела что-то сказать, но снова расплакалась. Все закончилось тем, что она приняла мои извинения, причем самым приятным из возможных способов, перепачкав меня помадой и потекшей тушью. Мне это понравилось, хотя в душе я чувствовал себя мерзавцем.

Промокнув слезы на ее лице носовым платком, я попросил:

— Надень платье или что-нибудь еще, сядь на кровать, а я посижу на кушетке. Нам надо докопаться до сути, а я лучше соображаю, когда твои прелести прикрыты.

Она послушно отошла, и я начал размышлять:

— Ты говоришь, что ее убил Джек, но признаешь, что не знаешь, как он это мог сделать. Тогда почему ты его подозреваешь?

— Из-за музыки.

— Что-что?

— Из-за музыки, которую он приготовил для выступления. Помнишь «Грустный вальс»? Это музыка Эстель, то есть для ее сцены. Моя сцена, обычно идущая в полночь, сопровождалась «Болеро». Он поставил музыку для нее и, значит, знал, что на балконе Эстель.

— Поэтому, когда он заявил, что она не предупредила его о перемене программы, ты заметила ложь. Но по такой улике человека не осудишь — он может сказать, что поставил пластинку по ошибке.

— Может, да не скажет. Пластинки хранятся строго по номерам, каждая предназначена для своей сцены, и такой порядок соблюдается не первую ночь. Никто, кроме Джека, их не трогает. Он уволил бы любого, кто коснулся

бы его пульта. Но знаешь... я заподозрила его еще до того, как подумала о музыке. Только как он ее убил — ума не приложу.

— Я тоже. Давай продолжай.

— Он ненавидел ее.

— Почему?

— Она крутила им как хотела.

— Как хотела? Допустим, крутила. Со многими такое бывает. Она над всеми издевалась: дразнила тебя, дразнила меня. Ну и что?

— Это не одно и то же, — настаивала Хейзел. — Джек боялся темноты.

Да, история оказалась печальной. Парень боялся темноты — по-настоящему, как боятся некоторые дети. По словам Хейзел, он ночью не мог без фонарика даже до стоянки дойти, чтобы сесть в машину. Но не в этом выражалась слабость Джека, и не этого он стыдился: многие люди пользуются фонариками — просто чтобы знать, на что они наступают. Беда в том, что Джек влюбился в Эстель и, видимо, добился немалых успехов — фактически он уложил ее в постель. Да только ничего у него не вышло, потому что девчонке вздумалось выключить свет. Эстель, рассказывая об этом Хейзел, злорадно подчеркивала, что вовремя успела узнать о его «трусости».

— После этого она постоянно издевалась над ним, — говорила Хейзел. — Со стороны ничего не было заметно, если не знаешь. Но он-то знал! Он боялся ее, боялся уволить ее из-за страха, что она расскажет кому-нибудь. Он ненавидел ее — и в то же время сгорал от любви и ревновал. Однажды, когда я была в костюмерной...

Хейзел продолжала свой рассказ. Джек вошел в комнату, когда девчонки то ли одевались, то ли раздевались, а заодно препирались по поводу одного из посетителей. Эстель велела Джеку убираться. Он ни в какую. И тогда она выключила свет.

— Он удирал как заяц, спотыкаясь о собственные ноги. — Хейзел тяжело вздохнула. — Ну как тебе история, Эдди? Хороший мотив для убийства?

— Хороший, — согласился я. — Ты почти убедила меня, что это сделал он. Только он не мог... я же его видел.

— Не мог... В том-то вся и проблема.

Я отправил ее в постель и попросил постараться заснуть. Мне хотелось спокойно посидеть, пока все куски мозаики не сложатся в картину. Когда Хейзел сняла наброшенный халат, я был вознагражден очередным лицезрением ее фигуры. Но я позволил себе только один поцелуй с пожеланием доброй ночи. Не думаю, что она спала, — во всяком случае, не храпела.

Я сел и начал ворочать мозгами. На сцене не было темно, когда балкон казался темным, и этот факт менял все, исключая, по моему мнению, каждого, кто не был знаком с механикой «Зеркала». А значит, оставалось всего несколько подозреваемых: Хейзел, Джек, помощник-бармен, два официанта и сама Эстель. Конечно, была возможность, что какой-то неизвестный тип прокрался наверх, сунул в девицу ножичек и потихоньку смылся, — но возможность чисто физическая. С точки зрения психологии это маловероятно. Кстати, не забыть бы спросить у Хейзел, работали ли в «Зеркале» другие модели.

Помощник-бармен и два официанта, которых Спейд исключил из списка подозреваемых, имели железное алиби, подтвержденное одним и более клиентами. Мои показания говорили в пользу Джека. Эстель... нет, это не самоубийство. Что касается Хейзел...

Отпечаток пальца Эстель вроде бы снимает подозрения с Хейзел: ей явно не хватило бы времени убить Эстель, расположить труп в нужной позе и, вытерев рукоятку, спуститься вниз, ко мне под бочок, до того как Джек начал представление.

Но в таком случае больше некого подозревать... и остается гипотетический сексуальный маньяк, который, не смущаясь толпы людей за стеклом, устроил резню на алтаре. Чушь какая-то!

Конечно, отпечаток пальца ничего не исключает. Хейзел могла нажать кнопку звонка монетой или заколкой — тогда бы старый отпечаток сохранился, а нового не по-

явилось. Мне не хотелось это признавать, но окончательно снимать подозрения с Хейзел было рано.

И опять-таки, если Эстель не нажимала кнопку, убийство мог совершить только свой; никто из чужих не знал, где эта кнопка. Да и кто бы додумался нажимать на нее?

А зачем это понадобилось Хейзел? Сигнал не давал ей алиби... значит, в этом не было смысла.

Вот так круг за кругом, круг за кругом, пока не заболела голова.

Через какое-то время я встал и подергал за покрывало:

— Хейзел!

— Да, Эдди?

— Кто нажимал на кнопку звонка перед одиннадцатичасовым представлением?

Она задумалась.

— Это был наш совместный показ. Кнопку нажимала Эстель... она всегда брала инициативу на себя.

— Ммм... А другие девушки работали в «Зеркале»?

— Нет, никто, кроме меня и Эстель. Мы и начинали это шоу.

— Ладно. Кажется, я что-то нащупал. Пойду позвоню Спейду Джонсу.

Спейд заверил меня, что был несказанно рад покинуть теплую постель, чтобы потрепаться со мной: может, я соглашусь пойти к нему в горнисты? Но все же он обещал приехать в Джой-клуб, захватив с собой Джека, патрульных полицейских, пистолеты и мышцы для выкручивания рук.

Когда мы собрались в Джой-клубе, я встал за стойкой бара, Хейзел села там, где сидела вчера, на моем месте устроился полицейский из отдела по расследованию убийств. Джек и Спейд находились у конца стойки, откуда лейтенанту были видны мы все.

— Сейчас вы увидите, как человек может оказаться в двух местах одновременно, — объявил я. — Мне придется исполнить роль мистера Джека Джоя. Представим, что время близится к полуночи. Хейзел только что поки-

нула костюмерную и спустилась вниз. Она ненадолго задержалась в дамском туалете у подножия лестницы, поэтому не заметила Джека, который направлялся к лестнице. Он идет наверх и находит Эстель в костюмерной — уже раздетую и готовую к выступлению... Возможно.

Я взглянул на Джека. Его лицо казалось окаменевшей маской, но сдаваться он не собирался.

— Возникла ссора — не знаю, по какому поводу, но, скорее всего, из-за трубача, ради встречи с которым Эстель изменила программу. В любом случае готов держать пари, что девчонка закончила спор, выключив свет в гримерной. И Джек вылетел прочь!

Первый пробный удар прошел. Джой вздрогнул, маска треснула.

— Но Джек отсутствовал не более нескольких секунд, — продолжал я. — Возможно, в кармане у него оказался фонарик — наверное, он и сейчас там лежит, — и это помогло ему вернуться в ту ужасную темную комнату, чтобы включить свет. Эстель уже была на сцене, обмазывалась кетчупом; ей оставалось лишь нажать на кнопку звонка, она даже успела поставить песочные часы. Джек схватил кинжал и нанес смертельный удар.

Я сделал паузу. На этот раз мой шар не достиг цели. Маска Джека не дрогнула.

— Он придал ее телу нужное положение... оставим на это десять секунд. Скрывая улики, он вытирает рукоятку и сбегает по лестнице вниз — можем кинуть на это десять или даже двадцать секунд. Потом он спрашивает меня, звенел ли звонок, и я отвечаю, что звонка не было. А он действительно хотел это знать, потому что Эстель могла нажать на кнопку до того, как он пришел ее. Узнав, что хотел, Джек начинает отвлекать внимание... примерно так...

Я повозился с посудой, взял со стойки ложку и указал ею на стеклянную перегородку сцены:

— Заметьте, что «Зеркало» освещено и там сейчас никого нет, — я врубил обходной выключатель. Но представьте, что там темно, на алтаре лежит Эстель и ее сердце пробито кинжалом.

Пока они смотрели на «Зеркало», я опустил металлическую ложку и замкнул штырьки, от которых шли провода к звонку на сцене. Раздался громкий звонок. Я разомкнул контакт, приподняв кончик ложки, и снова замкнул — еще один звонок.

— Вот таким образом человек может... Держи его, Спейд!

Но лейтенант навалился на Джека еще до того, как я закричал. Трое полицейских быстро его скрутили. Он не был вооружен, просто сработал защитный рефлекс — желание вырваться на свободу. И даже теперь он не сдавался.

— У вас на меня ничего нет! Ваши доказательства — дерьмо! Любой мог замкнуть эти провода на всем протяжении линии.

— Нет, Джек, — возразил я. — Мы это проверили. Провода входят в ту же стальную трубу, что и силовая проводка, и так до самой распределительной коробки на сцене. Или здесь, или там, Джек. А раз не там, то только здесь.

Он помолчал.

— Я хочу видеть своего адвоката, — вот и все, что он сказал мне в ответ.

— Ты увидишь своего адвоката, — весело заверил его Спейд. — Завтра или послезавтра. А сейчас ты поедешь к нам в участок и посидишь несколько часов под парочкой горячих ламп.

— Нет, лейтенант! — вмешалась Хейзел.

— Что? Почему нет, мисс Дорн?

— Не сажайте его под лампы. Лучше запирайте в темный чулан!

— В чулан? Почему в чу... Девочка! Да ты просто умница!

Они воспользовались чуланом для швабр. Парня хватило на полчаса, потом он захныкал, а потом начал кричать. Они его выпустили и выслушали чистосердечное признание.

Когда Джека уводили, мне было почти жаль его. А впрочем, чего жалеть? Ему светило, максимум, обвине-

ние в убийстве второй степени, потому что преднамеренность было невозможно доказать, да и в любом случае это было слишком неправдоподобно. А теперь лучшим выходом для него будет «невиновность по причине невменяемости». Какой бы ни была его вина, Джека довела до убийства сама Эстель. И только представьте, какое самообладание было у парня — какая колоссальная выдержка потребовалась, чтобы осветить кровавую сцену после того, как он поднял взгляд и заметил в дверях двух полицейских!

Я второй раз отвез Хейзел домой. Кровать по-прежнему была разложена, и, сбросив на ходу туфли, Хейзел направилась прямо к ней. Расстегнула молнию на боку платья, начала стаскивать его через голову и вдруг остановилась:

— Эдди!

— Да, красавица?

— Если я опять разденусь, ты не обвинишь меня в новом преступлении?

Я задумался:

— Все зависит от того, кем ты заинтересовалась — мной или агентом, о котором я говорил.

Она улыбнулась, схватила туфельку и бросила в меня:

— Конечно тобой! Только не очень задавайся.

И она разделась до конца. А немного погодя и я начал развязывать шнурки.

СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Следующая попытка освоить новые направления вылилась в мою первую книгу — «Ракетный корабль „Галилей“». Крупный издатель попросил меня написать книгу для подростков, я не был в себе уверен, но два очень уважаемых друга, Клив Картмилл и Фриц Ланг, убедили меня попробовать. Так я и сделал... но издатель, который ее заказывал, отклонил рукопись. Путешествие на Луну? Что за чушь! Он предложил мне написать новую книгу, но без этих дурацких космических путешествий.

Вместо этого я продал рукопись Скрибнеру и тем самым запустил цикл: каждый год по книге для подростков, которая выходила перед Рождеством, в самый пик продаж. Это сотрудничество продолжалось двенадцать лет, у нас сложились довольно странные отношения, так как мой редактор не любила научную фантастику, не любила меня (чувство, на которое я научился отвечать взаимностью) и терпела исключительно потому, что мои книги продавались настолько хорошо, что удерживали ее отдел на плаву, — по ее собственному признанию. Рукопись она мне тогда вернула, предложив, чтобы я в течение года книгу переписал.

Ее отказ не оставил мне выбора. Вместо того чтобы отложить рукопись на год, я отнес ее другому издателю... и получил за нее «Хьюго».

«Ракетный корабль „Галилей“» был первой неуклюжей попыткой, и она меня совершенно не удовлетворяла. Но книга не переставала печататься, она вышла на четырнадцати языках и принесла совершенно невозможную сумму на одних только роялти. Я не должен ее ругать, но тем не менее я испытываю досаду всякий раз, когда вижу ее недостатки.

Моей следующей фантастической историей (в этой книге) стали «Свободные люди». На первый взгляд она кажется обычной историей о том, что будет после холокоста, и ее детали — идиомы, топонимы и тому подобное — подтверждают это предположение. По сути, это история о *любой* оккупированной стране в *любом* столетии...

— Итого три временных президента, — сказал Лидер. — Интересно, сколько их есть еще?

Он вернул клочок папиросной бумаги гонцу, и тот сунул его в рот и стал жевать, как резинку.

Третий человек пожал плечами:

— Трудно сказать. А меня беспокоит...

Тут его прервал крик пересмешника. «Тойти-тойти-тойти, — пел он. — Тюр-лю-тюрлю-тюрлю, перти-перти-перти».

Поляна сразу опустела.

— Так я говорил, — шепнул голос третьего в ухо Лидера, — не то важно, сколько их, а вот как нам отличить де Голля от Лавала? Что ты там видишь?

— Конвой. Остановились под нами. — Лидер выглянул из кустов и окинул взглядом склон, спускавшийся к берегу реки, прижимая дорогу к самой воде. Потом дорога уходила влево, пересекая поля и луга долины, и десятью милями дальше достигала пригородов Беркли.

Конвой остановился — восемь грузовиков, а в голове и в хвосте колонны — вездеходы. Замыкающий сдал назад, его вихревая пушка была расчехлена и готова к стрельбе. Очевидно, начальник колонны хотел иметь свободу маневра на случай засады.

Из второго грузовика высыпали фигурки в шлемах и собрались около заднего борта. Грузовик стоял на домкрате, и Лидер увидел, что одно колесо снято.

— Влипли?

— Не думаю. Просто привал. Скоро они уедут.

Он подумал, что могло бы быть в грузовиках. Еда, возможно. Рот наполнился слюной. Еще несколько недель

тому назад такой случай означал бы хорошую прибавку к рациону, но завоеватели с тех пор поумнели.

Он отбросил бесполезные мысли.

— И не это меня беспокоит, Батя, — вернулся он к оставленной теме. — Мы сможем отличить предателя от верного американца. Но как отличить мужчину от мальчишки?

— Ты насчет Джо Бенца?

— Может быть. Я много бы дал, чтобы понять, насколько можно доверять Джо. Но я мог иметь в виду и молодого Морри.

— Этому можно верить.

— Наверное. В свои тринадцать он не пьет — и не расколется, даже если ему ноги сожгут. И Кэтлин такая же. Тут не в поле дело и не в возрасте — вот только в чем? А мы *должны* уметь разбираться в людях.

Внизу зашевелились. Когда конвой остановился, охрана выскочила из грузовиков и рассыпалась вдоль дороги, согласно существующим на такой случай наставлениям. Теперь двое из них возвращались к колонне, волоча между собой кого-то третьего в штатском.

Пересмешник возбужденно свистнул.

— Это связной, — пояснил Лидер. — Дубина тупоголовая, затаиться не мог! Скажи Теду, что мы его видели.

Батя сложил губы трубочкой и свистнул: «Кии-ви, кии-ви, кии-ви, тюрлю!»

Другой пересмешник ответил «тюрлю» и смолк.

— Новая почта понадобится, — сказал Лидер. — Займись, Батя.

— Ладно.

— У этой проблемы нет решения, — продолжал Лидер. — Размер боевых единиц можно уменьшить, чтобы никто не мог выдать многих, — но возьми, например, такую колонию, как наша. Чтобы она действовала, нужно больше дюжины. А это значит, что они все зависимы или что они заваливаются вместе. Получается, что каждый — это заряженный пистолет у виска остальных.

Батя криво улыбнулся:

— Вроде как Объединенные Нации перед Взрывом. Взбодришь, Эд. И нечего сжигать мосты, пока ты через них не перешел.

— Не буду. Смотри, конвой снимается.

Колонна исчезла вдали, и Эд Морган, Лидер, и его заместитель, Батя Картер, встали и потянулись. Пересмешник громко и радостно сообщил, что все вокруг чисто и безопасно.

— Скажи Теду, пусть прикроет нас до лагеря, — командовал Эд.

Батя засвистел и зачирикал и получил сигнал в ответ. Они пошли в сторону холмов. Все время петляя, они выходили на контрольные точки, откуда могли оглядеть пройденный участок и услышать, что свистнет Тед. Что за Тедом будет хвост, Морган не боялся: он знал, что Тед смог бы выкрасть детеныша из сумки мамы-опоссума. Но привал конвоя мог быть ловушкой — невозможно было проверить, все ли солдаты вернулись в машины. Могли следить и за связным — его подозрительно легко поймали.

«Интересно, — подумал Морган, — что они из него вытащат». Об отряде Моргана он знал мало — только «почтовый ящик», где была встреча, и все.

База группы Моргана была не лучше и не хуже, чем у нескольких тысяч партизанских отрядов сопротивления, рассеянных на той территории, что когда-то называла себя Соединенными Штатами. Двадцатиминутная война застала врасплох не всех. Зрелище грибов, выросших вдруг над Вашингтоном, Детройтом и сотней других городов, было страшным, но для некоторых — ожидаемым.

Больших приготовлений Морган не делал. Он просто решил, что время как раз подходящее для того, чтобы не терять подвижности и не торчать слишком близко к вероятным целям. Он взял права на разработку заброшенной шахты и начал ее инструментами, провизией и прочими полезными вещами. У него было только одно желание — просто выжить; и лишь несколько недель спустя

после Последнего Воскресенья он понял, что человеку, умеющему предвидеть, не избежать судьбы вожака.

Морган и Батя Картер вошли в шахту по новому стволу через туннель, которого не было на карте, пройдя по голой скале, где даже ищейка не взяла бы след. По туннелю они двигались ползком и смогли поднять головы только в оружейной. Оттуда они вошли в общую комнату колонии, размером десять футов на тридцать и по высоте равной ширине.

Их появление не было неожиданным — иначе бы им не войти живыми. Вмонтированный в туннеле микрофон предварил их появление произнесенным ими паролем. В комнате никого не было, если не считать молодой женщины, хлопотавшей около маленького очага под вытяжкой, и девушки около пишущей машинки рядом с радиоприемником. Сдвинув наушники, она повернулась к вошедшим:

— Привет, босс!

— Привет, Марджи. Что хорошего? — И к другой: — А что на завтрак?

— Суп из топора и новая дырка в поясе.

— Кэтлин, ты меня огорчаешь.

— Тогда — грибы, тушенные в кроличьем жиру. Но их чертовски мало.

— Это уже лучше.

— Лучше скажи своим ребятам смотреть, чего берут. Еще один кролик с туляремией — и еда нас волновать уже не будет.

— Трудно проследить, Кэт. Ты уж поступай с ними так, как говорит док. — Он повернулся к девушке. — Джерри в верхнем туннеле?

— Да.

— Позови его сюда, ладно?

— Есть, сэр! — Она вытащила лист из машинки, отдала ему вместе с остальными и вышла.

Морган посмотрел сводку. Противник запретил мыльные оперы и рекламные ролики, но нельзя сказать, чтобы радио стало лучше. Очень уж привычно-одинаковой была та пропаганда, что потоком теперь лилась в эфир.

Морган просматривал сводку, мечтая хотя бы об одном старомодном, неподцензурном выпуске новостей.

— Вот, смотри! — неожиданно объявил он. — Вот здесь, Батя.

— Прочти вслух, Эд. — Батины очки разбились в Последнее Воскресенье. За тысячу ярдов он мог разглядеть оленя, человека или муху, но читать он уже никогда не сможет.

— *«Новый центр, 28 апреля. С глубоким прискорбием сообщаем, что органы континентальной координации по вопросам Всемирного объединения района Северной Америки объявили о применении санитарных мер к бывшему городу Сент-Джозеф, территория бывшего штата Миссури. Постановлено произвести установку мемориальной стелы на месте расположения бывшего города Сент-Джозеф, как только позволит радиоактивная обстановка. Бывшие жители города, вопреки неоднократным предупреждениям, поддерживали мародерствующие банды поставленных вне закона вырожден и способствовали им, предоставляя укрытия в пригородах своей общины. Органы континентальной координации выражают надежду, что печальная судьба бывшего города Сент-Джозеф подвигнет местные власти всех общин Северной Америки принять меры по пресечению контактов сообществ нашего континента с остатками противозаконных элементов».*

Батя поднял бровь:

— Который это уже после их победы?

— Давай посчитаем. Салинас... Колорадо-Спрингс... С Сент-Джозефом — шесть.

— Сынок, после Последнего Воскресенья выжило около шестидесяти миллионов американцев. Если так пойдет дальше, за несколько лет нас просто истребят.

— Знаю. — Морган был раздражен. — Нам придется действовать, не привлекая внимания к городам. Слишком много заложников.

Из бокового туннеля вошел невысокий темноволосый человек в грязных джинсах:

— Я вам нужен, босс?

— Да, Джерри. Я хочу вызвать сюда Маккракена. Через два часа, если он успеет.

— Босс, слишком много разговоров по радио. Вы его подставите под пулю, да и нас тоже.

— Я думал, что этот трюк с отражением от скалы нас защищает.

— Хитрость, которую я придумал, кто-нибудь сможет и разгадать. А к тому же у меня аппаратура разобрана. Я ее чинил.

— Долго ее наладить?

— От двадцати минут до получаса.

— Так сделай. Может оказаться, что это будет последний случай, когда мы используем радио, разве что при крайней необходимости.

— Понял, босс.

Собрание проходило в общей комнате. По приказу Моргана собрались все, кто мог прийти. Маккракен прибыл, когда Морган уже было решил начать без него. У Маккракена был пропуск на передвижение в сельской местности, поскольку он был ветеринаром. Он держал связь между колонией и ее людьми в Беркли.

— Собрание роты свободы Беркли, временной административной единицы Соединенных Штатов, считаю открытым, — формально объявил Морган. — Есть ли у кого-нибудь вопрос, который он желал бы представить на рассмотрение роты?

Он огляделся; ответа не было.

— Ты не хочешь? — спросил он Джо Бенца. — Мне говорили, ты считаешь, что есть вещи, о которых рота должна знать.

Бенц было заговорил, но остановился и покачал головой:

— Я подожду.

— Не слишком долго, — мягко сказал Морган. — Ладно, у меня есть два момента, которые надо обсудить...

— Три, — поправил Маккракен. — Хорошо, что вы меня позвали.

Он подошел к Моргану и протянул ему большой, многократно сложенный лист бумаги. Морган просмотрел его, сложил снова и сунул в карман.

— Все сходится, — сказал он Маккракену. — Что говорят в городе?

— Они ждут вестей от вас. Они вас поддерживают, по крайней мере пока.

— Отлично. — Морган повернулся обратно к группе. — Первое — мы сегодня получили сообщение, передаваемое из рук в руки и уже трехнедельной давности, об организации еще одного временного правительства. Кургера схватили прямо у нас перед носом. Может, он струсил; может, был неосторожен — это сейчас к делу не относится. Автор сообщения, достопочтенный Альберт М. Брокман, объявляет себя временным президентом этих Соединенных Штатов согласно преемственности власти, назначает бригадного генерала Дьюи Фентона командующим всеми вооруженными силами, включая силы ополчения — то есть нас, — и призывает всех граждан сплотиться во имя изгнания захватчиков. Все по форме и по правилам. Что будем делать?

— А кто этот достопочтенный Альберт М. Брокман, черт его побери? — спросил кто-то из задних рядов.

— Пытаюсь вспомнить. В письме были перечислены все его должности, включая должность чьего-то секретаря, — отсюда, наверное, и «преемственность власти». Но не могу припомнить.

— Я помню, — неожиданно сказал доктор Маккракен. — Я его встречал в бюро животноводства. Сержант гражданской службы... и канцелярист в душе.

Наступило молчание, которое нарушил Тед:

— Так чего с ним возиться?

Лидер покачал головой:

— Не так все просто, Тед. Нельзя сказать, что он не годится. Наполеон мог бы всю жизнь просидеть в канцелярии, живи он в другое время. А достопочтенный Альберт М. Брокман может быть гением революции под мас-

кой чиновника. Не в этом дело. Нам до зарезу нужно объединение в масштабе нации. И не важно, кто будет называться лидером. Преемственность власти неубедительна, но это единственный способ, чтобы все приняли чье-то лидерство. Малые отряды вроде нашего никогда не отвоюют страны. Нам нужно единство — и вот почему мы не можем игнорировать Брокмана.

— Что меня все время мучает, — со злостью и силой заговорил Маккракен, — так это то, что этого не должно было случиться! Мы могли этого не допустить.

— Теперь-то чего полыхать? — ответил Морган, — Сейчас мы видим все ошибки правительства, но я думаю, что оно честно до последнего пыталось предотвратить войну. Чтобы сохранить мир, нужны усилия всех народов, а развязать войну может в одиночку любой из них.

— Да я же не про это, капитан, — ответил Маккракен. — Я же не говорю, что войну можно было предотвратить. Это можно было сделать — один раз. Но каждый знал, что может случиться другая война, и каждый — *каждый*, говорю я, знал, что она начнется с бомбардировки американских городов. Каждый конгрессмен, каждый сенатор знал, что в первые минуты войны будет уничтожен Вашингтон, а страна останется без правительства и будет бессмысленно дергаться, как цыпленок с отрубленной головой. *Знали* — и ничего не сделали!

— А что они могли сделать? Вашингтон нельзя было защитить.

— Что? Да хотя бы составить планы на случай собственной смерти! Они могли принять поправку к Конституции насчет альтернативного президента и альтернативного Конгресса и потребовать, чтобы альтернативные президент и Конгресс не имели права находиться в угрожаемых зонах. Они могли придумать любую схему наследования власти в случае катастрофы. Они могли оборудовать тайные центры управления из бомбоубежищ. Как отец семейства думает о будущем, когда боится свою жизнь, — точно так же могли подумать и они. А они толь-

ко курлыкали, как индюки, и позволили, чтобы их убили, не оставив преемников для выполнения своих обязанностей. «Преемственность власти», мать вашу! Это не просто разрушительно, а еще и смешно! Мы были величайшей нацией мира — а кто мы теперь?

— Спокойно, док, — попросил Морган. — Легко предсказывать назад.

— Так я же предсказывал и вперед! Я бросил работу в Вашингтоне и занялся сельской практикой еще за пять лет до войны. А конгрессмены что — не могли додуматься?

— Ладно, ты прав. Но мы с тем же успехом можем обсуждать итоги Гражданской войны. Вернемся к нашим делам. Есть мысли насчет Брокмана?

— А что вы предлагаете, босс?

— Я хочу услышать мнения снизу.

— Брось ты эту бодягу, босс, — фыркнул Тед. — Мы тебя выбрали руководить.

— Ладно. Я бы предложил послать человека разведать дорогу к этому Брокману и вынюхать, кто это такой и чем он располагает. Я связался бы с другими группами в нашем штате и за рекой, чтобы добиться согласованных действий. Я бы послал Батю и Морри.

Кэтлин покачала головой:

— Даже с фальшивыми регистрационными картами и разрешениями на передвижения их тут же загребут в батальоны восстановления. Пойду я.

— Хрена с два! — отказал Морган. — Тебя тоже схватят, и для кое-чего похуже. Должен идти мужчина.

— Боюсь, что Кэтлин права, — заметил Маккракен. — На восстановление Детройта они набрали двенадцатилетних мальчишек и стариков-паралитиков. Им все равно, когда те очоурятся от радиации. Это входит в план нашего истребления.

— А в городах все так же плохо?

— Да, как я слышал. Детройт все еще светится, а он был первым.

— Пойду я. — Этот голос, высокий и тонкий, редко слышался на собрании.

— Слушай, мать... — начал Батя Картер.

— Не встревай, Батя. Мужиков и молодых баб загребли бы, а *меня* никто не тронет. Мне только бумажку, что я иду к внуку, или еще чего-нибудь такого.

Маккракен кивнул:

— Это мы можем.

Морган выдержал паузу и неожиданно объявил:

— Миссис Картер вступит в контакт с Брокманом. Таков приказ. Следующий приказ — о текущих делах. Вы все видели новости насчет Сент-Джозефа — их передали вчера вечером в Беркли. — Он поднял над головой бумагу, которую ему дал Маккракен. — Это письменное распоряжение, в котором городу Беркли назначен испытательный срок, в течение которого «местные власти» должны подавить «банды бесчинствующих преступников».

По аудитории прошел шумок, но никто ничего не сказал. Большая часть жила когда-то в Беркли, и у всех там были родственники или друзья.

— Я так понимаю, что вы ждете моих слов, — сказал Маккракен. — Мы собрались, как только это получили. Собрались не все — стало трудно собрать хоть сколько-нибудь, — но несогласных не было. Мы на вашей стороне, но просим вас пока действовать немного полегче. Мы предлагаем, чтобы вы ограничили свои экспедиции областью, скажем, не ближе двадцати миль от Беркли и прекратили все убийства, кроме абсолютно необходимых для ухода от ареста. Особенно их выводят из себя убийства — Сент-Джозеф был сожжен после того, как там убили директора округа.

Бенц фыркнул:

— Значит, нам вообще ничего не делать? Все бросить — и помирать с голоду в этих холмах?

— Дай мне закончить, Бенц. Мы не предлагаем дать им нас запугать и поработить навеки. Но случайные рейды не наносят им вреда. Они только дают возможность добыть еду для подполья — да еще удовлетворение от мел-

кой мести. Мы должны сохранить наши силы, увеличить и организовать их, чтобы потом ударить результативно. Мы не оставим вас голодать. Я организую работу с фермерами, и мы сможем укрыть часть скота от регистрации. Так что мясом мы вас как-то снабдим. И пайками поделимся. Нам сейчас дают тысячу восемьсот калорий на человека, но мы сможем поделиться. С черного рынка тоже что-то добудем. Способы есть.

Бенц презрительно хрюкнул. Морган посмотрел на него:

— Выкладывай, Джо. Что у тебя на уме?

— Сейчас выложу. Это не план, это беспорядочное бегство. Через год мы будем вдвое голоднее и без всяких перспектив — а они за это время хорошо укоренятся и усилятся. Что нам в этом толку?

Морган покачал головой:

— Ты не так понял. Даже если бы нас не вынуждали, мы бы все равно пришли к этой стадии. Роты свободы должны перестать привлекать внимание. Если мы решим вопрос с едой, то дальше будем вооружаться и наращивать силы. Нам нужна организация — организация в национальном масштабе — и оружие: ножи, пистолеты и гранаты. Эта шахта превратится в фабрику. В Беркли есть люди, которые воспользуются нашим оружием, — но сейчас мы не можем подвергать Беркли смертельному риску. Надо затаиться.

— Эд Морган, ты сам себя дурачишь, и это знаешь.

— Почему?

— Почему? Слушай, ты меня уговорил остаться и присоединиться...

— Ты был добровольцем.

— Ладно, добровольцем. На меня подействовало, как ты кипел и брызгал желчью насчет врага, которого мы опрокинем обратно в океан. Ты говорил про Польшу и Францию и про то, как дрались филиппинцы под игом оккупантов. Я здорово купился на это. Только одного ты мне не сказал.

— Чего же это?

— Что никогда ни одно подполье не освободило своей страны. Их выручали только вторжения извне. А нас никто не собирается выручать.

Наступило молчание. В этих словах было слишком много правды, но об этой правде не позволял себе думать ни один человек из роты. Нарушил молчание Морри:

— Капитан?

— Говори, Морри.

Морри был бойцом, а потому гражданином с правом голоса.

— Откуда Джо так хорошо знает, о чем говорит? История не повторяется. Да и к тому же нам могут помочь. Англия, например, — или даже Россия.

Бенц фыркнул:

— Слушайте молокососа! Мальчик, Англия так же раздавлена, как и мы, только похуже. И Россия тоже. Пора повзрослеть, мальчик, хватит грезить наяву.

Мальчик посмотрел на него со злостью:

— Откуда ты знаешь? Мы знаем только то, что они нам говорят. А их слишком мало, чтобы держать весь мир, всех и каждого, все время и повсюду. Мы так и не смогли стереть с лица земли племена индейцев. И они нас не сотрут, *если мы сами им не дадим*. Я тоже историю читал.

Бенц пожал плечами:

— Ладно, согласен. Давайте все споем «Страна моя, это ты», а потом прочтем вслух клятву скаута. Морри будет счастлив.

— Спокойнее, Джо!

— У нас свобода слова, правда ведь? Я что хочу знать: как долго это протянется? Мне надоело конкурировать с койотами за право поедания местных кроликов. Вы знаете, что я хорошо дрался и ходил в рейды. Помните ведь? *Меня точно уж не назвать желторотым*.

— Ты бывал в нескольких рейдах, — подтвердил Морган.

— Отлично. Так вот, я бы тянул эту лямку сколько угодно, если бы у нас был разумный план. Вот почему я спрашиваю: сколько еще времени это планируется тянуть. Когда выступать? По весне? После Нового года?

Морган нетерпеливо пожал плечами:

— Откуда мне знать? Это может начаться по весне, а может — через десять лет. Поляки ждали триста лет.

— Вот в этом-то и дело, — медленно произнес Бенц. — Я думал, ты можешь предложить разумный план. Ждите и вооружайтесь — классная картинка! Самодельные гранаты против атомных бомб. Бросил бы ты лучше себе голову дурить. Мы *проиграли*! — Он затянул пояс. — Остальные как хотят, а я выхожу из игры.

Морган пожал плечами:

— Я не могу заставить человека драться, если он не хочет. Пойдешь на нестроевую службу. Сдай пистолет и доложи Кэтлин.

— Ты меня не понял, Эд. Я выхожу совсем.

— Это ты не понял, Джо. Из подполья не выходят в отставку.

— Так вы же ничем не рискуете. Я спокойно ухожу и даю себя зарегистрировать как бродягу. На вас всех это никак не скажется. А язык я буду держать за зубами — это уж само собой.

Морган сделал глубокий вдох:

— Джо, я на горьком опыте научился не доверять словам вроде «естественно», «конечно» и «само собой».

— Так вы мне не доверяете?

— Как капитан этой роты, я не могу позволить себе доверия. Добейся от роты моего снятия — тогда другое дело, а сейчас действуют мои правила. Ты под арестом, Джо. Сдай револьвер.

Бенц поглядел вокруг, но увидел только ряд бледных суровых лиц. Он потянулся к поясу.

— Левой рукой, Джо!

Но Бенц вдруг отскочил к стенке, внезапно выхватив револьвер.

— Дорогу! — Его голос срывался на визг. — Я никого не хочу трогать, только дайте дорогу!

Морган был безоружен. У кого-то из собравшихся мог быть нож, но большинство только что вышли из-за обеденного стола. Носить оружие внутри шахты было не принято.

У Морри была винтовка, поскольку он вернулся из дозора. Пустить ее в ход было трудно из-за тесноты, но Морган заметил, что парнишка собирается попытаться. И Бенц заметил.

— Брось, Морри! — Морган, не допуская даже мысли о неповиновении, повернулся к остальным. — Пропустите его. Никто ни с места. Иди, Джо.

— Так-то лучше. — Бенц попятился к главному туннелю, к главному входу, скрытому многолетними зарослями бурьяна. Его нетронутый вид был основой всей маскировки, но выбирать не приходилось.

Он попятился в темный проем, не опуская пистолета. Туннель изгибался, и вскоре Бенц исчез за поворотом.

Как только Бенц исчез, Батя Картер скрылся в другую сторону и тут же появился с чем-то в руках.

— Пригнись! — закричал он и проскочил мимо них следом за Бенцем.

— Батя! — крикнул Морган, но Картера уже не было.

Через секунду по ушам ударил грохот взрыва, и поднялась пыль.

Морган встал, отряхнул пыль с одежды и раздраженно сказал:

— Терпеть не могу взрывов в туннелях. Клив, Арт! Посмотрите, что там. Быстро!

— Есть, босс! — Они скрылись.

— Остальные — подготовиться к выполнению плана эвакуации. Полного плана, со всей провизией и снаряжением. Джерри, не отсоединяй приемник и канал прямой связи, пока я не скажу. Марджи, поможешь Джерри. Кэтлин, готовься подать на стол все, что нельзя унести. Есть будем сегодня один раз. У приговоренных аппетит хорош.

— Минутку, капитан. — Маккракен тронул его за рукав. — Стоило бы сообщить в Беркли.

— Как только ребята вернутся и доложат. Тебе бы лучше уехать в город.

— Сомневаюсь. Бенц меня знает. Думаю, я пока останусь.

— Хм... Ладно, тебе лучше знать. А как твоя семья?

Маккракен пожал плечами:

— Им не будет лучше, если меня возьмут в городе. Я бы хотел, чтобы их предупредили и чтобы они могли при случае ко мне присоединиться.

— Предупредим. Тебе придется дать мне новый контакт.

— Запланировано. Как только придет это сообщение, мой дублер сразу вступит в дело. Его зовут Хобарт — владелец продуктового магазина на Пелэм-стрит.

Морган кивнул:

— Я должен был бы сообразить, что у тебя есть запасной вариант. Хотелось бы только знать...

Его перебил доклад Клива:

— Босс, он ушел.

— Почему не преследовали?

— Кровля обвалилась, когда Батя швырнул гранату. Туннель завалило скалой. Я нашел щель для обзора, но пролезть в нее не смог. Его в туннеле не было.

— Что с Батей?

— Все в порядке. Щелкнуло по голове щебенкой, но ничего серьезного.

Морган остановил двух торопящихся мимо женщин, занятых подготовкой к эвакуации.

— Джин и вы, миссис Боуэн, займитесь Батей Картером, а Арту скажите, чтобы быстро шел ко мне. Давайте!

После доклада Арта Морган сказал:

— Вы с Кливом пойдете наружу и найдете Бенца. Будем считать, что он направился в Беркли. Догоните его и, если сможете, приведите обратно. Если нет — убейте его. Ответственный — Арт. Выполняйте.

Он повернулся к Маккракену:

— Насчет сообщения.

Он поискал в кармане бумагу, нашел приказ, который принес ему Маккракен, оторвал кусок и начал писать. Написанное показал Маккракену:

— Годится?

В сообщении Хобарта предупреждали насчет Бенца и просили его по возможности выследить. Об уходе роты

свободы Беркли не говорилось, но назначался почтовый ящик для следующей связи — мужской туалет на автобусной станции.

— Насчет почтового ящика — лучше выбросить, — посоветовал Маккракен. — Хобарт его и так знает, а мы можем с ним связаться еще кучей других способов. Но я бы попросил его убрать мою семью от греха подальше. Напишите, что нам было прискорбно узнать о кончине тети Дины.

— Этого хватит?

— Вполне.

— Ладно.

Морган изменил текст и позвал:

— Марджи! Зашифруй и дай Джерри отправить. Скажи ему, что это последняя передача. Как только он закончит, может разбирать свои установки.

— Есть, босс.

Криптографии Марджи не знала. Она использовала жаргон панков, словарь подросткового трепа и тому подобные вещи, которые показались бы бессмыслицей всякому, кроме американского подростка. На другом конце провода была такая же пятнадцатилетняя переводчица, преобразующая эту словесную мешанину в осмысленный текст. Ее старомодные родители посчитали бы это чем-то вроде телепатии, но это работало.

Этой переводчице можно было верить. Вся ее семья, кроме нее, оказалась в Лос-Анджелесе в Последнее Воскресенье.

След Джо Бенца Арт и Клив взяли без труда. На осыпи у главного входа было видно, как он скользил. Следы были ясно видны, потому что с последнего большого дождя здесь никто до него не проходил.

Но след уже двадцать минут как остыл: они вышли из бокового потайного выхода в четверти мили от главного, через который ушел Бенц.

Арт нашел отпечатки, оставленные Бенцем на осыпи, и проследил его путь через опушку с легкостью, достой-

ной скаута в ранге «орла», которым он когда-то был. Бенц не старался замести следы, из чего было ясно, что он хотел выйти кратчайшим путем к шоссе. Двое преследователей гнались за ним с той скоростью, с которой успевают читать следы, жертвуя осторожностью ради быстроты.

Перед выходом на шоссе они осмотрелись.

— Что-нибудь видишь? — спросил Клив.

— Нет.

— Куда он мог пойти?

— Старик сказал, что его надо отсечь от Беркли.

— Верно; а если он вдруг пошел на юг? Когда-то он работал в Викэмптоне и вполне мог туда направиться.

— Босс сказал прикрыть Беркли. Пошли.

Пистолеты пришлось спрятать. С этого момента рассчитывать можно только на ножи и собственную сообразительность. Вооруженный американец на шоссе привлек бы к себе внимание охраны вернее, чем нудист на дипломатическом приеме.

Главной целью была теперь скорость. Они должны были его догнать или опередить и перехватить.

Девятью милями и двумя с половиной часами позже — сто пятьдесят минут волчьей рыси и времени, потерянного на залегание в придорожных кустах, когда с ревом проносились автоколонны, — они вышли на окраины Беркли. За поворотом находился невидимый отсюда контрольный пост захватчиков. Здесь и было узкое место; Бенцу было не миновать его, если он шел в Беркли.

— Он впереди или позади? — спросил Клив, выглядывая из кустов.

— Позади, если его не подобрала колонна или он не оттрастил крылья. Дадим ему час.

На дороге показался фургон с сеном. Клив присмотрелся. Американцам не разрешалось пользоваться экипажами иначе как под надзором, но этот фермер со своим грузом мог ехать в город по приказу, и тогда ему предстояла только рутинная проверка на посту.

— Мы могли бы спрятаться в сене и поймать его в городе.

— Сначала поймали бы штык под ребро. Не дури.

— Ладно, не кипятись. Эй! Посмотри на это.

«Это» было человеческой фигурой, отделившейся от заднего борта фургона, когда тот начал поворачивать за угол; человек скатился в канаву по другую сторону дороги и скрылся из виду.

— Это Джо!

— Ты уверен?

— Точно! Давай за ним!

— Как? — возразил Арт. — Спокойно, друг. Давай за мной.

Они отошли на пару сотен ярдов назад, где можно было незаметно переползти дорогу по дренажной трубе. Затем они вернулись обратно до того места, где Бенц исчез в зарослях.

Они нашли место, где он был: стебли травы еще не распрямились. Было ясно, куда он направился — к берегу реки, вверх по течению, к городу. На дороге были капли крови.

— Батя промахнулся на волосок, — заметил Клив.

— А жаль.

— Еще одно: он говорил, что хочет сдать. Я так не думаю, иначе он остался бы в фургоне и явился бы на контрольный пост. Он явно ищет убежища. Кого он знает в Беркли?

— Не знаю. Лучше пойдем дальше.

— Погоди. Если он зацепит сигнал тревоги, они сами его пристрелят вместо нас. Если он пролезет через «окно», мы его потеряем, и придется ловить его в городе. В любом случае нет смысла ломиться вперед. Нам придется воспользоваться люком.

Беркли, как и все города, взятые захватчиками, был окружен системой электронного наблюдения. Противник обкорнал город, вгоняя его в систему, взрывая и сжигая все, что мешало созданию непрерывной цепи автоматических часовых. Но остался «люк» — заброшенный и забытый водопровод, проходивший под сигнальным

уровнем. Арт о нем знал — он дважды после Последнего Воскресенья бывал в городе.

Они осторожно вернулись к шоссе, пересекли его и направились в холмы. Через тридцать минут они уже были на улицах Беркли в относительной безопасности — надо было только успевать сойти с тротуара при виде встречного оккупанта.

Первый на их пути почтовый ящик — магазин одежды — ничего им не сказал: витрина была пуста. Они двинулись на автобусную станцию. Клив изучал объявления для жителей, а тем временем Арт отправился в туалет. Там, на стене, исчерченной всякого рода рисунками и надписями, в основном непристойными, он нашел, что искал, — надпись: «Здесь был Киллрой» Ошибочное второе «л» в слове «Килрой» было ключом. Восемнадцать дюймов от него вправо и шесть вверх был адрес: «1745 Спурс — спросить Мэйбл».

Это значило «2856 Пайн» — на квартал дальше, чем «Спурс».

Арт передал адрес Кливу, и они разделились, рассчитывая успеть до комендантского часа, но двигаясь с осторожностью, — хотя бы один должен был добраться до цели. Встретились они на заднем дворе указанного в адресе дома. Арт постучал в дверь кухни. Она чуть приоткрылась, и выглянувший человек средних лет им вовсе не обрадовался.

— Ну?

— Мы ищем Мэйбл.

— Здесь таких нет.

— Извините, — сказал Арт. — Мы, наверное, ошиблись. — Он поехал. — Холодно. Ночи становятся длиннее.

— Когда-нибудь станут и короче, — заметил собеседник.

— Приходится так думать, — закончил Арт.

Человек распахнул дверь:

— Заходите. А то вас патруль увидит. — Он отступил назад. — Меня зовут Хобарт. Что у вас случилось?

— Мы ищем человека по имени Бенц. Он мог сегодня проникнуть в город и затаиться где-нибудь.

— Знаю-знаю, — нетерпеливо ответил Хобарт. — Он вошел где-то около часа тому назад и спрятался у одного типа по имени Мойленд.

Во время разговора Хобарт взял из шкафа буханку хлеба, отрезал четыре ломтя, добавил по холодной сосиске и сделал два сэндвича. Он не спросил, хотят ли они есть, а просто дал Арту и Кливу по сэндвичу.

— Спасибо, друг. Так он спрятался. Ты что-нибудь предпринял? Его надо заставить молчать, пока не поздно.

— У нас есть подключка к телефонному кабелю. Надо подождать, пока стемнеет. Я не хочу жертвовать хорошими парнями, чтобы заткнуть ему пасть, — разве что это нужно позарез.

— Сейчас уже темно, а мы — те самые парни. Так что своих ты можешь отозвать.

— Годится.

Хобарт принялся натягивать ботинки.

— Тебе не надо высовываться, — сказал Арт. — Просто скажи нам, где живет этот Мойленд.

— И подставить вас под нож. Я сам вас проведу.

— А что это за человек, этот Мойленд? Он безопасен?

— Не могу сказать. Он — делец черного рынка, но это ничего не значит. В организацию он не входит, но и против него у нас ничего нет.

Хобарт вывел их к задней изгороди, на темную сторону улицы, через детскую площадку, где они несколько минут пролежали в кустах из-за ложной тревоги, и проскользнул дальше по задворкам и проходным дворам. Он, похоже, чуял противника — больше тревоги не было. Наконец он провел их через дверь погреба частного дома. Они поднялись по лестнице, прошли через комнату, где женщина кормила грудью ребенка. Она взглянула, но больше никак на их появление не отреагировала. Путь закончился в темной мансарде.

— Эй, Джим! — негромко позвал Хобарт. — Что нового?

Человек, к которому это относилось, лежал, опираясь на локти, и всматривался в ночную темноту через театральный бинокль в прорезь вентиляционной решетки. Он перекатился на спину, отложив бинокль и сдвинув с головы один из наушников:

— Привет, шеф. Ничего особенного. Бенд, похоже, напивается.

— Я бы хотел знать, где Мойленд это достает, — сказал Хобарт. — Он кому-нибудь звонил?

— Я бы так и лежал, ничего не делая, если бы он звонил? Ему пару раз звонили, но безотносительно к нашему делу, так что я позволил ему говорить.

— Откуда ты знаешь, что безотносительно?

Джим пожал плечами и повернулся обратно к отдушине.

— Мойленд спустил штору, — взволнованно объявил он.

Арт повернулся к Хобарту:

— Нам некогда ждать. Мы идем туда.

В дом Мойленда Бенц попал не в лучшем виде. Кровоточило плечо, раненное осколком гранаты. Он перетянул рану платком, но от движений она открылась снова; он дрожал от страха, что его состояние проявит себя раньше, чем он попадет в безопасное место.

Мойленд отозвался из-за двери на его осторожный стук. Бенц, сжавшись, спросил:

— Зак, это ты?

— Я. Кто там?

— Это я — Джо Бенц. Зак,пусти меня, быстро!

Мойленд, казалось, хотел запереть дверь, но вдруг ее распахнул:

— Заходи.

Закрыв за Бенцем дверь и задвинув засов, он спросил:

— Так. А теперь — что случилось? Зачем ко мне пришел?

— Мне где-то надо спрятаться, Зак. Убраться с улицы, пока меня не замели.

Мойленд посмотрел на него изучающим взглядом:

— Ты не зарегистрирован. Почему?

Бенц не ответил. Мойленд подождал, потом продолжил:

— Ты знаешь, что мне будет за укрывательство беглеца? Ты ведь из подполья?

— Ну что ты, Зак! Я бы не подложил тебе такую свинью. Я просто-напросто бродяга. Я собираюсь встать на учет.

— Откуда у тебя кровь на куртке?

— Ну... просто несчастный случай. Может, у тебя найдется пара чистых тряпок и йод?

Мойленд некоторое время смотрел на него без всякого выражения и вдруг улыбнулся:

— Не бойся, все будет путем. Садись.

Он отступил к бару и вытащил бутылку бурбона. Налив в чайный стакан на три пальца виски, он протянул его Бенцу:

— Выпей, а я тебя перевяжу.

Он вернулся с пригоршней обрывков полотенца и бутылкой.

— Сядь спиной к окну и сними рубашку. Вот тебе еще виски. Выпивка тебе понадобится, пока я буду работать.

Бенц нервно дернул головой в сторону окна:

— Почему ты шторы не опустишь?

— Привлечет внимание. Честные люди в наши дни не задергивают шторы. Сиди тихо, сейчас будет больно.

После еще трех порций виски Бенцу стало лучше. Теперь они с Мойлендом сидели за столом и пили, и нервы у Джо постепенно успокоились.

— Ты правильно сделал, что пришел, — сказал Мойленд. — Нет смысла прятаться в нору, как испуганный кролик, или бодаться с каменной стеной. Глупо это.

Бенц кивнул:

— Я им так и говорил.

— Кому — им?

— Кому? Да никому. Тем ребятам, что встретил на дороге. Бродягам.

Мойленд налил ему еще:

— На самом деле ты *был* в подполье.

— Я? Не говори глупостей, Зак.

— Слушай, Джо, я не мальчик. И я твой друг. Даже если бы ты мне рассказал, это ничего не изменило бы. Во-первых, у меня нет доказательств. Во-вторых, я симпатизирую подполью — как всякий американец. Я только считаю, что у них негодное руководство и глупая тактика. А то бы я сам к ним примкнул.

— Глупые они — это точно! Здесь ты не ошибаешься.

— Так ты там *был*?

— А? Слушай, не подавливай меня. Я давал честное слово...

— Остынь! — сказал Мойленд, как бы отмахиваясь. — Не бери в голову. Я ничего не слышал и ничего никому не могу рассказать. Меньше знаешь — дольше живешь.

Он сменил тему.

Жидкости в бутылке постепенно убавлялось, а Мойленд тем временем излагал свой взгляд на события:

— Стыд и позор, что нам пришлось так трудно усваивать свой урок, но реальность такова, что мы фактически стояли на пути прогресса. Когда-то, в сорок пятом, было время, когда мы могли это сделать сами, да только духу не хватило. Всемирная организация, всемирное правительство. А мы стояли на дороге, вот нас и сровняли с асфальтом. Так должно было случиться, и умный человек мог это предвидеть.

Бенц страшно возмутился, но не сразу нашелся что сказать.

— Слушай, Зак, так ты хочешь сказать, что тебе это *нравится*?

— Нравится? Конечно нет. Но это было необходимо. Если тебе надо будет вырвать зуб, тебе это может не нравиться, но все равно придется. И в любом случае, — продолжил Мойленд, — это не так плохо. Большие города так или иначе были экономически нецелесообразны. Нам

бы пришлось самим их взрывать. Можешь назвать это уборкой трущоб.

Бенц стукнул пустым стаканом:

— Пусть так — но ведь нас превратили в рабов!

— Не так страстно, Джо! — сказал Мойленд, наливая в его стакан. — Ты ведь говоришь абстракциями. Коп на углу мог тебя замести, когда только хотел. Это свобода? И важно ли, с ирландским или каким-нибудь другим акцентом говорит коп? Нет, друг, слишком много чепухи болтают насчет свободы. Свободы нет ни у кого. Ее вообще нет на свете. Есть только различия в привилегиях. Свобода слова? Вот сейчас мы говорим свободно. Или тебе надо обязательно забраться на трибуну? Свобода печати? А *ты* был владельцем газеты? Не будь фраером. Теперь, когда ты проявил здравый смысл и вернулся, ты увидишь, как мало изменился мир. Чуть больше порядка, и нет страха войны, и это, в общем, всё. Девки как давали, так и дают, ушлые ребята загребают монету, а фраерам остаются огрызки.

— Ты прав, Зак, — кивнул Бенц. — Дурак я был.

— Хорошо, что ты понял. Вот, например, те дикари, с которыми ты был. Что у них за свобода? Свобода голодать, свобода спать на холодной земле, свобода быть дичью на охоте.

— Так оно и есть, — согласился Бенц. — Ты спал когда-нибудь в шахте, Зак? Холод — это только полдела. Там еще и мокро.

— Воображаю, — поддержал Мойленд. — В Кэйпхартских копиях всегда было полно воды.

— Это не в Кэйпхарте, это в Харкн... — Бенц поймал себя на том, что чуть не проговорился.

— В Харкнессе? Это там база?

— Я этого не сказал! Это ты сказал! Ты...

— Спокойно, Джо. Не волнуйся. — Мойленд подошел к окну и опустил шторы. — Ты ничего не сказал.

— Ничего не сказал, — подтвердил Бенц, тупо глядя на стакан. — Слушай, Зак, где бы мне поспать? Что-то мне нехорошо.

— Я устрою тебя на отличном месте.
— Да? Спасибо, покажи где. Я уже падаю.
— Один момент. Тебе придется сначала встать на учет.

— Чего? Слушай, только не сегодня. Я уже никуда не гожусь.

— Боюсь, что все равно придется. Ты видел, как я опустил шторы? Они вот-вот явятся.

Бенц, слегка шатаясь, вскочил:

— Ты подставил меня!

И бросился на Мойленда.

Тот отступил на шаг, положил руку на плечо Бенца и толкнул его обратно на стул.

— Сядь, фраер, — ласково сказал он. — Ты ведь не думаешь, что ради тебя и твоих дружков я подставляю себя под атомную бомбу?

Бенц покачал головой и захныкал.

Хобарт проводил их до дома и, прощаясь, сказал Арту:

— Если вернетесь, скажите Маккракену, что тетя Дина почит в мире.

— Скажу.

— Дайте мне две минуты и входите. Удачи.

Клив остался прикрывать, Арт вошел внутрь. Задняя дверь была заперта, но филенка была стеклянная. Арт разбил филенку рукоятью ножа, просунул руку и отпер дверь. Он был внутри, когда появился Мойленд, услышавший шум.

Арт двинул ногой в живот Мойленда, а когда тот согнулся, вонзил нож ему в шею. Убедившись, что он мертв, Арт отправился на поиски той комнаты, где был Бенц, когда опустились шторы.

Именно там он и нашел Бенца. Тот замигал и начал тереть глаза, как бы не в силах поверить тому, что видит. Наконец он выкрикнул:

— Арт! Господи, это ты! До чего же я рад тебя видеть! Давай выбираться отсюда — тут горячо.

Арт стал приближаться с ножом наготове. Бенц встревоженно посмотрел на него:

— Эй, Арт! Это ошибка. Арт, не делай этого. Я ведь...

Первый удар ножа пришелся в солнечное сплетение, а второй — для верности — перерезал ему горло. После этого Арт быстро покинул дом.

Через тридцать пять минут он вылез через внешний выход люка. Глотка у него пересохла и горела, а левая рука безжизненно повисла — то ли сломанная, то ли просто раненая.

Клив лежал мертвым в аллее за домом Мойленда. Он хорошо прикрыл отход Арта.

Добираться до шахты Арту пришлось всю ночь и еще часть утра. Весь путь он проделал по холмам; на шоссе, по его мнению, было слишком горячо. Он не рассчитывал застать роту на месте. Со стороны Моргана было бы разумно, не имея твердой уверенности, что Бенцу заткнули рот, провести эвакуацию. Арт спешил.

Но он не рассчитывал увидеть то, что увидел, — вертолет, барражирующий в окрестностях шахты.

Он остановился оценить обстановку. Он знал, где искать Моргана, если ему с отрядом удалось выбраться. Если они все еще в шахте, то нужно придумать, как им помочь. Ему очень не нравилась собственная беспомощность — в одиночку с ножом и сломанной рукой против вертолета.

Где-то застрекотала сорока. Без особой надежды он подал свой сигнал. Сорока умолкла, и ответил пересмешник — Тед.

Арт просигналил, что будет ждать на месте. Он думал, что хорошо спрятался, и ждал сигнала, когда Тед подберется поближе, но недооценил Теда. Рука на его плечо легла неожиданно. Он повернулся, выхватывая нож, и чуть не вывихнул плечо.

— Тед, это ты! До чего же рад тебя видеть!

— Взаимно. Ты его нашел?

— Бенца? Нашел, только не знаю, вовремя ли. Где вся кодла?

— Четверть мили к северу от задней двери. Нас пришили. Где Клив?

— Клив не вернется. Что значит «пришили»?

— Этому хренову вертолету видно то русло, в котором мы сейчас торчим. Батя вывел наших в укрытие, и сейчас они в безопасности, но они не могут двинуться.

— Что значит «Батя вывел»? Где босс?

— Он не в форме, Арт. Получил автоматную пулю в ребра. Тут была заварушка. Кэтлин погибла.

— А, чтоб тебя!

— Именно так. Марджи и Мод Картер взяли ее ребенка на себя. Но главное, из-за чего нас пришили, — это босс и ребенок.

Вдалеке раздался голос пересмешника.

— Это Батя, — сказал Тед. — Нам надо вернуться.

— А это возможно?

— Конечно. Только держись за мной. А я постараюсь не слишком отрываться.

Арт пошел за Тедом по крутой, а в одном месте почти отвесной тропе. Отряд укрылся под выступом скалы, в углублении, бывшем некогда руслом потока, а теперь сухим. Возле стены лежал на спине Морган, а рядом с ним сидели Батя Картер и доктор Маккракен. Арт подошел и доложил об операции. Морган кивнул; лицо у него было серым от боли. Рубашка разрезана, а вокруг груди намотан толстый слой бинта.

— Хорошо сработал, Арт. Клива жалко. Тед, мы уходим. Вы впереди, потому что ты понесешь ребенка.

— Ребенка? А как...

— Док ему даст снотворное, чтобы он не пискнул. А ты его привяжешь к себе на спину, как папуас.

Тед задумался:

— Пожалуй, лучше на грудь. Там придется кое-где пробираться почти ползком под низкой кровлей.

— Тебе лучше знать.

— Босс, а как *вы* будете выбираться?
— Не говори глупостей.
— Послушайте, босс, если вы думаете, что я смоюсь и брошу вас вот так, то вы...

— Прекратить разговоры и выполнять!

От резкого крика усилилась боль; Морган закашлялся и вытер рот.

— Есть, сэр! — Арт и Тед отошли.

— Слушай, Эд, — начал Картер...

— И ты заткнись. Ты точно не хочешь стать капитаном?

— Ты сам знаешь, Эд. Они меня слушались, пока я был твоим заместителем, но капитаном они меня не признают.

— Тогда тебе придется, док.

Маккракен встревожился:

— Они меня не знают, капитан.

— Они тебя примут. Ты можешь командовать, и люди это чувствуют.

— Если я стану капитаном, я все равно не позволю тебе остаться здесь одному. Мы дождемся темноты и понесем тебя.

— И попадем под инфракрасный прожектор, как утки на пруду? К тому же до заката может появиться еще один вертолет с подкреплением.

— Они не дадут мне тебя оставить.

— Это твое дело их приструнить. Я ценю твою гуманность, док, но, когда ты станешь капитаном, начнешь мыслить по-другому. Научишься списывать потери.

Маккракен не ответил. Морган повернулся к Картеру:

— Собери их, Батя.

Они столпились плечом к плечу. Морган обвел взглядом ряд встревоженных лиц и улыбнулся.

— Собрание роты свободы Беркли, временной административной единицы Соединенных Штатов, считаю открытым, — неожиданно твердо прозвучал голос Морганна. — Я оставляю пост капитана в связи с физической

невозможностью выполнять возложенные на меня обязанности. Есть кандидатуры на этот пост?

Тишину нарушали только щебет птиц и жужжание насекомых.

Морган посмотрел в глаза Бате. Тот прочистил горло:

— Предлагаю дока Маккракена. Другие предложения есть? — Он выдержал паузу. — Те, кто за дока, прошу поднять руку. Так, теперь — кто против? Доктор Маккракен выбран единогласно. Командуйте, капитан. Удачи.

Маккракен встал, пригнувшись под низкой кровлей:

— Начинаем эвакуацию. Мистер Картер, дайте младенцу еще ложку сиропа, потом помогите Теду. Он знает, что делать. Вы пойдете за ним. Потом Джерри. Следующая — Марджи. Выйдя из каньона, разделиться и идти по одному. Рандеву на закате — согласно плану капитана Моргана, в пещере. — Он остановился. Морган поймал его взгляд и кивнул. — Так, пока все. Выход по готовности Теда с ребенком. Теперь все свободны, и не толпитесь тут — капитану Моргану нужен воздух.

Они ушли, и Маккракен наклонился к Моргану, который слабым голосом сказал:

— Не думай, что ты меня последний раз видишь, капитан. Я через несколько дней вас, может быть, догоню.

— Может быть. Я тебе оставлю одеяла и достаточно воды рядом. И еще — таблеток, которые могут облегчить тебе жизнь. Принимай по половинке — они рассчитаны на коров. — Доктор усмехнулся.

— Ладно, половину так половину. Слушай, пусть Батя командует эвакуацией — он отличный заместитель, а я хочу тебе сказать пару слов перед уходом.

— Сейчас. — Доктор подозвал Картера, дал ему инструкции и повернулся к Моргану.

— Когда соединишься с отрядом Пауэлла, — прошептал Морган, — первым делом свяжитесь с Брокманом. Лучше всего отправь миссис Картер прямо после разговора с Пауэллом.

— Так и сделаю.

— Это самое для нас важное, док. Нам нужно единство и один план на всех, от океана до океана. Наступит день, когда за каждым из них будет закреплен американец, и в назначенное время — вжжик! — Он провел большим пальцем поперек горла.

Маккракен кивнул:

— Может быть. И наверняка будет. Только когда?

— Не знаю. И не думаю про это «когда». Два года, пять лет, столетие, быть может. Не в этом дело. Единственный вопрос в том, осталось в Америке мужество или нет. — Он посмотрел туда, где уже пятый боец отряда ждал сигнала от Картера, который в свою очередь ждал сигнала от Арта, следящего из укрытия за вертолетом. — У этих людей осталось.

— В этом я уверен.

Чуть погодя Морган добавил:

— Я понял одну вещь: свободного человека нельзя сделать рабом. Единственный, кто может поработить человека, — это он сам. Нет, сэр, — свободного человек рабом не сделаешь. Самое большее — его можно убить.

— Нет спору, Эд.

— Факт. Слушай, док, сигареты есть?

— Тебе это не полезно, Эд.

— Но и вреда тоже нет, правда, док?

— Если и есть, то немного.

Маккракен, не задумываясь, отдал последнюю сигарету и смотрел, как затягивается Морган.

Паузу прервал Морган:

— Батя тебя ждет, капитан. Будь.

— Бывай. И не забудь: полтаблетки на прием. Воды пей сколько хочешь, но не сбрасывай одеял, как бы ни было жарко.

— Полтаблетки, понял. Ладно, удачи тебе.

— Тед тебя навестит завтра.

Морган покачал головой:

— Слишком рано. Не раньше чем через пару дней.

Маккракен улыбнулся:

— Так я решил, Эд. Ты, главное, лежи закутанный. Удачи. — Он отошел в сторону к поджидающему его Картеру. — Вперед, Батя. Ты первый, я второй. Дай сигнал Арту.

Картер колебался, но все же спросил:

— Скажите мне прямо, док. Как он?

Маккракен внимательно посмотрел Бате в глаза и негромко произнес:

— Я думаю, у него еще часа два.

— Я с ним останусь.

— Нет, Батя, ты будешь выполнять приказ.

Но при виде глубокого горя, отразившегося в глазах старика, Маккракен добавил:

— За Моргана не беспокойся. Свободный человек может сам о себе позаботиться. А теперь пошли.

— Есть, сэр!

ОРКЕСТР МОЛЧАЛ, И ФЛАГИ НЕ ВЗЛЕТАЛИ...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту историю заказал мне журнал «Collier's» — коротенькую-коротенькую, говорили они, полторы тысячи слов, не более. Потом я попробовал пристроить ее в журнал «American Legion», но там меня выбрали за то, что лечение ветеранов изображено в рассказе весьма далеким от совершенства. Тогда я отправил историю нескольким издателям НФ — и мне сообщили, что это не научная фантастика. (Вот здорово, черт бы их побрал! Полеты со сверхсветовой скоростью — это научно, а терапия и психология — нет. Должно быть, я чего-то не понимаю.)

Но у рассказа и впрямь есть изъян, который обычно бывает фатальным. Попробуйте определить его. Я вам подскажу ответ, но только в самом конце.

— Самый храбрый человек, которого я встречал в жизни! — сказал Джонс, начиная уже надоедать своей болтовней.

Мы — Аркрайт, Джонс и я, — отсидев в госпитале ветеранов положенное посетителям время, возвращались к стоянке. Войны приходят и уходят, а раненые всегда остаются с нами — и, черт возьми, как мало внимания им уделяется между войнами! Если бы вы не сочли за труд убедиться в этом — а убеждаться мало кому охота, — то нашли бы в некоторых палатах искалеченные человеческие останки, датируемые годами Первой мировой войны.

Наверное, поэтому каждое воскресенье и каждый праздник наш округ назначает несколько комиссий для посещения больных. Я в этом деле участвую уже тридцать

лет — и если вы таким образом не оплачиваете долг, то, по крайней мере, должны иметь какой-то интерес. Чтобы выдержать такую нагрузку, вам это просто необходимо.

Но Джонс, совсем молодой парень, участвовал в посещении первый раз. Он был в совершенно подавленном состоянии, и, скажу честно, я бы презирал его, будь это не так; нам достался свежий урожай — прямиком из Юго-Восточной Азии. Сначала Джонс держался, но, когда мы вышли из госпиталя, его понесло, и в заключение он выдал свою громкую фразу.

— Интересно, какой смысл ты вкладываешь в слово «храбрость»? — спросил я его. (В общем-то, Джонс был прав: парень, о котором он говорил, потерял обе ноги и зрение, но не унывал и держался молодцом.)

— А сами-то вы какой в него вкладываете смысл? — завелся Джонс, но тут же добавил «сэр», уважая скорее мою седину, чем мнение. В его голосе чувствовалось раздражение.

— Не кипятись, сынок, — ответил я. — То, что помогло этому парню вернуться живым, я бы назвал «мужеством» или способностью терпеть напасти, не теряя присутствия духа. И в моих словах нет никакого пренебрежения; возможно, это качество даже более ценное, чем храбрость. Но я определяю «храбрость» как способность сознательно пойти навстречу опасности, несмотря на страх и даже имея выбор.

— А при чем тут выбор?

— При том, что девять человек из десяти пройдут любое испытание, если им его навяжут. Но чтобы самому взглянуть опасности в лицо, требуется нечто большее, особенно когда сходишь с ума от страха и есть возможность улизнуть.

Я взглянул на часы:

— Дайте мне три минуты, и я расскажу вам о самом храбром человеке, с которым мне довелось повстречаться.

Между Первой и Второй мировыми войнами, совсем еще молодым пареньком, я попал почти в такой же госпиталь, какой посетила наша троица. На маневрах в зоне

Панамского канала я получил воспаление легких, и меня отправили на лечение. А если вы помните, это были годы, когда терапия легких только развивалась — ни тебе антибиотиков, ни специальных лекарств. В то время применяли френикотомию — вам перерезали нервы, которые управляли диафрагмой, и лишали грудную клетку подвижности, чтобы дать легкому поправиться. Если это не удавалось, использовали искусственный пневмоторакс. А если и он не помогал, врачи ломались с «черного хода» — отрубали несколько ребер и снабжали несчастных корсетами.

Все эти ухищрения были нужны для того, чтобы удерживать легкое в покое и дать ему восстановиться. При искусственном пневмотораксе больному просовывают между ребрами пустотелую иглу так, чтобы ее конец оказался между стенкой ребер и стенкой легкого, а потом заполняют пространство между ними воздухом, таким образом сжимая легкое, как губку.

Но кислород вскоре поглощается, и тебя закачивают воздухом снова и снова. Утром, каждую пятницу, те из нас, кто был на «пневмо», собирались в приемной хирурга, чтобы уколаться. Не так уж мы и печалились: легочники — веселые люди, они всегда найдут над чем посмеяться. В нашем отделении размещались только офицеры, и мы превратили приемную в нечто вроде клуба. Вместо того чтобы толпиться в очереди в коридоре, мы заваливались в кабинет, растягивались в креслах, усаживались на стол, курили сигареты хирурга и кормили друг друга байками, пока шла процедура. В то утро нас было четверо, и мне выпал первый номер.

Когда вставляют иглу, это не очень больно — просто легкий укол. Но если вы попросите об анестезии кожи, то даже укола не почувствуете. Процедура занимает несколько минут, вы снова надеваете халат и отправляетесь в постель. В тот раз я не спешил уходить, потому что второй пациент, парень по фамилии Сондерс, рассказывал очень непристойную хохму, которую мне еще не доводилось слышать.

И вот он обрывает ее на середине и забирается после меня на стол. Хирург нашего отделения ушел в отпуск, и нас обслуживал его помощник — молодой парень, чуть ли не со школьной скамьи. Нам он нравился, и мы чувствовали, что у него задатки великого хирурга.

Что бы вы там ни думали, в общем-то, закачка воздухом не опасна. Вы можете сломать себе шею, свалившись с лестницы, или задохнуться до смерти, подавившись куриной косточкой. Вы можете поскользнуться в дождливый день, удариться головой и утонуть в мелкой луже. При искусственном пневмотораксе тоже возможны непредвиденные случайности. Если игла проходит чуть дальше и проникает в легкое и если потом воздушный пузырек попадает в кровеносный сосуд и умудряется дойти до сердца, не растворившись, то в сердечных клапанах может образоваться газообразный тромб. Случай крайне редкий — врачи называют его воздушной эмболией. Таким образом, при стечении всех этих маловероятных случайностей вы можете умереть.

Одним словом, мы так и не услышали окончания веселой истории Сондерса. Он отдал концы прямо на столе.

Молодой хирург делал все возможное, чтобы спасти его; прибежали другие врачи. Они пытались вернуть Сондерса к жизни, перепробовали самые разные фокусы, но все напрасно. В конце концов в помещение принесли мясную корзину и утащили парня в морг.

А мы трое так и стояли, не говоря ни слова. Весь мой завтрак вывернуло, но я благодарил судьбу за то, что еще дышу. Полевой писарь, по фамилии Джозефс, должен был идти на укол следующим, полковник Хостеттер — за ним. Хирург поднял голову и посмотрел на нас. Он весь вспотел, выглядел ужасно — видимо, потерял своего первого пациента, ведь доктор был совсем еще мальчишка. Он повернулся к доктору Арманду из соседнего отделения. Не знаю, хотел ли пареньек попросить старика закончить процедуры или хотел отложить их на день, но по его лицу было видно: он и рукой не может шевельнуть после смерти Сондерса.

Как бы то ни было, сказать он ничего не успел, потому что Джозефс мигом сбросил свой халат и забрался на стол. Только что прикуренную сигарету он передал санитару:

— Подержи сигаретку, Джек, пока доктор... — и он называет имя нашего парнишки, — меня накачивает.

С этими словами Джозефс начинает снимать пижаму.

Вы, наверное, знаете, что молодых летчиков отправляют в полет сразу после первой аварии. В такой же ситуации оказался и наш молоденький доктор: он должен был повторить процедуру и доказать себе, что это всего лишь неудача и он не мясник на бойне. Парень сам бы не решился — вот Джозефс ему и помог. В тот момент любовью из нас мог погубить его как хирурга, отказавшись от процедуры или дав ему время довести себя до нервного срыва, но Джозефс заставил мальчишку взяться за дело.

Джозефс умер прямо на столе.

Игла вошла, все было нормально, а потом писарь тихо вздохнул и умер. На сей раз рядом стоял доктор Арманд. Он взял руководство в свои руки, но ничего не могло. А мы смотрели этот фильм ужасов по второму разу. Появились те же четверо и унесли тело в морг — возможно, в той же корзине.

Наш хирург и сам теперь выглядел как труп. Доктор Арманд сказал Хостеттеру и мне:

— Вы двое, идите по койкам. Полковник, после обеда зайдите в мой кабинет, я сделаю вам укол.

Хостеттер покачал головой.

— Нет, благодарю вас, — решительно ответил он. — Мой хирург и сам может это сделать.

Он снял халат. Молодой паренек был ни жив ни мертв. Полковник подошел к нему и потянул за руку.

— Ладно, доктор, давай, а то опоздаем на ланч. — С этими словами он влез на стол и подставил свои ребра.

Через несколько минут полковник уже надевал пижаму. Работа была сделана, и наш хирург снова выглядел человеком, хотя был весь покрыт потом.

Я остановился, чтобы перевести дыхание. Джонс серьезно кивнул и произнес:

— Теперь мне ясно, что вы хотели сказать. Да, поступок Хостеттера требует больше хладнокровия и мужества, чем любое сражение.

— Да нет же, — вмешался Аркрайт. — Он хотел тебе сказать о другом. Он имел в виду не полковника, а молодого врача. Доктору пришлось собраться и делать свое дело — причем не один раз, а дважды! Хостеттер только поддержал его.

Я почувствовал себя старым и больным.

— Одну секунду, — сказал я. — Вы оба не правы. Помните, я определил храбрость как состояние, в котором человек имеет выбор... и идет навстречу опасности, несмотря на свой страх. Нашего хирурга заставили принимать решения, поэтому он не в счет. Полковник Хостеттер был ветераном, закаленным в боях, к тому же Джозефс подал ему пример. Нет, полковнику тоже не видать приза как своих ушей.

— Но это несправедливо, — возмутился Джонс. — Конечно, ваш Джозефс был храбрецом, но если уж он едва заставил себя лечь на стол, то полковнику это было вчетверо труднее. Ведь вам наверняка уже всем казалось, что любой, кто попадет на этот стол, живым оттуда не слезет.

— Да-да, — подхватил я. — Именно так мне и казалось. Но ты не даешь мне закончить. Я *точно* знаю, что приз за храбрость заслужил именно Джозефс. Видишь ли, вскрытие показало, что у него не было воздушной эмболии или чего-то еще. Джозефс умер от страха.

ОТВЕТ: К закамуфлирован его, чтобы
сразу располагались; изъяснялась
по-оп К. так как К. вводит в историю
эн он, так и виватся отсюда, нами
и, чтобы

¹ Ответ в переводе С. В. Голд.

ЕЕ СОБСТВЕННАЯ ВАННАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, вам не так много лет, чтобы помнить острую нехватку жилья после Второй мировой войны (предмет этой истории), но, если вам больше шести и меньше, чем хотелось бы владельцу похоронного бюро, вы в курсе нынешних проблем с крышей над головой... эта проблема особенно остро стоит перед молодыми парами с ребенком или пожилыми парами пенсионеров, которые пытаются существовать на социальное «обеспечение» плюс сбережения, если таковые у них имеются. (Я не думаю, что это легко даже для тех, кто находится на полпути между молодостью и старостью; нынешняя цена ипотечных денег представляет собой изнасилование с особой жестокостью; от ценников на дома с двумя спальнями, возведенные без какой-либо халтуры — если такое вообще бывает, — мне становится дурно.)

В 1960 году в Москве у нас с миссис Хайнлайн была курьер «Интуриста», милое существо по имени Людмила — 23 года, не замужем, живет с папой, мамой, братом и сестрами. Она рассказала нам, что мечта всей ее жизни состоит в том, чтобы семье не приходилось делить ванную с соседями.

Очередного эстета, который позволит себе насмеяться в моем присутствии над нашей американской «сантехнической культурой», я покрошу на мелкие кусочки и спущу в тот сортир, который он настолько презирает.

Любой политик старого призыва подтвердит, что политические игры, описанные в этой истории, самые настоящие. Может быть. В ней много автобиографических деталей. Каких именно? Покажите мне ордер, и я прибегну к Пятой поправке.

Вы когда-нибудь опускали ногу на верхнюю ступеньку лестницы, которой там не оказывалось?

Вот что я ощутил, когда увидел моего достопочтенного соперника, претендующего на должность городского советника от третьего избирательного округа.

Том Гриффит позвонил мне после регистрации кандидатов и назвал моих противников.

— Альфред Макнай, — сказал он, — и Фрэнсис Кс. Нельсон.

— Макная можно сбросить со счетов, — заметил я, прикидывая. — Он выставил свою кандидатуру только для рекламы. Так что бороться будем мы трое: я, этот Нельсон и нынешний советник судья Йоргенс. Может, все решится на предварительных выборах.

Наш чудный город пользуется системой, которую в насмешку окрестили «беспристрастной», — кандидат может пройти еще на первичных выборах, получив чистое большинство.

— Йоргенс своей кандидатуры не выставил, Джек. Старый вор не добивается переизбрания.

Я обдумал эту новость.

— Значит, Том, собранный на него материал можно просто выбросить. Как думаешь, мальчишки Тулли уступят нам округ?

— Партия *не может* отдать третий округ. Во всяком случае, не в этом году. Следовательно, Нельсон — их кандидат.

— Пожалуй... Не Макнай же! Кстати, что ты о нем знаешь?

— Ничего.

— Вот и я ничего. Ладно, сегодня вечером успеем на него наглядеться.

Гражданская лига устраивала вечером «встречу с кандидатами». Я поехал в трейлерный парк, где обосновался, принял душ, побрился, надел свои кошмарные ботинки и вернулся в город. Времени на размышления у меня было достаточно.

Не так уж редко политическая машина заменяет (на время!) своего человека, чья репутация начинает попахивать слишком уж сильно, незапятнанным гражданином пока без сомнительного прошлого. Я мысленно уже видел этого Нельсона: молодой, с мужественным лицом, возможно, адвокат и, несомненно, ветеран. Такой политически наивный, что выставит свою кандидатуру и не поморщится, или же такой честолюбивый, что закроет глаза на необходимость идти на поводу у партии. В любом случае партия сможет его использовать.

Я чуть не опоздал, меня представили с ходу, и я занял место на эстраде. Нельсона я нигде не углядел, зато увидел, что Клифф Мейерс беседует с какой-то девицей. Мейерс — мальчик на посылках у босса Тулли, и, следовательно, Нельсона следовало искать где-то поблизости.

Макнай откликнулся на зов народа двумя-тремя сотнями слов, затертых до блеска, а затем был представлен Нельсон, «ветеран этой войны и кандидат на ту же должность».

Девушка оторвалась от Мейерса и поднялась на трибуну.

Раздались хлопки, а на галерее кто-то одобрительно свистнул. Она, вместо того чтобы смутиться, поглядела туда с улыбкой и сказала:

— Благодарю вас!

Тут все снова захлопали, засвистели, затопали ногами. Я не блещу сообразительностью — так и не научился «махать ручкой», а «ладушки» и вовсе не освоил. Вот я и ждал, что она извинится за отсутствие Нельсона, назвавшись его женой, сестрой или там свояченицей... Так что она кончала четвертую фразу, когда я наконец сообразил, что она сама и есть Нельсон!

Фрэнсис Кс. Нельсон! Вернее, Франсес Кс. Нельсон. За что мне это? Ну за что?! Даже в лучшем случае соперничать на выборах с женщиной — мука смертная. Ты не смеешь себе позволить даже самых безобидных выпадов, а ей разрешается пускать в ход все — от хлыста из змеиной кожи до отравы у тебя в кофе.

Добавьте к этому изящную внешность, несомненный ум и статус ветерана. Я ничем этого не заслужил! Я попытался перехватить взгляд Тома Гриффита, но он смотрел только на нее. Этот болван ловил каждое ее слово.

Нельсон, извините, *мисс* Нельсон ставила на жилищную проблему.

— Пока он воевал, вы обещали ему потом все самое лучшее. А что он получил? Лачужку в трущобах, диван в гостиной зятя, гараж без удобств! Если меня выберут, я начну с того...

Против такого не пикнешь. Хорошие дороги, хорошая погода, американский семейный очаг и жилищная программа для ветеранов — у кого могут найтись возражения?

Когда встреча закончилась, я поймал Тома, вместе мы собрали руководство ассоциации третьего округа и отправились домой к одному из активистов.

— Вот что, дорогие мои, — начал я, — когда я согласился предложить свою кандидатуру, мы ставили себе целью забрать голоса у партии, выбив из игры Йоргенса. Но теперь положение изменилось, и мне еще не поздно забрать регистрационный взнос. Что скажете?

Миссис Холмс (миссис Бигсби Холмс), отличнейшая женщина, все зубы съевшая на избирательных кампаниях, уставилась на меня с изумлением:

— Джек, какая муха тебя укусила? Избавиться от Йоргенса — еще полдела. Мы хотели поставить человека, на которого можно положиться. И для нашего округа самый подходящий кандидат — ты.

Я замотал головой:

— Мне хотелось быть не кандидатом, а организатором! Нам нужен ветеран...

— Так ты же во время войны показал себя не хуже других, — перебил Дик Блэр.

— Может быть. Но политически это не стоит ничего. Нам нужен ветеран. — (Я перекладывал бумажки в юридическом отделе Манхэттенского проекта — в гражданской одежде. Дик Блэр — десантник с «Пурпурным Сердцем»,

и я был за него. Но Дик взял самоотвод, а кто посмеет настаивать, чтобы ветеран и фронтовик принес еще одну жертву во имя своего народа?) — Я подчинился вашему решению, потому что Йоргенс тоже не был ветераном. Но теперь... Черт подери, по-вашему, я могу ее обойти? Она донельзя политически сексапильна!

— И не только политически, — заметил Том.

Но тут заговорил доктор Поттер, и мы прикусили языки. В нашей команде ему принадлежит роль старого мудреца.

— Это неверная тактика, Джек. Не важно, выиграешь ты или нет.

— Я не верю в пользу от безнадежной борьбы, доктор.

— А я верю. Когда-нибудь поверишь и ты. Если мисс Нельсон выставил Тулли на замену Йоргенсу, мы обязаны выступить против нее.

— Так за ней стоит партия? Это точно? — спросила миссис Холмс.

— Конечно, — отозвался Том. — Разве вы не видели, как Клифф Мейерс волок ее на буксире? Она марионетка — марионетка со светло-каштановыми волосами¹.

Я потребовал голосования. Они дружно проголосовали против моего предложения.

— Ну ладно, — сдался я. — Если вы терпите, то и я как-нибудь уж стерплю. Но это означает более жесткую кампанию. Мы думали, у нас хватит грязи против Йоргенса, а теперь придется снова копать и копать.

— Не волнуйся, Джек, — успокоила меня миссис Холмс. — Мы копнем, и копнем поглубже. Работу в избирательных участках я беру на себя.

— А мне казалось, ваша дочь в Денвере вот-вот родит.

— Так и есть. Но я доведу дело до конца.

Вскоре я ушел, но на душе у меня было много легче — и не из-за того, что я вдруг поверил в свою победу, а прос-

¹ Намек на популярную песню Стивена Фостера «Jennie with the light brown hair». — *Примеч. С. В. Голд.*

то потому, что на свете есть доктор Поттер, миссис Холмс и им подобные. Командный дух во время предвыборной кампании — чудесная штука. Я вновь его ощутил, и ко мне вернулась довоенная энергия.

До войны наша общественность была в отличной форме. Мы разогнали местных политиканов, подтянули чиновников, отправили в тюрьму лейтенанта полиции и добились, чтобы строительные контракты заключались строго на конкурсной основе. Причем добились всего этого не с помощью воскресных молитв, а благодаря усилиям частных граждан, добровольно обходивших улицы и стучавших в каждую дверь.

Потом началась война, и все развалилось.

Те, кто добросовестно круглый год отдавал свои силы местной политике, разумеется, к войне отнеслись со всей серьезностью. И с Перл-Харбора до Хиросимы на политику они не могли выкроить и минуты. Просто поразительно, что никто во время войны не слямзил ратушу. Думаю, это потому, что она наглухо привинчена к фундаменту.

По дороге я остановился у автомобильной закусочной, чтобы съесть гамбургер и поразмыслить. Ко мне почти вплотную притиснулась еще машина. Я покосился на нее и заморгал:

— Чтoб мне! Мисс Нельсон! Кто вас отпустил гулять одну?

Она обернулась, готовая отбрызнуть меня, но тут же включила предвыборную приветливость:

— Вы меня напугали! Вы же мистер Росс, правда?

— И ваш будущий городской советник, — согласился я. — Вы тоже меня напугали. Ну как вам жнется на политической ниве? И где Клифф Мейерс? Спустили его в канализацию?

Она хихикнула:

— Бедный мистер Мейерс! Я пожелала ему доброй ночи у моей двери, а потом поехала сюда. Жутко есть хочется.

— Так за победу на выборах не борются! Почему вы не пригласили его зайти и не пожарили яичницу?

— Ну, мне не хотелось... Вернее, мне хотелось подумывать наедине с собой. Вы на меня не наябедничаєте? — Она бросила на меня взгляд, означавший: «только не вы, такой сильный, благородный мужчина!»

— Я ведь враг, не забывайте! Но я вас не выдам. Мне тоже удалиться?

— Необязательно. Раз уж вы станете моим городским советником, мне следует познакомиться с вами получше. Но почему вы так уверены, что победите меня, мистер Росс?

— Джек Росс — друг каждого избирателя. Возьмите сигару. Я вовсе не уверен, что обойду вас. Где мне против ваших природных преимуществ и шайки Тулли у вас за спиной.

Ее глаза сузились. Предвыборная улыбка исчезла.

— О чем вы? — спросила она медленно. — Я независимый кандидат.

Мне предлагалось поджечь хвост, но я воздержался.

— И вы думаете, я поверю? Клифф Мейерс торчит у вас за плечом и...

Договорить мне помешал официант. Мы заказали каждый свое, и я хотел продолжить, но она перебила:

— Я правда хочу побыть одна!

И, поставив меня на место, начала поднимать стекло.

Я протянул руку и положил ладонь на верхний край стекла:

— Минуточку! Это политика, и о вас судят по друзьям, которыми вы себя окружаете. А на первую встречу с избирателями вы являетесь под крылышком Клиффа Мейерса.

— Но что тут такого? Мистер Мейерс — настоящий джентльмен.

— И трогательно заботится о своей старушке-матери. Он — человек без видимых средств к существованию на посылках у босса Тулли. Я, как и все в зале, решил, что босс поручил ему опекать желторотого кандидата.

— Неправда!

— Неужели? Вас поймали с поличным. А ваша версия? Она прикусила губу:

— Я не обязана ничего вам объяснять.

— Безусловно. Но обстоятельства говорят сами за себя.

Она промолчала, и мы принялись за еду, игнорируя друг друга. Но когда она включила зажигание, я сказал:

— Я провожу вас до дома.

— Благодарю вас, этого не требуется.

— После войны наш город стал небезопасен. Вечером молодой женщине не следует быть на улице одной. Даже Клифф Мейерс лучше, чем ничего.

— Поэтому я и позволила им... Поступайте как знаете!

Мне пришлось проскакивать на красный свет, но я держался за ней, точно пришитый, и не сомневался, что она поспешит войти к себе и хлопнуть дверью погромче. Однако она остановилась на краю тротуара и сказала:

— Спасибо, что проводили меня, мистер Росс.

— Не стоит благодарности. — Я поднялся с ней на крыльцо-веранду и пожелал ей доброй ночи.

— Мистер Росс, мне все равно, что вы обо мне думаете, но босс Тулли ко мне никакого отношения не имеет. Я независимый кандидат.

Я промолчал, и она добавила:

— Вы мне не верите!

Большие красивые глаза заблестели от слез.

— Я ничего не утверждал, но я ищу какого-нибудь объяснения.

— Да что тут объяснять?

— Очень и очень многое! — Я сел на качели, украшавшие веранду. — Идите-ка сюда и расскажите папочке, почему вы решили выставить свою кандидатуру.

— Ну-у... — Она села рядом со мной, и на меня волнующе повеяло ее духами. — Началось с того, что я не могла найти квартиру. Нет, не с этого, а гораздо раньше. На юге Тихого океана. Я мирилась с жарой и с насекомыми. Даже идиотизм армейских порядков меня не слишком

раздражал. Но *очереди* к умывальникам. Доходило до ра-
ционирования воды! Вот это меня бесило. Ночью я не мог-
ла заснуть от жары и ворочалась на койке, мечтая о ван-
ной — моей личной ванной. Только моей! Глубокая ванна,
полная воды до краев, и сколько угодно времени, чтобы
нежиться в ней. Шампуни, маникюрные принадлежно-
сти и огромные пушистые полотенца! Я грезила, как за-
прусь в своей ванной. Как поселюсь в ней навеки. А по-
том я демобилизовалась...

— И?

Она пожала плечами:

— Единственная квартира, которую мне удалось отыс-
кать, оказалась мне не по карману.

— Ну а родной дом чем вам не угодил?

— Этот? Он принадлежит моей тетке. В ее семье семь
человек. Я восьмая, а ванная одна на всех. Если я успе-
ваю почистить зубы, это уже счастье. А сплю я на детской
кровати вместе с восьмилетней двоюродной сестричкой.

— Вот как... Но это не объясняет, почему вы выста-
вили свою кандидатуру.

— Именно что объясняет! Как-то дядя Сэм зашел
в гости, а я вся кипела из-за жилищной проблемы и рас-
писывала, что я сделала бы с Конгрессом, и он сказал:
так почему бы мне не заняться политикой? Я ответила:
с радостью бы, будь у меня такая возможность. На следу-
ющий день он позвонил и спросил, не хочу ли я выста-
вить свою кандидатуру на его место. И я ответила...

— Дядя Сэм? Сэм Йоргенс?

— Ну да. Вообще-то, он мне не дядя, но я его знаю
чуть не с пеленок. Я перепугалась, но он сказал, что бо-
яться не надо — он будет помогать мне, советовать... Ну
я и выдвинула свою кандидатуру. Вот и все. Теперь ви-
дите?

Как не увидеть! Политическое чутье пасхального ба-
рашка. Только барашек мне, пожалуй, даст вперед сто
очков.

— Ладно, — сказал я ей. — Но на одной жилищной
проблеме далеко не уедешь. Как насчет привилегий газо-

вой компании, например? И завода по переработке мусора? А налогообложение? Кому, по-вашему, следует поручить строительство аэропорта? Считаете ли вы, что вопрос о зонировании не следует слишком заострять? Как быть с шоссе?

— Я займусь жилищной проблемой. Остальное может и подождать.

Я насмешливо фыркнул:

— Ждать вам не позволят. Пока вы будете кататься на своем коньке, ловкачи подчистую оберут город — еще раз.

— Конек! Позвольте вам сказать, мистер Умник, что обрести дом — это для бездомного человека самое главное. Будь вы в таком положении, вам бы все представлялось иначе.

— Не горячитесь так! Я живу в трейлере с протекающей крышей. И всецело за широкую программу жилищного строительства. Но как вы будете ее осуществлять?

— Как? Ну это уже глупо! Буду поддерживать меры по ее ускорению.

— Например? Вы считаете, что строительство должен вести город? Или частные компании? Выпускать ли нам облигации и финансировать строительство? Ограничиться ветеранами или поможете и мне? Только для семейных или не забудете и себя? Как насчет сборных домов? Насколько совместимо то, что вы намерены сделать, со строительными законами, принятыми в тысяча девятьсот одиннадцатом году? — Я перевел дух. — Ну так как же?

— Джек, ты отвратителен.

— Да, стараюсь. Но я не перечислил еще и половины. И буду предлагать вам вести дебаты обо всем, начиная с собачьего налога и кончая патентованными покрытиями для мостовых. Честная чистая предвыборная кампания — и пусть победит достойнейший. При условии что его фамилия — Росс.

— Я не соглашусь.

— И пожалеете. Мои мальчики и девочки на всех ваших встречах с избирателями будут засыпать вас неудобными вопросами.

Она смерила меня взглядом:

— Какая грязь!

— Вы же кандидат, деточка. И обязаны знать ответы на все вопросы.

Она как будто расстроилась.

— Я же *говорила* дяде Сэму, — пробормотала она почти про себя, — что слишком мало знаю о подобных вещах, но он сказал...

— Ну-ну, Франсес, что он сказал?

Она мотнула головой:

— Я и так уже наговорила лишнего!

— Ну хорошо, я сам вам скажу. Не забивайте свою хорошенькую головку всякой чепухой, потому что он всегда будет рядом и подскажет вам, как голосовать. Верно?

— Ну, не совсем. Он сказал...

— Но смысл был этот. И он познакомил вас с Мейерсом и обещал, что Мейерс покажет и объяснит вам, что к чему. Вы не хотели создавать проблем и делали все, как говорил вам Мейерс? Правильно?

— Вы отвратительно все передергиваете.

— Но это еще не все. Вы искренне считаете себя независимой, но действуете по указке Сэма Йоргенса, а Сэм Йоргенс, ваш милый старый дядюшка Сэм, носков не сменит без разрешения босса Тулли.

— Неправда.

— А вы проверьте. Поговорите с репортерами. По-разномуайте.

— Так я и сделаю.

— Вот и хорошо. Узнаете подноготную и про капусту, и про аистов. — Я встал. — Ну, пора и честь знать. Увидимся на баррикадах, товарищ!

Я уже почти спустился со ступенек, когда она меня окликнула:

— Джек!

— Что, Франсес?

Я вернулся на веранду.

— Я выясню, какая связь существует — если существует! — между Тулли и дядей Сэмом, но в любом случае

и, как бы то ни было, я независима. Если меня водят за нос, долго это продолжаться не будет!

— Умница.

— Погодите! Я намерена дать вам бой, решительный бой. Разгромить вас вдребезги и стереть самодовольную ухмылку с вашей рожи!

— Bravo! Так держать, детка. Мы отлично проведем время.

— Спасибо. Ну так спокойной ночи.

— Секундочку. — Я обнял ее за плечи, но она насто-роженно сбросила мою руку. — Скажи мне, дорогая, кто пишет тебе речи?

Меня больно пнули в лодыжку, и нас разделила дверь с проволочной сеткой.

— Спокойной ночи, мистер Росс!

— Еще одно. Ваше второе имя? Не Ксавье же? Так что означает «Кс»?

— Ксантиппа. Кушайте на здоровье!

Дверь окончательно захлопнулась.

Весь следующий месяц дел было по горло, и я выкинул Франсес Нельсон из головы. Вам доводилось выстав-лять свою кандидатуру на выборную должность? Это все равно что жениться и удалить аппендикс, сидя в бочке, которая спускается по Ниагарскому водопаду! Минимум одна встреча с избирателями в день, но обычно не од-на; званые завтраки в клубах деловых людей по субботам и воскресеньям; или же в полдень званый завтрак в тор-говой палате, а может быть, и еще где-нибудь; затем — в суд (правда, не каждый день), бесконечная перепис-ка, телефонные звонки, конференции, а в довершение — столько посещений избирателей на дому, сколько удастся втиснуть в остающееся время.

Это была местная кампания на первичных выборах, самый лучший вариант, но очень напряженный. Миссис Холмс выскребла бочку до дна и отыскала-таки доста-точно добровольцев, чтобы охватить три четверти изби-рательных участков. Остальные пришлось на мою долю. Охватить их все было выше человеческих возможностей, но я рьяно пытался.

И каждый день требовал денег. Пусть политическая кампания ведется на строго добровольческих началах, деньги все равно нужны — много денег. Типография, почтовые расходы, аренда зала, телефонные счета, оплата бензина и обедов в закусочных тех активистов, кто не в состоянии тратить на них из собственного кармана. Доллар туда, доллар сюда — и вот у тебя уже три тысячи долларов долгу.

Судить о том, как идет кампания, очень трудно: невольно внушаешь себе и другим то, во что хочется верить. Мы провели предварительную проверку — звонили по телефону, посылали открытки с оплаченными ответами, опрашивали устно на улицах. Том, миссис Холмс и я отправились на разведку — так сказать, понюхать, чем пахнет. В течение дня я залил бак бензином тут, выпил кока-колу там, купил пачку сигарет еще где-то, и всюду, не называясь, заводил разговор о выборах. К тому времени, когда мы собрались у миссис Холмс сравнить полученные результаты, мне казалось, что я точно знаю свои шансы.

Сопоставив свои оценки, мы подвели итоги. У меня: Росс — 45%, Нельсон — 55%, Макнай — практически нуль. У Тома: пятьдесят на пятьдесят. Миссис Холмс определила: «Вялая кампания, малая активность избирателей, с легким уклоном не в нашу пользу». После обработки официальных опросов мы получили такие цифры: Росс — 43%, Нельсон — 55%, Макнай — 5%. Возможные колебания — плюс-минус 9%.

Я поглядел на миссис Холмс с Томом:

— Ну как, заблаговременно отступим или доблестно ринемся навстречу поражению?

— Нас еще не побили, — отметил Том.

— Пока нет, но побьют. Мы ведь опираемся только на предпосылку, что из меня советник получится лучше, чем из большеглазой девчушки, но обывателя Джо это абсолютно не интересует. А ваше мнение, миссис Холмс? Вы сумеете добиться какого-нибудь перелома в участках?

Она посмотрела мне прямо в глаза:

— Откровенно говоря, Джек, все идет кое-как. Наши старые боевые коней я совсем загнала, а завербовать новых мне не удается.

— Нам необходимо что-нибудь с перчиком! — сокрушенно вздохнул Том. — Давайте-ка начнем швыряться грязью.

— Какой? — спросил я. — Обвинишь ее в том, что она перекидывалась записочками на уроках? Что в армии смывалась в самоволку? Она ничем не запятнана.

— Так потягайся с ней в жилищном вопросе. Ты зря позволяешь ей прикарманить такую козырную карту.

Я покачал головой:

— Будь у меня что предложить, я бы не ютился в трейлере. А пустых обещаний я давать не собираюсь. У меня есть три законопроекта: в поддержку федерального закона, о пересмотре существующего строительного законодательства, о субсидировании жилищного строительства. Последний — почти безнадежный. И все они мало чего стоят. Жилищную проблему нам с ходу не решить.

— Джек, тебе не следовало выставлять свою кандидатуру, если ты не находишь в себе солнечного оптимизма, обязательного для любого политика, — сказал Том.

— А что я вам все время твердил? — буркнул я. — У меня натура организатора. А кандидат, сам организующий свою предвыборную кампанию, обрекает себя на раздвоение личности.

Миссис Холмс сдвинула брови:

— Джек, в любом случае о жилищной проблеме ты знаешь больше, чем она. Давайте устроим дебаты на эту тему.

— Согласен. Я же тут прислуга за всеми. И я предупредил ее, что намерен вести с ней дебаты по любой теме — от трамваев до налогов. Как по-твоему, Том?

— Да что угодно, лишь бы побольше шума.

Я тут же позвонил:

— Это марионеточка со светло-каштановыми волосами?

— Джек Росс? Привет, язва. Ну как вам поцелуйчики младенцев?

— Липковатые. Помните, я обещал побеседовать с вами о всяких проблемах? Пятнадцатого в среду в восемь вечера, подойдет?

— Не кладите трубку, — попросила она, и я услышал приглушенное рокотание, а затем снова ее голос. — Джек? Ведите свою кампанию, а я буду вести свою.

— Детка, лучше согласитесь. Мы бросим вам публичный вызов. Открыть кавычки. «Мисс Нельсон трусит поставить вопрос ребром?» Закрывать кавычки.

— Всего хорошего, Джек!

— Дядя Сэм не разрешает, э?

В трубке щелкнуло.

Однако мы продолжали бороться. Я продал несколько облигаций военного займа и заказал специальный номер «Бюллетеня Гражданской лиги» с первой страницей под шапкой «Росса — в советники!» в качестве затравки для сообщения о собрании — призы, аттракционы, кинофильмы и суперколоссальная словесная эпохальная схватка между Россом в этом углу и Нельсон в противоположном. В воскресенье поздно вечером мы загромодили гараж миссис Холмс газетными пачками. Утром в семь тридцать позвонила миссис Холмс.

— Джек! — охнула она в трубку. — Приезжай сейчас же!

— Еду. А что не так?

— Всё! Сам увидишь.

Когда я приехал, она сразу повела меня в гараж, и я увидел сам: кто-то распотрошил наши бесценные пачки и облил их отработанным машинным маслом.

Мы еще созерцали погром, когда подъехал Том.

— Домовые расшалились, — сказал он. — Сейчас же позвоню в типографию.

— Не трудись, — перебил я с горечью. — За новый тираж нам нечем заплатить.

Он все равно пошел звонить, а тут начали подходить ребята, которые должны были разносить газеты. Мы заплатили им и отправили восвояси. Вернулся Том.

— Поздно! — сказал он. — Пришлось бы набирать с самого начала, а на это нет времени, да и слишком дорого.

Я кивнул и пошел в дом: мне тоже не терпелось позвонить.

— Алло! — крикнул я в трубку. — Это мисс Нельсон, независимый кандидат?

— У телефона Франсес Нельсон. Это Джек Росс?

— Да. Как вижу, вы ждали моего звонка.

— Нет. Я просто узнала ваш приятный голос. Чем обязана такой честью?

— Мне бы хотелось показать вам, как замечательно ведут предвыборную кампанию ваши мальчики.

— Минутку... В десять у меня встреча, но до тех пор я свободна. Но, собственно, о чем вы говорите? Какие мальчики? Какая кампания?

— Увидите, — ответил я и повесил трубку.

И продолжал молчать, пока не показал ей разгром в гараже.

— Это мерзко и неспортивно, Джек, — сказала она. — Но почему вы показываете это мне?

— А кому же?

— Но... Послушайте, Джек. Не знаю, чьих рук это дело, только я тут ни при чем. — Она обвела нас взглядом. — Да поверьте же мне! — Внезапно у нее в глазах мелькнуло облегчение. — Все ясно! Это не я, а значит — Макней.

Том хмыкнул, а я сказал мягко:

— Послушайте, радость моя, Макней — пустое место. Он двести десятая спица в колеснице и кандидатуру свою выставил только для того, чтобы его фамилия попала в газеты. Он не станет вести грязную игру, потому что ему не нужен выигрыш. Так что это может быть только ваших рук дело... Подожди! Не ваших лично, это сделала партия. Вот что происходит, когда принимаешь поддержку темных сил.

— Но вы же ошибаетесь! Да, ошибаетесь! Партия меня вовсе не поддерживает.

— Ах так? А кто ведет вашу предвыборную кампанию? Кто платит по счетам?

Она мотнула головой:

— Этим занимается комитет. Мое дело выступать на митингах и проводить встречи.

— А откуда взялся этот комитет? Аист принес в клюве?

— Не говорите глупостей! Меня выдвинула и организовала комитет для моей поддержки Лига домовладельцев третьего избирательного округа.

Я не психолог, но было видно, что она говорит правду — то, что считает правдой.

— Вам когда-нибудь доводилось слышать о фиктивных организациях, детка? Единственная ваша связь с этой Лигой домовладельцев — Сэм Йоргенс, так?

— Да нет же... то есть... пожалуй, так.

— А я уже говорил вам, что Йоргенс — дрессированный пудель Тулли.

— Говорили, но я проверила, Джек. Дядя Сэм все мне объяснил. Тулли действительно раньше поддерживал его, но они порвали отношения, так как дядя Сэм отказался идти на поводу у партии. И не его вина, если раньше партия поддерживала его.

— И вы ему поверили?

— Вовсе нет! Я потребовала доказательства. Вы же сами посоветовали мне навести справки в газетах... А дядя Сэм предложил мне поговорить с редактором «Геральда».

Том хмыкнул.

— Он подразумевает, — объяснил я Франсес, — что «Геральд» *принадлежит* партии. Я ведь советовал вам навести справки у репортеров. Они в большинстве люди честные и хорошо знают, как обстоят дела за кулисами. Просто не понимаю, откуда в вас такая наивность. Я знаю, вы долго отсутствовали, но неужели до войны вы совсем не читали газет?

После чего выяснилось, что с пятнадцати лет из-за школы, а затем из-за войны она в городе бывала редко и за местной политикой не следила вовсе. Тут вмешалась миссис Холмс:

— Джек! Но у нее же просто нет права выставлять свою кандидатуру! Она не прожила в городе указанный в законе срок.

Я покачал головой:

— Как юрист ручаюсь, что баллотироваться она вправе. Отсутствие по таким причинам не прерывает срока проживания, тем более если она записалась в армию здесь. Вы не сварите нам кофе, миссис Холмс?

Миссис Холмс нахмурилась. Догадываясь, что она не желает брататься с врагом, я взял ее под локоть и увел в дом, нашептывая:

— Не будьте так строги к девочке, Молли. И вы и я допускали ошибки, пока разбирались в подоплеке этих игр. Вспомните Смити!

Смити был на редкость благообразным взяточником и высосал из нас всю кровь. Миссис Холмс немного смутилась и стала заметно мягче.

Мы беседовали о жаре, о шансах на ближайших президентских выборах, а потом Франсес сказала:

— Я ничего не признаю, Джек, но за газеты заплачу.

— Забудь, — ответил я. — Меня больше устроило бы свести счета с Тулли. Но вот что: у вас в запасе есть еще час, так я вам кое-что покажу.

— Мне поехать с вами, Джек? — спросил Том, глядя на Франсес.

— Если хочешь. Спасибо за кофе, миссис Холмс. Я скоро вернусь и приберу в гараже.

Мы отправились в приемную доктора Поттера и достали из сейфа материалы, собранные на Йоргенса. Объяснять мы ничего не стали, и я просто расположил фотокопии в логической последовательности, Франсес тоже молчала, но бледнела все больше и больше. Наконец она сказала:

— Вы не отвезете меня домой, мистер Росс?

Мы проваландались еще три недели — с утра до вечера гонялись за голосами, а потом до поздней ночи облизывали марки, штамповали через трафарет наклейки на бампер и жутко не высыпались. Вскоре мы заметили странную вещь: Макнай все больше вылезал на первый план. Сначала плакаты и листовки, затем рекламная кампания, и вскоре к нам начали поступать сведения, что на избирательных участках усиленно агитируют за Макнаю.

Нас это ошеломило так, словно республиканская партия выдвинула в президенты Нормана Томаса¹. И мы провели еще одну выборочную проверку. Миссис Холмс, доктор Поттер и я оценили результаты. Росс и Нельсон — ноздря в ноздю, Макнай — на третьем месте, но не так уж отстают и набирают темпы.

— Что вы думаете, миссис Холмс?

— То же, что ты: Тулли бросил Нельсон и тащит Макнаю.

Поттер кивнул.

— В финале будете вы с Макнаем. Нельсон держится пока по инерции благодаря прошлой поддержке партии, но скоро выйдет в тираж.

В эту минуту вошел Том.

— Ну не знаю, — сказал он, — Тулли нужна победа в первом туре, а если не получится, он постарается чтобы во второй тур Макнай вышел против девочки — у нее же нет никакой организации, а у нас есть.

— Тулли не может исходить из того, что я окажусь третьим. Даже в самом худшем случае вторым буду я, а не Франсес.

Том взглянул на меня с загадочной улыбкой:

— Ты видел вечерний выпуск «Геральда», Джек?

— Нет. Они разоблачают меня как тайного алкоголика?

— Хуже! — Он бросил мне газету.

«ЕСТЬ МНЕНИЕ, ЧТО РОСС НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГОРОДСКИМ СОВЕТНИКОМ», — гласила шапка. Под ней красовалось напечатанное в три цвета фото моего трейлера со мной в дверях. Заметка под ним объясняла, что каждый отец города обязан прожить в нем до выборов по меньшей мере два года, причем хотя бы шесть месяцев из них в своем избирательном округе. Трейлерный парк находился за городской чертой.

— Они могут снять твою кандидатуру, Джек? — встревожился доктор Поттер.

¹ Норман Томас (1884—1968) — американский политический деятель, член социалистической партии, шесть раз выдвигался кандидатом на пост президента США. — *Примеч. С. В. Голд.*

— В суд им обращаться не с чем, — успокоил я Поттера. — Юридически под меня не подкопаетесь. Местожительство вовсе не географическое понятие, а осуществление намерения — ваш дом, то место, куда вы намерены вернуться, уезжая. Официально я зарегистрирован в квартире, где жил до войны, — просто я поселил в ней моего партнера, когда отправился в Вашингтон. Мое баракло по-прежнему там, однако у него семья — жена и близнецы. Таким образом, трейлер всего лишь временное убежище и юридически ровно ничего не значит.

— Хмм... А политически?

— Это другое дело.

— Это вы так думаете, — кивнул Том. — А вы что скажете, миссис Холмс?

— Том прав, — озабоченно сказала она. — Отличный материал для устных намеков в сочетании с враждебной газетной шумихой. Зачем отдавать голос человеку, который даже не живет в вашем округе? Ну и так далее.

— Что ж, идти на попятный уже поздно. Однако, друзья, посмотрим правде в глаза: все наши усилия и деньги пошли прахом.

Против обыкновения, они не заспорили, и Поттер тут же выдвинул новую идею:

— Что за человек мисс Нельсон? Нам стоит поддерживать ее в финале?

— Она хорошая девочка, — заверил я его. — Ее обвели вокруг пальца, и ей очень не хотелось признать это. Но в любом случае она несравненно лучше Макная.

— Еще бы! — воскликнул Том.

— Настоящая леди, — заявила миссис Холмс.

— Но как мы можем поддержать ее в финале? — возразил я. — На Макная у нас ничего нет, а она совсем не обстреляна и не выдержит того, что на нее обрушит партия в оставшиеся недели. Тулли не дурак, он знает, что делает.

— Боюсь, ты прав, — согласился доктор Поттер.

— Джек, — сказал Том, — ты вроде бы убежден, что нас уже победили.

— Спроси у миссис Холмс.

Миссис Холмс не стала дожидаться вопроса и сказала:

— Мне горько говорить так, и я не выхожу из игры, но пройти Джек может только чудом.

— Ладно! — воскликнул Том. — Так, может, мы перестанем изображать бойскаутов и порезвимся напоследок? Мне не по вкусу то, как ведет свою кампанию босс Тулли. Мы играли честно, а нам отвечали грязными трюками.

— И что же ты предлагаешь?

Он объяснил. Я немного подумал и кивнул:

— Полностью поддерживаю. У меня тоже кое-что припасено. Во всяком случае, это будет весело, и это может сработать.

— Так звони ей!

Трубку взяла Франсес Нельсон, и я сказал:

— Франсес, это Джек Росс. Что-то я давно вас не видел, деточка. Как идет кампания?

— А, это... — В ее голосе прозвучала усталость. — Какая кампания, Джек?

— Вы сняли свою кандидатуру? В газетах ничего не было.

— Зачем? Я объяснилась с Йоргенсом напрямую, и после этого моя кампания тут же прекратилась. Комитет испарился. Джек, мне бы хотелось увидеться с вами и извиниться.

— Бросьте! Но мне тоже надо бы вас повидать, так я заеду за вами?

Мы посвятили ее в наши планы.

— Я выбываю из гонки, Франсес, — сказал я. — Мы хотим оказать вам организационную поддержку — с некоторыми условиями.

Она удивленно посмотрела на нас:

— Джек, но это же бессмысленно. Я собиралась голосовать за вас.

— А? Забудьте. Такой возможности вам просто не представится. — И я показал ей статью в «Геральде». — Чистейшей воды липа, но меня уже положили на обе лопатки. Мне бы следовало сразу сыграть на моей без-

домности, а я, как дурак, подарил эту карту им. И теперь уже поздно: если кандидат начинает оправдываться, значит он получил в челюсть и вот-вот свалится в нокауте. И раньше я мог бы протиснуться только на самом минимальном преимуществе, а теперь о нем и речи нет.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, прижав кулачок ко рту:

— Джек... Боже мой! Я и тут...

— Тут?

— Навредила вам. Я ведь передала Сэму Йоргенсу наш первый разговор во всех подробностях. Упомянула и о том, что вам пришлось поселиться в трейлере. Мне...

Я отмахнулся от ее признания:

— Ерунда. Они все равно докопались бы. Слушайте: мы хотим поддержать вас и, возможно, добьемся, что вас выберут.

— Но я не хочу, Джек. Я хочу, чтобы выбрали вас.

— Поздно, Франсес. Но мы намерены прокатить это запасное колесо — Макная. Партия все еще поддерживает вас, чтобы покончить со мной в первом туре, разделив голоса своих оппонентов. А потом избавится от вас. Я тут кое-что придумал, но сначала... Вы называете себя независимым кандидатом. Так вот: уже нет.

— О чем вы? У меня тогда вообще ничего не останется, я буду никто!

— И они дали женщинам право голоса! Пойми, дорогая, кандидат может быть неуправляемым, но он не может быть независимым. Чтобы получить поддержку, вы должны взять на себя обязательства — вот и вся ваша независимость.

— Но я... О, политика — это такая мерзость!

— Ну сколько можно? Политика так же чиста — или грязна, — как люди, которые ее делают. И грязной ее называют те, кому лень внести свою лепту.

Она спрятала лицо в ладонях, я схватил ее за плечи и встряхнул:

— А теперь слушайте! Я повторю нашу программу пункт за пунктом. Если вы с ней согласитесь и возьметесь

провести ее в жизнь, вы наш кандидат. Договорились? Так будет честно?

— Да, Джек... — Ее голос перешел в шепот.

Мы пробежались по программе, разумной, практичной, привлекательной для всякого, кто не преследует своекорыстных интересов. И у нее не нашлось никаких возражений. Пункты, для нее неясные, мы временно отложили. Особенно ей понравились мои предложения по жилищному вопросу, так что мало-помалу она приободрилась и говорила уже как уверенный в себе кандидат.

— Ну хорошо, — сказал я под конец. — А вот мой план: я снимаю свою кандидатуру, и все решится в первом туре. Сделать это по своей инициативе я опоздал, но тут они сыграли мне на руку. Ее снимет суд, указав, что я не имею права баллотироваться не по месту проживания.

— Что-что, сынок? — Доктор Поттер посмотрел на меня укоризненно. — По-моему, ты говорил, что с юридической точки зрения твое положение неуязвимо.

Я ухмыльнулся:

— Бесспорно... если бы я стал возражать. А я не стану. План таков: через парочку подставных лиц мы вносим в суд протест. Суд дает распоряжение, чтобы я представил свои возражения. Я ничего не представляю, и суду остается только вычеркнуть мою фамилию из бюллетеня. Раз-два-три — и готово!

Том захлопал, я поклонился:

— С этой минуты доктор Поттер — председатель вашего нового комитета. Для вас ничего не изменится: управляетесь, куда пошлют, произносите такие же речи. Ах да! Я дам вам для проработки материал по другим проблемам, кроме жилищной. Ну а Том и я — мы заведем эффектами и трюками. Просто забудьте, что мы существуем.

Три дня спустя я был снят с выборов. Том подал все так, словно за этим стояли Макнай и Тулли. Миссис Холмс выпала деликатная задача убедить наших активистов в избирательных участках, что Франсес — наша но-

вая великая надежда. Доктор Поттер и Дик Блэр добились, чтобы Гражданская лига поддержала Франсес. Впрочем, лига поддержала бы и гигантскую панду, лишь бы противопоставить кого-то кандидату Тулли. А Дик Блэр обработал и союз ветеранов.

Мы с Томом были свободны для всяких веселых игр и фокусов. Во-первых, мы заручились чудесным фото Франсес — прямо-таки аллегория «Свобода, несущая свет миру». Большие печальные глаза и благородный лоб. Фото это мы увеличили для рекламных щитов — на шесть листов. (Фото в двадцать четыре листа наталкивает на мысль о подозрительно большом денежном фонде.)

Обзавелись мы и отличным фото Макная. То есть отличным для наших целей. Способ такой: посылаете двух фотографов на митинг, где выступает ваш объект. Первый ослепляет его лампой-вспышкой, а второй повторяет то же самое в следующую секунду, прежде чем ваша жертва успевает совладать со своими рефлексам. Затем первый снимок выбрасываете. На нашей фотографии Макнай запечатлелся с выпученными глазами, разинутым ртом и немыслимо идиотским выражением лица — дебил, выдающий себя за олигофрена. Она была настолько великолепной, что пришлось ее слегка отретушировать. Затем я уехал в другой город и втайне отпечатал плакаты.

Мы выждали до последних дней и взялись за дело. Для начала мы будто исподтишка наклеивали листовки конкурента на наши собственные щиты поперек красивой мордочки Франсес, так что ее трогательно-печальные глаза смотрели на вас с мольбой прямо над надписью: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАКНАЯ!» Две ночи спустя мы расклеили другие плакатики, на этот раз с его дивным фото: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАКНАЯ! МЕСТО ЖЕНЩИНЫ — ДОМ И КУХНЯ!» Их мы наклеили и на частных домах и изгородях.

Утром мы с Томом поехали полюбоваться делом своих рук.

— Прелесть! — мечтательно произнес Том. — А нельзя ли, Джек, устроить так, чтобы Макная поддержала Коммунистическая партия?

— Не вижу как, — ответил я с сожалением, — но если это обойдется не очень дорого, то у меня есть в запасе парочка военных облигаций.

— Ничего не получится! — Он с сожалением покачал головой. — Но какая прекрасная мысль!

Главный удар мы припасли для кануна дня выборов. Обошелся он недешево... Но погодите, все по порядку. В субботу мы, используя связи Тома, наняли десяток темных личностей, обязав их явиться в понедельник с двухдневной щетиной на мордах, а тогда скормили каждому по бутерброду с чесноком, снабдили листовками и устными инструкциями — позвонить в дверь, хорошенько дыхнуть в лицо хозяйке и сунуть ей листовку, злобно рявкнув: «Голосуйте вот так, дамочка!» Листовка содержала призыв «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАКНАЯ!», его неповторимое фото, часть программы Тулли, а также и избранные двусмысленные цитаты из высказываний Макная. Края обрамляла надпись: «100% американец — 100% американец».

Мы поручили каждой образине примерно по четыре участка, главным образом в богатых районах.

А вечером была устроена факельная процессия в духе старого доброго времени — работа миссис Холмс и заключительный аккорд законной предвыборной кампании. Во главе шествовали символы Республиканской и Демократической партий — слон и осел. (Только Богу известно, где миссис Холмс раздобыла слона.) Первого украшал плакат «Я ЗА ФРАНСЕС!», «И Я ТОЖЕ!» — вещал плакат на втором. За ними следовал детский оркестр, факельщики — наши умученные добровольцы — и отряд ветеранов женских вспомогательных служб армии и флота. За ними двигался открытый автомобиль с Франсес. Вид у нее был испуганный и очаровательный.

Мы с Томом полюбовались процессией и вновь взялись за работу. В эту ночь нам было не до сна.

Мы опять делали плакатики — теперь размером три на десять дюймов — на ветровых стеклах, клеим по тексту. (Честное слово, в городе добрая половина машин не име-

ет гаражей — опять-таки жилищная проблема!) До рассвета мы охватили все кварталы нашего округа. Том вел машину, а я сидел у открытого окна с ведерком воды, губкой и наклейками. Он притормаживал у очередной легковушки, а я наклепывал наклейку так, чтобы она закрывала обзор водителю... и ее пришлось бы счищать со стекла. Надпись призывала: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАКНАЯ! СОХРАНИТЕ АМЕРИКУ ЧИСТОЙ!»

Мы полагали, что это напомнит владельцам о выборах и подтолкнет проголосовать.

Сам я проголосовал, едва открылись избирательные участки, и завалился спать.

Проснулся я как раз вовремя, чтобы попасть на вечеринку в нашей штаб-квартире — пустующем здании, которое мы арендовали на последний месяц кампании. Наблюдение на участках и за верностью подсчета голосов меня не интересовали — это была сфера миссис Холмс, но пропустить поступление сведений о результатах с участков я никак не хотел.

Все вечера ожидания результатов похожи друг на друга: те же дружелюбные алкоголики, те же тесно сгрудившиеся у радиоприемника люди, то же нарастающее напряжение. Я взял банку пива и чипсы и присоединился к обществу у приемника.

— Есть что-нибудь? — спросил я у миссис Холмс. — А где Франсес?

— Пока нет. Я заставила ее прилечь.

— Лучше приволоките ее сюда. Кандидат должен быть на виду. Когда люди трудятся за-ради дружеского похлопывания по плечу, им надо обеспечить это похлопывание.

Но тут явилась Франсес без всякой подсказки и повела себя так, как положено кандидату, — дружески, любезно, искренне благодаря всех и каждого. Я прикинул, не выдвинуть ли ее в Конгресс.

Том с мутными от бессонницы глазами пришел как раз тогда, когда начали поступать первые результаты. Все — в пользу Макная. Франсес услышала — и улыбка

соскользнула с ее губ. К ней подошел доктор Поттер и сказал:

— Пустяки! Первыми всегда поступают результаты с участков, контролируемых партией.

Она вновь прилепила улыбку к губам.

Макнай повел со значительным преимуществом, но затем начали сказываться плоды наших усилий — Нельсон сократила разрыв. К десяти тридцати они уже шли ноздря в ноздрию, а затем все сильнее создавалось впечатление, что наш советник избран.

В полночь Макнай выступил по радио и признал свое поражение.

Теперь я исполнительный секретарь советника. Сажу у барьера на всех заседаниях городского совета. Если я почесываю правое ухо, советник Нельсон голосует за; если левое, то против — чаще всего.

Женился я на ней? Женился на ней Том, и они заняты строительством своего дома с одной спальней и *двумя* ванными. То есть когда сумеют достать оборудование для обеих.

НА СКЛОНАХ ВЕЗУВИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда СССР отверг наши предложения по контролю за атомным оружием, я плюнул на «Спасение мира». Хватит! Никаких больше проповедей. Никаких попыток предупредить о смертельной опасности, в которой мы оказались. С меня довольно!

Через полтора года, на закате 1947-го, я снова взялся за старое. Если события нельзя остановить откровенным описанием последствий, возможно, стоит сгустить краски, обратившись к жанру фантастики.

И вновь я уперся лбом в стену.

Пятнадцать лет спустя случилась жуткая паника, когда Советы разместили на Кубе ракеты средней дальности. Потом их убрали — во всяком случае, так нам сказали, — и паника улеглась. Но почему? Почему мы успокоились и сейчас, и тогда? Сколько лет уже советские подводные лодки шныряют вдоль обоих побережий! Будем надеяться, что они вооружены рогатками? Или дамскими пуховками?

Эта история сегодня еще более актуальна, чем тридцать лет назад, когда я ее написал; опасность стала неизмеримо больше.

И вновь мое предупреждение останется без внимания. Но оно не отнимет у вас много времени; оно не так и велико — всего около 2200 слов.

— Пэдди, можешь пожать руку парню, который сделал атомную бомбу, — сказал профессор Уорнер, обращаясь к бармену. — Они с Эйнштейном слепили ее как-то вечером у себя на кухне.

— С помощью четырехсот других ребят, — добавил незнакомец, слегка повысив голос, чтобы перекрыть грохот подземки.

— Не будем углубляться в детали. Пэдди, это доктор Мэнсфилд. Джерри, познакомься с Пэдди... Эй, Пэдди, я забыл твою фамилию.

— Фрэнсис К. Хьюз, — представился бармен, вытерев руку и протянув ее гостю. — Рад познакомиться с другом профессора Уорнера.

— Я тоже рад встрече с вами, мистер Хьюз.

— Называйте меня Пэдди, как все. А вы действительно один из тех ученых, которые создали атомную бомбу?

— Боюсь, что так.

— Да простит вас Господь. И вы тоже из Нью-Йоркского университета?

— Нет, я перебрался в новую лабораторию Брукхэвена.

— Ясненько.

— Бывали там когда-нибудь?

Хьюз покачал головой:

— Единственное место, куда я езжу, так это домой, в Бруклин. Но я читаю газеты.

— Пэдди привык к подушкам и тапочкам, — объяснил Уорнер. — Слушай, старина, а что ты будешь делать, если они сбросят бомбу на Нью-Йорк? Ведь тогда твой распорядок, пожалуй, нарушится.

Бармен поставил перед ними заказанные напитки и налил себе пива.

— Если это все, что мне угрожает, то я, пожалуй, доживу до глубокой старости, не слезая со своей диванной подушки.

На секунду веселое лицо профессора Уорнера омрачилось; он посмотрел на свой бокал, словно джин в нем внезапно превратился в полынь.

— Хотел бы я иметь твой оптимизм, Пэдди, но у меня его нет. Рано или поздно это все равно произойдет.

— Не надо шутить такими вещами, профессор.

— А я и не шучу.

— Опять решили посмеяться?

— Хотел бы, да не могу. Спроси его, создателя этой чертовой штуки.

Хьюз вопросительно поднял брови, и Мэнсфилд пояснил:

— Я вынужден согласиться с профессором Уорнером. Они могут сделать это... я имею в виду атомную бомбардировку Нью-Йорка. *Я знаю*. Это не предположение, это уверенность. Раз они могут это сделать, я уверен, они это *сделают*.

— Кто такие «они»? — спросил бармен. — Вы имеете в виду русских?

— Не обязательно. Любого, кто разработает оружие, способное уничтожить нас.

— Все верно, — согласился Уорнер. — Каждому хочется пнуть толстого богатого мальчишку. Нам завидуют и нас ненавидят. Нас не размазали до сих пор только потому, что ни у кого не было такой возможности — пока не было!

— Одну минуту, джентльмены... — вмешался Хьюз. — Я вас не понимаю. Вы говорите, что кто-то — не важно кто — хочет сбросить атомные бомбы на Нью-Йорк? Но как они их сделают? Разве производство атомного оружия не держится в секрете? Или вы думаете, что, пока мы считали ворон, какой-то хитрый шпион орудовал у нас под носом?¹

Мэнсфилд взглянул на Уорнера, повернулся к бармену и мягко сказал:

— Мне очень жаль смущать ваш душевный покой, мистер Хьюз, то есть Пэдди, но в этой области нет никаких секретов. Любая страна, которая пойдет на определенные трудности и затраты, может создать атомную бомбу.

— Это официальное мнение, — добавил Уорнер, — и поскольку в мире торжествует политика силы, то совершенно ясно, что над созданием атомного оружия сейчас работает целая дюжина стран.

¹ В момент написания рассказа до ареста советского шпиона Клауса Фукса и раскрытия Розенбергов оставалось еще три года. — *Примеч. С. В. Голд.*

Хьюз смутился, но затем его лицо прояснилось.

— А-а, я понял, что вы хотите сказать. Конечно, со временем они могут докопаться до решения задачи сами. Но в таком случае, джентльмены, позвольте налить вам еще по одной, и давайте выпьем за крушение их надежд. Не стоит волноваться о том, что может произойти через двадцать лет. При нынешнем сумасшедшем движении на дорогах ни один из нас, вероятно, столько не протянет.

Мэнсфилд удивленно поднял брови:

— А почему именно двадцать лет, Пэдди?

— Ну... Кажется, я читал что-то в газетах. Так говорил тот генерал... как его? Главный босс во всем этом ядерном бизнесе.

Мэнсфилд небрежным взмахом руки послал генерала подальше:

— Чушь! Его оценка совершенно безосновательна. Типичное патриотическое бахвальство. Времени почти не осталось.

— Что значит — почти? — спросил Хьюз.

Мэнсфилд пожал плечами.

— А что бы ты сделал, Пэдди, — с любопытством поинтересовался Уорнер, — если бы узнал, что какая-то страна, из тех, что нас не любят, уже изготовила атомную бомбу?

По стойке прошелся кот — любимец бара. Хьюз задумчиво скормил ему ломтик сыра и ответил:

— У меня нет вашего образования, джентльмены, но Пэдди Хьюз не дурак. Если кто-нибудь пустит в ход эти дьявольские штучки, то Нью-Йорк можно считать обреченным. Америка держит марку чемпиона, и, если какой-нибудь новый задира претендует на победу, ему придется сокрушить ее, а значит, Нью-Йорк будет тем самым местом, куда он пальнет в первую очередь. Но даже у Рас-тяпы, — он ткнул пальцем в пухлого кота, — хватит ума удрать из горящего дома.

— Ну хорошо, а что ты сможешь сделать в такой ситуации? Как думаешь?

— Мне не надо «думать», я и так *знаю*, что я буду делать. То же самое, что и раньше. Когда я был молод и пар-

ни в коричневых рубашках дышали мне в спину, я сел на пароход и даже не подумал обернуться... и любой при желании мог забрать все мое барахло — ну и черт с ним!

Уорнер тихо рассмеялся:

— Да, ты парень что надо, Пэдди. Но я не верю, что ты повторишь это еще раз: не тот возраст. Ты по шею зарылся в свою колею, и она тебе нравится — как и мне, и еще шести миллионам человек в этом городе. Вот почему децентрализация — это какая-то фантазия.

Хьюз кивнул:

— Да, это будет тяжело.

Он-то знал, как будет тяжело. После стольких лет бросить уютный гриль-бар старого Шрайбера, уйти и знать, что сам Шрайбер не сможет справиться с работой и потеряет всех постоянных клиентов. Тяжело терять друзей по церковной скамье, тяжело расставаться с домом, где прямо за углом могила Молли. И если города будут разрушены, людям придется вернуться к сельскому хозяйству. А он, уезжая в новую страну, обещал себе, что никогда, никогда, никогда больше не возьмется за надрывный труд пахаря. Но возможно, если погибнут города, то землевладельцев тоже больше не останется? Пусть даже придется пахать, но, по крайней мере, не на хозяина. Конечно, все равно будет трудно... и могила Молли останется где-то под грудami щебня.

— Но я бы ушел.

— Ты думаешь, что сможешь это сделать.

— Я даже не вернусь в Бруклин, чтобы поменять рубашку. А выручка за неделю у меня здесь. — Он похлопал по карману жилета. — Схвачу шляпу и пойду. — Бармен повернулся к Мансфилду. — Скажите правду, доктор... если не через двадцать лет, то когда?

Мэнсфилд достал листок бумаги и начал что-то вычислять. Уорнер хотел вставить слово, но Хьюз остановил его.

— Не сейчас, пусть он закончит! — резко сказал он.

— Только не давай ему задурить себе голову, Пэдди, — с иронией проворчал Уорнер. — После Хиросимы он даже по ночам работает над этим вопросом.

Мэнсфилд поднял голову:

— Все верно. Я постоянно надеюсь получить другой ответ. Но никак не удастся.

— Так *какой* же ответ? — настаивал Хьюз.

— Пэдди, вы, конечно, понимаете, — нерешительно начал Мэнсфилд, — что проблема включает в себя множество факторов, не все из которых определены окончательно. Во-первых, для создания атомного оружия нам потребовалось четыре года. Но у нас более чем хватало денег и людей — такого не может себе позволить ни одна страна, за исключением, возможно, России. Так что, по идее, еще десяток-другой лет мы могли бы жить спокойно. Но это только «по идее». На самом же деле все гораздо хуже. Военный департамент опубликовал отчет, «Доклад Смита» — возможно, вы слышали? — в котором любой, кто умеет читать, найдет все принципы ядерного оружия, разве что за исключением окончательных формул. Так вот, обладая этим отчетом, компетентными людьми, урановой рудой и значительно меньшей суммой денег, чем затратили мы, любая страна может изготовить бомбу за куда меньшее время, чем нам понадобилось.

Хьюз покачал головой:

— Мне не нужно объяснений, доктор. Я просто хочу услышать ваш ответ. Сколько осталось?

— Мне лишь хотелось объяснить, почему ответ будет таким неопределенным. Я думаю, от двух до четырех лет.

Бармен тихо присвистнул:

— Два года. Еще два года, а потом надо уходить и начинать новую жизнь.

— Нет-нет, мистер Хьюз! — возразил Мэнсфилд. — Два года, но не с сегодняшнего дня, а с момента падения первой бомбы.

Хьюз нахмурился в отчаянной попытке понять.

— Позвольте, джентльмены, — запротестовал он, — так ведь с тех пор, как упала первая бомба, прошло уже *больше* двух лет.

— В том-то и дело.

— Не ломай себе голову, Пэдди, — попытался успокоить его Уорнер. — Бомба сама по себе ничего не значит.

Возможно, пройдет еще лет десять, прежде чем кто-то разработает робот-носитель, который можно будет запускать через Северный полюс или из-за океана и который доставит атомную бомбу в какой-то конкретный город. А пока что нам грозят лишь обычные бомбардировки с самолета, то есть бояться особенно нечего.

Мэнсфилд сердито засопел:

— Ты сам это начал, Дик. Так что же ты теперь льешь ему на уши успокоительный сиропчик? Наша страна открыта со всех сторон, и, чтобы превратить ее в Перл-Харбор, не нужно никаких фокусов вроде управляемых ракет. Бомбы можно тайно привезти сюда и взорвать с помощью телеуправления. Возможно, прямо сейчас какое-то грузовое судно бросает якорь в гавани Ист-ривер...

Уорнер уныло опустил плечи:

— Конечно ты прав.

Хьюз отбросил полотенце:

— Вы хотите сказать, что Нью-Йорк может взлететь на воздух прямо сейчас или в любую минуту?

Мэнсфилд кивнул.

— Так оно и есть, — сказал он спокойно.

Бармен перевел взгляд с одного посетителя на другого. Кот прыгнул вниз, потерялся о его лодыжку и замурлыкал. Хьюз отодвинул его ногой.

— Да вы меня просто разыгрываете! Брехня все это!

— Почему же?

— Потому! Если бы вы говорили всерьез, стали бы вы сидеть здесь и пьянствовать? Просто вам захотелось подурачиться и подшутить надо мной. Я, конечно, не найду ошибки в ваших рассуждениях, но вы же сами не верите в то, что говорите.

— Хотел бы я не верить, — прошептал Мэнсфилд.

— Мы верим, Пэдди, — сказал Уорнер. — И честно говоря, я лично собираюсь слинять отсюда. Я уже разослал письма в полудюжину провинциальных колледжей и только жду момента, когда закончится мой контракт. А док Мэнсфилд просто не может уехать. Здесь его лаборатория.

Хьюз задумался, а затем покачал головой:

— Нет, какая-то ерунда. Ни один человек в здравом уме не станет цепляться за работу, если при этом приходится сидеть на электрическом стуле и ждать, когда охранник повернет рубильник. Вы водите меня за нос.

Мэнсфилд словно не заметил его слов.

— В любом случае, — сказал он Уорнеру, — политические факторы могут на какое-то время отсрочить нанесение удара.

Уорнер яростно вскинул голову.

— И кто теперь льет на уши сиропчик? Политические факторы лишь ускоряют события, а не задерживают. Если какая-то страна задумает сокрушить нас, она обязательно сделает это быстро, с первого раза, чтобы мы не успели раскрыть ее планы и нанести упреждающий удар. Они будут спешить, пока мы не разработали настоящее оборонительное оружие — если это вообще возможно.

Мэнсфилд выглядел больным и усталым.

— Да, ты прав. Я просто сам себя подбадриваю. Мы так и не создали предупредительной системы; у нас нет никакой реальной обороны. От атомного взрыва можно спастись только одним способом — оказаться там, где его нет. — Он повернулся к бармену. — Налей еще по одной, Пэдди.

— А мне сделай «Манхэттен», — добавил Уорнер.

— Минуточку. Профессор Уорнер, доктор Мэнсфилд, вы действительно не обманываете меня? И каждое ваше слово вы можете подтвердить, как перед Богом?

— Это такая же истина, как то, что ты стоишь перед нами, Пэдди.

— А доктор Мэнсфилд... Профессор Уорнер, вы доверяете выкладкам доктора Мэнсфилда?

— В Соединенных Штатах нет человека более осведомленного. И его оценка верна, Пэдди.

— Ладно, все ясно... — Хьюз посмотрел в ту сторону, где у дальней стены клевал носом над кассовым аппаратом его работодатель, и громко свистнул. — Эй, Шрай-

бер! Давай сюда, за стойку! — И Пэдди начал стягивать передник.

— Подожди, — удивился Уорнер. — Ты куда? Я же заказывал «Манхэттен»!

— Смешай себе сам, — ответил Хьюз. — Я ушел. — Он схватил шляпу, повесил на другую руку плащ и исчез за дверью.

Через сорок секунд он садился на городской экспресс. Выйдя на тридцать четвертой улице, он уже через три минуты купил себе билет на запад. А еще через десять минут Хьюз почувствовал, как поезд тронулся в путь, увозя его из огромного города.

Меньше чем через час им овладели сомнения. А не слишком ли он поспешил? Профессор Уорнер прекрасный человек, но он не раз откалывал такие шутки — закатывается! Вдруг это просто розыгрыш? Что, если Уорнер сказал своему приятелю: давай, мол, похохмим и напугаем старого ирландца до потери пульса?

А еще он забыл попросить кого-нибудь подкармливать кота. У Растяпы слабый желудок, но кого это волнует, кроме Пэдди Хьюза? И могила Молли... в среду он должен был прополоть траву. Конечно, отец Нельсон по доброте душевной позаботится о том, чтобы кто-то полил цветы, но все же...

Когда поезд остановился в Принстоне, Пэдди выбежал из вагона и нашел телефон. В уме уже крутились слова, которые он хотел сказать профессору Уорнеру. Время сейчас обеденное, думал он, и, возможно, эти джентльмены решили остаться в баре и заказать по бифштексу. «Профессор Уорнер, — скажет он, — вы отличный парень, и я первый признаю, что ваша шутка была превосходна, я даже оплачу вашу выпивку, но только скажите как мужчина мужчине: неужели в том, что вы и ваш друг мне говорили, есть *хоть доля* правды?»

«И тогда я успокоюсь», — подумал он.

Наконец его соединили с баром; в трубке раздался раздраженный голос Шрайбера:

— Алло, кто говорит?

Внезапно линия отключилась. Хьюз подергал рычаг. Ему ответил оператор:

— Одну минуту, извините... Это оператор Принстона. Вы звоните в Нью-Йорк?

— Да. Я...

— У нас временные неполадки на линии. Будьте добры, повесьте трубку и перезвоните через несколько минут, пожалуйста.

— Но я просто хотел спросить...

— Будьте добры, повесьте трубку и перезвоните через несколько минут, *па-а-жалста!!!*

Выходя из телефонной будки, Хьюз услышал крики. Он закрыл за собой дверь — и увидел огромный, величественно прекрасный, золотой с пурпурными пятнами гриб, который поднимался к небесам с того места, где прежде находился Нью-Йорк.

НА ЛУНЕ БЕЗ ПРОИСШЕСТВИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассказ был написан за двадцать один год до того, как доктор Нил Армстронг совершил «маленький шаг для человека и огромный скачок для человечества», однако по всем ключевым пунктам эта история ничуть не устарела (пока). Разумеется, мы не знаем, существуют ли на Луне «утренние сияния» или участки, где надо обувать гибрид лыж и снегоступов. Но лунная поверхность по площади не уступает Африке, а исследовали на ней территорию меньше Кейптауна — десяток человек и всего лишь несколько дней в общей сложности. Первые межпланетные экспедиции успеют вернуться с Проксимы Центавра и Тау Кита, а мы по-прежнему будем исследовать Луну и открывать для себя все новые чудеса.

Этот рассказ можно отнести к условному циклу «История будущего». Перед вами — очередной пример моей тянущейся еще с послевоенного периода попытки выйти за рамки научно-фантастической палп-прозы. От самого направления палп грех отказываться, очень удобная штука: пишешь книгу, разбиваешь ее на три-четыре части и продаешь как «роман с продолжением» непосредственно перед публикацией книги. Подобное я проделал с десятком романов в сороковые и пятидесятые. За всю карьеру сугубо для палпа я сочинил только «Бездну», предназначенную для специального, «пророческого», выпуска «Astounding».

Deus volent¹ я хотел бы когда-нибудь собрать все рассказы про бойскаутов в одну книгу — точно так же, как рассказы о Падди.

¹ С Божьей помощью (лат.). — Примеч. С. В. Голд.

— Ребята с Земли все больно уж наглые!

Мистер Эндрюс хмуро посмотрел на старшего руководителя отряда бойскаутов:

— Детский сад, Сэм. И потом, это не ответ. Я-то надеялся застать отряд готовым к походу, а вместо этого вижу, как вы тут собачитесь с новобранцем. Не стыдно? Вы ведь оба «орлы». Из-за чего сыр-бор?

Сэм нехотя протянул газетную вырезку:

— Вот.

Статья из «Колорадо скаутинг ньюс» сообщала:

Отряд 48, Денвер
МЕСТНЫЙ БОЙСКАУТ ЖАЖДЕТ
ЗАОБЛАЧНОЙ СЛАВЫ

Брюс Холлифилд, скаут-«орел», вместе с семьей отправляется на Южный полюс, Венера. Те, кто знают, и даже те, кто не знают Брюса, не сомневаются: он в два счета получит звание венерианского «орла». Перед полетом на Венеру Брюс проведет три недели в Луна-Сити. В последнее время Брюс вовсю пашет, чтобы получить звание лунного скаута и даже заработал нашивку за эксплуатацию скафандра в вакуумной камере космопорта Пайкс-Пик. Под натиском нашего корреспондента Брюс признал, что за время пребывания на Луне рассчитывает пройти все испытания на лунного «орла».

Если все сложится — а мы верим в Брюса! — у него есть все шансы стать первым трижды «орлом» в истории.

Дерзай, Брюс! Денвер тобой гордится. Покажи этим лунатикам, кто здесь настоящий скаут.

Мистер Эндрюс оторвал взгляд от заметки:

— Откуда это?

— Кто-то прислал Крошке.

— И?

— Ну, мы все это прочитали, и, когда Брюс пришел, ребята начали над ним прикалываться. Он и взбесился.

— А ты почему не пресек?

— Ну... в общем, я тоже участвовал.

— Сэм, наш писака отправляет в печать точно такие же глупости. Брюс не писал этой ерунды, и у вас, макаки,

не было повода отравлять ему жизнь. Ладно, пришли его ко мне. И сделай перекличку.

— Слушаюсь, сэр. Хм, мистер Эндрюс...

— Ну, говори.

— Как *по-вашему*, он и впрямь сдюжит лунного «орла» за три недели?

— Нет, и мы с ним это обсуждали. Хотя упорства у него на зависть. Пока не забыл — назначаю тебя инструктором.

Новоявленный инструктор изменился в лице:

— Меня?

— Именно. Ты здорово меня подвел, Сэм, зато теперь есть шанс реабилитироваться. Уяснил?

Сэм сглотнул:

— Так точно, сэр.

— Давай сюда Холлифилда.

Парень с Земли стоял в полном одиночестве и делал вид, что изучает доску объявлений. Сэм тронул его за плечо:

— Командир вызывает.

Брюс развернулся и молча проследовал к дверям. Сэм только пожал плечами и гаркнул:

— Ракетный патруль, становись!

— Лунный патруль, становись! — вторил ему Спиди Оуэнс.

Под конец переклички из кабинета возник мистер Эндрюс в сопровождении озадаченного Брюса.

— Мистер Эндрюс сказал — я поступаю в ваше распоряжение, — обратился он к Сэму.

— Все верно.

Оба «орла» настороженно уставились друг на друга.

— Слушай, Брюс, предлагаю начать с чистого листа, — нарушил паузу Сэм.

— Годится.

— Отлично. Держись меня и мотай на ус.

По сигналу скаут-мастера Сэм рывкнул:

— В шеренгу по двое становись! За мной.

Первый отряд протиснулся в дверь, погрузился на пешеходную дорожку и покатил к Восточному шлюзу.

Там, возле стеллажа со скафандрами, их уже ждали Чабби Шнайдер, квартирмейстер отряда, и двое его помощников. Повсюду горами громоздилось снаряжение: провиант, канистры с водой, огромные баллоны с воздушной смесью, мотки тяжелой проволоки, стальной барабан — словом, все, что может понадобиться первопроходцам на безвоздушной поверхности Луны.

— Чабби, экипируй парня, — попросил Сэм, представив Брюса квартирмейстеру.

— Думаю, новый комплект от «Дженерал электрик» ему подойдет.

Сэм взял с полки скафандр. Выполненный из обогащенного стеклополотна с серебристо-белым алюминиевым напылением костюм сверху донизу застегивался на молнию и выглядел роскошно. Брюс заметил табличку с надписью: «ПРЕДОСТАВЛЕНО КЛУБОМ „КИВАНИС“, ЛУНА-СИТИ».

Круглый пластиковый шлем тоже был покрыт серебристым напылением, за исключением прорезей для глаз — прозрачных, но сильно затемненных.

Униформа Брюса была убрана в шкафчик; Чабби вручил новобранцу комбинезон свободной вязки. Вдвоем с Сэмом они запихнули Брюса в скафандр, а Чабби достал пояс с инструментами.

Пояс крепился к скафандру двумя горизонтальными молниями, для верхнего края пояса было предусмотрено несколько ответных полос молнии — чтобы можно было собирать ткань в складки. Они закрепили ремень так, чтобы сделать складку максимальной.

— Ну как? — поинтересовался Сэм.

— Воротник врезается в плечи, — пожаловался Брюс.

— Под давлением пройдет. Если оставить зазор, голова вылетит из шлема, как пробка. — Сэм нацепил на него снаряжение с кислородом, водой и радиостанцией.

— Чабби, проверить давление.

— Сначала переоденемся.

Пока Чабби и Сэм одевались, Брюс отыскал на воротнике впускной и вытяжной воздушные клапаны, перепускной клапан с внутренней стороны воротника, а рядом с ним — трубочку для подачи воды. Сделав глоток, он принялся изучать пояс.

Сэм и Брюс надели шлемы. Сэм проверил рацию новичка, прикрепил к его уху датчик уровня кислорода в крови и зафиксировал шлем.

— Контролируй давление, — предупредил он, и его слова эхом отдались в шлеме Брюса.

Тем временем Чабби подсоединил шланг от настенного датчика давления к впускному клапану на скафандре Брюса.

Вскоре Брюс почувствовал, что воротник поднимается. Внутри скафандра повеяло затхлостью, шлем запотел. На тридцати фунтах Чабби отключил подачу и проверил показатели.

К троице присоединился мистер Эндрюс — исполинская фигура, увенчанная серебристой сферой, с шестифунтовым снаряжением за спиной.

— Давление стабильно, сэр, — доложил Чабби.

Сэм подключил подачу воздуха их баллонов.

— Открой впускной и надави подбородком на клапан, пока не задохнулся, — велел он.

Брюс подчинился. Затхлый воздух вырвался наружу, влага испарилась. Сэм ловко отрегулировал клапаны и ткнул в датчик уровня кислорода, пришпиленный к поясу:

— Следи за стрелкой. Поддерживай состав воздуха, чтобы она оставалась в белом поле, не используя клапан сброса.

— Знаю.

— Тем не менее повторю. Зашкалит на красное — и оправдываться будешь перед апостолом Петром.

— Какой груз ему определили? — спросил скаут-мастер.

— Думаю, фунтов триста достаточно.

Брюс быстро прикинул в уме: при одной шестой гравитации он вместе со всем снаряжением и скафандром потянет на пятьдесят футов.

— Выдайте мне полный объем, — возразил он.

— Мы здесь решаем, как лучше, — отрезал скаут-мастер. — Шевелитесь, отряд ждет, — бросил он напоследок и вышел.

Сэм отключил рацию и приблизил свой шлем вплотную к Брюсу.

— Не обращай внимания, — шепнул он. — Старик всегда нервничает перед вылазкой.

Они быстро снарядили новичка: запасной воздух, бутылки с водой, коробка с продовольствием, широкие короткие лыжи и лыжные палки; подвесили полевое снаряжение, аптечку первой помощи, геологический молоток, два альпинистских троса, сумку со скальными крюками и кольцами, фонарик, нож. Лунные скауты выстроились в полной экипировке.

— Вперед, — скомандовал Сэм.

Мистер Эндрюс вручил оператору шлюза список и шагнул внутрь; трое скаутов последовали за ним. Брюс почувствовал, как раздувается скафандр, когда воздух из шлюза начал возвращаться в подземный город. Загорелся зеленый огонек, мистер Эндрюс открыл наружную дверь, и Брюс впервые узрел безвоздушную лунную равнину.

И едва не ослеп. Равнина сияла под палящим солнцем. Цепочка остроконечных гор вдалеке чудилась нарисованной кистью нерасторопного художника. Чтобы дать передышку глазам, Брюс обратил взгляд к небу.

И у него закружилась голова. Никогда ему не приходилось видеть такого неба, полного сияющих звезд, не приглушенных атмосферой. Небо было чернее черного, усыпанное колкими алмазными огнями.

— Шагом марш! — зазвенел в шлеме голос скаут-мастера. — С пятки на носок. Джек Уиллс, назначаешься проводником.

Огромными порхающими скачками, преодолевая по пятнадцать футов зараз, паренек отделился от спутников и замер в сотне ярдов. Отряд выстроился в длинную шеренгу в пятидесяти ярдах позади него. Проводник дал отмашку, и группа тронулась в путь.

Мистер Эндрюс в компании другого скаута поравнялся с парочкой отстающих.

— Спиди поможет, — обратился он к Сэму, — пока Брюс не обвыкнется. Подгоняйте его. Такими темпами мы далеко не уедем.

— Подгоним, сэр.

— В крайнем случае понесем, — добавил Спиди.

Скаут-мастер огромными прыжками догнал отряд. Брюс хотел последовать его примеру. Со стороны это выглядело легко — все равно что летать. Понесут они, еще чего! Однако Сэм уже схватил его за левый ремень, а Спиди — за правый.

— Ну, поехали! — сказал Сэм. — Не отрывай ноги от земли и постарайся попадать с нами в такт.

Брюс ни секунды не сомневался в успехе, уверенный, что за три дня в коридорах Луна-Сити вполне приспособился к малой гравитации. А его вздумали водить за ручку, как младенца, — стыд и позор.

Не будет этого — он легкий, как птица! Правда, с пятки на носок получалось неважно, ноги разъезжались. Под горку скорость увеличилась. Внезапно земля ушла из-под ног. Брюс в панике выставил руки. И повис вниз головой под дружный хохот наставников.

— Какого черта? — возмутился он, когда его вернули в вертикальное положение.

— Не отрывай ноги от земли.

— Сам бывал на Земле, знаю, каково тебе, — утешил Спиди. — Здесь масса не совпадает с весом, а мышцы еще не привыкли. Весишь ты с ребенка, а инерция как у толстяка.

Брюс предпринял новую попытку. Остановки и повороты наглядно демонстрировали, о чем говорил Спиди.

Снаряжение за спиной было легким как перышко, но, если не отклоняться на поворотах, его веса хватало, чтобы опрокинуть носильщика даже при ходьбе. И оно *опрокидывало* его несколько раз, пока он не освоился.

— Вприпрыжку рискнешь? — спросил Сэм, понаблюдав за подопечным.

— Попробую.

— Ладно, но запомни: захочешь повернуть — сначала притормози, иначе покатишься кубарем. Спиди, на восемь миль — ать-два.

Брюс усердно повторял за наставниками. Длинные скользящие шаги, как будто летишь по воздуху. Нет, не как будто — *действительно* летишь! Вверх!.. скользишь... касаешься земли и снова вверх. Лучше, чем кататься на лыжах или коньках.

— Эй! — осадил его Сэм. — Не заводи ноги назад.

Вскоре тройца догнала отряд и по приказу мистера Эндрюса сбавила темп.

Иллюзорные горы приближались; Брюс двигался с такой сноровкой, словно летал всю жизнь.

— Сэм, мне попробовать самостоятельно? — поинтересовался он у наставника.

— Почему нет? Последние пару миль ты точно справлялся без нашей помощи.

— Правда?

Сэм не соврал, и Брюс почувствовал себя коренным лунатиком.

— Шагом! С пятки на носок! — раздался чуть погодя мальчишеский голос.

Отряд подчинился. На пригорке, задрав над головой лыжи, маячил разведчик. Скауты застыли как вкопанные и принялись отвязывать лыжи. Впереди виднелась широкая впадина, наполненная мягкой пылью.

Брюс обернулся к Сэму и впервые увидел западный край неба.

— Св... сверчок Джемини меня подери! — вырвалось у него.

Над отдаленной крышей Луна-Сити нависла Земля в половине фазы. Она была круглая, зеленая и очень красивая, намного больше Луны и неизмеримо более прекрасная из-за зелени лесов, коричневых пятен пустынь и яркой белизны облаков.

— Пятнадцать часов, — констатировал Сэм, окинув планету опытным взглядом.

Тщетно Брюс пытался определить время — рассветная линия почему-то пролегла через океан, и это сбивало с толку. Пришлось обратиться к Сэму за помощью.

— Хм. Видишь яркую точку на темной стороне? Это Гонолулу, отсюда и пляши.

Брюс корпел над задачей, пока пристегивал лыжи. Потом встал и ловко развернулся, ухитрившись не запутаться в полозьях.

— Хм, — сказал Сэм, — а у тебя есть опыт.

— У меня значок по лыжам.

— Ну, тут все немного по-другому. Шаркай потихонечку и старайся не упасть.

Брюс решил любой ценой удержаться на ногах. Наклонившись, он набрал пригоршню невесомой пыли и пропустил сквозь пальцы. Хлопьевидное вещество даже не комкалось. Он задумался: почему?

Мистер Эндрюс отправил Спиди прокладывать лыжную; Брюс вместе с Сэмом присоединились к отряду. Новобранец с трудом поспевал за товарищами. Рыхлая почва разлеталась в разные стороны и долго не оседала; казалось, она плавает в воздухе — пока лыжная палка, проходя сквозь такое облако, не оставляла в нем дыру с ровными краями, никак не потревожив всего остального.

Шеренга описала широкую дугу влево и снова вернулась на проторенную тропу. Справа зиял круглый котлован диаметром в пятьдесят ярдов; сколько Брюс ни присматривался, так и не сумел различить дна. Он замедлил шаг, намереваясь обратиться за разъяснениями к Сэму, но тут же раздался оклик скаут-мастера:

— Никаких остановок, Брюс! Шагай!

Прошло немало времени, прежде чем Спиди крикнул:
— Твердая почва!

Скауты стянулись к обозначенному месту и начали отстегивать лыжи. Брюс отключил рацию и прислонил шлем к шлему наставника:

— Не в курсе, почему командир так разорался?

— Из-за утреннего сияния. Страшная вещь.

— Что еще за сияние?

— Нечто вроде сливного отверстия в раковине. Попадешь на склон, обратно не выберешься. Он уходит из-под ног — и ты на самом дне, засыпанный с головой. Так и будешь лежать, пока воздух не кончится. Куча геологов так сгинула. Выдвигались в одиночку, обратно, скорее всего, шли по темноте.

— Почему обязательно сгинули? Свидетелей же нет.

— Сам посуди: туда следы есть, а обратно нет.

— О! — Брюс пристыженно замолчал.

Отряд пустился вскачь. Горы становились все ближе, их шпиль уходили высоко в небо.

— Привал, — скомандовал мистер Эндрюс. — Сэм, разбить лагерь западнее гряды. Брюс, смотри и учись.

Под лагерьем подразумевалась герметичная палатка, натянутая на сборный каркас из плетеной проволоки (извели ее без малого полкатушки). Огромный рюкзак скаут-мастера оказался ее оболочкой.

К напольной раме прикрепили остов, зафиксировали по углам, сверху положили асбестовую подкладку. Затем поставили полукруглый каркас крыши и стен. Потуже затянув соединения гаечным ключом, Сэм велел расстелить оболочку. Стальной цилиндр шлюзовой камеры поместили в каркас и герметично состыковали с оболочкой. Параллельно двое скаутов соорудили солнцезащитный тент.

Пятеро ребят на четвереньках залезли в палатку и выпрямились, задрав руки к потолку. Остальные принялись затаскивать снаряжение, за исключением палок и лыж. Мистер Эндрюс вошел последним и задраил за собой шлюз. Металлический каркас блокировал радиосигналы,

поэтому Сэм подключил свой шлем к разъему на шлюзе телефонным кабелем.

— Проверка связи, — сказал он.

Брюс услышал ответ, который протранслировал передатчик Сэма:

— Начинаем надувать.

— Понял.

Оболочка раздулась, заполнив каркас.

— Давай теперь ты, Брюс, — сказал Сэм, — тут осталось только поправить тент.

— Лучше понаблюдаю.

— Как скажешь.

Тент представлял собой хлипкие жалюзи, натянутые поверх палатки.

Сэм приоткрыл ламели.

— Внутри мороз из-за расширяющегося газа, — пояснил он. — Но помещение быстро прогреется.

Через некоторое время, получив по телефону новое указание, Сэм немного прикрыл жалюзи.

— Иди внутрь, — посоветовал он Брюсу. — Температура нормализуется не раньше чем через полчаса.

— Пожалуй, так и сделаю. Голова кружится, — признался Брюс.

Сэм внимательно на него посмотрел:

— Перегрелся?

— Наверное.

— Правильно, ты слишком долго проторчал на солнце. Воздух не циркулировал. Сейчасотрегулируем. — Сэм пошире раскрыл впускной клапан на скафандре Брюса. — А теперь внутрь.

Преисполненный благодарности, Брюс задом втиснулся в палатку и выпрямился во весь рост. Двое скаутов тут же взяли его под мышки, закупирили клапаны, разгерметизировали шлем и стянули скафандр. Попутешествовав из рук в руки, скафандр благополучно повис на крючке. Брюс с любопытством огляделся.

От шлюза до ширмы, отгораживавшей санитарный блок, тянулись лампы дневного света. Рядом с блоком

были развешаны шлемы и скафандры. Скауты расположились вдоль стен. У входа дежурный с датчиком кислорода на ухе следил за показаниями кондиционера. Мистер Эндрюс по телефону докладывал Сэму о малейших изменениях. В центре длинного помещения Чабби организовал пищеблок.

— Садись, — помахал он Брюсу. — Сейчас заморим червячка.

Двое скаутов подвинулись, освобождая место. Брюс сел.

— Бывал в Йеле? — поинтересовался у него сосед. Землянин покачал головой.

— А я вот собираюсь. У меня там брат.

Брюс почувствовал себя как дома.

К появлению Сэма Чабби выложил на стол дымящуюся ароматную тушенку, хлеб в вакуумной упаковке и брикеты персикового мороженого.

Брюс про себя решил, что работа у лунных скаутов — не бей лежачего.

После ужина горнист заиграл на губной гармошке. Брюс привалился к стене, ощущая приятную дремоту.

Из объятий Морфея его вырвал оклик:

— Холлифилд! Проверим твои навыки оказания первой помощи.

Добрых тридцать минут Брюс демонстрировал, как накладывать воздушные жгуты и экстренные заплатки на скафандр, как делать искусственное дыхание человеку в скафандре, какие меры принимать при солнечном ударе, кислородном голодании и переломах.

— Неплохо, — резюмировал скаут-мастер. — И напоследок: как поступить, если у человека треснул шлем?

Брюс на секунду замешкался и выпалил:

— Наверное, сразу закопать.

— Верно, — согласился скаут-мастер. — Поэтому шлем беречь как зеницу ока. Ладно, народ, — шесть часов сна. Сэм, распредели дежурство.

Сэм разделил вахты на шестерых ребят, включая себя.

— А мне дежурить не положено? — спросил Брюс.

— Нет, — вмешался мистер Эндрюс. — Сэм, тебя это тоже касается. Завтра возьмешь Брюса на парную вылазку, надо выспаться как следует.

— Вас понял, командир, — кивнул Сэм, поворачиваясь к Брюсу. — Дежурить — дело нехитрое, смотри и учись.

В ведомстве дежурного скаута находилось несколько приборов, однако, как и в случае со скафандрами, в приоритете оставался датчик уровня кислорода в крови. Спертый воздух проходил через емкость с оксидом кальция, где углекислый газ оседал в виде карбоната кальция. Далее очищенный воздух циркулировал через сухой гидроксид натрия, впитывавший водяные пары.

— Дежурный следит за тем, чтобы с кислородом все было в порядке, — продолжал Сэм. — Если что-то пойдет не так, он нас разбудит, и мы наденем скафандры.

Мистер Эндрюс цыкнул на них, чтобы ложились спать. Пока Брюс отстоял очередь к санитарному блоку и отыскал свободное местечко, гармоника протяжно запела: «День угас... Потухло солнце».

Странно было слышать «отбой», когда солнце по-прежнему стояло в зените. Но ждать целую неделю пока никто не станет. Вообще, у колонистов занятный распорядок: спать ложатся в детское время, встают в час ночи. Надо справиться у Сэма. Кстати, неплохой парень, только слегка зазнается. А еще непривычно спать на голом полу, хотя при малой гравитации особой разницы не чувствуется. Брюс по-прежнему размышлял об этом, когда по ушам ему резанула побудка в исполнении гармоники.

Позавтракали яичницей, приготовленной не выходя из палатки. Лагерь свернули, и меньше чем через час отряд тронулся в путь. Они направлялись в базовый лагерь, расположенный на склоне горы. Дорога шла через перевалы, огибая кратеры. Группа отмахала тридцать миль, Брюс уже успел проголодаться, как вдруг проводник скомандовал:

— Шагом! С пятки на носок!

Колонна проследовала в шлюз, расположенный на склоне горы.

В базовом лагере не было отполированных сводов Луна-Сити — просто герметичные пещеры, вырубленные в скале, зато у каждого отряда было свое хорошо оборудованное помещение. Воздух, как и в городе, обновлялся посредством гидропонного сада; здесь была солнечная электростанция и аккумуляторы, которых хватало на долгую холодную ночь.

Брюс наспех проглотил обед — ему не терпелось участвовать в парной вылазке. Экипировались как обычно, только вместо провизии взяли запас воздуха и воды. Специальным зажимом Сэм пришил к воротнику напарника походный паек.

Скаут-мастер осмотрел их перед выходом.

— Сэм, определился с маршрутом?

— Да. Выдвигаемся на юго-восток. Хочу разметить территорию.

— Хм, там сильно пересеченная местность. Обратно жду к полуночи, и не вздумайте соваться в пещеры.

— Есть, сэр.

Выбравшись наружу, Сэм облегченно вздохнул:

— Уф, пронесло! Я боялся, он запретит лезть в горы.

— А мы полезем?

— Конечно. Сдюжишь?

— У меня значок по альпинизму.

— Не важно, самое сложное я беру на себя. Ну, тронулись.

Вскоре путники добрались до выжженной солнцем равнины, отмахнув сначала по восемь миль, потом все двенадцать. Брюс не отставал ни на шаг и получал подлинное наслаждение от прогулки.

— А ты молодец, здорово придумал с вылазкой.

— Да брось, — отмахнулся Сэм. — Если бы не это, мне пришлось бы изолировать спортзал.

— Все равно спасибо, этот поход мне пригодится для значка за освоение Луны.

Некоторое время Сэм молчал.

— Слушай, Брюс, — наконец сказал он, — ты ведь не всерьез надеешься стать лунным «орлом»?

— Почему нет? Необязательные значки я уже заработал. Из обязательных осталось четыре самых специфических: «разбивка лагеря», «освоение Луны», «ориентирование на местности» и «разведка». Теорию я знаю наизуток, а сейчас практикуюсь.

— Не сомневаюсь в твоих познаниях, но в комиссии сидят тертые калачи. Звание «орла» они присваивают только аборигенам.

— Хочешь сказать, скаута с Земли они не пропустят?

— Можно и так выразиться. Все твои значки, по сути, лишь приложение к освоению Луны. Экзаменаторы — местные старожилы, вызубренными ответами их не проймешь. Они поймут, сколько ты здесь пробыл, и *поймут*, что твоих знаний недостаточно.

— Это несправедливо! — Брюс обдумал это. — Но так нечестно! — сказал он.

Сэм только хмыкнул:

— «Освоение Луны» — это не игра, это по-настоящему. «Выжил?» Один неверный ответ — и экзамен ты провалил. Закопают по самую маковку.

Брюс угрюмо молчал.

Впереди стеной вырастали горы. Сэм незамедлительно связался с базовым лагерем:

— Парсонс и Холлифилд, первый отряд, — просим определить направление.

— Один-один-восемь, — донеслось из передатчика. — Какая отметка?

— Пирамида из камней плюс записка.

— Вас понял.

Сэм сложил кучкой камни и накрыл вырванной из блокнота страничкой с указанием времени, даты и имен попутчиков.

— Отсюда начнем.

Дорога по каньону, никогда не служившему водной артерией, напоминала бесконечную полосу препятствий. Время от времени Сэм натягивал трос и только потом

звал за собой Брюса. Периодически останавливался и делал зарубки молотком. Затем путь им преградила скала высотой в пятьсот футов. От подножия на сто футов вверх тянулась совершенно гладкая отвесная поверхность.

— Мы и правда туда полезем? — завокнулся Брюс.

— Конечно. Смотри на дядюшку Сэмюела и учись.

Вертикальный участок венчал каменный выступ. Сэм скрепил два тросика между собой и попытался перекинуть через уступ. Дважды он промахивался и трос падал на землю. С третьей попытки удача ему улыбнулась.

Сэм вбил в скалу крюк, закрепил на нем стопорное кольцо и прицепил к нему трос. Потом кликнул на подмогу Брюса — вдвоем они со всей силы дергали трос за свободный конец с другой стороны, проверяя крюк на прочность. Наконец Брюс установил на тросе карабин с петлей, и Сэм начал восхождение.

Взобравшись на тридцать футов, он закрепился на тросе ногами, вбил новый крюк и привязал к нему страховочный трос. Этот трюк Сэм проделал дважды и, ухватившись за выступ, крикнул:

— Вербка свободна!

Брюс отвязал трос, и тот зазмеился вверх по склону.

— Страховка готова! — слышалось сверху.

— Проверка, — отозвался Брюс, сиюсь поймать спущенный канат.

— Лезь, — скомандовал Сэм.

— Лезу.

«Одна шестая гравитации — рай для альпинистов», — решил Брюс. По пути он останавливался лишь для того, чтобы отвязать страховочный трос.

Остаток пути Брюс вознамерился пройти первым, однако Сэм решительно пресек его инициативу. Как выяснилось, не зря. Земной и лунный альпинизм различались по трем ключевым параметрам; первый, малое притяжение, играл скалолазам на руку, а вот два других, напротив, затрудняли дело. Скафандр делал их неуклюжими и мешал сохранять равновесие, а прохождение «камина» или других мест, где нужно использовать колени или локти, грозило опасностью повредить скафандр.

Наконец они выбрались на каменистую площадку, окруженную остроконечными скалами, их зубцы ярко вырисовывались на фоне черного неба.

— Куда теперь? — спросил Брюс.

Сэм сверился со звездами и ткнул пальцем на юго-восток.

— По фотокартам в той стороне открытая местность.

— Отлично.

Они медленно ташились к своей цели: ухабистая поверхность не располагала к прыжкам. Брюсу чудилось, что они идут уже целую вечность, как вдруг они оказались на возвышенности, откуда открывался вид на Землю.

— Сколько времени?

— Почти пять, — откликнулся Сэм, взглянув вверх.

— Нам велено вернуться к полуночи, — напомнил Брюс.

— По моим подсчетам мы давно должны были добраться до цели, — признался Сэм.

— Думаешь, заблудились?

— Ни в коем случае! Дорога ведь размечена. Просто я никогда не был здесь раньше. Не думаю, что сюда вообще кто-то приходил.

— Еще полчаса — и возвращаемся?

— Годится.

Минут через сорок Сэм решил, что пора закругляться.

— Давай поднимемся вон на тот склон, — предложил Брюс.

— Ладно. — Сэм первым поднялся на вершину и крикнул: — Эй, Брюс! У нас получилось!

Брюс присоединился к напарнику и остолбенел:

— Ничего себе!

Двумя тысячами футов ниже простиралась мертвая лунная равнина, с трех сторон, кроме юга, ее обрамляли горы. В пяти милях два небольших кратера образовывали восьмерку.

— Теперь ясно, где мы, — объявил Сэм. — Те кратеры были на фотокартах. Сейчас спустимся, пройдем двадцать миль на юг, а потом на базу. Да, так и поступим. Что у тебя с кислородом?

У Брюса давление оказалось в норме, у Сэма, взявшего на себя большую часть нагрузки, — пониженное. Напарники поменяли баллоны и занялись подготовкой к спуску. Сэм вбил крюк, навесил на него кольцо, привязал к поясу трос и продел его в кольцо. Конец троса пропустил между ног, вокруг бедра, потом вдоль грудной клетки и перебросил через плечо к противоположной руке; получилось подобие веревочного сиденья. Закончив манипуляции, Сэм «зашагал» вниз по склону, понемногу вытравливая трос.

Добравшись до нижней площадки, он сообщил:

— Спуск свободен! — после чего развязал трос и протянул его обратно через кольцо.

Брюс смастерил сиденье и вскоре присоединился к наставнику.

Участки становились все отвеснее; теперь уже Сэм отправлял подопечного вперед, а сам подстраховывал сверху. Оставалось преодолеть последний отвесный обрыв.

— Похоже, мы застряли, — констатировал Брюс, бросив оценивающий взгляд вниз.

— Сейчас проверим.

Сэм связал все четыре троса и измерил высоту — нижний конец десятифутовой веревки едва дотягивался до валуна у подножия.

— Должно хватить, — кивнул Брюс, — но трос придется оставить.

— Стекловолокно стоит денег, — нахмурился Сэм. — Тросы с Земли.

— Тогда мы точно застряли.

Сэм исследовал каменную стену и вбил новый крюк:

— Я тебя опущу. На полпути вобьешь два крюка, к одному привяжешь трос, тогда я смогу перецепиться.

— Даже не думай, — запротестовал Брюс.

— Если потеряем тросы, нам с тобой голову оторвут, — возразил Сэм. — Давай, время идет.

— Все равно не нравится мне твоя затея.

— Не забывай, кто тут главный, — напомнил Сэм.

Брюс пожал плечами, пристегнул карабин и начал спускаться.

— Середина, — немного погодя сказал Сэм. — Свей мне гнездышко.

Брюс сместился вправо, но обнаружил лишь гладкую стену. Тогда он двинулся в обратном направлении и вскоре нащупал трещину.

— Зазор есть, но только один, — рапортовал он. — Сразу два крюка нельзя.

— Можно, только вбей подальше, — скомандовал Сэм. — Это хорошая скала.

Брюс нехотя подчинился. Острые легко вошло в расщелину, однако характерного звяканья — признака, что крюки надежно закрепились в скале, — не последовало. Закончив, он прикрепит трос.

— Спускаюсь!

Через пару минут он уже был внизу и отцеплял трос.

— Страховка свободна!

Брюс поспешил спуститься по рыхлому основанию скалы до ее подножия. Оказавшись на месте, он сообщил:

— Сэм! Здесь мягкий грунт.

— Ясно, — отозвался Сэм. — Теперь в сторонку.

Брюс отмахал вдоль скалы футов пятьдесят и наклонился пристегнуть лыжи. Затем он вышел на равнину, развернулся и стал наблюдать за напарником. Тот поравнялся с крюками — одна нога в люльке, на локте болтается бухта — и отсоединил трос. Потом продел свободный конец через второе кольцо, устроился в сиденье и перекинул трос через оба крюка — для самостраховки — и начал спуск.

Футах в ста от подножия Сэм вдруг замер.

— В чем дело? — насторожился Брюс.

— Карабин зацепился за кольцо, — сказал Сэм. — Сейчас исправим.

Сэм поднялся на фут и резко перебросил слабинку троса через кольцо.

В следующую секунду его тело изогнулось под невыносимым углом. Брюс услышал пронзительный вопль: «Камень!» — и только тогда сообразил, что произошло. Крюк не выдержал.

Второй крюк предотвратил падение — Сэм пролетел фута четыре и завис, широко растопылив ноги. Но его крик не был напрасным — Брюс увидел камень, падающий прямо на голову Сэма.

— Камень! — в свою очередь заорал Брюс.

Сэм поднял голову, сориентировался и оттолкнулся от скалы. Камень пролетел между ним и стеной. Брюс даже не понял, задело ли шлем. Сэм качнулся обратно, уперся ногами в скалу — и снова отклонился самым невероятным образом. Второй крюк тоже не справился с нагрузкой.

Сэм снова закричал:

— Камень! — и оттолкнулся от скалы.

Медленно кувыряясь в воздухе и набирая скорость, Сэм устремился вниз. Казалось, падение длится целую вечность.

Потом он ударился о землю.

Брюс запутался в лыжах и только чудом не упал. Усилием воли он взял себя в руки и осторожно двинулся к напарнику.

Отчаянный толчок Сэма уберег его от падения шлемом на камень. Он лежал, утонув в рыхлой пыли, нелепо задрав одну ногу вверх. Брюс с трудом подавил истерический смех.

Сэм не шелохнулся, пока Брюс пытался оттащить его в сторону. Очень мешали лыжи. Широко расставив ноги, Брюс наконец выволок наставника на твердую почву. Тот по-прежнему не открывал глаз, конечности обмякли, однако в скафандре еще оставалось давление.

— Сэм, Сэм! Ты меня слышишь? — надрывался Брюс.

Уровень кислорода упал до красной отметки. Брюс раскрыл впускной клапан, но тщетно — показатели не изменились. Перевернуть Сэма лицом вниз, пока он в шлеме, тоже не представлялось возможным. Вдобавок в таком положении не получится следить за датчиком, а снимать пояс некогда, каждая секунда на счету. Оставалось искусственное дыхание. Брюс отстегнул лыжи, сорвал с себя пояс.

Давление в скафандре затрудняло процесс, плотная оболочка мешала нащупать ребра. Однако Брюс продолжал давить: раз-два! раз-два!

Стрелка зашевелилась. Когда она основательно переползла в белую зону, Брюс убрал руки. Стрелка не отклонялась.

Губы Сэма дрогнули, но с них не сорвалось ни звука. Брюс состыковал шлемы.

— Сэм, ты как? Не молчи.

В ответ раздалось лишь:

— Берегись! Камень!

Брюс лихорадочно размышлял, что предпринять.

Без герметичного помещения Сэму не помочь. Значит, надо вызывать подмогу — срочно!

Вопрос — как? Подать дымовой сигнал? Трижды выстрелить в воздух? Очнись, Брюс! Ты на Луне. И никакой надежды, что из-за угла появится спасательный луноход.

Последний вариант — рация. Конечно, Брюс не сильно обольщался — даже на вершине сигнал отсутствовал, — но попытаться сто́ит.

Проверив у Сэма датчик кислорода, он вскарабкался на валун и выдвинул антенну.

— Мэй-дэй! На помощь! Меня кто-нибудь слышит? — повторял Брюс снова и снова.

Заметив, что Сэм пробует сесть, он поспешил обратно. Лунный скаут привалился к стене и ощупывал левое колено.

Брюс прикоснулся к его шлему:

— Сэм, ну как ты? Цел?

— А? Нога вообще не работает.

— Перелом?

— Откуда мне знать? Включи рацию.

— Включил. Твоя, кстати, разбилась.

— В смысле, разбилась? Когда?

— Когда ты упал.

— Упал? Я?

— Не помнишь? — насторожился Брюс. Он показал на утес.

Сэм взглянул вверх:

— Ммм, не знаю. Болит, зараза! А где отряд?

— Мы с тобой одни, Сэм, — медленно произнес Брюс. — Забыл?

Сэм нахмурился:

— Наверное. Ладно, надо выбираться отсюда! Помоги надеть лыжи.

— Думаешь, справишься? С твоим-то коленом.

— А куда деваться?

Брюс помог ему встать и, пока Сэм балансировал на здоровой ноге, надел на травмированную конечность лыжу. Сэм попробовал перенести вес на левую сторону, но рухнул как подкошенный и потерял сознание.

Брюс увеличил подачу воздуха и с облегчением отметил, что стрелка не отклонилась от нормы. После он отвязал лыжу, устроил напарника поудобнее и стал ждать.

Едва веки Сэма дрогнули, Брюс соприкоснулся с ним шлемами:

— Сэм, ты меня слышишь?

— Ага.

— На своих двоих тебе и шагу не сделать. Я тебя понесу.

— Нет.

— Что значит нет?

— Плохая идея. Сооруди тобоган, — посоветовал Сэм и снова закрыл глаза.

Брюс положил рядышком обе лыжи Сэма. К их концам крепились два стальных стержня — теперь понятно зачем. Пропускаем стержень через четыре круглых разъема, по два на лыжу, застегиваем — и вуаля! Фиксируем остальные стержни. Снимаем крепления — и получаем компактный тобоган.

Брюс снял снаряжение, переложил Сэму на грудь баллоны с воздухом и велел держать их как следует.

— Можно ехать. Только не шевелись.

Скафандр не помещался на узких санях и свешивался по бокам, но тут, как говорится, не до жиру. Правда, Брюс сообразил протянуть под стержнями веревку и привязать

пациента и рюкзак сверху. После он соорудил петлю, просунув трос в отверстия на кончиках лыж, а свободный конец прикрепил к руке.

— Сэм, если что-то понадобится, просто дерни.

— Ладно.

— Ну, тронулись.

Брюс нацепил лыжи, опоясаясь петлей, верхнюю часть надел на шею, как хомут, потом взял лыжные палки и двинулся вдоль утеса на юг.

Тобоган мерно катился за спиной, успокаивая. Брюс сосредоточенно шагал вперед. Земля скрылась за горой, отследить время по солнцу не представлялось возможным. Кругом не было ничего — только тьма, звезды, палящее солнце, выжженная равнина и каменная громада над головой. Ничего, только гробовое молчание и потребность скорее вернуться на базу.

Кто-то дергал его за руку. В первую секунду Брюс испугался, но быстро опомнился и повернулся к саням:

— Звал, Сэм?

— Не могу. Жарко. — По бледному лицу парня градом катился пот.

Брюс увеличил подачу кислорода и задумался. По счастью, в рюкзаке Сэма имелся аварийный модуль. Впрочем, модуль — сильно сказано, обычный навес на сборном каркасе. Через пятнадцать минут все было готово. Одну часть каркаса Брюс приладил к подошве ботинка Сэма, вторую просунул ему под плечи. Конструкция выглядела хлипкой, но держалась.

— Плевое дело! — провозгласил Брюс. — Ну, так лучше?

— Не то слово. Нога уже не болит. Дальше я сам.

Брюс прощупал колено — оно распухло и казалось вдвое больше здорового. Брюс почувствовал, что Сэм вздрогнул. Он коснулся его шлема.

— Не пори чушь, приятель. Расслабься и лежи спокойно, — велел Брюс и снова впрягся в упряжь.

Несколько часов спустя он наткнулся на следы. Они тянулись с северо-востока, поворачивали и шли парал-

лельно скалам. Брюс сделал привал и сообщил напарнику о находке.

— Сэм, как определить, свежие они или нет?

— Никак. Следы пятидесятилетней давности не отличить от вчерашних.

— Значит, идти по ним нет смысла?

— Если направление верное, почему бы не попробовать.

— Понял.

Брюс вновь потянул за собой воз, не оставляя попыток связаться с отрядом по рации. Каждые несколько минут он посылал сигнал и прислушивался. Следы все-таки хрупкую, но все же надежду на спасение. На следующем отрезке цепочка отклонялась от гор, — точнее, горы придвигались, образуя подобие бухты. По примеру предшественника Брюс избрал короткий маршрут.

Ему следовало предвидеть то, что случилось. Ведь знал — всегда нужно смотреть прямо. Однако необходимость следить за датчиками, подпруга и стремление не сбиться со следа вынуждали опускать голову вниз. Брюс только успел повернуться к Сэму, как вдруг земля ушла из-под ног.

Он машинально согнул колени и затормозил «плугом». Маневр бы удался, не волочись за спиной тобоган. Удар — и парнишка вместе с лыжами, санями кубарем покатился вниз.

Брюс лихорадочно искал опоры, но коварный песок проваливался, увлекая его все глубже. Немыслимо! Угодить средь бела дня в аналог зыбучих песков, именуемый на Луне утренним сиянием. В следующий миг песчаная толща сомкнулась над шлемом.

Брюс почувствовал, как летит, скользит, падает, снова скользит и плавно приземляется на мягкую насыпь.

«Только без паники, надо взять себя в руки».

Терзаемый страхом и чувством вины перед товарищем, Брюс тем не менее не собирался сдаваться. Главное, он жив, дышит. Очевидно, их затянуло в утреннее сия-

ние, любое неосторожное движение — и они увязнут еще сильнее.

Увязнут или нет, но Сэма нужно найти. Разгребая хлопьевидную массу, Брюс дотронулся до шеи. К счастью, петля никуда не делась. Он принялся двумя руками тянуть за веревку. Утомительное занятие, как будто барахтаешься в тине. Наконец ему удалось подтащить к себе тобоган — или себя к тобогану. Перебирая ладонями по тросу, он добрался до Сэма и состыковал шлемы:

— Сэм, слышишь меня?

— Да, — раздался приглушенный ответ.

— Ты в порядке?

— В порядке? Издеваешься? Мы застряли в *утреннем сиянии*!

— Знаю. Прости, мне очень жаль.

— Смысл жалеть! Слезами горю не поможешь.

— Извини, что так вышло...

— Да прекращай уже! — В голосе Сэма звенела паника пополам со злостью. — Какая теперь разница! Мы покойники, неужели не ясно?

— Что? Ничего подобного! Я тебя вытащу, Сэм, клянусь!

Тот ответил не сразу:

— Не обманывайся, Брюс. Из утреннего сияния еще никто не выбирался.

— Не смей так говорить! Мы ведь не умерли.

— Нет. Но это лишь вопрос времени. Пора бы смириться. — Помолчав, Сэм продолжил: — Сделай милость, отвяжи меня от этих проклятуших лыж. Не хочу умирать связанным по рукам и ногам.

— Конечно!

В крошечной тьме, пальцами, закованными в перчатки, полагаясь на одну только память, среди хлопьев пыли выполнить просьбу оказалось не так просто. Брюс поменял положение и вдруг заметил, что слева чисто.

Он сдвинулся еще и высвободил из хлопьевидной массы шлем. Темнота обступала со всех сторон. Брюс нащупал на поясе фонарик.

Брюс почти по шею утопал в мягкой насыпи. Над головой низко нависал каменный свод, несколькими футами ниже куча пыли, на которой он лежал, растекалась по полу. По бокам луч фонаря терялся во мраке.

Брюс изо всех сил тянул лебедку в надежде вызволить Сэма, но тщетно. Пришлось зарываться обратно в кучу.

— Эй, приятель, очнись! Мы в пещере.

— Правда?

— Подожди, я тебя вытащу.

Брюс осторожно барахтался, пытаясь вылезти, но с осыпи на него обрушивались все новые порции пыли. Вдобавок лыжи не давали ногам двигаться. Брюс сбросил одну из них; пошарив, выудил ее из пыли, и та заскользила к основанию насыпи. Вскоре к ней присоединилась вторая. Изловчившись, Брюс подтянулся и выкатился на каменный пол, волоча за собой тобоган. Отодвинув в сторону фонарь и лыжи, он рванул трос. Грузенные Сэмом сани скатились вниз, спровоцировав небольшую лавину.

— Ура, получилось! — воскликнул Брюс, состыковав шлемы.

Сэм не реагировал.

— Сэм, ты слышишь?

— Слышу. Спасибо, что вытащил. А теперь, будь другом, развяжи меня.

— Подержи фонарь, — скомандовал Брюс и занялся делом. На все про все ушла буквально пара минут. — Готово. Отдыхай, а я пока осмотрюсь и попробую найти выход.

— С чего ты взял, что он есть?

— Больше оптимизма, приятель. Где ты видел пещеру без выхода?

— Он, например, выхода не нашел, — медленно проговорил Сэм.

— Кто «он»? — растерялся Брюс.

— Смотри.

Сэм посветил за спину напарника. Луч выхватил из мрака фигуру в скафандре старой модели.

Брюс взял фонарь и осторожно приблизился к неподвижному силуэту. Обмякший скафандр свидетельство-

вал, что человек мертв. Он безмятежно вытянулся на камне, ладони скрещены на груди, словно он прилег отдохнуть. Брюс направил луч фонарика на лицевую панель шлема. Сквозь прозрачный пластик различалось лицо — костлявое, обтянутое потемневшей кожей. Брюс торопливо опустил фонарь и направился к Сэму:

— Да, не повезло бедолаге. Я забрал его документы из сумки. Надо уведомить родственников.

— Оптимизма у тебя на троих. Ладно, как скажешь. — Сэм начал перебирать бумаги: два письма, плоская старомодная фотография девочки с собакой, разные документы, включая водительское удостоверение, выданное в июне 1995-го некоему гражданину Массачусетса Эбнеру Грину.

— Тысяча девятьсот девяносто пятый год! С ума сойти! — ахнул Брюс.

— Зато уведомлять никого не придется, — мрачно пошутил Сэм.

Брюс решил сменить тему:

— Одну полезную штуку я у него раздобыл. Гляди. — Он продемонстрировал моток пенькового каната. — Свяжу все тросы вместе, один конец прикреплю к твоему поясу, а другой к своему. Получится пятьсот или шестьсот футов форы. Понадоблюсь, дернешь.

— Заметано. Только смотри под ноги.

— Непременно. С тобой все будет нормально?

— Конечно. Вот он составит мне компанию.

— Ну... поехали.

В разные стороны тянулись совершенно одинаковые на вид туннели. Чтобы не бродить кругами, Брюс ни на секунду не ослаблял трос. На очередном повороте луч фонаря уперся в глухую стену — тупик. Брюс осторожно двинулся влево, выискивая, куда поставить ногу, и вскоре очутился в каком-то лазе. Лаз вел наверх, но с каждым метром сужался. Через три сотни футов стены сомкнулись до узкой щели, пришлось поворачивать назад.

Брюс выключил фонарик и подождал, пока глаза привыкнут ко мраку. Внезапно его охватило неведомое доселе чувство паники.

Усилием воли он заставил себя не включать фонарь — надо убедиться, не мелькнет ли свет в конце туннеля. Паника немного унялась, и Брюс с облегчением поспешил в пещеру.

Другая черда проходов вела вниз. Добравшись до черной бездонной пропасти, Брюс повернул обратно.

Менялись детали, но суть оставалась прежней: полностью размотав трос или наткнувшись на непреодолимую преграду, Брюс гасил фонарь и ждал, не замаячит ли в кромешной тьме просвет. Наконец, обследовав периметр на сто восемьдесят градусов, он вернулся к Сэму.

За время его отсутствия тот успел переползти на кучу пыли.

— Сэм, тебе плохо?

— Мне отлично. Особенно на пуховой перине. Пол здесь ледяной. Нашел что-нибудь?

— Нет еще, — признался Брюс, опускаясь на мягкую насыпь рядом с товарищем. — Сейчас отдышусь и снова в путь.

— Как у тебя с воздухом?

— Скоро придется переключиться на резерв. А у тебя?

— Почти на пределе. Мой резерв заберешь себе, пригодится с такой-то нагрузкой.

Брюс нахмурился и хотел возразить, но передумал. Какой смысл кочевряжиться, расход воздуха у него действительно больше.

Ясно одно — время истекало.

— Всех запасов кислорода в Луна-Сити не хватит, чтобы исследовать здешние пещеры вдоль и поперек, — заявил Брюс.

— Этого я и боялся, — вздохнул Сэм.

— Но выход есть прямо над нами.

— Ты хотел сказать «вход».

— Нет, именно выход. Смотри, утреннее сияние устроено по принципу песочных часов. Открытый конус сверху и куча песка внизу. Песчинки просачиваются через отверстие в крыше, накапливаются и закупоривают щель.

— И что с того?
— Разгребем пыль и освободим отверстие.
— Песок так и будет сочиться.
— Нет, рано или поздно он кончится, а проем останется.

— Звучит заманчиво, — протянул Сэм. — Но по песку вверх не долезешь, он просто-напросто осыплется. В этом и коварство утреннего сияния: сколько ни ищи опору, не найдешь.

— Чепуха! Если не взберусь по склону на лыжах — с моей-то смекалкой и упорством, тогда можешь забрать мой запасной баллон себе.

— Аккуратней со словами, — хмыкнул Сэм. — Вдруг соглашусь. Так или иначе, — добавил он уже серьезно, — мне с такой ногой точно не подняться.

— Как только выберусь, вытащу тебя как пробку из-под любого завала, — уверил Брюс. — Ладно, время — деньги.

Орудую лыжей как лопатой, он принялся разгребать исполинскую кучу. Сверху периодически сыпался песок, но Брюс не отчаивался, знал: ему предстоит прокопать множество ярдов, прежде чем источник иссякнет.

Гора песка сбоку росла. Чуть погодя Брюс перетащил туда Сэма и велел светить фонариком. Работа пошла быстрее. На лбу проступила испарина. Брюс сменил баллон, попил воды и, наскоро перекусив, снова взялся за дело.

В потолке уже обозначилось отверстие. Внезапно на Брюса свалилась тонна песка. Попятившись, он задрал голову, посмотрел вверх и бросился к Сэму:

— Погаси фонарь!

Сомнений никаких: сверху пробивалась тонкая полоска света. Брюс поймал себя на том, что трясет Сэма и орет как потерпевший. Успокоившись, он хитро покосился на товарища:

— Знаешь, как назывался мой отряд?

— Нет.

— «Барсуки». Смотри как я копаю!

Брюс схватился за лыжу. Вскоре в пещеру хлынул солнечный свет. Брюс копал до тех пор, пока не расчистил вертикальный подъем, который тянулся от основания кучи к кромке утреннего сияния наверху. Оценив ширину проема, он решил — пора.

Брюс связал все веревки из стекловолокна, затянул на поясе петлю себе и Сэму, пеньковым тросом прикрепил к травмированной ноге товарища оставшиеся баллоны и бутылки с водой. В первую очередь нужно вытащить Сэма, а уже потом снаряжение. Покончив с приготовлениями, Брюс нацепил лыжи и состыковал шлемы:

— Пожелай мне удачи. И следи, чтобы трос не засыпало песком.

Сэм схватил его за руку:

— Погоди.

— Да?

— Брюс, если мы вдруг не выберемся, знай: ты молодец.

— Прекращай. Выберемся.

Брюс начал восхождение.

Первый покатый отрезок он преодолел «елочкой», ближе к узкому проему в обрамлении впалых стен переключился на «лесенку». Брюс крохотными шажками продвигался вперед, распределяя вес плавно и равномерно. Главное — не останавливаться, иначе велик риск увязнуть. Мало-помалу голова, туловище очутились в солнечном потоке. Теперь предстояло подняться по скату самого сияния.

Брюс на мгновение замешкался, гадая, как поступить. Впереди маячила крутая, совершенно непригодная для подъема насыпь, норовившая рухнуть в любую секунду. Пока Брюс размышлял, лыжи начали вязнуть. Мелко переставляя ноги, он двинулся дальше в надежде обогнуть хлипкий участок.

Подвел страховочный трос. Когда Брюс сместился в сторону, веревка зацепилась за горловину отверстия и, словно ножом, прорезала мягкую массу. Лыжи заскользили обратно. Брюс карабкался вверх, пытаясь оседлать

песчаную волну и оказаться над ней, он выдирал лыжи из песка одну за другой, но вскоре споткнулся, упал и скрылся под толщей песка.

И снова мягкое приземление и бархатистая, всепоглощающая тьма. Брюс лежал не шелохнувшись, отказываясь признать поражение. Смирившись, он попробовал выбраться, хотя понятия не имел, где вход, а самое главное — выход. Он начал рыть наугад, пока его не дернули за пояс. Это Сэм спешил на выручку погребенному товарищу.

Пару минут спустя Брюс выкатился на каменный пол. Луч над головой погас, единственным источником света служил фонарик; даже его мощи хватало, чтобы озарить исполинскую грудку песка, наглухо закупорившую проем.

Сэм жестом поманил напарника к себе.

— Мне жаль, Брюс. — Он больше ничего не сказал.

— Сейчас передохну немного, и опять за работу, — откликнулся Брюс, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Куда подевалась твоя левая лыжа?

— Лыжа? Вот черт! Слетела, наверное. Ничего, откопаю.

— Хм... сколько у тебя кислорода?

Брюс взглянул на датчик:

— Примерно треть.

— Зато я на последнем издыхании. Надо сменить баллон.

— Сейчас! — Брюс уже потянулся к связке, но Сэм снова дернул его к себе.

— Отдай мне свой баллон, а непчатый заberi себе.

— Но...

— Никаких «но», — отрезал Сэм. — Без дополнительного запаса тебе не справиться.

Брюс безропотно подчинился, высчитывая в уме и так и этак. Но как ни крути, ответ получался один: на расчистку авгиевых залежей кислорода ему не хватит.

Значит, они обречены. Сама мысль о смерти отнимала последние силы. Хотелось вытянуться рядом с неподвижным Эбнером Грином и, подобно ему, опустить руки.

Нет, нельзя. Хотя бы ради Сэма он перелопатит бесконечное море песка, пока не умрет от удушья. Брюс безучастно поднял лыжу и двинулся к насыпи.

Сэм дернул за трос, и Брюс покорно поплелся назад.

— Что на тебя нашло, малыш?

— Ничего.

— А по-моему, ты смирился.

— Я такого не говорил.

— Не говорил, но подумал. Я же вижу. А теперь слушай внимательно! Ты клялся, что вытащишь нас, вот и вытаскивай! Нахальства у тебя хоть отбавляй, станешь первым, кто покорил утреннее сияние. Выше нос!

— Сэм, я тебя не брошу, но ты должен понимать: на второй заход воздуха не осталось, — помедлив, признался Брюс.

— Понял, еще когда там все посыпалось.

— Так ты в курсе? Тогда, если знаешь какую-нибудь молитву, начинай читать.

Сэм дернул его за руку:

— Сейчас не время молиться, работа не ждет.

— Как скажешь, — кивнул Брюс, поднимаясь.

— Я не о том.

— А?

— Копать нет смысла. Первая попытка еще стоила свеч, вторая — пустая трата кислорода.

— Ну и что прикажешь делать?

— Ты ведь проверил *не все* проходы?

— Да. — Брюс ненадолго задумался. — Я попробую еще раз, Сэм. Но мне воздуха не хватит.

— Зато расход будет меньше, чем при раскопках. Только искать надо не наугад, а ближе к горам. Иначе нарвемся на очередное сияние. Если выбираться, то на гористую местность, подальше от песка.

— Хм... Сэм... а где у нас горы? Здесь, внизу, не отличишь север от следующей недели.

— Там, — указал Сэм.

— Точно? Откуда знаешь?

— Благодаря тебе. Когда ты пробился наверх, я по углу падения света определил местоположение солнца.

— Но ведь оно прямо над нами.

— Было, а теперь сместилось на пятнадцать—двадцать градусов к западу. И последнее — думаю, раньше эти пещеры были каналами выброса, газовыми карманами. Двигай в том направлении и попытайся отыскать отдушину, не заваленную песком.

— В лепешку расшибусь, но сделаю!

— Не помнишь: когда мы провалились, горы были далеко?

Брюс порылся в памяти:

— Примерно в полумиле.

— Ясно. Тогда пятьсот—шестьсот футов троса мало. Возьми в моей сумке блокнот и размечай дорогу, только не вздумай экономить бумагу.

— Так точно!

— Молодец! Удачи.

Брюс поднялся.

Как и в первый раз, это было нелегкое и утомительное занятие. Брюс растянул трос, насколько его хватило, потом отмечал дорогу клочками бумаги, тщательно считая шаги. Несколько раз он думал, что уже добрался до гор, но всякий раз упирался в тупик. Дважды Брюс огибал горы песка, обозначавшие утреннее сияние. Каждый раз, возвращаясь назад, он подбирал клочки — из экономии и боязни запутаться. Однажды впереди забрезжил свет, и его сердце лихорадочно забилось, но, увы, даже Брюс не сумел бы протиснуться в такую щель, а о Сэме и говорить нечего.

Уровень кислорода падал, но Брюс упрямо гнал от себя мрачные мысли, только регулировал подачу смеси, чтобы стрелка не отклонялась от белого поля.

Очередной туннель уходил влево, потом вниз. Брюс решил не углубляться и исследовать ближайший радиус. Поначалу кругом царил тьма, после глаз различил сла-

бый проблеск. Галлюцинации? Возможно. Брюс преодолел еще сотню футов и присмотрелся. Свет!

Спустя буквально пару минут он уже протиснулся через извилистый проем на пылающую равнину.

— Привет! — сказал Сэм. — А я уж думал, ты провалился в какую-нибудь яму.

— Ага, едва не загремел. Сэм, я нашел выход!

— Кто бы сомневался! Тогда по коням.

— погоди, сейчас откопаю вторую лыжу.

— Нет.

— Почему нет? — удивился Брюс.

— Взгляни на датчик. С лыжами возиться некогда.

— Что? Да, думаю, не стоит.

Они бросили снаряжение, забрали только баллоны с воздухом и водой. Там, где позволяла высота потолков, Брюс нес товарища на спине. Если свод нависал слишком низко, тащил волоком. Отдельные участки преодолевали на четвереньках; Сэм полз сам и, морщась от боли, волочил за собой сломанную ногу.

Затянув на поясе Сэма петлю, Брюс первым выбрался наружу, следом вытянул почти неподвижного напарника. Подтащив его к скале, Брюс усадил Сэма и прикоснулся шлемом к нему:

— Приятель, мы спасены!

Сэм не ответил.

В окошке скафандра виднелось его помертвевшее лицо с закрытыми глазами. Проверка датчика на поясе открыла причину — уровень кислорода упал до красной отметки.

Сэм успел раскрыть впускной клапан до предела. Наспех глотнув воздуха, Брюс подсоединил свой баллон к скафандру Сэма и до упора отвернул вентиль.

Стрелка на датчике Сэма переползла на белое, а вот его опустилась на красное. Теперь воздуха в скафандре хватило бы минуты на три, если не шевелиться.

Однако Брюс не мог устоять на месте. Он подсоединил впускной шланг к разъему на последнем баллоне

и открыл свой клапан. Стрелка перестала заваливаться на красное поле. Напарники уподобились сиаемским близнецам, связанным воедино полупустым баллоном жизненно необходимого газа. Брюс обхватил Сэма за талию, положил его голову себе на плечо, шлем к шлему, и отрегулировал оба клапана, чтобы стрелка держалась на границе белого поля. Выделив Сэму более щедрую порцию воздуха, Брюс приготовился ждать. Гору под ними накрыла тень, хотя солнце по-прежнему испепеляло равнину. Брюс огляделся по сторонам, надеясь увидеть или что-то, или кого-то, и отчаянным жестом выдвинул антенну:

— Мэй-дэй! На помощь! Мы заблудились.

— Мэй-дэй! — эхом вторил Сэм в мертвую рацию. — Мэй-дэй! Помогите!

Брюс убаюкивал бредящего напарника и твердил:

— Мэй-дэй! Определите наше местоположение. Мэй-дэй! Мэй-дэй!

Он снова отрегулировал клапаны и забормотал:

— Мэй-дэй! Определите наши координаты.

Он не почувствовал, как чья-то рука тронула его за плечо, и даже в шлюзе лунохода продолжал бормотать: «Мэй-дэй!»

В лазарете базового лагеря его навестил мистер Эндрюс.

— Как самочувствие, Брюс?

— Порядок, сэр. Только вставать не разрешают.

— Мой приказ. На койке мы вас точно не потеряем, — хитро улыбнулся скаут-мастер.

Брюс покраснел:

— Как Сэм?

— Идет на поправку. С обморожением и переломом еще помается, конечно, но в целом ничего.

— Ух ты! Рад слышать.

— Мы снимаемся с базы, я перевожу тебя в третий отряд, к мистеру Харкнессу. Сэм вернется потом, со снабженцами.

— Думаю, я в силах отправиться вместе с вами.

— Не спорю, но лучше оставайся в третьем отряде. Практика тебе не мешает.

— Мистер Эндрюс... — Брюс замешкался, с трудом подбирая слова.

— Да?

— Наверное, мне стоит вернуться. Я кое-что понял. Вы были правы: за три недели нельзя стать опытным старожилom. Похоже... ну, судя по всему, я себя переоценил.

— Все сказал?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. А теперь послушай меня. Мы с Сэмом и мистером Харкнессом посоветовались... Мистер Харкнесс проведет тебе курс молодого бойца, а мы с Сэмом подхватим, когда вернешься. Через две недели готовься предстать перед судом чести¹. Согласен? — добавил скаут-мастер.

Брюс сглотнул комок и выпалил:

— Так точно, сэр!

¹ Суд чести скаутов состоит из инструкторов и командиров отрядов, собирается для решения вопросов о наградах и взысканиях. — *Примеч. С. В. Голд.*

ЯЩИК ПАНДОРЫ

Когда этот ящик открыт, закрыть его уже нельзя. Но вслед за роем бесчисленных Несчастий из него вылетает и Надежда.

Научная фантастика — не пророчество. Она часто производит такое впечатление, когда ее читаешь; и действительно — те, кто подвизается в этом двусмысленном жанре (каламбур сознательный, но повторять его не буду), обычно прилагают максимум усилий к тому, чтобы их истории выглядели как реальные картины будущего. Пророчествами.

Пророчествами занимаются метеорологи, игроки на бегах, консультанты на фондовой бирже и гадалки, читающие будущее по вашей ладони или проникающие взглядом в магический кристалл. Каждый из них предсказывает будущее — иногда точно, иногда путаным, туманным и напыщенным языком, а иногда просто заявляя о некой статистической вероятности. Но всегда на полном серьезе произносится, что с определенной области будущего сдернут покров тайны.

Авторы научной фантастики этим не занимаются. Научная фантастика почти всегда расположена в будущем — или по меньшей мере в вероятном, воображаемом будущем — и почти неизменно глубоко озабочена обликом этого будущего. Но ее метод отнюдь не предсказание; это обычно экстраполяция и/или спекуляция. И в самом деле, от автора вовсе не требуется (и он обычно так и поступает), чтобы воображаемое «будущее», о кото-

ром он решил написать, состояло целиком из событий, которые почти наверняка осуществляются; его цель может не иметь ничего общего с *вероятностью* осуществления событий, запечатленных им на бумаге.

«Экстраполяция» для писателя означает почти то же самое, что и для математика, — изучение тенденции, то есть продолжение математической кривой, пути или тенденции в будущее. Это означает, что мы продолжаем текущее направление и сохраняем тот вид кривой, который она имела в прошлом. Например, если прежде тенденция имела вид синусоиды, то и в дальнейшем ее изображают синусоидой, а не гиперболой, не спиралью и уж совершенно *точно не* касательной прямой линией.

«Спекуляция», то бишь предположение, дает автору, по сравнению с экстраполяцией, гораздо больший простор. Она начинается с вопроса: «Что, если?..» — и новый фактор, запущенный в систему при помощи этого вопроса, может одновременно оказаться как совершенно невероятным, так и настолько революционным, что запросто превратит прежнюю синусоиду (или любую другую тенденцию) в нечто неузнаваемо другое. Что, если маленькие зеленые человечки приземлятся на лужайке перед Белым домом и пригласят нас вступить в Галактический союз? Или же это будут большие зеленые человеки, которые нас поработят и станут пожирать? Что, если мы решим проблему бессмертия? Если Нью-Йорк действительно останется без воды? Да не так, как при нынешней умеренной нехватке питьевой воды, с которой справляются столь же умеренными контрмерами, — можете ли вы себе представить, как линчуют человека, зря потратившего кубик льда? Проживая, как сейчас, в штате Колорадо — 1965-й, где имеется только два вида воды, слишком мало и слишком много, мы как раз отметили окончание семилетней засухи дождем, налившим за два часа семь дюймов воды, и каждое из этих двух природных явлений не менее ужасно, чем другое, — я испытываю ужас, смешанный с восхищением, читая «Мир Дюны» Фрэнка Херберта, «День, когда высох Нью-Йорк» Чарльза Эйн-

штейна и истории о наводнениях, подобных библейскому, вроде «Потопа» С. Фоулера Райта.

В большинстве научно-фантастических произведений используется и экстраполяция, и спекуляция. Возьмем, к примеру, мой рассказ «Взрыв всегда возможен». Он был написан в 1939 году, в минимальной степени дополнен для книжной публикации сразу после Второй мировой войны вставкой слов вроде «Манхэттенский проект» и «Хиросима», но не переписан и входит в группу рассказов, опубликованных под претенциозным общим названием «История будущего» (!) (это название придумал редактор, не я!), — что, безусловно, звучит как пророчество.

Я отвергаю любые обвинения в пророчестве; рассказ был написан с единственной целью — заработать деньги для выплат за дом — и с единственным намерением — развлечь читателя. Как пророчество этот рассказ не стоит и ломаного гроша — любой бойскаут-новичок может раскритиковать его в пух и прах, — но, по моему мнению, он еще сохраняет развлекательность как *рассказ*, иначе я не включил бы его в книгу — ведь я должен поддерживать свою деловую репутацию и хочу продолжать зарабатывать деньги. Кстати, я ничуть не стыжусь последнего. Очень небольшая часть нашего великого литературного наследия появилась на свет исключительно благодаря желанию «творить искусство»; большая же часть написанного, как великого, так и серенького, имеет первопричиной потребность в деньгах в сочетании с отвращением к тяжелому «честному труду» или неспособностью им заниматься. Писательство зачастую предлагает законный и относительно честный способ решения такой дилеммы.

Писатель-фантаст может иметь, и часто имеет, другие побуждения, кроме стремления заработать. Он может желать творить «искусство ради искусства», пытаться предостеречь мир от курса, который считает опасным («1984» Оруэлла, «О дивный новый мир» Хаксли; но прошу отметить, что оба произведения весьма развлекательны и каждое принесло автору немало денег), может страст-

но хотеть направить человечество на тот путь, который полагает для него желанным («Глядя назад»¹ Беллами, «Люди как боги» Уэллса), может желать поучать, развлекать или даже поражать блеском своего ума. Но писатель-фантаст — и вообще *любой* писатель — никогда не должен забывать о том, что в первую очередь он обязан читателя развлекать... или же снова окажется бродягой со старой котомкой за плечами.

Если он в этом преуспеет, его рассказы наверняка останутся захватывающе развлекательными еще долгие годы после того, как окажутся ложными «пророчествами».

Герберта Уэллса, вероятно, можно назвать величайшим фантастом всех времен, а его величайшие научно-фантастические произведения были написаны примерно шестьдесят лет назад (то есть около 1895 года)... буквально из-под палки. Прикованный к постели чахоткой, не в состоянии удержаться на какой-либо работе, без гроша в кармане и обязанный платить алименты, он был просто *обязан* как-то зарабатывать деньги, и из всех доступных ему работ писательство было самой тяжелой. Он ясно сознавал (смотри его автобиографию), что должен развлекать читателя, чтобы остаться в живых, и результатом стал целый поток великолепных спекулятивных произведений о будущем — лучше их, пожалуй, ничего и не написано. Как пророчества все они безнадежно устарели... ну и что с того? Они захватывают современного читателя ничуть не меньше, чем в «блистающие девяностые» или «лиловое десятилетие»².

Попробуйте раздобыть его роман «Когда спящий проснется». Там описана очень оригинальная техника — и она ни к черту не годится. Будущее великолепно — но так и не наступило. И все это совершенно не портит самого романа; это великолепное повествование о любви, самопожертвовании и леденящих кровь приключениях,

¹ Опубликован на русском под названием «Через сто лет». — *Примеч. С. В. Голд.*

² «*Лиловое десятилетие*» — годы с 1890-го по 1899-й, когда этот цвет был крайне популярным вследствие изобретения анилинового красителя.

базирующееся на основе масштабных предположений о природе человека и его судьбе. Впервые я прочитал его в 1923 году и перечитывал с тех пор десятков раз... и продолжаю перечитывать до сих пор всякий раз, когда ощущаю неуверенность в своих способностях справиться с малопривлекательным процессом написания прозы ради развлечения совершенно незнакомых мне людей, — и всякий раз при чтении романа Уэллса меня заново охватывает восхищение.

Моя повесть «Никудышное решение», опубликованная в этой книге, сознательно написана «под Уэллса». Нет-нет, я вовсе не утверждаю, что по качеству она достойна Уэллса, — о качестве судить вам, а не мне. Но написана она по методу, предложенному Уэллсом для подобных спекулятивных историй: примите одно, только одно базовое новое предположение, а потом изучите все вытекающие из него последствия — но выразите эти последствия с точки зрения людей. В качестве предположения я выбрал Абсолютное Оружие и поразмыслил о том, какие изменения оно вызовет в судьбе человечества. Правда, «история», описанная в повести, просто-напросто не воплотилась в реальность.

Однако проблемы, которые обсуждаются в ней, свежи и сейчас, спорные вопросы столь же остры, потому что печальным фактом остается и то, что мы не отыскивали даже «никудышного» решения проблемы Абсолютного Оружия; у нас нет *никакого* решения.

За годы, прошедшие после написания повести (1940 год), ситуация в мире заметно ухудшилась. Вместо одного Абсолютного Оружия мы теперь имеем как минимум пять его различных типов — по определению Абсолютным Оружием называется такое, против которого нет эффективной защиты и которое убивает все без разбора на обширной территории. Известно, что самым ранним из пяти этих типов, атомной бомбой, сейчас обладает по меньшей мере пять стран и еще не менее двадцати пяти обладают потенциалом ее создания в ближайшие годы.

Но возможен и шестой тип. Не так давно в этом году (в 1965-м. — *Р. Х.*) я побывал на семинаре в одной из новых американских «фабрик мозгов». Одним из обсуждавшихся там вопросов был такой: может ли быть в принципе построена «бомба Судного дня», то есть единственное оружие, способное уничтожить всю жизнь любого вида на этой планете; *одна* бомба, а не тотальный ядерный холокост, для которого требуются сотни тысяч МБР? Речь шла о «сокрушителе миров» типа того, что использовал Е. Е. «Док» Смит в своих межзвездных сагах в те времена, когда на обложках НФ-журналов красовались пучеглазые монстры, а сама фантастика считалась низколобым, примитивным и высосанным из пальца чтивом.

Участники семинара согласились в следующем: может ли быть создана «бомба Судного дня»? Да, несомненно. Сколько она будет стоить? Совсем недорого.

Так что в седьмом типе вряд ли возникнет необходимость.

После таких утверждений угрюмость и мрачность «Никудышного решения» начинают больше смахивать на книжку про страну Оз, в которой все жуткие напасти, обрушивающиеся на героев, всегда заканчиваются счастливо.

«Поисковый луч» представляет собой почти чистую экстраполяцию, там почти нет спекуляций. Описанные в нем устройства или уже лежат на полке, воплощенные в металле, или вскоре на ней окажутся, потому что для их создания не требуется ничего, помимо простой инженерно-технической разработки. Противоположным примером служит «Линия жизни» (мой первый рассказ), произведение чисто спекулятивное и/или невозможное, или весьма маловероятное, поскольку постулат «что, если» не будет решен по-моему. Надеюсь. Но оба рассказа очень схожи в том, что ни один из них не зависит ни от времени написания, ни от времени прочтения. Оба не зависят от того, куда конкретно повернет наша история; они вне времени.

«Свободные люди» — еще один пример безвременного рассказа. Как уже говорилось, при прочтении он может показаться еще одним произведением на тему «после взрыва», но это не так. Хотя номинально местом действия являются Соединенные Штаты, а время (судя по техническим деталям) сдвинуто в недалекое будущее, можно, всего лишь изменив имена и географические названия, вставив другое оружие и технику, переместить действие этого рассказа в другую страну, в любое время — прошлое или будущее — или даже на другую планету, населенную инопланетянами. Но эта история также может случиться здесь и сейчас, поэтому я написал ее такой, какая она есть.

«Ящик Пандоры» был оригинальным названием статьи, подготовленной и написанной в 1949 году для публикации в 1950 году, в конце полувека. Но пути редакторские неисповедимы: статья появилась под названием «Куда идем?» и была представлена как научное пророчество на тему 2000 года, каким он виделся из года 1950-го. (Да, я согласен, что писатель-фантаст должен избегать марихуаны, пророчеств и заказных произведений с оплатой при сдаче, — но меня сумели искусить мягким шелестом.)

Наш нынешний редактор (1965 года) решил использовать эту статью, но предложил ее освежить. Авторы, которые хотят остаться в бизнесе, очень внимательно прислушиваются к предложениям редакторов, даже если думают, что редактор слишком долго пробыл на солнце с непокрытой головой; я согласился.

И перечитал «Куда идем?», и обнаружил, что наш редактор, несомненно, прав: статью следует освежить. По меньшей мере.

Но в конце концов я решил не утаивать собственные промахи и ляпы. На последующих страницах вы прочтете в неизменном виде все мои предсказания пятнадцатилетней давности. Но кое-где я вставил знаки примечаний — их вы найдете в конце текста, написанного

в 1950 году, и там я привлекаю внимание к своим промахам, по возможности извиняюсь за них и тут же поясняю, почему любой, даже сам Нострадамус, сделал бы ту же самую ошибку. В некоторых случаях я увиливаю от прямого ответа или выпекаю новенькие предсказания, осторожно относя их исполнение настолько далеко в будущее, сколько мне, скорее всего, не прожить... а кое-где и радостно кудахтаю над сбывшимся предсказанием. (Дополнение 1979 года: я интерполировал более поздние комментарии и пометил каждый пункт: «1950», «1965» или «1980».)

Итак...

КУДА ИДЕМ?

Вилли, глупый воробей
Свил гнездо на водостоке,
А потом...

...пришел инспектор стройнадзора, осмотрел участок и проект, поставил свою визу, потребовав, чтобы воробей приобрел одиннадцать различных лицензий на общую сумму в восемнадцать процентов от строительной сметы, плюс что-то, называемое «специальным сервисом», а потом...

Хлынул ливень, дождь, гроза,
Смыло домик воробья.
Снова глупый воробей
Свил гнездо на водостоке,
И опять...

...пришел инспектор стройнадзора, выдал воробью предписание за неспособность получить специальные лицензии и разрешения на тайфуны, солнечные пятна и ледниковые периоды, потребовал от него оплатить семнадцать разрешений и/или лицензий и отправил его на комиссию, контролирующую зонирование, экономическое воздействие, экологическую защиту, энергосбережение и эстетические требования, плюс то, что называется «очень специальным сервисом», — и второй залог, и опять...

Хлынул ливень, дождь, гроза,
Смыло домик воробья.
(И опять по кругу... и снова... и...)¹

¹ Перевод С. В. Голд.

1950. Куда идем?

Научная фантастика по большей части состоит из закрученных историй о приключениях в космосе, атомных войнах, нашествиях инопланетян и тому подобном. Все это очень здорово, но сейчас мы сделаем перерыв и взглянем на обычную семейную жизнь полвека спустя.

Если оставить в стороне кофейную гущу и прочие магические средства, единственный способ погадать о *будущем* заключается в изучении *настоящего* с точки зрения *прошлого*. И прежде чем попробовать отправиться к вашим внукам, давайте вернемся на полвека назад и нанесем визит вашей бабушке.

1900 год: президент сейчас Маккинли, и аэроплан еще не изобретен. Постучим в дверь этого дома: украшенного орнаментом, с окнами-витражами и куполом.

Хозяйка дома открывает дверь. Вы узнаете ее: это ваша бабушка, миссис Среднийкласс. Она почти такая же пухленькая, какой вы ее помните, потому что, выйдя замуж, «набрала немного здорового веса».

Она приглашает вас войти и угощает кофе с булочками, только что испеченными в ее современной кухне (вода в кране с подкачкой от ручного насоса и лучшая модель угольной печи из производимых в Питсбурге). Все в ее доме самое современное: фарфоровая посуда с ручной росписью, сувениры с Колумбийской выставки, портьеры из бусинок, начищенные до блеска отопительные котлы в подвале, газовое освещение, телефон на стене.

Ванной в доме нет, но хозяйка и мистер Среднийкласс уже подумывают об ее установке. Мать вашей бабушки называет эту идею чушью, но сама бабушка шагает в ногу со временем. Она сторонница реформ в одежде, носит только одну нижнюю юбку, моется дважды в неделю, а ее корсеты имеют гарантию против ржавчины. Известно, что она симпатизирует движению за равноправие

женщин, но только когда поблизости нет мистера Среднийкласс.

Тем не менее вы обнаруживаете, что общаться с ней трудно. Давайте прыгнем обратно в настоящее и попробуем снова.

Автоматический лифт поднимает вас на девятый этаж, а нужную дверь мы выбираем по номеру, это единственный способ отыскать ее среди прочих.

Что вы сказали? Не трудитесь звонить? Почему? Ах да, это же *ваша* дверь, и вы прекрасно знаете, что за ней находится...

Прекрасно, тогда перенесемся на пятьдесят лет в будущее и попробуем заглянуть в еще один дом среднего класса.

Дом находится в пригороде, не далее двухсот миль от города. Пока такси приземляется, вы успеваете разглядеть цель полета — тесную группу полусфер, напоминающую домики, которые Дороти увидела в стране Оз.

Вы направляете такси обратно в ангар и входите в вестибюль. Стучать или звонить не приходится. Экран предупредил хозяев о появлении посетителя еще раньше, чем вы приземлились, и за прозрачным окошечком автоматического дворецкого уже светится надпись: «ПРОДИКТУЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩЕНИЕ».

Но, не успев повернуться к микрофону, вы уже слышите голос хозяйки: «О, это вы! Заходите, заходите». Приходится немного подождать, пока хозяйка подойдет к двери. Дворецкий передал ваше изображение на экран во внутренний дворик, где она читала и загорала, а также донес до вас ее ответ.

Она слегка задерживается за дверью, разглядывает вас через стекло с односторонней прозрачностью и слегка хмурится; ей известно ваше старомодное неодобрительное отношение к привычке ходить дома обнаженным. Все же по доброте своей она нарушает совет семейного психиатра и прежде, чем подать сигнал открыть дверь, накидывает на себя халатик.

Психиатр был прав: тем самым вы сразу попали в один класс с незнакомцами, торговцами и прочими лицами, не входящими в интимный круг семьи. Но раздражение придется спрятать; вы не можете возражать против того, что она оделась, раз все время фыркали из-за того, что она этого не делала.

Зачем ей, собственно, носить дома одежду? Дом *чист* — не чист более или менее, а чист — и комфортабелен. Пол теплый даже для голых пяток, внутри нет ни неприятных сквозняков, ни холодных стен. Весь попадающий в дом воздух очищается от пыли. Текстура полов, кушеток и стульев приятна для обнаженной кожи. Стерилизующие ультрафиолетовые лампы освещают каждую комнату, когда в ней никого нет, а несколько раз в день искусственный «смерчик» сдувает с поверхностей домашнюю пыль и выносит ее наружу. Такие автоматические услуги не раздражают, потому что отключаются всякий раз, когда датчики обнаруживают в помещении некоторую массу, нагретую до температуры тела.

Такой дом может быть немного неряшливым, но только не грязным. Пять минут, чтобы расставить вещи по своим местам, пара взмахов тряпкой, стирающей отпечатки детских пальцев на мебели, — и с дневной уборкой покончено. Наша хозяйка часто (причем чаще, чем во времена Маккинли меняли простыни) меняет покрывала на всех поверхностях, где в доме сидят, и выбрасывает старые покрывала в мусоропровод. Операция проста: в каждом стуле или кушетке находится рулончик с годовым запасом пленки-покрывала. Пленку отматывают и закрепляют легким приглаживанием, она не скрывает ни текстуры, ни цвета мебели.

Вы проходите в гостиную, садитесь и упоминаете о том, какой сегодня прекрасный день.

— И верно, хороший, — отвечает она. — Пойдемте вместе позагораем.

Солнечный двор по любым стандартам служит оправданием для того, чтобы сбросить одежду; она с благодарностью скидывает халатик и вытягивается на кушетке. Вы

секунду мешкаете. В конце концов, она ведь ваша внучка, так почему бы и нет? Вы раздеваетесь быстро, потому что ботинки и уличную одежду уже оставили возле двери (только варвары ходят по дому в уличной обуви), а от оставшегося избавиться легко. Вашим бабушкам и дедушкам тоже приходилось привыкать к пляжам середины столетия. Им было не легче.

С другой стороны, их тела, в отличие от вашего, были старыми и морщинистыми. Триумфы эндокринологии, косметики, пластической хирургии и всевозможных способов ухода за фигурой таковы, что женщина от зрелости до старости внешне почти не меняется. Женщина в состоянии поддерживать свое тело настолько крепким и стройным, насколько пожелает, — и большинство желает сохранять форму. Это породило парадокс: за последние два с половиной столетия в Соединенных Штатах еще никогда не было такого процента людей в возрасте, и тем не менее создается впечатление, что такого количества красивых молодых женщин здесь тоже никогда не было.

(Не присвистывай, сынок! Это твоя бабушка...)

Половину сада занимает пространство для солнечных ванн, обсаженное кустами, лужайкой, цветами и кушетками, а вторую половину — плавательный бассейн. День, хотя и солнечный, довольно холодный — но не в саду, а вода в бассейне далеко не ледяная. Кажется, будто сад находится на улице, но это не так: его накрывает купол из прозрачного пластика, надутый и подогнанный по размерам прямо на месте. Вы внутри купола, солнце снаружи, а сам пластик невидим.

Она приглашает вас на ланч, вы начинаете отказываться. «Ерунда! — отвечает она. — Я люблю готовить». Она уходит в дом. Вы начинаете думать, не последовать ли за ней, но мартовское солнышко восхитительно приятно, к тому же вдали от города так расслабляешься... Вы находите переключатель на боковине кушетки, устанавливаете его на легкий массаж, и все ваши заботы начинают постепенно растворяться. Кушетка измеряет ваш пульс и ды-

хание; когда они замедляются, замедляется и она. Когда вы засыпаете, она выключается.

Хозяйка тем временем «хлопочет у плиты». Если точнее, она запустила селектор меню, и теперь он ищет вариант ланча из четырех блюд на восемьсот калорий. Это устройство работает по принципу случайного выбора, подобно игровому автомату, и хранит в своей памяти перечень продуктов из кладовой, который оно перебирает, пока не получит сбалансированное меню. Кое-кто из домохозяек утверждает, что кулинария тоже искусство, но наша хозяйка — одна из многих, кто с благодарностью установил у себя дома этот бесконечный источник новых меню. Сегодня выбор несколько ограничен, потому что в последний раз продукты закупались три месяца назад. Несколько вариантов хозяйка отвергает, но селектор терпеливо предлагает все новые и новые комбинации, пока она наконец не соглашается на одну из них, основанную на рыбе, замаскированной под бараньи отбивные.

Хозяйка достает нужные продукты с полок или из морозильника. Все они уже обработаны, а некоторые готовы к употреблению. То, что еще требует тепловой обработки, она закладывает в... гм... ее «кухонный процессор», хотя она и называет его «плитой». «Плита» ведет свою родословную от оборудования для диатермии, а попутно кое-что позаимствовала из технологии нанесения эмали. Остается задать циклы обработки, нажать кнопки и подождать две-три минуты. Пока еда готовится, она проверяет свой журнал учета калорий¹.

Несмотря на столь сложную кухню, она питается не так хорошо, как ее прабабушка, — в мире слишком много людей и слишком мало акров земли.

Впрочем, не важно; поднос, который она приносит во дворик, плотно заставлен и великолепно смотрится. Когда он пустеет, у вас обоих появляется желание снова

¹ До изобретения синтетической пищи на Земле существовало жесткое нормирование продуктовых пайков. Все граждане были обязаны вести учет потребляемых калорий (см. например Р. Хайнлайн «Фермер в небе»). — *Примеч. С. В. Голд.*

вздремнуть. Проснувшись, вы замечаете, что пустые тарелки уже сожжены, а хозяйка «смывает усталость» в душевой. После сна вы немного вспотели и разгорячились и решаете тоже воспользоваться кабинкой, как только она освободится. Душевая предлагает вам широкий набор услуг, но вы ограничиваетесь теплым душем, постепенно становящимся прохладным, сушите тело теплым воздухом, затем — короткий массаж, опрыскивание ароматной жидкостью и опудривание. Столь простое задание — оскорбление для талантливой машины.

Когда вы выходите, хозяин уже вернулся домой; он решил отдохнуть два дня от работы инженера и провел выходные на пляже с двумя сыновьями. Он целует жену, приветливо здоровается с вами и включает видео, настроив его на поиск и отбор нужных ему новостей, накопившихся за два дня. Жена отправляет мальчиков освежиться в душевую и спрашивает мужа:

— Хороший был день, дорогой?

— Движение было ужасным, — отвечает он. — Последнюю сотню миль пришлось идти на автоматике. В телефоне нет для меня сообщений?

— Разве ты не переключил его на себя?

— Нет. Не хотел, чтобы меня тревожили.

Он подходит к домашнему телефону, включает запись, прослушивает и решает, что ничего достойного внимания там не было. Но тут машина включается и отображает сообщение; он отрывает листок и читает.

— Что там такое? — спрашивает жена.

— Телестат из Луна-Сити, от тети Джейн.

— Что она пишет?

— Так, пару строк. По ее словам, Луна — отличное место, она приглашает нас в гости.

— Это не по мне! — отвечает жена. — Ты только представь, каково сидеть взаперти в пещере с кондиционером.

— Когда тебе будет столько же лет, сколько и тете Джейн, и у тебя, мой ягненок, будет такое же слабое сердце, ты тоже отправишься на Луну и полюбишь ее.

А низкой гравитацией пренебрегать не стоит — тетушка вполне может дожить и до ста двадцати со своим проблемным сердцем и всем прочим.

— А ты сам полетишь на Луну? — спрашивает она.

— Если потребуется и если смогу такое себе позволить. — Он оборачивается к вам. — Верно?

Вы обдумываете ответ. Жизнь все еще кажется вам прекрасной... но лестницы с каждым годом становятся все круче. А в малой силе тяжести есть своя привлекательность, пусть даже ради нее придется прожить остаток дней в санатории Гериатрического фонда на Луне.

— В гости слетать было бы весело, — отвечаете вы. — Оставаться ведь не обязательно.

Госпитали для стариков на Луне? Не говорите глупостей...

Но глупости ли это? Или логическое и необходимое следствие того мира, в котором мы сегодня живем?

У нас будут космические полеты, и не через пятьдесят лет, а гораздо раньше. Они уже дышат нам в затылок. Что же касается лунной гериатрии, то большинство из нас не пожалеет ни денег, ни усилий ради продления собственной жизни. Возможно, малая сила тяжести (на Луне она в шесть раз меньше земной) и не продляет жизнь, но *может* продлить — мы пока еще не знаем, — зато она, вне всяких сомнений, сильно облегчит жизнь в том неизбежном для каждого возрасте, когда необходимость перемещать свое одряхлевшее тело станет почти непосильной, или же в тех случаях, когда приходится пользоваться кислородной палаткой, чтобы облегчить работу изношенного сердца.

По законам пророчества такой прогноз скорее *вероятен*, чем невозможен.

Зато приборы и устройства, описанные выше, являются примерами *робких* пророчеств.

Каковы же правила написания пророчеств (если они вообще существуют)?

Взгляните на график. Сплошная кривая линия изображает все то, что произошло в этом столетии. В нее включено многое: использование энергии, скорость транспорта, число научных и технических работников, достижения в области связи, среднее число миль, проезжаемое человеком за год, успехи математики. Это восходящая кривая знаний, можете назвать ее кривой человеческих достижений.

Как правильно продолжить эту кривую в будущее? Несмотря ни на что, существует упорная, базирующаяся на «здравом смысле» тенденция продолжить ее по пунктирной линии № 1 — подобно тому как некий чиновник патентного бюро сотню лет назад решил уволиться с работы, «потому что все уже успели изобрести». Даже те, кто не ожидает резкого замедления, склонны считать, что мы со временем достигнем точки максимума, после которой начнется спад (пунктирная линия № 2).

Очень отважные умы склонны предсказывать, что прогресс будет идти с прежней скоростью (пунктирная линия № 3 — касательная).

Но правильным будет продолжить кривую по пунктирной линии № 4, потому что нет никаких оснований — математических, научных или исторических, полагать, что кривая сгладится, или достигнет точки максимума с последующим уменьшением, или просто пойдет по касательной. Судя по всем известным на сегодня фактам, кривая будет идти вверх бесконечно, причем с *возрастающей* крутизной.

Небольшие и робкие предсказания, о которых вы прочли выше, по сути, относятся к первой, от силы ко вто-

рой кривой. Можете рассчитывать на то, что изменения за следующие пятьдесят лет окажутся как минимум в *восемь раз* большими, чем за предыдущие пятьдесят.

Век науки *еще и не начинался*.

АКСИОМА: то, что девять дней подряд воспринималось как чудо, на десятый день считается само собой разумеющимся.

АКСИОМА: предсказание, основанное на «здравом смысле», будет неизбежно ошибаться в сторону уменьшения.

АКСИОМА: чем более экстравагантно звучит предсказание, тем более вероятно, что оно сбудется.

Итак, давайте сделаем несколько смелых предсказаний будущего.

Некоторые из них окажутся ошибочными — но осторожные предсказания будут ошибочными наверняка.

1

1950. Межпланетные путешествия ждут вас у порога с доставкой на дом. Платите и летите.

1965. Теперь мы за них платим, и цена высока. Но по причинам, понятным только бюрократам, мы почти прекратили разработку космического корабля с атомным двигателем, когда до успеха было уже рукой подать. Ничего, не мы, так другая страна его создаст. К концу столетия космические полеты станут дешевыми.

1980. Теперь, когда программа «Человек на Луне», базировавшаяся на кораблях «Аполло-Сатурн», завершена и стала историей, для пилотируемых полетов в космос у США есть только программа «Спейс-шаттл», страдающая от нехватки финансирования и на два года отстающая от графика (см. статью «Побочный продукт» в этой книге, особенно последние две страницы).

Так что, космическим полетам конец? *Нет, потому что Соединенные Штаты не единственная страна на этой*

планете. Сейчас неплохие шансы у Германии и Японии — многие страны уже поняли, что в космосе их ждут огромные богатства, осталось только прийти и взять. СССР, кажется, больше сосредоточен на военных аспектах, чем на космических полетах, а у Китая пока еще нет возможности выделить достаточные средства; но ни одну из этих стран нельзя сбрасывать со счетов; потенциал в обоих случаях имеется.

И не сбрасывайте со счетов Соединенные Штаты! Сегодня большинство наших граждан воспринимают космическую программу как некую обузу (совершенно не сознавая, что это одна из немногих федеральных программ, многократно себя окупивших). Но речь сейчас о том, что будет через двадцать лет, в 2000 году. Попробуем увидеть перспективу. Ровно тридцать лет назад Джордж Пал, Ирвин Пичел, я и еще примерно человек двести снимали фильм «Пункт назначения — Луна». Отчетливо помню, что большинство работавших над фильмом людей воспринимали его как глупую фантазию, что-то нереальное. Меня снова и снова тыкали в это носом, особенно если собеседник не знал, что я написал этот роман. (Поправка: написал первую версию сценария. Когда начались съемки, даже жена банкира переписывала диалоги.)

А реакция широкой публики... Путешествие на Луну? Чушь!

Так было тридцать лет назад, в конце 1949 года.

Девятнадцать лет и десять месяцев спустя «Аполлон-11» сел на Луну.

Взгляните снова на кривые графика. В том, что касается космических полетов (а также промышленности, энергии и колонизации), мы скатились до жалкой кривой № 1, но мы в состоянии за одну ночь вознестись обратно на кривую № 4, *если до нашего президента и/или Конгресса* дойдет, что не одна, а *все* наши кризисные проблемы могут быть решены за счет освоения космоса. Безработица, инфляция, загрязнение среды, перенаселение, энергия, истощение невозобновимых ресурсов — вот лакомый

небесный пирог для нашей страны *и для всей планеты, включая страдающий от нищеты третий мир.*

Я не буду пытаться доказывать свои слова здесь. Прочтите лучше книги «Третья промышленная революция» Гарри Стайна (1979) и «На шаг дальше» доктора Джерри Пурнела (1979) и примите мои заверения в том, что я знаю обоих авторов уже не менее двадцати лет, что у каждого из них многолетний опыт работы в аэрокосмической промышленности, каждый, помимо формального образования, продолжает изучение этой области — и обладает здравым смыслом! — а потому они являются настоящими экспертами в этих вопросах.

От почти всеобщего (99,9%) неверия в космические полеты до посадки на Луну прошло двадцать лет... от объявленного президентом Кеннеди решения до отпечатка человеческой ноги на Луне всего *семь лет...* а до 2000 года осталось еще двадцать лет — мы еще можем перебраться на кривую № 4 (и разбогатеть) чуть ли не за ночь. К 2000 году у нас могут быть колонии О'Нейла в точках «Лагранж-4» и «Лагранж-5», обеспечивающие сами себя и экспортирующие энергию на Землю, передаточные станции на орбитах вокруг Земли и Луны, постоянная база на Луне, оснащенная электрической катапультной, и дома для престарелых.

Я, однако, не уполномочен предсказывать то, что мы можем сделать, а лишь то, что, *скорее всего*, осуществится к 2000 году.

Наша все возрастающая национальная робость и нарастающий антиинтеллектуализм, наше почти тотальное отсутствие интереса ко всему, что не приносит *прямой и непосредственной* выгоды, развал системы общественного образования почти по всей стране (особенно в Нью-Йорке и Калифорнии) заставляют меня предсказать, *что наша космическая программа продолжит сокращаться.* Не удивлюсь (но чрезвычайно огорчусь), если программу «космического челнока» ликвидируют.

А тем временем другая нация или группа стран начнут эксплуатировать космос — промышленность, энер-

гия, возможно, и колонии в точках Лагранжа, — и в какой-то момент, проснувшись, мы окажемся перед фактом, что нас обошли. Такое уже случилось с нами в 1957 году; нам пришлось наверстывать упущенное. Возможно, нам удастся это повторить. Возможно...

Но денежную ставку на это я делать не рискну.

2

1950. Противозачаточные средства и контроль над болезнями до такой степени перевернут отношения между полами, что сменится вся социальная и экономическая структура нашего общества.

1965. Эта тенденция сейчас настолько более очевидна, чем пятнадцать лет назад, что у меня появляется искушение назвать ее свершившимся предсказанием. Мы повсюду видим огромные изменения в отношениях полов — старики называют их «моральным разложением», а молодежь не обращает на них внимания и воспринимает все как должное. Вот некоторые характерные признаки: бестселлерами становятся книги вроде «Секс и одинокая девушка»; ранее непечатные слова из трех и более букв можно встретить в романах и журналах; неологизм «свингер»¹ вошел в обиходный язык, а суды признают, что полная или частичная обнаженность уже является неотъемлемой частью культурных *правов*. Но до конца еще далеко; эта революция пойдет гораздо дальше, а сейчас она лишь едва началась.

Самой трудной задачей для писателя-фантаста становится необходимость верно предугадать *вторичные* последствия, вытекающие из введения нового фактора. Многие верно предвидели появление безлошадных экипажей, у некоторых хватило храбрости предсказать, что ими будут пользоваться все, а лошади постепенно почти

¹ Слово «swing» означает «качаться, колебаться», так что смысл этого слова, не имеющего однозначного перевода, вполне понятен. — *Примеч. пер.*

исчезнут. Но мне неизвестен ни один писатель, будь то прозаик или публицист, увидевший те огромные будущие изменения в обычаях американцев, имеющих отношение к ухаживанию и браку, причиной которых стал автомобиль, — те изменения, которые диафрагма и противозачаточные таблетки лишь подтвердили. Насколько мне известно, никому и в голову не приходили те изменения в сексуальных обычаях, которые вызвал к жизни автомобиль.

Уже сейчас существует некое новое устройство, которое окажется столь же революционным в какой-то другой области и столь же неожиданным. И вам, и мне известны и его название, и функции, но никто из нас не знает ни что это за устройство, ни каким окажется этот неожиданный эффект. Вот почему научная фантастика не пророчество, и вот почему писательские предположения так приятно и писать, и читать.

1980. (Нет, я до сих пор не знаю, что это за революционное устройство — если только не компьютерный чип.) Сексуальная революция: она продолжает набирать темп — феминистки, гомосексуалисты; матери-одиночки, родившие вне брака, уже не вызывают неодобрительного удивления, в старых степенных университетах и колледжах незамужним парам позволяют в кампусах жить в одной комнате, групповые браки, «открытые» браки, несчетные мили «свободных от ограничений» пляжей. Большая часть перечисленного может быть сформулирована одной фразой: что раньше скрывалось, теперь делается открытым. Но сексуальные отношения постоянно меняются, и новые из них еще не стали культурными нравами.

Но, как мне кажется, я вижу тенденцию, которая может оформиться к 2000 году. Видовая биологическая функция «семьи» заключается в защите детей и беременных женщин. Для обеспечения этой функции семейная организация должна вознаграждать также и мужчин... и я *не* имею в виду копуляцию. На эту тему есть старая циничная поговорка: «Зачем держать корову, коли моло-

ко так дешево?» Брак должен предлагать супругам эмоциональный, духовный и физический комфорт, превышающий тот, которым пользуется живущий одиноко, если первичная функция выполняется.

(Уточнение: имеются индивидуумы обоего пола, предпочитающие жить одиноко. Это видовая самокоррекция.)

Традиционная американская семья (отец, мать, двое или трое детей) перестала приносить эмоциональное удовлетворение — если когда-либо приносила. Это порождение нашего времени: мобильность, контроль над рождаемостью, легкость развода. В начале нашего столетия традиционная семья состояла из отца, матери и от четырех до восьми детей... и, в свою очередь, была ячейкой расширенной семьи, включающей бабушек, дедушек, тетюшек и дядюшек плюс двоюродных родственников, живущих неподалеку (а то и в одном доме), и такая структура обладала взаимной поддержкой. Если заболел ребенок, на помощь приходила тетя Кора, а тетя Эбби отводила остальных детей к себе домой. Смотри романы «лилового десятилетия».

С увеличением мобильности и уменьшением числа детей такая расплывчатая структура расширенной семьи тихо и почти незаметно исчезла. Люди ощущали разве что тихую радость избавления от занудства двоюродных и прочих родственников, и потребовалось гораздо больше времени для осознания того факта, что преимущества такой структуры тоже исчезли.

Нас не ожидает возврат к расширенной семье того типа, что был характерен для XIX и начала XX столетия, но нынешнее бурление клубов свингеров, групповые браки, обмен партнерами и прочее вызваны, по моему мнению, отчаянными и почти подсознательными попытками возродить удовольствие, эмоциональный комфорт и взаимную безопасность, ранее присущие расширенной семье два и более поколений назад.

(Предсказание: к 2000 году или чуть позднее расширенные семьи нескольких видов станут более обычными,

чем традиционные. Общей характеристикой различных типов семей станет возросшая безопасность детей, подкрепленная законно заключенными брачными контрактами.)

3

1950. Наиболее важный военный факт этого столетия состоит в том, что не существует способа отразить атаку из космоса.

1965. Я твердо придерживаюсь этой точки зрения. Да, верно, мы сейчас работаем над системами «Найк-Зевс», «Найк-Х» и родственными им и планируем затратить на такие системы миллиарды — зная, что другие поступают точно так же. Верно и то, что можно сбить объект на орбите или на траектории полета. Тем не менее это предсказание не менее надежно, чем утверждение, что завтра взойдет солнце. Зенитный огонь никогда не мог остановить воздушные налеты, он просто сделал их более дорогими. Уязвимость от пребывания на дне глубокого «гравитационного колодца» очень велика, и гравитация в грядущие годы будет не менее критическим фактором, чем роза ветров в те годы, когда парусные корабли контролировали империи. Нация, контролирующая Луну, будет контролировать и Землю, но в наши дни, кажется, никто не желает вслух произнести этот отвратительный факт.

1980. Я только что прослушал убедительный доклад о том, что СССР разработал лазеры гораздо лучше наших и что они способны «ослепить» наши спутники-наблюдатели и, вероятно, уничтожить в полете межконтинентальные баллистические ракеты. Допустим, что эти слухи верны: они ни на йоту не изменят мою позицию 1950 года. Снарядами, запущенными с Луны на Землю, вовсе не обязательно должны быть водородные или любые другие бомбы. Им даже не нужно иметь форму ракеты. От них требуется только одно — массивность, потому что они войдут в атмосферу со скоростью примерно *семь миль в секунду*. Лазер, способный ослепить спутник и вывести МБР

из строя до такой степени, что она не сможет взорваться, должен быть на порядок мощнее, чтобы распылить лунную глыбу размером с дом. Интересующихся подробностями отсылаю к моему роману «Луна — суровая госпожа».

4

1950. Совершенно невозможно, что Соединенные Штаты начнут превентивную войну. Мы станем сражаться, если на нас нападут, или непосредственно, или на территории, которой мы гарантировали защиту.

1965. С 1950 года мы проделали это несколько раз и воюем во Вьетнаме как раз сейчас, когда пишутся эти строки. Превентивная же война кажется столь же маловероятной, и не имеет значения, кто живет в Белом доме. Вот новое предсказание: Третья мировая война (в худшем случае Всеобщая война) не начнется по меньшей мере до 1980 года и с той же легкостью не случится и до 2000-го. Это очень приятное предсказание по сравнению с ситуацией в 1950 году, поскольку эти годы милосердия могут породить базовые факторы, которые (надеюсь!) отодвинут катастрофу на еще более долгий срок. Примерно в 1955 году мы были к ней *намного* ближе, чем сегодня, — по сути, гораздо ближе, чем во время Карибского кризиса 1962 года. Но народ этого не знал. Так или иначе, пока что ситуация благоприятна для выживания — и это прорыв ничуть не менее важный, чем тот, что совершили наши предки. В Лондоне 1664—1665 годов жить было *намного* опаснее, чем в городе, которому сегодня угрожают водородной бомбой.

1980. Я вынужден изменить предсказание 1950 года следующим образом: больше нет уверенности, что мы станем сражаться, отражая нападение на территорию, которой гарантировали защиту; наше поведение по отношению к Вьетнаму и Тайваню стало ясным предупреждением нашим союзникам по НАТО. И дело даже не в том, побывали ли мы во Вьетнаме или станем ли мы когда-

либо союзниками китайских националистов. Я не знаю ни *единого* профессионального военного, допускающего даже мысль ввязаться в боевые действия на Азиатском континенте; такая война станет для нас логической и стратегической катастрофой.

Но нарушить договор с союзником, *если он уже заключен*, означает подорвать доверие к нашей стране.

5

1950. В течение пятнадцати лет проблема нехватки жилья будет решена за счет «прорыва» в новую технологию, которая сделает любой стоящий ныне дом примитивным, словно хижина.

1965. Тут я плюхнулся лицом в грязь. Никакого прорыва в строительстве жилья не произошло и даже не ожидается — в ходу все те же древние расточительные технологии. Степень нашего отставания в этой области трудно даже вообразить; можете считать, что современного дома вы и в глаза не видели. Подумайте только, каким стал бы автомобиль, если бы каждый из них собирался на заказ из материалов, привезенных к вашему дому, — на что он был бы похож, какого качества и сколько бы он стоил. Ставьте цену не менее сто тысяч долларов, а скорость не выше 10 миль в час, иначе не получите реалистичного сравнения о столетиях разницы между жилищной и автомобильной промышленностями.

Я недооценил (хотя из благих побуждений) силу человеческого упрямства, что и оказалось фатальным для этого предсказания.

1980. Я все еще лежу, уткнувшись носом в грязь; ситуация даже хуже, чем прежде. Прочтите рассказ «Ее собственная ванная» в этой книге. А только что упоминавшиеся выше сто тысяч долларов рассчитывались по курсу тридцать пять долларов за тройскую унцию золота, так что замените их на миллион или на две тысячи семьсот унций золота. Или забудьте о них вовсе. Суть в том, что,

если бы мы строили автомобили так, как строим дома, у нас не получился бы даже рыдван на колесах.

У нас имеется технология постройки дешевых, красивых, эффективных, с гибкой архитектурой (по модульному методу) домов, весьма комфортабельных и долговечных, не хуже «роллс-ройса». Но я не в силах угадать, когда именно нынешние власти (местные бюрократы, профсоюзы, поставщики стройматериалов, руководство графств и штатов) позволят нам, своим бедным слугам, построить современные дома.

6

1950. Время от времени мы будем немного голодать.

1965. Новых комментариев нет.

1980. Не обязательно. В 1950 году я слишком пессимистично оценивал рост населения. Теперь я подозреваю, что управляющим параметром является нефть. В современном сельском хозяйстве она стала решающим фактором — как источник энергии для фермерских машин (что очевидно), но также и в производстве удобрений и инсектицидов. Поскольку наши нефтяные политики в Вашингтоне тупы именно в той степени, на какую только способны, я понятия не имею, сколько пищи мы сможем производить в 2000 году. Но никто в США не будет в 2000 году голодать — если только нас не завоюют и не оккупируют.

7

1950. Культ бредятины в искусстве исчезнет. Так называемое «современное искусство» станут обсуждать лишь психиатры.

1965. Новых комментариев нет.

1980. Право надеяться есть у каждого... Но искусство отражает культуру, а мир сейчас еще более сумасшедший, чем был в 1950 году. Наступили Безумные годы.

Утешает только одно: пока «тонкое» искусство продолжает смахивать на творения умственно отсталой обезьяны, коммерческое искусство непрерывно становится все лучше.

8

1950. Фрейда назовут донаучным интуитивным первооткрывателем, а на место психоанализа придет ныне развивающаяся и изменяющаяся «операционная психология», основанная на измерениях и предсказаниях.

1965. Новых комментариев нет.

1980. Это предсказание начинает сбываться. Информированные люди Фрейда более всерьез не воспринимают. Все большее число профессиональных психологов приобретает практический опыт в прикладной математике, все больше молодых психологов начинает понимать индуктивную методологию и природу научного подтверждения результата и упорно пытается придать необходимую жесткость необыкновенно трудному, но пока еще весьма расплывчатому предмету своих исследований. О некоторых таких достижениях вы можете прочесть в уже упоминавшейся книге доктора Пурнела «На шаг дальше».

К 2000 году мы будем знать многое о том, как функционирует мозг... кстати, то немногое, что мы об этом знали в 1900 году, оказалось ошибочным.

Я не предсказываю, что главная загадка психологии — каким образом некоторое количество материи, организованное в определенную сложную структуру, начинает осознавать себя — будет решена к 2000 году. Надеяться я могу, но не ожидаю.

9

1950. Рак, простуда и кариес будут побеждены; новой революционной проблемой в медицине станет достижение регенерации, то есть дать человеку возможность отрастить новую ногу, а не снабжать его протезом.

1965. За это время был достигнут впечатляющий прогресс в трансплантации органов — а проблема регенерации к ней близка. Биохимия и генетика совершили не менее впечатляющий прорыв в «расшифровке генетического кода». Но это, однако, лишь начало, и пройдет еще немало времени, прежде чем будут составлены карты всех хромосом человека, и еще больше, прежде чем мы научимся «перекраивать» людей при помощи манипуляций с генами. Такая возможность есть — но не к 2000 году. Может, оно и к лучшему. Если у нас не хватает ума построить себе достойные человека жилища, то вряд ли мы достаточно умны, чтобы играть роль Бога, когда речь идет об архитектуре человека.

1980. Не вижу причин менять это предсказание, если вы позволите сделать кое-какие уточнения. Простудой в обиходе называют инфекции верхних дыхательных путей, вызываемые очень большим числом вирусов. А вирусы — еще те ребята. Против них можно приобрести иммунитет, — к примеру, делают вакцинацию против оспы, то есть вирусного заболевания. Но химиотерапии, лекарств против вирусов практически не существует. Именно поэтому простуду сейчас лечат примерно так же, как и в 1900 году, то есть укладывают пациента в постель, обильно поят, дают аспирин для облегчения и накрывают теплым одеялом. То было стандартное лечение в 1900 году, оно остается стандартным и в 1980-м.

Вполне вероятно, что наш организм вырабатывает антитела против вирусов любой простуды, которую мы подхватываем. Но это не дает нам защиты против сотен родственников этого вируса, обитающих в любом аэропорту, театре, магазине или просто в щепотке уличной пыли. А пока родственники первого вируса развлекаются тем, что превращают вас в сопливую развалину, сам он претерпевает мутацию, а против нее в организме опять нет антител.

Хорошие новости: онкология (рак), иммунология, гематология и простуда оказались тесно связанными пред-

метами; исследования во всех этих областях быстро развиваются, и реальный прорыв в любой из них может означать прорыв во всех остальных.

10

1950. К концу этого столетия человечество изучит свою Солнечную систему. Начнется строительство корабля для полета к ближайшей звезде.

1965. Редактор намекнул, что это предсказание чересчур оптимистично, — но я стою на своем. До конца века еще целых тридцать пять лет. Давайте оценим перспективу: тридцать пять лет назад, в 1930 году, «Американское ракетное общество» еще не было основано. Еще одна кривая на графике, сходная по форме с той, что опубликована в этой книге, при экстраполяции намекает на то, что сверхсветовые скорости будут достигнуты как раз к 2000 году. Наверное, у меня не хватает храбрости, потому что я не предсказываю появление к тому времени сверхсветовых звездолетов, если они вообще когда-либо появятся. Но само предсказание остается в силе.

1980. Мои деньги все еще лежат на столе, ставку я не снимаю. Сенатор Проксмайр не может жить вечно. За последние десять с половиной лет люди несколько раз побывали на Луне, значительная часть Солнечной системы тщательно исследована в пределах возможностей технологии «черного ящика», и даже до конца этого года поступит новая информация.

Увы, но исследовали ее *не* люди, а расстояния так велики. Конечно, они побывали в космосе... на околоземных орбитах — и это все, чего мы смогли добиться. Но есть многочисленные предложения и проекты кораблей с постоянным ускорением (КПУ), проекты, требующие для осуществления только проведения научно-конструкторских работ и той технологии, которая уже имеется, — никаких технических прорывов.

Достаньте карманный калькулятор и прикиньте длительность полета на Марс и обратно, если ваш корабль

летит с постоянным ускорением $0,1 g$. Упростим задачу, предположив, что полет начинается с околоземной орбиты и там же заканчивается, траектории только прямые, а притяжение Солнца игнорируется: на Марс мы летим в гору, а на Землю спускаемся под гору; потерянное на разворотах выиграем на рывках.

От таких упрощенных расчетов Дэн Алдерсон, баллистик из «Лаборатории реактивного движения», может упасть в обморок. Но когда он придет в себя, то наверняка согласится, что полученный ответ будет необходимого порядка точности — а я всего лишь хочу доказать, что даже самое малое постоянное ускорение вносит огромную разницу в результаты полетов по Солнечной системе. (Потом, в XXI веке, мы назовем это «Экономичным турне: десять планет за десять дней».)

Расстояние между Землей и Марсом непрерывно меняется, но мы выберем почти минимальное (глупо болтаться на орбите вокруг Марса примерно год, чтобы вернуться по кратчайшему пути... и еще глупее ждать многие годы, пока расстояние между планетами станет минимальным). Совершим полет в стиле «Космического патруля»¹: вот Марс, вот мы в ракете, полный вперед, облетаем Марс и прямиком домой. Просто так, для тренировки.

Условия: ускорение свободного падения на Земле равно $980,7$ сантиметра на секунду в квадрате. Марс в противостоянии или почти (Марс восходит, когда Солнце садится). Примем, что длина кругового полета около 120 миллионов миль. Если пожелаем дождаться самого малого расстояния между планетами, то сможем срезать путь до 70 миллионов миль... но ждать этого события придется лет семнадцать. Так что выберем компромисс, одно из малых противостояний, которое случается каждые двадцать шесть месяцев, и тогда расстояние от Земли до Марса составляет 50 — 60 миллионов миль, но никогда не превышает 64 миллиона.

¹ Роман Р. Э. Хайнлайна.

(Когда Марс находится за Солнцем, можно совершить и живописный полет длиной более 500 миллионов миль, — насколько именно «более», зависит от того, как легко к вам пристаёт загар. Советую выбрать не менее 700 миллионов.)

Теперь у вас есть все необходимые данные для расчета времени полета Земля—Марс—Земля на КПУ — любом КПУ, — когда Марс в противостоянии. (Если вы настаиваете на живописном путешествии, но не имеете права принимать траектории за условно прямые линии, а космос считать плоским — полет пойдет как бы слегка в гору. Для расчетов потребуются помощь Алдерсона или специалиста такого же уровня и *большой* компьютер, а не карманный калькулятор, а уравнения расчетов такие, что волосы встают дыбом.)

Но нам, космическим кадетам, не привыкать, мы сделаем это с помощью ветра Теннесси, аэрокосмического альманаха, часов Микки-Мауса и SR-50 Pop, от которого отказались несколько лет назад.

Нам понадобится только одно уравнение: скорость равна ускорению, умноженному на время полета: $V = at$.

Отсюда получается, что наша средняя скорость равна половине at , а из этого вытекает, что пройденный путь определяется как средняя скорость, умноженная на время.

Если вы мне не верите, откройте любой учебник физики, энциклопедию или другой справочник — а ведь я вывел эти формулы, не заглядывая в книгу... Но сейчас я должен прерваться и выяснить, не напортачил ли я, — у меня были годы практики в совершении разных глупостей. (Немного позже — уф! кажется, все в порядке.)

Только помните еще о двух вещах:

1. Путешествие состоит из четырех участков: разгон до середины пути, разворот и торможение; потом те же операции на обратном пути. Примем длину каждого из участков равной 30 миллионам миль, поэтому вычислим длительность каждого и умножим на четыре (Дэн, не хмурься, это же *приближенный* расчет... сделанный по часикам Микки-Мауса).

2. Пользуйтесь одинаковыми единицами измерения. Если начали с сантиметров, считайте и далее в сантиметрах, если в милях, то и далее в милях. Таким образом, $\frac{1}{4}$ пути равна $5280 \times 30\,000\,000 = 1,584 \times 10^{11}$ футов, или $4,827 \times 10^{12}$ сантиметров.

И последнее: поскольку нам нужно именно время полета, преобразуем последнее уравнение ($d = \frac{1}{2} at^2$) таким образом, чтобы вы получили ответ на своем надежном, но устаревшем карманном калькуляторе за одну операцию... или даже на логарифмической линейке, потому что эти данные всего с четырьмя значащими цифрами — так, прикидка. Я уже сделал так много упрощений и отбросил столько мелких переменных, что буду рад получить ответ с точностью до двух значащих цифр.

Итак, если $d/(0,5a) = t$ в квадрате, то t равно квадратному корню из $d/(0,5a)$.

Вводим в калькулятор расстояние (d) 30 миллионов миль, делим на половину от 0,1 g. Нажимаем кнопку квадратного корня. Умножаем на четыре. Мы получили время в пути, выраженное в секундах, поэтому делим его на 3600, получаем в часах, делим еще на 24 и получаем в днях.

Тут вам полагается удивиться и начать искать ошибку. Пока вы этим занимаетесь, схожу возьму пива из холодильника.

Ошибки нет. Пересчитайте снова, на этот раз в метрической системе. Найдите справочник и проверьте уравнения. Ответ вы найдете чуть ниже, но пока в него не заглядывайте; мы поговорим о других путешествиях, которые вы сможете совершить в 2000 году, если говорите дома на японском или немецком — или даже английском, если Проксмайр и его присные не будут переизбраны.

Подсчитайте длительность того же пути, но только при ускорении в 0,01 g. При такой тяге я буду весить меньше собственных ботинок.

Гмм! Получается, что один из ответов ошибочный.

Потерпите немного и на этот раз повторите вычисления для ускорения в одно g — того самого, что вы испытываете, лежа в кровати. (См. статью Эйнштейна, написанную в 1905 году.)

(Странно. Должно быть, все три ответа ошибочны.)

Потерпите еще немного. Давайте решим все три задачи снова, но для полета к Плутону и обратно — в 2006 году плюс или минус год. Почему именно в этом? Потому что сейчас Плутон нырнул внутрь орбиты Нептуна и не достигает перигелия до 1989 года, а я хочу, чтобы он находился подальше, — у меня в шляпе припасен кролик.

Плутон вынырнет обратно в 2003 году и в 2006 году будет (с точностью до пары миллионов миль) на расстоянии в 31,6 астрономической единицы (а. е.) от Солнца. Одна а. е. равна 92,9 миллиона миль, или 14 950 000 000 000 сантиметров (ну ладно-ладно, $1,495 \times 10^{13}$ сантиметров, слишком много цифр для этой машинки).

Теперь посчитайте длительность полета туда и обратно (63,2 а. е.) с постоянным ускорением в 1, 0,1, 0,01 g силы тяжести. Свои труды мы посвятим Клайду Томбо — единственному живущему среди нас человеку, открывшему новую планету и затратившему на это месяцы кропотливого труда по изучению тысяч астрономических фотографий.

Некоторые полагают, что Плутон некогда был спутником другой планеты, и его малые размеры делают это предположение вероятным. Но *сейчас* это не спутник¹. Он и слишком велик, и слишком далек от Солнца, чтобы быть астероидом или кометой. Так что это планета — или нечто настолько экзотичное, что представляет собой еще более ценную добычу.

Его небольшой размер затруднял поиск, и, следовательно, результат был еще большим достижением. А Томбо продолжал поиск семнадцать долгих лет, пересмотрев миллионы фотографий. Если там есть планета размером с Землю, она как минимум в три раза дальше, чем Плутон, а газовый гигант должен быть в шесть раз дальше. За отрицательные результаты не получают призов, но они являются основой науки.

Пока Джеймс В. Кристи 22 июня 1978 года не обнаружил спутник Плутона, Харон, мы, романтики, могли ле-

¹ С 2006 г. Плутон больше не считается планетой. — *Примеч. С. В. Голд.*

леять мечту о том, что Плутон под завязку набит ценными тяжелыми металлами; лучшая оценка его плотности сделала это правдоподобным. Но масса планеты со спутником может быть вычислена довольно легко и точно, а, исходя из этого, может быть рассчитана и ее плотность.

По новым данным, планета была так себе, лишь наполовину более тяжелой, чем вода. Метановый снег? Может быть.

Итак, еще раз прекрасная теория разрушена неловким фактом.

И тем не менее Плутон остается самым таинственным и самым интригующим небесным телом. Планета, размером и массой с Марс, но очень далекая, может и не представлять особого интереса... но представьте ее в роли заправочной станции. Во многих художественных произведениях и научных проектах говорится об использовании газовых гигантов и/или колец Сатурна как источников горючего. Но если Плутон состоит из метанового или водяного льда, замерзшего водорода или их смеси, то как источник горючего — обычного, ядерного или просто реакционной массы — Плутон имеет одно чрезвычайно важное преимущество перед газовыми гигантами: он не находится на дне ужасающе глубокого гравитационного колодца.

Кончили считать? Молодцы. Теперь, пожалуйста, перейдите на страницу 415 и там вы узнаете, почему я хотел, чтобы наше путешествие на Плутон рассчитывалось для расстояния 31,6 а. е. Плюс еще кое-что интересное.

11

1950. Ваш личный телефон будет настолько мал, что вы сможете носить его с собой в сумочке. Домашний телефон станет записывать сообщения, отвечать на простые запросы и передавать изображение.

1965. Новых комментариев нет.

1980. Это предсказание оказалось тривиальным и робким. Оно по большей части уже сбылось, а остальное телефонные компании готовы предоставить уже сейчас, только за отдельную плату. В 2000 году, когда современные для того времени телефоны будут подключены к домашнему компьютеру (тогда они станут столь же привычными, как сейчас унитаз с бачком), у вас в распоряжении будет трехмерное изображение и стереозвук. Артур Кларк говорит, что это уничтожит большинство личных контактов в бизнесе. Я согласен с аргументами мистера Кларка, но возражаю против его выводов; для нас, потомков любопытных обезьян, замены личным контактам просто нет, мы ими наслаждаемся и удовлетворяем духовные потребности.

Кроме того, деловые совещания частенько служат поводом побездельничать в рабочее время, а деловые конференции нередко одаривают нас кое-какими выгодами римских сатурналий.

Тем не менее я дожидаюсь головидеостереотелефонов, но от личных контактов *не* отказываюсь.

12

1950. На Марсе будет найдена разумная жизнь.

1965. После всем известных удручающих фотографий человек, предсказывающий разумную жизнь на Марсе, выглядит довольно глупо. Но я не стану отказываться от своего мнения до тех пор, пока Марс не будет *тщательно* исследован. Пока что у нас нет представления — и данных — о том, насколько распространенной и разнообразной может оказаться жизнь в нашей Галактике; жизнь, которую мы *не* знаем, может развиваться на планете *любого* сорта... и наши современные знания химии этого не исключают. Речь-то шла о жизни такой, какой мы ее *знаем*, а она подразумевает земные условия окружающей среды.

Но если, по-вашему, мои слова выдают детское нежелание расстаться с мечтой о прекрасной марсианской принцессе до тех пор, пока меня к этому не вынудят, то я спорить с вами не буду — просто подожду.

1980. Фотографии, сделанные на Марсе спускаемыми аппаратами и их орбитальными коллегами, делают предсказание разумной жизни на этой планете еще более глупым. Но новые снимки и новые данные делают Марс еще более загадочным. И я упрямлюсь потому, что считаю жизнь вездесущей, — называйте это религиозным мнением, если хотите. Но помните о двух вещах: почти все дискуссии шли о жизни такой, какой мы ее знаем... а как насчет жизни, которой мы *не* знаем? И если марсиане жили в те времена, когда формировались эти изумительные каньоны и долины, то не укрылись ли они под грунтом, когда атмосфера начала становиться разреженной? На сегодня, несмотря на превосходные фотографии, у нас есть лишь очень скудная информация; спускаемые аппараты сели на Марсе в местах, которые на Земле можно приравнять одно к Канадской тундре, а другое — к Антарктике. Едва ли этого достаточно для решения проблемы «есть ли жизнь на третьей планете Солнечной системы?».

(А есть ли разумная жизнь в Вашингтоне, округ Колумбия?)

Ладно, это была хорошая мина при плохой игре, — похоже, я сам себя загнал в угол. Но если Марс на самом деле необитаем, то вскоре начнется такая земельная гонка, по сравнению с которой схватки из-за земельных участков в Оклахоме покажутся детскими шалостями. Поскольку в нашу жизнь входит $E = mc^2$, *любое* частное земельное владение потенциально очень ценно; его можно приспособить под нужды землян. Уже столько опубликовано фантастики и серьезных научных статей на тему о том, как терраформировать Марс, что мне нечего к ним добавить, разве что следующее.

Энергия там не проблема. На таком расстоянии солнечный свет слабеет до 0,43% от максимальной величины на Земле — но Марс получает ее целиком и круглые сутки, за исключением периодов редких пылевых бурь. Для сравнения: *максимум*, что получает Филадельфия (и ей подобные места), едва достигает 0,35%, а пасмурные дни здесь нередки. Марсу даже не требуются солнеч-

ные электростанции на орбите; энергию дешевле добывать на поверхности.

Но не удивляйтесь, если японцы потребуют от вас очень высокую плату за право поставить их визу в ваш паспорт плюс предъявить депозит на оплату обратного билета или же, если вы попросите иммигрантскую визу, плата еще больше возрастет, а у вас еще попросят документ о владении нужной для колонистов профессией.

Потому что в Токио *есть* разумная жизнь.

13

1950. Самыми обычными станут поездки со скоростью тысяча миль в час при себестоимости один цент за милю. Короткие поездки будут совершаться по вакуумированным подземным туннелям с огромной скоростью.

1965. Тринадцатое предсказание необходимо уточнить: тот цент, что я упоминал, был частью доллара 1950 года. Но наша валюта прошла долгий путь непрерывной инфляции, и ни одна нация в истории еще не заходила настолько далеко по этому пути, не достигнув взрывной фазы инфляции. Гамбургеры за десять долларов? Приятель, да мы приближаемся к гамбургеру за сто долларов... а то и круче — к гамбургеру только в обмен на что-то.

Но пока гамбургеров достаточно, это всего лишь мелкое неудобство, а не несчастье.

1980. Вынужден снова уточнить стоимость «цента». В 1950 году золото стоило тридцать пять долларов за тройскую унцию; сегодня утром цена на Лондонской бирже была триста семьдесят четыре доллара за унцию. На прошлой неделе мы с женой летали самолетом из Сан-Франциско в Балтимор и обратно. Мы не летели люксом и не пользовались никакими скидками, просто купили те билеты, что достались.

С учетом фактора инфляции, то есть 35/374, наши билеты стоили самую малость — менее цента за милю в долларах 1950 года. С этого момента я лучше буду выражать

цены в унциях золота или швейцарских франках, потому что даже человек в Белом доме не знает, как далеко зайдет эта инфляция. Насчет тех подземных туннелей: к 2000 году — возможно, даже вероятно. Но вряд ли их строительство начнут финансировать, пока доллар не стабилизируется, — об этом весьма болезненном процессе правительство предпочитает умалчивать.

14

1950. Главным направлением прикладной физики станет управление гравитацией.

1965. Это предсказание остается в силе. Но современная физика пребывает в состоянии радикальных изменений, и новые данные накапливаются быстрее, чем их удастся переработать. Все гадают, куда мы идем, но чем более дикие предположения вы высказываете, тем больше вероятность того, что вы попадете в точку. Когда число «элементарных частиц» достигло половины списка «стабильных» химических элементов, зрителю уже нужна программка, чтобы не забыть имена актеров. На другом конце шкалы масштабов появились квазары — квазизвездные объекты; радиоастрономия сменила на месте лидера — оптическую астрономию с ее телескопами; и мы уже несколько раз переписали картину Вселенной, всякий раз увеличивая и усложняя ее. Не знаю, какая теория появилась на этой неделе, но это к лучшему, потому что она все равно устареет, когда эти строки будут напечатаны. В 1950 году физика плазмы едва зарождалась, то же самое можно сказать и о физике твердого тела. Сейчас в физике золотой век — и полная анархия.

1980. Основное предсказание не меняется. Физики, как теоретики, так и экспериментаторы, сейчас работают над природой гравитации настолько упорно, что через двадцать лет прикладная физика уже станет пытаться ею управлять. Но отметьте слово «пытаться» — до полного успеха путь может оказаться очень долгим. Если когда

они его и добьются, результатом, вероятно, станет космический корабль, не являющийся ракетой, — и Галактика наша! (Если только мы не наткнемся на еще более умную, злобную и упрямую расу, которая нас убьет, поработит или съест — или сделает все сразу.)

Физика частиц: ситуация сейчас еще более запутанная, чем в 1965 году. Ученым теперь известно более двухсот видов адронов — элементарных тяжелых частиц. Чтобы избавиться от конфуза, была изобретена математическая конструкция под названием «кварк». Кварки, подобно мороженому, имеются на любой цвет и вкус... плюс спин, очарование, правду и красоту (или верх и низ вместо правды и красоты; возможно, правда в список не входит... только не шутите, пожалуйста, на этот счет, потому что физики не шутят, и я тоже).

Сложите вместе кварки, имеющие разные атрибуты, и вы получите (наверное) все двести с лишком адронов (а заодно в качестве премии и систему лептонов, то есть легких частиц).

Все это просто прекрасно... вот только никому до сих пор не удалось выловить ни единого кварка. Кварки, если они существуют, являются нам в виде кучки адронов — и не как бог на душу положит, а в соответствии с законами, присущими каждой из групп адронов.

И вот появляется Кеннет А. Джонсон, доктор наук, получивший ученую степень в Гарварде в 1955 году, профессор физики Массачусетского технологического института (что однозначно причисляет его к группе ведущих физиков мира), со статьей («Scientific American», июль 1979 года, с. 112), озаглавленной «Сумочная модель упаковки кварков», и в этой статье он утверждает, что кварки невозможно поймать именно потому, что они прикрыты некой вечной паранджой, и потому их невозможно увидеть даже в виде следа в детекторе частиц.

Чем-то это мне напоминает дилемму, когда снарк — это буджум.

Я не собираюсь подшучивать над доктором Джонсоном; он очень умный человек и очень старался разъяс-

нить этот трудный вопрос так, чтобы его поняли даже невежды вроде меня.

А пока советую вам дожидаться 2000 года, почитывая «Охоту на снарка» Льюиса Кэрролла. Информации у нас с избытком; глядишь, лет за двадцать картина упростится. Может быть...

15

1950. В обозримом будущем мы не достигнем уровня «мирового государства». Тем не менее коммунизм с лица планеты исчезнет.

1965. Свое пятнадцатое предсказание буду упорно отстаивать.

1980. Продолжаю настаивать на первом предложении этого предсказания. Что касается второго, тут я могу извернуться, отметив, что на этой планете *ни одно* государство, называющее себя марксистским, социалистическим или коммунистическим, не смогло воплотить в жизнь систему, описанную в работах Карла Маркса и Фридриха Энгельса. И никогда не сможет: утопия Маркса людям, какие они есть, попросту не подходит. Государство не собирается «отмирать».

Но я не могу скрыть своей тревоги по поводу политических событий последних пятнадцати—двадцати лет. По меньшей мере две трети территории нашей планеты теперь называют себя марксистскими государствами. Еще одна большая группа стран — военные диктатуры. Другая большая группа (включая Соединенные Штаты) — конституционные демократические республики, но они настолько наспигованы социализмом («государство всеобщего благоденствия»), что балансируют на грани банкротства и краха.

Насколько я вижу сейчас, единственной причиной, способной вызвать коллапс марксистских государств за столь короткий срок, как двадцать лет, может стать завоевание и оккупация США Советским Союзом — и два-

дцать лет назад я считал вероятность такого события весьма большой. (Теперь, учитывая нынешнее трехстороннее противостояние, я стал большим оптимистом.)

Если бы нас завоевали и оккупировали, коммунистический мир мог бы рухнуть довольно быстро. Ведь мы почти полвека поддерживали их всякий раз (довольно часто!), когда у них возникали реальные проблемы.

16

1950. Повышение мобильности лишит избирательного права большую часть населения. Приблизительно к 1990 году конституционная поправка покончит с границами штатов, сохраняя лишь их видимость.

1965. Новых комментариев нет.

1980. Я здорово промахнулся. Я буду очень удивлен, если к 2000 году сбудется половина этого двойного прогноза — по крайней мере, в описанной форме и по причинам, которые я имел в виду. В настоящее время право голоса предоставляется любому идиоту старше восемнадцати лет, и это право гражданин может подтвердить в другом штате быстрее, чем найдет в нем жилье.

Таким образом, никакая конституционная поправка не требуется. Но границы штатов из года в год постепенно размываются, поскольку власть продолжает утекать из штатов в федеральное правительство, где ее прибирают к рукам бюрократы, преимущественно те, что на невыборных должностях.

17

1950. Всеми самолетами будет управлять гигантская радарная сеть континентального масштаба, находящаяся под контролем многочисленных электронных «мозгов».

1965. Новых комментариев нет.

1980. Предсказание остается в силе — хотя может оказаться лишь моими благими пожеланиями. Такая систе-

ма была разработана более тридцати лет назад; Конгресс не станет ее покупать. Сегодня она обойдется еще дороже... а насущная потребность в ней возросла еще больше. Тот, кто побывал в башне управления перегруженного аэропорта или кабине коммерческого самолета во время взлета или посадки на такой аэродром, знает, что я имею в виду. Все наши аэропорты перегружены, но если вам приходилось прилетать или улетать из Сан-Диего, или из Чикаго, или... к чему продолжать список? Самолеты у нас прекрасные... но вот методы управления воздушным движением по результату сравнимы с Манхэттеном, внезапно лишившимся всех светофоров.

Я продолжаю регулярно летать по двум причинам. 1) Мы с женой надеемся отойти в мир иной вместе после какой-либо аварии. 2) Рассмотрим альтернативы: поездом (тьфу!), автобусом (дважды тьфу!) и самому вести машину. Последний вариант хорош для небольших расстояний (насколько позволяют ОПЕК и Вашингтон), но, хотя в молодые годы я пересек континент столько раз, что и счет потерял, сейчас я физически не в состоянии совершить такую поездку даже с шофером.

Но эту полностью автоматизированную систему управления полетами *следует* создать. Да, дорого — но во сколько вы оцените сотню погибших пассажиров с экипажем и современный авиалайнер? Компьютеры и радары сейчас настолько совершенны, что ни пилот, ни диспетчер не должны испытывать стресс при взлете и посадке; им нужно лишь быть настороже и готовыми при необходимости взять управление в свои руки, потому что даже над самыми совершенными машинами и оборудованием действуют законы Мерфи. Но всеми рутинными (99,9%) взлетами и посадками должен управлять компьютер.

Если такая система вытеснит маленькие частные самолеты на отдельные или небольшие аэродромы, пусть будет так. Велосипедам не место на скоростном шоссе. Мне очень неприятно это говорить, потому что нет ничего приятнее полета на легком спортивном самолете.

(Все имеет право на жизнь, я имею в виду. *Vive la раз-нообразие!*)

(Об управлении полетами я говорю как более или менее человек искушенный. В 1948 году я на короткое время вернулся в авиапромышленность, чтобы изучить этот вопрос, а затем написал статью, названную в черновике «Глаз стоимостью миллиард долларов». Но промахнулся — ее до сих пор не опубликовали.)

18

1950. Нашими основными источниками белка станут рыба и дрожжи. Говядина превратится в роскошь, а баранина вовсе исчезнет.

1965. С этим предсказанием я немного перегнул палку. В США голод не превратился в проблему, не станет он ею и к 2000 году, но во всем мире он *является* проблемой и сразу станет проблемой для нас, если нас оккупируют... это реальная перспектива на 2000 год. Между нашим нынешним статусом и оккупацией имеется целый спектр возможных политических и экономических вариантов будущего, в которых нам предстоит в большей или меньшей степени разделить всемирный голод. И проблема все возрастает. Можно ожидать, что к концу столетия нам придется кормить полмиллиарда американцев — и наши нынешние огромные избытки продовольствия обернутся балансированием на грани нехватки, даже если мы не отправим в Индию ни тонны пшеницы.

1980. Сейчас похоже на то, что население США к концу столетия составит около 270 миллионов, а не 500 миллионов. Я уже сорок лет вырезаю из газет статьи о демографии; все приведенные в них прогнозы имеют одну общую черту: все они оказались ошибочными. Даже 270 миллионов могут оказаться слишком завышенной цифрой; сейчас наше население в основном растет по той причине, что мы, пожилые люди, дольше живем, а текущий уровень рождаемости недостаточен даже для замещения родительского поколения.

1950. Человечество *не* уничтожит ни себя, ни цивилизацию.

1965. Оставляю это предсказание в силе.

1980. И сейчас оставляю его в силе. Будут войны, мы станем участвовать в некоторых из них, не исключено и применение атомного оружия. Но всеуничтожающего ядерного холокоста, какой описан в многочисленных НФ-произведениях, *не будет*. На это есть три причины: Соединенные Штаты, Советский Союз и Китайская Народная Республика.

Почему? Да потому, что три самые сильные страны в мире (а каждая из них испытывает неприязнь к любой из остальных) ничего не приобретут и все потеряют в результате полномасштабного обмена водородными бомбами. Потому что в Кремле сидят не идиоты, да и в Пекине тоже.

Если любая другая страна — скажем, Израиль, Индия или Южно-Африканская Республика — пойдет на отчаянный шаг и применит атомное или водородное оружие, то ее руководство, скорее всего, получит одновременно три телефонных звонка, по одному от каждого из «Большой тройки», и услышит лишь одну фразу: «У вас есть ровно три минуты, чтобы пойти на попятную. В противном случае мы вас уничтожим».

После Второй мировой войны никто не предполагал, что наша безопасность будет зависеть от раскола в Коммунистическом Интернационале, — но это именно то, что произошло.

1950. Вот список того, что мы *не получим* в ближайшее время, если вообще когда-либо получим.

Путешествия во времени.

Полеты со сверхсветовой скоростью.

Передача материи «по радио».

Человекообразные роботы с человекоподобными реакциями.

Создание жизни в лаборатории.

Реальное понимание того, что такое «мысль» и как она связана с материей.

Научное доказательство существования личности после смерти.

Полное прекращение любых войн. (Мне это предсказание нравится не больше, чем вам.)

1950. Предсказание появления неких технических устройств — не более чем салонный фокус, которому может выучиться каждый, но только дурак возьмется предсказывать детали истории будущего (разве что в виде фантастических произведений с соответствующей пометкой); слишком много неизвестных, и нет методов для их интеграции, даже если б они были известны.

Даже делать предсказания об общих тенденциях развития техники в наше время весьма трудно. В областях, в которых до Второй мировой войны открыто работал один человек, сейчас работает десять или сто, но уже за завесой секретности. Возможно, человек шесть в стране имеют точное представление о том, что сейчас происходит в науке. *А может, и нет ни одного.*

Это уже само по себе тенденция. Многие ведущие ученые считают ее фактором не менее губительным для нас, чем лысенковщина для русских. Тем не менее есть и совершенно очевидные тенденции, которые наверняка сделают грядущую эру в огромной степени более продуктивной и интересной, чем та отчаянная эпоха, через которую мы только что пробрались. Среди них следующие.

Кибернетика. Изучение связей и управление механизмами и организмами. Эта наука включает в себя восхитительные области механических и электронных «мозгов» — но не ограничивается ими. (Эти «мозги» сами по себе фактор, который ускорит технический прогресс примерно так, как его ускорила война.)

Семантика. Кажется, что эта область науки занимается лишь определением значений слов. Но это не так; это фронтальная атака на эпистемологию — другими слова-

ми, *откуда* мы знаем *то, что* мы знаем; сия тема прежде была вотчиной длинноволосых философов.

Новые инструменты математики и логики, такие как исчисление утверждений, булева логика, морфологический анализ, обобщенная символика, недавно изобретенная математика всевозможных видов — нет места даже перечислить эти огромные области, но они дают надежду на прорыв во множестве других областей: медицине, общественных отношениях, биологии, экономике — да в чем угодно.

Биохимия. Исследования в области природы протоплазмы, химии ферментов, вирусов и так далее дают надежду, что мы можем не только победить болезни, но и когда-нибудь поймем механизмы самой жизни. Через эти исследования, а также при помощи кибернетических машин и радиоактивных изотопов мы сможем со временем превратить химию в настоящую науку. Сейчас это не научная дисциплина, а джунгли. Мы знаем, что химическое поведение элемента зависит от числа электронов на орбитах вокруг атомов, а химические свойства подчиняются схеме, называемой Периодической системой. Нам мало что известно сверх этого, и то в основном найдено методом тыка, несмотря на масштабность и важность химической промышленности. Когда химия станет настоящей наукой, математические химики станут создавать новые материалы, предсказывать их свойства и указывать инженерам, как их изготовить, даже не входя в лабораторию. До этого нам предстоит пройти еще *долгий* путь.

Нуклеоника. Нам еще предстоит узнать, как устроен атом. Атомная энергия? Да, она у нас будет в удобной упаковке — когда мы поймем структуру атомного ядра. Одна только наука о радиоизотопах сейчас больше, чем вся известная нам наука 1900 года. И, еще не решив эти проблемы до конца, мы, возможно, узнаем, как устроена Вселенная и *почему* именно так. Не говоря уже об огромных областях неизвестного, которые лучше обозначить как «????».

Некоторые физики сейчас используют две шкалы времени: Т-шкалу и *tau*-шкалу. Три миллиарда лет по одной шкале могут равняться ничтожно малому мгновению по другой — и тем не менее обе применимы по отношению к вам или вашей кухонной плите. Вот в какой анархии пребывает современная физика.

По этим причинам мы можем утверждать, что Век науки еще не начался.

(Все еще 1950). Величайший кризис, который нам нужно преодолеть, — это не Россия, не атомная бомба, не коррупция в правительстве, не наступающий голод, не моральный облик молодежи. Это кризис в *организации и доступности* человеческих знаний. Мы владеем огромной «энциклопедией», которая не упорядочена даже хотя бы в алфавитном порядке. Наши «карточки» разбросаны по полу и никогда не были сложены в надлежащем порядке. Ответ, который мы ищем, может оказаться погребенным где-то в этой куче, но, чтобы отыскать в ней два уже известных факта, разместить их рядом и вывести из них третий, отчаянно необходимый факт, может потребоваться вся ваша жизнь.

Если хотите, назовите это Кризисом Библиотекаря.

Нам нужен новый «специалист», который вовсе не специалист, а синтетик. Нам нужна новая наука, которая станет идеальным секретарем для всех прочих наук.

Но вряд ли мы отыщем такого секретаря в ближайшее время, а пока ведутся поиски, наша участь будет печальной.

Гадалки могут обеспечить себе постоянных клиентов, предсказывая то, что клиент хочет услышать... и совершенно не имеет значения, сбудутся ли эти предсказания. И наоборот, синоптиков частенько обвиняют в том, что погода плохая.

Готовьтесь к худшему.

В 1900 году на горизонте висело облачко не крупнее кулака — но впереди нас ждали паника 1907 года, Первая мировая война, последовавшие за ней паника, Депрессия,

фашизм, Вторая мировая война, атомная бомба и Красная Россия.

Сейчас тучи скрыли все небо, а ветер, который перевернет мир, уже завывает вдалеке.

Период ближайшего будущего окажется самым грубым и жестоким за всю долгую и тяжелую историю человечества. Вполне возможно, нам предстоит худшая из всех мировых войн. Это может быть война с Марсом, боже упаси! И даже если отбросить эту фантастическую возможность, совершенно ясно, что безопасности вы не найдете нигде, разве что обрячете ее в глубинах своего духа.

А что же насчет той картинки домашней роскоши и спокойствия, что мы нарисовали для миссис Средний-класс образца 2000 года?

Она пережила эти времена. Она выжила.

И высказанные выше перспективы не должны испугать вас, если ваши предки были на перевале Кровавый Нос, сражались под Геттисбергом или тряслись в фургоне по равнинам. Вы и я живем здесь и сейчас потому, что в нас гены бесчисленных предков, которые сражались со смертью во всех ее видах — и побеждали ее. Мы крепки и упрямы. Мы выживем. Большинство из нас.

Мы перенесли предварительные стычки; главное событие надвигается.

Но оно не для маменькиных сынков.

Последней из ящика Пандоры вылетела Надежда — без которой люди умирают.

Надвигающийся ветер всего не уничтожит, равно как Век науки всего не изменит. И еще долго после того, как первый звездолет улетит в неведомые дали, в северной части штата Нью-Йорк во дворах будут стоять деревянные туалеты, в Техасе будут кастрировать бычков, а англичане — тут уж сомнений нет — будут пить в положенное время чай.

Запоздалые мысли, пятнадцать лет спустя (1965)

Не вижу причин менять любое из негативных предсказаний, следующих за пронумерованными позитивными. Все они, по сути, возможны; все они почти наверняка не сбудутся к 2000 году. Некоторые спорны — в том случае, если термины определить так, чтобы повысить их утвердительность, — к примеру, определения понятий «жизнь» и «человекоподобный». Договоримся, что я не веду в первом случае речь об аминокислоте, а во втором — о машине, играющей в шахматы.

Предшественники синтетиков уже работают сейчас во многих местах. Должности у них могут называться по-разному, научные степени могут быть какими угодно — или вообще отсутствовать. Сегодня их называют «исследователями операций», иногда — «инженерами системного развития» или каким-либо временным термином. Но все они люди, не принадлежащие ни к одной из научных дисциплин, универсалы, а не специалисты, новые люди эпохи Возрождения. Тот самый информационный взрыв, что заставил большинство ученых опуститься до узкой специализации, создал необходимость, породившую этих новых неспециалистов. Пока что эта «неспециализация» пребывает во младенчестве, ее методология не разработана, результаты иногда тривиальны, и никто не знает, какое нужно образование, чтобы стать таким человеком. Но результаты их деятельности часто впечатляюще ярки — эти новые люди могут еще спасти нас всех.

Я оптимист. Я уверен в будущем *homo sapiens*.

Впереди нас ждут тяжелые времена — но когда их не было? Человечество всегда «балансировало на грани». Водородные бомбы, коммунизм, расовые волнения, нехватка воды — проблемы одна хуже другой. Но проблемы не главные, а всего лишь преходящие.

У нас есть три главные и до сих пор не решенные проблемы: бурный рост населения, информационный взрыв и проблема правительства.

Проблемы перенаселенности имеют жуткую тенденцию разрешаться сами собой, когда их не решают рационально. Четыре всадника Апокалипсиса никогда не слезают с седел и готовы отправиться в путь. Проблема информационного взрыва сейчас решается по большей части кибернетиками и электронщиками, а не библиотекарями — и если решения далеко не идеальны, они, по крайней мере, лучше тех, которыми приходилось довольствоваться вашему дедушке. Проблема правительства пока не решена ни «западными демократиями», ни «народными демократиями». (Любой, полагающий, что народ Соединенных Штатов решил проблему правительства, пользуется слишком короткой временной шкалой.) Народы мира вовлечены сейчас в долгую, очень долгую борьбу, конца которой не видно, и примеряют концепции одну за другой, подбирая лучшую; в этом конфликте миллионы уже погибли, и вполне возможно, что до 2000 года погибнут еще сотни миллионов. Но не все.

Предсказывая исход, я выражаю и свое мнение, и свое предпочтение. Но мое личное предпочтение по большому счету не имеет значения; то, что мы сейчас переживаем, является эволюционным процессом, в котором личные предпочтения учитываются в лучшем случае статистически. Биологи, в особенности экологи, ходят вокруг идеи о том, что естественный отбор и выживание самого приспособленного больше применимы к группам и тому, как они организованы, чем к индивидуумам. Нынешняя проблема решится в холодных терминах эволюционного выживания, и по ходу процесса обе противоборствующие стороны сделают изменения в структуре своей группы. Система, которая выживет, может называться «коммунизмом» или же «демократией» (последнее предположение мое, я думаю), но в одном мы можем быть уверены: она не будет очень близко напоминать то, что имели в виду Маркс или Джефферсон. Впрочем, ее могут назвать и другим, равно неподходящим неологизмом; политические ярлыки редко бывают логичны.

Потому что сам Человек редко бывает логичен. Но я уверен в Человеке, и моя уверенность основывается на его прежних достижениях. Это ничтожное, злобное, вздорное, нелогичное, эмоциональное — и поразительно живучее существо. Религиозные лидеры верят в духовное спасение Человека; лидеры гуманистов склоняются к вере в его самоусовершенствование за счет собственных усилий, но я не стану оспаривать ни ту ни другую точку зрения. Моя уверенность в нашем виде уходит корнями в историю и покоится в равной степени как на так называемых человеческих пороках, так и на его так называемых добродетелях. В решительную минуту драчливость и эгоизм могут оказаться столь же полезными для выживания человеческой расы, как альтруизм, а ослиное упрямство может оказаться более выгодной чертой характера, чем мирная рассудительность. Не будь это правдой, эти пороки вымерли бы вместе с их носителями еще полмиллиона лет назад.

Я испытываю глубокую и непоколебимую уверенность в Человеке таком, какой он есть, несовершенном и зачастую не вызывающем симпатии, и еще большую уверенность в его потенциале. Какие бы трудности ни обрушивались на Человека, он с ними справится. Он придумывает адекватные ответы на задачи с нелогичными условиями. И эти ответы работают.

Последней из ящика Пандоры вышла сверкающая, прекрасная — и вечная Надежда.

1980. Не вижу нужды что-либо добавлять. (*Р. Э. Х.*)

Чем грешней, тем веселей.

КЛИФФ И КАЛОРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как-то раз редактор, которая не любила научную фантастику (и меня вместе с ней), но обожала мои большие тиражи, принимая от меня ежегодный подростковый роман для мальчиков, проворчала, что на самом-то деле она хотела бы, чтобы кто-нибудь писал и для девочек. «Отлично! — сказал я. — Напишу историю для девочек. Когда он вам нужен?»

Она была поражена. Ее оскорбило и вместе с тем позабавило нелепое и самонадеянное предположение, что обычный мужчина может писать рассказы для девочек. Так родилась Падди: я начал писать девчачьи истории от первого лица — но не для той старой ведьмы¹.

Поскольку это не первый рассказ о Падди, позвольте мне представить ее. Ее имя — Морин, прозвище порождено проблемами с избыточным весом². Она вечная первокурсница и живет в маленьком университетском городке где-то в Неверленде, США. Ее отец преподает антропологию, курит трубку и читает — пока ее мать, настоящий человек эпохи Возрождения, делает все остальное. Еще у Морин есть невыносимый младший брат (все младшие братья невыносимы, уж я-то знаю — я сам был одним из них).

Я так привязался к Морин, что в конце концов помог ей избавиться от лишнего веса, переименовал в Подкейн и перенес на Марс (вместе с ее невыносимым братом). А время от времени она неожиданно появлялась под другими именами в других научно-фантастических рассказах.

¹ *Старая ведьма* — Алиса Далглиш (1893–1979), детская писательница и редактор Хайнлайна в издательстве «Scribner's». — *Примеч.* С. В. Голд.

² *Падди* — в оригинале Puddin' от *англ.* Pudding — пудинг. — *Примеч.* С. В. Голд.

Между тем Морин по-прежнему ходит на занятия и живет в своем кампусе в Невер-Неверленде. Я намеревался выпустить целую книгу рассказов о Падди под названием «Мужчины невыносимы». У меня хватит историй на один увесистый том, правда я их пока еще не перенес на бумагу. Одна из них («Мама и животный мир») так и зудит мне в ухо, чтобы я ее написал, — а персонаж рассказа, маленький серый ослик по имени Мистер Дженкинс, все смотрит на меня скорбным взглядом. Я мог бы написать рассказ в любой момент, как только у меня полностью высвободится хотя бы один рабочий день и не будет никаких других дел... ну, скажем, в 1997 году...

Три других рассказа также почти готовы, можно сесть и написать их, и этого было бы достаточно для книги.

И все же... и все же — не устарела ли Падди? В этом кампусе не бывает бунтов, а девушки не едят горстями контрацептивы (а даже если и так, о сем предмете громко не распространяются). Там нет проблем с наркотиками. Короче говоря, я описал жизнь колледжа давно прошедших дней.

Только не поймите меня неправильно. Моя юность пришлась на «ревушие двадцатые», и тогда творились те же вещи, что и сейчас... но не в открытую. Когда я был первокурсником в колледже, ближайшая точка с марихуаной была в аптеке, в ста ярдах от университетского городка; за Г. или К. нужно было пройти еще квартал. Ну а контрабандную (освобожденную от налогов) выпивку можно было достать и в самом кампусе, и снаружи в любое время суток.

Гадаешь, пользовался ли я какими-то из этих благ? А вот не твое дело, дружок.

Что же касается секса, то каждое поколение думает, будто это оно изобрело секс, и каждое поколение глубоко заблуждается. Кое-что из нынешних новинок по этой части было банальностью и в Помпеях, и в викторианской Англии, различия — если таковые вообще имеются — заключаются только в степени скрытности.

Возможно, я никогда не издам книгу «Мужчины невыносимы». Не уверен, что на нее будет спрос. Кроме того, нужно сделать скидку на возраст, а историй, которые хотелось бы написать (с гарантией публикации), у меня больше, чем я успею завершить, прежде чем черный верблюд подогнет свои колени возле моих дверей.

Надеюсь, вам понравится Падди.

Папочка заявил, что я — ам! — и съем все, что стоит неподвижно или даже движется, но не слишком быстро. Мама сказала:

— Чушь! Просто у девочки ускоренный метаболизм.

— Откуда ты знаешь? — возразил папочка. — Ты его никогда не проверяла. Падди, встань боком, дай я сам посмотрю.

Мелкий съехидничал:

— Так у нее же никаких боков нет!

И испустил жуткий хохот на манер Дятла-Долбильщика. И правда похоже, но только куда противнее. Впрочем, какой прок от мужской половины человечества в возрасте от двух до шестнадцати? Потом они становятся сносными, даже необходимыми — во всяком случае, мне было бы нелегко обходиться без Клиффа, хотя Мелкий и до седых волос наверняка останется такой же бесполезной обузой.

Вот как и почему я села на диету.

Началось с Клиффа — как почти всегда и во всем. Я обязательно выйду за Клиффа, хотя ему я про это еще не говорила. У меня ни разу не было повода усомниться в искренности его обожания, но порой я задумывалась над тем, что же его во мне привлекает: мой характер, манеры и прочие внутренние достоинства или мои, скажем так, внешние физические параметры.

Весы в ванной подтверждали первый вариант. Как будто это должно было меня обрадовать, но покажите мне девушку, которая согласилась бы обменять талию в двадцать один дюйм и изящную фигуру на высокие добродетели. Конечно, сногшибательной красавицей я себя не считаю, но немного одобрительного свиста за спиной мне бы не повредило и вообще подняло бы мой боевой дух.

А как раз перед этим мне выпал шанс выяснить точку зрения Клиффа. В наш класс пришла новенькая, у которой все обхваты были точно такими же, как у меня. (Мы сравнили.) Соль в том, что Клариссе они очень шли — изгибисто, обильно, но в самый раз. Морин, сказала я себе, вот случай узнать истинное мнение Клиффа.

Я подстроила так, чтобы он хорошенько ее разглядел во время теннисной тренировки, а когда мы уходили, я сказала коварно:

— У новенькой, у Клариссы, фигура — ну просто чудо!

Клифф поглядел через плечо и ответил:

— Ага! От щиколоток и ниже.

Вот я и получила искомый ответ, и он пришелся мне не очень по вкусу. Клиффу была безразлична моя фигура. Отдельно от моей персоны она его не привлекала. Конечно, мне следовало возликовать: вот она — истинная любовь! Но я не возликовала, а почувствовала себя очень скверно.

Так вот, когда я вечером отказалась положить себе картошки, и возникла тема моего метаболизма.

На другой день я отправилась в библиотеку и порылась в каталоге. Мне и в голову не приходило, что о диетах понаписано столько книг! Тем не менее мне удалось отыскать достаточно осмысленную: «Ешьте и обретайте стройность». Что может быть лучше!

Я забрала книгу домой, чтобы подробно ее изучить, достала сухарики, сыр и машинально жевала, пока разбиралась, что к чему. Один курс обещал избавление от десяти фунтов за десять дней, но меню выглядело чересчур уж скудным. Второй — гарантировал потерю десяти фунтов за месяц. Вот он, решила я. Изнуряться тоже ни к чему.

Одна глава объясняла про калории. Очень доходчиво. Порция мороженого — сто пятьдесят калорий, три финика — восемьдесят четыре калории.

Я увидела «сухарики на соде». Ну, они на много не потянут. Так и вышло. Всего двадцать одна калория. А потом я отыскала «сыр»... Арифметика навела шороху в моей голове, и мне стало очень неуютно. Я кинулась в папин кабинет и положила на почтовые весы тот сыр, который еще не перевоплотился в Морин.

Я складывала, умножала, делила, а потом проверила и перепроверила результат. Никуда не денешься: включая две малюсенькие помадки, я съела шестьсот семьде-

сят калорий, то есть *более половины калорий, положенных на день!* А ведь я всего лишь хотела заморить червячка до обеда.

Морин, сказала я, давай-ка, милая, изнуряйся! Без десятидневной диеты тебе не обойтись.

Я намеревалась помалкивать и выклеивать свою диету из того, что ставилось передо мной на стол. Но куда там! Какие тайны в семье, объединяющей вреднейшие замашки сенатской комиссии по расследованию с допросом под пыткой. Немного опоздав, я увернулась от томатного супа, но, когда была вынуждена отказаться от мясного соуса, у меня остался лишь один выход: показать им книжку.

Мама объявила, что растущие девочки нуждаются в усиленном питании. Я возразила, что по вертикали уже не расту, а расти по горизонтали мне, пожалуй, хватит.

Мелкий раскрыл было рот, но я заткнула его булочкой, так что папочка успел сказать:

— Спросим доктора Эндрюса. Если он даст ей зеленый свет, пусть морит себя голодом. Она вправе распоряжаться собой.

Ну, на следующий день мы с папочкой отправились к доктору Эндрюсу. Тем более что папочка уже был записан на прием — его каждую весну мучают жуткие насморки. Доктор Эндрюс тут же отослал папочку через вестибюль в приемную доктора Грайба, специалиста по аллергиям, а потом занялся мной.

Доктора Эндрюса я знаю с тех самых пор, когда испустила свой первый писк, а потому рассказала ему все, даже про Клиффа, и показала книжечку. Он полистал ее, взвесил меня, послушал сердце, измерил давление, а потом сказал:

— Действуй! Только выбери месячную диету. Я не хочу, чтобы ты падала в голодные обмороки на уроках.

По-видимому, я надеялась, что он спасет меня от моей силы воли.

— А физическими нагрузками обойтись нельзя? — спросила я с надеждой. — Я же веду очень подвижный

образ жизни. Разве мне не нужно кушать побольше, чтобы компенсировать это?

Он прямо чуть не умер от смеха.

— Девочка моя, — сказал он, — знаешь, сколько тебе надо прошагать, чтобы нейтрализовать один шоколадный коктейль? *Восемь миль!* Конечно, физические упражнения помогут, но очень мало.

— И долго мне соблюдать диету? — спросила я умирающим голосом.

— Пока не достигнешь веса, который тебя устроит, или пока у тебя хватит силы воли.

Я вышла, стискивая зубы. Если у девушки нет ни фигуры, ни силы воли, что, спрашивается, у нее есть?

Когда мы вернулись, мама была дома. Папочка поднял ее на руки, чмокнул и сказал:

— Теперь у тебя двое на диете!

— Двое? — переспросила мама.

— Ты погляди!

И папочка снял рубашку. Руки у него были все в красных пупырышках, расположенных аккуратными рядами — от бледных до ярко-красных.

— У меня аллергия! — гордо возвестил он. — Это все не от простуды. У меня аллергия буквально на все. Это, — он указал на красный рядок, — бананы. А вот — кукуруза. Тут — протеины в коровьем молоке. Тут — цветочная пыльца из меда. Погоди-ка... — Из кармана он извлек длинный список. — Ревень, тапиока, спаржа, лимская фасоль, кокосы, горчица, коровье молоко, абрикосы, свекла, морковь, мясо барашка, хлопковое масло, латук, устрицы, шоколад... Впрочем, прочти сама. Это ведь твоя проблема.

— Как хорошо, что я сегодня записалась на вечерние курсы домашних диетологов! Теперь наша семья будет питаться строго по-научному, — сообщила мама.

Казалось бы, хуже некуда. Как бы не так! Мелкий заявил, что у него хоккейные тренировки и ему требуется тренировочная диета, в которую входят бифштексы с кровью, тосты из цельного зерна — и больше ничего. В прошлом сезоне он даже со свинцовыми грузилами в карма-

нах не добрал до контрольного веса, а к следующему — намерен стать помесью Пола Баньяна и Великолепного Джорджа¹. Отсюда и диета.

Ну, тут и мама подобрала себе диету — строго научную, опирающуюся на знания, которые она приобрела за две недели, пока посещала курсы. Мама часами просиживала над диаграммами, и еда нам подавалась каждому на собственном подносе, точно в больнице, где я лежала, когда сломала лодыжку во время перебежки в бейсболе, играя за юниоров вест-сайдских «Доджеров». Мама сказала, что девочке с моей фигурой не следует уподобляться уличным сорванцам, а я говорю, что уличным сорванцам не следует иметь мою фигуру. Да я и никакой не уличный сорванец с тех пор, как в мою жизнь вошел Клифф.

Мама каким-то образом умудрялась находить продукты питания, не попавшие в список папочкиных запретов: тушеное мясо яка, маринованные пальмовые листья, вяленые щупальца осьминога под соусом карри и прочее в таком же роде.

Я спросила папочку, проверил ли он, что их ему можно, а он сказал:

— Занимайся своими делами, Падди!

И положил себе еще один кусок пирога с олениной. Я даже отвернулась.

Мамина диета была такой же экзотической, но менее заманчивой. Она пыталась прельстить меня и Мелкого своим супчиком из морских водорослей, толченой пшеницей и сырым ревенем, но мы упрямо цеплялись за свои диеты. Вообще-то, есть прикольно, но только когда ешь настоящую пищу.

С завтраком было легче — папочка завтракал позднее меня, потому что в этом семестре лекции у него начинались только в десять.

¹ Пол Баньян — лесоруб, легенда американского Севера. Славился фантастической силой, аппетитом, изобретательностью и неунывающим характером. Великолепный Джордж — псевдоним боксера-тяжеловеса. — Примеч. С. В. Голд.

Я отлеживалась в кровати, пока наш юный атлет не разделялся со своим «Завтраком Чемпионов», а потом вставала в последнюю минуту, выпивала стакан томатного сока (двадцать восемь калорий) и окончательно просыпалась на полдороге к школе. А тогда уже не на что было облизываться.

Свой жалкий полдник я приносила в школу с собой, Клифф тоже завел такую манеру, и мы устраивали пикники вдвоем. Он не замечал, что я ем и сколько. Но я и не хотела, чтобы Клифф что-то заметил до поры до времени. Я мечтала, как он замрет в восхищении, когда я явлюсь на выпускной бал в своем новом вечернем платье.

Но не получилось. Два последних экзамена Клифф сдал досрочно и укатил на лето в Калифорнию, а я провела вечер выпускного у себя в комнате — грызла сельдерей (четыре калории стебель) и размышляла о жизни.

А потом мы начали собираться в отпуск. Папочка предложил Новый Орлеан. Мама покачала головой:

— Жара там невыносимая. И я не хочу подвергать тебя соблазнам креольских ресторанчиков.

— Как раз о них я и думал! — ответил папочка. — Лучшие рестораны для гурманов во всей стране! Во время путешествия ты же все равно не сумеешь держать нас на диете. Это непрактично. «У Антуана», я гряду! Жди меня.

— Нет, — сказала мама.

— Да, — сказал папочка.

Ну и мы поехали в Калифорнию. Едва Калифорния была упомянута, я всем весом (еще порядочным) навалилась на папочку, чтобы он согласился. Увидеться с Клиффом до осени! Об этом я и не мечтала. Бог с ними, с *буйабесом*¹ и с креветками по-норфолкски. Но хотя победа осталась за Клиффом, я предпочла бы, чтобы она далась мне не так тяжело.

Назвать наше путешествие веселым и беззаботным было бы большим преувеличением. Мелкий дулся, пото-

¹ *Буйабес* — рыбная похлебка с чесноком, овощами и пряностями. — Примеч. С. В. Голд.

му что ему не разрешили взять с собой тренировочную штангу, а мама запаслась всевозможными диаграммами, справочниками и меню. Где бы мы ни останавливались, она сразу вступала в длительные переговоры, включавшие дипломатическую встречу с шеф-поваром, а нас все больше и больше терзал лютый голод.

Мы подъезжали к Кингмену в Аризоне, как вдруг мама объявила, что, по ее мнению, мы там не найдем ресторана, где могли бы поесть.

— Но почему? — спросил папочка. — Местные жители едят же что-то!

Мама перетасовала свои листки и предложила ехать прямо в Лас-Вегас, не останавливаясь. Папочка сказал, что если бы он знал, что эта поездка превратит нас в отряд Доннера, то он бы загодя научился готовить человечину.

Под эту беседу мы проскочили Кингмен и свернули на север к плотине Боулдер-Дам. Мама с тревогой посмотрела на гряду суровых холмов впереди и сказала:

— Не лучше ли вернуться, Чарльз? До Лас-Вегаса ехать еще часы, а на карте — ни единого населенного пункта.

Папочка покрепче стиснул баранку и нахмурился. Заставить его повернуть назад под силу разве что оползнию, и маме следовало бы это знать.

А мне было все равно. Я уже видела свои беленькие косточки лежащими на обочине, а над ними табличку с эпитафией: «Она попыталась, она скончалась».

За холмами потянулась невообразимо мрачная пустыня, и тут мама сказала:

— Да поверни же назад, Чарльз! Погляди на бензиновый счетчик.

Папочка упрямо стиснул зубы и прибавил скорость.

— Чарльз! — сказала мама.

— Ни звука! — отрезал папочка. — Я вижу впереди бензоколонку.

Вывеска провозглашала: «Санта-Клаус, Аризона». Я заморгала в уверенности, что наконец-то мне довелось

увидеть мираж. Да, бензоколонка... но не только, не только!

Ведь в пустынях бензозаправочные станции — всегда скопление различных строений. А тут красовался сказочный коттедж, крытый черепицей, которая слагалась в волнистый узор и блестела на солнце ну прямо как леденцовая! Над крышей торчала широкая кирпичная труба. *И в нее собирался залезть Санта-Клаус!*

«Морин, — сказала я себе, — довела ты себя голоданием до галлюцинаций!»

Между бензоколонкой и коттеджем стояли два чудных кукольных домика. На одном была надпись «Золушкин дом», и там Мэри Все Наоборот поливала огород. Второй ни в каких надписях не нуждался: в окошко выглядывали Три Поросятка, а в трубе застрял Злой Серый Волк.

— Для мелюзги! — буркнул Мелкий и заныл: — Па, мы тут перекусим, а?

— Нет, только наполним бак, — ответил папочка. — Найди камушек посочнее и погрызи. Ваша мамочка объявила голодовку.

Мама молча направилась к коттеджу, и мы потянулись за ней. Едва мы переступили порог, как зазвонил колокол и кто-то объявил звучным приятным контраalto:

— Добро пожаловать! Кушать подано!

Внутри коттедж показался вдвое больше, чем снаружи, с прелестнейшим столовым залом, блестящим новизной и чистотой. Из кухни веяло небесными ароматами. Оттуда вышла владелица контраalto и улыбнулась нам. Мы сразу поняли, кто перед нами, потому что на ее переднике было вышито: «Госпожа Санта-Клаус». Рядом с ней я почувствовала себястройной, но ее полнота только красила. Попробуйте вообразить *тощую* госпожу Санта-Клаус.

— Сколько вас? — спросила она.

— Четверо, — ответила мама, — но...

Госпожа Санта-Клаус уже скрылась на кухне.

Мама села за столик и взяла меню. Я последовала ее примеру, и у меня потекли слюнки. Вот посудите сами!

Мятно-фруктовый салат
Похлебка по-креольски
Суп-пюре из цыпленка
Жареная телятина с пряностями
Суфле из ветчины
Жаркое в горшочках по-коннектикутски
Барашек по-гавайски
Жареный картофель с луком по-лионски
Картофельная соломка
Батат по-мэрилендски
Маринованный лук
Спаржа с зеленым горошком
Салат из цикория с сыром рокфор
Артишоки с авокадо
Заливное из свеклы
Сырные палочки
Булочки с корицей
Кексы с пряностями
Миндальное мороженое под хересом
Ромовая баба
Обжаренные персики по-королевски
Воздушный мятный пирог
Шоколадный торт
Черничный пирог¹
Кофе, чай, молоко

(Воду нам привозят за пятнадцать миль.
Пожалуйста, помогите нам ее экономить.
Благодарю вас.
Госпожа Санта-Клаус.)

У меня просто в глазах зарябило, и я посмотрела в окно. Мы по-прежнему находились в центре самой мрачной пустыни в мире.

¹ Непереводимая игра слов: в оригинале шоколадный торт и черничный пирог звучат как Devil's Food (дьявольский торт) и Angel Berry Pie (ангельский пирожок). — Примеч. С. В. Голд.

Тогда я принялась подсчитывать калории в этой провокационной листовке. Дошла до трех тысяч и сбилась. Потому что перед нами поставили фруктовые салатики. Я едва попробовала свой, как мой желудок подпрыгнул и начал вгрызаться в мое дыхательное горло.

Вошел папочка, сказал: «Ну-ну!» — и сел. Мелкий тоже не заставил себя долго ждать.

— Чарльз, — сказала мама, — в этом меню для тебя практически ничего нет. Пожалуй, я... — Она встала, чтобы пойти на кухню.

Папочка сказал, не отрываясь от меню:

— погоди, Марта. Будь добра, сядь!

Мама села, и он спросил:

— У меня большой запас носовых платков?

— Конечно, — ответила мама, — но почему...

— Превосходно. Я уже ощущаю начало приступа. Итак, похлебка...

— Чарльз! — сказала мама.

— Затвори уста, женщина! Человечество просуществовало пять миллионов лет, поедая все, что можно разжевать и проглотить...

Тут вернулась госпожа Санта-Клаус, и он заказал и то и се, и еще, и еще, и каждое слово было как удар ножа в мое сердце.

— А теперь, — заключил он, — если у вас найдется восемь нубийских рабынь, чтобы внести все это...

— Мы воспользуемся «джипом», — ответила она и обернулась к маме.

Мама хотела было заказать рубленой травки в витаминном супчике, но папочка ее перебил:

— Я заказал на нас двоих. А дети пусть выберут сами.

Мама сглотнула и промолчала.

Мелкий никогда не утруждает себя чтением меню.

— Мне двойной каннибальский бутерброд, — потребовал он.

Госпожа Санта-Клаус содрогнулась.

— А что такое, — осведомилась она зловеще, — каннибальский бутерброд?

Мелкий объяснил, и она воззрилась на него так, словно надеялась, что он уползет под камень, откуда выполз. Потом сказала с трудом:

— Госпожа Санта-Клаус выполняет любые заказы клиентов, но есть его ты будешь на кухне. Тут ведь будут обедать и другие люди.

— Ладненько, — согласился Мелкий.

— А тебе что приглянулось, деточка? — спросила она у меня.

— Мне понравилось все, — ответила я тоскливо, — но я сижу на диете.

Она сочувственно вздохнула, а потом спросила:

— Тебе нельзя есть что-то особенное?

— Ничего особенного — только пищу. Мне нельзя есть еду.

— Найти тут что-то малокалорийное не так-то просто. К подобным блюдам у меня душа не лежит. Я тебе подам то же, что твоим родителям, а уж ты ешь, что захочешь, и так мало, как захочешь.

— Хорошо, — сказала я слабым голосом.

Нет, правда, я старалась устоять. Считала до десяти между двумя глотками, только вдруг заметила, что считаю очень быстро — для того чтобы успеть съесть это блюдо, пока не подали следующее.

Вскоре мне стало ясно, что я — погибшая женщина, но мне было все равно. Меня окутывал теплый туман калорий. Один раз из-за края тарелки высунулась моя совесть, я обещала завтра вообще проголодать, и она опять уснула под тарелкой.

Из кухни показался Мелкий с физиономией, вымазанной розовым кремом.

— Это что? Крем с каннибальского бутерброда? — спросила я.

— А? Ты бы посмотрела, чего там только нет! Ей бы держать тренировочный стол! — пробурчал он.

Много-много времени спустя папочка сказал:

— Пора и в дорогу... Брр!

— Так переночуйте здесь, — предложила госпожа Санта-Клаус. — Место найдется для всех.

Ну мы и остались. Это было чудесно!

Утром я проснулась с твердым намерением обойтись без двадцати восьми калорий моего томатного сока, но я не учла госпожу Санта-Клаус. Не было никаких меню. Не успели мы сесть за стол, как нам подали крошечные чашечки с кофе и еще всякую всячину — но не всё сразу, а одно за другим: грейпфрут, молоко, овсяные хлопья со сливками, яичницу с колбасой, а еще тостики с маслом и джемом, потом бананы в сливках. А когда казалось, что на кухне больше ничего остаться не могло, появились самые воздушные вафли в мире, еще масло, земляничное варенье и кленовый сироп. А с ними еще кофе.

Я ела все это, и моя личность безнадежно разрывалась между отчаянием и экстазом. В путь мы отправились, чувствуя себя великолепно.

— Завтрак, — изрек папочка, — следует сделать обязательным, как школьное образование. Я предсказываю, что скоро будет установлена прямая зависимость между современной тенденцией обходиться без завтрака и ростом преступности среди несовершеннолетних.

Я промолчала. Мужчины — моя слабость, вкусная еда — моя погибель, но мне было все равно.

Пообедали мы в Барстоу. Я, правда, осталась в машине и попыталась вздремнуть.

В отеле нас встретил Клифф, и мы попросили нас извинить — он пригласил меня поехать с ним на машине посмотреть университет. Когда мы пришли на автостоянку, он спросил:

— Что с тобой? Лицо такое, словно ты лишилась последнего друга... И ты исхудала, ну словно щепка.

— Ах, Клифф!.. — сказала я и расплакалась у него на плече.

Немного погодя он вытер мне нос и завел мотор. Мы тронулись, и я рассказала ему все. Он промолчал, но вскоре свернул влево.

— Разве университет там? — спросила я.

— Не важно.

— Клифф, тебе противно со мной?

Вместо ответа он остановил машину перед внушительным зданием и провел меня внутрь. Оказалось, что это картинная галерея. Все еще не говоря ни слова, Клифф повел меня на выставку старинной живописи и указал на картину.

— Вот, — сообщил он, — мой идеал женской красоты.

Я посмотрела. «Суд Париса» Рубенса.

— И вот, и вот, — продолжал Клифф, кивая на другие полотна Рубенса, чьи натурщицы, честное слово, ни про какие диеты наверняка ничего не слышали.

— Вот что требуется нашей стране! — объявил Клифф. — Побольше пухленьких девушек и побольше ребят вроде меня, способных их оценить.

Я молчала, пока мы не вышли из музея. Мне требовалось переосмыслить все мои представления. Но что-то меня грызло, и я напонила ему, как он обругал фигуру Клариссы, девушки такого же роста и таких же объемов, что и я.

— А, да! — припомнил он. — Настоящая красавица, просто отпад!

— погоди, Клифф, но ты же сказал...

Он схватил меня за плечи:

— Послушай, глупышка, ты думаешь, я идиот и дам тебе повод меня ревновать?

— Но я никогда не ревную!

— Как же, рассказывай! Так где перекусим? «У Романа»? В «Бродяге»? Денег у меня полным-полно.

Я тонула в теплых волнах блаженства.

— Клифф...

— Что, детка?

— Мне говорили про коктейль «Мечта идиота». В большой бокал кладут два банана; шесть сортов мороженого и...

— Ты отстала от века. Про «Эверест» слышала?

— О?

— На подносе строят пирамиду из двадцати одного сорта мороженого, скрепляя четырьмя бананами, жже-

ным сахаром и орехами. Потом обливают шоколадным сиропом, утыкивают орехами под скалы, обсыпают ванильной пудрой, а вершину покрывают взбитыми сливками под снег. Ниже втыкают петрушку под деревья, а на верхнем склоне присобачивают маленького пластмассового лыжника. Его берешь на память о пережитом.

— О боже! — выдохнула я.

— Каждому клиенту — по одной порции, причем я могу не платить, если ты прикончишь все.

Я расправила плечи:

— Веди меня!

— Ставлю на тебя, Падди.

Клифф самый лучший из всех мужчин в мире.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Санта-Клаус, штат Аризона, все еще там. Немного проследуйте от Кингмена к Боулдер-Дам по 93-й, и вы найдете его. Но миссис Санта-Клаус (госпожи Дуглас) там больше нет, а ее ресторан для гурманов теперь один из пунктов в сети быстрого питания. Если она жива, ей сейчас за восемьдесят. Мне не хочется это выяснять. В своем деле она была художником, равным Рембрандту, Микеланджело или Шекспиру. Я предпочитаю представлять ее в том дивном краю, куда уходит все лучшее, что есть на свете, сидящей в своей кухне, окруженной своими гномами, готовящей свою чудную амброзию для Марка Твена, Гомера, Праксителя и прочих гениев, равных ее таланту.

ОТВЕТЫ

на вопросы из статьи «Куда идем?» (см. с. 374–379)

NB: все рейсы — это перелеты с земной парковочной орбиты к цели и обратно на земную парковочную орбиту без остановки на целевой планете (Марс или Плутон). Я подозреваю, что Крутой Пилот Том Корбетт лихо выполнит маневр

в гравитационном колодце Марса и Плутона, не затратив массу-энергию, — но это его дела. Теперь насчет предположения о «плоском пространстве», которое является некоторым преувеличением: Солнце обладает фантастически глубоким гравитационным колодцем; гравитация на его поверхности в 28 раз больше нашей, а скорость убегания на ней в 55 с лишним раз больше, чем на Земле. Но на расстоянии земной орбиты эта хватка ослабевает примерно до одной тысячной g , а возле Плутона, который находится от Солнца на 31,6 а. е., она слабее комариного укуса, *одна миллионная g* .

(Неудивительно, что оборот Плутона вокруг Солнца длится два с половиной века. Кстати, некоторые астрономы, несомненно, радуются тому, что *сегодня* Плутон уже не самая далекая от Солнца планета. Факты: девять десятых времени Плутон проводит за орбитой Нептуна. Если взять среднее расстояние, то он на 875 000 000 миль дальше от Солнца, чем Нептун, а при максимальном удалении он находится почти в двух миллиардах миль за орбитой Нептуна ($1,79 \times 10^9$ миль) — это больше, чем расстояние от нас до Урана, почти в четыре раза больше, чем от нас до Юпитера. Когда Плутон находится в этой точке орбиты — в 1865 или 2114 году н. э., — свету нужно 6 часов и 50 минут, чтобы до него добраться. Плутон — Чемпион!¹ У астрономов зеленый виноград такое же распространенное явление, как и на школьных дворах.)

РЕЙС ТУДА И ОБРАТНО С УСКОРЕНИЕМ СРАВНЕНИЕ ВРЕМЕНИ ПОЛЕТА

Ускорение	Земля—Марс—Земля	Земля—Плутон—Земля
1 g	4,59 дня	4,59 недели
$\frac{1}{10} g$	14,5 дней	14,5 недель
$\frac{1}{100} g$	45,9 дней	45,9 недель
$\frac{1}{1000} g$	145 дней	145 недель

...И достаем из шляпы кролика. Как вы заметили, цифры, обозначающие время, в обоих столбцах одинаковы, но для Марса это дни, а для Плутона недели, — таким образом, для кораблей с постоянным ускорением лететь до Плутона всего лишь в семь раз дольше, чем до Марса, *несмотря на то что в милях Плутон дальше примерно в пятьдесят раз*.

¹ В оригинале «the Winnuh and still Champeen!» — фраза, которой Джонни Эдди, популярный комментатор соревнований по боксу, представлял публике Мохаммеда Али. — *Примеч. С. В. Голд.*

Если дожидаться, когда Плутон окажется в афелии (вполне реально, если вы проживете еще столетие с четвертью), то полет на Плутон с одним g в оба конца займет 5,72 недели, при $1/_{10} g$ — 18,1 недели, при $1/_{100} g$ — 57,2 недели, а при $1/_{1000} g$ — 181 неделю, или 3 года и 25 недель.

Я добавил в таблицу значение $1/_{1000}$ ускорения силы тяжести, потому что сегодня (в конце 1979 года, когда я пишу эти строки) мы еще не умеем строить корабли с постоянным усилением для длительных полетов с $1 g$, $1/_{10} g$ или даже $1/_{100} g$. Третий закон Ньютона (из которого можно вывести все законы ракетостроения) поставил нас (временно) в тупик. Но только временно. Существует также $E = mc^2$ и несколько возможных способов «перейти на подножный корм», подобно армейским фуражирам, чтобы получать необходимую реактивную массу. Будьте терпеливы; все только начинается. Большинство из вас, кто читает эти строки, доживет до появления кораблей с постоянным ускорением от $1/_{10} g$ и выше — и сможет себе позволить отдых в космосе — скоро-скоро! Я, вероятно, до этого не доживу, но *вы* увидите. (Никаких претензий, сержант, — я родился в эпоху лошадей и дрожek; я дожил до того, чтобы увидеть, как люди ходят по Луне, и чтобы увидеть кадры с поверхности Марса. Я получил свою долю!)

Но если вы готовы сегодня согласиться на постоянное ускорение порядка $1/_{1000} g$, мы можем чуть ближе к вечеру запустить и этот проект, поскольку уже известны несколько способов создания постоянной тяги с таким ничтожным ускорением — например, корабли с солнечным парусом.

Я предпочитаю говорить о световых парусниках (или, скорее, о судах, плавающих в «солнечном ветре»), потому что та последняя строчка в таблице, которую я добавил ($1/_{1000} g$), доказывает, что вся Солнечная система доступна нам *прямо сейчас* и не нужно ждать 2000 года и новых прорывов.

Десять недель до Марса... путешествие к Плутону и обратно на 31,6 а. е. за 2 года 9 месяцев... или полет к афелию Плутона, самому отдаленному месту Солнечной системы (за исключением зимовья комет).

Десять недель — пилигримам на «Мэйфлауэре» понадобилось 9 недель и 3 дня, чтобы пересечь Атлантику.

Два года и девять месяцев — обычный коммерческий рейс чайного клипера, вышедшего из Бостона в прошлом веке... и хитрые янки-торговцы богатели на таких рейсах.

В XIX веке 3 года и 25 недель были бы чрезмерным сроком для торговли с Китаем... но ведь никто и не отправится в столь

долгое путешествие к Плутону, *потому что Плутон достигнет афелия лишь к 2113 году*, а к тому времени у нас появятся корабли, которые смогут туда добраться (постоянное ускорение, а затем торможение примерно с середины пути) через 3 недели.

Обратите внимание: Англия, Голландия, Испания и Португалия создали мировые империи, обладая кораблями, которым понадобилось столько же времени, чтобы доплыть до произвольного пункта назначения и обратно, сколько космическому кораблю, летящему с ускорением $\frac{1}{1000} g$. В открытом море или в космосе учитывается не расстояние, а время в пути. Великолепные достижения наших астронавтов были завоеваны полетами в невесомости и потому аналогичны плаванию по Миссисипи на плоту. Но даже малейшее постоянное ускорение превращает Солнечную систему в коммерческое предприятие, приносящее доход.

А теперь вернемся на страницу 379.

Завтра мы вновь выйдем в бескрайнее море¹.

Гораций. Оды. I, 7

¹ Перевод М. Лушенко. — *Примеч. С. В. Голд.*

ЛАЗЕРНЫЕ ПУШКИ И РАКЕТНЫЕ КОРАБЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одно из немногочисленных преимуществ старости заключается в том, что, достигнув определенного возраста, можно смело пускаться во все тяжкие — насколько позволяет кошелек.

Молодой, еще не утвердившийся писатель вынужден мириться со множеством глупостей: давать интервью, выступать на радио, появляться на ТВ, говорить перед публикой, где скажут, и писать то, что совершенно не хочется, — и все это, по большей части, совершенно бесплатно.

В 1952 году я в свои сорок пять уже не относился к категории молодых писателей, но в разряд утвердившихся еще не попал. Предлагаю вам одну из таких бесплатных работ, которую я написал для библиотечного бюллетеня, потому что библиотекари в то время решали, пан ты или пропал. Сейчас, слава Аллаху, если я не хочу, то прямо отвечаю «нет». Если начинают возмущаться, перефразирую: «Нет, и отвалите!»

Быть разумным человеком — не уголовное преступление. Но в большинстве сообществ это расценивают по меньшей мере как мелкое правонарушение.

Л. Лонг

«Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные», — сказал Шалтай-Болтай¹.

«Научная фантастика» — понятие объемное, куда пи-
хают все что ни попадя. Термин «историческая проза»

¹ Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Перевод Н. Демуровой. — *Примеч. С. В. Голд.*

охватывает широчайший спектр произведений от «Камо грядеши?» Сенкевича, дешевых триллеров о братьях Джеймс или Буффало Билле до «Твоя навеки, Эмбер» Кэтлин Уинзор; точно так же ярлык «научная фантастика» одинаково подходит и к классическим комиксам Хэмлина, и к «Через много лет» Хаксли. На мой взгляд, правильнее будет определить весь жанр целиком термином «спекулятивная фантастика», а «научную фантастику» вынести в отдельную категорию — тогда можно будет выделить и другие поджанры: откровенная фэнтези (Торн Смит, серия книг о стране Оз), псевдонаучная фэнтези (замечательный роман Клайва С. Льюиса «За пределами безмолвной планеты», серия про Бака Роджерса, потрясающий марсианский цикл Брэдбери), социологическая спекуляция («Утопия» Томаса Мора, «Смертный человек» Майкла Арлена, «Освобожденный мир» Герберта Уэллса, «Республика» Платона), приключенческие истории в экзотических или вымышленных декорациях (комиксы про Флэша Гордона, марсианские рассказы Берроуза, «Одиссея», «Том Сойер за границей»). Вы можете существенно дополнить этот перечень, если определить термин «спекулятивная фантастика» через противоположность — как выдумку о вещах, которые не произошли.

Как видим, «научная фантастика» — своего рода прокрустово ложе, слишком тесный корсет, куда невозможно вместить разноплановый жанр целиком. Тем не менее, поскольку язык — это то, как мы говорим, а не то, как мы могли бы говорить, термин «научная фантастика», скорее всего, будет и дальше применяться ко всему жанру; и никуда нам от этого не деться, равно как коренному населению Америки никуда не деться от нелепого прозвища «индейцы».

Так что же следует понимать под термином «научная фантастика»? Вот самый простой и ясный критерий: научная фантастика — это спекулятивная фантастика в которой автор берет за основу реальный мир, каким мы его знаем, со всеми известными фактами и законами природы. В результате рождается проза фантастическая по со-

держанию, но не по сути; нам предлагаются правомерные — и часто очень строго обоснованные — гипотезы о возможностях реального мира. Разумеется, к этой категории не относятся космические корабли, способные разворачиваться на сто восемьдесят градусов, люди-змеи с планеты Нептун, вождедеющие земных женщин, а также произведения авторов, не сумевших заработать скаутский значок за описательную астрономию.

Зато относятся такие вещи, как «Первые и последние люди» Олафа Стэплдона, «Ночной скиталец» Уильяма Слоуна, «Звезды как пыль» доктора Азимова, хотя эти истории во многом более странные, чем большая часть откровенной фэнтези.

Но как отличить правомерную научную фантастику от нелепой чепухи? Предупреждаю, место первой публикации не показатель: многие шедевры появлялись в дешевых журналах с расценкой в полцента за слово и пучеглазыми монстрами на обложках, и многие глупейшие вещи выходили в щедрых на гонорары глянцевого журналов или «престижных» изданиях.

«Люди-крендельки с планеты Птарк» — сразу в корзину, здесь содержание наверняка соответствует заголовку. Так же просто отсеять космооперы в духе историй про Граустарк¹, где отважный нордический герой спасает благородную марсианскую принцессу и побеждает коварного узурпатора с помощью сверхнауки и непомерной отваги. Сейчас все это практически исчезло с рынка, но периодически такие произведения появляются, причем в весьма солидных издательствах. К счастью, не нужно быть дипломированным физиком, чтобы опознать подобные творения.

Однако не спешите применять к научной фантастике стандарты, установленные для других, более популярных жанров. Помню, сотрудница библиотеки жаловалась

¹ *Граустарк* — аналог Руритании, вымышленная европейская страна из романов Джорджа Барра Маккучеона, полных романтики и дворцовых интриг. — *Примеч. С. В. Голд.*

на труднопроизносимые имена, которые фантасты дают представителям внеземных цивилизаций. Помилуйте! Цепочка согласных — это искренняя попытка создать внеземные имена для внеземных созданий. Шоу верно подметил: обычаи нашего племени — отнюдь не законы природы. Разве можно представить марсианина по фамилии Смит? (Не сочинить ли что-нибудь про марсианина с фамилией Смит? По-моему, отличная идея. Хмммммм...)

Существуют ли надежные критерии, позволяющие оценить научную фантастику даже тем, кто не слишком знаком с этим жанром? Мой ответ — да. Это те критерии, которые мы применяем ко всем жанрам художественной литературы, ни больше ни меньше.

Во-первых, сюжет: научная фантастика должна увлекать и развлекать не меньше, чем всякая другая литература, — причем не важно, кто вы, фанат жанра или нет. Во-вторых, уровень грамотности: к научной фантастике требования не ниже, чем к прочим жанрам. Не хочу подробно разбирать этот пункт — зачем повторять прописные истины? — отмечу лишь, что здесь, как и везде, нет оправдания разорванным инфинитивным конструкциям, «висячим» причастиям и другой неряшливости, равно как расплывчатости и бессвязности.

То же самое касается сюжетных линий, персонажей, мотивации и прочего. Если фантаст не умеет *писать*, пусть встает обратно к плите, или чем он там занимался до того, как бросил честную работу.

Отдельно поговорим о том, как оценивать авторов. Да, не всякое произведение должно направлять на путь истинный, однако, на мой взгляд, фантасты обязаны воспитывать нравственные чувства, как и остальные литераторы. Я намекаю на вполне конкретную популярную серию, не вызвавшую у меня особого интереса, поскольку ее главный герой руководствуется лишь сиюминутной выгодой. Ни автор, ни персонаж понятия не имеют о добре и зле. На мой вкус, это существенный недостаток, ко-

торый не могут загладить удивительные и яркие атрибуты научной фантастики. На мой взгляд, даже в самых отдаленных уголках Галактики такие абстрактные понятия, как честь, преданность, мужество, самоотверженность, отвага, искренность и стойкость, ценятся не меньше, чем где-нибудь в Корее или Айове. Я полагаю, вы вправе оценивать научную фантастику по тем же критериям, что и любую другую литературу.

Вышеперечисленные критерии охватывают все аспекты научной фантастики, кроме одного — *научного*. Однако и здесь нет нужды изобретать велосипед. Допустим, перед вами стоит выбор: покупать или не покупать роман о юном мексиканце, выросшем на ранчо в Мексике. Допустим, вы не знаете испанского, никогда не бывали в Мексике, незнакомы с традициями и обычаями страны, а потому не можете в полной мере оценить компетентность автора. Как же поступить?

Уверен, вы будете принимать решение, ориентируясь на мнение человека сведущего: например, преподавателя испанского в старших классах, или приятеля, хорошо разбирающегося в культуре соседней страны, или местного мексиканского консула. Если эксперт скажет, что книга — полная чушь, едва ли вы захотите ее приобрести.

Этот принцип действует и в случае с научной фантастикой. Невозможно разбираться во всем. Даже если вы плохо представляете, за счет чего ракета перемещается в безвоздушном пространстве, не спешите хвататься за «Корабли, ракеты и путешествия в космосе» Вилли Лея, хотя книга замечательная: ее обязательно нужно иметь в библиотеках и желательно — дома. Мой вам совет — лучше проконсультируйтесь с кем-нибудь из *компетентных* знакомых: с офицером ВВС или артиллерии, с преподавателем физики, да что там, почти с любым четырнадцатилетним подростком, завсегдаем научного кружка. Если в романе речь идет о кибернетике, ядерной физике, генетике, химии или теории относительности, надо лишь выбрать соответствующего консультанта.

Разве вы не сделали бы то же самое, выбирая биографию Симона Боливара?

Другой, не менее действенный метод оценить качество книги — присмотреться к ее автору. Если роман о Симоне Боливаре написан маститым ученым, специалистом по истории Южной Америки, вас должны волновать исключительно литературные достоинства книги. Если о космических путешествиях пишет известный астроном (в наших рядах есть такой, сочиняет под псевдонимом «Филип Латэм»), значит читатель может не беспокоиться о достоверности научных фактов. Большинство фантастов обладают солидными профессиональными знаниями по теме, о чем издатели не забывают известить публику посредством информации на суперобложке. Я доподлинно знаю и могу поручиться за профессионализм Спрэга де Кампа, Джорджа Смита, Джона Тейна (он же математик Эрик Темпл Белл), Джона Кэмпбелла, Филипа Латэма (он же Роберт Ричардсон), Уилла Дженкинса, Джека Уильямсона, Айзека Азимова, Артура Кларка, Эдварда Элмера Смита, Филипа Уайли, Олафа Стэплдона, Герберта Уэллса, Деймона Найта, Гарри Стайна и Дж. Дж. Каплинга (он же Джон Пирс). Перечень включает авторов с высокой научной квалификацией, его можно и нужно пополнять, ибо я нисколько не умаляю достоинств других замечательных писателей, которые, не имея специального образования, компенсируют это углубленным изучением тематики и тщательной проработкой материала.

Однако проверять так называемых научных фантастов определенно сто́ит. Многие авторы исторических романов трудятся в поте лица, добывая достоверные факты для своих произведений, но кое-кто считает, что для научной фантастики достаточно обладать бесстыдным воображением и определенным словарным запасом: «лазерная пушка», «выхлопная труба ракетного двигателя», «мутанты», «пространственный скачок». Такие люди совершают настоящее преступление против жанра, как если бы исторический роман строился на предположении о том,

что Симон Боливар был китайским монахом. Следовательно, чтобы отличить халтурщика от литератора, необходимо самому разбираться в предмете (истории, науке) или обращаться за помощью к экспертам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Писатели, рассуждающие о литературе, ничуть не лучше родителей, хвастающих своими детьми. Поэтому я стараюсь не злоупотреблять; если изредка это случалось, то не по моей инициативе, и практически каждый раз (если не всегда) мне выкручивали руки.

Обещаю избегать этого и впредь.

Однако нынешняя статья вполне достойна публикации (хотя руки за нее мне по-прежнему выкручивают), поскольку многие библиотекари искренне стремятся приобретать качественную научную фантастику... но не знают как. Выше я старался как можно лаконичнее и доходчивее объяснить, как избежать опасностей, о которых нас предупреждает «Закон Старджона».

В процессе чтения вы поймете, откуда взялась фамилия главного героя «Чужака в чужой стране».

В семье лучше незаконнорожденный ублюдок,
чем безработный зять.

Джубал Харшоу¹

¹ Созвучно со словами деда Колина Кэмпбелла: «Лучше иметь в семье незаконнорожденного ублюдка, чем зятя в лице Лазаруса Лонга». (см. Р. Хайнлайн «Кот, который ходил сквозь стены»). — *Примеч. С. В. Голд.*

НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На первый взгляд нынешний текст как две капли воды похож на «Ящик Пандоры», но это *не так*; перед вами — чистый полет фантазии, написанный по заказу в честь тридцатилетнего юбилея «Amazing Stories». В «Ящике Пандоры» я старался как можно рациональнее спрогнозировать события, ожидающие нас через пятьдесят лет (как выяснилось в ноябре 1979-го, с заданием я справился на шестьдесят шесть процентов — ведь никто не желает приобрести подержанный хрустальный шар с небольшой трещинкой?).

Здесь я максимально кратко изложил ретроспективу двадцатого столетия глазами обывателя из 2001 года. Разумеется, сейчас ни для кого не секрет, что случилось в 2001-м; на Луне обнаружили огромный черный монолит — однако в 1956-м я этого не знал и поэтому дал себе волю (в разумных пределах, только для развлечения читателей), но по возможности старался писать убедительно, достоверно, если не пророчески. Цифры в скобках относятся к примечаниям в конце.

Вам не приходило в голову, что Бог на самом деле — комитет?

Джубал Харшоу

С наступлением 2001 года пора осознать, к чему мы пришли и в какую сторону движемся. Тысячу лет назад Оттон III правил Священной Римской империей, Вильгельм Завоеватель еще не родился, а до открытия Америки оставалось

добрых пятьсот лет. В условиях жизни людей не отмечено особенных сдвигов по сравнению с тем, что было на заре истории. Если не считать языкового и культурного барьера, крестьянин из 1000 года до рождества Христова легко прижился бы в деревне 1001 года нашей эры.

Сейчас этот номер не пройдет!

За последние два века произошли разительные перемены, но ключевые выпадают на последние пятьдесят лет, когда мы уже появились на свет. В 1950 году шесть из десяти человек не умели ни читать, ни писать; сегодня на неграмотных смотрят косо. (1)

За последние 50 лет чтению и письму выучилось больше людей, чем за все тысячи лет, предшествующие 1950 году.

Одно это изменение потрясло мир куда больше, чем создание в прошлом году лаборатории на Плутоне. Прошедший век ассоциируется с покорением космоса, но это весьма поверхностное суждение; правильнее будет называть его столетием, когда человечество наконец выучилось грамоте.

(Отдадим дьяволу должное; заразные безумства прошлого столетия — коммунизм, ксенофобия, агрессивный национализм, резкий скачок численности колониальных народов — сделали для насаждения грамотности куда больше, нежели все филантропы за всю земную историю. Три кита образования — чтение, арифметика и письмо — стали незаменимым оружием в самых кровавых за всю историю человечества битвах: учись читать или умри. Зло породило добро; грамотный человек на девять десятых свободен даже в цепях.)

За эти годы произошла и другая, не менее важная метаморфоза. Грандиозные достижения последних пятидесяти лет (морское фермерство, фантастический рост мощности источников энергии, космические корабли, фабрики с пантографами, Сахарское море, всеобщая автоматизация, активное использование солнечной энергии) затмили главное — первые пробные шаги к созданию науки о человеческом разуме. Пятьдесят лет назад гипноз считался шарлатанством, ясновидение — пред-

рассудком, о телепатии знали единицы, парапсихология приравнивалась к френологии и вызывала меньше доверия, чем самая популярная в те времена хрень под названием астрология.

Существует ли «наука о разуме» сейчас? Как бы не так! Зато у нас есть...

Доказательства жизни после смерти, над которыми ученые корпели с большим энтузиазмом, нежели над тепловыми двигателями. Казалось бы, только в 1952 году Мори Бернштейн посредством регрессивного гипноза установил, что Брайди Мерфи¹ явилась в новом обличье после смерти, открыв западному миру сферу знания, которую Азия и Африка всегда считали чем-то само собой разумеющимся. (2)

Использование телепатии и ясновидения в военных целях. Говоря языком математики, война из замкнутой игры превратилась в открытую; как итог — политическое убийство стало более важным фактором, чем оружие массового поражения. Вполне возможно, что ни водородные, ни бактериологические бомбы больше уже не будут применяться, — самый отчаянный диктатор десять раз подумает, ведь его мысли постоянно мониторят... и пока что предотвратить убийство сложнее, чем ядерную ракету. Пусть уроком ему послужит участь Чаки Безжалостного², погибшего от руки собственного телохранителя.

Другим, не столь явным последствием внедрения телепатии стало упразднение грифа «секретно» в научных отчетах. Канули в Лету времена, когда научные факты утаивались от широкой публики. Поверить в это так же сложно, как и в то, что наши дедушки носили «купальные костюмы», — для современного разума секретность в науке и купание в одежде почти в равной степени непостижимы. Однако купальные костюмы никогда не стесняли пловцов так сильно, как «режимность» стесня-

¹ *Брайди Мерфи* — ирландская женщина, будто бы жившая в XIX в. Американка Вирджиния Тай (1923—1995) во время сеансов гипноза заявляла, что была ею в прошлой жизни.

² *Чака* (ок. 1787—1828) — верховный правитель зулусов в 1816—1828 гг.

ла науку. К счастью, с появлением контролируемой телепатии конфиденциальность утратила сначала смысл, а после и актуальность. (3)

Однако настоящим прорывом стало открытие нашей животной сущности. Человек — дикое животное. Нельзя укротить в себе зверя и остаться человеком; наш гений неразрывно связан с диким естеством. Живя с этим откровением, мрачные, непоколебимые и гордые, мы лишаемся последней надежды на незыблемый мир во всем мире, и перспектива создания мирового правительства становится маловероятной. В любом случае такое правительство будет очень нестабильно. Хотя мы, как и прежде, балансируем на грани голода, никакие меры теперь не в силах сдержать рождаемость. Остается уповать лишь на жутких четырех всадников, да и они вряд ли помогут: к концу Третьей мировой населения планеты оказалось на сто миллионов больше, чем в ее начале.

Даже водородная бомба не способна изменить нашу природу. На кровавом опыте мы усвоили, что водородная бомба ничуть не эффективней каменного топора — и усмирить нас не может ни одно оружие. Человека можно заковать в цепи, но нельзя приручить, и рано или поздно он сбросит оковы.

Не «улучшит» нас и генетическая селекция; наша природа ее просто-напросто не примет. Если нас когда-нибудь завоюют сверхсущества из другого мира и попробуют видоизменить по своему образу и подобию, у них наверняка получатся собаки, а не волки. (Клянусь, мы не сдадимся без боя!) А пока рассчитывать приходится только на себя, положительных сдвигов можно добиться лишь ценой тяжелых испытаний, будучи на грани выживания... и все равно мы останемся дикими животными. (4)

Впрочем, мы только начали постигать себя. Теперь, когда человечество освоило грамоту, какие свершения его ждут?

Мы понятия не имеем, как самосознание связано с протоплазмой. Теперь, когда нам доподлинно известно, что человеческое эго переживает человеческое тело, пора бы разгадать эту тайну.

Личное выживание требует принять «Вселенский замысел» Тойохико Кагавы¹ как «простейшую теорию» для объяснения всего сущего. Ученые вот-вот отберут телеологию у богословов и философов — и перевернут ее с ног на голову. Однако ждать конкретных результатов еще рано. До сих пор непонятно, кто мы такие и зачем явились в этот мир, — тем не менее впервые в истории наука дает нам все основания полагать, что окончательные ответы будут осмысленными. Занятно, если какая-нибудь из многочисленных религий окажется верной с точностью до девятого знака после запятой.

Поскольку экстрасенсорное восприятие, похоже, не зависит от пространства-времени, теоретически возможно, что мы можем научиться совершать ментальные путешествия во времени. Подобное вполне допустимо, если математика научится описывать явления разума. В таком случае история и даже пророчества обретут статус точных наук.

Если говорить о физических возможностях, то в нынешнем столетии мы гарантированно преодолеем световой барьер. А значит, велика статистическая вероятность того, что совсем скоро мы столкнемся с цивилизациями, которые не только не уступают, но и превосходят нас в развитии. Для человечества это станет величайшим событием после добывания огня. Оно может унижить или уничтожить нас, оно может нас возвысить, но оно не сможет оставить нас прежними.

Теперь о повседневной жизни: уже к середине столетия численность населения достигнет пяти миллиардов человек. Эмиграция на другие планеты никак не повлияет на общую цифру.

Научные открытия будут совершаться быстрее, чем их можно будет классифицировать и составить перекрестные ссылки, однако сопутствующего расширения наших умственных возможностей ждать не приходится. Редкие невежды будут по-прежнему трудиться в отделениях под-

¹ Тойохико Кагава (1888–1960) — христианский пацифист, реформатор и общественный деятель, стремившийся использовать христианские принципы для усовершенствования общества.

писки на периодические издания; пустозвоны, которые сейчас жалуются на ракетное сообщение с Луной (но при этом не в состоянии вдеть нитку в иголку), в 2050-м будут жаловаться на сообщение со звездами (а вдевать нитку в иголку так и не научатся).

Без сомнения, мы будем вспоминать о XX веке как о «старых добрых временах», с тревогой взирать на причуды молодого поколения и, по традиции, искать лекарство от обычной простуды.

Примечания 1980 года

1. На невежд все так же косятся, но не очень удивляются. В аду приготовлен специальный круг для «просветителей», считающих три кита, на которых держится образование, чем-то незначительным. Возьмем современные государственные школы: никогда еще не платили такие огромные суммы за столь мизерный результат. Слава богу — или богам, — что я окончил школу много лет назад, когда с учеников драли три шкуры, а учителя не колеблясь наказывали и отчитывали.

Со мной в первом классе учились шестьдесят три ребенка, на них приходился один педагог — без всяких помощников. К концу второго семестра все шестьдесят три умели читать.

2. Многие не верят в историю Брайди Мерфи. Трудно сказать, фальшивка это или нет, — журналист, проводивший расследование, не обладал специальными навыками, а «опровержение» напечатали в журнале «Тайм». Да, «Тайм» публикует множество фактов... но с момента основания журнала в двадцатые годы мне случалось присутствовать при восьми-девяти событиях, которые освещали его корреспонденты. Ни разу — подчеркиваю, ни разу — версия «Тайм» не совпала с тем, что я видел и слышал сам.

У меня есть записи сеансов с участием Брайди Мерфи, есть книга Бернштейна. Конечно, я не специалист... однако записи меня впечатлили. На мой взгляд, там было

именно то, о чем сообщалось: регрессия под действием гипноза в память о прежнем существовании. Несколько лет спустя один весьма уважаемый гипнотерапевт (пациентов он принимал только по направлению врача, а сам специализировался на психологии) рассказал, что подобная регрессия — не редкость во время гипнотических сеансов. Он и его коллеги обсуждают эти случаи в своем кругу, однако делать их достоянием общественности не спешат — не позволяют этические нормы, связывающие врачей и их исповедников.

От себя добавлять ничего не буду — у меня нет информации. Много лет назад я решил, что мне хватает забот в этой жизни, чтобы волноваться о том, что будет после меня. Все выяснится само задолго до 2001 года... или не выяснится, потому что моя вселенная прекратит существование.

3. Те, кто отмахивается от феномена экстрасенсорного восприятия, либо идиоты, либо полные невежды. Однако я не жду, что к 2001 году мы сможем управлять телепатией, это чистой воды вымысел, позволивший добавить в текст историю о Чаке и тому подобном.

4. Фраза «Человек — дикое животное» взята, как есть, из книги «Через миллион лет» Чарльза Гэллона Дарвина (внука автора «Происхождения видов»). Не буду вдаваться в подробности, но считаю своим долгом упомянуть об этом. К слову, «Через миллион лет» — это продолжение книги «Происхождения видов». На мой взгляд, работа Дарвина-младшего — одно из важнейших произведений, созданных в нашем столетии. Однако спрос на него невелик, — впрочем, в свое время фундаментальный труд его деда тоже не пользовался особой популярностью.

КТО ПОДХВАТИТ ЗНАМЯ ПАТРИКА ГЕНРИ?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеприведенный текст был впервые опубликован 12 апреля 1958 года. Впоследствии его переиздавали множество раз внутри НФ-сообщества и за его пределами, как в нашей стране, так и за границей.

В результате на меня обрушился бурный шквал злобной (но вполне ожидаемой) критики.

Сейчас, спустя двадцать с лишним лет, мой «проступок», похоже, благополучно забыли — а может, простили. Но я не просил прощения, и я не хочу, чтобы он был забыт. Так что сегодня я публикую текст в его первозданном виде. Я не консультировался со своим редактором или моим издателем; каждый волен не соглашаться с мнением, которое я здесь высказал, — но он не волен отбросить эту вещь, принимая остальные части этой книги.

Кое-какие аспекты, представленные ниже, устарели в свете новых технологий, — например, никто уже (надеюсь) не спутает землетрясение с ядерным взрывом, — а средства обнаружения и контроля, напротив, заметно усложнились. Технические нюансы меняются, ключевые принципы — нет.

Победить врага без сражения — вот вершина военного искусства.

Сунь-цзы (ок. 350 г. до н. э.)

Советские лидеры, равно как и китайские, превосходно владеют этим искусством. Последние двадцать с лишним лет нас то и дело дурачат. Сегодня это бомбардировщик «Бэк-

файр»¹ (В-1 с русским акцентом), завтра — международный (ООН) договор о сотрудничестве по всем аспектам в космическом пространстве, чьими жертвами падут «L-5 Society»², «Sabre»³, уже загубленный «Otrag»⁴ и кустарные проекты Роберта Труакса⁵. Договор позволит агентам КГБ (как их не называй, но это будут они) детально проинспектировать любые наши частные и государственные объекты, если те хоть в какой-то мере связаны с космосом — или если агент КГБ заподозрит такую связь.

(И если вы думаете, что это даст нам право на свободный проход во все здания и все помещения космического комплекса «Вуакопиг»⁶, то вы не знаете, как ведут дела в СССР.)

Президент уже объявил о своем намерении подписать договор. Десять к одному, что подпишет, семь к двум, что сенат даст добро, — и сто к одному, что мы горько об этом пожалеем.

Сейчас мой призыв актуален как никогда; публикую его с гордостью — и глубоким сожалением по поводу того, что такая необходимость возникла. Всякий, кто отличается здравомыслием, может не согласиться со мной по отдельным пунктам этого заявления, однако там, где затронуты моральные принципы, свободный человек скажет: «Дайте мне свободу или смерть!» Не придираясь к мелочам, не останавливаясь, чтобы «все обдумать». Он скажет то, что думает.

Дураки и трусы смолчат.

¹ «Backfire» — советский сверхзвуковой бомбардировщик Ту-22М.

² «L-5 Society» — проект создания поселения в точке «Лагранж-5», запущен в 1974 г, однако договор по Луне 1979 г. запретил создание любых поселений на небесных телах и орбите вне юрисдикции ООН.

³ «Sabre». — В основном под таким названием разрабатывались американские реактивные самолеты. Что имел в виду Хайнлайн — непонятно. Проект «Skylon» подразумевал разработку космического самолета с двигателем SABRE.

⁴ «Otrag» — немецкий проект разработки дешевой серийной ракеты-носителя, разрабатывался в конце 70-х. Проект остановлен усилиями Франции и СССР, опасавшихся распространения ракетных технологий.

⁵ Роберт Труакс (1917–2010) — американский инженер-ракетчик, в 1957 г. возглавлял Американское ракетное сообщество. Разрабатывал боевые ракеты для ВМФ, сотрудничал с компанией «Aerojet», также продвигал идею дешевой серийной ракетной техники. — *Примеч. С. В. Голд.*

⁶ Так в оригинале. — *Примеч. С. В. Голд.*

НАСТАЛО ВРЕМЯ ВЫСКАЗАТЬСЯ!

Неужели жизнь так дорога, а покой так сладок, чтобы покупать их ценой рабства и цепей? Боже упаси! Не знаю, какой путь выберут другие; что же касается меня, дайте мне свободу или смерть!

Патрик Генри¹

В минувшую субботу в нашей городской газете появилось объявление, которым нас попытались напугать, чтобы мы потребовали от нашего президента прекратить испытания ядерного оружия. Внушительный, на целую полосу, текст представлял собой причудливую смесь правды, полуправды, искажений, преувеличений, откровенного вранья и коммунистической агитации, прикрытой идеалистическим вздором.

Инициаторами были семьдесят местных чудаков и шестьдесят неадекватных сограждан национального масштаба, называющих себя «Национальным комитетом за разумную ядерную политику». Вероятно, те, чьи имена обеспечили комитету определение «национальный», коммунистами не являются, да и местных мужей трудно заподозрить в приверженности коммунизму: возможно, все они — истинные патриоты, случайно сбившиеся с пути. Однако их манифест — чистейшая и бессовестная коммунистическая пропаганда.

Дерево познается по плоду². Цель манифеста — угрозами или обманом вынудить нас подписать письмо к президенту Эйзенхауэру с тремя пресловутыми требованиями. Первое — старый коммунистический трюк: мол, ядерное оружие и средства его доставки должны «рассматриваться отдельно» на переговорах по разоружению. После вывода на орбиту «Спутника» текст слегка видоизменили: «Ядерные испытания, ракеты и космические спутники

¹ *Патрик Генри* (1736–1799) — американский государственный деятель эпохи борьбы за независимость, известный прежде всего речью, откуда взята данная цитата.

² Мф. 12: 33.

должны рассматриваться в отрыве от других проблем разоружения».

Предложение звучит разумно, но в нем кроется подвох — полная капитуляция свободного мира перед коммунистической диктатурой. Это прекрасно понимал Трумэн, понимает и Эйзенхауэр, поэтому оба предпочли отказаться. Объясню, в чем подвох: если ядерное оружие и средства его доставки запретят, а обычное (танки, самолеты, штыки и винтовки) оставят, тогда... Впрочем, вы уже догадались. У нас — сто семьдесят миллионов, у них — девятьсот. Как думаете, кто победит?

Даже если собрать всех возможных союзников (допустим, нас поддержат, какой бы фортель мы ни выкинули), когда дело дойдет до сражения между пехотными частями, как на реке Ялуцзян, соотношение все еще будет два к одному.

Разумеется, Хрущев мечтает, чтобы ядерное оружие «рассматривалось отдельно» от пехотных дивизий. Как он обрадуется, когда тупоголовые американцы с ним согласятся.

Мыши собрались и решили навесить
на kota бубенец.

Эзон

Второе предложение коммунисты лелеют без малого двадцать лет. Цитата: «Незамедлительно прекратить любые ядерные испытания и передать в юрисдикцию ООН контроль над их прекращением с использованием необходимых инструментов». Завет прямиком из Кремля! Мнимые контрмеры, выдвигаемые Советами еще со времен плана Баруха — сначала запретить, потом контролировать запрет на всякий пожарный... а после наложить свое вето. Приняв их, мы сдадимся на «милость» будапештских мясников, наша жизнь будет зависеть от «чести» тех, кто считает честь буржуазным пороком, а наша свобода будет держаться на обещаниях преступного государства, ни разу не сдержавшего ни одного своего обещания.

Манифест Комитета гласит: «...контроль над испытаниями вызовет лишь незначительные трудности». Скажу одно: либо нас обманывают самым наглым образом, либо выдают желаемое за действительное. Трудности есть, и весьма значительные, — и никаким иным способом, кроме инспекции на месте, их не преодолеть, поскольку пока не придумали способа отличить землетрясение от подземных испытаний.

Прежде чем доверить жизнь и свободу обещаниям Кремля:

- вспомните Будапешт;
- вспомните Польшу в 1945-м;
- вспомните Прагу;
- вспомните Эстонию, Латвию, Литву;
- вспомните Корею;
- вспомните отважную маленькую Финляндию — и будьте начеку!

Третье требование, по сути, броская ширма, но и за ней кроется мина-ловушка. Читаем: «Ракеты и космические спутники должны быть переданы под контроль ООН, что поспособствует объединению мирового научного сообщества для космических исследований». Предложение после запятой не лишено смысла, согласись СССР сотрудничать; ловушка спрятана в слове «ракеты».

Мы, американцы, живем в аквариуме, — как ни старайся, ракетные испытания у нас не спрячешь. Однако на бескрайних просторах России, Сибири и Китая можно спокойно испытывать, производить, хранить и готовить к запуску любые ракеты, вплоть до межконтинентальных баллистических, — и ни одна живая душа не узнает. Огромные территории стран коммунистической «оси» нельзя контролировать иначе как путем инспекций на местах. Малейшее послабление — и нам останется уповать на пустые обещания будапештских мясников.

Последний абзац, где нас призывают обратиться с письмом к президенту, смахивает не на предложение, а на банальную попытку вселить страх в сердца свободных людей, напомнив им об ужасах ядерной войны.

«Не желаете ли в гости?» — муху приглашал паук.

Не случайно этот манифест следует коммунистической линии, не случайно он был распространен по всей территории Соединенных Штатов в ту самую неделю, когда Хрущев самодовольно объявил о прекращении ядерных испытаний в Советском Союзе; не случайно от нас требуют отказаться от запланированных, согласованных и заранее объявленных испытаний с минимальным количеством радиоактивных осадков.

Коммунисты снова обратились к проверенной, хорошо отработанной тактике: прикинуть, как можно усыпить бдительность свободного мира, когда речь идет об одном из важнейших вопросов, состряпать агитку, которая найдет отклик у добросердечных и тупоголовых американцев, подsunуть ее в нужное время, а после, стоя в сторонке, наблюдать, как эти ослы делают за них всю работу.

Точно так же — и при помощи лозунга «Вернем наших парней домой» — Советы подкосили американскую армию после капитуляции японцев. Точно так же они вызвали у нас угрызения совести по поводу атомной бомбы — пока их шпионы воровали наши чертежи. Они придумали благочестивую тему: «Не делайте голод предметом политических игр», а после обернули нашу благотворительность на пользу своей политике. Их стараниями возникли бесславная «Оксфордская клятва»¹ и лицемерные антивоенные демонстрации тридцатых годов. Советы неоднократно прибегали к этой тактике, дабы усыпить бдительность свободного мира, и прибегнут к ней еще не раз, если найдут таких, кто на нее купится.

Сегодня мы наблюдаем ее во всей красе. Сегодня обе стороны, Свобода и Красная Тирания, обладают ядерным оружием... и коммунисты снова пытаются устыдить или запугать нас, чтобы мы отказались от своего.

¹ «Оксфордская клятва» — клятва студентов Оксфорда, призывающая никогда не братья за оружие.

Манифест — это не путь к миру во всем мире, а призыв безропотно подчиниться тирании. Если мы пойдем у них на поводу, уже через несколько недель, месяцев — максимум через пару лет — американский флаг, «Доблесть прошлого», опустится раз и навсегда и на планете воцарятся будапештские мясники.

Вот уже сотню лет, после появления Манифеста Коммунистической партии, коммунисты стремятся захватить власть на планете. Единственная преграда — ядерное оружие, которым все еще владеет чудовищно съезжившийся свободный мир. Они могут уничтожить нас... но они знают, что мы можем уничтожить их.

Поэтому нас всеми силами пытаются лишить средства, уравнивающего возможности.

Если мы на это пойдем, нам останется лишь ждать того же «милосердия», какое получил Будапешт. Нам скажут: «Сдавайтесь — или умрите!»

Бог дарует свободу только тем, кто ее любит и всегда готов охранять и защищать.

Дэниел Уэбстер

Мы, нижеподписавшиеся, — вовсе не комитет, а просто двое свободных граждан Соединенных Штатов. Мы любим жизнь и хотим мира... но не «мира любой ценой» — не ценой свободы!

Дураки и пацифисты считают иначе.

Те, кто подписал пресловутый манифест, сделали свой выбор; сознательно или нет, они предпочли рабство смерти. Это их право, пускай — мы обращаемся к свободным духом соотечественникам.

В свободной стране политическая акция может начинаться где угодно. Мы прочли безумный манифест так называемого «Комитета по „разумной“ ядерной политике» — и категорически его не приемлем. И вот наш ответ, подкрепленный свободой воли и личными финансами.

Наш ответ комиссарам: «Нет, вам никогда нас не поработить. Самое большее, вы убьете нас, но мы умрем свободными!»

Те, кто готовы пожертвовать насущной свободой ради малой толики временной безопасности, не достойны ни свободы, ни безопасности.

Бенджамин Франклин

Мы будем стоять на своем, вопреки разговорам о лейкемии, мутациях и ядерном холокосте. Опасны ли «радиоактивные осадки»? Разумеется! Коммунистическая пропаганда целенаправленно искажила страшные последствия ядерной войны — но будь они хоть в тысячу раз страшнее, мы неизменно предпочтем смерть коммунистическому рабству. Уничтожит ли такая война все человечество? Скорее всего — если кремлевские заправилы сбросят на нас кобальтовые бомбы. Советская наука здесь не уступает нашей, а в сфере ракетных технологий, похоже, на пару лет опережает; они наверняка способны уничтожить человечество.

В случае атомной войны, при самом оптимистичном раскладе, погибнут десятки миллионов американцев, — возможно, в первые пять минут будет уничтожена половина нашего населения.

Колорадо-Спрингс разбомбят во вторую очередь, но никак не позже; из нас, местных жителей, не уцелеет никто.

Таковы риски. Единственная альтернатива — сдаться. Мы предпочитаем рискнуть.

Права и свободы, данные нам конституцией страны, стоят того, чтобы защищать их любой ценой.

Сэмюел Адамс

Простого решения проблемы не существует. Рисков можно избежать лишь путем капитуляции, но есть вероятность их снизить, упрочив свободный мир так, чтобы кровожадные прагматики от коммунизма не осмелились на него посягнуть. Расплачиваться придется долго и до-

рого — увеличением налогов, изнурительной работой в поте лица, мрачной одержимостью... а наградой, несмотря на все усилия, может стать смерть. Однако если умирать, то свободными!

Клянемся своей жизнью, состоянием и незапятнанной честью¹.

Мы, нижеподписавшиеся, верим, что нас поддержит абсолютное большинство американцев. Обращаюсь к вам, потомки Патрика Генри! Кем бы и где бы вы ни были, явите свои имена. Подпишите письмо и направьте его нам — а мы непременно доставим его конгрессмену Ченовету, обоим сенаторам и президенту.

Адрес на 1958 год: Роберту и Вирджинии Хайнлайн,
1776, Меза-авеню, Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

Адрес на 1980 год: Литературное агентство «Каре спектрум», 60, Сорок вторая Ист-стрит, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10017

«ЧТО Я МОГУ ПРЕДПРИНЯТЬ?»

Как видите, даже двоим под силу многое. Давайте назовемся «Лигой Патрика Генри» и докажем правительству, что дух 1776 года еще жив. Прибавим вас с супругой — уже четверо, соседскую семью — шестеро; будем расти как снежный ком и лавиной обрушимся на страну.

Мы заявим о себе в других районах, в других штатах.

Если вы, читающие эти строки, живете не в Колорадо-Спрингс, то поднимитесь, выскажитесь и прямо сейчас учредите свой филиал «Лиги Патрика Генри». Вы — свободные граждане и вправе действовать без

¹ Сокращенная цитата из Декларации независимости США.

разрешения и нашей указки. Напечатайте социальную рекламу — сошлитесь на наш текст или скопируйте его целиком. Выверните карманы, просите милостыню, но добейтесь публикации в родном городе и за его пределами, а после садитесь за письма, адресованные напрямую в Вашингтон.

И непременно дайте знать о себе!

Все вместе поднимемся и громко объявим раз и навсегда: «Дайте мне свободу или смерть!»

Президенту Эйзенхауэру
Белый дом, Вашингтон

Уважаемый господин президент!

Как известно, в последнее время Вас всеми правдами и неправдами пытаются вынудить отказаться от ядерных испытаний, передать наши космические и ракетные программы под юрисдикцию ООН, а также принять ряд иных мер, направленных на ослабление нашей обороны.

Заклинаем Вас, не поддавайтесь.

Мы хотим сделать Америку непобедимой, и ради этого мы готовы идти на любые жертвы. Мы просим приложить для этого все усилия: ядерные испытания, укрепление и развитие технологий, прежде всего в области ракетостроения, повышение уровня образования и прочее — все, что потребуется. Мы согласны платить увеличенный налог, отказаться от излишеств и роскоши, согласны трудиться в поте лица.

Клянемся своей жизнью, состоянием и незапятнанной честью.

Преданные Вам,

_____ (полное имя)

_____ (адрес)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

5 апреля 1958 года, когда так называемый Комитет опубликовал свою рекламу в Колорадо-Спрингс (и многих других городах), я немедленно забросил работу над «Еретиком» (позже переименованным в «Чужака в чужой стране»). Следующие несколько недель мы с миссис Хайнлайн занимались только «Патриком Генри». Мы опубликовали текст заявления в трех местных газетах, всячески способствовали его распространению за пределами города, рассылали тысячи перепечаток, выступали перед бесчисленными собраниями, собрали подписи и направили в Вашингтон тысячи копий приведенного выше письма — все заказными письмами, ни на одно из них не получили никакого подтверждения, даже на те, где были приложены квитанции с уведомлением о вручении.

Потом у нас выбили почву из-под ног: не требуя никаких совместных инспекций, Эйзенхауэр специальным указом ввел мораторий на ядерные испытания. (Результат известен: когда Хрущеву приспичило, он возобновил испытания с самыми губительными за всю историю выбросами в атмосферу.)

Поступок президента потряс меня до глубины души. Впрочем, удивляться не следовало: высокое звание Эйзенхауэр получил исключительно благодаря политическим связям, он был классическим генералом от политики — непроходимо тупым и полностью зависимым от своего окружения. Но теперь сгруппировал уже я, хотя знал: многие (но не все!) политики пойдут на что угодно ради победы на выборах... особенно когда Эдлай Стивенсон¹ наступает на пятки.

Со временем я снова сел за роман, правда не за «Чужака», а за «Звездный десант». «Патрик Генри» вызвал шок, «Десант» — ярость. До сих пор не понимаю, как эта книга получила «Хьюго». Даже спустя годы она вызывает гневные и нелицеприятные отклики «фанатов»... однако роман разошелся огромными тиражами на одиннадцати языках. Интерес к нему не падает, напротив — только в нынешнем году заключено четыре новых контракта. Тем не менее упоминают о нем лишь тогда, когда устраивают мне разнос. Загадка!

¹ Эдлай Стивенсон (1900–1965) в 1952 и 1956 гг. был кандидатом от Демократической партии на должность президента США и, соответственно, оба раза конкурировал с Д. Эйзенхауэром.

Критика всегда основывается на элементарном непонимании простых предложений, облеченных в простые слова. Такое непонимание особенно характерно для профессоров английского языка, каковыми являются большинство критиков. (Яркий контрпример: профессор, способный читать и понимать английские тексты, преподает историю в колледже в Колорадо.)

Отдельные профессора английской словесности сами сочиняют научную фантастику, однако никто из них не рецензировал и не критиковал «Звездный десант». С годами у меня сложилось стойкое впечатление, что профессора-фантасты в среднем куда более грамотны, чем их коллеги, которые не хотят (или не способны?) писать коммерчески успешную беллетристику.

Их неспособность понимать английский язык обычно проявляется в таких моментах.

1. И в словарях, и в романе слово «ветеран» не всегда обозначает участника боевых действий. Да, в большинстве случаев речь идет о ветеранах войны... однако мы не колеблясь говорим о «ветеранах пожарной дружины», «ветеранах педагогики». В «Звездном десанте» черным по белому не раз было сказано, что девятнадцать из двадцати ветеранов никогда не воевали. Наоборот, девяносто пять процентов избирателей «в прошлом состояли на гражданской федеральной службе».

Ремарка: у добровольца нет выбора. Поступление на государственную службу не дает привилегий. Человек записывается в добровольцы... а потом года два, плюс-минус, идет туда, куда его пошлют, и делает то, что прикажут. У молодого, здорового добровольца мужского пола есть шанс стать пушечным мясом, но шансы на это невелики.

2. Уйти со службы нельзя только в разгар битвы, а так — пожалуйста, в любой момент; иными словами, в ста процентах случаев для девятнадцати из двадцати добровольцев и в девяносто девяти процентах случаев для тех, кто служит в федеральных учреждениях и проходит по военному ведомству.

3. Никакой воинской повинности. (Я категорически против призыва как в мирное, так и в военное время, о чем неоднократно заявлял в художественной и документальной прозе, с трибун и в яростных спорах с экспертами. Я принял присягу в 1923 году и верен ей с тех самых пор. И я горжусь своей се-

мьей в основном потому, что за более чем два столетия никто из моих предков не служил по призыву: все отправлялись в армию добровольно. Воинская повинность, по определению, является недобровольной, кабальной, аморальной и, вопреки мнению Верховного суда, антиконституционной.)

4. Критика: «Государство в „Звездном десанте“ — откровенно милитаристское». Прилагательное «милитаристский» — производное от существительного «милитаризм», которое трактуется по-разному, однако ни одно из словарных значений нельзя применить к описанному в романе государству. Ни один военный или гражданский служащий не вправе голосовать и занимать выборные должности, пока не уволится со службы и не пополнит ряды обычных людей. Более того, в романе ярко подчеркивается неприязнь к военным со стороны гражданских. У военных вообще мало шансов дожить до получения привилегий, а те, кто доживают, начинают голосовать в лучшем случае лет в сорок.

«Эта книга прославляет вооруженные силы!» Ну наконец-то, первое замечание по существу. Да, прославляет, в частности — БНП, бедных несчастных пехотинцев, пушечное мясо, тех, кто своими уязвимыми телами заслоняет свой родной дом от ужасов войны, зачастую не получая никакой награды. «Солдат — такой, солдат — сякой, и грош ему цена. Но он — надежда всей страны, когда идет война»¹.

Лично мне грех жаловаться на службу. Моряка можно убить, но почти нельзя ранить — разве что на реках Вьетнама. Редкий моряк умирает холодным и голодным, обычно его смерти предшествует сытный обед, горячая ванна и безмятежный сон в мягкой постели. Такой рай есть только на флоте и еще в ВВС. Но вспомните Корею, Гуадалканал, лес Белло, вспомните Вьетнам. Водородная бомба не упразднила пехотинца, напротив, сделала его ключевой фигурой... ему выпала самая тяжелая работа, и он достоин всяческих почестей.

Прославляю ли я вооруженные силы? Конечно. Иначе не сделал бы их своим призванием и не оставался в списках резервистов без малого пятьдесят шесть лет.

Однако, на мой взгляд, истинная причина нападков на «Звездный десант» кроется в другом. Уверен, критиков коро-

¹ Р. Киплинг. Томми Аткинс. Перевод С. Я. Маршака.

бит сама мысль о том, что право голоса нужно заслужить, а не раздавать всякому, чей возраст больше восемнадцати и кто имеет температуру тела около 37 °С.

Но дармовой закуски не бывает.

Демократия рушится, когда плебс осознает, что сам может голосовать за хлеб и зрелища для себя... какое-то время. Почитайте историю или газеты: сейчас мы наблюдаем то же самое. Подумайте, не пора ли ввести четкие требования (помимо температуры тела) к избирателю, чтобы, голосуя, он по-настоящему радел за будущее своих детей, внуков — и за ваше будущее в том числе. Отцы-основатели не собирались давать право голоса всем подряд — их дебаты и ранние законы тому доказательство. По их мнению, избиратель должен занимать стабильное место в обществе: владеть землей, использовать наемных работников, иметь опыт в торговле и прочее. Однако сейчас никому нет дела до отцов-основателей, этих дремучих невежд, не знавших телевидения (бывали в музее-усадьбе Томаса Джефферсона?), поэтому я предлагаю повысить сознательность электората, введя особые «избирательные налоги». Можно учредить:

А. «Удивительную республику Гондур» Марка Твена, — если не читали, рекомендую.

Б. Государство, где за наличные (или в рассрочку) любой может приобрести неограниченное число голосов; вырученные деньги станут главным источником пополнения государственной казны, не считая доходов от продажи услуг на свободной конкурентной основе. В результате возникнет новое правительство, способное удивить население — и не раз. Олигархи захватят власть? Что, серьезно? Какой миллионер согласен разориться ради пары сотен дополнительных галочек в бюллетене? При нынешней системе, где правит температура тела (и мертвые души), купить выборы значительно дешевле, чем тратиться на контрольный пакет голосов. Точные цифры не поддаются исчислению... но подозреваю, что плата за право участвовать в выборах (скажем, двадцать тысяч швейцарских франков) вызовет еще меньше энтузиазма, чем перспектива отслужить два года.

В. Государство с базовыми требованиями к интеллекту и образованию. Например, вы заходите в избирательную кабину и решаете квадратное уравнение, сгенерированное компью-

тером в индивидуальном порядке для каждого голосующего. Если ответ верный, компьютер открывает доступ к бюллетеню. В случае ошибки система блокируется, звучит громкий сигнал, над кабиной загорается красная лампочка, и вы выскакиваете оттуда, с лицом, красным от стыда, сознавая себя полностью непригодным (в силу глупости или невежества) для принятия взрослых решений. Удачи на следующих выборах! При такой системе нет необходимости вводить возрастные ограничения — умненькие двенадцатилетние девочки будут спокойно участвовать в выборах, зато их матери (и отцы) десять раз подумают, прежде чем снова подвергнуться подобному унижению.

Вариантов масса. Вот навскидку лишь два. «Улучшаем генофонд»: никаких звонков и красных лампочек, кабина открывается автоматически — пустая. Не нравится «генофонд», сделаем «доход». На кону не жизнь, а кошелек. За вход в избирательную кабину вы платите эквивалент восьми граммов золота в местной валюте, решаете квадратное уравнение, голосуете — и получаете деньги обратно. В противном случае вся сумма идет в государственную казну. Гарантирую, с таким подходом голосовать будут лишь по-настоящему неравнодушные граждане и те, кто точно сумеет отбить свою сотню баксов.

Допускаю, с квадратным уравнением я слишком занизил планку — и для ай-кью, и для школьного образования. Если корни уравнения целочисленные, любой мало-мальски понимающий в цифрах щелкнет такую задачу как орешек, причем с завязанными руками и глазами. Однако, как недавно выяснилось, человек может с отличием окончить школу в Санта-Крусе, получить стипендию Калифорнийского университета... и элементарно не уметь считать. Так что давайте не будем усложнять ситуацию, хотя бы в переходный период.

Г. Мне абсолютно не важно, какими конкретно методами у нас добьются повышения сознательности электората. Главное — ужесточить требования в принципе, вырваться за рамки температурного критерия, пока он не уничтожил нас. Как вам такая идея? Почти полтора века женщин не допускали до выборов. Последние шестьдесят лет они исправно голосуют... однако пропорция в правительстве не изменилась в лучшую сторону, вопреки обещаниям суфражисток.

Возможно, прошло слишком мало времени. Возможно, мужчины по-прежнему подрывают государственные устои... поэтому давайте запретим сильному полу голосовать в течение следующих ста пятидесяти лет. (Все честно. Моя мать впервые проголосовала на пятом десятке.) Но не будем останавливаться на достигнутом. Кого мы видим на выборных должностях, в судах, среди адвокатов? Множество мужчин и ничтожно мало женщин.

Лишаем мужчин права занимать выборные должности и работать в судебных органах и делаем законодательство монополией женщин.

Бред? Однако в год моего рождения все так и было — только наоборот, даже в тех единичных штатах, где женщины имели право голоса еще до девятнадцатой поправки. (Редкие исключения не в счет.)

Кстати, когда мужчины-адвокаты лишатся насиженных мест, в стране появится масса неквалифицированных черно-рабочих — сейчас их днем с огнем не найти. По крайней мере, мне не удастся уже три месяца, хотя деньги предлагаю хорошие. Из адвокатской братии оставим только настоящих профи, пусть трудятся секретарями у адвокатесс — бедняжки будут работать на износ. Правда, недолго. Можете представить, чтобы женщина-судья (если ей не препятствуют коллеги-мужчины) разрешила адвокату шесть недель выбирать присяжных? Или месяцами тянула с вердиктом? Женщины от природы практичнее мужчин. Их к этому вынуждает биология.

Раз уж мы коснулись биологии, не грех развернуться по полной. Если женщина не рожала, ее социально-экономическая функция будет такой же, как у мужчин, каких бы консервативных взглядов на секс она ни придерживалась. Лишь женщина-мать точно заинтересована в будущем. Так что давайте ограничим избирательное право, право на выборные должности и юридическую практику женщинами, имеющими детей.

С корнем вырывать никого не придется, промежуточный этап сделаем щадящим для обоих полов. Пусть мужчины спокойно дорабатывают, но особо не ободряются. Дадим адвокатам четыре года, чтобы уйти на пенсию или выбрать новую сферу деятельности, и параллельно запретим юридическим вузам набирать слушателей мужского пола. У меня нет кон-

кретного кандидата на президентский пост, но, судя по опыту последних пятидесяти лет, занимать кресло в Овальном кабинете может всякий, просто некоторые выглядят более впечатляюще, чем другие.

Братья и сестры, вам не приходило в голову, что за последние полвека *Овальный кабинет не принял ни одного здравого решения?*

Вряд ли матриархальное правительство будет хуже своих предшественников. Была не была!

Я поклялся на алтаре Божьем быть вечным врагом любой тирании над человеческим разумом.

Томас Джефферсон, 1800

«PRAVDA» ЗНАЧИТ «ПРАВДА»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Закончив работу над «Звездным десантом», я переквалифицировался в каменщика (мой любимый отдых после писательства в молодые годы), установил фонтан в нашем нижнем ирригационном пруду и благоустроил его¹, а потом вернулся к работе над «Еретиком», он же «Чужак в стране чужой», и наконец завершил его — через десять с лишним лет после того, как замыслил этот роман. Я не торопился, поскольку он все равно не мог быть опубликован на коммерческой основе раньше, чем изменятся общественные «нравы». Я видел, как они меняются, и оказалось, что я правильно рассчитал время.

Многие говорили, будто им совершенно ясно, что «Чужак» написан в два приема и что разделительная линия четко прослеживается. Но не нашлось и двоих, указавших на одну и ту же разделительную линию... и я впервые признаюсь, что роман был написан не в два приема, а в четыре.

Никто не сможет ткнуть пальцем в реальные начало и конец каждой из частей, потому что «Чужак» — одно из немногих моих произведений, каждая деталь в котором была прописана в сюжете еще до начала работы, и затем я скрупулезно следовал этому плану. А места, на которые читатели указывают как на возможные «перерывы в работе», на самом деле запланированные «разделители», придающие тексту драматизм.

Затем мне пришлось этот чертов роман сокращать: в результате работы по сложному и подробному плану рукопись оказалась вдвое больше, чем ей следовало быть исходя как из

¹ Этот фонтан действительно установлен посреди пруда и живописно обложен камнями. — *Примеч. С. В. Голд.*

коммерческих, так и сюжетных соображений. И на это сокращение ушло вдвое больше рабочего времени, чем на само написание.

А тем временем моя жена пошла на курсы углубленного изучения русского языка в университете штата Колорадо. Она всегда считала, что если уж берешься за какое-либо дело, то надо делать его на совесть, иначе не стоит и время на него тратить, поэтому целых два года она жила и дышала русским языком. Она не пропустила ни единого занятия, всегда тщательно готовилась к ним, наняла репетитора для устных занятий в дополнение к университетскому курсу, купила всевозможнейшие пособия по русскому языку на пластинках, установила их стопкой в автоматический проигрыватель и целыми днями слушала записи, занимаясь прочими делами, — у нас дома в каждой комнате стоит по динамику, и один большой в саду.

(Моей работе это нисколько не мешало; поскольку я тогда не знал русского совсем, для меня эти записи были просто шумом.)

Через два года она смогла читать, писать и говорить по-русски, понимать этот язык — и думать на нем.

Затем мы отправились в СССР.

Разумеется, и в другие страны тоже — моя симпатия к Польше и Чехословакии никогда не умирала, равно как и к захваченным странам Балтии. Следовало бы включить и страны Туркестана, но они, кажется, не столь угнетены — гораздо дальше от Москвы и вдали от проторенных путей. В целом мы пропутешествовали по СССР около десяти тысяч миль и увидели около двадцати городов. Тяжкий труд Джинни полностью окупился: мы увидели и услышали очень много, гораздо больше, чем узнали бы от политически инструктированного гида, — нам часто удавалось от него отделаться. Я нахватался кое-каких слов на русском, но говорить так и не научился: мог спросить или показать, как пройти в нужное место, заказать обед, оплатить счет — и ругаться по-русски (что очень важно!).

Эту статью я написал в отеле «Торни» в Хельсинки сразу после «бегства» (я испытывал именно такое ощущение) из Советского Союза. Более легкую по тону статью, следующую за «Pravda», я написал две-три недели спустя в Стокгольме.

К тому времени мои нервы в свободном воздухе Скандинавии успокоились, и я смог разглядеть юмор в том, что вовсе не казалось смешным в тот момент, когда происходило.

«**P**ravda» — значит «правда».

Так написано в моем англо-русском словаре: «**P**ravda — правда». Словарям, конечно, можно доверять.

Говоря жесткими, скептическими словами Эла Смита¹, «давайте посмотрим фактам в лицо».

1 мая 1960 года американский самолет-разведчик U-2 совершил нечто вроде незапланированной посадки в СССР. Это одновременно и «правда», и «pravda». За пределами этого голого факта «правда» и «pravda» весьма сильно расходятся.

ПРАВДА: 1 мая этот самолет приземлился неподалеку от Свердловска, в самом сердце Советского Союза, в 1500 милях от границы, которую он пересек. Самолет был покалечен, но пилот остался жив. Большая часть оборудования самолета, например радиоаппаратура, осталась целой. То, что уцелели пилот и оборудование, а также состояние поврежденного самолета предполагают вынужденную посадку — например, из-за отказа двигателей.

Самолет U-2 весьма скоростной и совершает полеты на очень больших высотах, 60–70 тысяч футов, или 18–21 километр. Кинетическая энергия движущегося объекта пропорциональна квадрату его скорости ($E = \frac{1}{2}MV^2$). Летящий с такой скоростью самолет обладает колоссальным запасом кинетической энергии. И если в него попадает зенитная ракета, то в следующую долю секунды происходит такое, по сравнению с чем лобовое столкновение двух водителей-лихачей покажется ласковым материнским шлепком. Столкновение с ракетой лишь дает

¹ *Альфред Смит* (1873–1944) — американский политик, губернатор штата Нью-Йорк. Эту присказку (на английском она звучит как «let's take a look at the record») часто цитируют по разным поводам. — *Примеч. С. В. Голд.*

толчок к разрушению самолета, основные же разрушения происходят из-за его огромной скорости — он буквально взрывается! В одно мгновение небо усеивается обломками.

Шансы пилота на выживание невелики. Он может спастись, если капсула катапультирования при попадании ракеты остается целой. Но шансы на то, что радио и другая относительно хрупкая аппаратура окажутся на земле неповрежденными, совершенно ничтожны. Тем не менее подобное оборудование было «извлечено» из «сбитого» U-2. С тем же успехом можно утверждать, что с неба упала корзина с яйцами и они не разбились.

Мы можем никогда не узнать правды о том, что же случилось с U-2. С невезучим пилотом Пауэрсом перед судом разговаривали только советские официальные лица.

Однако некоторым слишком нервным нашим согражданам следует прекратить бить себя в грудь и скорбеть о постигшем нас позоре. Фоторазведка — далеко не то же самое, что рейд бомбардировщика. Полет безоружного самолета над чужой территорией сильно отличается по весовой категории от того, что Хрущев сделал в Будапеште. В данном случае мы имеем дело с безопасностью Соединенных Штатов, а также — очень вероятно — с выживанием и уж наверняка со свободой всего человечества.

По международному законодательству, шпионаж не является ни незаконным, ни аморальным. Наказание же для пойманного шпиона всегда очень сурово — обычно он расплачивается собственной головой. По законам США, попытки шпионажа на территории СССР не являются наказуемыми, и точно так же законами СССР запрещен шпионаж на территории США. В любом случае такие попытки не являются актом войны. На всем протяжении истории каждая страна пыталась узнать военные секреты потенциального противника и защитить свои собственные. Шпионаж — мудрая и необходимая страховка против непоправимой военной катастрофы.

Самой обнадеживающей новостью за последнее десятилетие является то, что нам целых четыре жизненно важ-

ных года успешно удавалось проводить над Советским Союзом воздушную фоторазведку. Кроме всего прочего, это означает, что у нас теперь имеются точные карты для нанесения ответного удара. СССР не нужно посылать самолеты-шпионы на территорию США для получения подобной информации, потому что прекрасные крупномасштабные карты с ясным указанием наших военных объектов и промышленных комплексов можно бесплатно получить, к примеру, от компании «Стандард ойл» или «Коноко». Карты еще лучшего качества советское посольство может совсем недорого заказать у нашей службы береговой и геодезической разведки. Советские агенты беспрепятственно перемещаются по стране, многие из них наслаждаются личной неприкосновенностью и полной свободой передвижения, обеспеченной паспортом ООН. Если красному шпиону требовались цветные воздушные снимки наших установок ПВО чуть южнее Канзас-сити — в самом центре Америки, — то до недавнего времени он мог нанять пилота и самолет в аэропорту Канзас-сити долларов за двадцать пять в час и шелкать камерой, сколько душе угодно, без риска угодить на виселицу или попасть под расстрел, чем рисковал за нас Френсис Пауэрс. И если бы мистер Эйзенхауэр не смог, использовав все возможные средства военной разведки, раздобыть ту информацию, которую СССР столь легко и дешево получил на нашей территории, то он бы в таком случае пренебрегал своими обязанностями.

Поэтому, если вы услышите, как некто воет о том, насколько «постыдными» были полеты U-2, отнимите у него леденец и отшлепайте его этим же леденцом.

PRAVDA: Толстому парню со скверными манерами потребовалось пять дней, чтобы решить, какую именно pravdu скормить своему народу. Должно быть, ситуация для него оказалась еще более затруднительной, чем для нас, потому что целых четыре года он был совершенно не способен остановить эти полеты, несмотря на похвалы и все новые типы ракет, несмотря на то что каждый полет наверняка наблюдался на экранах советских радаров.

Х. мог и промолчать. В этом случае у информационных агентств свободного мира почти не было бы шансов узнать об инциденте, а у миллионов русских шансов не осталось бы и вовсе. Конечно, в ЦРУ стало бы известно о пропавшем самолете-разведчике. Но зачем разглашать секретные сведения?

Х. мог подлакировать инцидент, придать ему новую окраску и использовать как пропаганду.

Или же Х. мог просто сказать правду. Эта альтернатива упоминается лишь как теоретическая возможность, чтобы исчерпать все варианты, поскольку простая правда марксистско-ленинскими доктринами не предусматривается. Здесь и пролегает существенное различие между правдой и pravda.

Для Запада правда состоит из полного набора фактов без искажений.

Pravda — это то, что служит Мировой Коммунистической Революции. Она может быть смесью фактов и фальсификаций или же просто явной, звонкой и оглушительной ложью. В редких случаях и по чистой случайности pravda может соответствовать фактам. Мне такие случаи неизвестны, но статистически вероятно, что за последние сорок три года они могли несколько раз произойти.

Это сравнение не является простым цинизмом. Я взываю к авторитету самого В. И. Ленина, к его тактике революции. Согласно доктринам диалектического материализма, простая правда (какой мы ее знаем) отвергается на уровне концепции. Она не может иметь собственного существования, отделенного от потребностей и целей Коммунистической партии и мировой революции. Наша врожденная привычка полагать, что собеседник по большей части обычно говорит правду, может оказаться нашей величайшей слабостью в отношениях с Кремлем.

Очевидно, Х. и его единомышленники испытывали значительные затруднения, решая, какой же должна быть pravda об U-2. Они потратили на размышления почти неделю. Я в это время был в Москве и не видел совершенно никаких признаков того, что 1 мая произошел какой-ли-

бо инцидент. Русские продолжали относиться к нам, американским туристам, со своей обычной приторной вежливостью, а в ежедневном листке (мне неловко даже называть это «газетой») под названием «PRAVDA» не было и намека на U-2. Так продолжалось несколько дней. Это впечатление сложилось у меня вовсе не потому, что я зависел от гида-переводчика «Интуриста», поскольку моя жена читает, пишет, понимает и достаточно свободно говорит по-русски. У нее нет русских корней. Она выучила русский язык за два года упорных занятий на вечерних курсах Колорадского университета и у частного преподавателя.

После 1 мая мы отправились в Казахстан, в город Алма-Ату, расположенный в 2000 милях от Москвы. Это севернее Индии и совсем недалеко от границы Красного Китая. «Неделя вежливости с американцами» продолжалась. Трое американцев, единственные иностранные путешественники в этой отдаленной части Азии, пользовались безраздельным вниманием со стороны алма-атинского директора «Интуриста», двух школьных учителей (оторванных от преподавания ради выполнения роли гидов), двух шоферов и большей части персонала гостиницы. Нам нужно было лишь высказать пожелание — и его тут же исполняли.

В четверг, 5 мая, pravda все еще заключалась в том, что ничего не случилось. Но только с утра.

После полудня климат резко изменился. Приближенные Х. наконец-то решили, какой будет pravda, а именно: американский военный самолет пытался пересечь границу Советского Союза. Как только он это сделал, советская ракета сбила его на высоте 60 тысяч футов. Советский народ очень обеспокоен тем, что Америка совершила подобный акт неприкрытой агрессии. Советский народ хочет мира. Таких агрессий он больше не потерпит. Впредь он будет не только сбивать все подобные самолеты, но и уничтожит базы, с которых они взлетели. Такова оказалась новая pravda Х. в конце его пятичасовой речи.

Единственная связь между pravdoi и фактом заключается в существовании американского самолета, лежащего на советской земле. Место инцидента сместилось на 1500 миль. Самолет «сбит» на очень большой высоте (если это так, то выставленные в парке Горького останки самолета столь же фальшивы, как и обещания безопасности, которые Х. давал Надю и Палу Малетеру). Четыре долгих года унижительных неудач даже не упоминаются. Pravda подавила истину и превратила инцидент в триумф советского оружия. Советские газеты и радиостанции (все — государственные) высказывали ту же версию. Весь этот период «Голос Америки» глушился. Х. хотел быть уверен, что его рабы не услышат ничего, кроме pravda.

Мы узнали о ней, когда нам приказали — а не пригласили — явиться в алма-атинский офис директора «Интуриста». Там нам прочитали длительную, очень суровую, но отеческую лекцию об агрессивной политике нашего правительства, в которой была тщательно пересказана pravda об U-2.

Едва я все понял, я сделал то, что ни одному американцу не следует делать в Советском Союзе. Я совершенно вышел из себя и накричал на директора, изложив ему все претензии США к Советскому Союзу. Моя рыжеволосая жена весьма решительно поддержала меня, обрушив на него все, что она думает по поводу советских лагерей рабского труда, перечислив их названия и показав их местонахождения на висевшей в кабинете директора большой карте Союза, да еще упомянув, сколько людей в них погибло, включая американцев.

Мы выскочили из кабинета директора, вернулись в номер, и тут нас затрясло. Я вышел из себя, потерял самообладание и тем самым подверг опасности не только себя, но и жену. Я забыл, что сейчас меня не защищает наш Билль о правах, что я сейчас не настолько свободен, чтобы без последствий накричать на официальное лицо, и что от возможной помощи меня отделяет как минимум 2000 миль.

Коммунизму нет дела до личности. Советы уничтожили во время «строительства социализма» от 20 до 30 мил-

лионов своих же граждан. За Троцким шли по пятам, пока не прикончили. Моего однокашника убили в поезде в Западной Европе на перегоне между станциями, а тело сбросили на ходу. Террор и смерть — такие же неотъемлемые части их тактики, как и искажение правды. А сейчас их команду возглавляет «освободитель» Будапешта, «миротворец» Украины — комик-мясник, лично ответственный за смерть миллионов невинных людей.

Все это мне было известно. Я знал также и то, что наша политика неузнаваемо изменилась, смягчилась по сравнению с тем временем, когда Тедди Рузвельт угрожал смертью всем виновным в гибели американских граждан за границей — и привел эту угрозу в исполнение. В наше печальное время ни один американский гражданин за рубежом не может рассчитывать на защиту Государственного департамента. Мы даже добровольно лишили своих солдат конституционных прав, призывая их в армию и посылая, не спросив их желания, в чужие страны. Мы до сих пор позволяем красным китайцам держать в плену сотни наших парней, захваченных почти десять лет назад в Корее. Мы даже пальцем не шевельнули, чтобы их вызволить. Я с холодным удовлетворением осознавал, что вел себя как свободный человек, как американец. Но я не мог искренне похлопать себя по спине. Гнев мой был скорее рефлексом, а не мужеством. И если нам с женой придется отправиться в советский трудовой лагерь, то гордостью там сыт не будешь.

Я начал ожидать стука в дверь, о котором вы читали в «Слепящей тьме», — стука, означавшего, что следующим твоим адресом будет Воркута или Караганда. Сам адрес значения не имеет. Ты уже никогда-никогда больше не получишь писем.

Страх мой имел под собой основание. Я читал «Невинного посла» Филипа Уайли и знаю, что случилось с его братом. И живо припомнил книгу Кравченко «Я выбрал свободу».

Но стук этот так и не раздался, потому что политический климат, созданный новой правдой, можно было выразить фразой: «Мы больше сожалеем, чем сердимся». На

следующее утро, 6 мая, нам снова велели явиться в кабинет директора. Но мы решили держаться вызывающе и отказались. В конце концов нам разрешили взять билет на самолет до Ташкента.

Эта pravda продолжалась двенадцать дней, пока Х. не сорвал намечавшуюся встречу на высшем уровне и не сообщил новую pravda.

Мы прибыли в Ленинград как раз в тот день, когда города достигла весть о том, что встреча не состоится и что президент Эйзенхауэр отменил намеченную поездку в СССР, а Х. возвращается в Москву через Восточный Берлин.

Климат внезапно сильно похолодал.

Месяцем раньше в Москве мы познакомились с двумя русскими в первый же день, едва вышли на улицу. Мужчина был техническим переводчиком, а женщина — куратором музея. Они были очень дружелюбны и провели с нами почти три часа, задавали вопросы об Америке и охотно отвечали на вопросы о Советском Союзе. С того дня такое случалось почти ежедневно, случайные знакомства с советскими гражданами завязывались у нас на улицах, в парках, в ресторанах, в театральных антрактах — буквально везде. Все они с интересом расспрашивали об Америке, были очень дружелюбны и необыкновенно вежливы. Подобное отношение отдельных советских граждан к отдельным американцам продолжалось все время, пока действовала первая pravda, и закончилось 6 мая. Во время второй pravda (той самой «Мы больше сожалеем...») оно лишь чуть подостыло.

Парижская пресс-конференция Х. породила новую pravdu. С того момента, когда мы прилетели в Ленинград, и вплоть до дня нашего отъезда в Хельсинки ни один советский гражданин, за исключением сотрудников «Интуриста», исполнявших свои профессиональные обязанности, не заговаривал с нами ни при каких обстоятельствах. Ни один.

Имея дело с «Интуристом», всегда трудно понять, возникают ли твои затруднения из-за чудовищной волокиты или же из-за намеренного обструкционизма. В Ленин-

граде нам сразу стало ясно, что «Интурист» теперь просто не желает нас обслуживать. Даже носильщик, относивший в номер чемоданы, вел себя неприлично.

На первый день у нас был запланирован визит в Эрмитаж — один из величайших художественных музеев мира. Запланирован на этот день и на это время еще в американском представительстве «Интуриста».

К назначенному времени наш гид (вы обязаны его иметь) не вызвал машину. Через некоторое время она все-таки появилась, а гид сказал: «А сейчас мы поедem на стадион».

Мы сказали, что хотели бы поехать в Эрмитаж, как было запланировано. Гид ответил, что Эрмитаж закрыт. Мы попросили отвезти нас в другой музей (в Ленинграде их много). Мы объяснили также, что нам вовсе не интересно осматривать очередной стадион.

Но все же мы поехали на стадион.

Это было все, что разрешил нам посмотреть в тот день «Интурист».

Вернувшись в отель, мы обнаружили кого-то в своем номере. В Ленинграде это стало правилом. Поскольку в отелях «Интуриста» горничные или почти ничего не делают, или, напротив, вездесущи, мы не сразу пришли к выводу, что нам намеренно причиняют неудобства. Но когда следующим вечером мы обнаружили в номере шестерых мужчин, деловито отдирающих различные трубы, вопрос о преднамеренности перестал быть вопросом. Гостиничный номер с отодранными трубами и полом, усеянным щепками и штукатуркой, лишь ненамного лучше отсутствия номера как такового.

Однажды в Ленинграде мы пошли на балет. В советских театрах антракты очень длинные, около получаса, и прежде именно в антрактах нам удавалось завязывать самые интересные знакомства с русскими.

Но не сейчас, после того как в Париже Х. открылась новая правда. С нами не заговорил ни один человек. Ни один русский даже не захотел встретиться с нами глазами. Единственный знак личного внимания в тот вечер — явно преднамеренный толчок локтем в ребро — мы по-

лучили от какого-то майора в форме. Неделя советско-американской дружбы переносится на неопределенный срок, всем спасибо.

Как может поведение и отношение 200 миллионов людей включаться и выключаться, словно лампочка? Как из одного набора фактов можно создать три различные pravda? С помощью полного контроля над всеми средствами общения, от колыбели до могилы.

Почти все советские женщины работают. Дети их воспитываются в детских садах в среднем с возраста 57 дней. Так нам сказали, и увиденное это подтвердило. Мы побывали в нескольких детских садах, в колхозах и на предприятиях. Судя по вывешенным распорядкам дня, эти дети проводят в детском саду ежедневно по 13,5 часа, а с матерью — лишь пару часов перед сном. В колхозе имени 40-летия Октября неподалеку от Алма-Аты дети постарше в одном из детских садов показали нам небольшое представление. Сначала девочка прочитала стихи. Потом мальчик прочел отрывок из прозы. Потом все вместе спели. Дети были чистые и симпатичные, здоровые и счастливые. Наш гид ничего не стал переводить, так что, скорее всего, это было нечто вроде обычного развлекательного представления, которое можно увидеть в любой день в любом американском детском саду.

Однако моя жена понимала по-русски.

Стихи были о жизни Ленина.

Отрывок из прозы был на тему семилетнего плана. Песня была о том, как «мы должны защищать нашу революцию».

Этим малышам было не больше шести.

Вот как это делается. Начиная с колыбели никому не дают слушать ничего, кроме официальной версии. Так pravda становится для советских детей правдой.

А что означает подобная дрессировка для личности, которой уже достаточно лет и которая вполне может делать собственные выводы? 14 мая мы ждали вылета в аэропорту Киева. Погода была плохая, самолеты опаздывали, и в комнате ожидания «Интуриста» скопилось около три-

дцати иностранцев. Один из них спросил, куда мы летим, и жена ответила, что в Вильно.

— Вильно? Где это?

Жена ответила, что это столица Литвы, одной из ранее независимых балтийских республик, захваченной СССР более двадцати лет назад, — и это простая историческая правда, столь же неоспоримая, как высадка в Нормандии или бомбежка Перл-Харбора.

Но правда не есть *pravda*.

Присутствовавшая при этом молодая женщина — гид «Интуриста» — понимала по-английски, и она немедленно прервала мою жену, опровергла ее слова и заверила нас, что Литва *всегда* была частью Советского Союза.

Единственными результатами спора стали шум и возмущение. Не было никакой возможности изменить убеждения этой молодой женщины. Она рассказала нам *pravdu*, выученную в школе, вот и все. Вероятно, ей было около трех лет, когда свершился этот акт международно-го насилия. У нее не было личных воспоминаний об этом периоде. Она не была в Вильно, хотя от Киева до него менее 400 миль. (Советские люди мало путешествуют. Дороги, за редкими исключениями, ужасны, а железнодорожная сеть слабо развита. От русских требуют пользоваться внутренними паспортами и получать внутренние визы для поездки в каждый город, а также путешествовать через «Интурист», как и иностранцам. Поэтому путешествий ради удовольствия, за исключением специальных мест отдыха у Черного моря, почти не бывает.)

Вступив в дискуссию с официальной *pravdoi*, мы стали просто наглыми лжецами, и женщина ясно дала нам понять, что таковыми она нас и считает.

Около полудня в воскресенье, 15 мая, мы спускались по дорожке парка, окружающего холм, на вершине которого стоит вильнюсский замок. Нам повстречалась группа из шести или восьми курсантов Советской армии. Иностранцы в Вильно вызывают большое любопытство. Туристов здесь почти не бывает. Поэтому они остановились, и мы немного поговорили: я — через нашего гида, а жена — напрямую, по-русски.

Вскоре один из курсантов спросил нас, что мы думаем о их новой пилотируемой космической ракете. Мы ответили, что еще не слышали о ней: что это такое и когда ее запустили? Он рассказал нам, а другие курсанты слушали и подтверждали, что ракету запустили как раз сегодня и в этот самый момент русский астронавт находится на околоземной орбите. Так что мы об этом думаем?

Я поздравил их с таким замечательным достижением, но в глубине ощутил отвратительную слабость. Советский Союз еще раз больно щелкнул нас по носу. Но позднее в тот же день наш гид внимательно посмотрел на нас и осторожно скорректировал услышанную историю: курсант ошибся, ракета не была пилотируемой.

Вечером мы попытались раздобыть экземпляр «Pravda», но не смогли отыскать в Вильно ни одного. Позднее от других американцев мы слышали, что в тот вечер «Pravda» нельзя было достать и в других городах СССР. Но этого я не могу утверждать наверняка, поскольку передаю лишь то, что мне рассказывали. Мы также пытались поймать «Голос Америки», но его глушили. Мы послушали несколько советских радиостанций, но никакого упоминания о ракете не было.

Это та самая ракета, которую Советы пытались вернуть на Землю и позднее признали, что возникли какие-то неполадки с тормозными двигателями, — они сработали, когда ракета находилась в неправильном положении.

Так каков же ответ? Действительно ли в ракете находился лишь манекен, как теперь утверждает «Pravda»? Или же в космосе сейчас летает мертвый русский космонавт — ставший оруэлловской неличностью в тот самый момент, когда стало ясно, что вернуть его не удастся?

Я уверен в одном: в полдень 15 мая группа курсантов единодушно утверждала, что ракета была пилотируемой. И эта pravda стала другой лишь к вечеру того же дня.

А что касается неличностей...

Имя Распутина очень хорошо известно в Америке. Но я так и не смог отыскать в России хотя бы одного человека, признавшего бы, что он о нем слышал. Он — неличность.

Джон Пол Джонс известен каждому американскому школьнику. После американской революции Екатерина Великая пригласила его в Россию, где он служил адмиралом и помогал развивать русский флот, в то время еще незначительный. Много раз я пытался отыскать его портрет в советских исторических музеях, десятки раз спрашивал о нем образованных советских граждан, но безрезультатно. В русской истории Джон Пол Джонс стал неличностью.

Троцкий и Керенский пока еще неличностями не стали. Живы еще слишком многие люди, помнящие об их немаловажной роли в недавней российской истории. Но когда-нибудь и они станут неличностями, хотя Керенский и сейчас живет в Калифорнии¹. В СССР всегда молчаливо предполагается, что именно коммунисты свергли царя. И это не оставляет места доктору Керенскому. Если загнать советского гида в угол, он может признать, что была такая личность, как Керенский, а потом сменит тему. То же самое относится и к Троцкому: его роль, какой бы она ни была, стирается из исторических записей. Мы видели буквально тысячи портретов Ленина, включая несколько сот групповых фотографий, запечатлевших, вероятно, все важные коммунистические персоны эпохи революции. Ни на одной из них не было Троцкого, хотя многие из них считаются фотографиями тех лет, когда Ленин и Троцкий еще были партнерами и друзьями.

Так изготавливаются неличности. Так создается pravda.

В этом году темой первомайских праздников был лозунг «Миру — мир». Прекрасное утверждение. Но вряд ли будет безопасным предполагать, что словарное определение слова «мир» имеет какую-то связь с официальным коммунистическим значением, потому что даже вчерашняя pravda завтра может измениться.

«Подчиняться неизбежному» означает «Держать удар» — но это вовсе не значит «Стелись под вертухав».

Л. Лонг

¹ А. Ф. Керенский умер в 1970 г.

«ИНТУРИСТ» ИЗНУТРИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Не езжайте в Россию, если привыкли к чистым туалетам». Под таким заголовком в воскресенье, 2 декабря 1979 года, в газете «Сентинел», выходящей в Санта-Круссе, была опубликована статья Г. Мартина Лэндвера («Ньюспэйпер энтерпрайз ассоциэйшн»). «Российские туалеты, — пишет Лэндвер, — всегда грязны, не имеют сидений на унитазах, туалетная бумага (если она есть) грубая, а сливное давление в бачке чрезвычайно низкое».

Судя по этой статье и многочисленным личным свидетельствам 1979 года, я понял, что моя статья «„Интурист“ изнутри», написанная в 1960 году, все еще не устарела, несмотря на незначительные изменения. У «Интуриста» до сих пор на выбор три класса удобств: «плохой — еще хуже — ужасный». Теперь они называются «номер люкс — просто люкс — первый класс», то есть «первый класс» фактически является «третьим» — типичная оруэлловская *pravda*¹.

Грязные туалеты и скверное питание говорят сами за себя; разобраться в относительных ценах труднее, поскольку цены 1960 года, которые я буду упоминать как безбожно высокие, выглядят в 1979 году вполне приемлемыми. Поэтому я должен сделать поправку на инфляцию, а это нелегко, когда имеешь дело с четырьмя видами валюты:

1) доллар 1960 года, свободно конвертируемый в золото на мировом рынке по курсу 35 долларов за тройскую унцию золота;

2) доллар 1979 года с плавающим курсом (на 3 декабря 1979 года он котируется на мировом рынке как 432 доллара с центами за тройскую унцию золота);

3) инвалютный рубль для западных туристов образца 1960 года — валюта, не конвертируемая на мировом рынке

¹ Здесь и далее «русские» слова приводятся в авторском написании.

(= «заблокированная»), не поступающая на него, обращающаяся только в пределах собственной страны. Его официальный обменный курс установлен правительственным распоряжением, и, как следствие, имеется сильно отличающийся обменный курс «черного рынка» (= «свободный рыночный курс»);

4) инвалютный рубль для западных туристов образца 3 декабря 1979 года — неконвертируемый, но и не эквивалентный инвалютному рублю 1960 года.

Определить взаимоотношения между свободно конвертируемой золотой валютой, плавающей валютой и двумя различными заблокированными валютами — задача, решая которую легко заработать головную боль. Арифметика тут проста, но семантика весьма запутана, к тому же дело еще более осложняет как сознательное, так и подсознательное личное отношение. К примеру, вы можете «не верить» в золотой стандарт (и я охотно соглашаюсь с поговоркой, утверждающей, что золото есть не станешь), но совершенно не имеет значения, во что верю я или вы, и наш плавающий доллар и теперь можно оценить в золоте, что бы ни говорил нам весь остальной мир, — это та цена, по которой они будут покупать доллары или продавать золото. Единственный общий знаменатель, который мне удалось подобрать для всех четырех валют, — это тройская унция золота — 480 гран как в тройской, так и в системе эвердюпойс, или 31,1035 грамма в метрической системе.

Поскольку рубли на золотом рынке не обращаются, я должен сперва уравнивать рубли с долларами, затем перевести в золотой эквивалент. (Эти рассуждения — не моя идея; просто наш издатель совершенно верно заметил, что читателю без них трудно будет разобраться в цифрах.) В 1960 году объявленный Кремлем курс составлял 4 рубля за 1 американский доллар. Сегодня, 3 декабря 1979 года, тот же курс для американских туристов равен 1,52 доллара за рубль.

А теперь посчитаем:

В 1960 году 1 доллар равнялся

$1/_{35}$ тройской унции золота = 13,715 гран = 0,888671 грамма золота,

а 1 рубль равнялся 25 центам, или $1/140$ тройской унции золота = 3,429 гран = 0,222167 грамма золота.

3 декабря 1979 года 1 доллар равен

$1/_{432}$ тройской унции золота = 1,1111... гран = 0,071998 грамма золота,

а 1 рубль равен 1,52 доллара, или 0,003518 тройской унции золота = 1,7 гран = 0,109438 грамма золота.

Эти цифры мало что нам говорят, поскольку курс доллара плавает и каждый день меняется, а соотношение между инвалютным рублем и долларом устанавливается правительственным распоряжением и меняется без предупреждения. В статье, которую вы сейчас прочтете, я указываю цены тремя способами: 1) в ценах 1960 года; 2) в ценах декабря 1979 года в пересчете на мировой обменный курс и 3) в кремлевском эквиваленте, исходя из курса между инвалютным рублем и долларом на 3 декабря 1979 года.

Коэффициент конверсии на мировом свободном рынке $432/35 = 12,343$; кремлевский коэффициент конверсии $152 \text{ цента}/25 \text{ центов} = 6,08$. Можете верить обоим цифрам, можете не верить ни одной — дело ваше.

И все-таки вышеприведенные расчеты мало что дают, поскольку курс доллара ежедневно меняется, а курс рубль/доллар меняется тогда, когда его меняет Кремль. К тому же вы будете читать эти строки не 3 декабря 1979 года. Тем не менее польза от них есть: вы можете сами вычислить коэффициент конверсии на текущий день тем же методом, каким это сделал я.

Для расчета коэффициента на мировом свободном рынке найдите в газете текущую стоимость унции золота и разделите на 35. Если вам нужен кремлевский коэффициент, позвоните в советское консульство или нью-йоркское отделение «Интуриста», спросите текущую стоимость рубля в долларах и центах, разделите на 250. Потом достаньте карманный калькулятор.

Проще говоря, путешествие по СССР в 1960 году было возмутительно дорогим — самой настоящей запланированной обдираловкой.

Как свести (или почти свести) концы с концами в Советском Союзе

Чтобы насладиться событием, нужно соответственно настроиться. Женщина, которой пообещали роскошные апартаменты в Майами-Бич, вряд ли воскликнет от радости,

если ей взамен предложат побродить по северным лесам, особенно если муж сообщит об изменении планов уже после начала отпуска.

Но все же, если заранее правильно настроиться, можно получить удовольствие от чего угодно — кое-кому, например, очень нравится прыгать с парашютом. Оказаться в Советском Союзе без предварительной психологической настройки — примерно то же самое, что прыгать с парашютом, который во время прыжка не открывается. Чтобы правильно настроиться на пребывание в Советском Союзе, нужно уподобиться человеку, бьющему себя молотком по голове: представляете, какую он испытывает радость, прекратив это занятие?

Эта статья предполагает, что вы, руководствуясь некими вескими и обоснованными причинами, решили посетить СССР. Одной из таких веских причин может стать желание увидеть собственными глазами тот коммунистический рай, который Хрущев обещал нашим внукам. Но поехать в Россию в том беззаботном настроении, в каком вы отправляетесь на Ривьеру, в Лас-Вегас или Рио, все равно что поехать на похороны ради развлечения.

Вы можете избежать худших потрясений своей нервной системы, заранее настроившись на то, что не получите того, за что уже заплачено. А любимое успокоительное поможет вам справиться с остатками раздражения. Я пользовался в этих целях небольшими количествами водки — «небольшими» по русским стандартам, поскольку русские тоже пользуются этим лекарством, возводя барьер между собой и окружающей действительностью, не скупящейся на тычки и подножки, однако употребляют его в дозах, доводящих до бессознательного состояния. Пьяницы, отрубившиеся в общественных местах, намного лучше символизируют СССР, чем серп и молот.

Моя жена сочла более пригодным для этой цели мепробамат (экванил, милтоун). Для вас этим может стать йога или произнесенная про себя молитва, но, чем бы вы ни пользовались, не пренебрегайте этим. Путешествие по Советскому Союзу совершенно не похоже на путешест-

вие по любой другой стране мира. Мы с женой побывали более чем в шестидесяти странах на шести континентах, плавали на торговых кораблях, летали на вертолетах и реактивных самолетах, ездили на собачьих упряжках и на мулах, побывали на сафари, катались по каналам на лодках и прочее и прочее — вот наши удостоверения «опытных путешественников». К поездке в СССР мы готовились, усиленно читая, а моя жена выучила русский язык. Тем не менее вновь и вновь мы сталкивались с неожиданностями, трудностями и безумными разочарованиями.

Вы можете проехать весь Советский Союз, не зная ни слова по-русски, — это весьма устраивает Хрущева, поскольку вы тем самым станете пленниками «Интуриста», государственного бюро путешествий, увидите только то, что им захочется вам показать, и услышите только то, что они позволят вам услышать.

Но русский язык труден; моей жене потребовалось два года напряженной работы, чтобы им овладеть. Алфавит какой-то зловеще странный, произношение для нас трудное, а сам язык изобилует склонениями и спряжениями — самое обычное существительное вроде «Смит» или «Хрущев» имеет восемнадцать различных форм.

Разумеется, большинство туристов не может затратить два года на изучение языка. И что тогда? Полностью зависеть от гидов «Интуриста»?

Нет, нет и нет! Лучше не тратьте деньги зря и оставайтесь дома. Не зная русского, вы будете беспомощны, как прикованный к койке больной. Советую вам вместо поездки хорошенько подготовиться и выучить хотя бы азы русского языка. О грамматике можете спокойно позабыть: грамматически правильный русский язык существует только в литературных текстах. Хрущев никогда не умел хорошо говорить по-русски, а Микоян говорит с таким жутким акцентом, что им можно было пугать детей, — так что вам и вовсе не стоит беспокоиться.

Первым делом выучите алфавит, заглавные и строчные буквы, печатные и прописные. Одно это позволит вам наполовину выиграть сражение. Теперь вы сможете отыскать мужской (или женский) туалет. Мужские обознача-

ются буквой «М» (для «muzhcheen»), а женские помечены буквой, напоминающей две заглавные К, сложенные спинками: «Ж». Наконец-то вам не страшен самый большой кризис, подстерегающий путешественника, — невозможность найти бытовые удобства.

Теперь, просто зная алфавит, вы сможете опознать большинство полезных русских слов. Хотите есть? Ищите вывеску «РЕСТОРАН». Мысленно прочтите это слово как «gestauran», и — вот оно! — знакомое, почти английское слово, только без t на конце.

В русском буквально сотни слов, которые оказываются схожими с английскими или почти такими же. Если вы знаете немецкий или французский, ваш словарь немедленно обогащается еще больше, потому что, несмотря на хвостовство, в русской культуре полно заимствований и очень многие слова, означающие понятия более сложные, чем прополка грядки с турнепсом, одолжены из французского, немецкого или английского, только фонетически изменены.

Но не останавливайтесь на алфавите, купите набор пластинок для изучения русского языка. Проигрывайте их, читая очередное занятие в учебнике, — а также без учебника, когда стоите под душем, бреетесь, готовите, работаете в саду и так далее. Несколько часов таких усилий оплатятся потом сторицей: вы больше не будете зависеть от гида «Интуриста» и привезете из-за «железного занавеса» втрое больше впечатлений и информации. Всего несколько долларов на пластинки и немного труда превратят заведомо проигрышное дело в мероприятие, полностью окупающее себя если и не в удовольствии, то в самообразовании.

Но чтобы еще и получить от этого удовольствие, вы должны понимать игру, в которую с вами играет «Интурист», играть в нее и выигрывать. Выигрыш заключается в том, чтобы перехитрить систему и получить от нее больше, чем вам намерены дать; я не имею в виду (к примеру) традиционный уровень услуг, который путешественник получает за свои деньги в любой скандинавской стране. Честно получить услуги на всю заплаченную сум-

му в Советском Союзе невозможно, правила игры действуют против американского туриста. Но есть способы свести расходы к минимуму, а отдачу сделать максимальной, при этом еще и немало повеселившись.

Все ваши перемещения по стране полностью контролирует «Интурист»: вы покупаете у него все билеты, услуги гидов и шоферов, номера в гостиницах, все завтраки, обеды и ужины; а если вы решите купить поесть не в «Интуристе», вы просто теряете деньги, уже заплаченные за еду.

Вы покупаете в «Интуристе» четыре рубля за доллар, а это означает, что вас обдирают как липку, потому что реальный курс близок к сорока рублям за доллар (по такому курсу советское правительство обменивает деньги гостям, которым оно покровительствует, — тем же азиатам, которых стремится сосватать в коммунистический лагерь).

Можно немало сэкономить, заказав дешевое жилье. Вам предложат на выбор люкс и туристские классы А и Б. Одиноким путешественник может рискнуть остановиться в туристском Б, если он не возражает против общественного туалета, ванной сомнительной чистоты и койки с соседом в своем номере. Пара путешественников может испробовать туристский А, предположительно (но не на самом деле) равный первому классу во всем остальном мире. Но, положив руку на сердце, я никак не могу рекомендовать вам категорию помимо класса люкс, потому что даже лучшее в России потрясюще скверно по нашим стандартам: ваннные комнаты без ванны, даже целые гостиницы без ванн, ванны без горячей воды, «эксцентричные», если не хуже, туалеты, невкусная еда, грязная посуда, сводящие с ума ожидания. Помещение класса люкс обычно огромно и обставлено фантастической мебелью, но двухкомнатный номер с ванной в любой другой стране гораздо комфортабельнее.

Люкс стоит 30 долларов в день с человека (по кремлевскому курсу 1979 года это составляет 182 доллара 40 центов, по мировому курсу 370 долларов 29 центов) и включает проживание, купоны на еду и три часа услуг

автомобиля с гидом на человека (то есть шесть часов на двоих) — если вы сможете это выбить. Сюда *не входит стоимость любых билетов* — на поезд, самолет или автобус. Сложите эти деньги, приплюсуйте стоимость полета от Нью-Йорка и обратно, и окажется, что месяц пребывания в Советском Союзе обойдется американской чете как минимум в 4500 долларов (по кремлевскому курсу 1979 года — 27 360 долларов, по мировому курсу — 55 543 доллара 50 центов), не считая карманных расходов.

В любой прочей части Европы вы получите за свои деньги как минимум вдвое больше, но настоящая проблема всегда в том, чтобы получить от «Интуриста» то, за что уже уплачено и что он обязан предоставить вам согласно контракту.

Начните с осознания того факта, что «Интурист» на самом деле не является бюро путешествий, каким вы привыкли видеть агентство Кука или «Америкэн экспресс». Это бюро коммунистического правительства, и функция его заключается в том, чтобы выкачать из янки доллары авансом, прокатить вас по фиксированному маршруту и дать пинка на другом конце, оставив пребывать в том же неведении о стране пребывания, что и вначале. Знаменитый лозунг цирка Барнума «На выход — туда» предвосхитил главный принцип «Интуриста»: сперва вытянуть из простака денежки, а затем избавиться от него с минимальными хлопотами для начальства.

Поэтому относитесь ко всему как к игре и не огорчайтесь, когда проиграете. Попробуйте хорошенько выспаться — кровать может оказаться ужасной, зато будет тихо, потому что движение на улицах небольшое, — и сыграйте заново на следующий день.

Пример: гид здесь не для того, чтобы вам помогать, а чтобы *заставить* вас осмотреть стадион — поэтому попробуйте извернуться и не попасть ни на один из стадионов в Советском Союзе. Разумеется, тут есть стадионы; раз уж люди столь стремятся к «единству» — где еще можно полюбоваться на десять тысяч человек, синхронно выполняющих упражнения? (Это называется «Spartakiad».)

Но помните, что вы уже заплатили 20 долларов только за то, чтобы взглянуть на стадион (там в это время даже не будет футбольного матча), и что, уводя вас на стадион, «Интурист» лишает вас возможности увидеть нечто действительно интересное: фабрику, район трущоб или школу.

С той поры как римляне построили Колизей, стадионы мало изменились; если вы уже видели стадионы «Янки», «Солдатское поле» или «Розовую чашу», считайте, что вы насмотрелись пустых стадионов до конца своей жизни. Поэтому отказывайтесь!

Но гид получает приказ *заставить* вас осмотреть стадион; никакая другая теория не может объяснить ту настойчивость, с какой все гиды «Интуриста» настаивают на том, чтобы вы осмотрели местный стадион. Если вы ухитритесь вернуться из Советского Союза, не побывав ни на одном стадионе, можете наградить себя орденом Героя-путешественника по СССР первой степени.

(Мы вдоволь насмотрелись стадионов — нас-то никто не предупреждал.)

В каждом отеле «Интуриста» есть так называемое «бюро обслуживания». «Обслуживание» в данном случае есть пример коммунистической семантики, сравнимой с «сосуществованием», «миролюбием», «демократией» и тому подобным. Здесь обычно и проходит большая часть ваших схваток с «Интуристом». Если не считать валяющегося на улице пьяницы, наиболее типичным зрелищем в Советском Союзе можно считать американского туриста, сидящего в бюро обслуживания, причем с каждой утекающей драгоценной минутой выражение его лица становится все более жестким.

«Интурист» редко использует против этого несчастного существа прямой отказ. Есть несколько стандартных тактик типа: «Присядьте, пожалуйста, и минуточку подождите» (минуточка обычно оборачивается часом ожидания), «Мне очень жаль, но директора нет на месте» (и он не вернется до тех пор, пока *вы* тут ошиваетесь), «Зайдите попозже» (когда лавочка уже закроется) и «Пройдите к тому столу в дальнем конце» (где после новых задержек

и множества консультаций вас отправят обратно к столу, с которого вы начали).

Когда вы с этим столкнетесь, то, чтобы получить хотя бы часть того, за что вы уже заплатили (добиться более семидесяти процентов обещанного — уже триумф, а половины — неплохое достижение), вы должны придерживаться заранее выбранной оборонительной тактики и никогда — никогда! — не срываться, иначе станете первым кандидатом на мокрый компресс и потребителем успокоительных таблеток.

Их первое оружие — вежливость. *Вы обязаны* сопротивляться этой усыпляющей вежливости, или вы не добьетесь ровным счетом ничего.

Первая линия обороны. Будьте так же вежливы, как и они, — но непоколебимо упрямы. Самое главное, *никогда не садитесь, если вам это предлагают.* Если вы усядетесь, вы будете выведены из игры на неопределенно долгий срок. Удерживайте свои позиции; подойдите к столу вплотную и займите как можно больше места — обопритесь на него широко расставленными руками, расширяя линию фронта. Скажите твердо и вежливо: «Нет, спасибо, я подожду здесь», а затем монополизируйте и стол, и чиновника за ним, сделав невозможным урегулирование спора до тех пор, пока «Интурист» не выполнит свои обязательства по контракту.

Продолжайте говорить. Не имеет значения, что именно вы говорите и понимает ли клерк по-английски, — *говорите!* Ваша задача заключается в том, чтобы доставать это отделение «Интуриста» до тех пор, пока на вашу просьбу не откликнутся, и не обещаниями, а немедленным действием, — а *их* задача в том, чтобы вывести из игры вас, вынудив сесть и дожидаться ответа подальше от стола.

Поэтому удерживайте позиции и проявляйте мягкое, вежливое упрямство. Как правило, через несколько минут появится кто-либо из начальства и удовлетворит вашу просьбу.

Вторая линия обороны. Будьте готовы в любой момент симулировать гнев. Гораздо лучше *притвориться* потерявшим терпение *до того*, как ситуация станет невыноси-

мой и вы на самом деле взорветесь; имитация избавит вас от язвы желудка и позволит более эффективно претворять избранную тактику в жизнь.

(Тут я должен сказать несколько слов в оправдание служащих «Интуриста». Примерно три четверти из них — молодые женщины, фактически девушки. Они очень приятные, вежливые, задержанные, очень много работают и очень мало получают. Они тоже узники системы, приводящей путешественника в отчаяние, причем даже в большей степени, чем вы, потому что вы покинете (надеюсь) страну в соответствии с датой вашей выездной визы, а они такой возможности не имеют. Эти бедняжки не изобретали дурацкую бюрократию и горы бессмысленных бумажек, а поскольку занимают самые младшие должности, то не имеют права нарушать инструкции. Поэтому не придирайтесь к ним слишком сильно и попробуйте все-таки не выходить из себя.)

Но приготовьтесь симулировать гнев, если мягкая тактика первой линии обороны не сработает и затор остается на месте. Когда вы откажетесь сесть и подождать, клерк может отвернуться и перестать обращать на вас внимание.

Тут и наступает момент для возмущения.

Вы должны: 1) продолжать блокировать стол, 2) издавать побольше шума и 3) продемонстрировать, что вы сильно и обоснованно разгневаны и заткнуть вам рот можно только в том случае, если все ваши требования полностью удовлетворят.

Шумите, не стеснясь. Полезно также немного поругаться, тут вам пригодится одно универсальное слово «*Boŕjemoi!*». Это фонетическая аппроксимация двух слов, означающих «Боже мой!» — в этой атеистической стране они превратились во фразу, выражающую отвращение. Есть другая хорошая фраза — «*Yah Hawchew!*», то есть более грубый эквивалент выражения «Я хочу!» (вежливая идиома звучит как «*Mnyeh Khawchettshuh*»).

Можете крикнуть: «Я хочу видеть директора!» — или по-русски: «*Yah Khawchew veedyets Direktora!*» Вам, возможно, укажут, где находится кабинет (или стол) директо-

ра, но более вероятно, что ваше требование скорее удовлетворят, чем позволят вам жаловаться боссу.

Но если вам предложат встретиться с директором, *оставайтесь на месте*. Удерживайте позиции, сделайте вид, будто не понимаете никаких доводов, и пусть босс выйдет к вам сам. Если вы позволите заманить себя в его кабинет и останетесь без зрителей, а в кабинете к тому же усядетесь и станете вести себя вежливо — считайте, что этот раунд вы проиграли. Директор будет вежлив, начнет извиняться и сожалеть о «нехватках», но помогать не станет точно. Выигрывать нужно на публике.

Большинству из нас трудно становиться преднамеренно грубыми. Я считаю, что человеку никогда не следует быть невежливым без необходимости, но мы можем заметно возвысить наше национальное достоинство и улучшить отношения с Советским Союзом тем, что не станем молчать в ответ на оскорбления, отвечая на великое русское упрямство двойным упрямством и тем, что будем сознательно и громко грубить в тех случаях, когда «Интурист» отказывается выполнять свои обязательства по контракту, несмотря на вежливый протест. «Интурист» — составная часть правительства, вот уже сорок три года (теперь уже шестьдесят три года. — *Р. Х.*) не уважающего своих самых твердых обязательств; можно предположить, что это откровенное надувательство запланировано наверху и что каждый служащий «Интуриста» вышколен для отработки своей роли, включая симпатичную девушку, настаивающую на том, что вам необходимо осмотреть стадион.

Если вам так больше нравится, можете считать, что этот непостижимый бардак — всего лишь непреднамеренный побочный продукт фантастической, всеобъемлющей и поразительно неэффективной бюрократии, погрязшей в секретности до такой степени, что она просто не в состоянии обслужить вас как положено. В любом случае контракт с «Интуристом» в точности напоминает длинную цепочку нарушенных договоров. Вы начинаете с заключения контракта с советским правительством; от вас требуют заплатить вперед и полностью. Кончаете вы

тем, что пытаетесь получить уже оплаченное, — и обнаруживаете, что коммунистический контракт стоит того, чего он обычно стоит. «Номер с ванной» оказывается номером без ванны, реактивный самолет оборачивается поршневым, машину с гидом вам дают на срок вдвое меньше оплаченного, столовые в обеденный час закрыты, ваше очень дорого оплаченное время утекает на бесконечное сидение в бюро обслуживания.

Так и будет, если вы не поднимете шум сразу и немедленно. Позднее жаловаться бессмысленно, никто вам деньги все равно не вернет.

Если не сработают ни вежливое упрямство, ни шумная грубость, прибегайте к прямым оскорблениям. Размахивая пальцем перед лицом самого старшего из присутствующих чиновников, симулируйте крайнюю степень ярости и вопите: «Nyeuh Kuhltoornee!» («Некультурные!») Ударение нужно сделать на среднем слоге и выделить «р».

Подчиненные тут же позеленеют и постараются от вас подальше. Чиновник окажется на грани апоплексического удара — но, вполне вероятно, приложит все доступные ему усилия, чтобы выполнить ваше требование, лишь бы вы заткнулись. Это самое сильное оскорбление, которое можно обрушить на русского и пробивающее трещины в его броне. *Используйте это только в крайнем случае.*

Я не думаю, что в результате своих криков вы окажетесь в опасности, поскольку должностные лица, с которыми вы встретитесь, скорее всего, будут занимать в иерархии недостаточно высокие места, чтобы наказать вас за оскорбление. Но если что-то пойдет не так и вы окажетесь в Сибири, *пожалуйста, помните, что вы использовали мои рекомендации на свой страх и риск.*

Если и «nyeuh kuhltoornee» не сработает, мне остается посоветовать только горячую ванну и успокоительное.

Но описанная выше тактика обычно приводит к победе уже на первой или второй стадии и редко подводит на третьей, потому что основывается на русском темпераменте и коммунистической социальной организации. Даже самый высокомерный советский гражданин стра-

дает от комплекса неполноценности, сталкиваясь со свободными жителями западного мира, особенно американцами. Наиболее часто задают вопросы вроде: «Сколько вы зарабатываете?», «Большой ли у вас дом?», «Есть ли у вас свой автомобиль?». Каждый такой вопрос выдает спрашивающего с головой.

Поэтому, если вы ясно дадите понять, что сервис в «Интуристе» ничтожен по сравнению с западными стандартами, у русского может возникнуть желание вас уязвить, но гораздо более вероятно, что он попытается сохранить лицо и приблизиться к этим стандартам. Добавлю только, что это связано с социалистическим «равенством» — еще одним примером коммунистической семантики, — потому что в этом эгалитарном раю равенства *нет*. Вы нигде не найдете ничего похожего на непринужденное равенство между американским таксистом и его пассажиром. В СССР вы или наверху, или внизу — но никогда не равны.

Американец в эту схему не укладывается. Некоторые советские граждане реагируют тем, что ставят себя в подчиненное по отношению к туристу положение: подметающие улицы бабули торопливо уступают дорогу, водители такси бегут открывать дверцу, портье, официантки и другой персонал проявляют такое раболепие, к какому мы не привыкли. Но работник «Интуриста», оставшись наедине с иностранцем, никак не может выбрать позицию. Подчиненный он или начальник? Надо выбрать одно из двух. Обычно происходит нечто вроде быстрой пробы сил, затем немедленно принимается та или иная роль в зависимости от реакции туриста. В Киеве, например, нас встретил гид, назвавшийся «Саша». Я спросил, как его фамилия; он высокомерно заявил, что мне ее знать не обязательно.

К тому времени мы были в СССР уже несколько недель, и я больше не мог терпеть это высокомерие; я резко заявил, что его фамилия меня не интересует и что спросил я из вежливости, практикуемой во всех *цивилизованных* странах, но если в его стране приличные манеры не приняты, то пусть он о моем вопросе забудет!

Американец или любой человек из свободного мира ответил бы мне резкостью или ледяным молчанием, он же не сделал ни того ни другого и начал лебезить. Расставаясь с нами возле отеля, он словообильно благодарил нас за то, что мы оказались настолько добры, что согласились с ним разговаривать. Во всем его поведении сквозила раболепная услужливость.

Раболепство нравится мне не более, чем любому американцу, но если кто-то должен быть унижен, то пусть этим субъектом буду не я. Надеюсь, не вы тоже. Имея дело с людьми из «Интуриста», вы нередко будете попадать в ситуации, когда одному из спорящих придется проявить характер. А многие из них орешки покрепче того гида. Такая ситуация становится столкновением силы воли, и очень часто вежливого упрямства бывает недостаточно, чтобы заставить их уважать ваш контракт. В таком случае необходимо моделировать свое поведение по худшему образцу гневного припадка — вам доводилось его видеть во время выступлений Хрущева по телевидению; такое они поймут. В СССР так себя ведет только начальник, и вы, следовательно, *должны* заслужить сервис на уровне Красной Ковровой Дорожки. Функционеры «Интуриста» *знают*, что вы всего лишь простой американский турист, которого следует вгонять в отчаяние и подвергать издевательствам, но вдолбленные рефлексy обходят сознание, а весь жизненный опыт велит ему пресмыкаться перед представителем правящего класса... которым вы *должны* стать, пусть даже сознание подсказывает ему, что вы таковым не являетесь.

Это обычно срабатывает. В обществе всеобщего запугивания зачастую можно добиться своего, лишь кого-нибудь припугнув.

«Игра в купоны». После прибытия вам в обмен на туристский ваучер вручат множество документов. Одним из них окажется книжечка с купонами на питание — по четыре на каждый день. В классе люкс их денежный эквивалент составляет: двенадцать рублей за купон на завтрак, двадцать — за ланч, три — за чай и тридцать — за обед. Если вы и ваш спутник собрались провести в СССР

месяц, купоны на питание обойдутся вам в тысячу долларов (по кремлевскому курсу 1979 года — 6080 долларов, по мировому — 12 343 доллара, или 28¹/₂ унции золота). Тут и начинается обдираловка, потому что ни один обжора не в состоянии съесть за месяц интуристовской еды на тысячу долларов. Места, где вас кормит «Интурист», варьируют от сносного до очень плохого. В Москве лучшим является, вероятно, отель «Берлин», хотя и его ресторан с трудом попал бы в список заведений высокого класса. В Советском Союзе есть три или четыре хороших ресторана, но цены там *очень* высокие, а купоны не принимаются.

Вы можете свести потери к минимуму способом, который «Интурист» вам не сообщает. Купоны можно при желании комбинировать — к примеру, заплатить за обед «ланчем» и «завтраком». В денежном выражении получается много различных комбинаций — 3, 6, 9, 12, 15, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 38 и так далее рублей за купон, но загвоздка в том, что очень многие из них требуют более одного «чайного» купона. Поэтому прикиньте самые удобные для вас комбинации и запишите их на обложке купонной книжки. Это поможет вам решить, что лучше — переплатить за уже заплаченную и безбужно дорогую еду или доплатить разницу наличными. Ловкость в купонной игре может сэкономить вам немало долларов.

В купонной системе нет ничего честного, но именно такой она и задумывалась; именно таким приемом советское правительство выжимает из американских туристов больше долларов, чем им хочется или необходимо потратить.

Есть и другие способы уменьшить потери. Купоны можно обменять на спиртное, сладости, икру в банках, сигареты и минеральную воду. Утверждают, что в Москве и Ленинграде водопроводную воду можно без опаски пить, но в других городах разумнее покупать минеральную — достаточное количество бутылок всегда можно купить, рассчитываясь купонами перед отъездом в другой город. Сигареты здесь очень крепкие, но «Труд» ку-

рить еще можно. Сладости — невероятно дорогое, но очень желательное добавление к однообразному питанию (я потерял двенадцать фунтов); икра дешевая, и покупать ее лучше всего на остаток купонов в последний день. Не ожидайте найти здесь виски или любое другое импортное спиртное, но местные «kawnyahk» и «chahm-rahnskoyeh» хороши. С нашей водкой сравнима только «vawtkali stolleechnayah» — другие сорта очень сильно сдобрены специями. Вина тут хорошие.

Моим любимым средством для снятия напряжения после трудного дня общения с «Интуристом» была «Кровавая Мэри» — «Staw grahm vawtkee, p'jalst, ee tawmahtnee sawk». Это «nyeh kuhltoornee», потому что правильно водку считается пить с пивом «рееvaw» или с черным хлебом, сливочным маслом и икрой.

В Москве и Ленинграде очень немногие русские официанты говорят по-английски, а в других местах таких практически не встретишь, но вам обычно вручают огромное меню на четырех языках, в котором вы можете выбрать нужное блюдо в английском тексте и указать на его русское название. Но предлагаются лишь немногие блюда — те, где рядом указана цена, а из них реально доступна от силы половина. Когда официант произносит: «Nyehkaw», он хочет сказать, что это блюдо кончилось. Обед занимает не менее двух часов; мне неизвестны способы ускорить обслуживание. Тем не менее, едва подав вам блюдо, официант может начать вас торопить, утверждая, что десять минут назад этот столик зарезервирован для какой-нибудь делегации, или что-то в этом роде. Вполне возможно, он хочет попросту продать ваш обед кому-то другому и получить за это комиссионные. Не обращайтесь на него внимания: вы и так долго ждали, заплатили заранее большие деньги и имеете полное право спокойно поесть.

Столик выбирайте как можно дальше от оркестра. Некоторые из них хороши, но большинство играет очень громко и напоминает шум автоматизированной котельной.

На чай давать не обязательно, но официанты, горничные и портье зарабатывают очень мало. Чаевые можно давать деньгами или купонами.

Столовая часто оказывается закрытой — там может оказаться политическая делегация из Азии или Африки, гастролирующая театральная труппа и вообще кто угодно. В любом отеле «Интуриста» любой сервис может быть отменен без предупреждения. Можете жаловаться... но лучше настройтесь поискать буфет (произносится «boof-yet»). В больших гостиницах их обычно три или четыре на верхних этажах, они открыты с семи утра до одиннадцати вечера и торгуют омлетами, закусками, пивом, вином, соками, кофе, чаем, пирожками и прочим. Гиды и служащие «Интуриста» зачастую о них не знают, потому что *никогда не бывают на верхних этажах*, поэтому или ищите вывеску «БУФЕТ», или бродите по коридорам, вопросительно обращаясь к горничным и дежурным: «Boof-yet?»

Буфеты — уютные и небольшие заведения, которыми заправляют приветливые, готовые помочь и замученные работой женщины. Английского они не знают, меню там на русском, поэтому заранее выпишите в блокнотик русские и английские названия тех блюд, которые вам приглянулись. Но даже в буфете нельзя позавтракать до семи утра, а расписание транспорта в России такое, что нередко вынуждает вас покинуть гостиницу еще раньше. Еду в номер вам могут принести, но не в такой ранний час. Если у вас есть *собственный* термос, накануне вечером вас могут снабдить горячим кофе и холодным завтраком. (Про термосы здесь знают — по-русски он звучит точно так же, но в гостинице вы не найдете ни одного.)

Держите в номере неприкосновенный запас консервов и запасайтесь едой и питьем, отправляясь в долгие полеты или поездки. И поезда, и самолеты часто делают остановки, чтобы пассажиры поели, но на это лучше не рассчитывать, ибо заранее это выяснить обычно невозможно.

Мелкие хитрости, улучшающие счет в вашу пользу. Отправляйтесь гулять без гида, и вы наверняка встретите

кого-нибудь, говорящего по-английски, — но этого никогда не будет, пока гид рядом с вами. Это ваш шанс познакомиться с местными жителями и услышать неофициальные ответы. О политике не говорите — эти ищущие души могут сами задать вам политические вопросы, и из самих вопросов вы узнаете почти столько же, сколько узнали бы из ответов.

Ваш гид может и не оказаться непробиваемым коммунистом, и, если решит, что вам можно довериться, он или она будут достаточно откровенны. Только будьте осторожны и не упоминайте ничего, что имеет хотя бы отдаленное отношение к политике, если поблизости есть третье лицо, *особенно водитель*. Он может оказаться политическим *сопровождающим*, который знает английский, но делает вид, будто не знает. Мне об этом говорил не один гид, и *все* гиды начинают говорить свободнее, если некому подслушивать.

В этой стране детей привозили в Москву и награждали за то, что они доносили на своих родителей. *Никогда не забывайте об этом.*

Когда вам показывают партийное учреждение, дворец культуры, стадион, зрительный зал или нечто подобное, поинтересуйтесь годом постройки. Мы узнали, что в местах, не оккупированных нацистами, многие из самых больших и пышных зданий были построены как раз в то время, когда американцы погибали, приводя в Мурманск конвои с грузами по ленд-лизу.

По всему Советскому Союзу сейчас возводят новые кирпичные здания. Мы неоднократно просили показать нам кирпичный завод; нам не отказывали прямо, но просьбу так и не выполнили. До нас доходили слухи, будто здесь используется труд заключенных в тюрьмах, поэтому туристам и не могут показать столь несекретный объект, как кирпичный завод. Попробуйте задать этот вопрос сами, — возможно, вы лишь в очередной раз докажете себе, что «Интурист» существует скорее для того, чтобы помешать туристам увидеть то, что им хочется, чем наоборот.

Покажите случайным знакомым свой паспорт — в ответ они обычно покажут свой *внутренний* паспорт. Работникам «Интуриста» велено отрицать их существование, но он есть у каждого жителя СССР, причем владелец должен получить визу, чтобы перебраться из одного советского города в другой. Это коричневая книжечка с надписью «ПАСПОРТ» на обложке. Попробуйте ее попросить, если рядом нет гида.

СССР — единственная страна, где нам не удалось попасть в частный дом. Другие туристы сообщают то же самое, но одна чета из Лос-Анджелеса почти раскусила этот твердый орешек. Они спросили гида: «Почему мы не можем осмотреть изнутри один из этих жилых домов? Неужели вы их *стыдитесь*?» На следующий день их провели по новому, но еще не заселенному многоквартирному дому.

Тут возможны бесчисленные вариации, но сам по себе подход основан на присущем русским комплексе неполноценности. Ключевое слово тут «стыдитесь», — просто спросив «почему?», вы ничего не добьетесь. На мой взгляд, при помощи этого способа можно попасть на фермы, предприятия, в школы и куда угодно, кроме военных объектов, и он возглавляет мой список вещей, о которых мне следовало бы подумать заранее, до поездки.

Общаясь с кем угодно, включая гидов, попробуйте как можно раньше воспользоваться словами «страны демократии» в качестве антонима «коммунистическим странам», например: «Я считаю, что все мы, из стран демократии, искренне надеемся на мир с коммунистическими странами» — и так далее. В России сильно затасканное слово «демократический» означает «коммунистический» и всегда имеет пропагандистский оттенок. Если вы употребите это слово первым и тем самым придадите ему смысл, противоположный тому, какой вкладывает в него собеседник, он останется стоять с открытым ртом, не в силах продолжить разговор.

Мы несколько раз попадали в такую ситуацию, и лишь потом до нас дошло.

Официальный список того, что вам нельзя фотографировать, невелик, зато неофициальный — очень длинный и простирается от старых обветшалых зданий до пожилых опустившихся женщин, метущих улицы. Вы можете все это сфотографировать как бы «случайно», на заднем фоне, но если вас заподозрят, то молча возьмут на заметку. Некоторое время спустя вы обнаружите, что пленка засвечена и смотана обратно в кассету. Вы, конечно, можете держать все отснятые пленки постоянно при себе в надежде пересечь с ними границу... но такое поведение может навлечь на вас подозрение в шпионаже и арест, как случилось этим летом с одним американским туристом. В лучшем случае, сняв тайком лежащего на улице пьяницу, вы рискуете потерять *все* свои пленки, — на мой взгляд, цена слишком высока, даже если вас и не обвинят в шпионаже.

Самый распространенный здесь самолет, «Ильюшин-14», летает очень низко. Вы сможете многое увидеть и сравнить впечатления и наблюдения из разных мест. Каковы железные дороги, в одну или две колеи? Много ли машин на шоссе? Кораблей на реках? Фабричных дымовых труб и других признаков промышленности? Насколько напряженно работают аэродромы? Много можно заметить. Думаю, вы и сами придете к выводу, что ни одно утверждение русских нельзя принимать за истину, если не увидишь собственными глазами подтверждение. «Крупный промышленный центр» зачастую оказывается захолустным городком.

Но никогда ничего не записывайте на эту тему! *Никогда!*

Будут ли ваши письма вскрывать? Считайте для спокойствия, что будут. Будет ли подслушивание в вашем номере? Кажется, что невозможно прослушивать все номера всех гостиниц «Интуриста», но если полиция заинтересуется *вами*, то в наши дни сплошной миниатюризации нужно лишь три минуты, чтобы начинить ваш номер «жучками». Из нескольких инцидентов я знаю: советские граждане *верят*, что все номера в отелях прослушиваются.

Мне хочется, чтобы в СССР побывали миллионы американцев; те доллары, что вытянет из нас Кремль, не стоит жалеть — они окупятся с лихвой, если многие свободные люди собственными глазами увидят, что такое коммунизм.

Но, отправляясь в эту страну, не теряйте бдительности — «Интурист» такое же агентство Кремля, как Громыко или Микоян. В его функции входит: 1) получить авансом ваши деньги; 2) отдать взамен как можно меньше за счет скверного жилья, чрезмерно дорогого питания и урезанных часов работы гидов и водителей; 3) вынудить вас потратить время так, чтобы вы увидели как можно меньше, и 4) обеспечить, чтобы в то незначительное свободное время, что у вас остается, вы увидели лишь то, против чего Кремль возражать не станет: «новостройки» (снаружи), парки «культуры и отдыха» (набитые извергающими пропаганду громкоговорителями), балеты, музеи, стадионы и наружные стены общественных зданий.

С первым пунктом вам придется смириться: игра нечестная, но другого заведения в городе нет. С пунктами два и три можно бороться — тут, надеюсь, поможет предложенная мною тактика. Самый трудный пункт — четвертый. Обрезав ваше полезное время до трех часов в день, «Интурист» может и станет использовать остаток на «осмотр стадионов», если только вы не будете с этим непрерывно бороться. Но и в этом случае «Интурист» легко парирует ваши желания словами: «Сегодня закрыто, очень жаль, что вы не останетесь еще на день», «Это необходимо было заранее согласовать через Министерство культуры» и «Вам следовало сделать запрос в Москве».

Суть интуристовской тактики такова: «Варенье вчера и варенье завтра, но никогда варенье сегодня».

Отвечать на такое следует словами: «Нет! Я *не* поеду на стадион, я *не* хочу увидеть еще одну станцию метро, я *не* поеду в музей, чтобы увидеть еще пятьсот портретов Ленина. Я хочу видеть то-то и то-то, и хочу видеть *прямо сейчас*. Остановите машину, поговорите по телефону и договоритесь — или сообщите директору, что, по моему мне-

нию, вы уволены! Я остаюсь в машине с шофером и отправлюсь куда угодно без вас: у меня сегодня оплачено еще несколько часов пользования машиной, и я *не намерен* дожидаться, пока меня надуют».

Вы сразу поймете, настоящий ли у вас гид... или это охранник, приставленный к вам для того, чтобы вы увидели только фасад режима. И независимо от того, удастся ли вам увидеть желаемое, вы наверняка узнаете на удивление много о методах управления полицейским государством... и тем самым оправдаете целиком потраченные на образование деньги.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло двадцать лет, и мне логичнее всего было бы вернуться в СССР и собственными глазами посмотреть, какие улучшения (если они есть) произошли в сфере туризма. Я мог бы сослаться на возраст и здоровье, но не стану: одна поездка в СССР — познавательна, вторая — уже мазохизм.

Если вы побывали в СССР недавно, достаточно хорошо знали русский язык, время от времени соскальзывали с поводка и заводили знакомства без разрешения «Интуриста», то напишите мне, пожалуйста, и расскажите обо всем: что видели собственными глазами, к чему прикасались, что показалось важным, как к вам относились. Меня не интересуют пересказы, даже если рассказывали люди, которым вы доверяете, и меня категорически не интересует что угодно, рассказанное вашими гидами.

Если вы не знаете русского и прокатились по стандартному интуристовскому маршруту — вокруг Черного моря или Ленинград—Москва—Сочи, — то не тратьте времени на письма мне. Надеюсь, вы приятно провели время.

Но если вы долго ехали поездом, из Владивостока в Москву или Ленинград — или наоборот, — то напишите обязательно. Если вы поначалу не знали русского, готов поспорить, что задолго до конца поездки уже говорили на нем бойко (пусть даже грамматически неправильно). Вы узнаете многое, чего не мог узнать я, потому что не бывал в Сибири. Самой даль-

ней точкой СССР, где я побывал, оказалась Алма-Ата в Казахстане, это к северу от Гималаев, недалеко от Синьцзяна.

Верить ли тому, что вы видите? Регулярно путешествуя вот уже тридцать лет, мы с миссис Хайнлайн не ограничивались разглядыванием достопримечательностей, а изучали жизнь других людей. Некоторые из наших наблюдений достаточно тривиальны. Например, в Перу пекут яблочные пироги гораздо более вкусные, чем выпекала моя мама (измена!), в Чили нас побивают по всем статьям, когда дело касается мороженого, а финское мороженое в стаканчике — настоящее произведение искусства, и то, что мы у себя дома называем мороженым в стаканчике, ему и в подметки не годится.

Но обычно наши исследования совершенно серьезны. Не так давно я занялся обзором ситуации с переливанием крови во всем мире — хотя это уже совсем другая история. Но, путешествуя по миру, мы всегда: 1) осматривали трущобы; 2) оценивали питание.

Фешенебельные отели, музеи и парки по всему миру очень похожи, и самый честный критерий состояния общества — трущобы, даже если цифры путешественнику недоступны. Уличная толпа в Бомбее или Калькутте говорит об Индии гораздо больше, чем величественный Тадж-Махал.

Два других вопроса дают возможность провести прямое числовое сравнение. Первый: сколько тонн белка (мяса, рыбы, сыра) потребляется в стране за год? (Узнав эту цифру, наедине с собой разделите ее на число жителей.) Второй: сколько минут должен работать квалифицированный плотник, чтобы купить килограмм стандартного местного хлеба?

Первый вопрос дает ответ на среднее качество питания в стране; второй показывает, насколько богата (или бедна) страна в среднем. Если вам к тому же удастся увидеть трущобы, вы получите представление и о степени распределения богатства в стране.

Вы не сможете оценить ее, глядя на очень богатых: во всем мире они из осторожности одеваются как верхний средний класс, не лучше. Но трущобы честны, и самую большую разницу между богатыми и бедными мы обнаружили в Индии.

Разрыв между богатыми и бедными в России 1960 года был высок — возможно, даже больше, чем в США. Но разрыв этот проявляется в «привилегиях», а не в деньгах: персональном автомобиле с шофером, дачах, апартаментах. Офис секретаря

Союза писателей Латвии (русского, а не латыша) располагался в мраморном дворце, обильно украшенном внутри и снаружи, набитом скульптурами и картинами (построенном, как мне сказали, покойным царем для любовницы-фаворитки. Правда ли это? Не знаю, но более пышного дворца мне видеть не приходилось, а побывал я во многих). После встречи с его коллегами — мне удалось выжить в русском соревновании «кто кого перепьет», но его лучше не описывать — он повез нас к морю показывать свою dacha, тем самым продемонстрировав, что имеет личную машину, шофера, летний дом и в буквальном смысле царский офис. О деньгах он не упоминал, да в этом и не было нужды — я уже убедился, что дома на ужин он ест не черный хлеб с картошкой и отварной капустой.

Но он всего лишь босс писателей Латвии, маленькой захваченной страны, а не генеральный секретарь Союза писателей в Москве. Я побывал в московском секретариате Союза писателей, большом деловом здании, но с генеральным секретарем не встречался. Полагаю, живет он, по меньшей мере, не хуже, чем его коллега из Латвии.

А сколько ступенек отделяет мелкого босса в Риге от членов Президиума? Насколько хорошо живет Хрушев, извините, Брежнев? Не стану гадать.

Задавать в СССР два ключевых вопроса, которые я задавал во всех других странах, оказалось аполитично (рискованно), а трущобы нам смотреть запрещали. Дважды мне удавалось увидеть их случайно, когда мы быстро проезжали мимо, — примитивные бревенчатые хижины на самой окраине Москвы и первобытные глинобитные хибары за забором в Алма-Ате. Поднявшись на высокое место, мы смогли заглянуть за этот забор, но сопровождающие это тут же заметили и предупредили, чтобы мы не останавливались и не фотографировали.

Поскольку мы не могли задавать наши стандартные сравнительные вопросы, жена придумала несколько других, «безобидных», а я сосредоточился на поиске определенных признаков — мы решили оценить численность населения. В то время СССР заявлял, что в стране живет 225 миллионов человек, а в Москве — 5 миллионов. (Сегодня, двадцать лет спустя, — почти 300 миллионов населения в стране и более 7 миллионов в Москве.)

Много дней мы ездили по Москве: на машине, на такси, когда хотели отделаться от «Интуриста», на метро, на автобусе — и ходили пешком. Все это время моя жена, хорошо зная русский язык, заводила знакомства с гидами «Интуриста», шоферами, людьми на улицах, горничными — словом, с самыми разными людьми. Русские — восхитительные люди, они всегда рады поговорить с гостями на английском, если знают язык (а многие знают), или на русском, если нет.

Позвольте мне также добавить, что Джинни, если в настроении, может очаровать кого угодно.

Она смогла задавать личные вопросы (но такие, на которые люди во всем мире с удовольствием отвечают), потому что сама откровенно отвечала на вопросы о нас и выказывала живой интерес к собеседнику, причем совершенно искренний.

Но в любом разговоре она всегда выясняла следующее:

сколько человеку лет;

женат ли он;

сколько у него детей;

сколько у него братьев и сестер, какого они возраста;

сколько у него племянников и племянниц.

Если задавать такие вопросы в лоб, они прозвучат агрессивно, как интервью нахального репортера. Но задавались они примерно так: «О, какой вы счастливый человек! Мы с господином Хайнлайном познакомились лишь незадолго до Великой Отечественной войны... и у нас нет детей, хотя мы их хотели. Зато у нас много племянников и племянниц». И так далее. Она часто рассказывала больше, чем спрашивала, зато без хлопот собирала нужную информацию, иногда даже не задавая конкретных вопросов.

В один прекрасный день мы уселись в парке на скамейке спиной к Кремлю и лицом к Москве-реке. Поблизости ничего не было, так что место отлично подходило для разговора — направленный микрофон, если бы нас подслушивали, пришлось бы расположить на другом берегу реки, пока мы сидели спиной к Кремлю.

— Сколько людей в этом городе, если заглянуть в путеводитель? — спросил я.

— Более пяти миллионов.

— Гмм! Взгляни на эту реку. Видишь, какое на ней движение? — (Одинокая шаланда...) — Помнишь Рейн? — (Три года назад мы плавали на пароходике по Рейну. Движение было

настолько плотным, что на реке пришлось установить светофоры, совсем как на Панамском канале.) — Джинни, здесь и близко не может быть пять миллионов человек. Скорее всего, Копенгаген, не больше. Питсбург. Нью-Орлеан. Возможно, Сан-Франциско. — (Это города, которые я хорошо знаю, я исходил их пешком и объездил на разном транспорте. В 1960 году в каждом из них жило в пределах 600—800 тысяч человек.) — И все же нам пытаются сказать, что этот город больше Филадельфии, больше Лос-Анджелеса, больше Чикаго. Чушь. — (Я жил во всех этих трех городах. В большом городе чувствуется, что он большой, будь то Иокोगама или Нью-Йорк.) — Три четверти миллиона, но никак не пять.

— Знаю, — согласилась она.

— Откуда?

(Пожалуй, я должен упомянуть, что миссис Хайнлайн глубоко изучала русскую историю, историю революции, историю Третьего интернационала, или Коминтерна, и на столько сильна в марксистском диалектическом материализме, что может вступить в теоретический спор с членом КПСС и так его запутать, что он начнет кусать собственный хвост.)

— Они утверждают, — ответила она, — что после войны население страны составляло около двухсот миллионов, а в Москве жило четыре миллиона. Теперь, по их словам, в Союзе прибавилось еще двадцать пять миллионов, а в Москве — миллион. — Она ненадолго задумалась. — Это ложь. И если только люди не плодятся как тараканы за пределами Москвы, то население страны после войны уменьшилось, а не увеличилось. Я не нашла ни единой семьи, где больше трех детей. В среднем в семье меньше двух детей. К тому же люди поздно женятся и выходят замуж. Роберт, в стране нет даже простого воспроизводства населения. — Она посмотрела на пустую реку. — По моим оценкам, Москва не крупнее Копенгагена.

Мы останавливались во многих городах — Алма-Ате, Ташкенте, Самарканде, Минске, Вильно, Киеве, Риге, Ленинграде и других, — и везде она продолжала мягкие расспросы, но так и не нашла оснований изменить прежнее мнение. Даже в мусульманских странах Туркестана рождаемость оказалась низкой — так следовало из ответов. Она не записывала цифры (так я, по крайней мере, думаю, я ее предупредил), но па-

мать у нее прекрасная... когда ей это нужно, а потом она может избавиться от ненужных подробностей, на что я сам не способен.

Как русские получили возможность утверждать, что Москва в семь раз больше, чем на самом деле? Может такое быть, что я прав, а весь мир ошибается? «Всемирный альманах» приводит те же цифры, что и русские, все информационные агентства вроде бы не возражают против данных о населении страны — как могла настолько Большая Ложь остаться незамеченной — и не осужденной?

Примерно год назад мне подвернулась возможность обсудить это со своим старым сослуживцем, теперь отставным адмиралом. Я спросил его, сколько человек живет в Москве?

— Не знаю, — ответил он. — Почему бы тебе не посмотреть в справочнике? — (Когда начальство отвечает: «Не знаю», это может означать: «Не лезь в это дело, и давай сменим тему». Но я не отставал.)

— Попробуй прикинуть. Хотя бы примерно.

— Ладно. — Он закрыл глаза и несколько минут молчал. — Семьсот пятьдесят тысяч, не более.

(В точку!)

— Мистер Ноль-Ноль-Семь, — сказал я, — ты что, специально изучал Россию? Или мне не следует спрашивать?

— Вовсе нет. У меня на службе и так забот выше головы, только России мне еще не хватало. Я просто решил задачу методом логики, как нас учили в военном училище. Но мне пришлось сперва мысленно представить карту города. Шоссе, реки, железные дороги, размеры сортировочных станций и прочее. Сам знаешь. — (Да, я примерно представил, но я не кончал военное училище в отличие от него.) — Этот город обладает такой транспортной сетью, что крупнее он быть просто не может. Если в него набить более трех четвертей миллиона, они начнут голодать. Они не могут пойти на риск и увеличить население, пока не удвоят число дорог и размеры сортировочных станций. За ночь такое не сделаешь. Кое-что можно подвезти по реке, но водных путей нет там, где потребность в них больше всего.

Вот вам и результат. Или мы все трое сумасшедшие, хотя и получили один и тот же ответ на числовую задачку, решенную тремя разными, но логическими методами, или кремлев-

ская фабрика лжи уже многие годы выдает свою самую большую и фантастичную правду, не получая ни единого вопроса.

Судите сами: и Пентагон, и Государственный департамент совершенно точно знают, насколько велика Москва, и Кремль знает, что они это знают. Мы четыре года снимали их высоко летающими U-2; можно поспорить, что Москву несколько раз тщательно фотографировали. Наши космические Небесные Глаза теперь настолько зоркие, что уже почти могут прочесть номер вашей машины; наше верховное руководство давно решило московскую логическую задачку — и каждому экономисту известно, что единственный параметр, строго ограничивающий верхний предел размера любого города, — это число тонн пищи, которое можно в него доставить в течение недели. Почти во всех больших городах запасов всего на день-два, не пройдет и недели, как начнутся голод и паника.

А Москва даже не морской порт, а речной, к тому же не из лучших. И большую часть пищи в нее должны доставлять по суше поездами или грузовиками.

Быть может, с 1960 года ситуация с транспортом и улучшилась, но в 1960 году необходимого количества транспорта попросту не имелось. А раз я не могу поверить в пять миллионов 1960 года, то не верю и в семь миллионов в 1979-м.

Есть у меня одна безумная теория. Возможно, наш Государственный департамент не видит выгоды называть их по этому поводу лжецами. Вот уже несколько администраций проявляли чрезвычайную осторожность, лишь бы не задеть их чувства. На мой взгляд, они совершили ошибку... но я не президент и не государственный секретарь; мое мнение не важно и может оказаться ошибочным.

(«А король-то голый», — сказал ребенок.)

Три самые вопиющие лжи в США на сегодня:

- 1) «Я посылал чек по почте»;
- 2) «Я звонил из офиса»;
- 3) широкая, располагающая улыбка: «Привет! Я из Вашингтона. Я здесь, чтобы помочь вам!»

Аноним

ПОИСКОВЫЙ ЛУЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 1962 года я получил письмо от рекламных агентов «Hoffman Electronics»: у них появилась замечательная идея — НФ-рассказы об электронике, написанные известными НФ-писателями, достаточно длинные, чтобы заполнить одну колонку в «Scientific American», или «Technology Review», или чем-то подобном, а оставшиеся две трети страницы должна была занять реклама «Hoffman Electronics», опирающаяся на сюжет рассказа. Под это дело они предложили совершенно невероятный тариф за слово — по сравнению с НФ-журналами.

Хорошо продуманный рассказ написать вдвое сложнее, чем роман: короткий рассказ как минимум в восемь раз сложнее — а настолько короткий... ну, есть гораздо более простые способы зарабатывать на жизнь. Я послал им открытку со словами: «Спасибо, но я занят романом». (Правда — «Дорога доблести».)

Они подняли ставку. На этот раз я ответил: «Спасибо, и я польщен, но я ничего не знаю об электронике». (Почти правда.)

Они ответили, предложив экспертную оценку сюжета инженерами «Hoffman» — и расценки в шесть раз выше, чем платили «The Saturday Evening Post».

Закончив «Дорогу доблести», я сел и набросал этот рассказ — а потом весь устался, загоняя его в 1200 слов, как того требовал контракт. Притом что «Дорогу доблести» я написал за двадцать три дня и наслаждался каждой минутой работы. Вот почему ленивые писатели предпочитают романы.

— Она вас услышит?

— Да, если находится на светлой стороне Луны. И если смогла выбраться из корабля. И если в скафандре уцелела рация. И если она ее включила. И если она жива. Корабль молчит, радиомаяк не фиксируется — маловероятно, что ей или пилоту удалось пережить катастрофу.

— Мы обязаны ее найти! Орбитальная станция, ждите. База «Тихо», подтвердите прием.

Ответ пришел с задержкой: три секунды от Вашингтона до Луны и обратно.

— Лунная база «Тихо». Комендант на связи.

— Генерал, распорядитесь, чтобы весь ваш персонал, до последнего человека, отправился на поиски Бетси!

Скорость света имеет свои пределы, и из-за задержки ответа казалось, что комендант отвечает с неохотой:

— Сэр, вы представляете, насколько велика Луна?

— Это не важно! Где-то там Бетси Барнс, и пусть ее ищут все, пока не найдут. А если она погибла, то вашему драгоценному пилоту тоже лучше оказаться мертвым!

— Сэр, лунная поверхность — это почти пятнадцать миллионов квадратных миль. Если я брошу на поиски весь персонал до последнего человека, каждому достанется больше тысячи квадратных миль. Я дал Бетси моего лучшего пилота, и я не намерен выслушивать угрозы в его адрес, когда он не в состоянии ответить сам. Ни у кого нет такого права, сэр! Меня уже тошнит от указчиков, не имеющих ни малейшего представления о том, в каких условиях мы тут работаем. Поэтому мой вам совет... нет, сэр, мое официальное предложение: предоставьте станции «Меридиан» вести поиски. Быть может, этим людям удастся чудо.

— Ладно, генерал, — последовал сердитый отклик, — с вами мы поговорим позже. Станция «Меридиан»! Доложите о принятых мерах.

Элизабет Барнс, она же Слепая Бетси, гениальная маленькая пианистка, по приглашению Единой службы организации досуга войск отправилась на гастроли по Луне. Сорвав овации на базе «Тихо», она отправилась в ма-

ленькой ракете на базу «Фарсайд хардбэйз» — на обратной стороне Луны ее ждали истосковавшиеся по развлечениям ракетчики. Добраться туда Бетси предстояло за час, а пилота ей дали просто на всякий случай — реактивные джипы между «Тихо» и «Фарсайдом» курсировали в беспилотном режиме.

После старта корабль отклонился от запрограммированного маршрута и исчез с радаров «Тихо». Улететь он мог куда угодно... но не в космос, иначе бы рация звала на помощь, радиомаяк пеленговался бы другими кораблями, а также орбитальными станциями и лунными базами. Джип либо упал, либо совершил аварийную посадку где-то на бескрайних лунных просторах.

— Говорит директор орбитальной станции «Меридиан»... — Задержка не ощущалась: двадцать две тысячи триста миль между Вашингтоном и станцией радиосигнал преодолевал всего лишь за четверть секунды. — Мы скоординировали работу земных станций, и наш сигнал перекрывал всю видимую сторону Луны, а на обратную сторону ведет передачу висящая в точке «Лагранж» станция «Ньютон». База «Тихо» отправила корабли на облет границы полушарий — это зона радиотени и для нас, и для «Ньютона». Если мы поймаем...

— Понял, понял! Как насчет радарного поиска?

— Сэр, лежащую на поверхности ракету радар не отличит от скалы такого же размера, а этих скал там миллион. Наш единственный шанс — поймать их ответный сигнал... если они смогут его послать. Радар сверхвысокого разрешения способен обнаружить ракету, но на это могут уйти месяцы, а запас воздуха в их скафандрах рассчитан на шесть часов. Мы молимся, чтобы они нас услышали и ответили.

— А когда ответят, вы их найдете радиопеленгатором?

— Нет, сэр.

— Проклятие! Что значит — нет?

— Сэр, для таких задач радиопеленгатор не годится. Он лишь подтвердит, что передача ведется с поверхности Луны, — а это мало чем нам поможет.

— Доктор, вы сказали, что *можете* услышать Бетси — но при этом не сможете понять, где она?

— Мы так же слепы, как и она. Надеемся, что Бетси сможет привести нас к себе... если услышит нас.

— Каким образом?

— С помощью лазерного луча. Узконаправленного мощного потока света. Она услышит его...

— *Услышит?* Луч света?

— Да, сэр. Мы экстренно собираем устройство для сканирования поверхности лучом лазера, наподобие радара. Такое сканирование ничего не покажет визуально, но мы будем модулировать несущую волну с частотой, на которую настроена рация скафандра. А сам сигнал промодулируем колебаниями звуковой частоты. Мы будем передавать звуки фортепиано. Если Бетси услышит нашу передачу, мы попросим ее послушать и просканируем Луну, пройдясь по всем октавам...

— Вы будете заниматься этой ерундой, когда маленькая девочка там *умирает*?!

— Мистер президент — заткнитесь!

— Кто это сказал?!

— Отец Бетси. Меня разыскали в Омахе и соединили со станцией. Прошу вас, мистер президент, успокойтесь и дайте людям работать. Я хочу, чтобы мне вернули дочь.

— Да, мистер Барнс, — сухо ответил президент. — Действуйте, директор. Любые ваши требования будут немедленно выполнены.

На станции «Меридиан» директор стер пот с лица:

— Результаты есть?

— Никаких. Шеф, нельзя ли что-нибудь сделать со станцией из Рио? Они сидят прямо на нашей частоте!

— Кирпич на него сбросим. Или бомбу. Джо, сообщи президенту.

— Я вас услышал, директор, — сказал президент. — Сейчас они заткнутся!

— Тсс! Тихо! Бетси... ты слышишь меня? — Оператор напрягся, взявшись за ручку настройки приемника.

Из динамика полился веселый нежный голосок:

— ...Кого-то наконец услышать! Господи, как же я рада! Поспешите, пожалуйста, — майор ранен.

Директор подскочил к микрофону:

— Да, Бетси! Конечно мы поспешим. Но ты должна нам помочь. Ты знаешь, где вы находитесь?

— Наверное, где-то на Луне. Мы сильно ударились, и я уже хотела пошутить по этому поводу, но тут ракета опрокинулась. Я отстегнулась и обнаружила, что майор Питерс не шевелится. Но он не умер, у него скафандр раздувается, как у меня, и что-то слышно, если приложиться шлемом к шлему. И мне наконец-то удалось открыть дверь. — После долгой паузы Бетси добавила: — Это не обратная сторона, на ней сейчас должно быть темно. А тут светит солнце, я уверена. Скафандр сильно греется.

— Бетси, надо оставаться снаружи. Там, откуда ты сможешь нас увидеть.

— Хорошая шутка, — хихикнула девочка. — Вообще-то, я вижу ушами.

— Правильно, ты увидишь нас ушами. Слушай внимательно, Бетси. Мы будем сканировать Луну лучом света. Когда он коснется твоего скафандра, раздастся хорошо знакомый тебе звук. Мы разделили поверхность Луны на восемьдесят восемь участков, по числу фортепианных клавиш. Услышишь — кричи: «Есть!» А потом скажешь нам, что это за клавиша. Справишься?

— Конечно, — уверенно ответила девочка. — Если фортепиано настроено.

— Настроено, не беспокойся. Итак, приступаем...

— *Есть!*

— Что за клавиша, Бетси?

— Ми-бемоль первой октавы.

— Ми-бемоль первой октавы?

— Именно так я и сказала.

— Где этот квадрат? — обратился директор к присутствующим. — В Море Облаков? Сообщите генералу. — И — в микрофон: — Милая Бетси, мы тебя найдем! Те-

перь просканируем только твой квадрат. Но сначала перенастроим аппаратуру, а на это уйдет какое-то время. Хочешь поговорить с папой?

— Ух ты! А можно?

— Ну почему же нет?

Через двадцать минут директор вернулся к рации и услышал:

— Что ты, папочка! Конечно не боюсь. Самую капельку было страшно, когда упал корабль. Но я же знала, что меня в беде не бросят. Люди всегда обо мне заботились.

— Бетси!

— Да, сэр?

— Надо снова послушать ноты.

— Есть! Соль на три октавы ниже.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Ну вот, теперь мы имеем квадрат со стороны всего лишь десять миль! Отметьте это на сетке и свяжитесь с генералом, пусть отправляет туда корабли! Бетси, мы *почти* тебя нашли. Еще разок перенастроимся и определим точные координаты. А пока можешь вернуться на борт, там прохладно.

— Я не перегрелась, только вспотела немножко.

Через сорок минут загредел голос генерала:

— Корабль обнаружен! Она рядом, машет рукой!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1931 году я служил на «Лексингтоне» (CV-2). В марте флот провел военные игры у берегов Перу и Эквадора; на время учений меня назначили офицером радиоконюаса. Моя главная обязанность состояла в том, чтобы поддерживать связь с авиационными спасателями, амфибиями (OL8-A), страховавшими эскадрильи, которые были в воздухе, — то есть эскадрильи состояли из обычных самолетов авианосного бази-

рования; если кто-то делал вынужденную посадку, амфибия должна была сесть на воду и спасти пилота.

В те дни не было радаров и простейшего радио — пилоты самолетов-спасателей были единственными, с кем я мог общаться через радиокompас. У истребителей были только радиции с морзянкой; радиокompас с ними связи не имел. Чтобы почувствовать ограничения тех дней (после первого полета братьев Райт прошло всего 28 лет), прочтите главу «Сказка о человеке, который был слишком ленив, чтобы ошибаться» в «Достаточно времени для любви», изданном «Putnam»/«Berkley»/«NEL».

Радиокompас основан на направленной характеристике петлевой антенны. Для разговора вы поворачиваете антенну, пока не добьетесь максимального сигнала; повернув ее после этого на девяносто градусов, вы получите минимальный сигнал, что позволяет отметить направление на другое радио (или диаметрально противоположное, развернутое на сто восемьдесят градусов, но предполагается, что вы знаете, где ваш маяк, впереди или позади вас), и с этим вам приходится работать почти во всех случаях, когда важно знать направление, например поднимаясь по каналу в тумане. Найденный минимум сигнала покажет вам направление с точностью до одного-двух градусов, если второе радио достаточно мощное и находится достаточно близко.

Если же оно слишком далеко, сигнал может затухнуть до нуля, прежде чем вы достигнете правильного угла поворота, и останется на нуле, пока вы снова до него не дойдете. Нет смысла поворачивать антенну назад на девяносто градусов, чтобы попытаться определить направление по максимальному сигналу; *эта* кривая слишком плоская.

Поздно вечером на второй день учений у нас случилась неприятность: на базу вернулись все эскадрильи, кроме VF-2. Она потерялась — до появления радаров это очень легко могло случиться с одноместными истребителями. Капитан эскадрильи, лейтенант-командир, придерживался одного мнения; пилот амфибии придерживался другого, но его мнение не учитывалось; он был младшим по званию и не членом эскадрильи. У простых пилотов эскадрильи вряд ли было какое-то мнение; они были молоды, зелены и полностью зависели от своего шкипера — и, скорее всего, запутались в навигации сразу после вылета.

Капитан эскадрильи отправился на встречу с авианосцем — туда, где он находился по его расчетам. Авианосца не было. Там была только вода и еще раз вода. (Однажды на Гаваях я был в воздухе, когда случилась подобная вещь. Очень одинокое ощущение.)

Никаких признаков флота США. Ни «Саратоги» (CV-3), ни линкоров, ни крейсеров. Не было даже эсминца, разведывающего фланг. Одна вода.

В этот момент я оказался точно в ситуации, описанной в «Поисковом луче»: я мог свободно разговаривать с пилотом самолета, но при попытке повернуть петлю на девяносто градусов, обнаружил, что сигнал затухает до нуля на такой широкой дуге, что это ничего мне не давало... и, что еще хуже, путаница в навигации была такой, что не было реальной возможности выбрать между двумя лепестками, направленными на сто восемьдесят градусов друг относительно друга.

И у меня был личный интерес в этом деле, не такой сильный, как у отца Бетси Барнс, но весьма ощутимый. Во-первых, это были мой долг и моя обязанность — дать эскадрилье вектор возвращения, — а я не смог этого сделать; оборудование не позволяло. Если бы я весь день отслеживал вектора этой эскадрильи... но это было невозможно. У меня была только одна петля и сразу четыре эскадрильи в воздухе, а вдобавок во время игры было объявлено радиомолчание (черт бы его побрал), пока командир попавшей в беду эскадрильи не был вынужден его прервать.

А во-вторых, пилотом самолета-спасателя был мой самый близкий друг на этом корабле — парень из моего родного города, отучившийся со мной в Академии, ходивший со мной до «Лексингтона» на «Юте», компаньон по загулам на берегу, единственный офицер на корабле, который тоже верил в ракетостроение и космические полеты и читал «эти сумасшедшие журналы». Мой друг номер один...

И я был вынужден сказать ему:

— Бад, ты либо где-то к северо-востоку от нас, плюс-минус двадцать или тридцать градусов, либо где-то на юго-западе, в таком же широком диапазоне погрешности, и сила сигнала показывает, что ты должен быть как минимум в пятидесяти милях за горизонтом, вероятно еще дальше. У меня нет возможности отградуировать прием.

Бад усмехнулся:

— Это довольно большой кусок океана.

— Сколько у тебя горючки?

— Минут на сорок. У большинства истребителей еще меньше. Повиси на линии, меня вызывает шкипер.

Тогда я попытался еще раз поймать минимум — не повезло — и откатился назад.

— «Лекс петля» вызывает спасателя «Виктор Фокс Два».

— Слышу тебя, парень. Шкипер говорит, что мы все плюхнемся до захода солнца. Сначала сажусь я, потом они ныряют как можно ближе ко мне. Я буду ловить автостопщиков, поддерживать их всю ночь на плаву, — может, повезет, и они меня не утопят.

— Какое там море?

— Бофорт — три¹, волнение — четыре.

— Вот черт! Здесь вообще нет белой воды. Просто длинные волны.

— Моя птичка выдержит это, она крепкая. И я рад, что не придется падать, как бревно, цепляясь за воздух. Я должен отключиться, мне пора, меня вызывает шкипер. Было приятно познакомиться.

В этот момент — слишком поздно! — я наконец-то понял, в какой стороне горизонта пропала эскадрилья, потому что на нас внезапно, как это бывает в тропиках, опустилась темнота, в то время как там, где они находились, солнце еще только собиралось садиться. Этот факт сокращал площадь поиска разом на пятьсот квадратных миль. Но он же увеличивал дистанцию между нами... что добавляло не менее тысячи квадратных миль.

Внезапно из тьмы в небо взметнулись лучи прожекторов: командующий флотом отменил военное затемнение кораблей, чтобы избавить «Виктор Фокс Два» от необходимости вынужденной посадки на воду — что было довольно мило с его стороны, потому что все эти адмиралы линкоров были ветеранами Первой мировой войны, ни у одного из них не было крыльев, и все они (без каких-либо исключений, о которых стоит упоминать) ненавидели самолеты, не верили, что само-

¹ Три балла по шкале Бофорта означают скорость ветра 3–5 м/с, четыре балла волнения означают волны высотой до 2,5 м с «барашками». — *Примеч. С. В. Голд*

леты годятся на что-либо, кроме разведки (да и это сомнительно), и презирали пилотов, особенно тех, кто не учился в Академии (то есть большинство из них).

Я все еще был на частоте Бада, в эфире звучала радостная ненормативная лексика. Первым делом Бад определил курс на световой сигнал; у нашего штурмана была наша ориентация и расстояние до линкора; после разговора с мостиком у меня были курс и расстояние, которое должна была пройти VF-2, чтобы вернуться домой, и я передал их Баду. Кризис завершился...

...но нервотрепка только начиналась. У эскадрильи едва хватило горючего, чтобы добраться до дома, а большинство ее пилотов никогда не отрабатывали ночную посадку на авианосец... у них не было запаса топлива, и палубный офицер не мог дать отмашку на второй круг при плохом заходе, если была вероятность того, что хвостовой крюк не сможет поймать трос. Я рад сообщить, что все пилоты сели благополучно, хотя один из них слегка погнул стойку шасси об аварийное заграждение.

Баду едва не пришлось падать, как бревно, цепляясь за воздух. Поскольку он был единственным, кто мог в случае необходимости садиться на воду, он шел последним... и его мотор кашлянул и сдох в тот самый момент, когда его хвостовой крюк поймал трос.

В одной из историй Джека Уильямсона персонаж возвращается в прошлое и вносит очень незначительные изменения, чтобы добиться очень серьезных перемен в более поздней истории.

Бад — это Альберт Бадди Скоулз, тогда лейтенант (младший разряд), а теперь отставной контр-адмирал. Он был тем офицером, который в 1942 году собрал меня, Айзека Азимова и Л. Спрэга де Кампа в своей исследовательские лаборатории в Мустин-Филд, штат Филадельфия, а позже обратился за помощью ко всем технически подготовленным писателям-фантастам. Позднее, сразу после Второй мировой войны, он участвовал в создании первого полигона управляемых ракет ВМФ в Пойнт-Мугу.

Не думаю, что история претерпела бы значительные изменения, если бы VF-2 совершил вынужденную посадку в океан.

Но что, если изменений в персональной карьере Бадди Скоулза оказалось бы достаточно, чтобы он не стал руководить лабораторией 7 декабря 1941 года? Не обязательно смерть, хотя он находился в куда большей опасности, чем показывал своим жизнерадостным голосом. Амфибии той эпохи не всегда могли совершить безопасную посадку в открытом море, а его «птичка» была в лучшем случае неуклюжей скотиной — при посадке из нее трудно что-либо разглядеть. Легкая травма при посадке или несколько дней пребывания под тропическим солнцем — океан не маленький, их могли искать еще сутки, и неделю, и больше.

Что, если какое-то изменение повлияло бы на карьеру Бадди Скоулза настолько, что в декабре 1941 года он оказался бы не в Мустин-Филд, а где-то в другом месте?

Теперь давайте рассмотрим это не с точки зрения истории, а в более мелком масштабе.

Я бы не оказался в Мустин-Филд. Не берусь гадать, где бы я тогда оказался. Медицинское управление ВМФ смотрело косо на мою историю болезни. Я бы не встретил свою жену, поэтому я бы умер как минимум лет десять назад... и не написал бы эту книгу. (Это наиболее вероятный исход событий. Наименее вероятный — выигрыш в ирландскую лотерею и переезд в Монако.)

Спрэг де Камп не попал бы в Мустин-Филд. Он уже направлялся на флот, но Скоулз его затребовал к себе по моей рекомендации. Возможно, он пал бы героем в бою... или просидел бы всю войну на вращающемся кресле в Министерстве ВМФ.

А сейчас я подхожу к самой сути. Я практически похитил Айзека Азимова из Колумбийского университета, где он был аспирантом, защищавшим докторскую степень.

От этой точки можно продолжить бесконечное множество сценариев. В Манхэттенский проект набирают исключительно одаренных аспирантов по химии и физике, Айзека выдерживают из университета, благодаря чему атомную бомбу заканчивают на год раньше. Или он остается в Колумбии, дописывает докторскую диссертацию, и призывной комиссии не удастся его заполучить, потому что в день призыва он уже числится ассистентом профессора в Нью-йоркском университете. И так далее и тому подобное.

А вот кролик из шляпы — первые две книги из серии «Основание» («Фонд», «Уздечка и седло», «Большой и маленький», «Клин», «Мертвая рука», «Мул»¹) были написаны в то время, когда Айзек работал химиком в лаборатории в Мустин-Филд.

Что написал бы Добрый Доктор за эти годы, если бы я не помухлевал с его кармой? Точно такие же рассказы? Очень похожие рассказы? Совершенно другие рассказы? (Любой сценарий вполне правдоподобен, за исключением того, в котором доктор Азимов вообще не пишет.)

Я уверен только в том, что есть чрезвычайно высокая вероятность того, что едва не запоздавшее решение адмирала линкора в 1931 году не только спасло жизнь некоторым летчикам-истребителям, чьих имен я не знаю... но и почти наверняка изменило жизнь адмирала Скоулза, мою собственную, Л. Спрэга де Кампа, доктора Азимова и, по цепочке, жизни жен, возлюбленных и потомков — а также довольно большой кусок современной научной фантастики. (Если бы Скоулз не позвал меня в Филадельфию, думаю, я оказался бы на авиационном заводе в Южной Калифорнии и, возможно, остался бы там и не вернулся к писательству... и помог бы построить «Аполлон-Сатурн». Возможно.)

Если вы скажете, что «Поисковый луч» обязан своим происхождением инциденту у берегов Эквадора, вы, возможно, будете правы. Возможно, я вытащил его из своего подсознания и до сих пор просто не замечал этого.

¹ В окончательном варианте это «Энциклопедисты», «Мэры», «Короли торговли», «Торговцы», «Генерал» и «Мул». — *Примеч. С. В. Голд.*

ПОЛЬЗА ПАТРИОТИЗМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

5 апреля 1973 года я выступил перед курсантами своей альма-матер, Военно-морской академии США, с лекцией, приуроченной ко дню памяти Джеймса Форрестола¹. По просьбе аудитории первая половина лекции посвящалась вольному труду писателя. Ниже представлена вторая.

В нашем сложном мире настоящее и будущее человечества целиком и полностью зависят от науки, научного метода и последствий его применения. Если мы вдруг взлетим на воздух, то лишь из-за неверного применения научных достижений; если не взлетим, значит мы применяем их правильно. Из всех литературных жанров только научная фантастика учитывает фундаментальное влияние науки на нашу жизнь и наше будущее. Остальные совершенно не берут ее в расчет, свято следуя тенденциям нынешней антиинтеллектуальной эпохи. Но слезами горю не поможешь — мы заварили кашу и пустыми стенаниями ее не расхлебать.

Приведу классический научно-фантастический прогноз. У любого сценария есть условия — переменные, принимаемые за постоянные величины. Первое, обязательное условие: угроза Третьей мировой войны отодвигается на десять, двадцать, а то и тридцать лет, иначе этот прогноз не сбудется. Второе условие: за это время человечество не найдет другого способа покончить с собой.

¹ *Джеймс Форрестол* (1892–1949) — министр военно-морских сил США и первый министр обороны.

Прогноз: в обозримом будущем, которое застанут все курсанты набора 1973 года, появятся атомные космические корабли, способные преодолеть расстояние от Земли до Марса и обратно за пару недель. Корабли оснастят лучами смерти, как в комиксах про Бака Роджерса, и будут использовать в военных целях, вопреки всем нынешним и грядущим договорам об использовании космического пространства в мирных целях. Космические эскадры радикально изменят методы ведения войны и на долгие годы определят мировую политику. Следующий, не менее важный этап — с возникновением кораблей начнется колонизация Солнечной системы, а затем и всей Галактики.

Я не сказал, что корабли будут принадлежать Соединенным Штатам. Нынешняя удручающая ситуация в стране не допускает такой возможности. Как сказал Альфред Мэхен, автор книги «Влияние морской силы на историю» и один из самых выдающихся выпускников Академии: «Народные правительства обыкновенно не склонны к военным издержкам, как бы ни были они необходимы...»

Эту истину на горьком опыте познал каждый офицер. Я постиг ее лет сорок назад, когда на пороге Второй мировой мне поручили поддерживать в боевой готовности артиллерию эсминца «Ропер» за «щедрую» плату — меньше доллара в сутки.

Для постройки атомных кораблей у Соединенных Штатов есть все, кроме желания. Поэтому вряд ли мы станем нацией, готовой пожертвовать деньги на соответствующие разработки.

(Обращаюсь к кадету-первокурснику.)

Молодой человек, когда выпуск? Через два месяца? Предлагаю сократить срок. На моих... семь пятьдесят девять, совсем не много до восьмого колокола. Предположим, выпускной в десять утра... итак, вам осталось пять миллионов триста двадцать тысяч восемьсот шестьдесят секунд до каникул, а мне — меньше девятисот шестидесяти, чтобы сказать главное.

(Обращаюсь ко всей аудитории.) Ради чего вы здесь?

(Обращаюсь к другому первокурснику.) Молодой человек, вот ты! Ради чего? Ладно, сынок, это риторический вопрос. Ты здесь ради того, чтобы стать морским офицером. Для этого и основывалась Академия. Всех, собравшихся здесь сегодня, роднит желание стать морскими офицерами. Те, кто пришел сюда не за этим, совершили непоправимую ошибку. Однако я обращаюсь к подавляющему большинству, к людям, которые искренне принесли присягу и с нетерпением ждут дня, когда смогут повторить ее, уже будучи офицерами.

Но зачем вообще идти во флот?

При нынешнем упадке культуры служение родине ценится не слишком высоко — достаточно взглянуть на результаты последних соцопросов, которые ставят военную службу в самый низ списка приоритетов.

Ради денег? Маловероятно. На офицерское жалованье не поishiкуешь. Даже четырехзвездный адмирал получает меньше, чем руководитель любого другого ведомства. Чины помладше не успевают оправиться от одного финансового кризиса, вызванного новым назначением, как наступает следующий. Когда бедолаге исполняется пятьдесят, его комиссуют и отправляют на пенсию... но на пенсию ему нельзя: нужно платить за двоих сыновей в колледже и еще наскрести на учебу третьему. Он начинает искать работу... и вдруг выясняется, что рабочих мест для мужчин его возраста мало и они, как правило, плохо оплачиваются.

Ради условий труда? Военные полжизни проводят вдали от семьи.

Ради графика? «Шесть дней работай, делай всякие дела, а на седьмой еще и палубу отчисти добела». Гражданские трудятся по сорок часов в неделю, для морских офицеров это минимум. Есть еще ночные вахты и дежурства по выходным. Чем больше звезд на погонах, тем длиннее рабочий день — пока вас не назначат командиром корабля. Все, никаких дежурств, вы просто будете на посту двадцать четыре часа в сутки, а в книге приказов и распо-

ряжений на ночь напишете: «Будить при малейшей необходимости».

Точно не скажу, но в среднем морской офицер работает по шестьдесят, а не по сорок часов в неделю. Разумеется, мы говорим про мирное время. В условиях войны часов не наблюдают и спят, как придется.

Так зачем выбирать заведомо неблагодарную, тяжелую и низкооплачиваемую работу?

Вряд ли дело в нарядной форме. Нужна веская причина.

Если вы окажетесь в бушвельдах Восточной Африки, вы легко сможете обнаружить стада бабуинов, пасущихся на земле. Не надо шарить глазами по земле, просто поднимите взгляд, и вы заметите «часового» — взрослого самца, сидящего высоко на ветке, откуда открывается отличный обзор. Именно поэтому его так легко заметить. Со своего наблюдательного поста дозорный должен вовремя увидеть леопарда и предупредить сородичей об опасности. Бабуин на земле — легкая добыча: вовремя предупрежденный, он успеет взобраться на дерево, и леопард останется без обеда.

Часовым выбирают молодого самца, который безропотно несет вахту, пока вожак стада не отправит другого самца ему на замену.

Поглядывайте на бабуина, чуть позже мы к нему вернемся.

Сегодня в Соединенных Штатах в среде самозванных «интеллектуалов» принято насмехаться над патриотизмом. В их представлении каждый цивилизованный человек — априори пацифист, а профессия военного заслуживает глубочайшего презрения. «Поджигатели войны!», «Империалисты!», «Наемники в мундирах!» — все это вы слышите не в первый и далеко не в последний раз. Одна из любимейших их цитат: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев».

Правда, критики забывают упомянуть, что автором ехидной остроты был жирный, прожорливый хам, терзаемый патологическим страхом смерти.

И я докажу, что бабуин-дозорный по моральным качествам превосходит жирного труса, отпускающего шуточки.

Патриотизм — наша самая практичная черта, но в нынешней декадентской атмосфере патриоты стесняются говорить о ней вслух, словно речь идет о какой-то постыдной или нелепой слабости. Однако патриотизм родился не из сентиментальной чепухи и демагогии. Он, как и зрение, — неотъемлемая и не менее полезная часть человека, приобретенная в ходе эволюции. Человек без патриотизма — это тупик эволюции. Без него мы просто-напросто вымерем.

Многу сейчас движут не сантименты, а упрямая логика. Для осознания необходимости патриотизма нужно вернуться к основам. Возьмем любого представителя фауны — тираннозавра, например. В чем его главная особенность? В том, что тираннозавр исчез с лица земли, он вымер, его больше нет.

Теперь возьмем человека. Здесь обратная ситуация: *homo sapiens* благополучно существует и не спешит вымирать.

Отсюда вытекает второй важный вопрос: надолго ли? Сколько еще протянет наш род?

Разумеется, по отдельности все мы умрем. Все здесь присутствующие, скорее всего, сыграют в ящик лет через восемьдесят, а через сотню лет мы точно будем лежать в могиле: даже самым молодым стукнет сто восемнадцать, столько не живут.

Конечно, бывают исключения, но их процент слишком ничтожен, нет смысла брать в расчет. Новейшие достижения в биологии обещают продлить наш срок до ста двадцати пяти, а то и до ста пятидесяти лет, но это создаст больше проблем, чем решит. Умереть и дать дорогу молодым — вот главная и последняя польза, какую можно принести в моем возрасте.

Итак, по отдельности все мы умрем. С первой частью вопроса разобрались, переходим к следующей: вымрет ли *homo sapiens как вид*? Ответ: нет, *не обязательно*. Есть

два взаимоисключающих варианта развития событий: человечество либо выживет, либо вымрет. Во втором варианте нравственность роли не играет: у мертвецов *нет* ни нравственных установок, ни особенностей поведения, ничего.

Поскольку выживание является необходимым условием, под «нравственным поведением» следует понимать «поведение, направленное на выживание». Возможно, философы и теологи вкладывают в понятие нравственности совершенно иной смысл, но совершенно точно никто не подразумевает под ней «поведение, направленное на вымирание».

Теперь рассмотрим иерархию нравственного поведения снизу доверху.

Простейшая форма такого поведения возникает, когда человек или другое животное борется за собственное выживание. Только не сводите ее к банальному эгоизму. Разумеется, эгоизм здесь присутствует, однако на нем зиждется любая форма нравственного поведения; безнравственным оно становится, если противоречит более высокому нравственному императиву. Слабый духом, неспособный бороться даже за себя зверь — это эволюционный тупик. Лучшее, что он может сделать для своего вида, — уползти и умереть, а не передавать свои дефектные гены потомству.

Следующий, более высокий уровень нравственного поведения возникает, когда существо трудится, сражается, порой даже гибнет ради своей семьи. Небольшая кошка отгоняет полицейского пса от котят; отец устраивается на вторую работу, чтобы оплатить детям колледж; родители бросаются в бурный поток ради спасения утопающего ребенка... это — нравственное поведение, даже когда оно безуспешно.

Следующий уровень подразумевает желание трудиться, сражаться, иногда гибнуть ради группы, большей чем первичная семья, — иначе говоря, ради племени или стаи. Еще раз взгляните на бабуина-дозорного, он на этом нравственном уровне. Вряд ли язык бабуинов настолько сло-

жен, чтобы включать в себя такие абстрактные понятия, как «нравственность», «долг» или «преданность», однако очевидно, что в поведении *дозорного* действительно присутствуют все упомянутые черты; мы наблюдали их в действии. Называйте это «инстинктом», если хотите, но помните: название феномена не раскрывает его сути.

Однако поведение бабуина объяснимо с точки зрения эволюции. Эволюция представляет собой непрерывный процесс. Бабуины, не демонстрирующие нравственного поведения, просто не выживают и становятся обедом для леопардов. Каждое поколение бабуинов должно выдерживать нравственный экзамен; те, кто не справился, остаются без потомства. Возможно, вожак стаи преподает уроки молодняку... но оценку выставляет леопард, без права на пересдачу. Не нужно вдаваться в подробности, чтобы понять главное: бабуины ведут себя нравственно... для бабуинов.

Следующий, недоступный для бабуинов уровень подразумевает долг и преданность человека по отношению к обширной группе сородичей, лично ему незнакомых. У этого уровня есть название. Он называется «патриотизм».

Уровнем выше расположились наши астронавты, отправившиеся на Луну, рисковавшие собой ради человечества в целом. Их подвиг позволяет надеяться, что человеческая раса просуществует бесконечно долго, намного дольше, чем планета, на которой мы обитаем. И прямым результатом того, что они сделали, возможно, станет тот факт, что вид *homo sapiens* *никогда* не умрет.

Недальновидные глупцы считают полет на Луну обычным трюком. Однако астронавты прекрасно понимали цель своей миссии, выраженную словами Нила Армстронга, ступившего на Луну: «Маленький шаг для человека, огромный скачок для человечества».

С особой гордостью хочу отметить, что одиннадцать участников корпуса астронавтов вышли из стен этого вуза.

Добавлю, что Джеймс Форрестол *первым* из высокопоставленных чиновников поднял тему космических полетов.

Забудем упомянутых ранее «салонных» пацифистов, считающих, что это они находятся на высшем уровне нравственности. Они якобы стремятся положить конец войне и спасти человечество от угрозы самоуничтожения, повторю — «якобы». Всех несогласных они приравнивают к кроважам и негодьям, о чем не стесняясь говорят вслух.

Не хочу тратить время и судить об их мотивах; моя критика направлена на умственные способности этих ярых пацифистов. С головой у них явные проблемы, они живут в мире фантазий.

Конечно, если бы человечество разумно вело свои дела, в мире не случилось бы войн.

Да, а если бы у свиней росли крылья, они могли бы летать.

Не знаю, на какой планете живут наши пацифисты, но точно не на третьей от солнца. Любой, кто бывал на Дальнем Востоке, в Африке или на Ближнем Востоке, знает: в ближайшем будущем войны *не избежать*. За последние несколько лет я трижды объездил мир, посетил многие коммунистические страны и так называемые «развивающиеся страны», неоднократно наведывался в Европу и Южную Америку. Скажу одно: нигде даже не пахнет миром, семена войны видны повсюду, конфликты интересов реальны и необратимы, их не сгладить лицемерными банальностями. Остается уповать на шаткое равновесие сил между государствами, способными развязать тотальную войну, — и заранее смириться с вспыхивающими то здесь, то там бесконечными локальными конфликтами.

Впрочем, не стану вдаваться в подробности. Наши кампусы переполнены пацифистами с кашей в голове, Академия ВМФ — единственный вуз, в стены которого не проникла эта чума. Мы все считаем, что Соединенным Штатам по-прежнему нужен флот, а республике —

герои, иначе мы не собрались бы здесь сегодня при полном параде.

Так в чем же заключается патриотизм? В нравственном поведении на уровне нации. *Non sibi sed Patria*¹. В последних словах Натана Хейла: «Жаль, у меня всего лишь одна жизнь, чтобы отдать ее за родину». В героическом самопожертвовании восьмой эскадрильи торпедоносцев. В четырех капелланах с «Дорчестера», мужественно встретивших смерть среди морской стихии. В цитате Томаса Джефферсона: «Дерево свободы нужно время от времени поливать кровью патриотов». В шкипере, отдавшем приказ топить подлодку с ним на борту. В том, как Джонас Ингрэм кричал со ступеней Бэнкрофт-холла: «Во флоте нет места слабакам! Флоту нужны крепкие сукины дети, способные принять бой и *победить!*»

Патриотизм — отвлеченное понятие, описывающее поведение не менее практичное, чем надежные тормоза и прочные шины. Настоящий патриот ставит интересы родины выше собственных, пусть даже это стоит ему жизни.

У моряков нравственное поведение, обозначаемое отвлеченным термином «патриотизм», издавна выражается в лаконичном: «Сначала женщины и дети!»

Эта фраза — нравственный итог осознания очевидно-го биологического факта: мужчины — легко восполняемый ресурс, в отличие от женщин и детей. Даже лишившись девяноста процентов представителей сильного пола, племя или нация уцелеет и сумеет продолжить род... но только если спасутся женщины и дети. Если нет — все, конец! Вы разделите участь тираннозавра, став еще одним видом, провалившим выпускной экзамен.

Спешу пояснить: женщины умеют сражаться и часто применяют свои умения на практике. Я знал немало железных бабuleк, с которыми предпочел бы пойти в разведку, чем с дюжиной уклонистов, безосновательно имеющих себя мужчинами. Во время Второй мировой моя

¹ Не за себя, за страну (*лат.*).

супруга три года оттрубила во флоте, потом еще десять лет была в запасе, и я безумно, от всей души горжусь ее военной службой. Как, собственно, горжусь всякой женщиной в форме; они — пример для нас, мужчин.

Тем не менее биология с математической точностью подтверждает, что дети и женщины репродуктивного возраста — наше главное сокровище, которое необходимо беречь как зеницу ока. Любая человеческая культура основана на принципе «Сначала женщины и дети!», и малейшее отступление от него быстро приводит к вымиранию.

Возможно, нам, как и прочим, суждено исчезнуть с лица земли. Цивилизации исчезали в прошлом, будут исчезать и впредь, это может случиться и с нами.

Не рискну предположить, насколько велики наши шансы на спасение. По-моему, любая нация, утратившая патриотический пыл, заранее обречена. В отсутствие этого основополагающего фактора конец — лишь вопрос времени. Не знаю, как широко распространилась зараза, но, на мой взгляд, в последние пятьдесят лет ситуация заметно усугубилась. Возможно, меня сбивает с толку оскорбительное поведение громогласного, но незначительного меньшинства... однако, по моим ощущениям, патриотизм сильно сдал позиции.

Хотелось бы ошибаться... в противном случае я не дам и двух центов за то, что Америка протянет хотя бы до конца этого столетия.

Но навязывать патриотизм нельзя. Его не привить законами, не купить за миллиарды долларов.

Вы, господа слушатели, настоящие счастливчики, ибо обучаетесь в вузе, где эта ключевая добродетель внушается и ежедневно подкрепляется наставлениями и примером. Недостаточно знать, чем Чарльз Нобель зарабатывал на жизнь, почему дикую кошку называют дикой и на каком линкоре команде не налили рюмочку; мало разбираться в матричной алгебре, навигации, баллистике, аэродинамике и ядерной энергетике. Все вышеперечисленное — лишь рабочие инструменты вашей профессии,

их можно изучить где угодно; чтобы получить их, не нужно проводить «четыре года в том заливе, где Северн сходитсся с прибором»¹.

В стенах Академии главное — проникнуться традициями службы. Главной аудиторией для вас станет Мемориальный зал. Главным уроком — ощущения, которые вы испытаете, поднявшись по ступеням и глядя на изрешеченный пулями флаг, на надпись «Не сдавать корабля!» под сводчатой аркой.

Если зрелище не вызовет никаких эмоций, вам здесь не место. Но если при взгляде на потрепанное полотнище у вас побегут мурашки, знайте, это чувство навсегда, с годами оно будет только обостряться... пока не достигнет пика в день, когда вы вернетесь и прочтете свой список павших героев — однокурсников, однополчан, друзей. Прочтете с горечью и гордостью, едва сдерживая слезы.

Пришло время подвести итоги. Как я уже говорил, патриотизм созвучен выражению «Сначала женщины и дети!». Его нельзя навязать, им можно только проникнуться по доброй воле. В качестве примера хочу рассказать об одном человеке. Он не носил мундира, никто не знает, кто он и откуда; известен лишь его поступок.

Шестьдесят лет назад, когда я был ребенком, по воскресеньям родители водили меня с моими братьями и сестрами в Свон-парк. Для детворы там было настоящее раздолье: площадки для пикника, озера, зоопарк. Но посреди этой красоты тянулась железная дорога...

Как-то в воскресенье через пути переходила молодая супружеская пара. Девушка не смотрела под ноги... и ее нога застряла в крестовине стрелочного перевода. Муж бросился помогать, но тщетно. Пока супруги пытались высвободиться, к насыпи подошел какой-то бродяга. Он бросился на помощь мужу, и они вместе попытались освободить ногу молодой женщины. Увы...

¹ Строки из гимна Военно-морской академии США

За поворотом раздался свисток невидимого паровоза. Возможно, мужчины успели бы предупредить машиниста, а возможно, и нет. Так или иначе, оба не двинулись с места и продолжали вызволять несчастную... Поезд сбил всех троих.

Женщина скончалась на месте, смертельно раненный муж умер чуть погодя, бродяга тоже погиб — и, по заверениям свидетелей, никто из мужчин не пытался спасти.

Самоотверженность супруга понятна: именно так полагается поступать любящему мужу, чье право, чей священный долг — умереть за свою женщину. Но как объяснить поведение безымянного бродяги? Ведь он мог отпрыгнуть в любой момент. Мог, но не отпрыгнул и до последнего пытался спасти совершенно незнакомую ему женщину. И это все, что мы знаем о нем.

Так человек умер.

Так человек жил!

Они не состарятся, как стали мы старыми,
Не тронет их время — ему неподвластны они.
На солнца закате и утром туманным
Их будем помнить мы!¹

*Эпитафия на могиле
неизвестного шотландского солдата, Эдинбург*

¹ Строки из «Оды памяти» английского поэта и драматурга Лоуренса Биньона.

ПОЛЬ ДИРАК, АНТИМАТЕРИЯ И ВЫ

Загадка

Что общего у:

- 1) выпускника Кембриджа 1926 года;
- 2) взрыва квазаров миллиарды лет назад;
- 3) уничтожения сибирской тайги в 1908 году;
- 4) взрыва Галактики десять миллионов лет назад;
- 5) трека, зафиксированного камерой Вильсона в Пасадене, штат Калифорния, в 1932 году.

Ответ: пункты 1 и 5 — *наверняка*, а остальные — возможно связаны с антиматерией.

(АНТИматерией?)

Да, это то же, что и обычная материя, только с противоположными знаками электрического заряда частиц. Атомы материи состоят из одного или нескольких нуклонов и одного или нескольких электронов, суммарный заряд равен нулю. В состав атомного ядра водорода входит положительно заряженный протон, окруженный отрицательно заряженным электроном. Масса протона в 1836,11 раза больше массы электрона, однако заряды частиц равны и прямо противоположны: $+1 - 1 = 0$. Уран-235 (или ${}^{92}_{235}\text{U}$, что означает «изотоп элемента урана с атомным номером 92 и атомным весом 235») включает 235 нуклонов: 143 нейтрона с нулевым зарядом и 92 протона с положительным зарядом ($143 + 92 = 235$, отсюда и название); 235 нуклонов окружают 92 отрицательно заряженных электрона, поэтому суммарный заряд равен нулю: $0 + 92 - 92 = 0$. Атомный вес, вычисляемый как масса всех нуклонов, никогда не равен нулю.

Сделаем электроны положительными, а протоны отрицательными, и соотношение зарядов останется прежним; атомный вес не изменится — но это будет уже *не* атом материи, это будет антиатом антиматерии.

«Руки прочь!»

В антиматериальном мире антиматерия ведет себя так же, как материя. Тесто поднимается, оружие убивает, поцелуи дурманят. Если бы вы были из антиматерии, вы бы этого даже не заметили.

ВНИМАНИЕ! Если вы материальны (иначе вы бы не смогли читать эту книгу), *не вздумайте* целовать антиматериальную девушку — вас обоих разнесет в клочья.

Впрочем, такую девушку вы не встретите, и ваши внуки тоже. (А вот насчет праправнуков сомневаюсь.)

$$E = mc^2$$

Антиматерия — отнюдь не научно-фантастический кошмар, она так же материальна, как штат Техас.

Тем выпускником Кембриджа из загадки был Поль Дирак, пытавшийся на математическом уровне объединить специальную теорию относительности Эйнштейна с квантовой теорией Макса Планка. Обе теории оправдывали себя, но противоречили друг другу. Дирак хотел совместить их, устранив противоречия.

И преуспел в этом.

Его уравнения опубликовали в 1928-м, а уже в 1930-м на их основе Дирак сделал сенсационный прогноз: якобы у каждой частицы есть аналог с обратным зарядом — «антиматерия».

Ученые в первую очередь люди, им не чужды человеческие слабости; свою картину мира они оберегают так же ревностно, как кот — любимое кресло. К 1930 году уютный физический мирок, сложившийся в XIX веке, пережил не одно потрясение. Очередное кощунство оскорбляло всяческий здравый смысл.

Однако в 1932 году Карл Андерсон из Калифорнийского технологического института сфотографировал и пре-

доставил снимок античастицы электрона (аналога электрона с положительным зарядом, получившего название «позитрон»). Редкая радикальная теория удостоивалась столь быстрого признания и незамедлительной награды: Дирак получил Нобелевскую премию в 1933-м, Андерсон в 1936-м — причем обоим едва перевалило за тридцать.

Бум открытия античастиц, начавшийся в 1932 году, развеял последние сомнения: каждой, без исключения, частице материи соответствует частица антиматерии. Однако соответствие не всегда исчерпывается простой разницей заряда (положительный и отрицательный), как в случае с электроном (e^-) и позитроном (e^+). Например, фотоны — сами себе античастицы. Нейтроны и нейтрино (с нулевым зарядом) соотносятся с антинейтронами и антинейтрино, чей заряд тоже равен нулю, — на выходе получилась бессмысленно-громоздкая конструкция, поскольку английский совершенно не годится для научных фактов; в точной физике уместен лишь язык абстрактной математики. (Попробуйте написать партитуру симфонии одними словами, *без помощи нот.*)

Даю подсказку: в ряде химических реакций электроны и протоны испускают нейтроны. Пример — так называемый «Солнечный феникс» (теория солнечной энергии Ханса Бете). Если опустить детали, то «Солнечный феникс» можно представить как процесс превращения четырех атомов водорода (четыре ${}^1_1\text{H}$) в один атом гелия (${}^4_2\text{He}$). Спустя шесть стадий первоначальная комбинация из четырех протонов и четырех электронов трансформируется в два нейтрона, два протона и два электрона. Обратите внимание: все это очень приблизительно, неточно, без формул, здесь не упоминаются ни задействованные изотопы, ни процесс возникновения позитронов и высвобождения энергии посредством взаимной аннигиляции позитронов и свободных электронов, а также другие факторы — в частности, тот, что добиться подобной реакции можно различными способами.

(Но в этом и заключается коварство английского, да и *любого* вербального языка, — ни один из них не заменит язык абстрактной математики.)

Преобразований, в ходе которых антипротоны и позитроны испускают антинейтроны, великое множество. Два вышеописанных — всего лишь примеры, но существует и масса других, которые чуть ли не ежедневно прогнозируют на бумаге и подтверждают на практике; во многих, точнее, в большинстве таких серий преобразований участвуют античастицы антиматерии.

Тем не менее в нашем уголке Вселенной антиматерии наберется разве что с ноготок — и слава богу, ибо при ее соприкосновении с простой материей обеих ждет тотальная аннигиляция. После чудовищной истины, продемонстрированной в Хиросиме, все накрепко усвоили формулу $E = mc^2$, которая гласит, что энергия эквивалентна массе, а масса — энергии; точнее, энергия равна массе, помноженной на скорость света в квадрате.

Развить подобную скорость практически невозможно. Наши астронавты путешествовали к Луне со скоростью чуть меньше семи миль в секунду; свет перемещается почти в двадцать семь тысяч раз быстрее, развивая 186,282,4 ($\pm 0,1$) миль или 299,792,5 ($\pm 0,15$) километров в секунду. Округлим последнюю цифру до трехсот тысяч, потом, пользуясь сопоставимыми единицами измерения (граммы, сантиметры, эрги), выразим ее в сантиметрах, как 3×10^{10} , а после возведем в квадрат и получим 9×10^{20} или 900 000 000 000 000 000 000 (!!!).

Невероятное число буквально вопиет: «Смотрите, как крохотная масса вещества способна превратиться в сокрушительный заряд энергии, и мрачное доказательство тому — Хиросима».

Однако максимальная мощность распада U-235 составляет примерно 0,1%; фактическая же мощность атомной бомбы еще ниже (о чем опять-таки свидетельствует Хиросима), а водородная уступает ей даже в максимуме (мощность последней можно увеличить за счет размера; все атомные бомбы имеют в этом плане строгое ограничение). Не важно, имеем мы дело с распадом или с синтезом, — реакционная масса в любом случае либо расщепляется, либо синтезируется в другие элементы; лишь мизерный процент переходит в энергию.

При взаимодействии материи с антиматерией и та и другая полностью превращаются в энергию. «Двести процентов эффективности», — сказал бы любой инженер, ведь в процессе аннигиляции антиматерия превращает равный объем материи в чистую энергию.

Математические физики

Физик-экспериментатор разгоняет частицы до 99,9% скорости света с помощью дорогостоящих гигантских ускорителей или иногда с помощью приборов, собранных на коленке из подручных материалов. Не важно, большие они или маленькие, дешевые или дорогие, но физик работает с *реальными предметами*.

Математический же физик пользуется только бумагой, карандашом и мозгами. А мозг у него особый, не чета вашему или моему, если только вы не относитесь к счастливым обладателям «математической интуиции».

В данном контексте математическая интуиция — термин, призванный объяснять необъяснимое. Это дар, а не навык, который можно развить или приобрести. Даже высшая математика («высшая» для дилетантов), включая исчисления высшего порядка, преобразование Фурье, n -мерную и неевклидову геометрию, по сути — самые обычные навыки, требующие изрядного терпения и банальной эрудиции... однако *придумали* их люди с пресловутой математической интуицией.

Как часто мы слышим: «Ну не дается мне математика, хоть тресни!» Причин тому может быть несколько: умственная неполноценность (вряд ли), лень (уже теплее), плохое учителя (горячо). Примечательно, что в большинстве случаев людям «не дается» банальная арифметика — суший пустяк для любого математика. (Однако *создать* ее — дело отнюдь не пустяковое. Придумать ноль, позиционную систему счислений, точку, отделяющую целое от дробной части, под силу только гению; попробуйте заполнить налоговую декларацию римскими цифрами.)

Из миллиардов ныне живущих и уже покойных людей лишь несколько тысяч могли похвастаться математиче-

ской интуицией; из-за сопутствующих обстоятельств реализовать свой талант сумела буквально пара сотен; и только часть стала математическими физиками. Тех, кто внес весомый вклад в физику, еще меньше, но без них науки не было бы и в помине. Математическая физика лежит в основе *всех* наук. Всех, без исключения.

Математические физики периодически сравнивают коллег-экспериментаторов с отчаявшимися сантехниками; экспериментаторы ворчат, что теоретикам нужен поводырь, пока они окончательно не заблудились в своих дебрях. Однако теория и практика неотделимы друг от друга. Одних фактов для науки недостаточно, они хороши *только* вместе с теорией. Голые факты лишены смысла и ограничены в употреблении; обоснованная теория значительно расширяет их возможности. Обоснованной же теория считается, когда ее подтверждают *все* сопутствующие факты. По сути, «закон природы» — это неоднократно подтвержденная теория; стоит единственному факту опровергнуть непреложный на первый взгляд закон, как тот снова возвращается в категорию «приблизительных». Тогда ученые бросаются на поиски более гибкой теории, способной объять старые факты и заупрямившийся новый.

«Законы природы» пятисотлетней давности сегодня уже неактуальны, а современные наверняка условны — да, они неплохи, но не совершенны. Кое-кто из ученых, в частности Поль Дирак, полагал, что совершенство вообще не достижимо.

Сильная теория не только примиряет старые факты с новыми, но и ведет порой к неожиданным открытиям. К важным вехам в науке относятся: гелиоцентрическая теория Коперника и созданная на ее основе теория криволинейных траекторий Кеплера, законы движения и теория всемирной гравитации Ньютона, уравнения Максвелла, объединившие электричество с магнетизмом, квантовая теория Планка, теория относительности Эйнштейна, синтез квантовой теории и специальной теории относи-

тельности, предложенный Дираком, — список можно дополнить, но буквально парой-тройкой пунктов.

Физики-теоретики стремятся создать математическую структуру, охватывающую все пространственно-временные явления: от прошлых до будущих, от бесконечно малых до невероятно больших, отдаленных во времени и пространстве; они стремятся к «единой теории поля», которая вместила бы от десяти до двадцати миллиардов обычных и световых лет (скорее всего, около восьмидесяти миллиардов) — а возможно, и вечность в бесконечности множественных вселенных.

Хоть какой-то порядок!

Вот чего добиваются физики. Ньютон достиг колоссальных успехов. Эйнштейн тоже. Пятьдесят лет назад Дирак совершил знаковый прорыв и по сей день продолжает плодотворно трудиться на этой ниве.

Дирака можно по праву считать самым выдающимся физиком-теоретиком из ныне живущих.

Дирак, Ньютон и Эйнштейн — гении, не уступающие друг другу.

Поль Адриен Морис Дирак

Претензии экспериментаторов к физикам-теоретикам не совсем безосновательны. Ньютон всю жизнь пренебрегал прекрасным полом. Эйнштейн забывал о такой мелочи, как носки. Один физик-теоретик, изменивший ход Второй мировой войны, не умел управляться с отверткой.

Дирак не из таких.

Помимо гениальности Дирака от основной массы людей отличала лишь крайняя нелюбовь к праздной болтовне. (Его студенты в Кембридже даже придумали единицу под названием «дирак» — одно слово на световой год.) Его лекции и сочинения поражают ясностью и лаконичностью. Немногословный, но не замкнутый Дирак в 1937 году благополучно женился на очаровательной венгерской леди, у них были сын и две дочери.

Он превосходно управлялся с инструментами, периодически собирал специальные приборы для своих уникальных экспериментов. Прежде чем переквалифицироваться в математического физика, Дирак получил диплом инженера, и это повлияло на всю его жизнь. Инженеры находят верные решения, опираясь на неполные данные; им не привыкать работать с приближенными результатами, кропотливые изыскания для них — пустая трата времени. Но если надо, истинный инженер всеми силами пытается добиться совершенства.

Дирак применил тот же подход к теоретической физике, и его выдающиеся успехи говорят сами за себя.

Поль Адриен Морис Дирак родился 8 августа 1902 года в Бристоле, Англия, и с детства проявлял недюжинные способности к математике. Отец снабжал мальчика учебниками и всячески поощрял заниматься самообразованием. Развлечения юный (а потом и зрелый) Поль предпочитал одинокие прогулки и учебу. Особенно плодотворно Дирак работает (и развлекается), ничего не делая и не говоря... пока его разум бороздит Вселенную.

Едва Дираку стукнуло шестнадцать, как он поступил в Бристольский университет, и в восемнадцать получил диплом электротехника. В 1923 году талантливый юноша благодаря гранту попал в Кембридж, альма-матер величайших математиков. За три года докторантуры он опубликовал двенадцать статей по математической физике, пять из них — в «Трудах Королевского общества». Юнцу с дипломом скромного вуза в принципе не светит публикация *ни в одном* научном журнале; один тот факт, что статьи двадцатидвухлетнего Дирака вышли в старейшем, самом уважаемом издании, заслуживает восхищения.

В мае 1926 года Дирак защитил докторскую диссертацию на тему «Квантовая механика» — крепкий орешек для самого искушенного физика. Впервые он занялся ею на первом году обучения в Кембридже и до сих пор порождает новые парадоксы; слово «квантовый» встречается в заголовках сорока пяти из ста двадцати трех статей, написанных Дираком за пятьдесят лет научной карьеры.

После защиты Дирак остался в Кембридже — преподавал, размышлял, печатался. В 1932 году, за год до получения Нобелевской премии, его удостоили редчайшего звания, которое носил в свое время Ньютон, — «лукасовский профессор математики». Дирак оставался в этой должности тридцать семь лет, вплоть до ухода из Кембриджа. За долгий кембриджский период ученый успел перебивать во всевозможных должностях: сотрудник Института передовых исследований (Принстон, штат Нью-Джерси), профессор Дублинского института передовых исследований и множестве других.

Математики, обладающие первоклассной интуицией, часто выгорают молодыми. Но только не Дирак! Он, как Микеланджело, начал свой путь в ранней юности, не останавливался ни на минуту и до сих пор находится в расцвете сил. Возможно, антиматерия — не главный его вклад в науку, однако ключевые достижения ученого слишком трудны для понимания, их невозможно передать простыми словами. Сюда относится и математическое свойство частиц, именуемое «спин», и статистика Ферми–Дирака, и абстрактно-математическая теория эфира, предложенная взамен понятия «прозрачный эфир», используемого в классической механике. Понятие «прозрачный эфир» применялось в физике на протяжении многих веков, «физическая реальность» этого эфира через доказательства от противного признавалась то аксиомой, то фактом. Однако и аксиома, и от противного — вещи коварные; в 1887 году эксперимент Майкельсона–Морли опроверг физическую реальность эфира, а последующие опыты с различными вариациями этого эксперимента неоднократно подтвердили это.

Поэтому Эйнштейн начисто исключил эфир из разработки теории относительности — в то время как менее одаренные умы отрицали очевидные факты и продолжали цепляться за классическое представление об эфире без малого сорок лет.

Абстрактно-математическое понятие эфира, введенное Дираком около 1950 года, нашло более широкое при-

менение, поскольку не связано с парадоксами эфира классического. Дирак неоднократно предостерегал: математические уравнения — не картинки, их нельзя визуализировать, как Тадж-Махал или булку хлеба. Уравнения суть *правила*, определяющие пространственно-временные явления, а *не* картины. (Возможно, в этом ключ к невероятным успехам ученого.)

Еще один пример выдающегося ума Дирака — его усовершенствование концепции «космического яйца» Жоржа Леметра, известной теперь всем и каждому под названием «Большой взрыв».

Награды Дирака не поддаются исчислению: член Лондонского королевского общества, лауреат Королевской медали и медали Копли, множественные почетные звания (от которых он неизменно отказывался), зарубежный сотрудник Американской академии наук, Мемориальная премия Оппенгеймера и главное достижение, которое Дирак особенно ценит, — орден Заслуг Великобритании.

Дирак отправился на «покой», приняв должность профессора Государственного университета Флориды, где и по сей день плодотворно трудится над теорией гравитации.

В 1937 году ученый предположил, что «гравитационная постоянная» Ньютона в действительности — сокращающаяся переменная... однако степень сокращения слишком мизерна, поэтому определить ее не представлялось возможным, по крайней мере в то время.

Спустя тридцать семь лет появились первые данные. В июле 1974 года Томас ван Фландерн из Военно-морской обсерватории США предоставил отчет, согласно которому гравитация ежегодно сокращается на одну десятиллиардную ($1/10^{10}$ в год). Казалось бы, эта величина незначительна, однако в масштабах астрономического и геологического времени она поистине *огромна*. Если гипотеза подтвердится и математическая теория Дирака окажется верна, мир физики ждет колоссальное потрясение — более сильное, чем пережитые им в 1928 и 1930 годах.

Вот неполный перечень дисциплин, которых коснутся радикальные перемены: физика — от микрофизики до астрофизики, астрономия, геология, палеонтология, метеорология, химия, космология, космогония, геогения¹, баллистика. Еще рано рассуждать о последствиях этого для биологии и медицины, однако мы живем в физическом мире, где гравитация — основа основ.

Разумеется, теория эволюции тоже не останется в стороне. Кроме того, понимание гравитации способно привести к поистине грандиозным переменам в инженерном деле, их легко можно представить.

Антиматерия и вы

Всех космологий не перечесать; астрофизикам нравится «изображать Бога». Развлекаться можно долго и со спокойной душой, ибо вопросы чересчур пространны, данные — крайне противоречивы, именно поэтому ни одну космологию нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Но с 1932 года понятие антиматерии стало неотъемлемой частью любой теории относительно космоса. Большинство космологов сходятся во мнении, что во Вселенной (или вселенных?) антиматерия присутствует наряду с материей. А вот их соотношение постоянно вызывает споры. Одни считают, что в среднем каждая вторая звезда в нашей Галактике состоит из антиматерии. Другие, опасаясь переизбытка антиматерии на квадратный метр, видят ее в каждой второй галактике. Третьи противопоставляют антивселенную нашей Вселенной — у нас антиматерия возникает в исключительных случаях, когда частицы энергии сталкиваются на большой скорости, порождая античастицы. Четвертые говорят о существовании нескольких вселенных, общее число которых иногда сводится к бесконечности.

Благодаря конечной скорости света мы можем наблюдать несколько эонов Вселенной в динамике, а не рассматривать один кадр очень медленно движущейся кино-

¹ Геогения — теория образования земного шара.

ленты. Современные устройства позволяют заглянуть не только в отдаленные уголки космоса, но и одновременно в отдаленные моменты времени, тем самым давая основу для относительной проверки очередной предложенной теории. В 1983 году один из космических челноков отправит на орбиту большой космический телескоп, разрешающая сила которого в двадцать раз превосходит самые мощные наземные телескопы, — следовательно, детализация изображений возрастет в двадцать раз и у ученых наконец появится возможность вернуться к «началу» того, что называют Большим взрывом.

(Вопрос: Что было *до* начала? Ответ: Это *вы мне* скажите.)

Когда детализация улучшится еще в два раза — а рано или поздно это произойдет, — что мы увидим? Пустое пространство? Или собственные затылки?

(Вопрос: А какое *мне* дело? Ответ: Минута терпения...)

Ближайшая к нам звезда представляет собой троичную систему, одна из звезд напоминает наше Солнце и может иметь планету, похожую на Землю, — заманчивый повод пересечь межзвездное пространство. Предположим, упомянутая система состоит из антиматерии — и БАБАХ! Задет один космический корабль.

(Да здравствует нулевой прирост населения! К дьяволу бессмысленные скитания по Галактике!)

Теперь поговорим вот о чем. 30 июня 1908 года на Сибирь упал метеорит, его ослепительный свет был виден на тысячу миль, а «оглушительный» рев слышали в радиусе пятисот миль. Из-за мощного подземного толчка экстренно затормозил поезд, находившийся в четырехстах милях от места столкновения. К северу от села Ванава ударной волной убило полторы тысячи оленей.

Беспорядки, война, революция — в результате расследование отложили на девятнадцать лет.

Но есть очевидные факты: масштаб разрушений составляет сотни квадратных миль. Поваленные исполинские деревья свидетельствуют о чудовищной силе удара.

Метеорит из нашей Галактики столкнется с Землей на скорости пятьдесят миль в час.

Доберется ли до нас *внегалактический* метеорит?

Ну разумеется! Единственный недосыгаемый (но теоретически возможный) маршрут пролегает вдоль Млечного Пути, в остальном же небо — как открытая автострада; выйдите вечером на улицу и убедитесь сами.

Антиметеорит из антигалактики сумеет пробиться через экстремальный вакуум, теряя по антиатому при каждом столкновении с обычным атомом. Допустим, до Земли долетит лишь один фунт антиматерии.

Даже при нулевой скорости *один фунт антиматерии*, столкнувшись с нашей планетой, вызовет разрушения, сравнимые с ударом *двадцати восьми тысяч тонн* материи на скорости пятьдесят миль в час.

Сегодня никто не знает, как накапливать антиматерию, как управлять ею и использовать ее для защитных или военных целей. Эксперты уверяют, что это в принципе невозможно.

Однако...

Вот два наглядных примера «экспертных» прогнозов: Роберт Милликен, лауреат Нобелевской премии, посвятивший полвека исследованию зарядов и свойств атомных частиц, выдающийся специалист в сфере квантовой механики и прочих областях, заявил, будто любая энергия, извлеченная из атомов, не сдвинет даже орешка на прилавке. (Справедливости ради добавлю, что Милликена поддержало большинство коллег — как и в следующем примере.)

Форест Рэй Молтон, светило баллистики, ведущий специалист по астрономии в Чикагском университете, в 1935 году опубликовал статью, где категорически отрицал «малейшую вероятность подобного путешествия», а спустя тридцать четыре года весь мир наблюдал полет «Аполлона-11» на Луну.

В 1938 году, когда на Земле не было ни грамма чистого урана-235, а также технологий по его добыче и конт-

ролю, Лиза Мейтнер с помощью математики подтолкнула мир к созданию атомной бомбы. Меньше чем через семь лет первая такая бомба взорвалась «подобно тысяче солнц».

Нет *ни единого* шанса накапливать антиматерию?

Нельзя управлять ею?

Отрицательный (и неверный) ответ для вас... для меня, для всех на свете означает...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У меня нет прав редактировать данную статью, поскольку авторские права принадлежат Британской энциклопедии; собственно, писалась она на заказ. Честно говоря, текст нуждается не в редакции, а в дополнениях.

1) По словам Джонатана Поста («Омни», май 1979 года), женеvские ученые на протяжении *восемидесяти пяти часов* удерживали пучок антипротонов в накопительном кольце. Не могу ничего добавить к вышесказанному, ибо пока (ноябрь 1979 года) новых сведений не поступало. Думаю, общая масса была невелика (иначе Женева исчезла бы с лица земли) — практикуемый там способ хранения в принципе не рассчитан на большие объемы или, как в данном случае, на совокупность малых объемов.

Поражает *сам факт наличия* такого пучка. Правда, выше я предсказывал его появление — но не в обозримом будущем! Однако он появился по меньшей мере десять месяцев назад, спустя всего четыре года после написания статьи.

Слишком рано, пугающе рано! Да, масса антипротонов наверняка мизерна, но, когда доктор Лиза Мейтнер своими уравнениями напороочила атомную бомбу, очищенного урана-235 не хватило бы даже на то, чтобы прихлопнуть комара.

Как скоро какой-нибудь недоброжелатель заложит на Манхэттене КРУПНУЮ партию весом, скажем, в унцию? Если наш недруг активирует магнитный контейнер с помощью таймера или девяти других кустарных приборов, которые легко собираются на кухне, он вполне успеет добраться до Сингапура — а здесь все взлетит на воздух. А может, он решит пере-

браться в Трентон и оттуда полюбоваться плодами своих трудов — о свидетелях беспокоиться нечего, не уцелеет никто.

Слишком масштабно? Нелепо? Затратно? Ответа пока не знаю ни я, ни кто-либо другой на планете... Ни в коем случае не призываю тащить ускоритель частиц ЦЕРНа через таможенную Хобокена¹... но спешу напомнить: первый действующий реактор (из Чикагского университета) обладал солидным весом, однако в Хиросиму доставили не его. В Японию отправилась бомба под красноречивым названием «Малыш». Сейчас такие можно запускать из восьмидюймовых пушек. Что касается «портфельных» бомб — замените портфель на чемодан; остальные комплектующие находятся в открытой продаже и спокойно приобретаются за наличные в любом городе.

Антиматерия может оказаться в разы компактнее, легче и проще в эксплуатации.

2) Переменная константа: доктор Томас ван Фландерн продолжает активно работать над гипотезой Дирака относительно гравитационной постоянной. Согласно последним известным мне данным, гравитационная постоянная сокращается на $3,6 \pm 1,8$ доли в течение 10^{11} лет. Поразительно, насколько точен был Дирак в своем прогнозе (в 1937-м называлась цифра 5,6), несмотря на трудности, сопряженные с вычислениями. Однако все расчеты опирались на гипотезу Большого взрыва, согласно которой возраст Вселенной составляет восемнадцать—двадцать миллиардов лет. Тем не менее самая убедительная гипотеза — всего лишь гипотеза. Если Вселенная окажется старше (а основания думать так есть, и их немало, причем усовершенствования теории Леметра постоянно приводят к увеличению этого числа), версия Дирака может подтвердиться с минимальной погрешностью.

Приведенные выше сведения взяты из статьи доктора Герберта Фридмана, сотрудника Военно-морской исследовательской лаборатории. Недавно наши «иррегулярные силы» с Бейкер-стрит взяли ван Фландерна на карандаш; если до выхода статьи появится новая информация, непременно добавлю ее в текст.

3) Откройте прогноз № 14 в статье «Куда идем?». В Военно-морской академии я благополучно проспал курс физики, поэтому к знаниям, полученным в старшей школе, не добави-

¹ Хобокен — один из крупнейших портов Нью-Йоркской агломерации.

лось ровным счетом ничего. Я и помыслить не мог, что в этот самый момент в Кембридже юноша, старше меня на каких-то пять лет, переворачивает мир с ног на голову. Этот молчаливый, вежливый и учтивый джентльмен войдет в историю как *enfant terrible* от физики. В XX столетии естественные науки пережили величайший в истории переворот, и страсти не улеглись до сих пор. Появлением свыше двухсот «элементарных» частиц (и неутрачивающему скандалу) мы обязаны исключительно Полю Дираку. За пятьдесят лет усердной работы он описал соотношение спина и магнетизма электрона с помощью единого простого уравнения, приведшего к открытию антиматерии.

На изучение перспектив, открываемых уравнением Дирака, тратятся тысячи человеко-часов и миллионы долларов, но конца и края по-прежнему нет. Четыре взаимодействия (сильное, слабое, гравитационное, электромагнитное) никак не желают сводиться в единую систему. Эйнштейн умер, не успев закончить работу, Хокинг молод, но тяжело болен, сам Дирак уже в том возрасте, когда лучше не лазить по стремянкам (мне ли не знать, ведь я немногим моложе).

Всем известна формула $E = mc^2$; она проста и лаконична. Уравнение Дирака, сыгравшее в физике не меньшую роль, известно лишь профессиональным ученым — оно слишком заковыристо и содержит символы, незнакомые простому обывателю. Привожу его здесь без всяких пояснений. Для расшифровки прочтите свежую статью по квантовой механике: узнаете много интересного из области высшей математики. Удачи! Она вам понадобится.

$$\iiint [|\Psi_1|^2 + |\Psi_2|^2 + |\Psi_3|^2 + |\Psi_4|^2] \, dx dy dz = 1$$

ПОСЛЕДНИЕ СВОДКИ:

Ньютонова гравитационная «постоянная» — *на самом деле* убывающая переменная.

Незадолго до отправки рукописи в Нью-Йорк Томас ван Фландерн передал мне через нашего общего друга, доктора Едзи Кондо (астрофизика из Центра космических полетов имени Годдарда), сигнальный экземпляр с результатами своих недавних изысканий, которые все больше подтверждают версию Дирака 1937 года. В ее пользу говорят и ДВА ДРУ-

ГИХ, ПРИНЦИПИАЛЬНО РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДА. Согласно всем трем, гравитационная постоянная со временем убывает.

Я только что переговорил с ван Фландерном по телефону. С присущей ученым осторожностью он не сказал, что «подтвердил» предсказание Дирака... но все данные на сегодняшний день его подтверждают, и ему неизвестны противоречащие идее Дирака факты. Потом он добавил, что некоторые из коллег с ним не согласны.

Мне осторожничать ни к чему: этот человек поставил точку в затяжной полемике, развеял последние сомнения. Двадцать с лишним лет непрерывного изучения сводных данных о Луне посредством атомных (цезиевых) часов, автоматически синхронизированными с затмениями звезд, подкрепленные как триангуляцией, так и радиолокацией, проверенные и перепроверенные аналогичными работами, выполненными на внутренних планетах другими астрономами из других обсерваторий... Разумеется, он может ошибаться... а я могу стать президентом США!

Равно как и Дирак, ван Фландерн — человек эпохи Возрождения, но на целое поколение моложе его (38 лет). Бакалавр математики университета Ксавье в Цинциннати; доктор астрономии в Йеле; специалист еще по трем дисциплинам: биохимии, питанию, психиатрии. (Он вообще спит?!)

Перечитайте список наук, который затронут перемены, и задраивайте люки! Дирак вновь совершил невозможное, и наш мир уже не будет прежним.

БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ

Памяти доктора Эдварда Э. Смита

Август 1940-го, по проселочной дороге близ Джексона, Мичиган, мчится «шевроле»-седан 1939-го года выпуска. За рулем Док Смит¹, я сижу рядом, душа в пятках, но изо всех сил стараюсь не ударить в грязь лицом перед автомобилем «Галактического патруля». Док вдавливает педаль газа в пол... потом склоняет голову к плечу и, упираясь затылком в раму открытого окна, пытается уловить, не скрипит ли кузов.

Попробуйте принять такую позу — *ни в коем случае не на ходу*, а в припаркованной машине — и обзор упадет практически до нуля.

Забыл добавить: в тот день Док был без очков.

Вот ясное и наглядное свидетельство его незаурядного чутья, почти сверхчеловеческих рефлексов, способности мгновенно обрабатывать необходимую информацию и быстро принимать верное решение.

Чем не Серый Ленсмен?

По-моему, вылитый. Больше скажу: никто так не походил на своего персонажа (не по внешности, а в смысле талантов и ума), как скромный доктор, его создатель.

Док умел буквально все, и если что-то делал, то быстро и на совесть. В тот раз он выбирал и тестировал для меня подержанный автомобиль. Отвергнув множество вариантов, он в итоге остановился на упомянутом «шевроле». Я купил его не колеблясь. Запомните дату: август

¹ Эдвард Элмер Смит получил среди поклонников своего таланта прозвище «Док», поскольку в его книгах всегда упоминалось о докторской степени автора.

40-го. Через год мы вступили в войну и прекратили выпуск автомобилей. Машина прослужила мне верой и правдой целых двенадцать лет. Когда я все же решился ее продать, наш постоянный механик первым встал в очередь на покупку... ведь даже спустя тринадцать с лишним лет и несколько сотен тысяч миль мой седан оставался отличным автомобилем. Док не упускал ни малейшей детали.

Как называлась коняшка? Разумеется, «Жаворонок-пять».

Насколько мне известно, Док не умел только играть на цимбалах (впрочем, не удивлюсь, если он просто скрывал свое музыкальное дарование). Вот перечень профессий, в которых, как я знаю, он преуспел.

Химик и химик-технолог, — если вы принимаете эти специальности за одну, значит вы не химик и не технолог. (Моя супруга — химик и по совместительству авиационный инженер, но никак не технолог. Разобрались? Нет? Тогда задержитесь после урока.)

Металлург — непостижимое искусство на обманчивой границе темной магии и науки.

Фотограф — все металлурги профессиональные фотографы, но не обязательно наоборот.

Лесоруб.

Специалист по химии зерновых культур.

Повар.

Химик, ответственный за разработку испытания и приемку взрывчатых веществ.

Кузнец.

Слесарь-механик высшей категории.

Плотник.

Шахтер — смотрите четырнадцатую главу «Первого Ленсмена» под названием «Шахта». Эта глава написана человеком, который *был* там. Ее одной достаточно, чтобы опровергнуть распространенное заблуждение, будто научная фантастика прекрасно обходится без науки. Кто спросил: где там наука? Сплошной профессиональный

сленг и наглядное изображение горнодобывающих процессов...

Копните чуть глубже — наука (и не одна!) лежит буквально на поверхности... ею проникнуто каждое слово. Я сорок лет — конечно, с перерывами — работал на рудниках, и меня можно обмануть в чем угодно, но только не в этом.

Или возьмем роман «Космические гонимые», главы с третьей по четвертую, страницы сорок—восемьдесят и в особенности — страницу пятьдесят два издания «Фэнтези пресс», где выдающиеся познания и навыки главного героя, «Стива» Стивенсона, его умение смастерить из груды металлолома все необходимое для спасения себя и Нади целиком и полностью позаимствованы у автора. Мы с Доком детально обсуждали обе главы, и я доподлинно убедился, что он, Эдвард Элмер Смит, справился бы с этим нелегким делом не хуже своего протагониста... а мне, инженеру-технологу, не повесишь на уши лапшу. (Впрочем, не в правилах Дока вешать людям на уши лапшу; его всегда отличали бескомпромиссная честность и отвага.)

Какими еще талантами он обладал? Пожалуй, талантом распорядителя кадрили. Конечно, всякий умеет танцевать кадрили... но чтобы стать распорядителем, требуется немало усилий и времени. Понятия не имею, как он все успевал, — хотя чему удивляться, ведь Док постигал любую премудрость втрое быстрее простых смертных.

И он, и его очаровательная Дженни были на редкость радушными хозяевами. Помню, я останавливался у них, когда в доме гостило еще *девять* человек — и супруги не роптали, наоборот, радовались.

Но главное, Док Смит был истинным джентльменом, благородным рыцарем без страха и упрека.

И все вышеупомянутые качества нашли отражение в его историях.

Сегодня среди самопровозглашенных «критиков» принято нещадно ругать произведения Смита; под раздачу попадают сюжет, герои, диалоги, мотивация, моральные

устои, ценности и прочее. «Безнадежно устарело!» — вот один из самых мягких вердиктов. Однако, как говорил Эл Смит: «Давайте посмотрим фактам в лицо».

Эдвард Элмер Смит родился в 1890 году — за сорок лет до упадка американского языка; задолго до того, как в школы проникло идиотское понятие «скудный словарный запас»; и наконец, за полвека до необратимых лингвистических пертурбаций, когда частота употребления стала превалировать над правилами грамматики.

Как следствие, доктор Смит легко нашел применение своему богатейшему лексикону, предпочитая точные слова более распространенным и туманным. Он не чурался сложных конструкций, мастерски оперировал условным и сослагательным наклонениями, превосходно разбирался в изъяснительном. Док никогда не расщеплял инфинитивы, понимал разницу между «как» и «как будто», а ругательства сводил к прямой речи, где раскрывалась суть персонажей.

(«А эти диалоги! Жуть!») В произведениях Смита все протагонисты невероятно умны, образованны, отзывчивы, деятельны, скромны... и безумно похожи на автора — умного, образованного, отзывчивого, деятельного и скромного.

В повседневной речи Дока проскальзывали клише... которые благополучно перенимали его герои. Великий литературный грех? Сомневаюсь. В обычной жизни многие тяготеют к специфическому набору собственных устойчивых клише. Однако арсенал Дока был не в пример красочнее, особенно по сравнению с современной «риторикой», больше смахивающей на «семь слов, запрещенных к употреблению в телеэфирах». С таким вокабулярием сильно не разбежишься.

(«А эти нелепые любовные сцены!») Юность Э. Э. Смита пришлось на «лиловое десятилетие»; предполагаю, тогда же у него сформировалось отношение к прекрасному полу. В 1914-м, незадолго до начала войны в Европе, он познакомился с Дженни — и, клянусь, даже спустя сорок семь лет (последний раз мы виделись перед его смертью)

он не переставал удивляться и благодарить Небо за то, что это восхитительное создание согласилось связать с ним жизнь. Помните, как было принято изображать романтическую любовь в довоенные годы? А, вы еще не родились на свет. Ничего страшного, романы Дока вам в помощь. И здесь возникает важный вопрос. Действие саги о Ленсменах происходит в далеком будущем. Тогда почему в них преобладают современные (около 1979 года) отношения полов, а не те, что царили до 1914 года?

(Я утверждаю, что существует множество других возможных моделей. Но мы сейчас сравниваем только эти две.)

На мой взгляд, нынешняя модель отношений ведет прямым к вымиранию; будучи временной, она, по сути, является одним из многочисленных симптомов стремительных и губительных перемен, какие переживает (от каких умирает?) наша культура.

Напротив, ценности, которые были общепринятыми до 1914 года, при всех своих недостатках зиждутся на незыблемом восприятии мужчины как защитника женщин и детей. Они нацелены на выживание!

(«А эти банальные сюжеты!») Да, сюжеты банальны — и вот почему: различные ходы, представления о космосе, запутанные линии, внезапные повороты были в новинку, когда только-только вышли из-под пера Смита. Однако за последние полвека десятки фантастов заимствовали и переиначивали их на все лады, лишая самобытности и оригинальности. Типографская краска на «Жаворонке» не успела высохнуть, как появились сотни подражателей. Не переводятся они и по сей день — пигмеи на плечах титана.

Однако все мнимые огрехи «Жаворонка» меркнут по сравнению с главной (зачастую умалчиваемой) претензией: Док Смит категорически отвергал *всякую* мерзость, именуемую сегодня системой социальных ценностей.

Он верил в добро и зло.

Не разделял морального релятивизма, принятого у нео-(светских)-фрейдистов.

Отказывался признавать, что «посредственность» лучше «совершенства».

Не терпел жалоб на судьбу.

Не считал мужчин и женщин равными — с тем же успехом можно сравнивать яблоки с апельсинами. В его творчестве мужчины и женщины *разные*, у них разное предназначение, разные обязанности, функции. Но при всех различиях они дополняют друг друга и не могут существовать автономно.

Хуже того, в величайшем и самом масштабном произведении, саге о Ленсменах, насчитывающей шесть томов, Смит открыто заявляет: люди изначально не равны, а культ «простого человека» — весьма опасное заблуждение. Поэтому свой грандиозный роман автор строит на идее плановой генетической селекции, которая спустя тысячелетия позволит вывести новую высшую расу сверхлюдей... суперменов, способных защитить цивилизацию.

Сага о Ленсменах осталась незавершенной, планировался еще как минимум седьмой том. Док, по обыкновению, продумал все до мельчайших деталей, но (насколько мне известно) не записал... книгу просто-напросто не приняли бы к публикации — по крайней мере, тогда. Однако он успел рассказать мне концовку, тет-а-тет и по секрету. Раскрывать ее не стану — неэтично. Как знать, вдруг рукопись существует — очень надеюсь! Скажу только, что финал логически проистекает из намеков, разбросанных в «Детях Линзы».

А теперь мы сами по себе. Подлинный Серый Ленсмен покинул нас внезапно — срочное дело в дальних краях потребовало мастера к себе, лишив нас новых шедевров.

ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ

Второго июля 1979 года меня пригласили выступить на совместном заседании Специального комитета палаты представителей по делам престарелых (председатель — достопочтенный Клод Пеппер) и Комитета по науке и технологиям (председатель — достопочтенный Дон Фукуа). Тема заседания — «Космические технологии для пожилых и недееспособных».

Я смотрел на приглашение с энтузиазмом новобранного, которого срочно вызвали в жюри присяжных. Космические технологии? О да, я всегда слыл докой в космонавтике, межпланетных полетах, космических кораблях, освоении космоса, космических колониях — словом, во всем мало-мальски связанном с космосом.

Но «космические технологии для пожилых и недееспособных»? Почему не конференция по пчеловодству? Эстонским народным танцам? Трехпалым саламандрам? Тантрической йоге?

К решению проблемы я подошел, как и подобает женатому человеку.

— Милая, как бы мне получше выкрутиться?

— Легко. Скажи, что совершенно не разбираешься в вопросе. Хочешь, составлю ответное письмо?

— Не все так просто...

— Глупости. Кому охота ехать в Вашингтон, особенно в июле. В общем, не валяй дурака.

— Тебе ехать не обязательно.

— И отпустить тебя одного? Шутишь? Не для того я вытаскивала тебя с того света, чтобы ты умер посреди Вашингтона. Если ехать, то вместе.

После продолжительных раздумий я снова отправился к жене:

— Подведем итог. Мы оба знаем, что, вне зависимости от названия, любое слушание в комитете Конгресса сосредоточено вокруг главного — денег: сколько и кому выделять. Еще мы знаем, что космическая программа находится в плачевном состоянии. Вряд ли конференция исправит дело — похоже, космическую программу спасет только чудо, — но *вдруг!* Чудеса случаются. Единственная проблема: в заявленной тематике я полный профан.

— Ты уже говорил, причем раз двадцать, — напомнила супруга.

— Да, я полный профан — *пока*. Но к девятнадцатому июля стану настоящим экспертом.

— То же самое я говорила два часа назад.

У нас с Джинни имеется собственная доморощенная разведка, свои «иррегулярные силы» с Бейкер-стрит. Не важно, что интересует нас — билеты или банкеты, охрана или охра: в нашем окружении непременно найдется человек, сведущий в предмете, или знакомый знакомого, сведущего в предмете. Сутки спустя нам уже помогали двадцать ~~одуревших фанатов~~¹ самоотверженных граждан. Еще через трое суток информация потекла тонкой струйкой, через неделю струйка превратилась в поток, и я сел за письменные показания. Однако готовый текст пришлось забраковать — как раз появились гранки «Технологий для инвалидов и людей преклонного возраста» за авторством Труди Белл (НАСА, июль 1979-го). Брошюру на заседании должен был представить доктор Фрош, руководитель НАСА. Труди Белл потрудилась на славу —

¹ Так в оригинале.

95% моей писанины можно было смело выбрасывать в корзину.

Поэтому я сел и начал писать заново.

Нижеприведенный текст составлен из моих письменных и устных выступлений.

Господин председатель, леди и джентльмены...

С Новым годом!

Действительно, как прекрасно встречать новый, одиннадцатый год космической эры, величайшей — подчеркиваю, величайшей! — эпохи в нашей истории, невзирая на топливный кризис, загрязнение, перенаселение, инфляцию, войны и угрозы войны. «Все пройдет», а звезды пребудут.

Человечество заполонит космос с его бескрайними пространствами, безграничными запасами энергии и неисчислимыми богатствами. В этом у меня нет ни малейших сомнений.

Однако я сомневаюсь, что рабочим языком его будет английский. Население Соединенных Штатов, похоже, теряет уверенность в себе. Впрочем, не будем отклоняться от темы и поговорим о том, какую пользу из космических технологий могут извлечь люди преклонного возраста и инвалиды.

В любой отрасли шансы ученого — пятьдесят на пятьдесят, ведь не всякая теория находит подтверждение. Но в процессе научных изысканий *всегда* открывается нечто новое... и зачастую это новое оказывается важнее цели исследований.

В этом и заключается принцип случайного открытия, который давно пора приравнять к эмпирическому природному закону, настолько он незыблем.

Ввиду строгого ограничения полезной нагрузки по весу и объему сегодняшние исследователи космоса стремятся достигнуть большего через меньшее. Отсюда бесконечные до- и переработки с целью сделать каждый предмет меньше, легче, надежнее и прочнее. Как следствие, любое изобретение в данной области может с успехом переключаться в медицину... и принести пользу как

престарелым, так и недееспособным, ведь обе категории граждан как никто нуждаются в медицинской помощи.

В преклонном возрасте (от семидесяти и выше) мы все отчасти становимся недееспособными. Речь не о крайних случаях, когда человек пересаживается в инвалидное кресло, теряет зрение или хватается за костыли, — нет, старческая немощь редко бросается в глаза. Соответственно, каждый из нас не сегодня, так завтра окажется потенциальным пользователем побочных продуктов космических разработок.

(Свидетель демонстрирует брошюру НАСА.)

Не хочу повторяться и перечислять выгоды, описанные НАСА, но должен сказать: с цифрой «сорок шесть» НАСА явно поскромничало. В действительности прикладные программы исчисляются сотнями. Малейший прогресс непременно отзовется во втором, третьем и четвертом поколениях, а каждое поколение представлено великим множеством программ — побочные продукты дают новые побочные продукты, разветвляясь на манер дерева. Для наглядности вспомните, сколько применений нашли вакуумная лампа Ли де Фореста и транзистор доктора Шокли.

Распознать побочный продукт космических разработок довольно просто: если перед вами любого рода микроминиатюризация, миникомпьютеры, миниатюрные источники питания с длительным сроком эксплуатации, долговечные микропереключатели, дистанционные манипуляторы, усилители четкости изображения, компактная и передовая робо- или кибертехника, то знайте, что, *вне зависимости от нынешней сферы применения*, данное устройство предназначалось для космической программы.

Примеры:

Усилитель четкости изображения. Это чудо техники пропускает рентгеновский или флуоресцентный снимок через специальный компьютер, обрабатывает его и выводит на экран — или сохраняет для повторного воспроизведения. Иногда и то и другое. Он усиливает контраст, убирает шумы, убирает то, что мешает видеть нужную картинку и делает прочие волшебные штучки.

Восхитительная вещица улавливала слабые закодированные цифровые сигналы и трансформировала их в прекрасные, четкие фотографии поверхности Марса во время действия программы «Викинг». Она же подарила нам снимки Юпитера и его лун с «Вояджера». Это достижение науки я впервые увидел в 1977 году, в медицинском колледже при Аризонском университете, когда псу через длинный катетер вводили рентгеновский краситель в мозг. Животное даже не пискнуло; подробности ниже.

Я не слышал ни о каком усилителе, пока не увидел его демонстрацию, а о его связи с космической программой узнал буквально на днях. Думаю, врач тоже не был в курсе. Доктора пользуются инструментами, не догадываясь, что те возникли благодаря космическим разработкам... а пациенты разбираются в подобных вещах не больше, чем упомянутый пес с катетером.

Однако главный парадокс космических программ состоит в том, что сегодня тысячи людей обязаны жизнью побочным продуктам НАСА, но даже не подозревают об этом — и постоянно жалуются: зачем выбрасывать деньги на космическую дребедень, вместо того чтобы решать насущные проблемы здесь, на Земле?

«Зачем выбрасывать деньги!»

С такой философией Колумб остался бы дома.

На годовом бюджете НАСА наше Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения не протянет и десяти дней. Десятилетняя программа наблюдения за Луной стоила гражданам США каких-то *пять центов в сутки*.

Хотели бы вы оказаться на месте колясочника, попавшего в эпицентр урагана сродни тому, что обрушился на Техас и побережье Луизианы? Благодаря метеорологическим спутникам ученые отследили грядущий катаклизм и заблаговременно оповестили население — в результате успели эвакуировать не только колясочников, но и лежащих больных.

Схожее несчастье постигло недавно Бангладеш. С помощью тех же спутников приближение урагана замети-

ли, но предупредить население не смогли, не было технической возможности. В итоге тысячи человек погибли. В Соединенных Штатах от оповещения не скрыться, у нас телевизоры есть даже в домах без канализации.

Метеорологические спутники — не побочный, а *прямой* продукт космической программы, однако о них нельзя не упомянуть, ведь инвалиды и старики страдают от непогоды больше молодых и здоровых.

Портативный аппарат искусственной почки. Если отказали почки, у человека два варианта: подключиться к аппарату или умереть. Для многих перспектива провести остаток дней на диализе хуже смерти, поэтому уровень самоубийств неуклонно растет. Благодаря миниатюризации появились портативные аппараты, которые обеспечивают пациентам более-менее нормальную жизнь, возможность путешествовать и тому подобное, регулярно очищая кровь и не позволяя токсинам скапливаться в организме.

Аппарат изобрели сравнительно недавно, немногие успели его опробовать, но массовое внедрение не за горами. Уровень самоубийств резко сократился — жизнь снова заиграла яркими красками, вернулась надежда.

Компьютерная аксиальная томография (КАТ), или «сканирование мозга»: врачи привязывают вас к столу, фиксируют голову, сами прячутся за перегородку, нажимают на «пуск» — и автоматический рентгеновский аппарат делает снимки всех участков мозга. Специальный компьютер сводит их воедино; когда набирается порядка двадцати снимков, мы получаем трехмерное изображение мозга в мельчайших деталях.

Ультразвуковой доплеровский стетоскоп — еще один побочный продукт космической программы. Он соотносится с обычным, как «роллс-ройс» с «фордом».

(Свидетель встает и поворачивается в разные стороны.)

Взгляните на меня. Мне никогда не завоевать титул «Мистер Америка», не попасть в олимпийскую сборную. Мои подвиги остались в далеком прошлом.

Тем не менее я здесь, живой и вполне дееспособный.

Четырнадцать месяцев назад мой мозг стремительно умирал, грозя превратить меня в овощ. Я спал по шестнадцать часов в сутки и все равно не годился ни на что в оставшиеся восемь.

Если бы не выдающийся талант доктора Нормана Чатера, *а также некоторые побочные эффекты космической программы*, я доживал бы свои дни овощем либо, при известном везении, умер бы от мозгового инсульта.

Моему отцу не повезло — тот же недуг обрек его на многолетнее мучительное существование. Когда он умер, операцию, спасшую мне жизнь, еще не изобрели, а в медицине еще не начали применять побочные космические разработки.

Считать ли меня престарелым? Мне семьдесят два года. Я страдал от характерной старческой болезни, несвойственной молодым.

Считать ли меня немощным? Безусловно. Однако немощь не мешает мне работать и радоваться жизни. Сорок с лишним лет назад ВМС окончательно и бесповоротно признали меня инвалидом, даже выдали соответствующий документ. Но я ни на секунду не поверил. Тот клочок бумаги давно сгинул, я — нет.

В 1976–1977 годах мы с миссис Хайнлайн исколесили страну вдоль и поперек, агитируя соотечественников стать донорами крови. Наши усилия увенчались успехом: за два года к акции примкнуло несколько тысяч «добровольцев». Дело, конечно, благородное, но выматывающее. Под конец 1977-го мы решили отдохнуть и отправились в круиз. Гуляя по пляжу Муреа, на Таити, я обернулся взглянуть на горный хребет — и вдруг что-то произошло.

— Милая, — позвал я, с трудом балансируя на левой ноге, — не хочу тебя расстраивать, но, по-моему, у меня инсульт. В глазах двоится, правая половина тела полностью онемела.

Жена волоком дотащила меня до корабля и помогла подняться на борт.

Путешествовавший вместе с нами доктор Армандо Фортуна успокоил: это не инсульт, а транзиторная ишемическая атака. К моменту нашего прибытия в Калифор-

нию диагноз подтвердился, но все равно приятного мало, если учесть, что за ишемическим приступом неизменно следует инсульт.

Помните компьютерную аксиальную томографию? Мне провели ее с целью выявить опухоль мозга, но не нашли ничего, за исключением сужения кровеносных сосудов. Приглашенный невролог назначил лечение с помощью разжижающих кровь медикаментов длительно — в полгода.

Однако спустя два месяца мое состояние ухудшилось настолько, что меня транспортировали в мединститут Калифорнийского университета Сан-Франциско. Помните *усилитель рентгеновского изображения* и пса из Аризонского университета, который даже не пискнул? Так вот, со мной проделали аналогичную процедуру, без наркоза — совсем не больно.

Отсюда (свидетель указывает на правую часть паховой области) катетер вводят в дугу аорты, где сосредоточены три крупные артерии, ведущие прямиком в мозг. С помощью катетера в артерии поочередно вводят рентгеновский краситель... Процедура занимает порядка двух часов... но скучать не приходится. Почему? Через замкнутую телевизионную систему усилитель четкости выводит изображения на экран (свидетель тычет пальцем в место над левым виском), позволяя рентгенологу, его помощникам и пациенту, то есть мне, беспрепятственно наблюдать за процессом.

Многим ли довелось увидеть биение собственного сердца? Потрясающее зрелище! Я видел, как бьется сердце, как вздымается и опускается диафрагма, как расширяются и сокращаются легкие, видел, как краситель проникает в мозг... и как ликуют кровеносные сосуды. Ради такого стоит потерпеть!

Как выяснилось, у меня была полностью закупорена левая внутренняя сонная артерия, что спровоцировало кислородное голодание в левом полушарии; кислород поступал туда крохотными дозами из правого полушария, а также из позвоночных артерий, расположенных на пе-

ресе­чении крове­нос­ных сосу­дов, преиму­щес­венно в вил­лизиевом кру­те.

Однако здесь (сви­детель ука­зы­вает на об­ласть над ле­вым ухом) на­хо­дится ваш ре­че­вой центр, ваш тек­сто­вый про­цес­сор, а для пи­са­те­ля — еще и ге­не­ра­тор идей. Не­удивитель­но, что я оду­рел и не мог ни со­чи­нять, ни чи­тать ни­че­го, тре­бо­вав­ше­го ум­ствен­но­го на­пря­же­ния.

Моя левая сонная ар­те­рия по-преж­не­му за­купорена, бло­ка­да слиш­ком вы­со­ко, ни один хи­рург не до­берет­ся. В ко­неч­ном и­то­ге меня на­пра­ви­ли в гос­пи­таль Франк­ли­на, к до­кто­ру Ча­те­ру, и тот под­клю­чил на по­мощь ле­во­му полу­ша­рию ле­вую по­верх­ност­ную височ­ную ар­те­рию. Операция по­дроб­но опи­сана на стра­ни­цах 62, 63 жур­на­ла «Сай­ен­ти­ф­ик Аме­ри­кен» за апрель 1978 го­да, поэ­то­му не стану утом­лять вас лиш­ни­ми де­та­ля­ми. Же­ла­ю­щие на­й­дут там всю не­об­хо­ди­мую ин­фор­ма­цию.

Вкратце про­це­ду­ра вы­гля­дит сле­ду­ю­щим об­ра­зом: па­ци­ента скаль­пи­ру­ют, де­лая на­дрез над ле­вой бровью, от­туда в­верх, до сос­це­вид­но­го от­ро­стка височ­ной доли за ле­вым ухом. От­де­ляют от скаль­па височ­ную ар­те­рию. За ухом вы­пи­ли­ва­ют круг­лое от­вер­стие, про­ни­ка­ют в ла­те­раль­ную борозду го­лов­но­го моз­га, на­хо­дят глав­ную ар­те­рию и тер­ми­но­ла­те­раль­но со­еди­ня­ют ее с височ­ной. Этот об­ход­ной путь обес­пе­чи­ва­ет бес­пе­ре­бой­ную по­да­чу ки­сло­рода в ле­вую височ­ную долю че­рез внеш­нюю височ­ную ар­те­рию. «Сты­ков­ка» про­во­ди­лась под ми­кроскопом с по­мощью кро­хот­ных сте­ж­ков, ко­то­рые не раз­личить не­во­ору­жен­ным гла­зом.

За­тем ци­рку­ля­цию ки­сло­рода про­ве­ря­ют по­сред­ством до­плеро­со­но­гра­фии, от­вер­стие за­крыва­ют пла­сти­ной с вы­ем­кой для транс­план­ти­ро­ван­ной ар­те­рии, за­шива­ют скальп — и спешат на об­ед. Хи­рург опе­ри­ро­вал че­ты­ре ча­са и успе­л про­го­ло­даться, в от­ли­чие от па­ци­ента.

Оч­ну­вшись в па­ла­те ин­тен­сив­ной те­ра­пии, я уви­дел ог­ром­ный мо­ни­тор, испещ­рен­ный непонятными линиями и огоньками. Однако врачам и медсестрам они давали пол­ную кли­ни­че­скую кар­ти­ну: ЭКГ, уровень да­в­ле­ния, пульс, тем­пе­ра­ту­ра, моз­го­вые вол­ны и бог знает что еще. При­бор от­ли­чал­ся не­ве­ро­ят­ной чув­ст­ви­тель­но­стью: стои-

ло мне шевельнуться, как одна из кривых резко устремлялась вверх.

Это чудо техники я упомянул лишь потому, что *не* был к нему подключен.

Очередной побочный продукт космических разработок, с его помощью доктор Берри наблюдал за астронавтами на орбите.

Присматривать за подопечными издалека — вынужденная мера для полковника Берри и совсем необязательная в моем случае. Но преимущества налицо: я не лежал опутанный проводами, точно муха в паутине. Благодаря микроминиатюрным датчикам я не ощущал ни малейшего дискомфорта, и тем не менее медперсонал мог узнать о моем состоянии в любой момент времени.

Кроме того, система телеметрического дистанционного мониторинга способна транслировать сигнал сразу на несколько экранов. Жена говорит, что второй монитор висел в ординаторской. Не поручусь, но, возможно, третий был в кабинете доктора Чатера. Впрочем, пара сотен ярдов — не проблема для прибора, изначально рассчитанного на четверть миллиона миль: именно такое расстояние отделяет Хьюстон от Луны.

Побочные продукты космических технологий нашли применение и в постоперационном уходе; выдающийся пример микроминиатюризации — *доплеровский ультразвуковой стетоскоп*, в разы превосходящий по чувствительности обычный. Усиление можно регулировать, благодаря эффекту Доплера; квалифицированный оператор может определить объем и направление потока жидкости. Высокая частота ультразвука сочетается с узкой направленностью, чем не может похвастаться обычный стетоскоп.

Прибор испускает узкий ультразвуковой луч, не воспринимаемый невооруженным ухом. Луч проникает в определенную область и рикошетит, создавая слышимые интерференционные помехи. В целом очень похоже на доплеровский радар, но там вместо ультразвуковых волн используются электромагнитные. Этот *неинвазивный* метод позволяет исследовать организм без какого-либо вме-

шательства, не подвергая пациента опасному рентгеновскому излучению... и «видит» недоступные рентгену мягкие ткани.

Оба фактора сделали ультразвуковой стетоскоп незаменимым средством диагностики беременности и состояния будущих малышей. Нет, я ни в коем случае не отклоняюсь от темы: младенцев и беременных *необходимо* отнести к категории «лиц с временной, но тяжелой формой инвалидности».

Доплеровский ультразвук испытывали на мне до, в ходе и после хирургического вмешательства.

По завершении реабилитации меня снова направили на *аксиальную компьютерную томографию*, которая не выявила ни малейших отклонений, не считая пластины в черепе.

Нейрохирургия сама по себе не является побочным продуктом космической программы... но вспомните, с каким количеством производных я столкнулся во время лечения и после. Надо сказать, моя операция требовала филигранного мастерства, каким может похвастаться лишь горстка специалистов во всем мире. Из тысячи с небольшим операций такого рода доктор Чатер провел порядка трехсот, а его статистика смертности не такая удручающая, как у коллег. Здесь нужно отдать должное не только таланту, но и подходу врача: он *всегда* стремится использовать самые передовые, новейшие технологии.

Когда жить осталось всего ничего, нужно цепляться за любую возможность. Чаша весов склонилась в мою пользу во многом благодаря побочным результатам космических технологий.

Стоило оно того? Безусловно. Даже если бы я умер во время одного из четырех кризисов — согласитесь, лучше умереть, чем медленно впадать в маразм и угасающим сознанием схватывать весь ужас происходящего. В первых числах прошлого года мне хватало ума понять: всё, надеяться не на что. В отчаянии я решил пойти ва-банк: либо выздоравливаю, либо сыграю в ящик.

Оправдалась ли моя тактика? Из больницы я выписался год назад и с тех пор прочел двухлетнюю подшивку

технической периодики, снова занялся самообразованием — всегда считал, что учеба продлевает молодость и жизнь. Хотите верьте, хотите нет, но лично мы с женой придерживаемся такого принципа. Сейчас я освежаю в памяти символическую логику, примеряюсь к п-пространственной и неевклидовой геометрии, плюс постигаю совершенно новый для себя предмет — историю Китая.

При этом я продолжаю работать: недавно закончил весьма объемный роман и написал примерно половину следующей книги.

Мой пример доказывает одно из двух: либо я полностью излечился... либо пластина в голове — не помеха фантасту.

В контексте беседы о престарелых и инвалидах нельзя не упомянуть особенно важный побочный продукт — *моральный*.

«Не хлебом единым сыт человек». Любой врач подтвердит: главное условие выздоровления — это воля к жизни; и наоборот, пациенты со страшным диагнозом умирают, когда перестают бороться.

Я трижды был на волосок от смерти, только неизменная поддержка супруги сохраняла во мне желание жить... и вот я здесь. Кроме того, последние шестьдесят лет меня питала вера в межпланетные перелеты, постоянный стимул, рождавший внутренний голос: «Не падай духом, крепись!» Жена со мной полностью солидарна; она давно решила умереть на Луне, а не тут, среди смога и толпы. Теперь я выздоровел и не собираюсь сдавать позиции, планирую дожить до той счастливой поры, когда мы наконец сможем купить билет на Луну... и провести остаток дней в блаженной низкогравитационной роскоши «Луна-Хилтона» на шестом нижнем уровне Луна-Сити.

Глупость, скажете вы? Однако все сидящие в этом зале достаточно повидали на своем веку и по опыту знают: что было глупостью вчера, станет мудростью завтра. Помнится, в свое время верхом остроумия считалось кричать из окна авто: «Эй, безлошадные!» Ну и как бы то ни

было, то, что дает мощный стимул для жизни, не может быть уж *совсем* глупым.

Мне регулярно приходит огромное количество писем, причем большинство — от людей преклонного возраста и инвалидов. Нельзя быть фанатом моей прозы и не радоваться за освоение космоса. Впрочем, корреспонденты сами это подтверждают. Вот несколько примеров.

Слепой от рождения профессор университета никогда не *видел* звезд и Луны, однако книги, которые он читает и перечитывает (точнее, слушает в исполнении секретаря), посвящены сугубо космическим странствиям. Ему стоило немалых трудов разыскать меня — и все ради того, чтобы обсудить космическую программу.

Подросток, прикованный к инвалидному креслу, спрашивал, каковы его шансы стать конструктором космической техники, — какой-то «друг» сказал, что калекам такое не светит. Я поспешил заверить его, что конструктору в принципе не нужны ноги, посоветовал записаться на специализированные курсы и прочесть произведение Артура Кларка о безногом, управлявшем космической станцией.

Домохозяйка с тяжелой формой эпилепсии, которая не смеет даже мечтать о космосе... однако космическая программа — ее единственная отрада посреди серых будней.

Многие пожилые люди, написавшие мне сразу после высадки на Луну, благодарили Бога за счастье дожить до великого дня.

Примеры можно приводить бесконечно. Просто поверьте: у меня достаточно доказательств того, что космическая программа никому не принесла столько пользы, как нашей целевой категории граждан. Для многих из них телевизор — единственное окно в мир; с завершением программы «Аполлон» они лишились чего-то светлого и насущного.

Даже если бы космическая программа не приносила никакого иного побочного продукта, разве *этот* не стоит пяти центов в день?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как выяснилось, нет: для большинства граждан США космическая программа вкупе с побочными продуктами не стоит и пяти центов, о чем наглядно свидетельствуют соцопросы и обращения в Конгресс. Кроме того, они не верят даже в эти пять центов, даже если их ткнуть носом в расчеты. Народ продолжает ворчать по поводу «бешеных денег, потраченных ради каких-то камней». При желании легко доказать, что космическая программа окупилась многократно, если считать увеличение ВВП... новейшие технологии... спасенные жизни. Но доказывать нет смысла, все равно не поверят.

У НАСА есть два заметных достижения: во-первых, невероятно успешная космическая программа, а во-вторых, беспрецедентно нелепая, глупая и некомпетентная пропаганда. Как пояснил юрист из Конгресса, ни НАСА, ни другие государственные организации не вправе рекламировать свою деятельность.

Да бросьте! Пресс-агента определяют в первую очередь поступки, и не важно, называется должность «специалист по связям с общественностью» или «рекламщик». У человека, который руководил НАСА во время Лунной программы были замашки Денниса-мучителя. Его уже нет, а нанесенный делу урон остался... и продолжает разрушать программу.

И все же... если вы не намерены сдаваться, если не хотите зубрить японский или китайский, тогда пишите своему конгрессмену и обоим сенаторам. Копию направьте Дону Фукуа (демократ, палата представителей) и Барри Голдуотеру-старшему (республиканец, сенат).

У сильной космической программы много друзей в обеих палатах и партиях — но пора напомнить им, что и у них есть друзья.

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, если за тридцать лет из пятидесяти у так называемого пророка сбылось лишь 66% предсказаний, ему хватит смирения (или благоразумия) не повторять собственную оплошность. Но я никогда смирением не отличался, а девиз моей первой профессии гласит: «L'audace! Toujours l'audace!»¹.

Так что преступник возвращается к своему преступлению. Или см.: Книга притчей Соломоновых, глава 26, стих 11². Итак, поехали, дамы и господа, держитесь крепче!

Ошибочку я ляпнул сдуру —
И вот теперь она... повсюду.

Л. Лонг³

Пророку не выгодно чересчур углубляться в детали.

Л. Спрэг де Камп

Втюхивая всякую мрачность, не разбогатеешь.

Уильям Линдсэй Грешам

Покойный Билл Грешам, пока чахотка не сделала из него писателя, был искусным ярмарочным предсказателем. Мог так ловко расписать незнакомому человеку его про-

¹ «Смелость и еще раз смелость!» (*фр.*) Из речи Дантона 2 сентября 1772 г.

² — Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою. — В статье «Светлое будущее» примечания Д. Кальницкой и Е. Доброхотовой-Майковой.

³ Строчки представляют собой парафраз двух первых строк стихотворения Генри Лонгфелло «Стрела и песня».

шное, что и мраморная статуя напугалась бы до смерти. В нескольких словах он сформулировал рецепт успеха любой гадалки. Говорите простачку то, что тот хочет услышать. За это простачок будет вас любить и с радостью заплатит, а когда счастливое предсказание не сбудется, все простит, забудет и непременно вернется за добавкой.

Так работают фондовые брокеры: их советы немногим лучше догадок, но вам ведь втюхивают не дивиденды, а счастье. Этой формулой пользовались и пользуются миллионы священников и проповедников: выполняйте (или хотя бы признавайте на словах) несколько коротеньких и вполне терпимых правил, ну и отстегивайте некоторую, не слишком обременительную для вашего кошелька сумму — а в обмен обретете вечное блаженство... И формула работает, *хотя за все минувшие годы они не продемонстрировали публике ни одного клиента, который действительно получил обещанное.*

Так как же тогда церкви умудряются не прогореть? А так: суля вам «Небесный пирог»¹, они предлагают счастье и спокойствие прямо здесь и сейчас, на земле. Слова Карла Маркса: «Религия — опиум для народа» — это не цинизм и не сарказм, а просто точное определение. В середине XIX века опиум был *единственным* средством, способным облегчить невыносимую боль. И Карл Маркс имел в виду, что вера в счастливую религию делала жизнь людей бездны терпимой².

Спрэг де Камп — великий знаток практически всего на свете и, вероятно, самый эрудированный из всех ныне живущих авторов научной фантастики и фэнтези. Эти его мудрые слова я услышал еще до того, как в 1950 году

¹ Слова из песни американского активиста рабочего движения, поэта и композитора Джо Хилла (настоящее имя Йоэль Эмануэль Хеглунд, 1879–1915) «Проповедник и раб», пародирующей гимны Армии спасения: «В райской обители у Господа Бога / Есть будешь сытно, вкусно и много. / А пока ешь мякину, трудись да гни спину. / И сам Господь Бог поднесет тебе сладкий пирог» (перевод Е. Калашниковой, В. Ливановской и Н. Треневой).

² Отсылка к книге «Люди бездны» (1903) Джека Лондона — сборнику социологических очерков о жизни беднейших кварталов Лондона.

написал первую версию статьи «Ящик Пандоры». Почему же я им не внял? По трем причинам: 1) деньги; 2) деньги; 3) я думал, мне сойдут с рук предсказания о 2000 году н. э. Никак не рассчитывал прожить так долго, ведь у меня были веские причины полагать, что я умру молодым. Но у меня, похоже, больше жизней, чем у кошки. Вероятно, чтобы покончить со мной, надо вогнать мне кол в сердце и зарыть мое тело на перекрестке.

И все-таки это сошло бы мне с рук, ограничься я теми предсказаниями, которые точно не сбудутся до 2000 года н. э. Взять хотя бы те два, где я натурально попал пальцем в небо: номер 5 и 16. *В обоих этих случаях я указал конкретный год до 2000 года.* Не оставь я без внимания предупреждение господина де Кампа, можно было бы везде, где предсказанное в 1950 году к 1980-му выглядело уже совсем не так многообещающе, делать хорошую мину и бормотать: «А вы еще подождите чутка. Побольше терпения».

Послушайся я умного человека в двух случаях из двенадцати, сегодня можно было бы нагло утверждать, что я выиграл с разгромным счетом.

Были у меня и точные предсказания. Одно из них — про «безумные годы». (Просто выгляните в окно. Или раскройте утреннюю газету.) Еще одно — кровать с водяным матрасом. Раз какой-то шутник пытался запатентовать водяную кровать, чтобы упредить конкурентов, и выяснил, что сделать этого нельзя, потому что идея находится в общественной собственности и подробно описана в романе «Чужак в чужой стране». Водяная кровать встречалась в моих рассказах еще в 1941 году и несколько раз потом, но только в «Чужаке» была сцена, для которой потребовалось описать принцип ее работы.

Тот, кто пытался запатентовать водяные кровати, не был первым, кто их изготовил. Первый человек в этой области знал, откуда они взялись. Он отправил мне одну в подарок и с оплаченной доставкой, а в телеграмме ука-

зал название своей фирмы «Шэр-Уотер Бед»¹. Что и требовалось доказать.

В нашем доме водяную кровать ставить некуда. Абсолютно. Так что она все еще хранится ядрах в двухстах от самого дома. Я являюсь обладателем водяной кровати с тех самых пор, как она впервые появилась на рынке, но ни разу на ней не спал.

А придумал я ее в середине тридцатых, когда сам не вылезал из больничной койки: насос, контролирующий уровень воды; боковой каркас, чтобы можно было «дрейфовать», а не просто лежать на не слишком мягком, наполненном водой матрасе; терморегуляция; система предохранителей, исключающая малейшую возможность удара электрическим током; герметичная емкость, чтобы протечка нанесла не больше урона, чем прохудившаяся грелка, и не превратилась в домашнюю катастрофу; расчет нагрузки на пол (очень важно!); внутренний резиновый матрас; приспособления для освещения, чтения и приема пищи — попытка сконструировать идеальную больничную койку, предпринятая тем, кому проваляться на больничных койках пришлось *чертовски* долго.

Ничего такого, что можно было бы запатентовать, — ничего нового, разве только какой-нибудь ушлый юрист-патентовед убедил бы комиссию, что для рабочей конструкции, благодаря которой человек может спать на поверхности воды, потребовалось (как это прописано в законе?) «озарение», выходящее за рамки предыдущих решений. У меня и мысли не было патентовать эту идею, я просто хотел создать водяную кровать, но в то время мне даже трибуну для уличных выступлений сколотить было не по карману.

Хотя я точно знаю, как эта идея у меня возникла. В 1931 году уже после происшествия с радиокompасом, описанного в послесловии к рассказу «Поисковый луч», я получил приказ отправиться на базу Форт-Клейтон в зо-

¹ «Share water» — «разделить воду» — реалия из романа «Чужак в чужой стране».

не Панамского канала для участия во флотских стрелковых соревнованиях. Во время этих оплачиваемых каникул мне часто случалось возвращаться из Панамы в полной тишине уже после отбоя. Рядом с КПП располагался большой плавательный бассейн, которым пользовались флотские, а наш лагерь был надежно отгорожен от расквартированного там же армейского полка.

Я часто останавливался возле бассейна, раздевался до гола и плавал. Не по уставу (рядом никаких спасателей), но вокруг не было ни души, да и правила созданы для того, чтобы их нарушать.

Где-то на середину соревнований пришлось полнолуние, а я принадлежу к числу тех уникалов, которых держит даже пресная вода (в том бассейне она была пресной). Вода имела температуру тела, тишину вокруг нарушал только ночной шум джунглей, над головой сияла луна, и вот я ложился на спину и, полностью расслабившись, смотрел на эту луну, падал в нее, гадал, доживу ли до того дня, когда мы туда доберемся. Временами дремал.

В конце концов я вылезал из бассейна, вытирал ноги носовым платком, натягивал ботинки, вешал на локоть одежды и шел к своей палатке. Не припомню, чтоб хоть раз мне кто-нибудь встретился, но даже если б и встретился — вокруг было темно, на базе расквартированы одни мужчины, по периметру выставлены вооруженные часовые, а я подчинялся только офицеру морской пехоты, который был младше меня, но, как капитан команды, считался моим временным командиром. Ему было глубоко плевать, чем я занимаюсь, лишь бы на стрельбище демонстрировал хорошие результаты (и я демонстрировал — в основном потому, что тренировал меня низенький жилистый сержант морской пехоты по прозвищу Мастер (он потом появляется в роли преподавателя курса по выживанию в романе «Туннель в небе»)).

Несколько лет спустя я мучился из-за пролежней, а каждый сустав ныл, как ни ляг, и мне часто вспоминалось то сибаритство — когда ночью в Панаме лежишь на воде, теплой, как парное молоко. Я жалел, что такую рос-

кошью нельзя устроить прикованным к кровати больным... и в конце концов придумал, как это устроить, проработал в голове все детали задолго до того, как выздоровел настолько, чтобы сделать чертежи.

Но я 1) не рассчитывал, что водяные кровати когда-нибудь изготовят; 2) думал, что люди (за исключением меня) будут использовать их только как больничные койки; 3) не думал, что ими будет пользоваться столько народу; 4) и помыслить не мог, что когда-нибудь их будут рекламировать в мотелях в качестве экзотического дополнения к романтическо-эротическим выходным нарядам с порнофильмами по внутреннему кабельному телевидению.

Теперь я подтасую карты и воспользуюсь советами и Билла Грешама, и Спрэга де Кампа. Сначала буду живописать мрачный вариант нашего возможного будущего, а потом набросаю веселенький сценарий того, каким прекрасным оно *может* стать. Тут можно позволить себе углубиться в детали, поскольку две части будут полностью противоречить друг другу (де Камп), и рискнуть нагнать мрачности в первой части, потому что в конце я провожу вас с фанфарами (Грешам).

МРАК, ГОРЕ И УЖАС. В нашем обществе усиливаются патологические тенденции; мы явственно видим, что катимся по наклонному пути самоуничтожения. Нас не обязательно завоюют — просто немного подождите, и мы сами упадем прямо в руки тому, кому вздумается нас оккупировать. Я перечислю некоторые такие тенденции и с помощью примеров (не доказательств) поясню свою мысль. Представлять убедительные доказательства — слишком скучно и тоскливо, я же не в президенты собрался. Но доказательства у меня имеются, разложены по папкам прямо в этой комнате. Я начал собирать вырезки и раскладывать их по категориям еще в 1930 году, а моя самая молодая папка появилась в 1945-м.

Очень важна временная перспектива. Понимание — табурет на трех ножках: истории, языках и математике. Во-

оружившись этими тремя инструментами, можно узнать все, что угодно. Но если у вас недостает хотя бы *одного*, то вы просто очередной деревенский невежа в изгвазданных навозом сапогах.

Несколько лет назад меня навещал один астроном, молодой и очень способный. Он заявил, что уже много лет читает мои книги, и наша беседа это подтвердила. Я рассказал ему, как однажды мне понадобилась сложная траектория от Земли до космической станции, выполняющей оборот вокруг Земли за двадцать четыре часа. Рассказал, где встречался тот момент. Он знал, о чем там идет речь, потому что прочел книгу в средней школе.

Такая траектория похожа на кометную, но на самом деле включает в себя ряд поправок, необходимых, чтобы прибыть в нужную точку одновременно со станцией; затраченное время — это интеграл негладкой функции, такой в справочнике Хадсона не найдешь, но его можно решить с помощью метода, который использовал для баллистики Сиаччи, — численного интегрирования.

Я женат на женщине, которая знает математику, историю и языки лучше меня. По идее, это должно бы научить меня скромности (и иногда правда действует, минуты на две). Ее ум очень помогает мне в профессиональном плане. И вот я рассказал тому молодому ученому, как мы с женой раздобыли кучу оберточной бумаги, а потом три дня считали — каждый сам по себе. Решили задачу и сверились друг с другом. А потом ответ исчез, преобразовавшись в *одну*-единственную строчку *одного*-единственного абзаца («Космический кадет»), но наша работа того стоила, поскольку она определила, что именно я мог делать с точки зрения развития сюжета.

Доктор Как-бишь-его спросил:

— А почему вы не посчитали на компьютере?

Я сморгнул, а потом медленно и ласково ответил:

— Мой милый мальчик. — (Обычно я не обращаюсь «мой милый мальчик» к докторам физматнаук, поскольку питаю к ним глубочайшее уважение. Но то был осо-

бый случай.) — Мой милый мальчик... это был *тысяча девятьсот сорок седьмой год*.

Когда до него наконец дошло, он покраснел.

Возраст не заслуга, а юность не порок. Этот молодой человек был (и остается) исключительно умным малым и прекрасным математиком; в аспирантуре он изучал немецкий и русский. Во время нашей встречи мне показалось, что ему не хватает чувства исторической перспективы... но, если и так, подозреваю, что этот недостаток начал ему досаждать и он устранил соответствующий пробел либо в университете, либо при помощи самостоятельного чтения. Если вдуматься, многие мои исторические познания почерпнуты не из курса истории, а из истории астрономии, военного дела и математики; мое официальное историческое образование закончилось на Александре Македонском и возобновилось на Генрихе Мореплавателе. Но без знания общей истории историю этих трех предметов не понять.

Временная перспектива — упадок образования

Мой отец не учился в колледже. Он окончил среднюю школу в маленьком городке в Южном Миссури с населением в три тысячи с лишним человек, а потом частную двухгодичную академию. Она приблизительно соответствовала сегодняшнему двухгодичному колледжу, разве что была действительно очень маленькой, — а как иначе: пансиона там не было, а в Миссури отсутствовали мощные дороги.

Вот некоторые предметы, которые он изучал в XIX веке в совершенной глуши: латынь, греческий, физика (естествознание), французский, геометрия, алгебра, начальный курс матанализа, счетоводство, история Америки, мировая история, химия, геология.

Двадцать восемь лет спустя я ходил в среднюю школу в куда более крупном городе. Изучал латынь и французский (но греческий там не преподавали); физику и химию (но геологию там не преподавали); геометрию и ал-

гебру (но матанализ там не преподавали); историю Америки и историю древнего мира (но общую историю там не преподавали). Желаящие изучать общую историю могли выбрать себе отдельные курсы (каждый курс занимал пять часов в неделю и длился год) по истории древнего мира, средневековой истории, современной истории Европы и Америки — обратите внимание, что туда не входила вся Азия, вся Южная Америка, Африка, кроме древнего Египта, а Канада и Мексика упоминались исключительно в связи с войнами, которые мы с ними вели.

Мне пришлось наверстывать упущенное путешествиями и личными занятиями... и должен признать, что историю Китая я изучил достаточно подробно только в этом году. Мое историческое образование было настолько фрагментарным, что, лишь попав в Военно-морскую академию и увидев там трофейные знамена, я узнал, что мы воевали с Кореей за целых восемьдесят лет до того безобразия, которое пытаемся расхлебать до сих пор.

Я читал отцовский учебник и знаю, что тогдашний курс мировой истории не был очень подробным (да и как мог он быть подробным?), но в нем хотя бы объясняли, что мир круглый, и не выпускали из поля зрения три четверти планеты.

А теперь позвольте поведать о том, что я видел, слышал, находил, вырезал из газет и других источников и узнавал из книг вроде «Почему Джонни не умеет читать», «Школьные джунгли» и прочих¹.

В Колорадо-Спрингс, где мы жили до 1965 года, в 1960 году в программу входил годовой курс латыни — на этом все. Цезарь, Цицерон, Вергилий — кто все эти люди?

В средних школах в округе Санта-Крус латынь не преподают. Из рассказов и вырезок я знаю, что ее не преподают в большей части средних школ в нашей стране.

¹ «Почему Джонни не умеет читать» (1955) — книга американского педагога Рудольфа Флэша (1911–1986); «Школьные джунгли» (1954) — роман американского писателя Эвана Хантера (1926–2005) из учительской жизни.

«Зачем так упираться на латынь? Это же мертвый язык!» Братцы, тут как с джазом, говоря словами великого музыканта: «Если спрашиваешь, тебе этого никогда не понять»¹. Человек, который знает лишь свой родной язык, даже своего родного языка не знает. Исходя из теории познания, необходимо знать больше одного человеческого языка. Помимо этого важного момента, латынь — огромное подспорье абсолютно во всех естественных науках, как и греческий, поэтому его я изучал самостоятельно.

Один мой друг, сейчас декан в университете штата, раньше преподавал историю, но его сократили, когда ее исключили из списка обязательных для бакалавриата предметов. Два-три студента по-прежнему выбирают его курс (историю Америки), но он занимается с ними в частном порядке; ему даже аудиторию не выделяют, для университета это слишком накладно.

Недавно в одной статье в «Уолл-стрит джорнэл» описывалась беспощадная драка за рабочие места на ежегодных собраниях американской Ассоциации по изучению современных языков; по всей стране современным языкам (даже английскому) уделяют все меньше внимания; доступных рабочих мест меньше, чем преподавателей в Ассоциации.

В другом месте я писал об одном студенте, круглом отличнике со стипендией, который не знал, как связаны недели, месяцы и годы. И это вполне рядовой случай; ученики старшей школы и студенты колледжа в нашей стране обычно не могут произвести простые вычисления без помощи карманного калькулятора. (Я имею в виду вычисления на бумаге; если попросишь кого-нибудь произвести вычисления в уме, все сразу разевают рты от изумления. Скажем, помножьте 17×34 — в уме. Как? Ответ такой: отбросьте число 34, но помните о нем. $(10 + 7)^2$ — это, очевидно, 289. Удваиваем: $2(300 - 11)$ или 578.)

А мой отец назвал бы ответ сразу, поскольку в его сельской средней школе сто лет назад наизусть заучива-

¹ Ответ Луи Армстронга на вопрос: «Что такое джаз?»

ли таблицы умножения вплоть до $20 \times 20 = 400$... Поэтому, чтобы решить такой пример, он бы просто удвоил известное ему число (289) и получил 578. Возможно, еще пересчитал бы для проверки: $68 + 510$, но вы бы не заметили этой заминки.

Был ли мой отец математиком? Отнюдь нет. А я математик? Нет, черт возьми! Это простейшая бытовая арифметика, но ее больше не знают ученики старшей школы, во всяком случае в Санта-Круссе.

Если они не учат математику, языки и историю, то что же тогда они учат? (Обратите внимание: почти в каждом колледже или университете любой студент может изучать по-настоящему трудные предметы, но только если он или она того пожелает; преподаватели, книги, лаборатории — все это имеется, но студент должен захотеть.)

А если студент не хочет изучать ничего такого, ради чего нужно работать головой, в большей части американских колледжей и университетов его будут опекать на протяжении четырех лет, а потом вручат диплом бакалавра просто за то, что он не спалил библиотеку. Девушка из Колорадо-Спрингс, изучавшая тот самый курс латыни (не классической), в 1964 году получила «общую» степень бакалавра в Университете Колорадо. Я был на вручении дипломов и спросил, какая у нее специальность. Никакой. Что она изучала? Да ничего особенного, как выяснилось; по всей видимости, сегодня она все так же невежественна, как и была в старшей школе.

В Санта-Круссе есть большущий шикарный двухгодичный колледж и одно из подразделений Калифорнийского университета, где можно получать степени вплоть до доктора наук. Но поскольку математику, языки и историю можно и не изучать, давайте посмотрим, чем же еще там занимаются.

Калифорнийский университет (это относится ко всем его подразделениям) считается «серьезным вузом». Параллельно с ним работают обычные университеты штата,

куда поступить проще, а также местные двухгодичные колледжи (которые всегда именуются «колледжами», не дай бог сказать «двухгодичными»), куда берут вообще всех подряд.

Подразделение Калифорнийского университета в Санта-Крус (КУСК) задумывалось как элитный колледж («американский Оксфорд»), но из-за вечного недобора им приходится принимать любого, кто соответствует общим требованиям Калифорнийского университета, и теперь КУСК стал типичным «университетом в штате». Чтобы поступить туда, нужно сдать экзамены (обычно через Университетский совет) или воспользоваться своими школьными сертификатами. В обоих случаях для поступления требуется определенный набор изученных предметов: два года математики, два года иностранного языка, год естествознания, год истории Америки, три года английского и средний балл на уровне четверки с плюсом. И еще два дополнительных требования: сочинение и курс истории Америки и американских правительственных организаций. Второе требование означает, что в некоторых старших школах история Америки не является обязательным предметом; если абитуриент подходит по всем остальным параметрам, КУСК разрешает ему восполнить пробел после поступления, пройдя соответствующий обязательный курс (за него полагаются зачетные единицы.)¹

Чтобы выполнить первое дополнительное требование (сочинение), нужно либо предоставить результаты письменного экзамена, сданного, например, в Университетском совете, либо перезачесть единицы, полученные в другом колледже. Если ни тот ни другой вариант вам не подходит, можно сдать экзамен, который проводится в самом КУСК в начале каждого квартала.

¹ В американском колледже можно изучать как курсы по предметам из обязательного списка, за успешное окончание которых присваиваются зачетные или кредитные единицы, необходимые для получения степени, так и необязательные курсы, за прохождение которых зачетные единицы не присваиваются.

На первый взгляд все названное смотрится вполне приемлемо. Требования для поступающих немного (или даже много) смягчили, но необходимая в данном случае средняя четверка с плюсом выглядит вполне неплохо... если только в старшей школе преподают так, как преподавали два-три поколения назад. Исходя из таких требований в университет могут поступить абитуриенты, составляющие 8% всех выпускников старших школ в Калифорнии — самых лучших выпускников (требования для абитуриентов из других штатов чуть жестче).

8%, значит, 92% выпускников отсеиваются по умолчанию. Эти 8% — интеллектуальная элита молодежи самого большого, богатого и лучше всего образованного штата Севера.

Вернемся к требованиям, касающимся сочинения: как может не выполнить его тот, кто три года изучал в старшей школе английский язык и чья средняя оценка по всем предметам — четыре с плюсом?

Если абитуриент не выполнил это требование, его тем не менее могут принять в университет, но он должен сразу же записаться на курс (зачетные единицы за него не присваиваются) «Предмет А», более известный как «английский для тупиц».

Курс «английского для тупиц» при необходимости нужно проходить снова и снова, пока не получишь удовлетворительную оценку. Несчастный студент, которого заставляют проходить такой курс без зачетных единиц, — это отнюдь не человек, который просто время от времени допускает мелкие стилистические погрешности (с рук сходят даже такие непотребства, как «ну, типа»).

Это человек, который пришел в храм науки, не умея выразить свои мысли в письменной форме.

Это человек, чье владение родным языком не соответствует тому уровню, который демонстрировал девяносто лет назад двенадцатилетний выпускник сельской средней школы. Это человек, который балансирует на грани безграмотности, однако в остальном успеваемость у него такова, что Калифорнийский университет не выставит его

вон, но будет подтягивать (без зачетных единиц и за дополнительную плату).

Но раз уж абитуриенты — это 8% всех учащихся, лучшие выпускники, и у каждого за плечами как минимум три года английского в старшей школе, из этого следует, что «английский для тупиц» приходится изучать только самым злосчастливым неудачникам. Правильно? Им всем по восемнадцать лет, они достигли того возраста, когда можно голосовать, заключать контракты и жениться без разрешения родителей, а также заводить детей (и некоторые заводят), в этом возрасте уже вешают за убийство; все они двенадцать лет провели в школе, где одиннадцать лет изучали английский язык (три года — в старшей школе).

(Оговорим следующее: в Калифорнии попадаются особые случаи, когда у человека английский не родной. Но если такой человек вошел в вышеупомянутые 8%, то обычно (я испытываю большое искушение написать «всегда») такой человек владеет английским в полной мере.)

Итак, перед нами сливки калифорнийской молодежи, все они научились читать и писать, восемь лет в средней школе проходили правила правописания, основы английской грамматики и синтаксиса, а потом минимум три года совершенствовали свои знания в старшей школе, и еще минимум два года изучали какой-нибудь иностранный язык (данное упражнение хорошо проясняет суть грамматики, даже если человек овладел иностранным языком не в совершенстве).

Вполне логично предположить, что лишь весьма немногим абитуриентам требуется «английский для тупиц». Да?

Нет!

Я только что проверил. В последнем наборе в КУСК «около 50%» изучают «английский для тупиц», и это нормальный показатель, нормальный показатель для Калифорнии, а Калифорния ничем не хуже большинства других штатов.

8%, лучшие выпускники...

И половина из этих избранных 8% должна проходить курс «английского для тупиц».

Обвинению больше нечего сказать.

Это безобразие следует отнести на счет учителей средней и старшей школы... многие из которых и сами безграмотны (я знаю!), но их лично нельзя в этом винить, *поскольку у нас выросло уже второе безграмотное поколение*. Слепые ведут незрячих.

Но что происходит с ребенком (простите, молодым гражданином) дальше, когда он поступает в КУСК?

ПОВТОРЯЮ ТРИЖДЫ ПОВТОРЯЮ ТРИЖДЫ ПОВТОРЯЮ ТРИЖДЫ: если студент хочет получить образование, он может получить его в КУСК, специализируясь в нескольких очень трудных дисциплинах в дополнение к общеобразовательным предметам.

Попрошу вас не забывать об этом ни на минуту, пока мы будем смотреть, как можно проболтаться четыре года в престижном Калифорнийском университете, не работая всерьез, не выучив ничего значимого, и тем не менее получить степень бакалавра. Я привожу примеры из жизни того университета, который знаю лучше всего, но отсюда я могу сделать вывод, что подобное может произойти в любом вузе штата, поскольку во всех них действуют одни и те же принципы.

Есть правила, которые помогут вам проскочить в любом вузе: не поступайте на медицинский или инженерный. Не выбирайте естественные науки, для которых нужно изучать сложную математику. (Естественные науки без сложной математики обычно имеют к наукам такое же отношение, как «Христианская наука»¹, — «наука» в самом широком смысле означает просто-напросто «знание»; таким образом, кто угодно может использовать слово «наука» для какого угодно предмета... избегая при

¹ «Христианская наука» — паракристианское религиозное учение, основанное в Америке в конце XIX в.; сторонники «Христианской науки» отказываются от традиционной медицины и лечатся одной лишь «духовной верой».

этом предметов, которые нельзя понять без развивающей мозги математики.)

Постарайтесь попасть к глупому, но добродушному куратору¹. Таких везде много, особенно если дело касается предмета, специализируясь в котором можно получить степень, не прилагая усилий; закон Старджона применим к преподавателям высшей школы точно так же, как и ко всему остальному².

Чтобы получить степень бакалавра:

1. Вам необходимо потратить время, равное одному академическому году, «расширяя кругозор»; но погодите — самое вкусное еще впереди!

2. Вам необходимо в течение времени, равного полному академическому году, изучать на старших курсах предметы по своей специальности (плюс необходимые для этого предметы на младших курсах). Вам необходимо доказать своему куратору, что ваш учебный план, рассчитанный на четыре года, действительно подходит для вашей специальности («Доктор, этот курс я выбрал потому, что он действительно имеет очень мало отношения к моей специальности — чтобы взглянуть на картину в общем. А то я чересчур сузил кругозор». И на лице куратора засияет одобрительная улыбка... а если нет, лучше поискать куратора поглупее).

3. Довольно много времени вы проведете за пределами университета, но все это время засчитывается как работа над бакалаврской степенью. Будет весело, но сюда входит все что угодно: можно вкалывать в море, можно проводить перепись населения и задавать невежливые вопросы о «национальной принадлежности» (нет, извините, я спешу!), можно путешествовать по Европе или Гонконгу и прочее, и кое-где существует риск действительно узнать что-нибудь новое и полезное, даже если вы и не пытались.

¹ В американском колледже у студента есть куратор, помогающий ему определиться с индивидуальным учебным планом.

² Закон Старджона, по имени американского писателя Теодора Старджона, звучит так: «90% всего — это лажа» («90% of all is crap»).

4. Вам посоветуют специализироваться в чем-нибудь междисциплинарном и предложат (весьма настоятельно) придумать и обосновать какое-нибудь новое неслыханное направление. Для этого необходим талант, присущий торговцу подержанными автомобилями, поскольку можно логически обосновать и протащить абсолютно любой набор учебных курсов, если ваш «новый» предмет связан с обширными сложными взаимоотношениями между тремя, четырьмя и более традиционными дисциплинами. Но будьте осторожны! Если вам хватит ума проверить подобное, есть опасность не только действительно заслужить степень бакалавра, но и провести оригинальные исследования, достойные докторской степени (вам ее не дадут).

5. Вам придется участвовать как минимум в одном семинаре для старших курсов. Выбирайте такой, в котором ведущему преподавателю понравится, как от вас пахнет, а вам — как пахнет от него. («Доктор Фелл, вы не по нраву мне, хотя причина не ясна вполне...»¹) У вас будет как минимум два года, за которые вполне можно узнать, какие преподаватели по вашему предмету вам импонируют, а каких следует избегать любой ценой.

6. Вам потребуется написать дипломную работу объемом в десять тысяч слов по выбранному вами непредмету и, возможно, устно ее защитить. Если вы не в состоянии написать десять тысяч слов бредятины по бредовому предмету, то вы допустили ошибку, и, возможно, вам все же придется зарабатывать на жизнь работой.

Вышеизложенные требования оставляют достаточно места для маневра; как минимум три из каждых четырех курсов элективные, а остальные — элективные отчасти; выбирать можно из большого списка. И мы по-прежнему говорим исключительно и только о предметах, не связанных с математикой. Если вы нацелились получить докторскую степень по астрономии, то в КУСК преспо-

¹ Английская эпиграмма, приписываемая английскому поэту-сатирику Томасу Брауну (1662–1704) и превратившаяся впоследствии в детский стишок.

койно можно это сделать... но для начала вам придется заработать степень по физике, подразумевающую сложнейшие курсы по математике, а еще вы будете изучать химию, геологию, техническую фотосъемку и информатику, с негодованием отвергая все то, что не имеет отношения к этому сверхмеждисциплинарному предмету, где под обманчиво простым словом «астрономия» скрывается огромная куча всего.

«Расширение кругозора» — гуманитарные, естественные и общественные науки — одна треть академического года на каждый раздел, общее потраченное на них время должно равняться одному академическому году, но его можно удобным для себя образом распределить на весь срок обучения. В традиционном смысле под «гуманитарными науками» подразумеваются литература, философия и искусство, но сейчас туда добавилась и история, поскольку теперь она не является обязательным для поступления в колледж предметом и превратилась в средних школах в «обществознание». Под «естественными науками» не обязательно понимается то, что следует из названия, — соответствующий предмет вполне может оказаться «безалкогольным джином», см. ниже. «Общественные науки» включают в себя весь тот набор разнокалиберных дисциплин, в которых ответ определяется точкой зрения.

Курсы, которые в соответствии с требованиями
«расширяют кругозор»

Гуманитарные науки

«Литература и политика»: моральные и политические дилеммы в литературе.

«Философия „Я“».

«Философия истории в прозе и поэзии У. Б. Йейтса».

«Искусство и процесс восприятия».

«Судьба Фауста».

«Наука и американская культура» (этот курс можно выбрать и как курс по гуманитарным наукам, и как курс по истории Америки и американских правительственных организаций, при этом он не включает ничего ни из естественных наук, ни из основной истории Америки. А в со-

путствующий курс «Наука и политика давления», который можно выбрать и в качестве обязательного курса по общественным наукам, и в качестве курса по истории Америки и американских правительственных организаций, входит и того меньше; он изучает период после Второй мировой войны и рассматривает ученых в качестве лоббистов, а также изучает их взаимоотношения (склоки) с членами Конгресса и президентом. Этот курс настоятельно рекомендуется выбрать, чтобы не изучать историю Америки или какие-либо углубленные общественные «науки»).

«Американская музыка кантри»: йу-ху! Играть музыку не надо, только слушать.

«Человек и вселенная»: в некотором роде философия. Не наука.

«Научная фантастика». (От комментариев я воздержусь.)

«Изобразительные искусства»: «Каковы (и существуют ли они вообще) критические и художественные обоснования для оценки в изобразительном искусстве?» — прямая цитата из описания в списке курсов.

«Мистицизм»: то, что и заявлено в названии.

(Выше приведен неполный список.)

Естественные науки

«Общая астрономия»: знания математики не требуется.

«Биология моря»: знания математики не требуется.

«Звуки, музыка и тональность музыкальных инструментов»: не требуется ни знания математики, ни знания музыки!

«Семинар: толкование Дарвина».

«Математические идеи»: для тех, кто не занимается математикой; достаточно того уровня математики из старшей школы, который был нужен для поступления.

«Феномен человека...»: «...заняться вопросом, значат ли что-то еще человеческие ценности». (Ах, как жалко!)

«Физическая география: климат».

¹ «Ах, как жалко!» («Oh, the pity of it all!»: 1942) — песня из киномюзикла «Моя подружка Сэл», слова Лео Робина, музыка Ральфа Рейнжера, исполнительница Рита Хэйуорт.

«Общественные науки»

Любой курс антропологии; для многих не требуется никаких знаний или предварительных курсов.

«Введение в художественное образование»: искусством заниматься не обязательно; вас учат его преподавать.

«Музыка и просвещение»: не требуется никаких специализированных знаний о музыке. Подразумевается обсуждение того, какое воздействие оказала музыка на философское, религиозное и общественное мышление конца XVIII и начала XIX веков. Вот что там говорится. Курс причисляется к «общественным наукам».

«Романы о супружеской измене»: этот курс тоже причисляется к «общественным наукам». Я совершенно не против изучения или преподавания подобного предмета, но возражаю против того, что это делается на мои (ваши, наши) налоги. (Р. С. Тот же малый преподает научную фантастику. Научной фантастики он не пишет; а какие у него познания и умения в другой области, я не знаю.)

«Человеческая сексуальность».

«Культурные основы вербального и визуального выражения»: красивое название очередного курса «писательского мастерства» с дополнительными плюшками — студентов учат, как разговаривать представителей «другой культуры». Так там написано.

Все тридцать с лишним курсов «социологии» причисляются к «общественным наукам», но вот эти два меня ужаснули: курс «Политика и насилие», в котором помимо всего прочего изучается «политическое убийство как акт принесения в жертву», и курс «Свободное время и досуг в городской среде» (хлеб и зрелища).

И снова список неполный, приведенные ниже курсы я выбрал за их интригующие названия.

«Зло и дьявол в индуистской традиции: семинар».

«Наука и политика давления»: этот курс уже упоминался выше — он причисляется и к «общественным наукам», и к истории Америки и американских правительственных организаций и при этом содержит минимум миниморум и того и другого. Слепец ухватил слона за хвост.

«Политическая специализация *La Raza*»¹ — очередной двойной курс, он относится и к «общественным наукам», и к истории Америки и американских правительственных организаций и охватывает более широкий временной отрезок (с 1900-го, а не с 1945 года), но гадать, который из двух курсов уже в каждой категории, — это как сравнивать горячее и фиолетовое.

Суть игры заключается в том, чтобы составить себе требующий минимальных усилий учебный план, как можно меньше всего учить и при этом «заработать» степень, согласно правилам крупнейшего и престижнейшего в стране государственного университета.

Чтобы выполнить требование о «расширении кругозора» и необходимом курсе по истории Америки, который не входил в обязательную программу старшей школы, рекомендую выбрать «Науку и политику давления», «Феномен человека» и «Американскую музыку кантри». Тогда вы безболезненно достигнете своей цели, не узнав при этом в области математики, истории или языка абсолютно ничего нового... и не замарав своих мозгов наукой.

Вам нужно выбрать специальность... но так, чтобы никакой математики или истории и никакого иностранного языка даже на уровне чтения. Таким образом исключаются абсолютно все естественные науки (которые являются сильной стороной этого университета).

Антропология? Несмотря на все усилия, все равно что-нибудь да выучите; глядишь, заинтересуетесь еще. Искусство? Если нет большого таланта, лучше не выбирать такую специальность. С экономикой может быть трудно, да и того хуже — вдруг вы начнете симпатизировать Чикагской или Австрийской школе и поймете это лишь тогда, когда преподаватель (сторонник кейнсианства или марксизма) вас завалит, поставив большую черную метку против вашего имени. Философия? Легко, очень

¹ Латиноамериканцы (сокращение от *исп la raza española*) — испанская раса.

весело, и при этом вас гарантированно не будут ничему учить, хотя ум ваш раскрепостится. Минуло вот уже более двух с половиной тысяч лет, но за все эти годы ни единого раза не была решена ни одна основополагающая проблема философии... зато усилия, затраченные на решения этих проблем, представляются презанятными. То же можно сказать и о сравнительном религиоведении, выбранном в качестве специальности: вы ничего такого не выучите — не придется грызть гранит науки... но вам будет чрезвычайно интересно, если вас занимает человеческая комедия. Меня вот занимает.

Психология, социология, политология, социоантропология — здесь вы рискуете не только чему-нибудь научиться (не многому, но хоть чему-нибудь), но в каждом из этих направлений, возможно, придется действительно работать, долго и упорно.

Если вы хотите победить в этой игре, набрав максимальное количество очков, то выбора у вас, по сути, нет — остается только американская литература. Я полагаю, что вам не пришлось проходить курс «английского для тупиц» и вы умеете печатать на машинке. В университете без педагогического факультета (а в КУСК его нет) английская литература в качестве специальности — очевидный выбор, если вы хотите четыре года валять дурака. Нужно будет подстраиваться под выкрутасы преподавателей, которые знают о действительно важных вещах не больше вашего... но подстраиваться под наставников нужно в любой дисциплине, не основанной на математике.

Вы заметили, что у преподавателей английского языка и/или американской литературы не предполагается профессиональных навыков в той сфере, в которой они преподают? Медицине учат доктора медицинских наук на примере живых пациентов; инженерному делу учат инженеры, строившие настоящие мосты, которые не падают; юриспруденции учат юристы; музыке — музыканты; математике — математики, и так далее.

А вот, к примеру, курс «Американский роман» преподают авторы американских романов?

Да. Иногда. Но это случается так редко, что исключения резко выделяются на общем фоне. Джон Барт. Пятьдесят лет назад Джон Эрскин. Несколько авторов научной фантастики (почти все — продаваемые авторы задолго до того, как их завербовали). Один маленький полк в целом стане батальонов, составленных из преподавателей английской словесности.

Чтобы получить степень в области американской или английской литературы, аспиранту нет нужды писать литературные произведения; предполагается, что он их будет критиковать.

Можете себе представить, что человеку присудили степень в медицине за то, что он критиковал великих врачей, а сам при этом никогда не учился удалять аппендикс или диагностировать *Herpes zoster*?¹ А потом с такой вот диссертацией его наняли учить студентов медицины?

Разумеется, для подобного безобразия имеется причина. Деньги, которые зарабатывает опытный писатель, намного превышают жалованье преподавателей английского даже в наших самых престижных университетах, поэтому хорошо освоившего свое ремесло писателя преподавание уже не манит.

Существуют и исключения — успешные писатели, которым по-настоящему нравится преподавать, настолько, что они не бросают это дело и пишут только летом, на каникулах, по вечерам, выходным, во время творческих отпусков. Я знаю нескольких таких, но ключевое слово здесь «несколько». По большей же части члены писательской братии, чьи произведения продаются, ленивы, своевольны и настолько не приемлют жесткого расписания, что пойдут буквально на все (даже сдадут рукопись в срок), лишь бы не устраиваться на работу.

В основном преподаватели английской словесности не в состоянии писать романы, которые бы публика-

¹ Опоясывающий лишай (*лат.*).

лись... многие не в состоянии писать и приличную публицистику — а если и в состоянии, то, конечно же, ей недостает того стиля, индивидуальности и изящества (а также глубины), какие демонстрировал преподаватель биологии Томас Г. Гексли. Или преподаватель астрономии сэр Фред Хойл. Или преподаватель физики Джон Р. Пирс. Почти все преподаватели английского публикуются, но в университетских изданиях или профессиональных журналах. А посоревноваться в заработках с публикациями в «Плейбое» или романами о Тревисе Макги?¹ Не могут они и не будут!

Но если вы поведете себя осторожно и не будете тыкать их носом в этот унижительный факт, а, наоборот, с уважением и вниманием отнесетесь к их мнению даже о (фу!) «писательском мастерстве», они помогут вам безболезненно дотянуть до бакалаврской степени.

У вас останется куча времени для курсов по выбору, которые понадобятся для учебного плана; вот несколько забавных вариантов, где вы практически ничему не научитесь.

«Судьба Фауста».

«Мистицизм».

«Поиски нового образа жизни».

«Американская дилемма: все ли люди равны?»

«Энология»: история, биология и химия в виноделии. Здесь-то вы чему-нибудь да научитесь, но такой лакомый кусочек слишком жалко упускать.

«Западный оккультизм: магия, мифы и ересь».

Целый колледж, предназначенный для игр и веселья («эстетическое обогащение»). Можно выбрать курсы, за которые начисляются зачетные единицы, но в своем учебном плане для ленивых вы сможете позволить себе и курсы без зачетных единиц, к тому же абсолютно любой предмет можно превратить в курс с зачетными единицами, если правильно сосватать его своему куратору и/или учеб-

¹ *Тревис Макги* — персонаж детективных романов американского писателя Джона Макдональда (1916–1986).

ной методической комиссии. Я уже перечислил девять курсов, добавлю еще:

«Массовая культура» — плюс клубы и кружки по садоводству, фотографии, кинематографии, книгопечатанию, керамике, шелкографии, оркестровой музыке, джазу и так далее.

Сюда же можно отнести «Театральное искусство». За такие курсы полагаются зачетные единицы, в том числе за:

«Фильмы о фантастическом и вымышленном»: фэнтези, ужасы, научная фантастика и т. д. (!)

«Кинематографический семинар».

«Кинопроизводство».

«История и эстетика немого кино».

«История и эстетика кинематографа в эпоху звукового кино».

«Введение в мировой кинематограф».

Просмотр фильмов, конечно же, можно приравнять к получению степени по английской словесности. В кино и телевидении пользуются услугами писателей (как можно меньше, это правда). Хотя что-то, хоть какая-то связь тут имеется.

Радуйтесь жизни, пока можете. Эта эпоха динозавров скоро закончится.

Двухгодичный колледж для всех подряд предлагает еще более шикарную программу, чем КУСК. Это хорошее профессиональное училище, где можно освоить, например, профессию помощника стоматолога, но при этом в вашем распоряжении целый банкет, где предлагаются на выбор всевозможные развлечения: «Символизм и таро», «Курс среднего уровня по бридж-контракту», «Фолк-музыка на гитаре», «Лоскутные одеяла», «Ковка лошадей», «Китайская кухня», экскурсии в Херс-Касл, современный джаз, даосизм, хатха-йога, айкидо, терапия полярности, пантомима, керамика раку, велоспорт, танец живота, точечный массаж, армянская кухня, откровения и про-

рочества, искусство сдобы, методика продажи страховых полисов, сексуальность и духовное начало, домашний хлеб, ткацкое искусство Эквадора, дао физики и много еще чего! В числе новейших курсов «Антропология в научной фантастике», я все еще пытаюсь разобраться, что это значит.

Не имею ничего против всего вышеперечисленного... но почему же этот детский сад оплачивается из налогов? Хлеб и зрелища.

Впервые я начал замечать упадок образования в письмах моих читателей. Вот уже сорок лет я храню эти письма. Вскоре после Второй мировой я обратил внимание, что самые молодые читатели пишут не прописью, но печатными буквами. К середине пятидесятых упадок в чистописании и правописании стал очень заметным. Письмо сегодняшнего ученика средней или даже старшей школы обычно трудно, а иногда вообще невозможно прочитать: почерк ужасающий (в девяти случаях из десяти пишут мягким карандашом на заляпанной бумаге), правописание хромает, грамматика туманная и загадочная.

Мало кого из молодых людей сегодня учат, как складывать лист формата $8,5 \times 11$ дюймов, чтобы он уместился в конверт одного из двух стандартных размеров, специально предназначенный для этого формата.

А потом все эти особенности стали появляться и у студентов колледжей. Очевидно, «английского для тупиц» (как я слышал, в наши дни его преподают везде) недостаточно, чтобы исправить недочеты учителей средней и старшей школы, которых по большей части и самих не обучали должным образом.

Прогрессирующий упадок мне виден так явственно еще и потому, что часть писем приходит из-за границы, в частности из Канады, Великобритании, Скандинавии и Японии. Любой корреспондент из стран Содружества пишет аккуратно, разборчиво, грамматически и орфографически правильно, демонстрирует вежливость. То же

можно сказать и о письмах из Скандинавии. (Подростки из Копенгагена обычно разговаривают и пишут по-английски лучше, чем большинство подростков из Санта-Круса.) Корреспонденты из Японии всегда пишут аккуратно, но иногда у них странный синтаксис. Вот уже четыре года мне регулярно пишет один молодой человек из Токио. В первых письмах почерк был почти каллиграфический, но я едва понимал суть предложения. Сейчас, четыре года спустя, почерк не изменился, но автор превосходно овладел грамматикой, синтаксисом и стилистикой, лишь иногда необычный выбор слов придает письму экзотический колорит.

Наши государственные образовательные учреждения больше не предоставляют качественное образование. Мы по-прежнему сильны в точных науках и инженерном деле, но даже студентам этих специальностей сильно мешают недостатки начального и среднего образования, а также сокращающееся финансирование исследований и на государственном, и на частном уровне. Одного только этого серьезного упадка в образовании достаточно, чтобы уничтожить нашу страну... Но никаких мер я тут предлагать не стану, потому что единственные меры, которые, по моему мнению, помогут, настолько радикальны, что их можно счесть неслыханными.

Временная перспектива — упадок патриотизма и вооруженных сил

Средняя школа, в которой я учился (с 1919 по 1924 год), стала одной из первых, где ставили эксперимент по разделению на среднюю и старшую среднюю школу. Сначала последние два года в средней школе — неполная средняя школа, а потом еще три года старшей средней школы.

В последнем классе неполной средней школы функционировало одно младшее отделение корпуса вневойсковой подготовки офицеров резерва, а в старшей средней школе — два старших таких отделения. За курсы военной подготовки не ставились оценки, они не были обязатель-

ными; никто не призывал и не отговаривал детей туда ходить. Мальчик мог записаться или не записаться, в зависимости от собственных и родительских предпочтений. Некоторые школьники, только закончившие предпоследний год неполной средней школы (в возрасте около тринадцати), едва в состоянии были поднять винтовку «Спрингфилд».

В Канзас-Сити квартировал полк Федеральной Национальной гвардии США: одно санкционированное занятие строевой подготовки в неделю — по три часа вечером каждую среду, — за которое рядовой получал шестьдесят девять центов, рядовой пехотного класса — доллар, а капрал — аж целый доллар и восемнадцать центов.

Но этим обязательным и оплачиваемым занятием дело не ограничивалось: почти половина полка являлась по воскресеньям в «Военный загородный клуб» — огромный лес, который потом усилиями его членов превратился в стрельбище с помещением для встреч, конюшней и так далее. За воскресные собрания ничего не платили. Ежегодные военные сборы продолжительностью в две недели оплачивались. Почти для всех членов полка это были единственные каникулы (тогда две недели считались стандартным сроком).

Комплектация личным составом в том полку составляла около 96%.

Где-то в 1921 году Конгресс санкционировал создание Службы военной подготовки гражданского населения (СВПГН). Организация оказалась весьма популярной. Кандидат в течение четырех лет проходил летом месячную подготовку на военной базе и в результате мог (если демонстрировал удовлетворительные отметки) получить звание офицера запаса. В СВПГН для гражданских действовала военная дисциплина, но под трибунал их не отдавали. Нарушившего закон могли отправить домой или выдать гражданской полиции, в зависимости от тяжести проступка. Но таких было очень мало.

Кандидатам из СВПГН оплачивали дорогу туда и обратно по три цента за милю — и больше ничего.

В 1925 году я стал курсантом военно-морского училища. На это место претендовал пятьдесят один профпригодный кандидат.

Двести сорок человек из моего класса успешно закончили обучение; сто тридцать выбыли. Лишь один человек из этих ста тридцати ушел добровольно, всех остальных отчислили принудительно, большинство — на первом курсе за академическую неуспеваемость (обычно в области математики), других — на следующих трех курсах за академическую неуспеваемость, по спортивно-физкультурным показателям или другим причинам. Несколько человек отчислили в день выпуска, потому что они не прошли медицинскую комиссию, необходимую для присвоения звания. Еще трое где-то год прослужили на флоте, а потом подали в отставку, но эти трое добровольно поступили на военную службу после нападения на Перл-Харбор. Двадцать восемь человек из тех ста двадцати девяти отчисленных смогли вернуться на действительную службу во время Второй мировой.

Таким образом, за исключением четырех человек, все мои одноклассники оставались на флоте столько, сколько флот готов был их терпеть. Около 25% погибли при исполнении или позже от ран. Ни разу ни в Академии, ни на флоте я не слышал, чтобы курсанты или офицеры выражали желание отчислиться или уйти в отставку. Вполне вероятно, что кто-нибудь обдумывал такую возможность, но в разговорах все безоговорочно соглашались, что флот — это наша жизнь, наш дом и уйдем мы либо ногами вперед, либо если нас выдворят на пенсию по старости.

Что касается военнотружущих рядового состава: когда я поступил на флот (еще до биржевого краха 1929 года и где-то за год до того, как безработица превратилась в серьезную проблему), флотские специалисты по профотбору отклоняли заявки девятнадцати из двадцати добровольцев; в армии отклоняли пять заявок из шести. Показатель повторных контрактов был высоким, показатель дезертирства — таким незначительным, что его не измеряли.

Временная перспектива — вооруженные силы сегодня

Я много раз говорил о своей позиции: я против обязательного призыва на воинскую службу в принципе — и во время войны, и в мирное время — по нравственным соображениям, не подлежащим обсуждению. В остальном же я постараюсь исключить здесь свои личные чувства, как сделал это, описывая радужную картинку в предыдущей части. Я придерживался фактов, а не давал волю эмоциям.

Не стану пересказывать здесь данные, свидетельствующие о том, что сегодня СССР сильнее нас в военном плане, поскольку эта проблема бесконечно обсуждалась и обсуждается в новостях, Конгрессе и профессиональных журналах. В сегодняшних общественных обсуждениях неохотно признается военное преимущество СССР и делается упор на то, насколько именно они нас опережают и что следует предпринять по этому поводу. Подробности этих обсуждений невероятно важны, поскольку нет ничего затратней вторых по боеспособности вооруженных сил — хороших, но недостаточно хороших для победы. В настоящий момент от глупой смерти нас спасает нынешний треугольник, временная ничья... но я не берусь предсказывать, сколько продлится патовая ситуация, поскольку мы не контролируем ключевые факторы и ни правительство, ни граждане, по всей видимости, не желают переходить к политике «пушки вместо масла» в таком масштабе, чтобы нарастить достаточно мощи и чтобы никто не рискнул на нас напасть. Судя по результатам опросов, решающее число избирателей считает, что мы и так слишком тратимся на вооруженные силы.

Нижеизложенную информацию я в основном почерпнул из статьи Ричарда А. Габриэля, профессора политологии из колледжа Сент-Ансельм в Нью-Гемпшире, автора книги «Кризис командования». У меня слишком мало опыта, связанного с сегодняшним состоянием армии, но то, что говорит по этому поводу профессор Габриэль, совпадает с тем, что я слышал от других и о чем

читал (я вхожу во все три ассоциации — армии, флота и ВВС, добавьте к этому Военно-морской институт США и Ассоциацию отставных офицеров ВО США; я получаю много данных из вторых рук, но больше не вижу ситуацию своими собственными глазами, не слышу ничего собственными ушами).

Очень прошу читателей, у которых есть личный опыт военной службы в Корее, Вьетнаме и в других точках уже после вьетнамского позора, написать мне и рассказать о том, что известно им и неизвестно мне, особенно касательно того, где я допустил серьезные ошибки.

Кратко обобщаю статью «Как медленно умирает американская армия» профессора Ричарда А. Габриэля в журнале «Гэллери» в июне 1979 года (с. 41 и далее).

Что касается армии, полностью комплектуемой по найму: в начале этого года в Пентагоне признали, что во всех подразделениях ВС норма по ЛС не выполнена.

30% от общего числа добровольно поступивших на военную службу увольняют за правонарушения еще до истечения первого срока службы. Из оставшихся с каждой сотни семидесяти человек двадцать шесть впоследствии не заключают новый контракт. Уровень дезертирства высочайший в истории... и этот факт частично скрывают, увольняя из армии без суда (то есть: «Вы уволены!»), не прибегая к трибуналу и не применяя взысканий — и то только если дезертир объявился. Никаких усилий, чтобы найти дезертиров, не прикладывают.

По словам профессора Габриэля, который ссылается на генерала Джорджа С. Бланчарда и прочих, сейчас в армии активнее, чем когда-либо, употребляют сильнодействующие наркотики (не марихуану, а героин, кокаин, «ангельскую пыль»), особенно в Европе, по средним оценкам от 10% до 64%. Марихуана не учитывается, но я бы не хотел, чтобы в сражении меня прикрывал человек, обкуранный до одури.

59% добровольно поступивших на службу в армию составляют люди категории 3В и 4 (градиация от туповатых до умственно отсталых)... и это притом что рядовые в наше время имеют дело с очень сложным оружием и меха-

низмами. Добавьте к этому меняющееся соотношение: типичный рядовой может быть американским мексиканцем или пуэрториканцем, типичный сержант — чернокожим, типичный офицер — белым. К тому же офицеров переводят очень часто, а сержантов и рядовых — довольно часто, в такой ситуации попросту невозможно выпестовать дух войскового единства (а отряд без духа войскового единства — это не войсковое подразделение, но вооруженная банда. — Р. Э. Х.).

Сегодня у нас в армии больше высших офицеров, чем было во время Второй мировой. Соотношение количества офицеров к военнослужащим рядового или сержантского состава в два с лишним раза больше, чем в боеспособных армиях прошлого. Но офицер не успевает пробыть со своими подчиненными достаточно долго, чтобы сделаться для них командиром, — он просто-напросто менеджер, не лидер.

В заключение профессор Габриэль пишет: «Самый важный пункт — необходимость вернуть призыв».

Не соглашусь.

И не из моральных соображений. Забудьте о том, что я когда-либо высказывался против солдат-рабов; представьте меня в виде эдакого кровожадного старика, готового абсолютно на все ради победы.

Возвращение призыва нас не спасет, даже если мы внедрим все предлагаемые профессором Габриэлем изменения, чтобы сделать этот призыв «честным».

Как всем известно, мы перескочили из огня да в полымя: переход на контрактную армию вместо создания боеспособной профессиональной армии — это и есть полымя. А профессор Габриэль призывает нас прыгнуть обратно в огонь, но с некоторыми улучшениями — национальная лотерея и никаких отсрочек в принципе¹.

¹ В некоторые периоды истории США (в Первую и Вторую мировую, а также во Вьетнамскую войну) в армию призывали по жребия; каждому из дней года в случайном порядке с помощью лототрона присваивали номера от 1 до 366. Призыву в первую очередь подлежали молодые люди призывного возраста, родившиеся в дни, которым выпали наименьшие номера. Следующие номера призывались по мере надобности.

Ничего не имею против политики равных шансов... но вот почему я думаю, что предложение профессора Габриэля не сработает.

Лотерея, даже самая честная, не заставит человека добровольно пойти в атаку на дот почти без надежды выжить. Такого рода готовность черпает силы из эмоционального источника. Невозможно вытянуть в лотерее дух войскового единства и патриотизм.

Воинская повинность (среди свободных людей) работает лишь тогда, когда она не нужна. Я застал две мировые войны, и в обоих случаях мы прибегали к призыву... но в обоих случаях это делалось для того, чтобы исправить ситуацию с численностью военнослужащих, а не для того, чтобы заставить людей сражаться. Обе войны пользовались популярностью.

Потом у нас было еще две не-войны — в Корее и Вьетнаме — в «мирное время» и с участием призывников. И обе эти невойны обернулись позорной катастрофой.

У меня нет элегантного решения для этой проблемы. Если американцы потеряли желание сражаться и умирать за родину, этого призывом в армию не исправишь. Если такое эмоциональное состояние не изменится (а как его изменить, я не знаю), мы обречены на поражение, несмотря ни на какие разработки в области оружия. Это может произойти разом, или мы будем скатываться постепенно в течение долгих лет — десяти, двадцати, тридцати. Но результат тут один. Если каким-то образом не восстановится прежний дух нашей страны, это будет означать последнюю стадию упадка, конец нашей истории.

Иностранные хозяева, возможно, милостиво разрешат нам сохранить флаг и даже географическое название, но «свободных оплот и храбрых страна» погибнет.

Временная перспектива — инфляция

Зимой 1923—1924 года я заплатил уличному торговцу пять центов за немецкую купюру номиналом пять миллиардов марок — и переплатил: 5 000 000 000 немецких

марок стоили чуть больше цента. А немного позже уже не стоили ничего.

В 1955 году у подножия Акрополя я купил небольшую мраморную статуэтку — копию Венеры Милосской — за десять тысяч драхм. И меня не надули — эта сумма равнялась трем с половиной долларам США.

Британский фунт, турецкая лира, итальянская лира, мексиканское песо и еще несколько названий денежных единиц — все они означают один фунт серебра. Поищите в газете слова «обмен валюты» и «биржевые товары»; достаньте карманный калькулятор и посмотрите, насколько все подверглось инфляции.

Когда мне было лет пять, мы с братьями использовали для игр толстые пачки стодолларовых купюр. Доллары Конфедерации...

Два века спустя в Америке все еще бытует выражение «не стоит и континентального доллара»¹ в значении «не стоит ломаного гроша». Ущерб, нанесенный инфляцией, помнят долго.

До изобретения бумажных «денег» инфляция происходила из-за того, что в серебро и/или золото добавляли неблагородный металл, при этом название монеты не менялось. Таким образом в течение первых трех веков нашей эры полностью обесценился римский денарий. Но инфляция началась не с Октавиана Августа. На заре Римской республики еще до Пунических войн единицей расчета служила либра (римский фунт, равный 273 граммам, или около 60% нашего эталонного фунта в 454 грамма). Такую большую единицу сложно использовать в каждодневной торговле, и ее разделили на 12 унций.

Один римский фунт серебра назывался асс. Одна двенадцатая часть асса, отчеканенная в виде монеты, являлась ходовой валютой. А потом начались война и инфляция...

Постепенно тот изначальный асс, равнявшийся когда-то одному фунту серебра, так обесценился, что стоил уже приблизительно как мелкая монета. Специальным

¹ *Континентальный доллар* — временная бумажная банкнота, введенная в обращение в начале Войны за независимость, в конце войны практически обесценилась.

указом Август вернул в обращение серебряный и золотой стандарт и создал денарий — 3,87 грамма чистого серебра. Двадцать пять денариев приравнились к одному ауреусу (7,74 грамма золота), то есть курс составлял двенадцать с половиной к одному. («Неограниченный выпуск серебряных монет по курсу шестнадцать к одному!» Великий простолудин и император Август имели сходные представления о твердой валюте¹.)

Один августовский денарий по сегодняшней лондонской котировке соответствовал бы приблизительно трем десятым грамма золота или 3,83 доллара (385 долларов за тройскую унцию). Это ничего не говорит нам о его покупательной способности — просто свидетельствует, что августовский денарий был серебряной монетой без примесей весом и размером почти с тот серебряный четвертак без примесей, которым мы пользовались до того, как правительство навязало нам нынешние «слойки». Сколько в Риме около 1 года нашей эры на эту монету можно было купить оливкового масла или сколько раз расплатиться за обед — можно приблизительно определить по сохранившимся записям. Но за все золото Рима вы не купили бы ни таблетки аспирина, ни коробка спичек. Так что сравнивать тут нечего. К тому же в ходу были только металлические деньги — ни бумажных купюр, ни банковских чеков, ни безналичных переводов, — но я не могу подробно объяснять, как это все влияет на покупательную способность, потому что тогда придется написать книгу по фискальной теории вдвое толще этой (я бы с удовольствием это сделал, но такую книгу никто не купит).

Август стабилизировал римские деньги, определив их в двух видах товарно-сырьевого ресурса, каждый из которых был сам по себе ценен и практически неуничто-

¹ Лозунг о возврате к биметаллизму (системе, при которой роль всеобщего эквивалента закрепляется и за золотом, и за серебром), популярный в конце XIX в. в США; *Великий простолудин* — здесь прозвище Уильяма Брайана (1860–1925), американского политика, поддерживавшего эту идею, кандидата в президенты от Демократической партии на выборах 1896, 1900 и 1908 гг.

жим и стабильно имелся в наличии; кроме того, он определил официальный курс между этими двумя денежными единицами — попытка перехитрить закон Грешема¹, тогда о нем еще не имели представления, но Август словно нутром чуял. (Я не про Билла Грешама, а про другого Грешема — Томаса.) Но и у биметаллизма имеются свои недостатки; в свободной экономике курс обычно начинает расходиться с официальным, и тогда вступает закон Грешема. Впрочем, с монетами все происходит очень медленно: не сравнить с той катастрофической инфляцией, которую вызывает печатание необеспеченных бумажек или уменьшение содержания благородных металлов в деньгах.

Цезарь Август умер в 14 году нашей эры.

Не успело его тело остыть, как принялись за работу стервятники. Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон — даже Клавдий не сделал ничего, чтобы остановить разграбление. В 80 году нашей эры Тит попытался по примеру Августа вернуться к честным деньгам, но в сентябре следующего года он умер, а его преемник оказался форменной катастрофой даже по меркам цезарей.

«Не надейтесь на князей»². В следующие двести лет деньги продолжали обесцениваться при каждом цезаре. Диоклетиану (годы правления: 294—305 нашей эры) достался в наследство полностью обесцененный денарий. Он вернул в Рим биметаллизм на уровне чуть ниже августовского, но при этом нещадно расплодил бюрократию, ввел непомерные налоги, чтобы оплатить свои «реформы», и установил официальные цены — и получилось то, что обычно и получается.

После его ухода (не убийства!) обесценивание денег возобновилось, при этом налоги остались высокими,

¹ Закон Грешема (по имени финансового советника английской королевы Елизаветы I Томаса Грешема; 1519—1579) — экономический закон, гласящий: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие». В частности, при биметаллизме с законодательно закрепленным официальным курсом и плавающим рыночным люди начинают копить те монеты, которые сейчас дороже, и таким образом эти монеты исчезают из обращения.

² Пс. 145: 3.

и Рим покатился под откос. Упадок Рима и упадок денара происходили параллельно.

У меня есть соблазн вспомнить тут катастрофическую гиперинфляцию во Франции в эпоху Великой революции (а также последующие три) и инфляцию в еще нескольких странах в другие исторические периоды. Но все они однообразны и отличаются от обесценивания металлических денег в основном тем, что из-за изобретения бумажных денег упадок национальной валюты успевает полностью выйти из-под контроля еще до того, как люди это замечают. В начале двадцатых годов в Германии покупатели ходили в бакалейные лавки с тачками — не для того, чтобы увозить домой покупки, но чтобы отвозить деньги бакалейщику. Однако на ранних стадиях катастрофическая инфляция кажется «расцветом». Зарплаты и доходы растут, становится проще расплатиться по старым долгам, процветает коммерция.

И только позже люди замечают, что цены и налоги растут быстрее, чем зарплаты и доходы, что все труднее сводить концы с концами.

Есть такое стойкое убеждение, подкрепленное эмоциями, что «доллар — это доллар». (Гитлер говорил: «Марка — это марка!») Но можно пересмотреть его с позиции цены на хлеб или с количества минут, за которые можно этот доллар заработать. Да еще не забудьте налоги! Как минимум каждые первые три месяца в году вы работаете исключительно на оплату налогов, и уже потом зарабатываете первый доллар для себя. А если нет, то, значит, вы так или иначе сидите на пособии. Возможно, вам кажется, что вы платите не так много: удерживаемые из зарплаты и скрытые налоги взимаются под наркозом. Попробуйте разделить федеральный бюджет на количество работающих (причем не на государственной службе), а потом прикиньте, где тут окажетесь вы сами. Не забудьте проделать то же самое на уровне штата, округа, города. Все люди делятся на тех, кто производит, тех, кто забирает, и тех, кто жульничает, четвертого не дано, и сегодня количество забирающих и жульничающих (а также

их избирательных голосов) превышает количество производящих.

В наши дни на выплату национального долга каждый год уходит больше долларов, чем составлял полный бюджет последнего и самого дорогого года Корейской войны. Не стану приводить здесь сумму нашего государственного долга. Если вы давно не слышали эту цифру, вы просто не поверите. Если не знаете, позвоните своему конгрессмену и поинтересуйтесь. У него должно быть местное представительство где-нибудь в ваших краях. Если телефонная информационная служба не сможет (или не захочет) дать его номер, то его точно знают в новостной редакции абсолютно любой газеты.

Мы никогда не сможем выплатить наш национальный государственный долг. Точка невозврата пройдена. Инфляция продолжит расти, все быстрее и быстрее... а принимать на себя основной удар по-прежнему будут старики с фиксированным доходом и молодые люди, пытающиеся завести семью.

Каждому конгрессмену, каждому сенатору прекрасно известно, чем вызвана инфляция... но он не может (не хочет) выступить в поддержку радикальных реформ, чтобы ее прекратить, потому что это может (и, скорее всего, будет) стоить ему места. Решения у меня нет, только один совет: купите себе тачку.

Век неразумности

Меня воспитали в одном из штатов «библейского пояса»¹ в атмосфере наифанатичнейшего религиозного фундаментализма, когда каждое слово из Библии короля Якова буквально считалось словом Божиим; я вырвался на свободу лишь в тринадцать, когда мне в руки впервые попали «Происхождение видов» и «Происхождение человека», — так что мне не следовало бы удивляться наби-

¹ «Библейский пояс» — регион на юго-западе США, известный своей приверженностью к евангельскому протестантизму.

рающим обороты в нашей стране антиинтеллектуальным и антинаучным настроениям.

Я знал, что наш американский темперамент, с одной стороны, практичный, как остро заточенное орудие, с другой — всегда лишь на три четверти дюйма отстоял от безмозглой истерии. Я это знал — моя первая повесть называлась «Если это будет продолжаться...», ее сюжет строился на следующем допущении: мои соотечественники расстались со своими так дорого купленными свободами и подчинились грубой и нелепой религиозной диктатуре.

(Сорок лет я получаю письма, касающиеся этой повести, и ни разу никто не критиковал в них само допущение, из чего я заключаю, что не единственный верю в подобную возможность.)

Я много читал о ку-клукс-клане во времена трагической эпохи, беседовал со многими, кто застал тогдашние события, а потом сам увидел возрождение этого явления по всей стране в начале 1920-х. Я наблюдал различные проявления идиотизма, начиная с танцевальных марафонов и заканчивая сидением на флагштоках¹, и подробно изучал поведение толпы и массовые заблуждения. И подмечал, не особенно вдумываясь, развивавшиеся поначалу медленно антиинтеллектуальные и антинаучные движения.

И тем не менее эта дрянь застала меня врасплох.

Позвольте перечислить здесь некоторые признаки:

- а) гадание по «Книге перемен»;
- б) культы, пропагандирующие возвращение к природе;
- в) крах общего образования;
- г) нынешнее уважительное отношение «интеллигенции» (например, преподавателей вузов, представителей нью-йоркских литературных кругов и так далее) к астрологии;

¹ *Сидение на флагштоках* — модное веяние, распространенное в США в середине и конце 1920-х гг.; на флагштоках, столбах и проч. сидели на спор, чтобы продемонстрировать свою выносливость и поставить рекорд. Первые рекорды измерялись часами, один из последних составил более 50 дней.

д) «эксперты» в области ядерной энергетики и ядерного оружия, которые не имеют ни малейшего представления о математической физике и с довольным видом это признают;

е) «эксперты» в области экологии Северной Аляски, которые никогда там не бывали и не обладают математическими знаниями, необходимыми для анализа связанных с экологией проблем;

ж) люди, которые по несколько часов в день смотрят телевизор, черпают оттуда все свои мнения — и открыто их излагают;

з) люди, которые по несколько часов в день смотрят телевизор;

и) возрождение креационизма: «Яхве следует уделять в образовательной программе столько же времени, сколько уделяется теории эволюции»;

к) возрождение ведьмовства.

Безмозглые болваны, люди, которые не прибегают к индукции или дедукции, но, подобно дикарям, мыслят линейно, люди, которые раньше уважали подкрепленное знаниями мнение или, по крайней мере, держали язык за зубами, — все они нынче решительно пошли в атаку. Факты и логика не имеют значения, «правду» подсказывает им интуиция.

И если хотя бы один из перечисленных выше пунктов кажется вам разумным, то я не буду ничего с вами обсуждать, вы сами являетесь частью проблемы.

Но я проиллюстрирую свои доводы там, где, по моему мнению, может возникнуть недопонимание.

А. Гадание по «Книге перемен» — ничего хорошего о нем сказать нельзя, разве что оно проще прорицания авгуров. По точности мало отличается от китайского печенья с предсказанием, но во втором случае вам хотя бы достается печенье. И тем не менее к этой восточной чепухе относятся с превеликой серьезностью многие «образованные» люди. Она настолько популярна, что выгодно стало торговать соответствующими книгами, аксес-

суарами, журнальными статьями и частными уроками. Вместе с гаданием по «Книге перемен» широко распространилось гадание по картам Таро. Раньше предсказания по картам были веселой салонной забавой, элементом брачных игр: девица на выданье, ограниченная выбором слов и правилами приличия, присущими последнему десятилетию XIX века, могла сообщить пребывающему в состоянии полового возбуждения молодому человеку практически что угодно, определенным образом «прочитав его судьбу», — и при этом все очень пристойно. Но ни он, ни она не относились к картам серьезно.

Раньше Таро пользовались только цыгане или гадалки, притворявшиеся цыганами. Этими картами никто не торговал, их трудно было отыскать. Сегодня их, как и книги, анализирующие их «толкование», можно раздобыть с той же легкостью, с какой доставали спиртное во времена сухого закона. Ужасающее количество людей совершенно серьезно относится к чтению Таро — появление повешенного может ввергнуть в серьезную тоску.

Б. Культы, пропагандирующие возвращение к природе, — под ними я не подразумеваю нудистские курорты или пляжи для «раскрепощенных». Растущее осознание того, что человеческое тело — это не бесстыдство, является для нашей безумной культуры вполне здоровым и здоровым контртечением. Под культами, пропагандирующими возвращение к природе, я подразумеваю людей, которые, сбившись вместе, «возвращаются к земле» — выращивают себе еду без пестицидов, без минеральных удобрений, без машин, целиком полагаясь лишь на свои собственные силы... но при этом не осознают, что для производства садовых вил требуются угольные шахты, железная руда, доменные печи, металлургические комбинаты, заводы и так далее. А чтобы построить что-нибудь более сложное, чем хижина из бревен или дерна, нужна строительная промышленность и так далее.

Реши мы все вдруг вернуться к природе, большая часть быстро начала бы голодать. Эти чокнутые любители всего природного просто не умеют считать.

В. Крах общего образования — нет смысла повторяться.

Г. Астрология. Точка отсчета: пятьдесят с лишним лет назад астрологию в основном считали нелепым суеверием, из которого выросли практически все, за исключением крошечного меньшинства. А сегодня это общепринятая норма для многих, вероятно — для большинства. Подобные патологические изменения происходят параллельно с упадком государственного образования.

Специально оговорим: древние астрологи выступали в качестве ученых в том смысле, что могли предсказать определенные явления описательной астрономии (например, затмения, положение солнца, луны, видимых невооруженным глазом планет и так далее). Верили ли они в те предсказания, которые делали для своих королей, покровителей или клиентов, — не важно. Проверить науку можно по ее способности точно предсказать что-либо; халдейские жрецы, к примеру, делали выдающиеся предсказания с помощью изготовленных вручную инструментов для наблюдений невооруженным глазом.

Уже давно известно, что Солнце является тепловым двигателем, контролирующим нашу погоду. Недавно, когда были открыты солнечный ветер, радиационные пояса и так далее, мы узнали о различных факторах, влияющих на нас и нашу погоду, о которых и понятия не имели раньше, и точные предсказания делаются эмпирически — без какой-либо убедительной теории.

«Вы кто по гороскопу?» — не припомню, чтобы слышал этот вопрос до Второй мировой войны. Сегодня же практически невозможно избежать его на какой-либо встрече (включая вечеринки, где присутствуют почти исключительно университетские преподаватели с супругами) — либо его задают вам, либо вы слышите, как его задают соседу.

Сегодня астрология получила такое широкое распространение, что ее поборники убеждены: все встречные тоже обязаны в нее верить, а если вы не верите, значит вы, видимо, немного того. Не знаю, сколько именно людей

в процентном соотношении верит в астрологию, анализирующую время рождения человека (простите за это неуклюжее выражение, но я хочу ввести конкретный термин, под которым подразумевается, что день, точное время и географическая точка рождения, а также положения солнца, луны и планет по отношению к знакам зодиака в это конкретное время влияют на жизнь соответствующего человека в степени, сопоставимой по значимости с генетической наследственностью и с воспитанием и образованием). Не знаю, каков процент истинно верующих в нее, но он достаточно высок, ведь редакторы газет готовы отказаться от второстепенных новостей или тематических статей в пользу ежедневного гороскопа.

Можно даже сказать, что истинно верующие полагают астрологию более важным фактором, чем наследственность и среда, поскольку с полной серьезностью считают, будто положение планет и звезд при рождении влияет на каждый день жизни: благоприятные дни для деловых начинаний, плохие дни для путешествий и так далее до бесконечности.

Проверить науку можно по ее способности точно что-либо предсказать. Среди самых уважаемых американских астрологов есть одна дама, которая не только ведет ежедневную колонку во многих крупных газетах, но также ежегодно публикует предсказания на предстоящий год.

Вот уже десять лет я собираю и подшиваю ее ежегодные предсказания. Эту даму охотно рекомендуют, и, по всей видимости, в свои предсказания она искренне верит. Так что я намеревался гарантировать ей презумпцию невиновности.

У меня в руках ее предсказания на 1974 год, опубликованные в воскресенье 13 января 1974 года.

Некоторые выдержки оттуда: «...Никсон... благополучно переживет Уотергейтский скандал... переживет испытание импичментом и требования уйти в отставку... останется в истории как великий президент... найдет виновных в трагедии Перл-Харбора» (оправдание Кимме-

ла и Шорта...¹) «в... 1978 году... официально объявят об изобретении лекарства от рака... результат долгих исследований». (1974). «Доллар сильно укрепит свои позиции, так как платежный баланс отражает экономическую независимость в области нефтедобычи». «Трагическое положение дел в Ирландии сохранится до 1978 года (курсив мой. — Р. Э. Х.)». «Вилли Брандт» (будет переизбран) «и останется у власти на долгое время. К середине 1978 года он будет пользоваться фантастической популярностью». (6 мая 1974 года Брандт ушел в отставку во время шпионского скандала.) Там много других предсказаний, которые либо слишком расплывчато сформулированы, либо относятся к слишком отдаленному будущему и проверить их нельзя. Я опустил тут ее многочисленные предсказания, касающиеся Джеральда Форда, потому что все они исходили из того, что он останется вице-президентом.

О событиях, связанных с вышеупомянутыми людьми и реалиями, вы можете прочитать в подшивках большинства крупных газет.

Д и Е. Нет необходимости в комментариях.

Ж и З. Нет необходимости в комментариях, разве что отмечу, что эти категории накладываются друг на друга, но друг друга не дублируют. Еще следует добавить сюда «людей, которые разрешают своим детям смотреть телевизор по несколько часов в день» (распространение телевидения, как и распространение автомобилей, предсказывали часто... но серьезных последствий этого распространения не предсказывали никогда).

И. Возрождение креационизма. Если вам нравится верить, что Яхве создал вселенную так, как это описано в Книге Бытия, не буду с вами спорить. Но я не обязан

¹ Адмирал Эдвард Хазбенд Киммел, главнокомандующий Тихоокеанского флота США во время атаки на Перл-Харбор, и генерал-лейтенант Уолтер Шорт, командовавший в то время военной базой США на Гавайях, некоторое время находились под следствием, но до суда дело не дошло. Степень их вины (а также степень вины лиц, не передавших им разведданные) до сих остается предметом споров.

уважительно относиться к вашей вере и не думаю, что закон, обязывающий включать в учебники для государственных школ библейскую версию, честен или соответствует конституции. Как тогда насчет Ормузда? Урана? Одина? Существует бесчисленное множество религий, и у каждой имеется свой уникальный миф о Сотворении мира. Нужно ли преподносить один из них в школах в виде научной гипотезы потому лишь, что сторонники соответствующей религии могут обеспечить большинство на выборах или собрать инициативную группу в столице штата? Это тирания толпы, навязываемая меньшинствам вопреки поправкам к конституции.

Откровению место не в научных книгах, но в трудах по религиоведению. Космогония — труднейшая область астрономии, и результаты у нее пока скромные. Космологи сами же первые это подтвердят. Но черт побери, они все-таки пытаются! Пытаются, прибегая к логической методологии и доказательствам по мере их обнаружения, и соответствующие гипотезы беспрестанно и безжалостно критикуют их ученые коллеги.

Они не должны уступать место на кафедре или в учебниках людям, которые проповедуют древние мифы, основываясь лишь на «Божественном откровении».

Даже если предположить, что менее одной миллионной части граждан США верят в Брахму, но практически все верят в Яхве и Книгу Бытия, это не изменило бы конституционное положение. Ни тому ни другому не место в учебнике, который изучается в школе, содержащейся на деньги налогоплательщиков. Но если уж Яхве там оказался, то должен оказаться и Брахма. А как тогда насчет бога из религии эскимосов, создавшего мир весьма неприятным способом? В нашей стране много граждан эскимосов.

К. Возрождение ведьмовства. Раньше считалось, что монополией на культы фактически обладает Южная Калифорния. Теперь все изменилось. («Культ и религия» — этим иллюстрирующим их отличия определением я обязан

Л. Спрэгу де Кампу. «Религия» — вера, в которой человек воспитывался с рождения; а «культ» — вера, в которую добровольно обратился взрослый человек. Слово «культ» сторонники более старых религий часто используют как оскорбление, чтобы выразить пренебрежение к религиям более молодым. Но тут часто возникают противоречия. В I веке нашей эры христианство воспринималось как культ-выскачка и Синедрионом, и римскими жрецами. Слово «культ» также используют, чтобы выразить пренебрежение к религиям со «странными идеями» и «странными ритуалами». Тут вы еще скорее уцепитесь за собственный хвост. «Странный» — это по чьим меркам?

Глядя на определение господина де Кампа, можно сделать определенный вывод о той ситуации, когда взрослый и предположительно находящийся в здравом уме человек обращается в какую-нибудь известную и старую религию — вроде ислама, синтоизма или англиканской церкви... Но самый важный вывод, который можно сделать из этого определения, таков: человека, который с рождения воспитывался, скажем, как пресвитерианин, не сочтут странным или неразумным, если он останется пресвитерианином до конца дней своих, даже потеряв веру, — его сочтут всего лишь прагматичным. Жена и отпрыски — пресвитериане, церковь вроде как положительно влияет на детей, многие друзья — пресвитериане. Удобная привычка, обеспечивающая определенный статус среди соседей.

Но если такой человек внезапно облачится в оранжевые одежды, обреет темечко, а потом отправиться на улицу плясать и кричать: «Харе Кришна!», то в ближайшем будущем он, скорее всего, потеряет свою фирму по продаже «шевроле». И богословие тут вовсе ни при чем.)

Один из симптомов нынешнего Века неразумности, антинаучного и антиинтеллектуального: в США — явный расцвет новых культов. Новые культы были у нас всегда. В XIX веке они плодились в Новой Англии словно мухи. Потом настала очередь Южной Калифорнии.

А сегодня создается такое впечатление, что они возникают вообще повсюду, да еще с готовностью заимствуются из-за границы. Дзен-буддизм просуществовал здесь уже столько, что обычно к нему относятся с уважением... но все же слишком недолго (1950) — мало кто из взрослых американцев неамериканского происхождения может утверждать, что воспитывался в этой религии. В Японии это древняя религия, а у нас — все еще культ: возьмем, к примеру, Алана Уотса (1915—1973), который из католического священника сделался англиканским священником, а потом священником-дзен-буддистом. Сомневаюсь, что есть какие-то точные данные, касающиеся количества дзен-буддистов в Америке, но показательно, что слова «сатори» и «коан» появились во всех четырех стандартных американских словарях только через шестнадцать лет после того, как дзен-буддизм распространился среди неамериканского населения.

Еще есть муниты, и сайентологи, и те странные люди, которые собрались все вместе, поехали в Южную Америку и устроили там массовое самоубийство, и последователи того толстяка из Индии, и... просто оглянитесь вокруг. Проверьте телефонный справочник. *Я никоим образом не выражаю никакого мнения о догматах вышеупомянутых религий* — просто отмечаю, что со времен Второй мировой американцы толпами уходили из своих «традиционных» церквей и вступали в церкви, новые для этой страны.

Ведьмовство не ново, оно никогда не вымирало окончательно. Но фактически из-за огромного количества ведьм-неофитов для большей части ее сегодняшних последователей это новая религия. («Колдун» — оскорбительно, поэтому в отношении и мужчин, и женщин считается правильным использовать слово «ведьма». Сама религия обычно называется «Древняя религия» или «Искусство», а не «ведьмовство».)

По природе своей «искусство» тяготеет к подполью; ведьмы не могут забыть повешенных в Салеме, сожженных в Германии и завет «Ворожеи не оставляй в живых»

(Исход, 22: 18), обычно применяемый в отношении древней религии. Даже во времена нынешнего воскрешения я обнаружил лишь четыре ковена, а поскольку я сам не ведьма, на шабаше мне бывать не приходилось (в мasonicкую ложу попасть и то легче!).

«Искусство» не является ни поклонением дьяволу, ни черной мессой, хотя и эти два явления в последние годы получили некоторое распространение.

Если раньше ведовство не попадало в ваше поле зрения, зайдите в любой большой книжный магазин и обратите внимание, сколько новых изданий связано с этой темой. В основном это скороспелые фальшивки, написанные не ведьмами, всего лишь попытка нажиться, — но само их существование весьма красноречиво. Выкажите интерес — и, возможно, какая-нибудь ведьма рискнет обнаружить себя, обронив нечто вроде: «Эту не стоит брать. Вот эту попробуйте». Проявите дружелюбие и вежливость — и, быть может, узнаете гораздо больше.

Я очень удивился, когда обнаружил, что в нашей стране существует больше десятка (насколько больше — гадать не берусь) периодических изданий, посвященных исключительно древней религии.

Временная перспектива — резкое и злокачественное разрастание правительства

Уилл Роджерс¹ говорил, что нам повезло: у нас не столько правительства, за сколько мы платим. Он был (и остается) категорически прав... но Роджерс умер 15 августа 1935 года. За последние двенадцать месяцев его несправедливо короткой жизни федеральное правительство потратило 6 400 000 000 долларов. В год его рождения (1879) федеральное правительство потратило 274 000 000 долларов — тот год получился накладным, поскольку мы возобновили обмен бумажных денег на металл после инфляции необеспеченных долларов, выпущенных во время Войны

¹ Уильям Пенн Эдер «Уилл» Роджерс (1879–1935) — американский комик, актер и журналист.

Севера и Юга, — 346 700 000 долларов необеспеченными деньгами.

Что бы подумал Уилл Роджерс о бюджете в 300 миллиардов долларов и более?

(Цифры взяты из «Статистической истории США», опубликованной Бюро переписи населения США)

Год переписи	Население	Фед. служащие на ур. штата и местн. Всего госслужащих	Средства фед. бюджета <u>Фед. расходы</u> Профицит/ дефицит	Федеральный гос. долг
1910	91 972 266	388 708 ?	\$675 512 000 <u>693 617 000</u> (—)\$18 105 000	\$1 146 940 000
1920	105 710 620	655 265 ?	\$6 648 898 000 <u>6 357 677 000</u> \$291 221 000	\$24 299 321 000
1930	122 755 046	601 319 <u>2 622 000</u> 3 223 319	\$4 057 884 000 <u>3 320 211 000</u> \$737 673 000	\$16 186 310 000
1940	131 669 275	1 042 420 <u>3 206 000</u> 4 248 420	\$6 900 000 000 <u>9 600 000 000</u> (—) \$2 700 000 000	\$50 700 000 000
1950	150 697 361	1 960 708 <u>4 098 000</u> 6 058 708	\$40 900 000 000 <u>43 100 000 000</u> (—) \$2 200 000 000	\$256 900 000 000
1960	178 464 236	2 398 704 <u>6 083 000</u> 8 481 704	\$92 500 000 000 <u>92 200 000 000</u> \$300 000 000	\$290 900 000 000
1970	203 235 298	2 981 574 <u>9 830 000</u> 12 811 574	\$193 700 000 000 <u>196 600 000 000</u> (—) \$2 900 000 000	\$382 600 000 000
(1980)	(222 000 000)	(3 600 000) <u>(14 500 000)</u> (18 100 000)	(\$300 000 000 000) <u>(\$310 000 000 000)</u> (—) (\$10 000 000 000)	(\$525 000 000 000)

(Цифры за 1980 год — экстраполяция = исключительно предположения.) (Осторожные?) Чересчур осторожные! — вы знали это, когда их читали, и я знал это, когда делал расчеты. По этим цифрам я построил графики на

миллиметровке, сгладил кривые, *запретил себе думать о том, что я знаю по памяти* (даже сдержался и не стал обращаться к справочникам из серии «Всемирный альманах», чтобы перекрыть промежуток в девять лет с момента окончания данных «Статистической истории»), и экстраполировал кривые до 1980-го — *не касательные, а сами кривые.*

Исходя из самых точных цифр, какие удалось раздобыть на сегодня (20 ноября 1979 года), наш бюджет составляет 547 600 000 000 долларов; предполагаемый дефицит 29 800 000 000 долларов; а текущий государственный долг оценивается в 886 480 000 000 долларов (!!!).

Финансовый год закончится 30 сентября — только через десять месяцев. За десять месяцев многое может произойти. Неожиданные события всегда влекут за собой неожиданные расходы... но, если очень повезет, дефицит не особенно увеличится, а размер государственного долга не превысит 900 000 000 000 долларов.

В случае войны любые прогнозы теряют смысл.

Происходит то, что всегда происходит во время инфляции необеспеченных денег: после определенного момента, который сегодня невозможно предсказать из-за бесчисленных человеческих переменных факторов, она выходит из-под контроля, а соответствующая валюта обесценивается. Обычно потом устанавливается диктатура. А дальше может случиться все что угодно — но уж точно ничего хорошего.

Инфляция «гринбеков» — необеспеченных долларов времен Войны Севера и Юга не привела к краху доллара и конституционного правительства только потому, что не произошло отказа от обеспечения золотом, — его просто отложили на сравнительно короткое время. Партия гринбекеров хотела по-прежнему печатать бумажные деньги и не возвращаться к размену бумажек на металл — но в конце концов мы выстояли и оплатили металлом необеспеченные доллары, которыми финансировалась война со стороны Союза. С 1862 по 1879 год золото и серебро не имели внутреннего хождения. Наш пассивный торго-

вый баланс за 1861—1865 годы, который не обеспечивался золотым запасом, составлял 296 000 000 долларов. Тяжелые времена и высокие налоги, но мы справились.

Инфляция во времена Французской революции была вызвана необеспеченной эмиссией. С апреля 1790 года по февраль 1796 года отпечатали 40 миллиардов ливров или франков. Потом их сменили новые бумажные деньги (мандаты); на следующий год было объявлено, что и те и другие больше не являются законной валютой (просто бумажки!); а еще через два года к власти пришел Наполеон, чтобы «спасти Республику» (!).

Мы все еще можем предотвратить полное банкротство, для этого надо вернуться к какому-то твердому стандарту (золото, серебро, уран, ртуть, бушель пшеницы — да что угодно). Но это будет непросто, потребуются непопулярные меры, и для всех наступят тяжелые времена, пока мы не оправимся от сильнейшего похмелья. Думаєте, найдутся члены Конгресса и президент, которые смогут избраться с подобной программой?

В броне любой демократии есть одно слабое место: когда плебс понимает, что можно наголосовать себе хлеб и зрелища, он обычно так и голосует... вплоть до того дня, когда не остается ни хлеба, ни зрелищ. И тогда простой народ начинает линчевать сенаторов, конгрессменов, банкиров, сборщиков налогов, евреев, бакалейщиков, иностранцев, представителей любого меньшинства — на ваш выбор. Поскольку простой народ точно знает: виноват не он. Гражданин поддерживает государство до тех пор, пока не наступает пора принять вину за свою гражданскую позицию, — и тогда он требует козла отпущения.

Я привел официальные цифры без комментария, стремясь показать, что происходило у нас за последние семьдесят лет... и как мы дошли до сегодняшнего безобразия. Но хотя я и полагаю, что наше правительство в большей степени почти честно с нами, чем некоторые другие правительства со своими гражданами (см. послесловие к «„Интурист“ изнутри»), в этих официальных цифрах много чего не сходится. К примеру, налоги на социаль-

ное страхование поступают в общий фонд и тратятся. Если бы социальное страхование на самом деле было страхованием (а именно под таким соусом нам его и навязали во время рузвельтовского «Нового курса»), соответствующие средства должны были бы учитываться отдельно и инвестироваться, а не отображаться в статье дохода... Или же компетентный страховой актуарий вместе с сотрудниками рассчитывал бы соответствующие обязательства, и они отображались бы в национальном государственном долге.

(Тот факт, что любой долг с годами погашается, не отменяет того факта, что это долг. Именно погашение ипотеки и вынудило меня заняться нынешним ремеслом. Я плохо спал из-за перспективы годами выплачивать ежемесячные платежи.)

По-прежнему выплачивать деньги по социальной «страховке» моему поколению правительство может лишь одним способом — взывая все больше и больше налогов с вас, молодых... а с каждым годом стариков становится все больше и больше, а молодых все меньше и меньше. Подстегивать печатные станки тут бессмысленно; в этом случае дорожает еда, повышается арендная плата и так далее — и вот люди старше шестидесяти пяти начинают давить на Конгресс... а приближаются выборы. (В каждый конкретный момент всегда приближаются какие-нибудь выборы.)

Из собственного участия в избирательной кампании одно я усвоил наверняка — люди моей возрастной группы (за редкими исключениями) хотят следующего: 1) стричь купоны, и плевать им, что при этом будет со страной; или же: 2) получить то самое увеличение социального страхования (план Таунсенда, «яичница с ветчиной» и далее по списку), и плевать им, что при этом будет со страной.

(Я не причисляю себя к альтруистам. Но есть одно отличие: я практичен и хорошо понимаю, что если США полетят к чертям, то и я полечу туда же.)

Термином «федеральный государственный долг» я пользуюсь потому, что под термином «государственный

долг» обычно подразумевается отнюдь не весь наш государственный долг. Существуют также долги на уровне штатов, административных округов, городов и специальных округов. Выяснить точные цифры по этим долгам сложно, но общая сумма, по всей видимости, превышает федеральный государственный долг. Я не могу даже приблизительно предположить, какова величина обязательств по социальному страхованию... но совокупно все наши обязательства по выплате долга, по всей видимости, превышают два триллиона долларов. Триллион — это сколько? Это значит, что родившийся сегодня младенец должен одному лишь федеральному правительству как минимум 4 347,83 доллара, а он еще толком глаза не успел открыть. (Неудивительно, что кроха вопит.) Это значит, что семья по принципу нулевого прироста населения (помните, а ведь она-то и должна была нас всех спасти), состоящая из отца, матери и 2,1 ребенка, должна 17 826 долларов в дополнение к личным долгам (ипотека, автомобиль, колледж для 2,1 ребенка).

Разумеется, папа все это не выплатит; и долг увеличится. Но одно лишь «обслуживание» своей доли обойдется папе в 2000 долларов в год (сумма растет); это в дополнение ко всем налогам, за которые он получит хоть что-то (еще больше законов).

Триллион секунд — это 31 688 лет, 9 месяцев, 5 дней, 8 часов, 6 минут и 42 секунды; за это время из-за прецессии земной оси место Полярной звезды займет Вега, потом вновь Полярная и, наконец, Альдерамин в созвездии Цефея. Или, если отсчитывать в обратном направлении, за это время мы оказались бы в 29 708 году до н. э... за двадцать пять с лишним тысяч лет до Сотворения мира по хронологии архиепископа Ашшера¹.

¹ *Джеймс Ашшер* (1581—1656) — ирландский англиканский архиепископ, богослов, историк, один из основоположников библейской хронологии. Первым применил методы научной хронологии к библейским событиям, сопоставляя их с данными из других источников, и, хотя для многих событий (строительство Иерусалимского храма и др.) его датировки очень близки к принятым современной наукой, вычисленная им дата Сотворения мира — 22 октября 4004 г. до н. э. — служила впоследствии неисчерпаемым поводом для иронии.

Сумма в триллион долларов укладывается у меня в голове не лучше, чем временной промежуток в триллион секунд. Я просто знаю, что лучше бы нам прекратить тратить деньги, которых у нас нет, если мы не хотим встретиться с тем самым диктатором.

Хотя вряд ли мы прекратим «дефицитное финансирование» (этот эвфемизм звучит куда лучше, чем «фиктивные чеки»).

Возможно, вы заметили одну важную цифру — количество государственных служащих в 1970 году (не экстраполированные на 1980 год, но официальные данные за 1970 год, прямиком от Бюро переписи населения США).

Эта цифра не включает военнослужащих. И некоторые особые категории. Проще узнать, сколько рабов импортировали в 1769 году (6736), чем точно выяснить, сколько людей в нашей стране получает жалование от государства. А выяснить, сколько именно людей получает от государства чеки, не обеспечивая при этом никаких услуг, не просто трудно, а невозможно в принципе. (Или не чеки, а талоны на продовольствие. Талоны на продовольствие — это деньги?) Одно можно сказать наверняка: количество людей, которые имеют право голосовать и при этом получают деньги от какого-либо правительственного органа (дети-иждивенцы на пособия; судьи Верховного суда; не выращивающие пшеницу; вывозящие мусор; губернаторы штатов — да кто угодно), превышает количество людей, которые имеют право голосовать, но не получают никаких субсидий и выплат ни от какого правительственного органа.

Вы давно читали Федеральный реестр? Вы вообще когда-нибудь читали Федеральный реестр? Воспользовавшись властью, делегированной Конгрессом, определенные назначенные служащие могут опубликовать в Федеральном реестре новый правовой акт, и, если Конгресс не воспрепятствует, после положенного по закону времени такой акт получает силу закона — становится законом для вас и для меня, хотя юрист сможет выискать тут

разного рода нюансы. Я очень все упростил, но единственная моя цель — продемонстрировать, что «административное право» охватывает все сферы нашей жизни и является значительнейшим показателем повсеместного и удушающего внедрения федерального правительства в наши частные дела.

Я не вижу в конституции законов, которые бы позволяли Конгрессу делегировать свою законотворческую власть... но Верховный суд говорит, что так можно делать, а это значит, что мое мнение яйца выеденного не стоит.

На этом я останавлиюсь. Можно обсудить еще превеликое множество других мрачных тем: дефицит нефти, дефицит энергии (что не одно и то же), загрязнение среды, перенаселенность, прогнозируемые изменения климата, которые могут обострить (и, вероятно, обострят) проблемы перенаселенности и еды, спровоцировав внезапный и жесткий кризис, уличная преступность, обанкротившиеся города, наше невообразимое падение с позиции самой уважаемой до позиции самой презираемой страны в мире (и тем не менее считается, что именно мы должны платить по счетам). Билл Грешам был прав, но кое о чем он не сказал: втягивая всякую мрачность, мало что не разбогатеешь — еще и никакой радости тебе от этого не будет.

Так что теперь прошу со мной...

«В ЦАРСТВО УТОПИИ...»

Прошло всего десять дней, как новый президент вступил в должность, а уже всем (и его собственной партии, и «верноподданнической оппозиции») стало ясно, что глава государства из него получился еще более кошмарный, чем предрекал соперник на выборах. И тем не менее вся страна ужаснулась, когда, проведя на своем посту даже меньше времени, чем девятый президент США, он погиб в авиакатастрофе — разбился на частном самолете, который сам же и пилотировал. Вместе с ним погибли трое

главных помощников: секретарь, глава администрации Белого дома и пресс-секретарь.

Ни в одном американском или канадском СМИ не заикнулись об алкоголе и различных инцидентах, в которые президент попадал в прошлом, — авиакатастрофу называли трагическим несчастным случаем. Газеты и телевидение в других странах подобной сдержанности не проявили.

Первым увиделся с бывшим вице-президентом (еще до принятия присяги) глава новой палаты представителей: он имел на это право, поскольку занимал первоочередное место по порядку преемственности. И сразу же перешел к делу:

— Я готов снять с ваших плеч этот груз. Мы оба знаем, что место вице-президента вам предложили, просто чтобы поддержать предвыборную кампанию. Никто и никогда не собирался возлагать на вас подобную ответственность. Вот как мы поступим: вы немедленно подаете в отставку, а потом мы вместе встречаемся с прессой — после того как я принесу присягу. Говорить буду в основном я. Обещаю, все это не слишком вас обременит.

— И я так думаю. Вы свободны.

— Ха!

— Можете идти. Вернее, прошу вас уйти. Мне думалось, вы пришли, чтобы быть рядом, когда я приму присягу... но у вас на уме нечто совсем иное. Вам не понравится, если вы останетесь; мне не понравится, если вы останетесь.

— Вы еще пожалеете! Вы совершаете ошибку!

— Если тут и имела место ошибка, ее совершили на собрании по выдвижению кандидатур. Совершили, насколько я понимаю, вы и еще пятеро. Меня там не было. Да, возможно, я об этом пожалею, но именно такую ответственность мне полагается взять на себя, коль скоро мною было принято назначение на должность вице-президента. А теперь выметайтесь. *Pronto!*¹

¹ Живо! (*um.*)

Через сорок минут после принятия присяги в кабинет к новому президенту вызвали директора административно-бюджетного управления.

— Объясните-ка мне это все.

Директор изворачивался и так и этак, говорил, что бюджет — слишком специализированная тема, ее невозможно объяснить тому, кто впервые оказался на государственной службе...

...и услышал следующее:

— Принимаю вашу отставку. Пришлите своего заместителя.

Где-то через неделю был сделан следующий звонок:

— Адмирал? Говорит президент. Если я приеду к вам домой, ваше состояние здоровья позволит вам меня принять?

И тут схлестнулись две сильные воли. Адмирал одержал победу лишь потому, что вовремя напомнил, что никогда не следует подвергать президента США ненужному риску и провоцировать убийц... к тому же он в любом случае дважды в неделю ездит в Пентагон на своем новом автомобиле, специально приспособленном для инвалидного кресла.

— Признаю, я стар, родился еще в тысяча девятисотом. Но я вполне жив и в состоянии рапортовать своему главнокомандующему. И я, и вы знаем о недавних угрозах.

В следующий раз победа осталась за президентом. Адмирала вкатили в кабинет, и он начал подниматься с кресла.

— Сидите, пожалуйста!

Но старик не оставлял попыток встать, опираясь на руку своей медсестры.

— Прозвучало как просьба, но по сути это приказ. Сядьте.

Адмирал немедленно уселся, отдышался и начал по всей форме:

— Мэм, рапортую — и с превеликим удовольствием! — президенту Соединенных Штатов Америки.

— Спасибо, что приехали, сэр. Учитывая разницу в возрасте... и ваше здоровье, я решила, что пора покончить с протоколом. Но вы правы: в мой адрес действительно поступило множество угроз, гораздо больше, чем сообщали в новостях. Становиться мишенью для злоумышленников я не собираюсь... по крайней мере, до тех пор, пока не примет присягу новый вице-президент.

— Мадам, не становитесь мишенью никогда. Вас будут оплакивать абсолютно все, в обеих партиях. Ммм, если мне будет позволено высказаться, во плоти вы еще прекраснее, чем на экране.

— Абсолютно все оплакивать не будут, это уж точно, в противном случае мне не пришлось бы беспокоиться из-за возможных покушений. А что касается второго замечания, я не красавица, и вам это известно. Свой сильные стороны я знаю. Я умею создавать образ. Но дело тут не в физической красоте. Так делают профессионалы — профессиональные актрисы: создают образ всем своим существом. Голосом, выражением лица, руками, телом. Целостный образ — и правильные черты лица играют тут наименее важную роль. Их может и вовсе не быть, как в моем случае.

Президент улыбнулась, встала, обошла огромный письменный стол и, наклонившись, поцеловала адмирала в лоб:

— Но вы просто душка, спасибо за комплимент.

Адмирал шумно прокашлялся:

— Мэм, какое значение имеет ваше мнение, если миллионы мужчин думают иначе?

— Оставим эту тему. За работу! Адмирал, объясните мне, почему у нас столько проблем с атомными электростанциями на берегу и при этом у вас никогда не случилось никаких затруднений с атомными подводными лодками?

Президент стукнула кулаком по столу и смерила главу делегации сердитым взглядом:

— Прекратите! Заискивать перед белыми будете в другом месте. В этом кабинете нет ни черных, ни синих, ни

белых, ни зеленых, ни желтых — одни только американцы. Кроме того, вы называете себя черным, представляющим интересы черных. Да ну! Никогда еще не слышала такого лживого...

— Меня оскорбляет это замечание, миссис Ни...

— Сбавьте обороты! И «госпожа президент», пожалуйста. А президента прерывать никто не смеет. Я сказала, что ваше заявление лживо. Так и есть. Я как минимум на три тона темнее вас... и тем не менее я не черная, но темно-коричневая. — Она оглядела участников делегации. — Не вижу среди вас ни одного человека с по-настоящему черной кожей. Хм, лишь один темнее меня. Мистер Грин, правильно? Вас так зовут?

— Да, госпожа президент. Из Бруклина.

— Белые предки имеются, мистер Грин? Возможно, мне следовало бы сказать — «представители белой европеоидной расы»?

— Возможно. Но я не знаю, мэ.

— Мы все в похожем положении... включая всех белых. Любому, кто заявляет о стопроцентной уверенности в своих предках дальше трех поколений, лучше воздержаться от пари. Но коль скоро вы из Бруклина, помогите мне донести одну мысль. Важную мысль, я сделаю на нее особенный упор сегодня вечером в телеобращении, но мне понадобится помощь многих, чтобы абсолютно все поняли, что я настроена серьезно. У черного, которого избрали в Бруклине, должно быть много друзей-евреев, людей, которые ему доверяют.

— Все так, госпожа президент.

— Послушайте сегодня вечером мое обращение, а потом объясните это другим своими словами. Наша страна раскололась на сотню, если не больше, отдельных группировок, влиятельных группировок, каждая из которых пытается урвать кусок пожирнее. Этой ситуации пора положить конец! Пока она нас не сгубила. Никаких больше черных американцев. Никаких американцев японского происхождения. Наша родина не Израиль и не Ирландия. Те, кто называют себя «*La Raza*», пусть имеют в виду под

этим словом человеческую расу — всю целиком, — или же я буду обращаться с ними как с ку-клукс-кланом. У американцев индейского происхождения, которые желают получить какие-либо поблажки, два варианта: либо выходите, становитесь американцами и принимайте на себя ответственность, подразумеваемую статусом гражданина... либо возвращайтесь в резервации и сидите тихо. Их предков незаконно притесняли. Но точно так же дело обстояло и с вашими, и с моими предками. В живых не осталось белых, которые принимали участие в бойне на ручье Вундед-Ни или в битве на реке Литтл-Бихорн, так что пора наконец об этом забыть.

Но я имею в виду не только расу, цвет кожи и национальность предков. Я отказываюсь иметь дело с какими бы то ни было отдельными группировками, заявляющими о том, что они, в отличие от остальных граждан, заслуживают особого отношения. На любой законопроект, извращенный ради подобной цели, я наложу вето. Фермеры, выращивающие пшеницу. Обанкротившиеся корпорации. Обанкротившиеся города. Главы профсоюзов, якобы представляющие интересы рабочих... хотя рабочие эти в большинстве своем отрешиваются от подобных лидеров. Такие же насквозь фальшивые ведущие представители бизнеса. Любой, кто стремится втихую подтачивать карты в силу некой своей «исключительности».

Президент набрала в легкие побольше воздуха и продолжила:

— Любая такая группировка полетит куда подальше. Но две группировки полетят с такой скоростью, что ветер засвистит! Я женщина и негритянка. Мы устранили законы, дискриминирующие негров; и я наложу вето на любой попавший в этот кабинет закон, дискриминирующий в обратную сторону. Дискриминация? Конечно, она все еще есть, но нельзя искоренить предубеждения, приняв какой-то там закон. Их можно искоренить своим поведением, своими достижениями, а не какими-то законодательными уловками.

Еще более решительно я настроена в отношении женщин. Мы, женщины, образуем большинство, и перевес составляет миллионы, так что на выборах мы можем разгромить противника. И разгромим, в любом деле, в любой момент, когда только женщины того пожелают. Поэтому женщинам не нужно никаких поблажек; им просто нужно окончательно решить, чего же они хотят, — а потом это получить.

Президент снова поднялась:

— На этом все. Я собираюсь посвятить этот президентский срок так называемым «неотчуждаемым правам» — и это касается всех. Никаких отдельных группировок. Идите и скажите всем. А теперь выметайтесь... и не вздумайте возвращаться! В виде отдельной группировки. Возвращайтесь как американцы.

Делегаты направились к дверям. Их бывший глава что-то бормотал себе под нос.

— Что вы сказали, господин председатель? — требовательно спросила президент.

— Я сказал, — ответил тот громко, — что на второй срок вас не изберут.

— Так я и подумала, — рассмеялась она. — Черномазый, переизбрание на второй срок меня не волнует. Меня волнует исключительно то, сколько я успею сделать за четыре года.

(Редакторская колонка в спрингфилдовском «Игл»)

ПОПЫТКА ЗАСТРАХОВАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ?

Неожиданное решение президента назначить на освободившуюся должность вице-президента лидера от партии меньшинства в палате представителей породило разные мерзкие домыслы. Самые злые языки утверждают, что президент опасается покушения на свою жизнь, организованного теми же самыми махинаторами, благодаря которым смог победить на выборах ее предшественник; поэтому она решила сорвать их планы, устроив все так, чтобы в случае ее смерти или другого несчастного случая президентом стал представитель оппозиционной партии...

...Склонен поверить ее заявлениям о том, что ее главная цель — снова объединить страну, а помочь в этом смо-

гут все вместе мужчины и женщины, республиканцы и демократы, белые и черные.

Спикер палаты представителей все еще не прокомментировал назначение, но руководитель партийной фракции и выдвинутый на должность вице-президента лидер оппозиционной партии присутствовали, когда президент объявила о своем решении. Временный председатель сената заявил: «Не вижу никаких препятствий — нового вице-президента должны быстро утвердить. Уже тридцать лет знаю Дона; думаю, я не настолько узколюб, чтобы не разглядеть президентский потенциал в представителе другой партии...»

...Традиционно является представителем той же партии, существует такая же старинная (и гораздо более важная) традиция, когда президент назначает такого вице-президента, которому он или она доверяют и который может продолжить его или ее политический курс.

Давайте же поддержим их чем только можно! Давайте все снова станем американцами!

— Спасибо, что пришли.

— Госпожа президент, вы послали за мной машину, а потом еще прокатили через всю страну на сверхзвуковом военном самолете, так что это мне следует вас благодарить. Первый раз преодолел скорость звука — и первый раз попал в Овальный кабинет. Никогда не рассчитывал здесь оказаться.

— Я тоже, — с усмешкой ответила она. — Особенно по эту сторону стола. Перейдем к работе. — Она достала книгу. — Узнаете?

— Э-м... — Его лицо вытянулось от удивления. — Да, мэм, узнаю. Как не узнать!

— Да, как не узнать. — Она открыла заложенную страницу и прочла вслух: — «Но зато я кое-что знаю об инженерах. Если что-то должно быть сделано, инженеры найдут способ сделать это экономически выгодным»¹. Это правда?

— Во всяком случае, я так считаю, мэм.

¹ Р. Э. Хайнлайн. Луна — суровая госпожа. Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер.

- Вы сами инженер.
- Но морально устаревший, мэм.
- Я и не рассчитываю, что вы сами будете все делать.

Вам известно, как я поступила с ядерными энергетическими установками.

— Вы доверили задачу нужному человеку с превосходной репутацией. Я видел корабль с энергоустановкой, пришвартованный рядом с Пойнт-Суром. Превосходная идея. Разом решены и инженерная задача, и проблема с общественным мнением.

— Я не совсем это имею в виду. Да, я проконсультировалась с адмиралом. Но выполнил задачу его первый заместитель, офицер, которого он готовит себе на смену. И другие флотские специалисты. Сейчас мы работаем над тем, чтобы поставить на все ключевые позиции в области ядерной энергетики (особенно те, что связаны с безопасностью) бывших подводников с атомных подлодок. Но при этом нельзя украсть у флота всех подводников. В тех вопросах, в которых я не смыслю вообще ничего (а для моей нынешней должности почти все вопросы такие!), я консультируюсь с кем-то, кто знает, — и таким образом выхожу на человека, который может выполнить задачу. Поскольку я очень мало знаю о том, как быть президентом, то почти всегда спрашиваю совета.

— Мэм, мне, да и многим другим, кажется, что вы просто созданы для этой работы.

— Едва ли. Нет, политика мне знакома, отец находился в должности, когда я еще была малышкой. Но в четырнадцать лет я снялась в первой телевизионной рекламе и подсела. Если бы не «передышка» между контрактами, я бы отказалась от предложения губернатора — я должна была лишь выполнять роль «спеца по показухе», но избирательная кампания меня тоже интересовала. Позже, когда я все еще оставалась «спецом по показухе», он проследил, чтобы я попала в его кандидатский список. Потом, когда возникло безвыходное положение с тремя ведущими кандидатами, мой покойный предшественник разрешил его в свою пользу, назвав меня своим претендентом на место вице-президента. Я согласилась, внут-

ренне усмехаясь: во-первых, думала, что эта уловка не сработает, а во-вторых, была уверена, что, если ему и удастся стать кандидатом в президенты, он так или иначе вывернется — попросит меня подать в отставку и назначит на мое место второго ведущего кандидата или что-нибудь в этом роде.

Она пожала плечами:

— Но он не стал так делать — а может быть, не смог. Не знаю, первое или второе. Мы редко разговаривали. Я имею в виду настоящие беседы, а не просто обронить «доброе утро», «вы хорошо долетели?» и уйти, не дождавшись ответа.

Мне было все равно. Я наслаждалась каждой минутой предвыборной кампании. Иногда актрисе выпадает шанс сыграть королеву... но я на эти четыре месяца стала королевой. Думать не могла, что мы победим на выборах. Я знала, что за... Нет, *de mortuis nil nisi bonum*¹, а нам лучше вернуться к рабочим вопросам. Что бы вы предприняли с загрязнением рек?

— Э-м... Но эту проблему уже решили. Кажется, в какой-то скандинавской стране. Нужно просто обязать потребителей помещать устройство по забору воды ниже по течению собственного устройства по стоку — непосредственно за ним. Из самосохранения пользователь будет очищать свои сточные воды. Самопринуждение. И нет нужды делать пробы воды, пока не пожалуется кто-нибудь ниже по течению. Что происходит редко. Это отрицательная обратная связь. Мэм, необходимо сделать так, чтобы соблюдать закон было выгоднее, чем его нарушать, — или у вас будет порочный круг.

Она сделала себе пометку:

— Возможно, так мы сможем очистить Миссисипи. Но меня беспокоят и реки внутри штатов. Возьмем, к примеру, Миссури, ее самая большая часть, расположена в одном штате — в Миссури.

— Мэм, полагаю, вы обладаете юридической властью над всеми судоходными реками.

¹ О мертвых — ничего, кроме хорошего (лат.).

— Да?

— Мэм, в вашем распоряжении такая власть, о существовании которой вы даже не подозревали. «Судоходная река» — это, если не ошибаюсь, любая река глубиной в три фута. Возможно, вы прямо сейчас можете отдать нужное распоряжение в соответствии с уже принятым законом. Если там есть параграф или даже просто предложение о расположении стоков и заборов, вы почти наверняка можете издать соответствующий указ. Прямо сегодня. Начальник инженерных войск наверняка в курсе этих дел. Главный кто-то там. Французская фамилия.

Она нажала на кнопку:

— Вызовите ко мне главу инженерных войск. А как бы вы избавились от радиоактивных отходов с атомных электростанций? Отправить их на Луну на ракете, как предложили на прошлой неделе? Может, лучше тогда на Солнце? На Луну мы в один прекрасный день можем вернуться.

— Нет, конечно нет! Ни то ни другое, мэм.

— Почему нет? Я слышала, некоторые отходы сотни лет остаются ядовитыми. Разве нет?

— Это так. Но у по-настоящему опасных элементов короткий период полураспада. А те, у которых он долгий (сотни или даже сотни тысяч лет или более), хранить очень просто. Но выкидывать их не надо, мэм. Во всяком случае, не туда, откуда потом трудно будет достать.

— Почему? Мы же имеем дело с отходами. Насколько я понимаю, мы выжали из них все, что можно было использовать.

— Да, мэм, все, что можем использовать мы. Но наши праправнуки вам спасибо не скажут. Вы знаете, что делали с нефтью древние римляне? Использовали ее в медицинских целях. Не знаю, как будут использовать изотопные отходы через сто лет... точно так же и римляне не подозревали, какое значение приобретет нефть. Но в любом случае я бы не стал отправлять эти так называемые отходы на Солнце! Во-первых, ракеты иногда падают... а кому хочется посыпать радиоактивными элементами

сразу несколько штатов? Да еще стоимость топлива, стоимость стали и десятка других дорогих компонентов, которые требуются для постройки ракеты. В итоге может оказаться, что вы потратили больше денег на то, чтобы избавиться от отходов, чем заработали, продавая энергию.

— Но что же тогда с ними делать? Говорят, в океане их захоранивать нельзя. И на Южном полюсе тоже. Соляные копи?

— Госпожа президент, давайте уж начистоту, это одна из тех несущественных проблем, которыми так одержимы чудики, выступающие против технического прогресса. Хранить радиоактивные отходы не сложнее, чем мусор. Или горящие угли. Или еще что-нибудь, что не следует трогать голыми руками. И по количеству их мало, в отличие от того же мусора или золы, оставшейся после сжигания угля. Существует как минимум полдюжины простых способов. Простейший — смешать их с мелким или крупным песком и сцементировать в кирпичи, а потом сложить в каком-нибудь не используемом уголке пустыни. Или изготовить стеклянные кирпичи. Или высушить и запечатать в стальных бочках (такие используются для нефтепродуктов), а потом отправить в те самые старые соляные копи, о которых вы говорили, кирпичи можно вообще не убирать. Конечно же, все это следует делать при помощи дистанционного манипулирования; инженеры в области радиоактивных материалов только так и работают. Манипуляторы. Их придумали давно. И никаких проблем.

— Вы, кажется, говорили, что морально устарели.

Он застенчиво улыбнулся:

— Болтать-то легко, мэм. Я же знаю, что это молодым придется делать всю ту утомительную работу, которая необходима, чтобы что-нибудь создать. Но решения, которые я предлагаю, практичны. Никаких новых открытий тут не требуется.

— А как насчет загрязнения воздуха?

— Какого именно, мэм? Есть два основных источника загрязнения: двигатели внутреннего сгорания (грузо-

вики и автомобили) и промышленные выбросы. Это две очень разные проблемы.

— Выберите одну.

— Загрязнение, связанное с транспортом, скоро решится само — либо по-плохому, либо по-хорошему. Нефть, как наша, так и из ОПЕК, слишком ценная штука, чтобы жечь ее в машинах и грузовиках. Это основа нашей химико-технологической промышленности: удобрения, пластики, пестициды, смазочные материалы и так далее. Так что даже безотносительно проблемы энергетики пора прекращать ее жечь. Можно либо ждать, когда нам придется сделать это в режиме катастрофы... либо самим заняться вопросом транспорта и обеспечить себе самодостаточность и на случай мира, и на случай войны. В обоих случаях загрязнению, связанному с транспортом, придет конец.

— Прекрасно, но какая другая энергия обеспечит работу транспорта?

— Ну, есть как минимум с полдюжины разных вариантов. Надо полностью отказаться от двигателя внутреннего сгорания — и бензинового, и дизельного — и вернуться к системе внешнего сгорания и пару. Двигатель внутреннего сгорания никогда нельзя было назвать рациональным: процесс постоянно прерывается и начинается сызнова — происходит неполное сгорание, зазря расходуется топливо, образуется смог. Загрязнение воздуха. В двигателях внешнего сгорания такой изначальной нелепости нет: вне зависимости от типа топлива горит непрерывно, и можно обеспечить полное сгорание. В автомобилях марки «Стенли Стимер» использовался керосин. Но тут мы снова возвращаемся к нефти. Я бы для начала применил древесный спирт — каждый раз расстраиваюсь, когда, проходя мимо лесопилки, вижу, как жгут стружку и остатки пиломатериалов.

Но у древесного спирта имеются свои недостатки. В один прекрасный день мы, возможно, научимся жечь водород. Или хранить электричество в более легких и менее объемных носителях. Или хранить энергию в махо-

виках. Но все это, даже водород, лишь способы хранения энергии. А сама проблема энергии остается.

— А водород? Вы же сказали, что мы будем его сжигать, разве нет?

— Будем, в определенных целях. Это в некотором роде идеальное топливо, единственные отходы тут — водяной пар. Но мэм, в нашем распоряжении не водород, а вода — и даже при максимальном КПД (а его никогда не удастся достичь) энергия, которую вы получите, сжигая водород, не сможет превысить энергию, которую необходимо затратить для получения этого водорода путем электролиза. Сначала нужно генерировать электричество.

— Понимаю. Даром ничего не получишь.

— Даром никогда ничего не получишь. Но проблему энергии можно решить несколькими способами... с помощью возобновляемых источников. Мы используем невозобновляемые источники: уголь, нефть, деревья, которые мы вырубам быстрее, чем они успевают вырасти.

— Возобновляемые источники — это ветряки, энергия воды и солнца?

— Энергия ветра и воды — это прекрасно, но у нее есть свои ограничения. Я же имею в виду фактически неограниченный источник энергии. Взять, к примеру, тот новый подход к термоэлектрической энергии, основанный на разнице температур в океане между поверхностью и глубиной. Но для такой добычи энергии мало удобных мест. Вы упомянули один источник энергии, неограниченный и доступный повсюду. Солнечная энергия.

— И что же? В какой пустыне можно построить металлургические заводы не хуже, чем в Гэри?

— Не в пустыне, мэм. «Сьерра Клуб» будет против¹.

— Я собираюсь объяснить членам «Сьерра Клуба», что они не являются правительством США. Но в более доступных выражениях.

¹ «Сьерра Клуб» — американская природоохранная организация, существующая с 1892 г., занимается экологическим образованием, а также сбором информации об экологических нарушениях; часто выступает инициатором судебного разбирательства.

— С удовольствием послушаю, госпожа президент. Члены «Сьерра Клуба» любят пустыни и не любят людей. Но наших пустынь в любом случае будет недостаточно. Солнечная энергия — да, но неограниченная. На орбите.

ЮЖНАЯ АФРИКА ВОЗМУЩЕНА

На фондовых биржах поднялась суматоха из-за неожиданного решения США вернуться к золотому обеспечению с курсом 350 долларов за тройскую унцию высокопробного золота.

«Естественное и логичное условие, необходимое для продолжения нового курса, нацеленного на возвращение к сбалансированному бюджету», — заявил пресс-секретарь министра финансов.

«Возобновить — значит возобновить»¹.

Адам Смит,
редактор финансового раздела

Вашингтон. Министр финансов зачитал перед представителями прессы краткое обращение президента, касающееся возобновления обмена бумажных денег на металл по курсу 350 долларов за унцию золота, а затем подчеркнул, что это не тактический маневр с целью «укрепить доллар», не публичная продажа драгоценного металла, подобная тем, которые устраивали в прошлом, но долговременная политика, проводимая в соответствии с общим курсом нынешнего правительства. «А я добавлю, что это возвращение к нашей традиционной политике. Сто лет назад из-за войны мы вынуждены были на пятнадцать лет приостановить платежи золотом, но отнюдь не намеревались принимать вместо этого необеспеченные деньги. Похожие проблемы мы испытывали с 1971 года в результате трех войн. Позволив доллару плавать, пока мировая цена на золото относительно доллара не установится, мы определили так называемую естественную цену. И соответственно, возобновили обмен бумажных денег на металл в соответствии с четким золотым курсом. Дай бог, чтобы так оставалось всегда».

Это заявление прозвучало в ответ на недружелюбное замечание журналиста из лондонской «Таймс» о том, дей-

¹ Высказывание Джона Шермана (1823—1900), возглавлявшего в то время финансовый комитет сената, по поводу возобновления обмена бумажных денег на металл после Войны Севера и Юга.

ствительно ли министр рассчитывает, что кто-нибудь захочет покупать наше золото по такой цене. Министр ответил, что мы не собираемся «продавать золото», но гарантируем обмен наших бумажных денег по золотому курсу. Вопрос британского журналиста был вызван тем фактом, что при закрытии торгов в пятницу по котировкам лондонского рынка курс равнялся 423,195 доллара за тройскую унцию, а курсы цюрихского, виннипегского и гонконгского рынков (последний зафиксирован лишь за несколько часов до сделанного в Вашингтоне заявления) не выходят за пределы лондонских котировок.

«Правда»: ...капиталистические уловки...

В Москве не было свободного золотого рынка примерно с 1914 года, но Россия является золотодобывающей страной, и потому среагировала на нашу политику возобновления обмена бумажных денег на металл еще более резко, чем разразившийся жалобами Йоханнесбург. Цюрихский золотой рынок сегодня не открылся. Лондонский открылся вовремя, но цена сразу же упала, первая сделка осуществилась по курсу 397,127 доллара, на этом спад замедлился, но не прекратился. Виннипегский рынок открылся с опозданием на час — почему, стало ясно, когда премьер-министр объявил о привязке канадского доллара к американскому по курсу один к одному — постфактум, поскольку курсы этих двух валют за последние семь месяцев практически не отставали друг от друга, разница не превышала 1%.

Объявление было сделано в пятницу, и, таким образом, у всех стран мира оказались в распоряжении целые выходные, чтобы обдумать ситуацию. Цель, по всей видимости, заключалась в том, чтобы уменьшить колебания. Нью-Йоркская фондовая биржа отреагировала резким повышением. Индекс Доу—Джонса при закрытии составил...

— Господин председатель, неофициальные данные, которые я, как и все вы, сейчас вижу перед собой, верны? Или же мои источники ввели меня в заблуждение? Возьмем, к примеру, данные об употреблении сильнодействующих наркотиков.

— Госпожа президент, не знаю, что вам на это ответить.

— Не знаете? Вы являетесь председателем Объединенного комитета начальников штабов, а до этого четы-

ре года возглавляли свой род войск. Если эти цифры неверны, насколько сделать поправку и в какую сторону?

— Мэм, этот вопрос следует задать отдельно каждому штабу, не мне.

— Неужели? Генерал, вы освобождаетесь от должности. Ваше прошение об отставке будет одобрено сегодня же. Можете идти. Генерал Смит, теперь председатель вы.

Президент дождалась, когда за бывшим председателем закроется дверь, а потом спокойно продолжила:

— Господа, мне не доставляет никакого удовольствия завершать карьеру человека с таким длинным и блестящим послужным списком. Но я не могу допустить, чтобы ведущую позицию в моем официальном окружении занимал офицер, который не может или не желает отвечать на вопросы. На такие вопросы, на которые, по моему мнению, необходимо ответить, если я собираюсь по-прежнему выполнять обязанности главнокомандующего. Ответ он: «Не знаю, но сейчас же начну выяснять и не успокоюсь, пока...» — но ничего подобного. Я дала ему две попытки, он же отмел их в сторону. — Президент вздохнула. — Видимо, ему не нравится выслушивать приказы от человека без военного опыта; я не считаю, что тут сыграли какую-либо роль мой пол и цвет кожи. Генерал Смит, вы оказались председателем внезапно и не по своей воле, поэтому я не могу спрашивать у вас о других штабах. Но что вы скажете про свой собственный? Сильнодействующие наркотики.

— Полагаю, мэм, эти цифры занижены. С тех самых пор, как год назад я получил назначение на эту должность, я пытался раздобыть достоверные сведения об употреблении сильнодействующих наркотиков. Чаще всего, чтобы доказать факт их употребления, требуется свидетельство военного врача... а все наши врачи завалены работой, у нас их гораздо меньше, чем нужно. Что еще хуже, некоторые военные доктора сами торгуют наркотиками. Двоих таких поймали.

— И что же с ними случилось? Полетели клочки по закоулочкам?

— Нет, мэм. Увольнение. Гражданская процедура, я полагаю.

— Но боже мой, почему? В армии забыли, что такое трибунал? Двое наркоторговцев просто отправились домой, не потеряв при этом медицинской лицензии, — и даже могут по-прежнему выписывать рецепты. Генерал, я в ужасе.

— Мэм, можно ли мне высказаться в свою защиту? Потом, если пожелаете, я подам прошение об отставке.

— Говорите, пожалуйста.

— Эти случаи имели место до того, как я возглавил свой штаб. Когда поймали тех двоих, я занимал должность начальника военной академии; там проблемы наркотиков нет. Когда у меня в подчинении в последний раз было строевое подразделение, я сам придерживался тактики приравнивать употребление сильнодействующих наркотиков к уголовному преступлению, как это допускается и требуется уставом. Но максимум, чего мне удалось добиться, — это отправить кое-кого из преступников в госпиталь управления по делам ветеранов для лечения и реабилитации. При нынешних законах, если адвокат у человека хороший (а у них обычно хороший), такой человек может отвертеться от трибунала и обжаловать дело в гражданском суде. Этим обычно все и заканчивается.

— Госпожа президент, можно мне добавить?

— Конечно, адмирал.

— Вы слышали о бунте на бриге «Сомерс»? Это случилось около ста пятидесяти лет назад.

— Я... Да, думаю, слышала! Был такой роман. «Плавание...» «Плавание к первому декабря»¹. Верно?

¹ Книга американского писателя Генри Карлайла (1926–2011) «Плавание к первому декабря» (1972) рассказывает о событиях 1842 г. на американском учебном бриге «Сомерс». Капитан судил за «подстрекательство к мятежу» и повесил трех человек, в том числе 19-летнего мичмана Филипа Спенсера, сына тогдашнего военного министра. Хотя трибунал впоследствии оправдал капитана, оценки этих событий сильно расходятся: одни считают, что капитан проявил твердость и тем способствовал укреплению флотской дисциплины, другие — что это была неоправданная жестокость по отношению к невинным людям.

— Да, был какой-то роман. Наверное, он. Я не читал. Тогда вы знаете об этом трагическом скандале: бунтовщиков повесили на реях. Я же хотел сказать вот что: думаю, цифры, касающиеся употребления наркотиков на флоте, более-менее верны — не такие высокие, как в армии, конечно; условия тут разные. Но на самом деле флот убивают (если забыть о нехватке людей, годящихся в кадровые офицеры) вышедшие из-под контроля бунт и саботаж... ведь о преступлениях, которые раньше карались повешением на рее, теперь говорят: «Мальчишки есть мальчишки». Во многом это действительно происходит из-за изменений в законодательной структуре, как и отметил генерал. По мне, так лучше пять кораблей, поддерживаемых в образцовом порядке и должном состоянии, с командой должного уровня, чем десять кораблей, на которых не хватает людей, а тех, что есть, и вовсе не следовало брать на службу. Глупый и мрачный моряк хуже, чем ничего.

— Книга Судей, глава седьмая, — сказала президент.

Вид у адмирала сделался озадаченный, но командующий морской пехотой вдруг воскликнул:

— Войско Гедонеа!

— Именно. Полагаю, мы в первую очередь пытаемся выполнить норму по количеству человек, вместо того чтобы ставить во главу угла качество. Уверена, не все так просто, но, по-видимому, это часть проблемы. Генерал, в ВВС ситуация отличается?

— Нет, мэм. Думаю, флот и морская пехота все сказали за меня. И армия... хотя проблемы Смита отличаются от наших. Наша самая большая проблема — удержать подготовленных людей... мы многому их обучаем, особенно в области пилотирования и электроники, а за эти навыки очень хорошо платят на гражданке. Но я еще кое-что добавлю. В вашем списке наркотиков нет марихуаны. Вполне возможно, травка и правда немногим хуже спиртного. Но ни спиртное, ни травку нельзя употреблять, если водишь летательный аппарат. Или вообще имеешь дело с самолетом. С теми, кто курит травку, труднее справиться-

ся. Порцию марихуаны припрятать проще, чем бутылку, а обкуренного труднее распознать, чем пьяного. И гораздо труднее что-либо доказать. Буду рад предложениям.

— Вероятно, как и все мы. Хотя, полагаю, ключевые моменты мы обозначили. Качество важнее количества. Господа, давайте каждый самостоятельно поразмышляет обо всем этом дней десять и постарается сформулировать основные проблемы... потом мы снова встретимся и обменяемся идеями. В письменной форме. Пишите как есть, как вы это видите, не бойтесь ранить чьи-либо чувства, не обращайтесь на священных коров. Адмирал, с вашей точки зрения, система военной юриспруденции работает не так, как следует? Проанализируйте все, пожалуйста, и подготовьте конкретные рекомендации. Если вы и правда считаете, что пора снова килевать и вешать на рее, так и напишите.

— Я так не считаю, мэм. Но мне действительно кажется, что текущие уложения подходят скорее для лагеря скаутов, нежели для вооруженных сил. Наказание должно быть быстрым и неотвратимым, нечего нянчиться с бунтовщиками. Нам нужен новый устав.

— Поработайте над этим. Думаю, у вас есть консультанты-юристы. Господин министр обороны, я не собиралась сегодня единолично захватывать трибуну. Перед тем как мы закроем совещание, я бы хотела услышать ваше мнение о проблемах, связанных с дисциплиной. И комментарии о предоставленных мною цифрах — по всем родам войск. И не только о них. Пожалуйста, выскажитесь по любому интересующему вас вопросу. Думаю, дисциплина в вооруженных силах действительно представляет собой серьезную проблему... и самую сложную.

— Дисциплина не входит в обязанности министра обороны.

— Да? А что же входит в ваши обязанности?

— Управление моим ведомством. Дисциплиной должны заниматься эти господа. Не я. И уж конечно же не вы. Вы лезете совершенно не в свое дело.

— Вы кое о чем забываете, сэр. Президент непосредственно входит в командный состав ВС, причем занимает там главенствующее положение и не может снимать с себя ответственность ни за какие аспекты командования. А вот министр обороны не входит — он выполняет обязанности исполнительного секретаря при президенте. Но раз уж вы расцениваете свою должность всего лишь как управленческую, а моральный дух и дисциплина вас совершенно не волнуют, не буду настаивать. У меня есть ваше подписанное прошение об отставке, оставшееся еще от моего предшественника. Я его принимаю. Сейчас же.

Бывший министр расхохотался, откинувшись в кресле:

— Типично для женщины! Погладили против шерсти, и вот она уже рвет и мечет. Ничего, коротышка, я и не собирался задерживаться так долго. Готов был уйти после смерти шефа. Но Чарли попросил подождать чуток, присмотреть за тобой. Мне известно, как ты с ним обошлась в тот трагический день — встала у него на пути, а он ведь имел на это место право. Ты всегда была всего-навсего красивой мордашкой для предвыборной кампании. Неужели тебе никто не говорил?

— Можете идти. Вы свободны.

— Да уж пойду. У меня пресс-конференция через десять минут. Но вот еще что: ты сказала, мол, Джо не понравилось выслушивать твои приказы, потому что у тебя нет военного опыта. Чушь собачья. Любой высокопоставленный вояка привык выслушивать приказы от гражданских. Но ни один настоящий мужчина не станет подчиняться ниггеру, да еще и девке.

Начальник корпуса морских пехотинцев вскочил так стремительно, что опрокинулось кресло, сдернул бывшего секретаря с места и заломил ему руки за спину. Он успел сделать это первым лишь потому, что сидел ближе всех.

— На колени, свинья! Проси прощения! Ты с президентом Соединенных Штатов разговариваешь! — В голове генерала отчетливо слышался южный акцент, насы-

щенный, как густая похлебка гамбо¹, который он обычно тщательно скрывал.

— Пусть уберет от меня руки!

— Держите его, генерал. Спасибо вам, сэр. Но не стоит колотить его слишком сильно. Адмирал, будьте, пожалуйста, любезны — проверьте, прямо за той дверью должны стоять два морских пехотинца и два агента секретной службы. Попросите кого-нибудь из них позвонить в службу полиции Белого дома. Я хочу, чтобы этого человека вывели из здания и больше никогда сюда не пускали. И в Пентагон, соответственно. Особенно в его бывший кабинет.

— С удовольствием, мэм!

— Спасибо, сэр. Надеюсь всех вас увидеть здесь в это же время через четверг. Генерал Смит, прошу вас временно взять на себя обязанности председателя, в дополнение к вашим основным. Можете закрыть совещание, когда вам будет удобно, а я пока удаляюсь. Пойду прилягу. Меня немножко трясет...

CND 406CRH

ШАЙЕНН — ЗАКОН ПРИНЯТ ОБЕИХ ПАЛАТАХ

БОЛЬШИНСТВОМ ПЕРВОМ ВТОРОМ ЧТЕНИИ ЭКСТРЕННАЯ МЕРА ПОВТОРНОЕ ВВЕДЕНИЕ КЛЯТВЫ НЕИМУЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ² ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ЛЮБЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОСОБИЙ ПОВТОРЯЕМ ЛЮБЫХ ОТВЕТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА НЕ БУДЕТ ДЕНЕГ СЛЕПЫХ И АБСОЛЮТНО БЕСПОМОЩНЫХ ЕСЛИ ГОСУДАРСТВО НЕ ВЕРНЕТСЯ СИСТЕМЕ ПРОВЕРКИ ПРАВОМЕРНОСТИ 19 ВЕКА

ДОПОЛНЕНИЕ

CND 409CRH

ШАЙЕНН — АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ БОРЬБЫ ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ ПОДАСТ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИСК

¹ Гамбо — острая похлебка, национальное американское блюдо, которое готовят в Луизиане.

² Клятва о неимущем положении — клятва, принятая во времена Великой депрессии; человек, не имеющий возможности выплатить судебные издержки, мог под присягой поклясться, что не имеет абсолютно никаких денежных средств или собственности.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СУД ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПОВТОРНОГО ВВЕДЕНИЯ КЛЯТВЫ НЕИМУЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ ПОЛУЧАЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОСОБИЯ

— Входите, сенатор! Спасибо, что согласились сделать мне одолжение!

— Госпожа президент, я бы с удовольствием навестил вас в любое время, даже не будь вы президентом. Возможно, даже с большим удовольствием.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, дядя Сэм, но мне приятно. А теперь за дело! Готов на меня работать?

— Ты же знаешь, что готов, дорогая. Но у меня есть и свой избирательный округ.

— Я не имела в виду, что тебе нужно уйти в отставку и перейти на работу сюда. Но может быть, ты сумеешь заключить соглашение о взаимном неголосовании или что-нибудь в этом роде? Мне очень нужна твоя помощь — сейчас, да и потом тоже.

— Все, что только президент пожелает. Да, я могу заключить соглашение о неголосовании... даже если только формально покину округ. — Он внимательно на нее посмотрел. — Проблемы?

— Мне нужно выполнить одну работу, а я и понятия не имею как. Необходимо назначить двадцать три судьи, и больше это откладывать никак нельзя. А я совершенно не представляю, как отличить законченного болвана от нового Оливера Уэнделла Холмса¹. Видишь ту большую стопку? И вот эту? Это письменные заключения кандидатов на место судьи (или же другие написанные ими юридические документы, если кандидат еще не является судьей). Никаких имен, все детали, по которым можно опознать кандидата, вычеркнуты. Только номера. Я думала, что смогу все это прочесть и определить, у кого голова набекрень, а у кого нет. Но не тут-то было. Я не разбираюсь в юридических вопросах, я не юрист.

¹ Оливер Уэнделл Холмс-младший (1841–1935) — американский юрист, многолетний член Верховного суда США, автор книги «Общее право», один из самых известных американских правоведов.

— Ясноглазая моя, я тоже не юрист.

— Но ты ведущий в мире специалист по семантике. Я подумала: если уж ты что-то не сможешь понять, значит это полнейшая чушь.

— Хороший способ. Если человек с нормальными умственными способностями и относительно полным образованием не может понять текст, значит это действительно не текст, а полная ахиня. Но тебе не следует этим заниматься, тебе о стране надо думать. У меня тоже нет времени, но я его найду. Мои подчиненные достаточно компетентны и вполне смогут пока возиться с моими избирателями, вытирая им носы и держа за ручку. Я все устрою.

— Сделай, пожалуйста! Дядя Сэм, ты прелесть!

— Но я хочу взятку.

— Взятку? А я-то думала, полагается не у меня требовать взятки, а мне их предлагать.

— А я оригинал. Беру взятки только у милых девчушек, с которыми давно знаком.

— Да, ты точно оригинал. Что это у тебя на голове такое болтается? Лепешку коровью нацепил?

— Дорогая моя, у тебя дальтонизм. Госпожа президент, я предлагаю поправку к конституции и хочу вашего содействия в этом вопросе... по счастливому стечению обстоятельств текст этой поправки случайно оказался у меня с собой.

— Готова поспорить, ты и во сне с этим текстом не расстаешься. Нет, просто положи на стол. А теперь объясни, что в ней.

— Она позволит любому гражданину оспорить конституционность любого закона, федерального или местного, на основании того, что этот закон противоречив, допускает двойное толкование или же его не в состоянии понять человек со средними умственными способностями. «Средние умственные способности» определяются в параграфе два. В параграфе три определяются и ограничиваются способы проверки, с помощью которых можно тестировать законы. В четвертом параграфе оговари-

вается, что в проверках не могут участвовать студенты-юристы, выпускники юридических вузов, юристы, судьи и юристы без лицензии. Я назвал ее «семантической поправкой».

— Нет, лучше пусть будет «поправка о человеческом языке». Это шоу-бизнес, дядя Сэм. Сенатор, а сможет ли гражданин, воспользовавшись этой поправкой, оспорить закон о подоходном налоге на том основании, что вынужден нанимать специалиста, чтобы заполнить свою налоговую декларацию?

— Конечно сможет. И добьется своего, поскольку в хоть сколько-нибудь сложной ситуации трое служащих налогового управления не могут получить одинаковый результат, проверяя одни и те же данные.

— Ммм... А если гражданин достаточно умен, но не умеет читать?

— Параграф три.

— А как насчет федерального бюджета? Это же не закон в обычном значении этого слова, но Конгресс за него голосует, и в соответствующих случаях он имеет силу закона.

— Параграф один. Если оно крикает как утка, ходит как утка, — это утка.

— Постараюсь прочитать все сегодня перед сном. Сенатор, это мы протащим!

— Я бы не был так уверен, госпожа президент. Юристам очень не понравится... а в Конгрессе и законодательных собраниях штатов юристы составляют большинство.

— И каждый из них не горит желанием потерять работу. Это их слабое место... ведь разжечь ненависть к юристам чертовски просто. Сенатор, этот законопроект представят сами юристы. В обеих палатах. В обеих партиях. Не ты, ты ведь не юрист. Дядя Сэм, я президент-любитель, зато в шоу-бизнесе профессионал. Это отлично прокатит даже в самом глухом уголке Кентукки.

Два президента сидели особняком на первом ряду заполненной трибуны. В двух километрах от нее сверкал в лучах мексиканского горного солнца космический корабль. Он показался бы маленьким по сравнению с установкой для запуска шаттла, но был почти одного размера с самим шаттлом. Голос, который словно бы доносился отовсюду, вел отсчет:

— ...Шестьдесят одна секунда... одна минута... пятьдесят девять... пятьдесят восемь...

— Как ваш испанглийский, Señor el Presidente? — спросила она.

— Как и раньше, Doña la Presidenta, — ответил он, улыбаясь и пожимая плечами. — Я понимаю, что это очень простой язык. Слышу, как разговаривают на нем ваши и наши... и понимаю. Но времени учить нет. Когда уйду с поста... — Он развел руками.

— Знаю. Может быть, через два года... Поверить не могу, что я занимаю эту должность всего только шесть лет. Такое впечатление, что прошло уже шестьдесят.

— Вы сделали для государства столько, сколько не сделаешь и за шестьдесят. Весь мир в восхищении.

— ...Сорок один... сорок... тридцать девять...

— Никогда нельзя было сказать, господин президент, что с моей страной что-то серьезно не так. Мы допустили некоторое количество глупых ошибок, а потом усугубили их из-за своего упрямства. Взять хоть ту же Стену. Какой смысл в Стене, которая не выполняет свою функцию? Вот я и сделала так, что ее снесли.

— Мадам, это был самый творческий ваш политический ход! Без этого проявления веры мы с вами никогда бы не заключили наше Соглашение о взаимном сотрудничестве. И не состоялась бы еще дюжина крупных начинаний, которые мы затеяли в его рамках. И вот это вот все. Мы бы с вами здесь не сидели.

— Да. Никаких больше нелегальных иммигрантов, зато есть вот это вот все. Господин президент, я до сих пор не понимаю, как луч света может поднять на орбиту космический корабль.

— Я тоже, госпожа президент, я тоже. Но я верю вашим инженерам.

— И я, но меня это пугает.

— ...Пятнадцать... двунациональная солнечная энергосфера на резервном питании... девять... восемь...

— Ой! А можете поддержать меня за руку. Пожалуйста!

— ...Четыре!.. три!.. два!.. один!.. СВЕТ!

Тысяча человек разом вздохнули, а потом голос, словно бы доносившийся отовсюду, тихо и с трепетным благоговением произнес:

— Глядите, как шпарит, чертяка!

— ...Прямоком из поселения О'Нила¹, сектор-пять. Сегодня у нас прекрасный денек. Здесь всегда все прекрасно, но сегодня у нас счастливейшая из фиест. Малышке Ариэль Хенсон Джонс, первому рожденному в космосе ребенку, исполняется год. Тут собрались ее бабушки и дедушки — все четверо. Бабушка и дедушка по отцовской линии прибыли из Утопии, сектор-четыре, через комплекс Луна-Сити, чтобы присутствовать здесь в этот знаменательный день. Никому не говорите, но мне тут птичка на хвосте принесла, попугайчик, что одна из бабушек Ариэль снова беременна. Которая — не скажу. Но это прекрасные новости лично для всех нас, обитающих в небесах, потому что, если это правда (а я вас уверю, что правда), налицо еще один весьма важный факт в быстро растущем списке показателей, свидетельствующих, что молодость во всех ее проявлениях заметно продлевается просто-напросто из-за жизни в невесомости. Поправка: в условиях незначительного ускорения на оболочке нашего поселения... но можно в любое время заняться спортом в невесомости возле оси.

Вы тоже можете попробовать. Этот выпуск новостей спонсирует торговая палата поселения О'Нила. Мы рады

¹ Колония О'Нила (О'Нилла) — один из планов по освоению космоса, предложенный американским физиком Джерардом О'Нилом (1927–1992). Поселение О'Нила должно было состоять из двух огромных цилиндров, вращающихся в противоположные стороны, искусственная гравитация возникала бы за счет центробежной силы.

гостям. Вы ничего еще не видели на свете, если ни разу не катались на световом луче. Это самый дешевый из когда-либо изобретенных способов переправиться на тысячу километров, дешевле как минимум в сотню раз... и к тому же весьма удобный, даже в первые несколько секунд, ведь теперь установлены гидравлические кресла. И вы еще ничего не видели на свете, если не смотрели наш балет в невесомости! Думаете, в Лас-Вегасе умеют устраивать шоу? Вот посмотрите сначала на кориолисов танец с факелами — тогда и говорите. А как воздействует невесомость на бюст у женщин с пятидесятым размером! Это, я вам скажу, зрелище! А если вы азартный игрок, мы с удовольствием приберем ваши денежки — у нас имеются совершенно новые игры, не хуже, чем в Монте-Карло или Атлантик-Сити. Узнайте в своем туристическом агентстве о доступных турах.

А может, не просто тур? Доля в поселении стоит дешевле, чем дом в крупном городе внизу. А если вы еще молоды, здоровы и обладаете определенными нужными нам умениями, то сможете при переезде на небеса получить спонсорскую помощь. Позвоните в наше бюро по трудоустройству и узнайте подробности — расценки на связь те же, что и для звонков из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Ой! Чуть не забыл: требуется знание промышленного испанглийского, плюс дополнительное очко за любой другой иностранный язык...

И так могло бы на самом деле быть — как в этой утопии. Как говорила госпожа президент, нельзя сказать, что с нашей страной или с нашим миром что-то непоправимо не так, — просто накопились в ужасном количестве глупые ошибки, которые можно исправить при помощи здравого смысла и желания.

Здесь живет множество здоровых и умных людей, владеющих разнообразными полезными навыками, ремеслами и профессиями. У нас большая прекрасная страна, все еще без переизбытка населения и пока еще с настоящим, реальным благосостоянием — да, на бумаге мы

банкроты, но это всегда можно исправить — настоящим богатством, волей и трудом. На самом деле быть счастливыми и богатеть гораздо проще, чем катиться под откос. Есть столько факторов в пользу этой страны, что потребуется много усилий вкупе с упрямством и заблуждением, чтобы ее сгубить. Это нелегко.

А пока далеко не уходите. Осталось еще множество священных коров, которых я не пнул, но собираюсь... в один прекрасный день. Так что, если меня не собьет такси, пока я, опираясь на палочку, глазею на молоденьких девиц, я к вам еще вернусь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора. <i>Перевод С. В. Голд</i>	7
Предисловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	11
ЛИНИЯ ЖИЗНИ. Рассказ. <i>Перевод А. Дмитриева</i>	12
Предисловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	38
УСПЕШНАЯ ОПЕРАЦИЯ. Рассказ. <i>Перевод С. Трофимова</i> . .	38
Предисловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	44
ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН. Рассказ <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	45
Послесловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	105
Предисловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	107
НИКУДЫШНОЕ РЕШЕНИЕ. Рассказ <i>Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	110
Предисловие. <i>Перевод А. Петрушиной</i>	171
КОНЕЦ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. Статья. <i>Перевод А. Петрушиной</i>	173
ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ КАК УЦЕЛЕТЬ В АТОМНУЮ ЭПОХУ. Статья. <i>Перевод А. Петрушиной</i> . . .	189
МАННА НЕБЕСНАЯ. Статья. <i>Перевод А. Петрушиной</i>	200
Предисловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	206
ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С ЗЕРКАЛАМИ. Рассказ <i>Перевод С. Трофимова</i>	207
Предисловие. <i>Перевод С. В. Голд</i>	234
СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ. Рассказ. <i>Перевод М. Левина</i>	235

Предисловие. Перевод С. Трофимова	266
ОРКЕСТР МОЛЧАЛ, И ФЛАГИ НЕ ВЗЛЕТАЛИ... Рассказ.	
Перевод С. Трофимова	266
Предисловие. Перевод С. В. Голд	272
ЕЕ СОБСТВЕННАЯ ВАННАЯ. Рассказ. Перевод И. Гуровой...	273
Предисловие. Перевод С. Трофимова	299
НА СКЛОНАХ ВЕЗУВИЯ. Рассказ. Перевод С. Трофимова ...	299
Предисловие. Перевод А. Петрушиной	309
НА ЛУНЕ БЕЗ ПРОИСШЕСТВИЙ. Рассказ.	
Перевод А. Петрушиной	310
ЯЩИК ПАНДОРЫ. Статья. Перевод А. Волнова	345
КУДА ИДЕМ? Статья. Перевод А. Волнова	353
Предисловие. Перевод С. В. Голд	397
КЛИФФ И КАЛОРИИ. Рассказ. Перевод И. Гуровой	399
Послесловие. Перевод С. В. Голд	412
Предисловие. Перевод А. Петрушиной	416
ЛАЗЕРНЫЕ ПУШКИ И РАКЕТНЫЕ КОРАБЛИ. Статья.	
Перевод А. Петрушиной	416
Послесловие. Перевод А. Петрушиной	422
Предисловие. Перевод А. Петрушиной	423
НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. Статья.	
Перевод А. Петрушиной	423
Предисловие. Перевод А. Петрушиной	430
КТО ПОДХВАТИТ ЗНАМЯ ПАТРИКА ГЕНРИ? Статья.	
Перевод. А. Петрушиной	432
Послесловие. Перевод А. Петрушиной	440
Предисловие. Перевод А. Волнова	447
«PRAVDA» ЗНАЧИТ «ПРАВДА».	
Статья. Перевод А. Волнова	449
Предисловие. Перевод А. Волнова	462
«ИНТУРИСТ» ИЗНУТРИ. Статья. Перевод А. Волнова	464
Послесловие. Перевод А. Волнова	484
Предисловие. Перевод С. В. Голд	491
ПОИСКОВЫЙ ЛУЧ. Рассказ. Перевод Г. Корчагина	492
Послесловие. Перевод С. В. Голд	496

Предисловие. <i>Перевод А. Петрушиной</i>	503
ПОЛЬЗА ПАТРИОТИЗМА. <i>Статья</i> <i>Перевод А. Петрушиной</i>	503
ПОЛЬ ДИРАК, АНТИМАТЕРИЯ И ВЫ. <i>Статья.</i> <i>Перевод А. Петрушиной</i>	515
Послесловие. <i>Перевод А. Петрушиной</i>	528
БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ. <i>Статья. Перевод А. Петрушиной</i> ..	532
ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ. <i>Статья. Перевод А. Петрушиной</i> ..	538
Послесловие. <i>Перевод А. Петрушиной</i>	551
Предисловие. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	552
СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ. <i>Статья. Перевод Д. Кальницкой</i>	552

Хайнлайн Р.

Х 15 Расширенная Вселенная : рассказы, статьи / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. А. Волнова, С. В. Голд, И. Гуровой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 640 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-15852-8

«Расширенная Вселенная» Роберта Э. Хайнлайна — это не только фантастическая сторона его творчества, это видение мира будущего зоркими глазами провидца, человека, предостерегающего человечество от безумных действий и непоправимых решений, болеющего за нашу планету, за зеленые холмы Земли, о которых пел слепой бард в знаменитом рассказе. Сборник объединяет и художественные произведения, и мысли по поводу, и заметки о долгом литературном пути писателя.

«Я надеюсь, — пишет в предисловии автор, — эта моя книга вам придется по сердцу. Выдумка в ней видна явно, правда — вроде бы как правдива (насколько я мог себе это позволить), а зияющие по тексту пробелы я заполнил разными пустяками, чередующимися между понятиями „назидательность“ и „бредовость“».

Мы тоже надеемся вместе с автором, что книга вам придется по сердцу.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

РАСШИРЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редакторы Владимир Петров, Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.02.2020. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 33,6. Заказ № 1500/20.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

H-AFA-24257-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

«Расширенная Вселенная» Роберта Э. Хайнлайна — это не только фантастическая сторона его творчества, это видение мира будущего зоркими глазами провидца, человека, предостерегающего человечество от безумных действий и непоправимых решений, болеющего за нашу планету, за зеленые холмы Земли, о которых пел слепой бард в знаменитом рассказе.

Сборник объединяет и художественные произведения, и мысли по поводу, и заметки о долгом литературном пути писателя.

«Я надеюсь, — пишет в предисловии автор, — эта моя книга вам придется по сердцу. Выдумка в ней видна явно, правда — вроде бы как правдива (насколько я мог себе это позволить), а зияющие по тексту пробелы я заполнил разными пустяками, чередующимися между понятиями „назидательность“ и „бредовость“».

Мы тоже надеемся вместе с автором, что книга вам придется по сердцу.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

